Москва, Ермолаевская Садовая, 175.
Петербургъ, кн. маг. И. Н. Глазунова.

РУССКІЙ АРХИВЪ

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ.

1883

1.

Стр.

1. Письма **Жуковскаго** къ ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ НИКОЛАЕВИЧУ. Часть первая (1832—1839), съ предисловіемъ и поясненіями.
2. Воспоминанія **А. П. Бутенева.** 1812 и 1813 годы 5
3. Три донесенія **А. П. Бутенева** графу Нессельроде по Египетскому дѣлу 1832 и 1833 61
4. Письма **М. П. Погодина** къ С. П. Шевыреву. 1839—1861. (Шафарикъ.—Бенардаки.—Бодянскій. — Библіотека Моля. — Первые шаги „Москвитянина".—Погодинъ въ Даніи и у Берлинскихъ профессоровъ.—Хомяковъ. — Увольненіе крестьянъ. — Участіе митрополита Филарета. — Три вечера въ Петербургѣ.—Чичеринъ и Герценъ. — Записки А. В. Зименки. — Шевыревъ за границею). Съ объясненіями **Н. П. Барсукова** 77
5. Записки графини **Н. Н. Мордвиновой** . . 145
6. Въ память В. А. Золотова. **Старушки изъ степи** 200
7. Къ біографіи Жуковскаго. (Письма его матери и родныхъ) 207
8. Письмо **графа В. Д. Олсуфьева** къ митрополиту Филарету (о Кремлевскомъ колоколѣ) 1855 216
9. Записочки **митрополита Филарета** къ Е. П. Глазовой 217
10. Изъ памятныхъ замѣтокъ **П. М. Голенищева-Кутузова-Толстаго.** (О Третьемъ Отдѣленіи) 221

Приложена: Переписка Кристина съ княжной Туркестановой. 1817 годъ (Генварь—Мартъ).

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (М. Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ.
1883.

Библиотека "Руниверс"

Въ Конторѣ Русскаго Архива (Москва, Ермолаевская Садовая, домъ 175-й) продаются

СОЧИНЕНІЯ А. С. ХОМЯКОВА.

НОВОЕ ИЗДАНІЕ.

Томъ первый: статьи политическаго содержанія.

Томъ второй: статьи богословскаго содержанія, полный безъ пропусковъ текстъ съ предисловіемъ *Ю. Ѳ. Самарина* и съ гравированнымъ портретомъ автора.

Томъ третій: Записки о всемірной исторіи.

Цѣна каждому тому ТРИ рубля съ пересылкою.

Стихотворенія А. С. Хомякова. Новое изданіе. Ц. 30 к.

*

ВЫШЛА XXVII КНИГА

АРХИВА КНЯЗЯ ВОРОНЦОВА.

Цѣна **3** рубля.

XXVIII КНИГА АРХИВА КНЯЗЯ ВОРОНЦОВА ПЕЧАТАЕТСЯ.

Русскій Архивъ 1874 года (два большихъ тома съ гравированными на стали портретами князя Одоевскаго и поэта Тютчева) продается по **6** рублей, съ пересылкою по **7** рублей.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры четырехъ годовыхъ изданій (1877—1880) **Русскаго Архива** (каждый годъ по три книги) можно получать по ПЯТИ рублей за годъ съ пересылкою по ШЕСТИ рублей.

ГЛАВНѢЙШІЯ СТАТЬИ.

1877 годъ.

КНИГА ПЕРВАЯ 1877. Записки **Г. С. Винскаго.**

Біографія канцлера князя Безбородки.

Бумаги контръ-адмирала **Истомина.**

Взятіе Карса въ 1828 году. Изъ Записокъ **Н. Н. Муравьева-Карскаго.**

Очерки и воспоминанія **князя П. А. Вяземскаго.**

Старая Записная Книжка. **Его же.**

Записки оберъ-камергера **графа Рибопьера.**

КНИГА ВТОРАЯ 1877. Записки **графа Гордта** о Россіи при Елисаветѣ Петровнѣ и Петрѣ III-мъ.

Записки **графа А. И. Рибопьера** (царствованія Александра и Николая Павловичей).

Авдотья Петровна Елагина, біографическій очеркъ.

Разсказы объ адмиралѣ Лазаревѣ.

Н. И. Второвъ, біографическая статья **М. Ѳ. Де-Пуле.**

Самаринъ-ополченецъ, воспоминанія **В. Д. Давыдова.**

Историческіе разсказы, анекдоты и мелочи **Толычовой.**

КНИГА ТРЕТЬЯ 1877. Записки Французскаго короля **Людовика XVIII-го** объ его жизни въ Россіи.

Записки декабриста **Н. И. Фаленберга.**

Депеши князя Алексѣя Борисовича Куракина изъ Парижа въ 1810 году.

Записки **М. А. Дмитріева-Мамонова.**

Записки о Турецкой войнѣ 1828 и 1829 г. **В. М. Еропкина и И. Г. Поливанова.**

Библиотека "Руниверс"

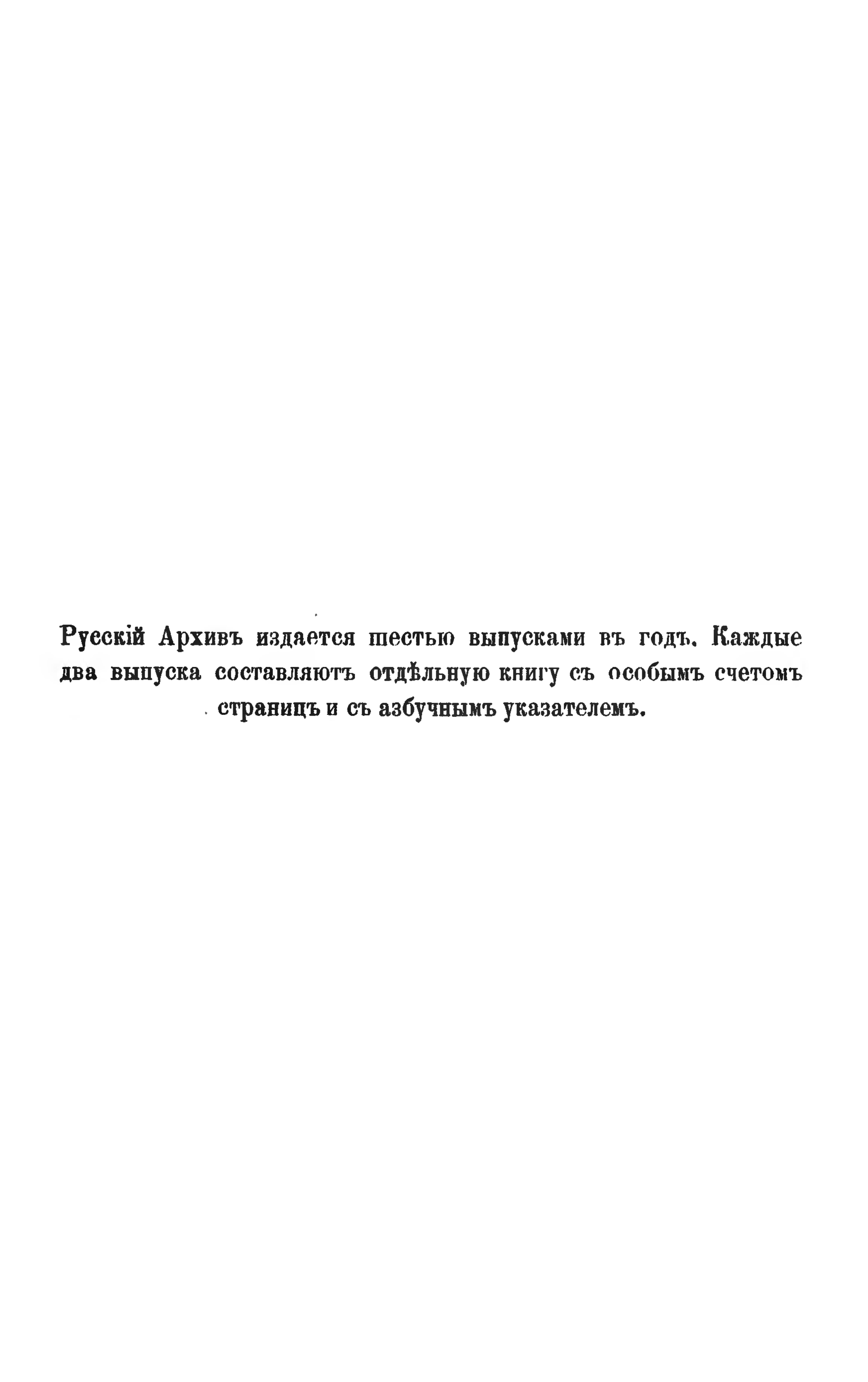
РУССКІЙ АРХИВЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ.

1883.

1.

Библиотека "Руниверс"

Русскій Архивъ издается шестью выпусками въ годъ. Каждые два выпуска составляютъ отдѣльную книгу съ особымъ счетомъ страницъ и съ азбучнымъ указателемъ.

Библиотека "Руниверс"

РУССКІЙ АРХИВЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

Петромъ Бартеневымъ.

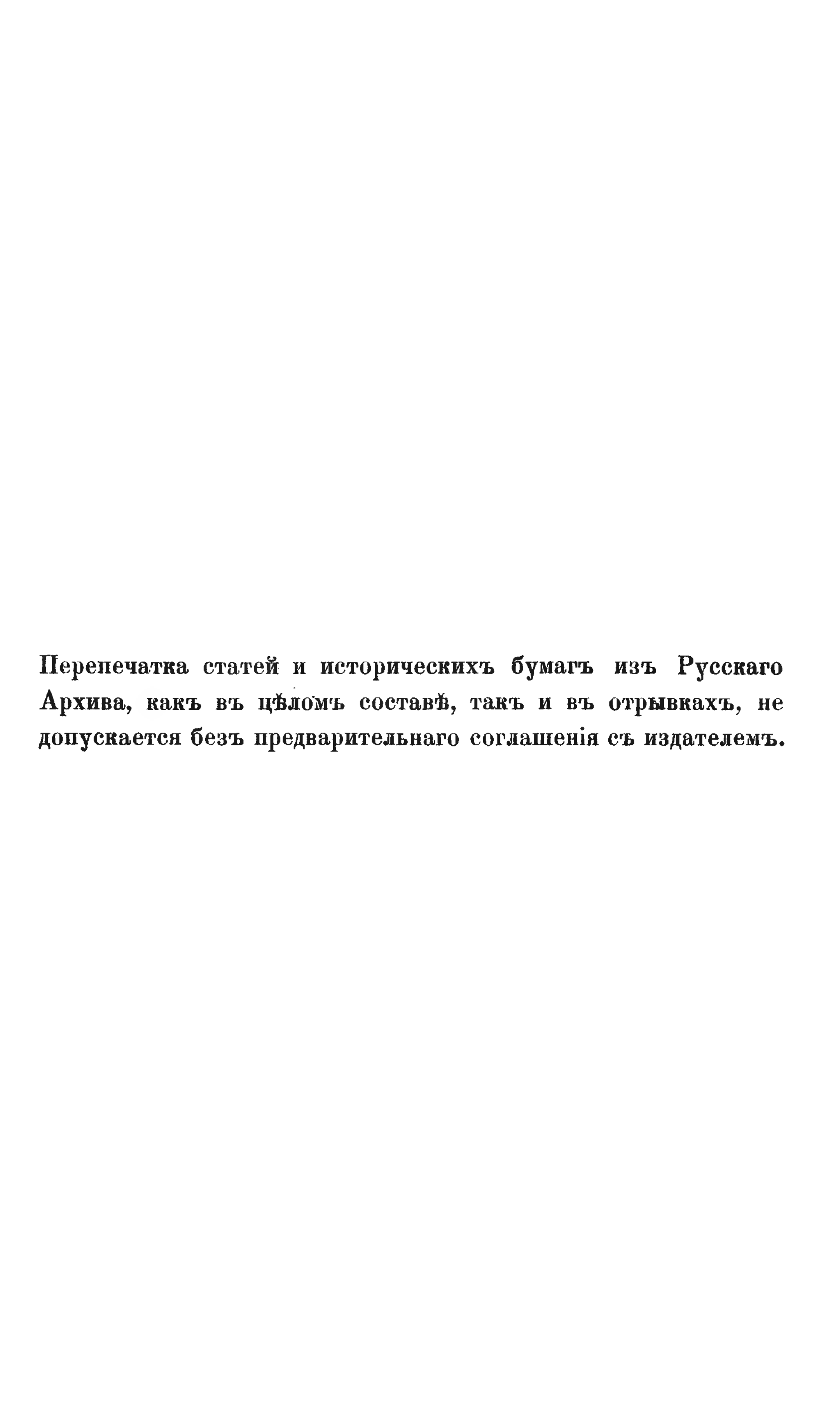
ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ.

1883.

КНИГА ПЕРВАЯ.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (М. Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ.
1883.

Библиотека "Руниверс"

Перепечатка статей и историческихъ бумагъ изъ Русскаго Архива, какъ въ цѣломъ составѣ, такъ и въ отрывкахъ, не допускается безъ предварительнаго соглашенія съ издателемъ.

Библиотека "Руниверс"

ПИСЬМА В. А. ЖУКОВСКАГО КЪ ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ НИКОЛАЕВИЧУ.

(Въ бытность Его Наслѣдникомъ-Цесаревичемъ).

Печатаются съ Высочайшаго соизволенія.

Начинаемъ третье десятилѣтіе нашего историческаго сборника именами покойнаго Государя и Его наставника, именами незабвенными для Русскихъ людей, дорогими Русскому сердцу и составляющими одно изъ лучшихъ достояній не только Русской жизни, но и всего человѣчества: въ исторіи не встрѣчается отношеній между ученикомъ и наставникомъ болѣе чистыхъ и возвышенныхъ, нежели какія были между Александромъ Николаевичемъ и В. А. Жуковскимъ. Случайныя письменныя свидѣтельства этихъ отношеній, нижеслѣдующія письма Жуковскаго, представляются намъ въ видѣ драгоцѣнныхъ останковъ нашего славнаго прошедшаго: къ нимъ относишься съ чувствомъ, похожимъ на то, какое испытывается при входѣ въ комнату, гдѣ лежитъ покойникъ.

Жуковскій приблизился къ Русскому Царскому дому, благодаря покойной императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, которая, въ выборѣ людей, руководилась завѣтомъ своей державной свекрови, начертавшей (на экземплярѣ Фенелонова «Телемака») слѣдующія золотыя слова: «Отыскивайте истинное достоинство, хотя бы оно было на краю свѣта; по большей части оно скромно и прячется. Оно не выдается изъ толпы, не жадничаетъ, не толкается впередъ; ему не почемъ, когда объ немъ забываютъ. Довѣряйтесь лишь такимъ людямъ, у которыхъ достанетъ духу, въ случаѣ надобности, противорѣчить вамъ и для которыхъ ваше доброе имя дороже вашей къ нимъ благосклонности» (Р. Архивъ 1863, 938).

Ратникъ Московскаго ополченія 1812 года, Жуковскій, послѣ войны, предпочиталъ оставаться въ деревенской глуши, или «Бѣлева мирнымъ жителемъ» и долго отказывался отъ предложенія Государыни быть при ней лекторомъ. Настойчивыя требованія Нелединскаго и Тургенева и желаніе быть поближе къ Дерпту (куда пере-

Библиотека "Руниверс"

селилась родная ему семья) одержали побѣду надъ его скромностью и любовью къ независимости. Вскорѣ Государыня поручила ему преподавать Русскій языкъ великой княгинѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ. Государь Александръ Павловичъ зналъ про Жуковскаго отъ Карамзина. Позднѣе Жуковскій подружился съ наставницей своей ученицы, г-жею Вильдерметъ, которая также могла содѣйствовать его назначенію въ класные наставники къ шестилѣтнему Великому Князю Александру Николаевичу.

Онъ и опредѣлился, собственно говоря, только такъ называемымъ «инспекторомъ классовъ». Будь онъ человѣкъ заурядный, все дѣло ограничилось бы тѣмъ, что въ извѣстный часъ за нимъ пріѣзжала бы придворная карета, онъ сносился бы съ учителями, велъ журналъ ученія, просиживалъ бы за уроками и, отбывъ условленные часы, уѣзжалъ домой. Но Жуковскому, еслибы даже поручили умственное образованіе обыкновеннаго ребенка, то онъ отнесся бы къ этой обязанности съ любовью и усердіемъ. Тутъ же ему ввѣрялась надежда Россіи, и труды его были неутомимы и всесторонни. Два раза (1826 и 1832 года) онъ заработывался до полнаго истощенія силъ, и врачи усылали его лѣчиться за границею, гдѣ также его досуги посвящены были собиранію свѣдѣній и пособій по главному дѣлу его жизни. У Жуковскаго прекрасное слово не рознилось съ дѣломъ, и жизнь его была также чиста и безупречна, какъ его поэзія. Мягкій и добросердечный, онъ, въ случаѣ надобности, бывалъ твердъ и настойчивъ даже и передъ Николаемъ Павловичемъ, который отвѣчалъ ему за то сердечнымъ уваженіемъ. Отъ этого державный Ученикъ его получилъ образованіе, какое рѣдко встрѣчается въ Исторіи. Почтенныя имена многочисленныхъ Его учителей и наставниковъ сохранятся въ памяти потомства; но надъ всѣми ними возвышается свѣтлая, прекрасная личность чистаго сердцемъ, твердаго въ своемъ долгѣ, любезнаго всѣмъ, Русскаго поэта Жуковскаго.

Заключимъ четверостишіемъ Хомякова, обращеннымъ къ Жуковскому въ послѣдній его пріѣздъ въ Москву (1840):

За пѣсенъ вдохновенныхъ сладость,
За вѣчно-свѣжій вашъ вѣнецъ,
За вашу славу, нашу радость,
Спасибо вамъ, родной пѣвецъ!

Россія никогда не позабудетъ великой словесной и воспитательной заслуги Жуковскаго.

П. Б.

Библиотека "Руниверс"

I.

Безъ числа. Писано, вѣроятно, послѣ выдержаннаго экзамена, до 1832 года.

Поздравляю васъ отъ всего сердца, мой милый великій князь съ милостію Государя—и васъ, и Карла Карловича, и себя самаго. Вамъ весело было получить награду, а намъ весело, что вы ее заслужили. Какъ мнѣ пріятно начинать съ вами по прежнему трудиться! Я теперь вижу, что труды наши не напрасны что впередъ еще пойдетъ лучше, нежели теперь. Обнимаю васъ и Карла Карловича.

Жуковскій.

*

Воспитатель покойнаго Государя, Карлъ Карловичъ Мердеръ, ротный командиръ въ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ (въ то время когда эта школа находилась въ личномъ завѣдываніи великаго князя Николая Павловича), род. въ 1788 году, учился въ Сухопутномъ Шляхетномъ Корпусѣ, отличился въ сраженіи подъ Аустерлицомъ. Онъ былъ сынъ Француженки Летелье и женатъ на Англичанкѣ Гоксфордъ. Еще при Александрѣ Павловичѣ, 8-го Іюля 1824 года, онъ опредѣленъ былъ воспитателемъ къ его царственному, тогда 6-ти лѣтнему, племяннику, единственной въ то время отрасли царскаго дома, которою обезпечивалось престолонаслѣдіе. Въ теченіи девяти лѣтъ Мердеръ образцово исполнялъ свою обязанность. Въ Мартѣ 1833 года онъ посланъ былъ лѣчиться за границу и 24 Марта 1834 года скончался въ Римѣ. Онъ былъ другомъ протоіерея Павскаго и Жуковскаго, который говоритъ, что главными свойствами Мердера были: „Отмѣнно-здравый умъ, рѣдкое добродушіе и живая чувствительность, соединенные съ холодною твердостью воли и неизмѣннымъ спокойствіемъ души". П. Б.

Библиотека "Руниверс"

II.

Любекъ, 24 Іюня (6 Іюля) (1832). Пятница.

Вчера, въ 3 часа пополудни, пріѣхалъ я въ Травемюнде, мой милый великій князь. Наше путешествіе продолжалось всего на все 24 часа. Было всего по немногу, и холоду, и бури, и яснаго времени, и другихъ пріятностей морскаго путешествія. Не было только лѣтней теплоты, которой нѣтъ и теперь: въ Любекѣ такъ же холодно, какъ на берегахъ Финскаго залива. Гдѣ-то встрѣчу я настоящее лѣто! Оно будетъ мнѣ очень нужно въ Эмсѣ.

Первое лицо, которое узналъ я на берегу Траве, причаливая къ нему съ пароходомъ, была m-me Crighton: это меня порадовало, какъ доброе предзнаменованіе *). Наше же прощаніе съ вами, мой безцѣнный великій князь, на берегу родной Невы, оставило на душѣ моей сладкое чувство, которое долго, долго отзывалось въ ней какъ утѣшительная попутная музыка; эту музыку слышу и теперь. Пишу немного, только для того, чтобы засвидѣтельствовать передъ вами собственноручно, что я живъ, что жадное море не проглотило меня, хотя и страшно разѣвало свои челюсти подъ моимъ пароходомъ, и что наконецъ я чувствую себя нѣсколько лучше и смѣло отправляюсь въ дальнѣйшій путь отыскивать прочнаго здоровья, которое мнѣ столь нужно, знаете сами, для кого и для чего. Думалъ ли я недѣли за двѣ передъ симъ, что буду это къ вамъ писать изъ Любека? Такъ и быть! За то черезъ годъ еще живѣе буду чувствовать счастіе быть съ вами и снова жить для васъ.

Посмотримъ что-то теперь скажетъ мнѣ холера. Съ моремъ я сладилъ; но холера бродитъ всюду: таится инкогнито здѣсь въ Любекѣ, гдѣ крадетъ пока очень понемногу, явно гуляетъ по улицамъ Гамбурга и во всей Голштиніи; но въ Мекленбургѣ ея нѣтъ. Говорятъ, однако, что она возвратилась въ Берлинъ, въ Вѣну и силь-

*) Г-жа Крейтонъ, вѣроятно супруга извѣстнаго врача. Намъ непонятно, почему встрѣча съ нею была добрымъ предзнаменованіемъ. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

нѣе свирѣпствуетъ въ Парижѣ. И такъ, если холера вездѣ, то ея нѣтъ нигдѣ, и весьма безразсудно ея бояться. Я и не боюсь, а смѣло ѣду впередъ, куда назначено; остальное хранящему Богу!

Черезъ недѣлю буду въ Эмсѣ. Изъ Русскихъ мужескаго пола были со мною Викулинъ и Тургеневъ [1]) Первый ѣдетъ черезъ Гамбургъ въ Лондонъ. Тургеневу одна дорога со мною только до Ганновера, откуда онъ пускается въ Зальцбургъ, а я въ Эмсъ. Въ Эмсѣ пробуду до конца Августа. Какъ устрою дальнѣйшую судьбу моего года, о томъ увѣдомлю васъ изъ Эмса.

Простите, мой милый великій князь; сохраните во всякой часъ своей жизни свое прекрасное сердце, а въ немъ будетъ мѣсто и мнѣ. По условію пишите ко мнѣ: это дастъ великую силу Эмскимъ водамъ. Прошу васъ обнять за меня Карла Карловича и моихъ милыхъ друзей, Вьельгорскаго и Паткуля [2]). Вьельгорскаго особенно прошу писать ко мнѣ; я обѣщался отвѣчать ему. Приложенное письмецо отдайте его отцу. Прошу васъ также, скажите мой дружескій поклонъ всѣмъ нашимъ добрымъ сотрудникамъ, которыхъ прошу сохранить обо мнѣ воспоминаніе. Господину Жиллю [3]) особенно скажите, что его теща, г-жа Бульмерингъ, съ которою я разстался въ Любекѣ, чувствуетъ себя нѣсколько лучше отъ путешествія. Онъ обѣщалъ ко мнѣ писать; надѣюсь, что онъ сдержитъ слово. Простите, простите, милая моя душа; сохрани васъ Богъ для всѣхъ насъ!

Вашъ Жуковскій.

Приношу глубочайшее всеподданническое почтеніе Ихъ Императорскимъ Величествамъ. Не имѣю словъ, чтобъ выразить чувство благодарности за ту милость, какою Государь и Государыня, можно сказать, благословили меня на дальнюю дорогу.

---

[1]) Сергѣй Алексѣевичъ Викулинъ, гвардейскій офицеръ большихъ дарованій, рано умершій вслѣдствіе умственнаго разстройства. У насъ имѣется нѣсколько писемъ къ нему В. А. Жуковскаго, переданныхъ въ Р. Архивъ его братомъ Иваномъ Алексѣевичемъ. Во время извѣстнаго путешествія по Россіи, въ 1837 году, Александръ Николаевичъ провелъ нѣсколько часовъ въ Задонскомъ помѣстьи Викулиныхъ.

Тургеневъ—товарищъ по воспитанію и другъ Жуковскаго, извѣстный Александръ Ивановичъ. П. Б.

[2]) Соучениковъ покойнаго Государя. П. Б.

[3]) Флоріанъ Антоновичъ Жилль, преподаватель Французскаго языка и географіи. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

III.

25 Іюля (6 Августа) 1832. Эмсъ.

Пользуюсь отъѣздомъ князя Волконскаго, чтобы написать къ вамъ нѣсколько строкъ, мой милый великій князь. Вы уже получили отъ меня письмо изъ Любека и знаете, что я не утонулъ и вышелъ безопасно на берегъ; теперь скажу вамъ, что я кончилъ бо́льшую половину лѣченія въ Эмсѣ. Пью каждое утро по пяти стакановъ воды (это весьма немного: есть охотники, которые пьютъ по двѣнадцати) и каждый вечеръ купаюсь въ ваннѣ. Не могу сказать, чтобъ чувствовалъ себя рѣшительно лучше: этого *здѣсь* и ожидать не могу, ибо воды дѣйствуютъ только исподоволь, и настоящее дѣйствіе ихъ должно оказаться зимою; но вообще силы мои возвращаются: лицо мое уже не того желто-сафьяннаго цвѣта, которымъ я щеголялъ въ Петербургѣ; есть уже краска въ щекахъ. Только все не могу ходить, какъ бы желалъ; взойду на лѣстницу: біеніе сердца; а о прогулкахъ по горамъ и думать нечего. Но для этого у меня есть прекрасный оселъ, котораго я нанялъ на все время моего пребыванія въ Эмсѣ; зовутъ его Blondchen *). По этому нѣжному имени можете вы себѣ вообразить, что онъ красавецъ, и это правда: красивѣе его нѣтъ во всемъ Эмсѣ. И я, сидя на немъ, могъ бы легко возгордиться; но удары, которые достаются ему отъ толстой палки проводника и которые очень громко отзываются, напоминаютъ мнѣ часто, что Blondchen истинный оселъ. Я однако сохраню ему благодарность: по его милости былъ уже я на всѣхъ здѣшнихъ высокихъ горахъ, что́ будетъ вамъ описано подробно, такъ какъ и все путешествіе мое до Эмса, впрочемъ небогатое происшествіями. Примите теперешнее письмо мое за простое предисловіе. До сихъ поръ не собрался еще написать къ вамъ большаго, и этому причиною здѣшняя жизнь, которая дѣлаетъ человѣка какою-то подвижною машиною: не думаешь ни о какомъ другомъ дѣлѣ кромѣ заботы о своемъ тѣлѣ. Я же съ своей стороны рѣшился слѣдовать педантски докторскимъ предписаніямъ: не велятъ сидѣть дома, велятъ какъ можно болѣе ходить. По утру хожу, чтобы пить воды; потомъ, позавтракавъ, хожу, чтобы ходить; обѣдъ въ часъ; послѣ обѣда, чтобы не заснуть (что́ здѣсь весьма строго запрещено) таскаюсь, по ви-

*) Бѣлокурый.

Библиотека "Руниверс"

зитамъ; потомъ на осла, и путешествіе по окрестностямъ, для котораго у меня есть здѣсь добрый товарищъ, Ренненкампфъ (извѣстный очень е. в. принцу Ольденбургскому и г. Липману); потомъ въ ванну, потомъ на постель. Такъ оканчивается день. Веселостей въ Эмсѣ нѣтъ никакихъ; въ Петербургѣ я до нихъ не охотникъ, но здѣсь безъ занятій были бы онѣ не лишнія. Вообще въ обществѣ здѣшнемъ (хотя оно и весьма многолюдно) нѣтъ никакого соединенія: всѣ живутъ порознь, по квартирамъ; ни у кого нѣтъ собраній; видаются на прогулкѣ, въ саду, который не стóитъ этого имени, ибо въ немъ нѣтъ тѣни въ солнечное время и защиты въ ненастное. Я уже со многими успѣлъ дружески познакомиться и навсегда вѣроятно разстаться.

Эмская жизнь въ маломъ представляетъ настоящую жизнь: безпрестанная смѣна; и кто проживетъ здѣсь долго, тотъ подъ конецъ останется въ толпѣ какъ въ пустынѣ: всѣ, кого онъ успѣлъ узнать, исчезли, и чужія незнакомыя лица отвсюду его окружаютъ; наконецъ, и самъ онъ сходитъ со сцены. Хорошо еще, если дорога *прямо на родину*; но мнѣ еще долго должно будетъ, прежде нежели попаду на милую родину, постранствовать на чужбинѣ.

Здѣсь было довольно Русскихъ. Уѣхали: графъ Витгенштейнъ съ дѣтьми и съ гробомъ дочери, которую онъ здѣсь потерялъ и которую мы здѣсь погребали съ горестнымъ участіемъ; Бехтѣевъ и графъ Мантейфель. Остались здѣсь и, кажется, всѣ разъѣдутся *послѣ* меня: графъ Болеславъ Потоцкій съ своею любезною женою (мы живемъ стѣна объ стѣну), князь Андрей Голицынъ съ женою, генералъ Граббе, генералъ Полозовъ и нѣкоторые другіе. Князь Волконскій, который доставитъ вамъ это письмо, пріѣхалъ вчера и ѣдетъ нынче. Мое лѣченье кончится въ Эмсѣ дней черезъ десять; по окончаніи онаго напишу къ вамъ подробнѣе и доставлю свой адресъ. Гдѣ долженъ буду основаться на зиму, еще не знаю; вѣроятно въ Неаполѣ. Изъ Эмса поѣду въ Швальбахъ для употребленія крѣпительныхъ ваннъ; изъ Швальбаха въ Веве, на берега Женевскаго озера для винограднаго лѣченія. Вотъ что̀ покамѣстъ знаю о своемъ будущемъ: о дальнѣйшемъ увѣдомлю васъ, какъ скоро оно опредѣлится.

Простите, мой милый великій князь. По газетамъ знаю, что вы здоровы, ибо въ нихъ описывается ваше вступленіе съ кадетами въ Петергофъ; знаю также, что и великія княжны возвратились. Надѣюсь однако получить письмо отъ васъ еще въ Эмсѣ. Прошу васъ обнять

Библиотека "Руниверс"

Карла Карловича; надѣюсь, что онъ будетъ писать ко мнѣ. Мои письма для *всѣхъ васъ вообще*, ибо не нужно писать объ одномъ и томъ же нѣсколько писемъ; но отъ него письма будутъ для меня большимъ утѣшеніемъ: на чужѣ голосъ съ родины имѣетъ неизъяснимую прелесть. Обнимаю Вьельгорскаго и Паткуля. Скажите первому, что я здѣсь познакомился съ его любезными двоюродными сестрами: одна графиня Гогенталь, урожденная Биронъ, а другая принцесса Антуанета Биронъ *); онѣ отправились въ Вирцбургъ нарочно для того, чтобы увидѣться и познакомиться съ графинею Вьельгорскою.

Еще разъ обнимаю васъ отъ всего сердца. Сохрани васъ Богъ для вашего и нашего счастія.

Жуковскій.

Сію минуту входитъ ко мнѣ мой Өедоръ и приноситъ ваше письмо. Я прочиталъ его съ истинною радостію и снова тысячу разъ обнимаю васъ за все то чтó вы пишете ко мнѣ и чтó прямо принимаю въ сердце.

*) Мать молодаго графа Вьельгорскаго была родная внука Курляндскаго герцога Бирона. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

IV.

Франкфуртъ на Майнѣ, 1832. 26 Августа (7 Сентября).

Пользуюсь отъѣздомъ Нордина, который скоро надѣется быть въ Петербургѣ, чтобы написать къ вамъ, мой милый великій князь. Вы уже получили теперь мое второе письмо, отправленное къ вамъ съ княземъ Волконскимъ и знаете изъ него, что мое леченіе идетъ довольно успѣшно. Вотъ вамъ краткое описаніе его дальнѣйшихъ слѣдствій.

Въ Эмсѣ пробылъ я всего на всего три недѣли съ половиною, взялъ до 20 ваннъ, изъ коихъ 9 были съ душами, и долженъ былъ кончить, дабы *большимъ* числомъ не разстроить добра, которое было мнѣ сдѣлано *первыми*. Мнѣ велѣли ѣхать въ Вейльбахъ пить сѣрныя воды. Вейльбахъ—маленькое мѣстечко, на самой дорогѣ изъ Майнца во Франкфуртъ; нѣтъ покойнаго дома для житья. Это меня испугало, ибо я привыкъ къ покойной жизни въ Эмсѣ, гдѣ у меня были двѣ просторныя, большія комнаты и гдѣ я былъ въ двухъ шагахъ отъ ваннъ и источника. Въ Вейльбахѣ же источникъ находится съ версту отъ самой деревни. И я рѣшился было поселиться въ Висбаденѣ и пить воду изъ кружекъ или кувшиновъ, кои могли быть два или три раза въ недѣлю доставляемы изъ Вейльбаха, находящагося въ трехъ часахъ ѣзды отъ Висбадена. Но все устроилось иначе.

Изъ Эмса отправился я черезъ Кобленцъ по Рейну до Бингена; первое, для того, чтобы полюбоваться еще разъ древнимъ Рейномъ, его утесами, старинными замками и зеленымъ потокомъ; второе, чтобъ навѣстить принца Фридриха въ его замкѣ Рейнштейнѣ, который изъ живописныхъ развалинъ обратился теперь въ настоящій рыцарскій замокъ. Я провелъ у принца очень пріятный вечеръ и тутъ же узналъ, что Эмскія воды сдѣлали мнѣ дѣйствительную пользу. Замокъ стоитъ на крутомъ утесѣ (такъ что трудно понять, какъ могъ онъ быть построенъ); до подошвы замка надобно взбираться по дорогѣ, идущей зигзаками, и такихъ зигзаковъ четырнадцать; потомъ еще крутая лѣстница ведетъ въ замокъ. Что же? Я, который предъ отъѣздомъ изъ Петербурга, не могъ взойти на нѣсколько ступеней не задохнувшись,

Библиотека "Руниверс"

прошелъ всѣ 14 zigzak почти не останавливаясь. Принца не было дома; время было прекрасное, но уже начинало солнце прятаться за утесы. Чтобы воспользоваться остаткомъ дня и полюбоваться Рейномъ, я, не отдохнувши нисколько, полѣзъ по лѣстницамъ, осмотрѣлъ весь зàмокъ и усѣлся на платформѣ, на самомъ верху главной башни, окутавшись въ плащъ и дождался возвращенія принца, который съ гостями катался въ шлюбкѣ по Рейну. И такъ на самомъ опытѣ и самымъ пріятнымъ образомъ убѣдился я, что силы мои отчасти возвратились и что мнѣ только остается *утвердить на долго* то, чтò теперь приведено *только въ порядокъ*. Съ принцемъ пріѣхалъ одинъ мой знакомецъ, баронъ Цвирманъ съ женою и дочерью. Онъ пригласилъ меня заѣхать къ нему на другой день по дорогѣ въ Гейссенгеймъ (въ Рейнгау). Просидѣвъ у принца до поздней ночи, отправился я ночевать въ Бингенъ и взглянулъ мимоѣздомъ на Гатонову башню (Mausthurm), недавно прославленную мною въ балладѣ, которая вамъ извѣстна. У Цвирмана, въ Гейссенгеймѣ, я завтракалъ и видѣлъ богатое собраніе древнихъ живописныхъ стеколъ. Между тѣмъ онъ оказалъ мнѣ важную услугу: нашелъ хорошую квартиру въ Висбаденѣ (чтò не бездѣлица, ибо Висбаденъ былъ набитъ пріѣзжими) и въ тоже время убѣдилъ не оставаться въ Висбаденѣ, а ѣхать въ Вейльбахъ и пить воду прямо изъ источника, гдѣ она имѣетъ тройную силу.

Висбаденъ пріятное мѣсто, тамъ много всякаго рода удовольствій: общество, театръ, библіотека, живописныя окрестности; но я подумалъ, что путешествую не для удовольствія, а для излеченія и рѣшился закопаться въ скучной деревушкѣ Вейльбахѣ, чтобы пить здоровье изъ груди самой природы. Признаюсь, на всѣ эти источники я смотрѣлъ съ особеннымъ чувствомъ благодарности къ ихъ Создателю. Передъ глазами у меня изъ глубины земли, изъ какого-то невѣдомаго нѣдра ея, льется ручей; одинъ дымится, другой просто вытекаетъ чистымъ ключемъ, и тысячи приходятъ къ этимъ ключамъ съ надеждою на спасеніе, и надежда ихъ не обманываетъ. На землѣ много бѣдъ, но противъ этихъ бѣдъ вездѣ указаны средства хранящимъ Провидѣніемъ. Оно говоритъ человѣку: въ Моей *природѣ* найдешь лекарство отъ страданій тѣлесныхъ; во *Мнѣ* найдешь лекарство отъ страданій душевныхъ; *пріидите ко Мнѣ вси труждающіеся*. Какой трогательный, сладкій голосъ! И онъ слышится вездѣ и во всякое время.

Я былъ награжденъ за мое пожертвованіе: нашелъ въ Вейльбахѣ довольно порядочную квартиру, и въ это же время явился ко

Библиотека "Руниверс"

мнѣ мой добрый *Рейтернъ* съ женою и дочерью. Они поселились въ Вейльбахѣ вмѣстѣ со мною на все время моего пребыванія въ Вейльбахѣ. Оно прошло очень пріятно въ тѣсномъ дружескомъ кругѣ. Я выписалъ изъ Эмса своего осла Blondchen и всякое утро на немъ отправлялся къ источнику; и въ самомъ дѣлѣ, питье изъ этого источника было для меня животворно. Я пилъ по 10 стакановъ и во все время чувствовалъ необыкновенную въ себѣ легкость, какой давно, давно не чувствовалъ. Послѣ двухъ часовъ ходьбы и питья возвращался домой и отдыхалъ, читая книги, приготовляющія къ путешествію по Италіи. Въ часъ, вмѣстѣ съ Рейтерномъ и его семействомъ, обѣдалъ въ маленькомъ саду; послѣ обѣда, отдохнувъ, садился на Blondchen и разъѣзжалъ по большой дорогѣ, любуясь окрестностями (мѣсто, гдѣ Вейльбахъ, ровное, но возвышенное; съ одной стороны видны Таунусскія горы, Фельбергъ и Алткёнигъ, а съ другой Мелибокусъ и башни Франкфурта). Возвратясь съ прогулки, оставался я въ своей горницѣ, и тогда начиналось у насъ съ Рейтерномъ общее чтеніе до самаго отшествія ко сну; потомъ на подушку: сонъ до утра, и съ утра опять тоже, и это тоже продолжалось двѣ недѣли самымъ веселымъ и мирнымъ образомъ. Между тѣмъ Рейтернъ успѣлъ нарисовать мой портретъ чрезвычайно схожій; онъ нарисовалъ его для себя, другой нарисуетъ для меня, и вы его увидите.

Вотъ уже четыре дня какъ я оставилъ Вейльбахъ и теперь во Франкфуртѣ, гдѣ нашелъ письмо отъ m-me Wildermeth; *) она приглашаетъ меня къ себѣ въ Бернъ, гдѣ я и пробуду у нея съ недѣлю, проѣзжая въ Веве.

Вотъ вамъ краткій отчетъ о томъ, что̀ со мною было; подробное описаніе впереди. Завтра покидаю Франкфуртъ и 8 (20) Сентября надѣюсь быть въ Веве; надѣюсь также, что тамъ найду письмо отъ васъ. На всякій случай пишите ко мнѣ въ Веве (à Vevay en Suisse), или лучше: à m-r de Severin, à Bern, pour remettre à m-r de Joukoffsky. Если письмо ваше и не найдетъ меня въ Веве, то будетъ переслано, куда слѣдуетъ. Изъ Веве увѣдомлю васъ о планѣ моего путешествія и назначу вамъ куда писать ко мнѣ. Въ Веве пробуду три недѣли и оттуда черезъ Туринъ и Геную во Флоренцію, гдѣ думаю прожить мѣсяцъ, дабы послѣ, изъ Ливурны на пароходѣ, отправиться прямо въ Неаполь, изъ Неаполя въ Римъ, изъ Рима опять на пароходѣ въ Геную, дабы съ половины Мая (1833) быть опять въ Вейльбахѣ и потомъ двѣ недѣли сѣрной воды. Оттуда прямо къ вамъ.

---

*) Воспитательница покойной Государыни Александры Ѳеодоровны. *П. Б.*

Библиотека "Руниверс"

Такимъ образомъ въ концѣ Мая нашего стиля надѣюсь опять быть тамъ, гдѣ моя душа, мысли и настоящая жизнь; надѣюсь привезти здоровья хотя на три года, на три важнѣйшихъ года моей жизни и вашей. Эти три года посвятимъ вмѣстѣ тому, что̀ для насъ должно быть всего святѣе; потомъ..... потомъ я готовъ сказать съ благодарностію Создателю: *Нынѣ отпущаеши раба Твоего съ миромъ.*

И такъ простите. Напишу къ вамъ при отъѣздѣ изъ Веве. Рейтернъ ѣдетъ туда со мною и во все время останется тамъ; но въ Италію поѣду одинъ. Леченіе виноградомъ и зима въ Италіи, по сказанію докторовъ, довершатъ начатое Эмсомъ и Вейльбахомъ.

Простите, мой милый великій князь. Спѣшу; не знаю, застану ли Нордина, который нынче ѣдетъ. Обнимите нашего милаго друга Карла Карловича. Прошу васъ сказать мое почтеніе ихъ высочествамъ великимъ княжнамъ и напомнить обо мнѣ Юліи Ѳедоровнѣ, Шарлоттѣ Карловнѣ, Сарѣ Николаевнѣ, mademoiselle Halyday и Варварѣ Ивановнѣ. Всѣмъ нашимъ сотрудникамъ въ ученіи дружескій мой поклонъ. Вьельгорскаго и Паткуля цѣлую, а Вьельгорскому поручаю поцѣловать отца и дядю. Благослови васъ Богъ и сохрани для нашего счастія!

Жуковскій.

Прошу васъ быть изъяснителемъ моей глубочайшей благоговѣйной благодарности передъ Государемъ Императоромъ и Государынею Императрицею за милостивое воспоминаніе Ихъ Величествъ, о коемъ говорите вы въ вашемъ письмѣ. Если бы надобно было пожертвованіемъ жизни доказать мою къ нимъ любовь и благодарность, то это было бы для меня счастіемъ.

Это письмо вы получите вѣроятно позднѣе съ курьеромъ: я не засталъ Нордина; онъ уже уѣхалъ.

Библиотека "Руниверс"

V.

5 (17) Ноября (1832). Веве.

Я откладывалъ отвѣчать вамъ на ваше милое письмо, мой безцѣнный великій князь, потому что не зналъ еще навѣрное что̀ сказать вамъ о себѣ; но теперь не могу долѣе откладывать, не могу отказать себѣ въ удовольствіи поздравить васъ съ нашимъ общимъ счастіемъ. Вотъ уже цѣлый мѣсяцъ, какъ на душѣ моей лежало тяжкое бремя: я ждалъ съ необыкновеннымъ безпокойствомъ развязки, и отдаленіе, незнаніе того, что̀ дѣлается за нѣсколько тысячъ верстъ, невозможность получить скоро желаемую вѣсть, все это вмѣстѣ уничтожало покой душевный. Наконецъ, желаемая вѣсть пришла и принесла съ собою полное счастіе. Могу сравнить мое теперешнее положеніе съ состояніемъ выздоровленія послѣ опасной болѣзни: за нѣсколько времени все было мрачно, и настоящее, и будущее; теперь все сдѣлалось ясно, на душѣ тихо, кругомъ себя смотришь веселыми глазами, впереди нѣтъ тумана. Поздравляю васъ, милый другъ, поздравляю васъ вмѣстѣ со всѣми вашими; сожалѣю только объ одномъ, что меня не было съ вами въ эту благословенную минуту. Къ счастію, здѣсь я не одинъ: со мною Рейтернъ (котораго вы знаете), и такъ было съ кѣмъ раздѣлить свою радость, которая въ противномъ случаѣ отяготила бы душу. Я получилъ письмо изъ Франкфурта отъ Бехтѣева; онъ первый извѣстилъ меня о рожденіи великаго князя Михаила *). Черезъ часъ послѣ сего письма явился Сѣверинъ (нашъ министръ въ Швейцаріи), который пріѣхалъ изъ Женевы ко мнѣ; онъ отдалъ мнѣ письмо нашего почтеннаго Карла Карловича и объявилъ мнѣ, что на другой день явится въ Веве генералъ Лагарпъ **) для свиданія со мною и для празднованія

---

*) Его Императорское Высочество Великій Князь Михаилъ Николаевичъ родился 13 Октября 1832 года. Забота Жуковскаго относилась къ болѣзненному состоянію императрицы Александры Θеодоровны. П. Б.

**) Извѣстный воспитатель императора Александра Павловича. Ему было тогда 78 л. отъ роду († 1838). Онъ доживалъ свой вѣкъ Андреевскимъ кавалеромъ, получая большую Русскую пенсію, и нелюбимый согражданами, которые не могли простить ему жестокостей его управленія. Для исторіи педагогіи стоило бы сравнить обоихъ воспитателей. Лагарпъ сталъ извѣстенъ Екатеринѣ, потому что привезъ назадъ въ Россію Якова Дмитріевича Ланскаго, который велъ безпорядочную жизнь за границей и тѣмъ озабочивалъ своего брата, извѣстнаго Екатерининскаго любимца. Опредѣлившись учителемъ къ на-

Библиотека "Руниверс"

вмѣстѣ съ нами новаго счастія Россіи и императорскаго семейства. И такъ я провелъ эти первыя минуты радости вмѣстѣ съ людьми (и соотечественниками и чужими), кои чувствовали одно со мною, и одиночество, которое весьма обременительно и въ веселыя и въ печальныя минуты, не было нисколько для меня замѣтно.

Благодарю васъ, мой милый великій князь, за ваше письмо и за подробности, кои вы сообщаете мнѣ о ходѣ вашихъ занятій. Еще болѣе благодарю васъ за то, что̀ мнѣ пишетъ объ васъ Карлъ Карловичъ; онъ извѣщаетъ меня, что нашъ общій ненавистный врагъ, съ которымъ было такъ трудно бороться, врагъ, называемый *лѣнью*, почти побѣжденъ; что нашъ естественный, бодрый союзникъ, называемый *чувство должности*, болѣе и болѣе пріобрѣтаетъ силы, и что есть большая надежда, что мы, съ помощію этого союзника, наконецъ завоюемъ тотъ чудотворный талисманъ который поможетъ на предстоящей намъ дорогѣ безопасно пройти къ цѣли своей посреди всѣхъ чудовищей, кои будутъ насъ пугать и стараться сбить съ ногъ, талисманъ, называемый *нравственное достоинство*. Безъ аллегорій: у меня сердце поворотилось отъ радости, и слезы благодарности къ Богу наполнили мои глаза, когда я прочиталъ безцѣнныя строки Карла Карловича о васъ и о происшедшей въ васъ перемѣнѣ, мой безцѣнный, вѣрный другъ. Я увѣренъ, что, разъ пробудившись, вы не заснете.

Мы живемъ въ такое время, въ которое нужна *бодрость*, нужно твердое, ясное *знаніе своихъ обязанностей* и *правилъ*, помогающихъ исполнять оныя, правилъ, извлеченныхъ изъ вѣрнаго знанія того, что̀ *справедливо* и соединенныхъ съ живымъ стремленіемъ къ *общему благу*, внушаемымъ тою любовію, которую проповѣдуетъ намъ религія.

Вы уже въ такихъ лѣтахъ, что подобныя истины могутъ вамъ быть понятны; въ чистой душѣ вашей все готово принять ихъ, и она способна къ нимъ прилѣпиться. Помните только одно, что время летитъ и что потеря его невозвратна. Теперешнее ваше ученіе есть только собраніе матеріаловъ; надобно съ ними хорошо познакомиться;

шимъ великимъ князьямъ, онъ женился на дочери одного Петербургскаго банкира, и денежнымъ дѣламъ посвящалъ не мало своихъ досуговъ. Когда его, наконецъ, удалили, онъ отправился прямо во Францію и все время террора прожилъ въ дружбѣ съ яростными деспотами свободы. Обращенная въ Гельветическую республику Швейцарія увидѣла его во главѣ своего управленія съ Французскими солдатами, и была залита кровью. См. о немъ особую статью въ XXVII-й книгѣ „Архива Князя Воронцова“. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

но важная минута будетъ та, когда, собравъ эти матеріалы и составивъ изъ нихъ одно цѣлое, вы спросите у себя: чтò я долженъ дѣлать съ пріобрѣтеннымъ мною богатствомъ на томъ мѣстѣ, на которое поставилъ меня Богъ? Вся ваша жизнь будетъ зависѣть отъ того отвѣта, который вы сдѣлаете самому себѣ въ свое время на этотъ вопросъ.

И такъ теперь будемъ какъ можно прилежнѣе заниматься собираніемъ необходимыхъ матеріаловъ. Богъ поможетъ намъ найти довольно ясныхъ понятій въ умѣ своемъ, чтобъ послѣ отвѣчать какъ должно на рѣшительный вопросъ нашей жизни. Знайте только одно, что въ наше бурное время необходимѣе нежели когда нибудь, чтобы государи своею жизнію, своимъ нравственнымъ достоинствомъ, своею справедливостію, своею чистою любовію общаго блага были образцами на землѣ и стояли выше остальнаго міра. Нравственная сила непобѣдима; она въ душѣ государей хранитъ народы въ мирное время, спасаетъ ихъ во времена опасныя и во всякое время влечетъ ихъ къ тому, чтò назначилъ имъ Богъ, то есть къ вѣрному благу, неразлучному съ человѣческимъ достоинствомъ. *Толпа* можетъ имѣть силу *матеріальную*; но сила *нравственная* въ душѣ *государей*: ибо они могутъ быть дѣятельными представителями *справедливости* и *блага*.

Довольно. Изъ письма моего къ Карлу Карловичу узнàете о томъ, чтò дѣлается со мною и чтó я намѣренъ дѣлать. А я васъ прошу напомнить обо мнѣ ихъ высочествамъ великимъ княжнамъ и принести имъ отъ меня усердное поздравленіе мое съ общимъ нашимъ счастіемъ.

Жуковскій.

Библиотека "Руниверс"

VI.

1 Января 1833. Верне, близь Веве.

Обнимаю васъ отъ всего сердца, мой милый великій князь и поздравляю съ новымъ годомъ. Это слово *поздравляю*, выражающее что-то радостное и торжественное, въ отношеніи къ вамъ, имѣетъ полный буквальный смыслъ свой. Для всякаго, кто перешелъ за другую половину жизни, въ такомъ поздравленіи есть что-то *ироническое*: поздравлять съ новымъ годомъ есть тоже, чтó поздравлять съ окончаніемъ прошлаго, слѣдственно съ потерею. Для человѣка въ зрѣлыхъ лѣтахъ (который долженъ уже не *готовиться*, не *образоваться*, а *дѣйствовать*) нѣтъ будущаго, есть одно настоящее. А чтó такое настоящее? Быстро пролетающій мигъ. Оно пріобрѣтаетъ бытіе только въ прошедшемъ, когда ознаменовано бываетъ какимъ-нибудь дѣломъ, какимъ-нибудь чувствомъ или мыслію. *Дѣло* есть памятникъ земной жизни, *мысль* и *чувство* есть сокровище души, принадлежащее ей на все безконечное бытіе ея. Для старика поздравленіе съ новымъ годомъ есть меланхолическое напоминаніе о близкой разлукѣ съ жизнію; но въ этомъ напоминаніи есть много высокаго: указывая съ одной стороны на исчезающую здѣшнюю жизнь, оно переноситъ мысль въ иной, лучшій порядокъ вещей, въ иной міръ, въ иныя отношенія; изъ-за тумана земной жизни свѣтится жизнь безсмертная, настоящая цѣль бытія понятнѣе и ближе. Для меня нѣтъ ничего величественнѣе старика, богатаго прекрасными воспоминаніями; онъ похожъ на спокойнаго младенца съ тою только разницею, что младенецъ выходитъ изъ колыбели къ здѣшней жизни, а старикъ приближается ко гробу, который есть колыбель жизни безсмертной, и смерть въ такомъ смыслѣ не есть ли прекрасное рожденіе?

Но для васъ, мой милый великій князь, въ ваши лѣта, на границѣ между ребячествомъ и юношествомъ, поздравленіе съ новымъ годомъ имѣетъ смыслъ очаровательный. До сихъ поръ ваша жизнь имѣла характеръ младенческой *безпечности*; она была не иное что какъ веселое счастіе въ настоящемъ, безъ всякой заботы о прошедшемъ и будущемъ. Хотя и часто слыхали вы отъ меня о великомъ знаменованіи этого будущаго, но по своимъ лѣтамъ вы еще не могли совершенно постигать этого знаменованія. Теперь же оно должно быть для васъ понятно. Ваша жизнь получаетъ иной характеръ, характеръ *надежды*. Мы не знаемъ, какую судьбу приготовило вамъ Провидѣніе въ здѣшнемъ свѣтѣ; но это не главное. Случаи жизни принадлежатъ одному Богу; наша душа принадлежитъ Ему и намъ;

Библиотека "Руниверс"

отъ насъ зависитъ, чтобы наша душа посреди этихъ событій, посылаемыхъ намъ Создателемъ, сдѣлалась такою, какова она должна быть согласно со своимъ высокимъ происхожденіемъ и съ предназначенною ей цѣлію. И такъ поздравляю васъ съ новымъ годомъ, съ первымъ *годомъ надежды*. Будущее принадлежитъ вамъ, не то будущее, подъ коимъ обыкновенно разумѣютъ случаи жизни, но будущее души, то-есть все, чтó составляетъ истинную жизнь нашу: чистота и высокость мыслей, знаніе долга, дѣятельность для блага, смиреніе передъ Богомъ. Это будущее еще ваше, и новый годъ, какъ Божій вѣстникъ, говоритъ вамъ: иди впередъ; дорóга еще вся передъ тобою, и на ней можешь собрать много; но собирай неутомимо, ибо время безпечности миновалось, и время строгой отвѣтственности скоро наступитъ. Итакъ съ Богомъ впередъ! Вы уже теперь въ такихъ лѣтахъ, что можете знать *чего* вамъ должно желать; желайте только съ жаромъ и будьте постоянно тверды въ стремленіи къ своей цѣли.

Неуспѣхъ въ достиженіи этой цѣли можетъ произойти между прочимъ отъ двухъ причинъ: отъ *невѣжества въ своемъ дѣлѣ* и отъ излишней *довѣренности къ самому себѣ*. Чтобы не могло быть перваго, то-есть невѣжества, дорожите своимъ временемъ и будьте ревностны въ пріобрѣтеніи нужныхъ вамъ на вашемъ мѣстѣ свѣдѣній: не имѣя ихъ, будете дѣйствовать безъ правилъ, слѣдственно безъ основательности и часто со вредомъ. Отъ излишней *самонадѣянности* спасетъ васъ истинное смиреніе передъ Богомъ. Это смиреніе не есть ни суевѣрное богомольничество монаха, ни мечтательность мистика, но высокое, постоянное, свѣтлое чувство души, безпрестанно видящей себя въ присутствіи Бога, слѣдственно безпрестанно чувствующей и свою передъ Нимъ ничтожность, и свою подсудимость, но въ тоже время и свое высокое назначеніе и свою силу, заключенную въ Его неизмѣнномъ содѣйствіи.

Вотъ мысли, кои внушило мнѣ поздравленіе васъ съ новымъ годомъ. Прошу принять ихъ съ тѣмъ чувствомъ, съ коимъ я ихъ передаю вамъ. Сожалѣю только, что въ эту минуту принужденъ ихъ выражать на бумагѣ, слѣдственно не такъ какъ бы хотѣлось, и что въ заключеніе не могу вамъ подать руки и прижать васъ къ сердцу. Чтобы однако не совсѣмъ быть розно съ вами въ эту минуту, посылаю вамъ свой портретъ и не одинъ, а *три* портрета, нарисованные для васъ Рейтерномъ (съ которымъ живу теперь вмѣстѣ). Я позволилъ себѣ сдѣлать вамъ этотъ подарокъ, имѣя право думать, что онъ будетъ для васъ пріятенъ. (NB. Вы будете вѣроятно показывать мно-

Библиотека "Руниверс"

гимъ эти рисунки; дабы предохранить ихъ отъ порчи, наклеите всѣ три *тотчасъ по полученіи* на особенные картоны: это защититъ ихъ отъ прикосновенія рукъ).

Теперь скажу вамъ нѣсколько словъ о себѣ. Здоровье мое не въ дурномъ положеніи, но еще и не въ хорошемъ. Я остановился на одной точкѣ: не иду ни впередъ, ни назадъ. Радуюсь однако, что не поѣхалъ въ Италію, ибо тревожная жизнь путешественника безъ сомнѣнія много бы мнѣ повредила. О климатѣ Италіи сожалѣть не имѣю причины; мнѣ удалось поселиться въ самомъ тепломъ и здоровомъ уголкѣ Швейцаріи. Отъ Итальянской зимы я страдалъ бы гораздо болѣе, нежели отъ здѣшней, нежели даже отъ Русской: тамъ тепло подъ открытымъ небомъ, но въ домахъ мерзнутъ. Здѣсь же, гдѣ домà лучше устроены для зимняго времени, нѣтъ почти и признака зимы: снѣгъ лежитъ на высотахъ горъ; разъ только видѣлъ я его у себя подъ ногами; но, выпавъ по утру, онъ исчезъ къ вечеру, и теперь на дорогѣ пыль. До сихъ поръ еще не было болѣе одного градуса морозу; когда же покажется солнце, то оно грѣетъ какъ весеннее. Нѣтъ ни дождя, ни сырости; холоду столько, сколько нужно для избѣжанія грязи; розы цвѣтутъ на воздухѣ. Надѣюсь, что спокойная, порядочная жизнь, строгая діета, кротость климата и, наконецъ, весна сдѣлаютъ мнѣ столько добра, что, наконецъ, мнѣ будетъ возможно возвратиться къ вамъ къ желаемому сроку.

Настоящая моя болѣзнь есть мое удаленіе отъ святаго моего дѣла; между тѣмъ живу спокойно и дѣлаю все, что̀ отъ меня зависитъ, дабы дойти до своей цѣли: до выздоровленія. Живу такъ уединенно, что въ теченіи пятидесяти дней былъ только разъ въ обществѣ. Вѣроятно, что такое пустынничество навело бы, наконецъ, на меня мрачность и тоску; но я не совершенно одинъ: со мною живетъ Рейтернъ и все его семейство. Онъ усердно работаетъ, рисуя съ натуры, которая здѣсь представляетъ богатую пищу его кисти. Я занимаюсь своимъ дѣломъ. Съ пяти часовъ утра до четырехъ съ половиною по полудни (время нашего общаго обѣда) я работаю про себя; потомъ мы сходимся и вмѣстѣ читаемъ. Въ такомъ образѣ жизни много лекарственнаго. Правда, какъ путешественникъ, я не соберу для себя никакой пользы; я долженъ отказаться отъ всѣхъ заботъ наблюденія, не могу быть въ обществѣ, ибо оно отъ меня далеко и разстроило бы мой режимъ, если бы я вздумалъ искать его; не могу даже (по крайней мѣрѣ теперь) наслаждаться, какъ бы желалъ, красотами окружающей меня природы, ибо мнѣ вредно излишнее движеніе и еще нѣтъ силъ взбираться на горы, которыя здѣсь гораздо выше моей Петер-

Библиотека "Руниверс"

бургской лѣстницы *); за то гуляю много по ровной, прекрасной шоссе всякій день и во всякую погоду. Остальное время посвящено пріятному чтенію; но еще ни за какую работу, болѣе напрягающую умъ, не отваживаюсь приняться **).

Но довольно; отъ моей горной философіи и письмо мое сдѣлалось горою. Обнимаю васъ, мой милый великій князь; а вы обнимите за меня нашего друга Карла Карловича. Прошу васъ описать мнѣ вашъ Weihnachts-Baum; я очень думалъ о томъ, чтó у васъ дѣлается вечеромъ двадцать четвертаго Декабря.

Прошу васъ принести мое всеподданнѣйшее поздравленіе съ новымъ годомъ Государю Императору и Государынѣ Императрицѣ.

Приношу мое поздравленіе отъ всего сердца ихъ высочествамъ великимъ княжнамъ.

Вашъ навсегда Жуковскій.

---

*) Жуковскій жилъ въ Петербургѣ, въ прекрасномъ помѣщеніи, но на 3-мъ этажѣ, въ томъ отдѣленіи Зимняго Дворца, которое (по прежнему владѣльцу) называется Шепелевскимъ домомъ. П. Б.

**) То чтó слѣдуетъ далѣе въ этомъ письмѣ до словъ: „отъ моей горной философіи и письмо мое сдѣлалось горою“, уже напечатано въ Полномъ собраніи сочиненій Жуковскаго, Спб. 1878, V, 494—498. Жуковскій сравниваетъ образованіе природы съ образованіемъ человѣческаго общества. Онъ повторилъ эту мысль въ своей предсмертной поэмѣ „Агасѳеръ“:

И въ этотъ путь
Пошелъ я съ той границы, на которой
Міръ древній кончился, гдѣ на его
Могилѣ колыбель свою поставилъ
Новорожденный міръ. За сей границей,
Какъ великанскія, сквозь тонкій сумракъ
Разсвѣта смутно-зримыя громады
Снѣжноголовыхъ горъ, стоятъ минувшихъ
Вѣковъ видѣнія: остовы древнихъ
Имперій, какъ слои въ огромномъ тѣлѣ
Горъ первобытныхъ. . . . .

Библиотека "Руниверс"

VII.

Верне, близъ Веве, 20 Генваря (1 Февраля) 1833.

Вотъ и вы, мой безцѣнный великій князь, въ ваши лѣта, начиная только жить, должны были испытать что̀ такое несчастіе: зная ваше сердце, вполнѣ понимаю, что̀ вы должны теперь чувствовать, будучи принуждены на время отдалиться отъ вашего добраго, благодѣтельнаго друга, отъ вашего генія-хранителя *). Надѣясь на милость Божію, смѣю вѣрить, что этотъ тяжелый опытъ не будетъ продолжителенъ; но вы, при первомъ несчастіи жизни, научитесь же и достойнымъ образомъ переносить его. Вся наша жизнь есть не иное что, какъ безпрестанное стараніе сохранить наше достоинство въ опытахъ, посылаемыхъ намъ Провидѣніемъ. Эта наука вамъ нужнѣе, нежели кому нибудь, и вотъ случай доказать, что вы не даромъ имѣли такого друга въ вашемъ младенчествѣ, каковъ нашъ несравненный Карлъ Карловичъ. Вотъ случай воспользоваться всѣмъ тѣмъ добромъ, которымъ его любовь къ вамъ обогатила вашу душу. Если что нибудь можетъ ускорить зрѣлость вашего характера, то именно это несчастіе, слишкомъ рано (и надѣюсь не на долго) посланное вамъ Богомъ. До сихъ поръ, имѣвъ подлѣ себя столь надежнаго руководца, имѣвъ въ немъ, такъ сказать, олицетворенную должность передъ глазами своими, вы могли быть болѣе безпечны: во всякую минуту было подлѣ васъ сердце, въ которомъ все ваше откликалось, и доброе и худое; былъ голосъ, который тотчасъ или одобрялъ васъ или укорялъ, и въ обоихъ случаяхъ приносилъ вамъ пользу. Теперь это перемѣнилось: вы болѣе преданы самому себѣ (что̀ въ ваши лѣта опасная утрата), и вы теперь вдвое должны за самаго себя бодрствовать. Въ этомъ-то и состоитъ теперь главная ваша обязанность: этою бдительностью за самимъ собою сохраните вы и свое достоинство въ несчастіи, и въ тоже время вы докажите ею и всю благодарность за оказанное вамъ добро.

*) Говорится о болѣзни К. К. Мердера, потребовавшей его удаленія въ чужіе края, гдѣ онъ и скончался весною слѣдующаго года. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

Живите такъ, какъ будто бы не было съ вами никакой перемѣны, то есть, не забывайте ни минуты того, кто теперь не всегда съ вами вмѣстѣ; глядите на себя строгими глазами вашего вѣрнаго друга: это будетъ вамъ опытною наукою добродѣтели и въ тоже время облагородитъ еще болѣе ваше сердце благодарною любовью, коей выраженіе состоитъ не въ ласкахъ и. не въ дружескихъ словахъ, а въ согласіи души съ душею тѣхъ, кого мы любимъ, и въ дѣлахъ, достойныхъ одобренія ихъ, когда они подлѣ насъ, или возбуждающихъ сладкое объ нихъ воспоминаніе, когда они не съ нами. Примите этотъ совѣтъ отъ другаго истиннаго вашего друга и послѣдуйте ему.

То, чтó мнѣ пишутъ объ васъ и Карлъ Карловичъ, и всѣ другіе, увѣряетъ меня, что вы теперь способны послѣдовать такому совѣту. Не говорю о себѣ. Для меня величайшее несчастіе быть съ вами теперь розно; но я долженъ, не для себя, а для васъ, покориться тяжелой необходимости такой разлуки. Если бы могъ послѣдовать влеченію сердца, то немедленно поѣхалъ бы къ вамъ. Но я не могу рѣшиться привезти къ вамъ однѣ развалины самаго себя: мнѣ нуженъ запасъ силъ для нашего общаго дѣла. Мнѣ здѣсь нелегко, но дѣлать нечего. Стараюсь нести крестъ свой какъ долгъ велитъ; несите и вы, какъ должно, свой. Дай Богъ, чтобы я, достигнувъ теперешней свой цѣли, выздоровленія, нашелъ, возвратясь къ вамъ, что и вы приблизились къ своей, чего впрочемъ всѣмъ сердцемъ надѣюсь. Теперь же самая теплая молитва моя къ Богу есть та, чтобъ Онъ осчастливилъ насъ возстановленіемъ нашего общаго, безцѣннаго друга. Простите. Обнимаю васъ съ нѣжнѣйшею любовію, прося васъ сказать мое почтеніе ихъ высочествамъ великимъ княжнамъ. Обнимите Вьельгорскаго и Паткуля; въ письмѣ моемъ къ вамъ заключенъ совѣтъ и имъ.

Вашъ на всю жизнь

Жуковскій.

Библиотека "Руниверс"

VIII.

28 Марта (9 Апрѣля) 1833.
Верне, близъ Вевс.

Спѣшу написать вамъ нѣсколько строкъ, мой безцѣнный великій князь, чтобы увѣдомить васъ о томъ что̀ со мною дѣлается. Вы имѣете обо мнѣ извѣстіе: недѣли двѣ тому назадъ я писалъ къ Карлу Карловичу и г. Жиллю, потомъ писалъ и къ Государынѣ Императрицѣ *). Отъ васъ же давно не имѣю извѣстія, хотя и могъ бы уже его имѣть. Ваши экзамены должны быть теперь кончены, и я нетерпѣливо желаю знать о ихъ результатѣ. Надѣюсь, что Его Императорское Величество остался доволенъ нашими успѣхами; это величайшая для васъ и насъ награда. О себѣ скажу вамъ, что здоровье мое лучше, силы возвратились, что̀ могу приписать моему благоразумному, спокойному образу жизни въ продолженіе прошедшей зимы. Надѣюсь, что второй курсъ водъ, который начнется и кончится въ будущемъ Іюнѣ мѣсяцѣ, довершитъ мое изцѣленіе и что мнѣ возможно будетъ возвратиться къ вамъ въ теченіи Іюля. Остающимся мнѣ временемъ до Іюня хочу воспользоваться, чтобы бросить взглядъ на Италію. Благодаря пароходу, который три раза въ мѣсяцъ ходитъ изъ Марсели въ Неаполь, могу уже быть черезъ двѣ недѣли въ Неаполѣ или Римѣ; пробывъ тамъ также двѣ недѣли, возвращусь сюда, чтобы ѣхать къ водамъ и потомъ въ нашу благословенную Россію. Черезъ два дни отправляюсь отсюда въ Женеву, гдѣ буду 1 (13) Апрѣля; 2-го Апрѣля, въ Свѣтлое Воскресенье, отслушавъ Греческую обѣдню, пущусь съ благословеніемъ Божіимъ въ путь и около 18 Апрѣля буду въ Марсели. По возвращеніи моемъ сюда, около послѣднихъ чиселъ Мая (новаго стиля), напишу къ вамъ. Надѣюсь, что найду письма отъ васъ съ утѣшительными извѣстіями о экзаменѣ и о васъ.

Простите, мой милый великій князь; увѣдомьте, дошло ли до васъ мое большое письмо. Прошу васъ сказать мое почтеніе ихъ высочествамъ великимъ княжнамъ. Я писалъ къ ея высочеству Маріи Николаевнѣ; не знаю, получено ли ею это письмо. Скажите мой дружескій поклонъ А. А. Кавелину.

Вашъ на всю жизнь Жуковскій.

---

*) Письма Жуковскаго къ Государынѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ напечатаны въ Русскомъ Архивѣ 1873 и 1874 г. Они были сообщены самимъ покойнымъ Государемъ. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

IX.

Римъ, 9 (21) Мая (1833).

Хочу написать къ вамъ нѣсколько строкъ изъ Рима, мой милый великій князь. Изъ Рима! Вообразите сами, что̀ значитъ это слово. Но описывать ничего вамъ не стану; въ свое время получите вы отъ меня подробное описаніе моего путешествія. Теперь скажу вамъ только одно, что я, благодаря Бога, въ своемъ путешествіи не истратилъ того запаса здоровья, которое скопилъ въ продолженіи милой Швейцарской жизни, хотя усталости было много. Надѣюсь возвратиться въ Швейцарію и кончить свой другой курсъ леченія въ Эмсѣ такъ, какъ расположилъ; только возвращусь *десятью* днями позже, и вотъ какъ это случилось.

Я хотѣлъ пробыть въ Римѣ не болѣе четырехъ дней и ѣхать отсюда въ Чивитта-Веккію, дабы тамъ сѣсть на пароходъ и возвратиться прежней дорогою черезъ Марсель въ Веве и оттуда тотчасъ отправиться въ Эмсъ. Отъѣздъ мой назначенъ былъ вчера, то есть 20-го; вдругъ увѣдомляютъ меня, что пароходъ ѣдетъ изъ Неаполя не прежде какъ 21-го, и я отложилъ свою поѣздку на день для отдохновенія, ибо четыре дня въ Римѣ были весьма для меня трудные отъ жаровъ и отъ бездны того что̀ я здѣсь видѣлъ. Вышло на повѣрку, что это ошибка и что пароходъ поѣхалъ не 21-го, а 20-го. И такъ не могу его никоимъ образомъ поймать въ Чивитта-Веккіи и долженъ ждать слѣдующаго парохода, который отправляется черезъ 10 дней. Это мнѣ очень больно, ибо никакъ не хотѣлось бы жертвовать десятью днями; но дѣлать нечего. Отдохнувъ здѣсь три дня, что̀ для меня необходимо, отправлюсь сухимъ путемъ черезъ Флоренцію въ Ливурну и оттуда уже поѣду моремъ.

На мое счастіе Богъ привелъ сюда принца Ольденбургскаго. Истинно на мое счастіе, и вотъ почему. Не говорю уже о удовольствіи его видѣть и получить отъ него вѣсти объ васъ, мой безцѣнный другъ; но онъ привезъ съ собою для меня утѣшеніе и снялъ съ души бремя великой горести. Вообразите что случилось со мною: въ самую минуту отъѣзда изъ Неаполя получилъ я записку изъ министерства нашего, въ которой увѣдомляютъ меня—о чемъ бы вы думали?—не менѣе какъ о смерти Карла Карловича. Можете вообразить,

Библиотека "Руниверс"

каково мнѣ было! И четыре дня его не было для меня на свѣтѣ: я похоронилъ его въ сердцѣ. Но встрѣча съ принцемъ его воскресила. Игнатьевъ написалъ мнѣ письмо изъ Берлина, въ коемъ говоритъ, что ему гораздо лучше и что доктора ручаются за его поправленіе; я этому не смѣлъ вѣрить, хотя ошибка Неополитанскаго извѣстія была очевидна. Наконецъ, Берлинскія газеты довершили мое убѣжденіе: тамъ стоитъ, что онъ уже покинулъ Берлинъ и отправился въ Дрезденъ. Хотя было и великое для меня счастіе оживить для себя того, кто былъ уже для меня мертвый; но это счастіе куплено дорого. Будемъ надѣяться, что Богъ возвратитъ его нашей любви!

Я слышалъ отъ принца объ успѣшномъ окончаніи вашего экзамена и порадовался душевно. Нетерпѣливо желаю возвратиться, чтобы имѣть прямыя вѣсти объ васъ изъ вашихъ писемъ, кои безъ сомнѣнія найду въ Веве. А черезъ два-три мѣсяца, если Богъ благословитъ, къ окончанію вашихъ вакацій, буду съ вами, и начнемъ вмѣстѣ, съ новыми силами и съ новою ревностію свои труды, коихъ цѣль вы теперь вполнѣ понимаете.

Простите мой безцѣнный великій князь. Молю Бога, чтобы вы были здоровы, и чтобы Онъ помогъ вамъ продолжать быть такимъ, какимъ вы быть можете и должны. Для себя же ничего не желаю, какъ счастія быть свидѣтелемъ вашего заслуженнаго вами счастія.

Обнимите Вьельгорскаго и Паткуля и поклонитесь отъ меня всѣмъ нашимъ добрымъ сотрудникамъ. Особенно поручаю вамъ обнять за меня нашего А. А. Кавелина, къ коему буду писать по возвращеніи въ Швейцарію.

Благослови васъ Богъ! Мысленно прижимаю васъ къ сердцу.

Жуковскій.

Библиотека "Руниверс"

X.

1833, 7 (19) Іюня. Верне.

Вотъ уже четыре дня какъ я возвратился на берега Женевскаго озера, окончивъ мой путешествіе по Италіи, мой милый великій князь. Теперь не хочу вамъ описывать этого путешествія, весьма счастиваго, богатаго разнообразными впечатлѣніями, но слишкомъ быстраго. Надобно собраться съ мыслями; употреблю на это описаніе, если будетъ возможно, то время, которое мнѣ еще остается провести розно съ вами и посвятить довершенію моего лѣченія. Скоро отправлюсь изъ Швейцаріи въ Эмсъ. Когда? Назначить не могу, ибо главный, рѣшительный актъ моего лѣченія долженъ быть совершенъ здѣсь. Проѣздомъ надѣюсь посѣтить въ Баденѣ нашего безцѣннаго Карла Карловича, если онъ тамъ. Я имѣлъ отъ него только письмо изъ Берлина, писанное незадолго передъ его отъѣздомъ оттуда. Надѣюсь увидѣть и нашего любезнаго Жилля, объ отъѣздѣ котораго дня два тому назадъ узналъ изъ газетъ; онъ долженъ быть теперь уже въ Эмсѣ, куда къ нему напишу.

Мое здоровье въ хорошемъ положеніи; путешествіе сдѣлало ему добро; но теперь чувствую большую усталость, которая, надѣюсь, скоро пройдетъ. Однимъ словомъ, надѣюсь возвратиться къ вамъ съ порядочнымъ запасомъ здоровья, что́ дастъ мнѣ возможность посвятить вамъ всѣ силы жизни моей такъ, какъ я этого желаю. Въ этомъ заключено теперь все мое счастіе. При окончаніи письма моего не могу не попенять вамъ: я такъ радовался мыслію (возвращаясь въ свое Швейцарское уединеніе), что найду тамъ кучу писемъ отъ васъ, и не нашелъ ни одного. Вообразите, что съ самаго начала болѣзни Карла Карловича вы не написали ко мнѣ ни строки. Я изъяснилъ это (въ извиненіе ваше) ребячествомъ; но мнѣ было весьма, весьма грустно. Я писалъ къ вамъ изъ Рима; не знаю, получили ли вы письмо. День рожденія вашего я провелъ на дорогѣ, оттого къ вамъ и не писалъ, но мысленно былъ съ вами, и вы сами догадаетесь, чего желало вамъ мое сердце въ эту минуту. Благослови Богъ окончательный трудный шагъ, ведущій къ совершенному моему исцѣленію: онъ дастъ мнѣ средство пожить еще на свѣтѣ съ возможною пользою для васъ. Простите, мой милый; поручаю вамъ об-

Библиотека "Руниверс"

нять за меня нашего А. А. Кавелина, поблагодарить Вьельгорскаго за его письмо, поцѣловать Паткуля и поклониться отъ меня дружески вашимъ почтеннымъ учителямъ. Душа радуется при мысли, что скоро буду вмѣстѣ со всѣми вами. Черезъ нѣсколько дней исполнится ровно годъ, какъ я покинулъ Петербургъ. Въ половинѣ или въ исходѣ Августа надѣюсь быть на старомъ мѣстѣ, котораго не приведи Богъ опять покинуть до совершенія общаго нашего дѣла.

Прошу васъ принести мое всеподданнѣйшее почтеніе Ихъ Императорскимъ Величествамъ; напомните обо мнѣ ихъ высочествамъ великимъ княжнамъ; а ея высочество Марію Николаевну особенно благодарю за радость, которую она доставила мнѣ прелестнымъ письмомъ своимъ.

Будьте здоровы; обнимаю васъ отъ всего сердца.

Жуковскій.

14 (26) Іюня. Написавъ это письмо, я отложилъ его посылать къ вамъ, мой милый великій князь, и вотъ почему: важный рѣшительный актъ моего лѣченія, о коемъ я упоминалъ выше, состоялъ въ операціи. Она вчера сдѣлана, и счастливо; но я долженъ пролежать дней десять или пятнадцать въ постелѣ. Думаю, что ея слѣдствія будутъ рѣшительно для меня полезны, и очень радъ, что эта бѣда, наконецъ, свалилась съ плечь моихъ. Когда оправлюсь совсѣмъ, напишу къ вамъ; а теперь пока мысленно обнимаю васъ. Прошу васъ увѣдомить Арнта и Крейтона объ этомъ хирургическомъ событіи со мною: я дѣйствовалъ по ихъ совѣту, и имъ будетъ пріятно узнать, что все кончилось счастливо. Они получатъ отъ меня или письменное или словесное обо всемъ подробное донесеніе.

Простите, мой милый. Благослови васъ Богъ! Теперь весело думать, что еще, можетъ быть, буду годенъ для того, чтобы своею жизнію принести вамъ хотя малую пользу.

Библиотека "Руниверс"

XI.

14 (26) Іюля (1833 г.) Баденъ.

Пишу къ вамъ, мой милый великій князь, сидя за круглымъ столомъ въ гостинной Карла Карловича. Онъ спитъ послѣ своей утренней прогулки, а я пользуюсь этимъ временемъ, чтобы сказать вамъ нѣсколько словъ. Вотъ я на пути въ Петербургъ; много, много, черезъ мѣсяцъ надѣюсь васъ обнять и насладиться вполнѣ счастьемъ возвращенія въ милое отечество, къ вамъ и къ своему дѣлу. Мысль объ этомъ меня волнуетъ какъ лихорадка, и кажется все невѣроятно, что странствіе и одиночество мое, наконецъ, кончатся. Я выѣхалъ изъ Верне нѣсколько позже, нежели полагалъ: причина этому то, что мнѣ вмѣсто одной операціи сдѣлали двѣ, а это продержало меня долѣе желаемаго въ горизонтальномъ положеніи. Наконецъ, все что̀ надобно сдѣлано: докторъ увѣряетъ, что моя болѣзнь зарѣзана; вѣчная ей память, лишь бы только не воскресла.—Можете вообразить, какъ было мнѣ пріятно увидѣть нашего безцѣннаго Карла Карловича, особенно послѣ того, какъ меня заставили его похоронить въ Неаполѣ! Не знаю, что̀ удержало меня тогда написать къ вамъ; но каково бы вамъ было получить отъ меня письмо съ такимъ извѣстіемъ: бѣдѣ вѣришь съ удивительною легкостью и весьма трудно разувѣриться; я это испыталъ на себѣ. Хотя я и убѣдился *логически* въ Римѣ, что полученное мною извѣстіе ложно, но успокоился совершенно, только получивъ письмо отъ К. К. Завтра отсюда уѣзжаю. Предпочитаю ѣхать сухимъ путемъ, а не на пароходѣ. И такъ около половины Августа *стар. стиля* надѣюсь быть вмѣстѣ съ вами, если *NB* докторъ Коппъ, съ которымъ увижусь во Франкфуртѣ, не найдетъ для меня нужнымъ остановиться или въ Вейльбахѣ или въ Эмсѣ для питья водъ. Объ этомъ увѣдомлю васъ немедленно. А васъ прошу позаботиться о томъ, чтобы я могъ имѣть свою прежнюю комнату въ Царскомъ Селѣ и чтобы я не имѣлъ нужды бивакировать при своемъ пріѣздѣ. Эти заботы, я увѣренъ, не будутъ для васъ непріятны. А я, въ награду вамъ скажу, что нашелъ нашего К. К. гораздо лучше, нежели какъ ожидалъ: онъ блѣднѣе лицемъ, но не такъ худъ, какъ мнѣ сказывали. Я увѣренъ, что зима, проведенная въ совершенномъ покоѣ и вліяніе Итальянскаго климата его совершенно возстановятъ. Будемъ надѣяться. До свиданья.

Вашъ Жуковскій

Библиотека "Руниверс"

XII.

19 (31) Іюля 1833. Франкфуртъ на Майнѣ.

Я писалъ къ вамъ изъ Бадена, мой милый великій князь, гдѣ провелъ два пріятныхъ дня съ нашимъ другомъ Карломъ Карловичемъ. Оттуда надѣялся я ѣхать прямо въ Россію; но судьба въ видѣ доктора Коппа принудила меня еще на три недѣли отложить мое свиданье съ вами, столь нетерпѣливо ожидаемое. Онъ говоритъ, что мнѣ необходимо довершить леченіе свое ваннами въ Шлангенбадѣ, кои приведутъ въ окончательный порядокъ все то, что сдѣлали ванны прошлаго года, зима въ Швейцаріи, воздухъ Италіи и, наконецъ, двѣ операціи. Если бы я послушался себя, то все бы бросилъ и поскакалъ къ вамъ; но покориться желанію сердца не смѣю: это было бы противъ совѣсти, и я долженъ еще три недѣли отдаленія отъ васъ принести въ жертву своей главной обязанности, которая состоитъ въ томъ, чтобы возвратиться къ вамъ совершенно изцѣлившимся. Этого я и надѣюсь. Спѣшу теперь только увѣдомить васъ о новой остановкѣ. Изъ Шлангенбада, въ коемъ буду заключенъ на три недѣли, буду писать къ вамъ; употреблю это время на то, чтобы составить для васъ подобную реляцію моего быстраго путешествія по Италіи. Здѣсь во Франкфуртѣ я встрѣтился съ нашимъ любезнымъ Жиллемъ. Докторъ Коппъ, коего и онъ консюльтировалъ, утѣшилъ меня насчетъ его здоровья; ему теперь лучше, и воды Эмскія непремѣнно ему помогутъ, по свидѣтельству доктора. Нейндорфъ принесъ ему много пользы.—Вотъ пока вамъ все, что имѣлъ сказать о себѣ. Прошу васъ отдать прилагаемое письмо Аренту, а въ небытность его Крейтону. Обнимаю васъ отъ всего сердца.

Вашъ Жуковскій.

XIII.

Пушкина нѣтъ на свѣтѣ. Въ два часа и три четверти по полудни онъ кончилъ жизнь тихо, безъ страданія, точно угаснулъ.

Жуковскій.

(29 Января 1837 г.)

Библиотека "Руниверс"

XIV.

Посылаю вашему высочеству подарокъ въ день вашего ангела— стихи на праздникъ Бородинскій, Бородинскую пѣсню Бородинскому помѣщику. Праздникъ, данный войску Государемъ, былъ такъ поразителенъ, что я не могъ не тряхнуть стариною. Подъ стихами стоитъ 26-е число не даромъ: я началъ ихъ тотчасъ по возвращеніи изъ лагеря въ городокъ, кончилъ дорóгою и теперь бью вамъ ими челомъ. Прошу васъ поднести одинъ экземпляръ Государю Императору. Въ концѣ стиховъ моихъ нѣсколько выраженій взято изъ прекраснаго, сильнаго приказа, даннаго войску; тамъ, въ немногихъ словахъ, сказано болѣе, нежели во всѣхъ двадцати строфахъ моихъ. Я хотѣлъ описать и то, чтó видѣлъ прежде, и то, чтó видѣлъ теперь и притомъ помянуть о случившемся въ промежуткахъ Бородинской битвы и Бородинской годовщины. Но выразить величіе того зрѣлища, которое насъ всѣхъ поразило, никакіе стихи не могутъ: нельзя втѣснить въ слова той земли, политой Русской кровію, на которой мы и стопятидесятитысячная армія стояли и которая такъ краснорѣчиво говорила своимъ прахомъ—прахомъ славныхъ воиновъ—и въ минуту тишины повсемѣстной, въ минуту молебственнаго пѣнія, и въ минуту великаго слова: вѣчная память Царю Александру, и въ минуту того неслыханнаго *ура*, которое вдругъ, со всѣхъ сторонъ, такъ чудно загремѣло, какъ будто бы вся Россія поднялась и въ одинъ голосъ крикнула: *слава!* Какъ же не благодарить Государя за то, что онъ, питая въ царской душѣ своей чувства Русскаго, такъ горячо заботится о томъ, чтóбы оно и въ насъ разогрѣвалось.

Однимъ изъ самыхъ привлекательныхъ эпизодовъ этой чудной картины были израненные, безрукіе и безногіе, иные покрытые лохмотьями бѣдности, Бородинскіе инвалиды, которые сидѣли на подножіи памятника или, положивъ подлѣ себя свои костыли, отдыхали на гробѣ Багратіона. Нѣкоторые бѣдняки притащились издалека: кто пѣшкомъ, кто на телѣгѣ, чтобы увидѣть Царя на своемъ праздникѣ Бородинскаго боя. Признаюсь вамъ, мнѣ было жестоко больно, что ни одного изъ этихъ главныхъ героевъ дня я послѣ не встрѣтилъ за нашимъ обѣдомъ. Они, почетные гости этого пира, были забыты, воротятся съ горемъ на душѣ во свояси, и чтó скажетъ каж-

Библиотека "Руниверс"

дый въ сторонѣ своей о сдѣланномъ имъ пріемѣ, они, которые надѣялись принести въ свои бѣдные дома воспоминаніе сладкое, богатый запасъ для разсказовъ, и дѣтямъ и внукамъ? И кажется мнѣ справедливость бы требовала, что не одни теперь служащіе, но отставные *раненые* и *неимущіе* были включены въ число тѣхъ, кои, какъ я слышалъ, должны теперь получать то жалованье, которое въ эпоху Бородина они получали. Имъ-то оно и нужно, а ихъ такъ немного. Да что еслибы изъ чугунныхъ ядеръ, *найденныхъ на Бородинскомъ полѣ*, вылить медали съ изображеніемъ на одной сторонѣ Александрова лица и 26 Августа 1812 года, а на другой Бородинскаго памятника съ 26 Августа 1839 г. Да раздать бы эту медаль Бородинцамъ, напримѣръ на завтра, въ день вашего ангела, если нельзя успѣть, то въ Москвѣ, въ день заложенія храма, на парадѣ, раздать бы однѣ ленточки тѣмъ, кои будутъ на лицо съ обѣщаніемъ медали, и послѣ самыя медали разослать всѣмъ, гдѣ кто гнѣздится. Это было бы драгоцѣннѣйшимъ даромъ отъ того, кто такъ славно царствуетъ надъ новымъ поколѣніемъ, для тѣхъ, коихъ Богъ привелъ дожить до временъ его и кои участвовали въ славѣ поколѣнія прежняго.

Я съ вами разговорился: матерія богата; но вы будете читать письмо мое въ день вашего ангела. Вы сами мой добрый ангелъ и добрымъ ангеломъ для всѣхъ стоите у трона отцовскаго, и такъ я все выскажу что́ рвется изъ души моей въ эту минуту. Еще бы одно благое дѣло въ день Бородинскаго праздника: дѣло милосердія, прибавлю и царской признательности, этому дню столь приличное! Въ Бородинѣ дрался Коновницынъ, а Коновницынъ былъ честью Русскаго войска. Дочь его *) въ молодости лѣтъ выпила всю чашу горести за чужую вину; эта дочь умоляетъ Государя великодушнаго взглянуть съ благоволеніемъ на преступнаго мужа ея, который не жалѣлъ жизни въ сраженіи, чтобъ загладить вину свою и заслужить ту милость, которая уже была ему оказана по просьбѣ Наслѣдника Престола. Нарышкинъ представленъ за храбрость въ офицеры; быть можетъ, и рано еще получить ему эту награду; но день Бородинскій, день Бородинскій громко вопіетъ къ Царю: помяни милосердіемъ храбраго Коновницына!

Еще одно; но это уже къ Бородину не относится, а просто къ благостному сердцу нашего несравненнаго Государя, которое не разъ удалось мнѣ подсмотрѣть въ его прелестныя человѣческія минуты. Я

*) Елисавета Петровна, супруга декабриста Михаила Михаиловича Нарышкина. Жуковскій видѣлся съ ними въ Сибири, въ 1837 году, и по ходатайству Наслѣдника Нарышкинъ тогда же былъ опредѣленъ снова на службу рядовымъ на Кавказъ. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

видѣлъ въ Москвѣ Е. Ѳ. Муравьеву; ея положеніе на старости лѣтъ ужасно: оба сына, для которыхъ жила она, въ изгнаніи. Ни слова о ихъ преступленіи; но съ старшимъ сыномъ поѣхала въ Сибирь жена; онъ схоронилъ ее; на рукахъ его осталась дочь *); эта дочь чахнетъ: уже суровый климатъ имѣлъ на нее разрушительное вліяніе; только перемѣна климата на болѣе теплый можетъ спасти бѣдную жизнь младенца. Отецъ наказанъ изгнаніемъ, строгій законъ удовлетворенъ. Къ этому наказанію судьба прибавила другое, быть можетъ горшее: смерть жены, которая вся падаетъ на преступника-мужа. Вотъ уже два наказанія за одно преступленіе; но второе совершилось просто по волѣ судьбы: ничья другая воля не вмѣшивалась въ приговоръ ея. Теперь изгнаннику грозитъ наказаніе третье: смерть дочери, и уже не одна судьба, а съ нею и приговоръ Государя должны рѣшить, умереть ли этому младенцу или нѣтъ. Не могу повѣрить, чтобы Государь (еслибы онъ это зналъ), Государь, нѣжный отецъ своихъ дѣтей на тронѣ, могъ не войти въ чувства отца, который все отецъ, хотя и колодникъ. Не могу повѣрить, чтобы къ наказанію закона, вполнѣ справедливому, Государь прибавилъ бы другое, тогда какъ здѣсь идетъ дѣло просто о человѣчествѣ, и благость не была бы нисколько въ противорѣчіи съ строгостію правосудія. Муравьева, какъ я слышалъ, хочетъ просить великую княгиню Марію Николаевну о заступѣ за внучку ея предъ Государемъ Императоромъ, въ какую минуту! Когда великая княгиня сама готовится быть матерью. Это дѣло, безъ сомнѣнія, не дошло еще до свѣдѣнія Государя въ настоящихъ обстоятельствахъ. Поручаю его вамъ въ день вашего ангела.

Дѣлайте изъ письма моего что́ хотите: если найдете нужнымъ, покажите его Государю Императору. Я знаю, что онъ, хотя бы и не согласенъ со мною, одобритъ тотъ языкъ, которымъ говорю съ вами.

Мое государственное дѣло съ вами кончилось; но дѣло личное, дѣло нашей взаимной любви, которое началось отъ вашего младенчества и такъ постоянно продолжалось до этой минуты, кончится только съ моею жизнію. Вѣрность моя вамъ должна теперь состоять въ томъ, чтобы я безъ оглядки передавалъ вамъ тѣ чувства и мысли, кои будутъ мнѣ казаться правдою. Другой дани приносить вамъ не могу; но эта дань святая. Знаю, что ваше сердце моему родное, что мое всегда найдетъ въ вашемъ отголосокъ. И въ этомъ-то чистомъ сношеніи любви и правды будетъ отнынѣ моя связь съ Наслѣдникомъ Престола. Ни къ кому изъ постороннихъ не можете вы имѣть того отношенія, какое имѣете ко мнѣ: оно просто человѣ-

*) Софья Никитична, нынѣ вдова М. Л. Бибикова. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

ческое. Не бойтесь съ моей стороны никакой излишней короткости; у меня на это вѣрное чувство; но границы, отдѣляющія отъ васъ другихъ, не могутъ и не должны быть моими границами: я къ вамъ ближе не по чину, а по всему нашему прошедшему, налагающему на васъ такія обязанности ко мнѣ, которыхъ вы ни къ кому имѣть не можете и отъ которыхъ и высокій санъ васъ не избавляетъ. И чѣмъ болѣе—и наединѣ, и въ присутствіи другихъ—будетъ нѣжности и внимательности отъ васъ ко мнѣ, тѣмъ болѣе возвыситесь вы и въ самомъ себѣ, и во мнѣніи другихъ. Это не будетъ уступкою ненарушимыхъ правъ вашего сана, это будетъ высокое достоинство человѣка; а человѣкъ во всякомъ санѣ есть главное. Не знаю, почему все это сказалось въ эту минуту; но я могу говорить съ вами о себѣ, какъ о третьемъ лицѣ, и надѣюсь, что вы въ томъ что́ сказано мною теперь не найдете ничего похожаго на самохвальную взыскательность. Но довольно.

Обнимаю васъ всѣмъ сердцемъ въ день вашего ангела, и для меня будетъ великимъ счастіемъ, если этотъ ангелъ, нѣкогда ангелъ-хранитель всей Россіи, благословитъ успѣхомъ тѣ желанія, которыя позволилъ я себѣ такъ искренно выразить въ письмѣ своемъ. Я еще могъ бы относительно себя переговорить съ вами о многомъ, но это до поры до времени. Я еще въ Москвѣ и жду Мойера *), котораго уже надѣялся найти въ ней. И такъ я могъ бы остаться въ Бородинѣ для вашего праздника; но если бы остался, то моя Бородинская пѣсня не поспѣла бы во время. И такъ поздравляю васъ заочно. Чего добраго, можетъ случиться, что вы еще застанете меня въ Москвѣ.

Жуковскій.

29 Августа 1839.

Прошу ваше высочество представить одинъ экземпляръ стиховъ моихъ государю великому князю Михаилу Павловичу. Теперь сбираюсь писать къ ея высочеству Маріи Николаевнѣ. Праздникъ нашъ былъ такъ чуденъ, что мнѣ и въ прозѣ объ немъ поговорить хочется.

*) Ивана Филиповича Мойера, бывшаго ректора Дерптскаго университета, супруга въ то время уже скончавшейся племянницы Жуковскаго Марьи Андреевны (ур. Протасовой). Онъ пріѣзжалъ въ Москву повидаться съ Жуковскимъ. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

ВОСПОМИНАНІЯ АПОЛИНАРІЯ ПЕТРОВИЧА БУТЕНЕВА.

Первая часть этихъ Воспоминаній напечатана въ Русскомъ Архивѣ 1881 года. Правдивость, наблюдательность, благородство изложенія, осторожность въ сужденіи о лицахъ и событіяхъ оцѣнены читателями, которые полюбили въ авторѣ одного изъ лучшихъ Русскихъ людей нынѣшняго столѣтія. Къ сожалѣнію, А. П. Бутеневъ довелъ свой разсказъ только до 1814 года, и лишь въ краткомъ перечнѣ передалъ дальнѣйшія событія своей жизни и своей службы. Разсчитывая пополнить этотъ пробѣлъ разсказами близкихъ къ нему лицъ, мы откладывали печатаніе второй половины его Воспоминаній, и все еще надѣемся сообщить читателямъ *Воспоминанія объ А. П. Бутеневѣ*. Но пока эти воспоминанія еще не готовы, помѣщаемъ окончаніе того, что̀ написано имъ самимъ. Въ видѣ приложенія приводятся три образчика его дипломатическихъ депешъ по Египетскому дѣлу 1832 года. Депеши эти печатаются въ Высочайшаго разрѣшенія Государя Императора и доставлены намъ просвѣщеннымъ посредствомъ г-на министра иностранныхъ дѣлъ Н. К. Гирса. П. Б.

Конецъ 1812 года.

Я не былъ въ Петербургѣ всего три мѣсяца, и когда возвратился туда, внѣшній видъ города показался мнѣ значительно измѣнившимся. Движеніе на улицахъ не убавилось, соблюдалась таже чистота съ строго заведеннымъ полицейскимъ порядкомъ, и дрожекъ было не меньше прежняго; но красивыхъ каретъ и колясокъ встрѣчалось уже не такъ много. Пѣшія толпы, и не на главныхъ только улицахъ, попадались чаще, и въ этихъ толпахъ гораздо рѣже можно было встрѣтить военную или Европейскую одежду, а все больше Русскія бороды, кафтаны и чуйки, тогда какъ прежде на каждомъ шагу попадались солдаты и блестящіе офицерскіе мундиры. Императорская гвар-

Библиотека "Руниверс"

дія находилась въ походѣ. Столицу охраняли два-три линейные полка, нѣсколько эскадроновъ Донскаго казачьяго войска и взводы полицейскихъ жандармовъ, а по улицамъ ходили отряды ополченцевъ послѣдняго призыва, въ грубыхъ сермягахъ, съ крестомъ на сѣрой шапкѣ, съ простымъ топоромъ за поясомъ или въ рукѣ съ длинною казацкою пикою, которою владѣть они еще не привыкли. Иные были снабжены казенными ружьями и достаточно обучены для содержанія карауловъ и отправленія гарнизонной службы. Такихъ ополченцевъ видѣлъ я на караулѣ у воротъ и подъѣздовъ Зимняго Дворца. Ихъ сельская одежда и вооруженіе кололи глаза непривычному зрителю въ нарядной и великолѣпной столицѣ нашей. Еще страннѣе было видѣть на улицахъ, по набережнымъ и на бульварахъ, какихъ-то молодыхъ людей, иной разъ съ диковиннымъ выраженіемъ лицъ, въ причудливомъ нарядѣ, въ необыкновенныхъ шапкахъ, каскахъ, колпакахъ, и вооруженныхъ какъ кому случилось. То были (какъ мнѣ объясняли) охотники, ополчавшіеся на собственныя средства: правительство отправляло ихъ къ главнокомандующему для распредѣленія по разнымъ армейскимъ полкамъ, куда ему было угодно. Мнѣ памятенъ одинъ изъ этихъ вольныхъ легіоновъ: черная одежда съ ногъ до головы, и мѣховая черная шапка съ бляхою, на которой означена мертвая голова. Они назывались *безсмертными*. Другой отрядъ, преимущественно изъ иностранцевъ, Прусаковъ, Австрійцевъ и всякаго рода Нѣмцевъ, назывался (точнѣе перваго) отрядомъ Германскимъ. Онъ былъ повидимому лучше устроенъ и содержался въ большемъ порядкѣ, нежели другіе тогдашніе ополченскіе отряды. Потомъ онъ значительно усилился по выступленіи Русскихъ войскъ за границу, и во многихъ случаяхъ оказывалъ существенныя услуги общему дѣлу, находясь подъ начальствомъ генерала графа Вальмодена, который покинулъ Австрійскую службу и поступилъ въ нашу, во время войны 1812 года. Профессоръ Арндтъ, поэтъ и политическій писатель, очень извѣстный и любимый въ Германіи, жилъ въ Петербургѣ, когда набирался этотъ отрядъ. Въ Запискахъ своихъ онъ называетъ нѣкоторыхъ офицеровъ онаго, которые впослѣдствіи прославились, служа въ Прусскомъ войскѣ.

Осень въ этомъ году стояла прекрасная и, не смотря на то, въ Петербургѣ было люднѣе, чѣмъ въ прежніе годы, а дачи рано (въ Сентябрѣ) опустѣли. Дворъ противъ обыкновенія пребывалъ въ городѣ, вмѣсто Царскаго Села или острововъ. Многія Московскія семейства перебрались въ сѣверную столицу искать спасенія отъ непріятеля. Но, при всемъ этомъ многолюдствѣ и наружномъ оживленіи, на лицахъ проходящихъ людей замѣчалось что-то сосредоточенное и самоуглубленное: время было тяжкое и заботливое, и никто не могъ быть

Библиотека "Руниверс"

увѣренъ въ ближайшемъ будущемъ. Эта озабоченность сказывалась еще разительнѣе въ высшихъ слояхъ общества и въ способахъ развлеченія блестящей столицы. Театры Русскій и Нѣмецкій не закрывались, но были почти пусты, а театръ Французскій, до того времени наиболѣе посѣщаемый знатнымъ обществомъ, закрыли совсѣмъ, дабы не вызывать ропота рядовыхъ обывателей, для которыхъ Французское слово сдѣлалось ненавистнымъ. Рѣдко бывали у кого собранія; въ гостинныхъ, какъ и въ семейномъ кругу, бесѣда только и велась что о непріятельскомъ нашествіи, которое со всѣхъ сторонъ надвигалось къ средоточію государства. Самые крѣпкіе умы сознавали, что опасность съ каждымъ днемъ росла. Люди благоразумные и опасливые помышляли уже о необходимости выѣзда въ болѣе отдаленныя мѣста, и само правительство озабочивалось вывозомъ государственной собственсти, воспитательныхъ заведеній, важнѣйшихъ канцелярій, архивовъ и пр., такъ какъ непріятельскіе отряды уже вторглись въ Прибалтійскія губерніи и держали въ осадѣ Ригу. Но эти мѣры предосторожности не порождали унынія; напротивъ, въ нихъ усматривали твердую рѣшимость Государя выдерживать борьбу и готовность его на всякія лишенія, лишь бы не уступить врагу и не склоняться на позорный для Россіи миръ. Повторялся знаменитый отзывъ Александра Павловича о томъ, что онъ скорѣе удалится въ Сибирь и отраститъ себѣ бороду по поясъ, нежели помирится съ Наполеономъ *). Императрица Елисавета Алексѣевна, женщина характера благороднаго и возвышеннаго, но чрезвычайно скромная и обыкновенно любившая оставаться незамѣченною, въ это время проявила себя съ особливымъ достоинствомъ и заслужила всеобщую любовь: было извѣстно, что она раздѣляла и всячески поощряла твердую рѣшимость Государя вести борьбу до конца и, въ случаѣ необходимости, покинуть столицу. Она сама завѣдывала приготовленіями къ вывозу наиболѣе цѣнныхъ сокровищъ Зимняго Дворца, въ томъ числѣ прекрасной картинной галлереи Эрмитажа.

Вскорѣ по возвращеніи моемъ, получено было, наконецъ, оффиціальное извѣстіе о вступленіи Французовъ въ Москву и о страшномъ на другой день вспыхнувшемъ пожарѣ, обратившемъ ее въ пепелъ. Петербургское народонаселеніе, вовсе не ожидавшее такого событія, объято было ужасомъ. Государь и тѣ лица, которые, по своему положенію, могли предвидѣть такую развязку, предались тяжкой скорби.

---

*) Любопытно сопоставить эти знаменитыя слова съ отзывомъ Наполеона, который, на островѣ Святой Елены, говорилъ: будь я Русскимъ царемъ, я *отростилъ бы себѣ бороду* и держалъ бы въ рукахъ всю Европу. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

Но вмѣсто умолчаній, Государь поспѣшилъ объявить о томъ народу въ превосходномъ манифестѣ, который былъ принятъ съ единодушнымъ патріотическимъ восторгомъ и вполнѣ достигъ своей цѣли, т.-е. оживилъ умы и усилилъ ревностную готовность на всякаго рода пожертвованія. Манифестъ этотъ писанъ старикомъ адмираломъ Шишковымъ, заступившимъ Сперанскаго въ должности государственнаго секретаря. Въ немъ между прочимъ было одно краснорѣчивое и въ тоже время имѣвшее политическое значеніе мѣсто, гдѣ говорилось, что въ заревѣ пылающей Москвы пораженная Москва узритъ предвѣщаніе своего освобожденія. Въ то время думали, что это выраженіе употреблено единственно для одобренія умовъ, но слова оказались пророческими. Въ тоже время по Петербургу и въ губерніяхъ ходила солдатская пѣсня, сочиненная вслѣдъ за оставленіемъ Москвы. У меня сохранились въ памяти слѣдующіе стихи изъ нея:

Градъ Москва въ рукахъ Французовъ.
Это, право, не бѣда:
Нашъ фельдмаршалъ князь Кутузовъ
Отплатить готовъ всегда.
Знаетъ то давно Варшава,
И Парижъ то будетъ знать.

Въ то время конечно никто не могъ думать о воздаяніи, которое послѣдовало 19 Марта 1814 г., т.-е. о торжественномъ вступленіи императора Александра въ Парижъ.

Отдохнувъ нѣсколько дней дома и освободившись отъ лихорадочныхъ припадковъ, я принялся снова за прежнія занятія свои въ дипломатической канцеляріи. Эти занятія не были обременительны; въ то время пресѣклись наши сношенія почти со всѣми Европейскими державами: Наполеонъ заставилъ ихъ воевать съ нами. Наши миссіи оставались только въ Константинополѣ, Стокгольмѣ, Кальяри, Палермо, Ріо-Жанейро и Вашингтонѣ. За то сношенія съ Англіею не только возобновились, но участились, какъ никогда прежде; точно также и съ Швеціею. Съ обоими этими государствами заключены въ Стокгольмѣ союзные договоры противъ общаго врага. Канцлеръ графъ Румянцовъ велъ переговоры и заключилъ мирный и союзный договоръ съ Испанскими кортесами. Уполномоченнымъ отъ Испаніи былъ г. Зеа, бывшій прежде Испанскимъ генеральнымъ консуломъ въ Петербургѣ и отказавшійся признать своимъ государемъ Іосифа Бонапарта. Позднѣе этотъ высокодаровитый и отмѣнно честный государственный человѣкъ былъ Испанскимъ министромъ у насъ, а потомъ въ Константинополѣ, гдѣ я познакомился съ нимъ въ 1820 году. Онъ кончилъ свое поприщѣ въ должности перваго министра въ Испаніи, послѣ короля Ферди-

Библиотека "Руниверс"

нанда, во время регентства королевы Кристины. Этотъ договоръ съ Испаніей, бывшій почти послѣднимъ дипломатическимъ занятіемъ графа Румянцова, заключенъ и подписанъ въ маленькомъ и неизвѣстномъ по исторіи городѣ Псковской губерніи Великихъ Лукахъ, гдѣ, по причинѣ тяжкой болѣзни, графъ Румянцовъ долженъ былъ остановиться, возвращаясь изъ арміи въ Петербургъ.

Когда я вновь увидѣлъ графа Румянцова, онъ еще не совсѣмъ оправился отъ своей болѣзни (апоплексическаго удара). Кромѣ того онъ былъ нравственно удрученъ войною, которую отвратить ему не удалось. Его личное самолюбіе страдало, Государь не могъ оказывать ему прежнее уваженіе, а въ обществѣ на него взводили обвиненіе въ пристрастіи къ Наполеону. Вслѣдствіе того онъ не прилагалъ уже обыкновеннаго своего усердія къ дѣламъ министерства и перестала подвергать безпрестаннымъ испытаніямъ служебную ревность своихъ подчиненныхъ, отъ которыхъ, бывало, требовалъ самой мелочной канцелярской точности. Что касается до меня лично, я продолжалъ пользоваться его вниманіемъ, благосклонностью и довѣріемъ, и всякій разъ, когда встрѣчалась какая нибудь работа, которая требовала осторожности и скромности, онъ самъ назначалъ меня заняться ею вмѣстѣ съ другими чиновниками старше меня по службѣ и болѣе опытными.

Въ это время надлежало выбрать и назначить нѣкоторыхъ новыхъ представителей Государя въ чужихъ краяхъ. Къ Лондонскому двору назначался генералъ графъ Ливенъ (впослѣдствіи князь), въ соотвѣтствіе назначенному оттуда и уже прибывшему въ Петербургъ генералу лорду Каткарту. Предшественникомъ этого дипломата былъ Англійскій военный агентъ, генералъ Вильсонъ, появившійся въ Русской арміи еще до Бородинской битвы. Я его видѣлъ въ нашемъ военномъ станѣ, чествимаго нашими офицерами; онъ иногда выѣзжалъ даже на аванпосты, съ казаками.

Почти въ тоже время послѣдовало назначеніе Татищева въ Испанію (куда онъ могъ прибыть только по возстановленіи короля Фердинанда). Одинъ изъ начальниковъ отдѣленія дипломатической канцеляріи, князь Козловскій, прославившійся умомъ, ученостью и въ тоже время своими странностями, и передъ тѣмъ долго находившійся въ Кальяри повѣреннымъ при королѣ Сардинскомъ, былъ назначенъ министромъ въ Туринъ на случай королевскаго туда возвращенія. Г-нъ Италинскій былъ тогда посланникомъ въ Константинополѣ, а генералъ Сухтеленъ уже два года находился въ этой же должности въ Стокгольмѣ; Дашковъ въ Соединенныхъ Штатахъ и графъ Фридрихъ Паленъ въ Бразиліи: вотъ и всѣ тогдашніе наши представители въ чужихъ краяхъ. Баронъ Николаи назначенъ былъ совѣтникомъ посольства въ Лондонъ,

Библиотека "Руниверс"

Блудовъ на туже должность въ Стокгольмъ, Потемкинъ (впослѣдствіи мой предмѣстникъ въ Римѣ) и Полетика совѣтниками въ Туринъ и Мадридъ; молодой Северинъ, позднѣе близкій мнѣ пріятель, также въ Испанію, баронъ Зассъ (умершій недавно на покоѣ генеральнымъ консуломъ въ Неаполѣ) въ Лондонъ и Кокошкинъ (нынѣ министръ въ Дрезденѣ) туда же.

Нельзя сказать, чтобы я нѣсколько не позавидовалъ этимъ назначеніямъ: служба за границею всегда приманчива для новичка-дипломата. Но Петербургская тогдашняя жизнь послужила мнѣ утѣшеніемъ, ибо вскорѣ наступилъ у насъ рядъ торжествъ и празднествъ. Почти ежедневно получались извѣстія о побѣдахъ надъ непріятелемъ; отбитыя вражескія знамена цѣлыми сотнями проносились по улицамъ столицы, и устроивались военныя процессіи въ честь славныхъ нашихъ генераловъ. Въ особенности чествовали графа Витгенштейна, который съ самаго начала войны безпрестанно имѣлъ удачныя дѣла и кромѣ того побѣдоносно удержалъ Наполеоновы полчища отъ наступленія на Петербургъ. Для него написанъ былъ гимнъ, въ которомъ онъ названъ «Спасителемъ Петрова Града».

Въ тоже время графъ Витгенштейнъ получилъ болѣе наглядное и въ особенности болѣе существенное доказательство своей популярности и общественной къ нему признательности,—такое доказательство, какому еще не было примѣра въ Россіи. Жители столицы и сосѣднихъ уѣздовъ, принадлежавшіе ко всѣмъ безъ различія сословіямъ, желая выразить общее уваженіе къ благородному воину, защищавшему и спасшему Петербургъ, открыли по собственному почину подписку и на собранныя деньги купили неподалеку отъ Петербурга прекрасное имѣніе, которое, съ соизволенія Государя, и было подарено ему въ знакъ народной признательности. Это имѣніе находится до сихъ поръ во владѣніи потомковъ фельдмаршала князя Витгенштейна.

Въ то время какъ въ Петербургѣ происходило такое всеобщее ликованіе и ежедневно получались изъ арміи бюллетени, возвѣщавшіе о новыхъ для насъ побѣдахъ и о новыхъ пораженіяхъ бѣгущаго непріятеля, бюллетени, которые переходили изъ рукъ въ руки или громко читались на улицахъ,—императоръ Александръ нашелъ, что, наконецъ, настало время лично перенестись въ главную квартиру побѣдоносныхъ его армій, находившуюся въ то время въ Вильнѣ для того, чтобъ, собравъ ихъ вмѣстѣ подъ начальствомъ покрытаго лаврами старика князя Кутузова, торжественно отпразновать чудесное избавленіе имперіи. Такимъ образомъ Государь имѣлъ полное основаніе видѣть явное покровительство Провидѣнія въ столь быстромъ и полномъ осуществленіи на дѣлѣ знаменитаго и богобоязненнаго манифеста, въ которомъ

Библиотека "Руниверс"

онъ объявлялъ, за полгода предъ тѣмъ, что мечъ не будетъ вложенъ въ ножны, пока хотя одинъ непріятельскій воинъ останется на Русской землѣ. Отличія и награды посыпались въ изобиліи на армію, на генераловъ, офицеровъ и солдатъ, начиная съ генералиссимуса *), который, кромѣ почестей, отличій и ордена Святаго Георгія первой степени, получилъ еще болѣе блестящую и болѣе лестную награду, такъ какъ ему былъ пожалованъ титулъ князя Кутузова-Смоленскаго съ правомъ передачи его въ нисходящее потомство. Но послѣ него остались лишь дочери.

Отъѣзжая къ арміи въ началѣ Декабря 1812, императоръ Александръ на этотъ разъ не взялъ съ собою канцлера графа Румянцова, на томъ основаніи, что его недуги и его преклонныя лѣта требовали внимательнаго ухода въ столь суровое время года (тогдашняя зима останется памятной въ исторіи по своей суровости), однако обошелся съ нимъ при прощаньи внимательно и благосклонно. Государя сопровождалъ въ главную квартиру и во всѣхъ кампаніяхъ до 1815 г. включительно графъ Нессельроде, только что произведенный въ статсъ-секретари и назначенный временно завѣдывать Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ. Графъ Румянцовъ остался номинально во главѣ этого министерства и продолжалъ завѣдывать дипломатической канцеляріей, равно какъ административной и финансовой частями, вслѣдствіе чего еще болѣе съузился кругъ занятій, возложенныхъ на меня и на моихъ товарищей.

Тогда оказалось въ моемъ распоряженіи болѣе свободнаго времени, и я употреблялъ его большею частію на поддержаніе моихъ

---

*) Послѣ моего возвращенія изъ арміи я слышалъ, какъ разсказывали въ обществѣ интересный анекдотъ и пророческое предсказаніе касательно князя Кутузова. Онъ только что возвратился изъ Турціи въ Петербургъ, когда его назначили, такъ сказать по единогласному народному указанію, главнокомандующимъ нашихъ армій, передъ тѣмъ выдержавшихъ неудачный бой подъ Смоленскомъ. Въ тоже время, пріѣхавшая въ Петербургъ искать защиты отъ преслѣдованія Наполеона знаменитая г-жа Сталь была принята съ самой любезной предупредительностью и Государемъ, и высшимъ Петербургскимъ обществомъ. Нашъ старый воинъ встрѣтился съ нею на вечерѣ въ одномъ свѣтскомъ салонѣ и такъ какъ онъ всегда отличался изысканной вѣжливостью къ дамамъ, то и къ г-жѣ Сталь онъ отнесся съ особеннымъ вниманіемъ и любезностью. Когда во время разговора съ нею зашла рѣчь о предстоящемъ отъѣздѣ его для принятія главнаго начальства надъ нашими арміями, и онъ сталъ жаловаться на слабость зрѣнія и на свои преклонныя лѣта, г-жа Сталь съ живостью сказала ему: „но я по крайней мѣрѣ надѣюсь, генералъ, что вы еще будете имѣть случай произнести слова, приписываемыя въ одной трагедіи Митридату: *Мои послѣдніе взоры упали на бѣгущихъ Римлянъ*". И дѣйствительно только послѣ окончательнаго изгнанія Французскихъ армій изъ нашихъ предѣловъ и въ то время какъ престарѣлый воинъ напрягалъ свои послѣднія усилія въ преслѣдованіи отступавшаго непріятеля, онъ кончилъ жизнь въ городѣ Бунцлау, въ Силезіи.

Библиотека "Руниверс"

близкихъ сношеній съ семействомъ Салтыкова, которыя не прерывались даже во время моего нахожденія при арміи: мы переписывались такъ часто, какъ только было возможно. Гораздо рѣже получалъ я извѣстія отъ моихъ родственниковъ изъ Ревеля и отъ жившей въ ихъ домѣ моей сестры, а потому я и воспользовался сокращеніемъ моихъ служебныхъ обязанностей для того, чтобъ испросить отпускъ и поѣхать подѣлиться съ ними моими воспоминаніями о тѣхъ военныхъ событіяхъ, которыхъ я былъ личнымъ свидѣтелемъ. Въ концѣ Декабря, при 20 и 25 градусахъ мороза, я отправился въ Ревель, гдѣ и провелъ Рождественскіе праздники и встрѣтилъ новый 1813-й годъ.

Четвертый періодъ

1813—1821.

Отъѣздъ изъ Россіи и служебное поприще внѣ отечества; поѣздка въ Англію черезъ Швецію, за тѣмъ назначеніе секретаремъ посольства сначала въ Штутгардъ, потомъ въ Константинополь, до перваго возвращенія въ Россію въ Сентябрѣ 1821.

(Парижъ, Январь 1861)

1813.

Я началъ этотъ годъ также весело, какъ весело провелъ послѣдніе дни предшествовавшего года въ Ревелѣ, въ семействѣ моихъ добрыхъ родственниковъ Спафарьевыхъ, у которыхъ жила и моя сестра со времени ея выхода изъ Смольнаго. Этотъ маленькій городокъ былъ въ то время оживленъ болѣе обыкновеннаго, благодаря тому, что провинціальное дворянство имѣло обыкновеніе съѣзжаться туда на праздники. Не смотря на свои скромныя денежныя средства, это дворянство всегда отличалось образованіемъ, хорошими манерами и такимъ умѣньемъ держать себя въ обществѣ, какое встрѣчается лишь въ столицахъ. Мѣстная молодежь, въ описываемую мною эпоху, обыкновенно доканчивала свое образованіе въ Германскихъ университетахъ *); по возвращеніи оттуда, она большею частію предпринимаетъ военную карьеру, вступаетъ на службу въ гвардію, преимущественно въ кавалерійскіе полки и принадлежитъ къ числу самыхъ храбрыхъ и самыхъ блестящихъ офицеровъ нашей арміи. Во всѣ царствованія, со временъ Петра Великаго, дворянство Эстляндіи, Лифляндіи и впослѣдствіи Курляндіи было разсадникомъ выдающихся людей, занимавшихъ высшія должности въ Русской службѣ, въ особенности въ военномъ

---

*) Этотъ обычай вышелъ изъ употребленія съ тѣхъ поръ, какъ сталъ процвѣтать университетъ въ Дерптѣ, открытый въ царствованіе Александра I-го.

Библиотека "Руниверс"

званіи. Нѣкоторые изъ нихъ даже оканчиваютъ свое поприще на высшихъ должностяхъ внутри имперіи или въ столицѣ; но большею частію, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ проведенныхъ на службѣ, они возвращаются домой, женятся и поселяются на своей родинѣ для того, чтобъ управлять своими имѣніями, которыя и въ административномъ и въ хозяйственномъ отношеніи очень благоустроены. Дворянскія семьи проводятъ часть года въ деревняхъ, а зимніе мѣсяцы въ городахъ, въ особенности въ Ревелѣ, куда съѣзжаются для посѣщенія баловъ, концертовъ и весьма недурнаго Нѣмецкаго театра. Въ ту пору этотъ театръ находился подъ управленіемъ прославившагося по всей Европѣ драматическаго писателя Коцебу, который женился въ Ревелѣ на дѣвушкѣ изъ одного очень хорошаго семейства. Вообще эта мѣстность по справедливости славилась красотою женщинъ, принадлежавшихъ къ дворянскимъ семьямъ, и на балахъ можно было видѣть болѣе хорошенькихъ и со вкусомъ одѣтыхъ молодыхъ дѣвушекъ, чѣмъ въ Петербургскихъ салонахъ, а большинство танцующей молодежи состояло изъ блестящихъ гвардейскихъ офицеровъ, возвратившихся домой на время вакацій. Нѣмецкая театральная труппа была хорошо составлена; я еще до сихъ поръ не позабылъ, какъ она хорошо исполняла одну небольшую пьесу, которую написалъ Коцебу на тему еще свѣжихъ въ памяти историческихъ событій. Эта пьеса носила заглавіе: *Der Flussgott Niemen und noch jemand*, т.-е. Богъ рѣки Нѣмана и еще нѣкто *). Сюжетомъ для нея служили славный исходъ кампаніи 1812 года, бѣдственное отступленіе Французовъ и бѣгство Наполеона. Театральная зала бывала набита биткомъ, и пьеса давалась ежедневно въ теченіи масляницы: до такой степени публикѣ нравилось зрѣлище, полное живаго, реальнаго интереса. Вообще нельзя не отдать справедливости жителямъ трехъ Нѣмецкихъ провинцій, входящихъ въ составъ имперіи, что, въ эпоху вторженія Наполеона, они были одушевлены такимъ патріотизмомъ и такою преданностію, которые ни въ чемъ не уступали преданности и самопожертвованію кореннаго Русскаго населенія **).

Послѣ двухъ или трехъ-недѣльнаго пребыванія въ Ревелѣ, я возвратился въ Петербургъ, совершенно успокоенный на счетъ моей сестры, которая была окружена привязанностію и попеченіями въ

---

*) Подъ именемъ *еще нѣкто* появлялся на сценѣ самъ Наполеонъ; и его манера одѣваться, и его манера себя держать—все было довольно вѣрно передано лучшимъ актеромъ труппы.

**) Многоуважаемый А. П. Бутеневъ конечно не зналъ, что многіе изъ тогдашнихъ Нѣмецкихъ дворянъ (въ особенности Курляндцевъ) передались Наполеону. Они были прощены особымъ манифестомъ Александра Павловича. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

домѣ такихъ добрыхъ родственниковъ и уже успѣла свыкнуться съ мѣстнымъ обществомъ, въ средѣ котораго нашла пріятныхъ подругъ одного съ ней возраста.

Остальную часть зимы я провелъ въ Петербургѣ спокойно и однообразно, посвящая утро исполненію служебныхъ обязанностей въ канцеляріи министерства, а остальную часть дня проводя въ семействѣ Салтыковыхъ и въ особенности въ обществѣ добрѣйшаго графа Дмитрія, который, со смерти жены, находилъ утѣшеніе только въ заботахъ о воспитаніи дѣтей и въ своей страсти къ музыкѣ.

Чувства радости и патріотическаго энтузіазма, вызванныя избавленіемъ имперіи отъ такого колоссальнаго непріятельскаго вторженія, служили въ теченіе всей этой зимы неистощимымъ источникомъ всѣхъ разговоровъ въ средѣ столичнаго населенія, не оставляя мѣсти ни для какихъ другихъ интересовъ. Впрочемъ эта зима не отличалась блескомъ ни частныхъ, ни общественныхъ празднествъ по причинѣ отсутствія изъ столицы Государя. Военная молодежъ находилась въ лагеряхъ вмѣстѣ съ императорской гвардіей, и семьи, оставшіяся въ Петербургѣ, заботились не столько о свѣтскихъ развлеченіяхъ, сколько о находившихся въ арміи мужьяхъ, сыновьяхъ и братьяхъ. Вмѣсто баловъ и концертовъ во всѣхъ гостиныхъ занимались только тѣмъ, что устроивали складчины для вспомоществованій больнымъ и раненымъ воинамъ, которые въ довольно значительномъ числѣ были привозимы въ Петербургъ для излеченія. Въ этомъ числѣ даже было нѣсколько раненыхъ Французовъ высшаго круга *), за которыми ходили съ такою же заботливостью, какъ и за всѣми остальными. Вдовствующая императрица и императрица Елисавета Алексѣевна, желая сдѣлать эту гуманную и благотворительную дѣятельность еще болѣе плодотворной, приняли на себя высшее надъ нею руководительство, и мнѣ не разъ случалось слышать трогательные разсказы о маленькихъ Француженкахъ, Нѣмкахъ и Итальянкахъ, которыя были найдены нашими казаками подлѣ труповъ ихъ родителей, погибшихъ при переправѣ черезъ Березину и которыя были перевезены по приказанію вдовствующей императрицы Маріи Өеодоровны въ столицу и помѣщены въ учебныя заведенія, гдѣ воспитывались на ея счетъ и подъ ея надзоромъ. Я лично зналъ одну изъ такихъ несчастныхъ сиротъ, которой было толь-

---

*) Между прочими полковникъ *графъ Сегюръ* (впослѣдствіи написавшій интересную исторію кампаніи 1812 года) и Виртембергскій генералъ *князь Гоэнлоэ*, который впослѣдствіи былъ назначенъ Виртембергскимъ посланникомъ при Петербургскомъ дворѣ, женился на Русской и оставался въ Петербургѣ до самой своей смерти въ 1858 или 1859 г., постоянно пользуясь уваженіемъ и при дворѣ, и въ высшемъ обществѣ.

Библиотека "Руниверс"

ко три или четыре года, когда ея отецъ и ея мать погибли при Березинѣ. Эта молодая дѣвушка, родомъ Француженка, была воспитана въ Смольномъ въ католической религіи; тамъ она научилась въ одно и тоже время и своему родному языку, на которомъ умѣла произносить лишь нѣсколько словъ, когда была привезена въ Петербургъ, и Русскому языку, на которомъ стала выражаться свободно. Когда всѣ старанія отыскать во Франціи ея родственниковъ остались безуспѣшными, императрица Марія обезпечила ея будущность, давши ей приданое и пристроивши ее въ Россіи. И это былъ не единственный случай въ этомъ родѣ; о подобныхъ ему нерѣдко приходилось узнавать изъ множества различныхъ разсказовъ о страшныхъ бѣдствіяхъ, которыми сопровождалось отступленіе Французовъ въ 1812 году.

Я уже упоминалъ о томъ, что, со времени моего возвращенія изъ арміи, мои служебныя занятія въ дипломатической канцеляріи гр. Румянцова сдѣлались менѣе сложными и менѣе интересными за отъѣздомъ Государя и вслѣдствіе сосредоточенія всѣхъ нашихъ политическихъ сношеній въ его главной квартирѣ, гдѣ находился графъ Нессельроде съ нѣсколькими избранными дипломатическими чиновниками. Изъ главной императорской квартиры сообщали графу Румянцову въ Петербургъ нѣкоторыя депеши и политическіе мемуары скорѣе изъ вѣжливости и для его личнаго вѣдома, какъ лицу все еще носившему титулъ канцлера имперіи, но вовсе не для того, чтобъ онъ давалъ дальнѣйшее движеніе этимъ дѣламъ, тѣмъ болѣе, что иностранные представители, акредитованные при нашемъ дворѣ, находились по большей части также въ главной императорской квартирѣ. Въ Петербургѣ оставались лишь очень немногіе члены дипломатическаго корпуса, и въ томъ числѣ *графъ Жозефъ-де-Местръ*, впослѣдствіи прославившійся своими политическими сочиненіями, которыя были написаны большею частію въ Петербургѣ, но не всегда отличались безпристрастіемъ въ сужденіяхъ о Россіи и о войнѣ 1812. Я имѣлъ случай познакомиться съ этимъ Сардинскимъ посланникомъ въ Петербургскомъ обществѣ, гдѣ его любили и уважали и гдѣ онъ обращалъ на себя вниманіе какъ своимъ умомъ, такъ и своей оригинальностію; но я былъ болѣе близко знакомъ съ его братомъ графомъ *Ксавье*, который вступилъ въ Русскую военную службу и, женившись на фрейльнѣ Загряжской, окончательно поселился въ Россіи, гдѣ и умеръ нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Хотя онъ и не имѣлъ дарованій своего знаменитаго брата, но успѣлъ пріобрѣсти общее уваженіе столько же благодаря своимъ военнымъ и ученымъ заслугамъ, сколько благодаря сдержанности своего характера, пріятности въ обхожденіи и умѣнью хорошо владѣть какъ перомъ, такъ и кистью! Онъ написалъ нѣсколькъ небольшихъ разсказовъ, которые

Библиотека "Руниверс"

были въ свое время въ большомъ ходу: *Le voyage autour de ma chambre*,, *Le lépreux de la vallée d'Aoste* и *La Sibérienne*. Сюжетомъ для этого послѣдняго разсказа служитъ невымышленная исторія одной дѣвушки, добравшейся до Петербурга пѣшкомъ въ первые годы царствованія Александра для того, чтобъ просить о помилованіи отца, который былъ сосланъ въ Сибирь при Павлѣ.

Однако я долженъ сознаться, что хотя остальные зимніе мѣсяцы я провелъ пріятно и весело въ маленькомъ кружкѣ родныхъ и друзей, но все-таки не могъ позабыть о болѣе дѣятельной жизни, которую велъ въ теченіе нѣсколько мѣсяцевъ, слѣдуя за нашей арміей, и съ нетерпѣніемъ желалъ дипломатической дѣятельности за границей. Это желаніе было тѣмъ болѣе естественно, что императоръ Александръ, не довольствуясь избавленіемъ своей имперіи отъ страшнаго непріятельскаго нашествія, двинулъ свои арміи за границу съ цѣлію помочь и другимъ Европейскимъ державамъ свергнуть съ себя невыносимое иго Наполеона. Неизмѣнная благосклонность, съ которой относился ко мнѣ графъ Румянцовъ, дала мнѣ смѣлость воспользоваться первымъ удобнымъ случаемъ, чтобъ выразить мое желаніе быть командированнымъ за границу, если не въ качествѣ чиновника причисленнаго къ которойнибудь изъ нашихъ дипломатическихъ миссій, то по крайней мѣрѣ въ качествѣ курьера для передачи политическихъ депешъ. Канцлеръ очень благосклонно выслушалъ мою просьбу и обѣщалъ, при первой въ томъ надобности, послать меня съ депешами къ нашему посланнику въ Лондонъ, предупреждая, что единственный безопасный путь въ Англію идетъ черезъ Швецію, такъ какъ, хотя наши арміи и вступили въ Пруссію, всѣ Нѣмецкіе и Голландскіе порты еще находились въ рукахъ Французовъ.

Не прежде какъ съ наступленіемъ весны и съ открытіемъ навигаціи должна была состояться моя командировка въ качествѣ курьера, везущаго депеши къ нашимъ посланникамъ въ Стокгольмъ и въ Лондонъ. Весь Апрѣль я провелъ въ ожиданіи, сгарая нетерпѣніемъ, наконецъ, увидѣть чужія страны, о которыхъ всякій начинающій службу дипломатъ мечтаетъ какъ о главной цѣли своей карьеры. Въ то время какъ я былъ занятъ приготовленіями къ отъѣзду, случилось нѣчто весьма лестное для моего самолюбія: экзаменъ, который мнѣ пришлось держать въ предшествовавшемъ году (въ силу указа 1809 г., о которомъ я упоминалъ выше) былъ мною сданъ успѣшно и доставилъ мнѣ къ Пасхѣ производство въ слѣдующій чинъ. Это повышеніе ставило меня въ разрядъ тѣхъ, кто имѣетъ право просить быть представленнымъ ко двору въ нѣкоторые торжественные дни, какъ напримѣръ на Пасху и проч. Такъ какъ Императоръ и Великій Князь Константинъ

Библиотека "Руниверс"

Павловичъ находились въ то время за границей, то вдовствующая императрица и императрица Елисавета Алексѣевна принимали вмѣсто нихъ обычныя поздравленія, послѣ всенощной, ото всѣхъ военныхъ и гражданскихъ чиновъ, начиная съ самыхъ высшихъ и кончая самымъ нисшимъ, какой допускался по регламенту. Я только что достигъ этого нисшаго чина вмѣстѣ съ нѣсколькими изъ моихъ товарищей по службѣ, и мы очень гордились такимъ преимуществомъ, хотя и были поставлены позади всѣхъ, поочередно подходившихъ съ поздравленіями къ двумъ императрицамъ.

Наконецъ, для меня настала давно ожидаемая минута. Сколько могу припомнить, то было въ половинѣ Мая. Я получилъ инструкціи отъ графа Румянцова, а политическія депеши, которыя я долженъ былъ доставить по назначенію, были переданы мнѣ моимъ непосредственнымъ начальникомъ г. Шулеповымъ *). Въ то время еще не существовало нигдѣ въ Европѣ ни пароходовъ, ни желѣзныхъ дорогъ, и мнѣ пришлось уложить чемоданъ и дорожный мѣшокъ въ простую почтовую телѣгу, такъ какъ я не имѣлъ достаточно средствъ, чтобъ купить коляску и нанять лакея, хотя сумма отпущенная изъ министерства на мои расходы и была довольно значительна. Не смотря на неудобность и тряскость моего скромнаго экипажа, я съ восторгомъ мечталъ о невѣдомыхъ для меня странахъ, проѣзжая ущелья промежду живописныхъ и величественныхъ гранитныхъ утесовъ, которые тянутся вдоль большой дороги по берегамъ Финскаго залива. Прибывши на другой день рано утромъ въ Выборгъ **), я нанялъ извощика, чтобъ исполнить официальное порученіе къ старику барону Николаи, который жилъ неподалеку отъ города въ прекрасномъ имѣніи, называвшемся *Monrepos*, и отъ котораго я долженъ былъ взять порученія къ его сыну, служившему совѣтникомъ посольства въ Лондонѣ. Добрый старикъ принялъ меня самымъ радушнымъ образомъ; онъ настоялъ, чтобъ я остался у него обѣдать и осмотрѣлъ его огромный и прекрасный садъ, который раскинутъ по берегу Финскаго залива и который впослѣдствіи пріобрѣлъ Европейскую извѣстность.

Въ то время Финляндія была еще вновь пріобрѣтенной провинціей; въ ней все было для меня чуждо и все носило на себѣ Шведскій отпечатокъ—и языкъ, и одѣянія и обычаи, такъ что, далѣе за Выборгомъ, я принужденъ былъ объясняться съ почтальонами съ помощью

---

*) Дѣйств. ст. сов. Петръ Петровичъ Шулеповъ умеръ въ сороковыхъ годахъ сенаторомъ.

**) Этотъ городъ былъ столицей Русской Финляндіи со временъ Петра Великаго до окончательнаго присоединенія всей этой провинціи къ Имперіи въ 1809 году.

Библиотека "Руниверс"

жестовъ, а съ почтмейстерами и съ содержателями плохихъ гостиницъ, въ которыхъ мнѣ приходилось останавливаться, съ помощью какой-то смѣси Нѣмецкаго и Русскаго языка. Императоръ Александръ посѣтилъ Финляндію въ предшествовавшемъ году по случаю происходившаго въ Або свиданія съ Шведскимъ наслѣднымъ принцемъ Бернадотомъ и произвелъ весьма хорошее впечатлѣніе на своихъ новыхъ подданныхъ, благодаря своей привѣтливости и дарованнымъ милостямъ и привиллегіямъ. Въ ту пору почтовыя телѣжки въ Финляндіи были на двухъ колесахъ и запрягались въ одну лошадь; онѣ были такъ малы, что для ямщика не было мѣста, и я долженъ былъ самъ править, а ямщикъ ѣхалъ впереди на другой телѣжкѣ съ моимъ чемоданомъ. Такъ какъ я ѣхалъ, не останавливаясь ни днемъ, ни ночью, то я не былъ въ состояніи внимательно осматривать мѣстность, которая впрочемъ показалась мнѣ однообразной и мало населенной; поэтому я и не буду долѣе останавливаться на описаніи моего путешествія по Финляндіи. Скажу только, что, по прибытіи въ городъ Або, который былъ нѣкогда столицей Финляндіи, я долженъ былъ сѣсть въ рыбачью лодку и, миновавъ Аландскіе острова, благополучно прибылъ въ Стокгольмъ на четвертый день послѣ моего отъѣзда изъ Петербурга. Это былъ очень быстрый переѣздъ по отзыву Блудова *), моего стараго пріятеля и сослуживца, состоявшаго въ то время нашимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ при Шведскомъ дворѣ за отсутствіемъ стараго генерала графа Сухтелена.

Стокгольмъ показался мнѣ красивымъ городомъ, хотя и недостаточно обширнымъ для столицы. Онъ живописно раскинулся въ формѣ амфитеатра по возвышенностямъ, которыя спускаются къ прекрасному озеру *Меллеру*, имѣющему водное сообщеніе съ Балтійскимъ моремъ. Видъ города еще болѣе поразителенъ, когда подъѣзжаешь къ нему моремъ; онъ такъ сильно врѣзался въ моей памяти, что я впослѣдствіи сравнивалъ его, безъ большаго для него ущерба, съ нѣкоторыми изъ самыхъ знаменитыхъ видовъ Босфора и Константинополя, между прочимъ съ видомъ Буюкдере. Королевскій дворецъ (большое, красивое зданіе, отличающееся своей прекрасной архитектурой) расположенъ на скатѣ горы, спускающейся къ озеру; онъ не обширнѣе нашего Зимняго Дворца, но у него съ внѣшней стороны гораздо менѣе колоннъ и статуй, и онъ производитъ болѣе сильное впечатлѣніе, благодаря своему положенію и красивой обстановкѣ.

---

*) Тотъ самый, о которомъ я упоминалъ ранѣе. Мы въ одно время служили въ Министерствѣ Иностр. Дѣлъ, и онъ былъ старше меня по службѣ 3-мя или 4-мя годами; сверхъ того, онъ, также какъ и я, состоялъ при гр. Александрѣ Салтыковѣ въ бытность этого послѣдняго товарищемъ министра иностранныхъ дѣлъ.

Библиотека "Руниверс"

До крайности утомленный моимъ первымъ дебютомъ въ роли правительственнаго курьера, я былъ очень радъ, что могъ отдохнуть 24 часа подъ гостепріимнымъ кровомъ нашего уполномоченнаго въ дѣлахъ; въ его семействѣ я провелъ весь этотъ день, даже не полюбопытствовавъ осмотрѣть достопримѣчательности города, которыя, какъ мнѣ сказали, немногочисленны и заключаются лишь въ нѣсколькихъ зданіяхъ, интересныхъ по связаннымъ съ ними историческимъ воспоминаніямъ о Густавѣ-Вазѣ, Густавѣ-Адольфѣ и Карлѣ XII. Я воспользовался этой короткой остановкой, чтобъ пріобрѣсть, по данному мнѣ совѣту, очень недорого стоившую двухъ-колесную телѣжку, въ намѣреніи доѣхать до Готенбурга съ меньшими неудобствами, чѣмъ на дрянной почтовой телѣжкѣ, болѣе тряской чѣмъ наши перекладныя.

Во время быстраго переѣзда изъ Стокгольма въ Готенбургъ по центральнымъ Шведскимъ провинціямъ, хорошо обработаннымъ, но мало населеннымъ, я встрѣчалъ на пути немного селеній; лишь отъ времени до времени виднѣлись чистенькія уединенныя фермы, выкрашенные красной краской домики, съ покрытыми зелеными крышами, и небольшіе города, въ которыхъ дома имѣли такіе же размѣры и такую же внѣшность какъ и въ деревняхъ. Въ числѣ лежавшихъ на моемъ пути городовъ были Никёпингъ и Оребро, гдѣ былъ собранъ въ 1811 сеймъ, избравшій маршала Бернадота въ наслѣдники Шведскаго престола. Въ этомъ-же городѣ совершилось въ Іюлѣ 1812 примиреніе Россіи съ Англіей и былъ заключенъ мирный трактатъ, подписанный уполномоченными обѣихъ націй. Я останавливался на пути только для того, чтобъ перемѣнить лошадей и подкрѣпить себя пищей, но большею частію ничего не находилъ на станціяхъ кромѣ яицъ, молока и дурнаго кофе, въ которомъ приходилось размачивать твердый какъ камень хлѣбъ, который называется по-шведски *Knöcka-Brö* и составляетъ національную пищу. На станціяхъ существуетъ странный обычай держать про запасъ ямщиковъ женскаго пола на случай недостатка въ ямщикахъ - мущинахъ. Мнѣ было очень неловко и даже какъ будто стыдно, когда я въѣзжалъ въ Готенбургъ, сидя въ тѣлежкѣ рядомъ съ хорошенькой 20-ти лѣтней дѣвушкой, которая замѣняла ямщика; дорогой она пѣла національныя пѣсни, что́ не мѣшало ей очень ловко управлять лошадью, но на всѣ мои попытки вступить съ ней въ разговоръ она отвѣчала однимъ смѣхомъ, такъ какъ не могла понять ни одного слова. Мой въѣздъ состоялся среди бѣлаго дня; улицы были полны народа, и я воображалъ, что, благодаря моему странному кучеру, я сдѣлаюсь предметомъ насмѣшекъ; но проходящіе не обращали на насъ никакого вниманія, изъ-чего я и заключилъ, что этотъ обычай

Библиотека "Руниверс"

изъ числа давно укоренившихся. Я обратился къ одному изъ проходящихъ, говорившему по-нѣмецки, съ просьбою указать мнѣ мѣсто жительства Русскаго консула (въ то время Русскимъ консуломъ былъ Далматскій уроженецъ г. Юлинацъ), и я былъ очень доволенъ, когда мнѣ пришлось распроститься съ моей неудобной телѣжкой и доканчивать мое путешествіе моремъ. Впослѣдствіи, когда, возвращаясь изъ Англіи въ глубокую осень, я снова проѣзжалъ Готенбургъ, я пожалѣлъ, что сбылъ съ рукъ этотъ жиденькій экипажъ, такъ какъ мнѣ пришлось еще разъ проѣхать по Швеціи до Истада въ скверныхъ почтовыхъ телѣжкахъ, которыя еще хуже Финляндскихъ и нашихъ простыхъ мужицкихъ телѣгъ.

Въ теченіе одного дня, проведеннаго мною въ Готенбургѣ, нашъ услужливый консулъ оказалъ мнѣ любезное гостепріимство, помогъ мнѣ совѣтами и дѣломъ въ приготовленіяхъ къ моему первому морскому путешествію и объявилъ мнѣ, что я могу выѣхать завтра-же на Англійскомъ пакетботѣ *Lark*, который отправляется въ Англію и принимаетъ на бортъ, кромѣ товаровъ, и пасажировъ. Консулъ также сказалъ мнѣ, что въ числѣ пасажировъ *Lark'а* находится знаменитая г-жа Сталь съ своимъ семействомъ. Проведя прошедшее лѣто въ Россіи, а прошедшую зиму въ Стокгольмѣ при дворѣ своего соотечественника и стараго Парижскаго пріятеля Бернадота, она отправлялась теперь въ Англію, чтобъ укрыться отъ преслѣдованій Наполеона. Меня очень интересовало знакомство съ знаменитой писательницей, но въ тоже время нѣсколько смущала мысль о постоянныхъ близкихъ сношеніяхъ, которыя неизбѣжно возникнутъ между нами во время продолжительнаго морскаго переѣзда на одномъ и томъ же кораблѣ. Въ ту пору еще не существовало такихъ огромныхъ и комфортабельныхъ пароходовъ, на которыхъ можно бы было, какъ въ наше время, устроиться по своему вкусу и не быть обязаннымъ заводить знакомства съ другими пассажирами. Пакетботъ *Lark* былъ такихъ маленькихъ размѣровъ, что въ немъ была только одна каюта, въ срединѣ которой едва помѣщался обѣденный столъ на 6 или 8 кувертовъ, а вокругъ стола были расположены въ два этажа полки, на которыхъ находились постели пасажировъ и которыя задергивались тоненькими занавѣсками. По срединѣ той же маленькой и душной комнаты развѣшивали на ночь занавѣсь, которая служила перегородкой между дамскими и мужскими спальнями.

Проводивъ меня на другой день на бортъ, нашъ консулъ познакомилъ меня съ капитаномъ Англійскаго пакетбота и представилъ меня г-жѣ Сталь, которая уже расположилась тамъ со всѣмъ своимъ семействомъ, состоявшимъ изъ ея дочери, молодой хорошенькой 15-ти или

Библиотека "Руниверс"

16-ти лѣтней дѣвушки *), изъ ея сына Августа, который былъ нѣсколькими годами старше сестры, и изъ одного блѣднаго и болѣзненнаго молодаго человѣка, повидимому также принадлежавшаго къ числу ея родственниковъ. Впослѣдствіи я узналъ, что это былъ Піемонтскій офицеръ Рокка, съ которымъ она сошлась во время его пребыванія въ Швейцаріи и за котораго она вышла за-мужъ послѣ смерти барона Сталя. Мои опасенія на счетъ того, что я буду чувствовать себя стѣсненнымъ въ обществѣ автора *Коринны*, мало по малу разсѣялись. Благодаря ея привѣтливости, отсутствію въ ней всякаго жеманства (только ея изысканный туалетъ былъ неподходящъ ни къ ея лѣтамъ, ни ко всей обстановкѣ на бортѣ корабля) и, наконецъ, ея ненатянутой вѣжливости съ такимъ иностранцемъ какъ я, скоро я сталъ вовсе не стѣсняться ея присутствіемъ и могъ только восхищаться ея прекраснымъ языкомъ и ея краснорѣчіемъ, которое казалось свыше вдохновеннымъ, когда она отдавалась увлеченію. Я до сихъ поръ еще не позабылъ, какъ однажды зашелъ общій разговоръ между пасажирами, собравшимися на палубѣ по случаю мертваго штиля, заставлявлявшаго пакетботъ стоять на одномъ мѣстѣ, и какое произвела она сильное на меня впечатлѣніе: точно будто безъ ея вѣдома вырывались изъ ея устъ импровизаціи о величіи океана, о красотахъ творенія, о человѣческомъ разумѣ и проч. Впрочемъ, такія минуты были рѣдки, потому что, въ теченіе нашего 8-ми или 9-ти дневнаго переѣзда, почти постоянно дулъ противный вѣтеръ, производившій довольно сильную качку, которая заставляла расходиться пасажировъ, имѣвшихъ расположеніе къ морской болѣзни, а г-жа Сталь страдала отъ этой болѣзни болѣе всѣхъ другихъ. Что касается до меня, то мнѣ пришлось впервые испытать эту несносную, а иногда и невыносимую болѣзнь, къ которой я впослѣдствіи никогда не могъ привыкнуть, не смотря на мои частыя морскія поѣздки и на Сѣверѣ и на Югѣ Европы. Въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда спокойное море позволяло пасажирамъ обѣдать въ каютѣ за общимъ столомъ, г-жа Сталь обѣдала съ своимъ семействомъ на палубѣ, куда и я нерѣдко долженъ былъ отправляться, чтобъ подышать свѣжимъ воздухомъ и поискать облегченія отъ морской болѣзни.

Такъ какъ нашъ капитанъ говорилъ только по-англійски, а остальными пассажирами были Нѣмецкіе и Шведскіе негоціанты, то и г-жа Сталь и лица, принадлежавшія къ ея кружку, чаще вступали въ раз-

*) Дѣвица Албертина Сталь впослѣдствіи вышла замужъ за герцога Брольи, бывшаго министромъ въ Іюльской монархіи; ея сынъ кн. Альбертъ Брольи пріобрѣлъ въ наше время извѣстность своимъ первокласнымъ литературнымъ талантомъ.

Библиотека "Руниверс"

говоры со мною, чѣмъ со всѣми другими. Впрочемъ, зная, что я Русскій, она, какъ кажется, считала долгомъ вѣжливости обращаться ко мнѣ и распространяться о прекрасномъ пріемѣ, оказанномъ ей въ Петербургѣ, о благосклонности и величіи характера императора Александра, о блестящемъ образованіи столичнаго высшаго общества, бросавшемся въ глаза даже при общей озабоченности, въ виду столь грознаго непріятельскаго нашествія. Съ удовольствіемъ вспоминая о своемъ пребываніи въ Стокгольмѣ, она обнаруживала опасенія, что ее холодно примутъ въ Лондонскомъ аристократическомъ обществѣ, потому что она затронула его самолюбіе, изобразивши его въ своемъ романѣ *Коринна* нелестными красками. Но эти опасенія скоро должны были разсѣяться: г-жа Сталь, съ первыхъ дней своего пріѣзда въ Англію, была любезно принята повсюду, и при дворѣ, и въ обществѣ, и даже сдѣлалась на нѣкоторое время свѣтиломъ дня, вѣроятно потому, что Англичане, при своей ненависти къ Наполеону, достигшей въ ту пору апогея, смотрѣли на нее какъ на знаменитую жертву преслѣдованій, а не какъ на автора такого Французскаго романа, съ содержаніемъ котораго конечно лишь очень немногіе изъ нихъ были знакомы.

Достигнувъ наконецъ Англіи послѣ переѣзда, длившагося болѣе недѣли, мы высадились въ Гарвичѣ; тогда не только прекратилась моя морская болѣзнь, но мнѣ даже показалось, что я излечился отъ перемежающейся лихорадки, которою я сталъ страдать во время путешествія и которая вѣроятно была возвратнымъ проявленіемъ лихорадки, мучившей меня въ предшествовавшемъ году во время моего нахожденія при арміи *). Въ Гарвичской гостинницѣ, отличавшейся чистотой и порядкомъ, я уже могъ предвкушать всѣ удобства Англійскаго комфорта. Подкрѣпивъ силы сытнымъ обѣдомъ, я поспѣшилъ взять мѣсто въ почтовой каретѣ, чтобъ въ тотъ-же день достигнуть Лондона; мы проѣхали въ 7 часовъ 70 Англійскихъ миль (105 верстъ), отдѣлявшихъ насъ отъ столицы Англіи. Не трудно себѣ представить, какъ я былъ удивленъ и обрадованъ, когда увидѣлъ, что вмѣсто Шведскихъ тележекъ и Русскихъ перекладныхъ я поѣду въ красивой каретѣ, запряженной четырьмя прекрасными лошадьми, съ двумя ямщиками или скорѣе съ двумя жокеями, одѣтыми въ красныя куртки съ обшитыми галуномъ шапочками на головѣ. Г-жа Сталь была изъ числа тѣхъ пасажировъ, которые отложили отъѣздъ до другаго дня съ

*) Для сравненія съ цѣнами мѣстъ на теперешнихъ пароходахъ, считаю не лишнимъ замѣтить, что за мѣсто 1-го класса на пакетботѣ изъ Готенбурга въ Гарвичъ я заплатилъ 15 фунт. стерл. (275 франк.).

Библиотека "Руниверс"

цѣлію отдохнуть отъ усталости и отъ морской болѣзни. Прощаясь со мною, она любезно пригласила меня посѣщать ее въ Лондонѣ. Я иногда пользовался этимъ приглашеніемъ и сверхъ того имѣлъ случай встрѣчаться съ г-жею Сталь въ домѣ нашего посланника кн. Ливена, который принималъ ее съ особенной любезностью, благодаря рекомендаціямъ изъ Петербурга. Хотя мое знакомство съ этой знаменитой женщиной было непродолжительно и случайно, тѣмъ не менѣе оно занимаетъ выдающееся мѣсто между воспоминаніями о началѣ моей карьеры за границей. Я долженъ къ этому прибавить, что, имѣвъ случай видать г-жу Сталь и въ обществѣ, и въ средѣ ея семейства, я пришелъ къ убѣжденію, что, кромѣ блестящаго ума, способности очаровывать общество своимъ разговоромъ и своего замѣчательнаго литературнаго таланта, она обладала также благородными душевными качествами и сердечной теплотой въ семейныхъ и дружескихъ привязанностяхъ.

Въ моей памяти до сихъ поръ еще не изгладилось воспоминаніе о томъ, съ какой быстротой я переѣхалъ изъ Гарвича въ Лондонъ въ прекрасной и удивительно покойной каретѣ, запряженной четверкою отличныхъ лошадей съ короткими хвостами. Мы катились по дорогѣ гладкой какъ паркетъ, извивавшейся между лугами, покрытыми зеленѣющейся травой и прекрасно обработанными полями; мы безпрестанно проѣзжали мимо селеній съ прекрасными каменными домами, поражавшими меня своей ослѣпительной чистотой, такъ что я принималъ эти селенія за города; но еще болѣе плѣняли меня отдѣльные домики и фермы, которыя какъ будто соперничали между собой изяществомъ и чистотой; почти всѣ они безъ исключенія обвиты плющемъ или вьющимися растеніями, а вокругъ нихъ виднѣлись тамъ и сямъ земледѣльческія орудія и прекрасный рогатый скотъ;—однимъ словомъ, все это казалось мнѣ осуществленіемъ идеала деревенской жизни, созданнаго воображеніемъ поэтовъ. Въ пастухахъ и въ пастушкахъ также не было недостатка, но ихъ костюмъ и наружность не живописны и не романтичны, такъ что они не могли придать всей этой обстановкѣ характеръ настоящей пастушеской идилліи. Однако, не смотря на мою молодость, этотъ восторгъ нѣсколько охлаждался отъ дороговизны путешествія въ Англійскихъ почтовыхъ каретахъ, и я упрекалъ себя за то, что изъ тщеславія моимъ званіемъ дипломатическаго курьера я не поѣхалъ просто въ дилижансѣ (*mail*), что́ обошлось бы мнѣ втрое или вчетверо дешевле *).

*) Этотъ небольшой переѣздъ, сколько могу припомнить, обошелся мнѣ въ 6 или 7 фунт. ст. (150—175 фр.); двумъ кучерамъ приходилось платить по 5 фр. каждому *на чай*,

Библиотека "Руниверс"

Другое, сохранившееся въ моей памяти, воспоминаніе объ этой первой моей поѣздкѣ въ Англію вызвано впечатлѣніемъ, которое произвели на меня громадные размѣры Англійской столицы. Почти немедленно вслѣдъ за послѣдней перемѣной лошадей, мы въѣхали въ непрерывный рядъ улицъ съ прекрасными высокими домами, и я вообразилъ, что это какой нибудь лежащій на пути городокъ. Но когда я увидѣлъ, что этимъ улицамъ нѣтъ конца, я обратился съ вопросами къ ямщикамъ, которые отвѣчали мнѣ, что мы проѣзжаемъ Лондонскія предмѣстья, которыя не отдѣляются отъ города ни воротами, ни заставами и тянутся безъ перерыва до самаго центра столицы. Только по прошествіи слишкомъ часа времени мы достигли центральныхъ кварталовъ, и я остановился въ одной изъ указанныхъ мнѣ гостинницъ, находящейся вблизи отъ дома Русскаго посольства въ *Harley-Street*. Не говоря уже о моей усталости отъ дороги, я полагалъ, что было бы неудобно являться къ посланнику съ депешами въ такое позднее вечернее время и рѣшился отложить мое посѣщеніе до другаго дня, тѣмъ болѣе что въ моихъ депешахъ, какъ мнѣ было извѣстно, не было ничего не терпящаго отлагательства.

На другой день утромъ я отправился въ наемной каретѣ въ домъ посольства и тотчасъ былъ введенъ съ моими депешами и пакетами въ кабинетъ князя (тогда еще графа) Ливена, которому я еще не былъ лично знакомъ, но который тѣмъ не менѣе принялъ меня съ той нѣсколько холодной, но полной предупредительности учтивостью, которая составляла отличительную черту его характера. Пробѣжавъ нѣкоторыя изъ привезенныхъ мною бумагъ, онъ сказалъ мнѣ, что графъ Румянцовъ, рекомендуя меня въ его доброе расположеніе, проситъ его оставить меня на нѣсколько мѣсяцевъ въ Англіи для того, чтобъ я могъ ознакомиться съ страною, а потомъ, при первой встрѣтившейся надобности, послать меня снова въ качествѣ курьера или обратно въ Россію или-же въ Германію, гдѣ находилась въ то время главная квартира императора Александра. Я былъ столько-же обрадованъ этой новостью, сколько признателенъ графу Румянцову за такую неожиданную любезность, о которой онъ мнѣ не сказалъ ни слова передъ моимъ отъѣздомъ изъ Петербурга. Князь Ливенъ объявилъ мнѣ, что я могу свободно располагать моимъ временемъ для осмотра достопримѣчательностей и окрестностей Лондона и вмѣстѣ съ тѣмъ пригласилъ меня обѣдать. Въ тоже утро я имѣлъ честь представиться княгинѣ Ливенъ,

---

и это повторялось при каждой перемѣнѣ лошадей; я не думаю, чтобъ это была установленная такса, а скорѣй полагаю, что я платился за мою неопытность и за то, что я былъ новопріѣзжій.

Библиотека "Руниверс"

которой я привезъ изъ Россіи письма отъ ея родственниковъ Бенкендорфовъ.

Въ ту пору личный составъ нашего посольства въ Лондонѣ былъ очень многочисленъ самъ по себѣ, и сверхъ того онъ былъ еще усиленъ нѣкоторыми Русскими дипломатами, временно пребывавшими въ Лондонѣ въ ожиданіи того времени, когда прекращеніе войны дозволитъ имъ водвориться къ мѣстахъ своего назначенія. Изъ этихъ дипломатовъ я лично зналъ лишь очень немногихъ, а именно: барона Николаи [1]), состоявшаго при князѣ Ливенѣ въ званіи совѣтника посольства, и барона Засса [2]), который былъ прикомандированъ къ посольству спеціально для веденія переписки съ начальствомъ нашего флота, изъ предосторожности укрывшагося въ Англійскихъ портахъ въ предшествовавшемъ году, когда вторженіе Наполеоновскихъ армій стало грозить Петербургу. Кромѣ того въ ту пору находились въ Лондонѣ слѣдующіе дипломаты: назначенный посланникомъ въ Мадридъ *Татищевъ*, назначенный туда-же совѣтникомъ посольства *Полетика* и назначенный туда-же секретаремъ посольства молодой *Северинъ*, съ которымъ я такъ подружился въ Лондонѣ, что наша дружба продолжается и до сихъ поръ, не смотря на то, что намъ никогда не приходилось занимать служебные посты въ одномъ и томъже городѣ; князь *Козловскій* назначенный на постъ посланника въ Сардиніи, гдѣ онъ уже довольно долго жилъ въ качествѣ повѣреннаго въ дѣлахъ; состоящій при немъ совѣтникомъ посольства *Потемкинъ* [3]) и секретаремъ молодой *Гассе*. Сверхъ того при Лондонскомъ посольствѣ состояли: причисленный сверхъ штата молодой *Кокошкинъ* [4]) и два чиновника высшаго полета, назначеніе которыхъ заключалось не въ томъ, чтобъ подкрѣпить рабочія силы канцеляріи, а въ томъ, чтобъ придать посольству блескъ, а именно два камергера графъ *Левъ Потоцкій* [5]) и графъ *Иванъ Воронцовъ-Дашковъ* [6]). Кромѣ того, кн. Ли-

---

[1]) Дѣйств. тайн. сов. *бар. Николаи* впослѣдствіи былъ въ теченіе 20-ти лѣтъ Русскимъ посланникомъ въ Копенгагенѣ, а теперь живетъ въ удаленіи отъ дѣлъ.

[2]) Дѣйств. ст. сов. бар. *Зассъ* сначала былъ совѣтникомъ посольства въ Римѣ при Италинскомъ, а потомъ провелъ болѣе 30-ти лѣтъ въ качествѣ генеральнаго консула въ Неаполѣ, гдѣ и умеръ въ 1857 г., имѣя свыше 80-ти лѣтъ отъ роду.

[3]) *Потемкинъ,* родственникъ князя Потемкина, прославившагося въ царствованіе Екатерины, былъ впослѣдствіи посланникомъ въ Гагѣ, въ Мюнхенѣ и наконецъ въ Римѣ, гдѣ я и замѣнилъ его въ 1843 году.

[4]) *Кокошкинъ,* съ которымъ я, такъ же какъ и съ Северинымъ, подружился въ Лондонѣ, былъ впослѣдствіи посланникомъ въ Туринѣ, Неаполѣ и наконецъ Дрезденѣ, гдѣ находится и теперь.

[5]) Графъ *Левъ Потоцкій* былъ впослѣдствіи посланникомъ въ Стокгольмѣ и въ Неаполѣ и наконецъ возвратился, въ званіи члена Государственнаго Совѣта, въ Петербургъ, гдѣ и умеръ въ 1860 г., унеся съ собою общее уваженіе и общія сожалѣнія.

[6]) Графъ *Воронцовъ-Дашковъ,* двоюродный братъ знаменитаго фельдмаршала кн. Воронцова и племянникъ знаменитой княгини Дашковой, былъ посланникомъ въ Туринѣ, а потомъ въ Мюнхенѣ, но скоро возвратился въ Россію на одну изъ высшихъ придворныхъ должностей и умеръ въ Петербургѣ въ 1854 г.

Библиотека "Руниверс"

венъ привезъ съ собою изъ Петербурга и причислилъ къ посольству Французскаго эмигранта, блестящаго политическаго писателя маркиза *Де-ла-Мезонфоръ*, пріобрѣтшаго извѣстность политическими брошюрами, которыя въ ту пору очень читались и которыя были направлены противъ ненасытнаго честолюбія Наполеона. Я забылъ еще упомянуть одного изъ почтенныхъ ветерановъ нашей миссіи, отца *Смирнова*, который въ теченіе почти 30 лѣтъ состоялъ священникомъ посольской церкви и былъ всѣми уважаемъ за свои личныя достоинства и познанія. Благодаря продолжительному пребыванію въ Англіи, Смирновъ хорошо изучилъ страну и научился владѣть Англійскимъ языкомъ, какъ своимъ собственнымъ. Его дочери, родившіяся и воспитавшіяся въ Лондонѣ, и не знали другаго языка кромѣ Англійскаго; а его сынъ, воспитывавшійся въ Россіи, былъ назначенъ генеральнымъ консуломъ въ Геную, гдѣ кончилъ свою жизнь самоубійствомъ, въ припадкѣ ипохондріи.

Эта многочисленная колонія моихъ соотечественниковъ-дипломатовъ приняла меня съ такой благосклонностью, которая до сихъ поръ не могла изгладиться изъ моей памяти и которая, натурально, много способствовала тому, чтобъ мое пребываніе въ Лондонѣ было для меня и пріятно, и поучительно, такъ какъ она доставляла мнѣ средства изучить страну, столь непохожую на другія страны и столь интересную по своимъ богатствамъ, по своему могуществу и по своей формѣ правленія, вызвавшей столько невсегда удачныхъ подражаній. Впрочемъ, я долженъ сознаться, что я не извлекъ надлежащей пользы изъ моего пребыванія въ Лондонѣ и что причиною этого было мое незнаніе мѣстнаго языка, который былъ понятенъ для меня только въ чтеніи, но на которомъ я не былъ въ состояніи самъ объясняться и даже ничего не понималъ, когда слышалъ разговаривающими другихъ. За то я нашелъ въ моихъ юныхъ сослуживцахъ превосходныхъ *чичероне* и руководителей при посѣщеніи Лондонскихъ гульбищъ и театровъ и при осмотрѣ мѣстныхъ достопримѣчательностей. Они также ввели меня въ домъ графа Семена Воронцова (отца фельдмаршала), который проживалъ въ Лондонѣ болѣе 20 лѣтъ посланникомъ, снискалъ тамъ общее уваженіе и находился въ тѣсной дружбѣ съ знаменитымъ Питтомъ; по выходѣ въ отставку, графъ не захотѣлъ покинуть Лондонъ и жилъ тамъ частнымъ человѣкомъ вслѣдствіе многолѣтней привычки, а также изъ привязанности къ своей единственной дочери, находившейся въ замужествѣ за однимъ изъ самыхъ знатныхъ Англійскихъ аристократовъ, лордомъ Пемброкомъ. Этотъ почтенный старикъ, всегда придерживавшійся Русскихъ гостепріимныхъ обычаевъ и, не смотря на долгое пребываніе въ Англіи, не научившійся ея языку,

Библиотека "Руниверс"

любилъ собирать соотечественниковъ за своимъ столомъ; священникъ Смирновъ, который былъ почти такихъ-же преклонныхъ лѣтъ, какъ графъ, бралъ на себя обязанности любезнаго хозяина за этими обѣдами, на которыхъ, въ числѣ разныхъ изысканныхъ блюдъ Французской кухни, всегда подавались и какія нибудь Русскія національныя кушанья. Я привезъ графу рекомендательныя письма отъ его сына, отличившагося въ 1812 г. и отъ старика бар. Николаи, съ которымъ видѣлся при проѣздѣ черезъ Выборгъ; онъ принялъ меня съ отеческой благосклонностью и включилъ меня въ число своихъ обычныхъ посѣтителей. По привычкѣ всѣхъ пожилыхъ людей, занимавшихъ высокіе посты, онъ любилъ разсказывать за обѣдомъ интересныя подробности и анекдоты изъ своей жизни и не только касательно Англіи, но также касательно царствованія и двора императрицы Екатерины. Меня очень скоро перестала заботить мысль о томъ, какъ проводить мое время въ Лондонѣ. Утренніе часы я посвящалъ или посѣщенію друзей, или осмотру многочисленныхъ достопримѣчательностей Лондона, или же на переписку съ *cara patria*; потомъ мы сходились обѣдать или къ посланнику, или къ гр. Воронцову, или же къ барону Николаи, жена котораго, урожденная княжна Брольи, была столько же отличной супругой и матерью, сколько любезной хозяйкой дома. Только въ рѣдкихъ случаяхъ намъ приходилось обѣдать въ гостинницахъ,—или въ *отель Брюне*, устроенномъ на Французскій ладъ, или въ *отель Кларендонъ*, которыя въ то время были въ самой большой славѣ. Въ ту пору въ Лондонѣ еще не было тѣхъ блестящихъ клубовъ съ изысканными обѣдами, кабинетами для чтенія и всѣми возможными удобствами, которые такъ сильно размножились впослѣдствіи. Правда, тамъ существовали клубы для азартныхъ игръ; но я, изъ благоразумной предосторожности, воздержался отъ ихъ посѣщенія.

Лишь мало по малу былъ я въ состояніи припомнить всѣ упомянутыя имена и всѣ подробности касательно первой поры моего пребыванія въ Лондонѣ, такъ какъ со втораго же дня моего пріѣзда ко мнѣ возвратилась перемежающаяся лихорадка, которою я занемогъ во время морскаго переѣзда и отъ которой я не могъ отдѣлаться въ теченіе нѣсколькихъ недѣль. Во время этой болѣзни меня посѣщалъ присланный ко мнѣ княземъ Ливеномъ докторъ посольства Муръ, братъ адмирала и храбраго генерала того-же имени, убитаго въ Испаніи въ войнѣ съ Наполеоновскими арміями; эта честь стоила мнѣ довольно дорого, потому что я долженъ былъ платить за каждый докторскій визитъ по одной гинеѣ, что̀ было крайне чувствительно для моего тощаго кошелька.

Библиотека "Руниверс"

Отдѣлавшись отъ лихорадки, я покинулъ гостинницу и переѣхалъ въ Marylebone-Sreet, въ меблированную квартиру, которую вышеупомянутый бар. Зассъ предложилъ мнѣ раздѣлить вмѣстѣ съ нимъ на половинныхъ расходахъ и въ которой я оставался до самаго отъѣзда изъ Лондона *). Это было вдвойнѣ выгодно для меня, потому что баронъ не только превосходно владѣлъ Англійскимъ языкомъ, но и былъ очень хорошо принятъ въ высшемъ Лондонскомъ обществѣ, куда и мнѣ отъ времени до времени случалось проникать подъ его покровительствомъ. Вотъ откуда и зародилась между нами та дружеская связь, которая не ослабѣвала въ теченіи 40 лѣтъ и продолжалась вплоть до его смерти въ Неаполѣ, гдѣ мы часто видались въ послѣдніе годы его жизни. Вообще я былъ въ ту пору еще слишкомъ молодъ и неопытенъ, чтобъ понимать, какое было счастье для меня въ томъ, что я прямо попалъ въ кружокъ любезныхъ соотечественниковъ, отличавшихся какъ своимъ образованіемъ, такъ и своими нравственными принципами и привычками; если бы я имѣлъ несчастіе попасть въ сферу какихъ-нибудь безнравственныхъ людей, я, при совершенномъ незнаніи языка, подвергся бы опасностямъ различныхъ соблазновъ, которые такъ же многочисленны въ Лондонѣ, какъ и во всѣхъ большихъ столицахъ. Но я вынесъ изъ моего пребыванія въ Лондонѣ лишь пріятныя и интересныя воспоминанія и вмѣстѣ съ тѣмъ чувства неизгладимой признательности не только къ молодымъ друзьямъ-соотечественникамъ, съ которыми я всего ближе сошелся, какъ-то къ Северину и Кокошкину, но и къ нѣкоторымъ другимъ людямъ болѣе зрѣлаго возраста, изъ числа которыхъ бар. Николаи и въ особенности гр. Левъ Потоцкій оставили во мнѣ такія пріятныя воспоминанія, которыя не изгладились и до сей минуты.

Лишь только я высвободился изъ заточенія, въ которомъ меня удерживала моя болѣзнь, я сталъ усердно осматривать городъ и посѣщать прогулки, театры и другія мѣста серьозныхъ или забавныхъ развлеченій, подъ руководствомъ кого-либо изъ моихъ любезныхъ *чичероне* и чаще всего подъ руководствомъ Северина или Кокошкина. Главными достопримѣчательностями Лондона были въ то время: прекрасное, выстроенное въ готическомъ вкусѣ, Вестминстерское аббатство, огромная и старинная зала (*Westminster-Hall*), въ которой совершается коронованіе королей, и залы парламента, которыя были въ то время тѣсны и неизящны: Палата Пэровъ, въ которой есть старинные

---

*) Каждый изъ насъ занималъ въ домѣ отдѣльный этажъ, состоявшій изъ маленькой гостинной и маленькой спальной,—такъ вообще не велики Лондонскіе дома, но за то чрезвычайно чисты. Прислуга помѣщается очень высоко, а кухня почти подъ землей.

Библиотека "Руниверс"

шелковые обои, изображающіе Испанскую армаду Филиппа II, и Палата Общинъ. Теперь эти зданія замѣнены огромнымъ и великолѣпнымъ дворцомъ, который, какъ говорятъ, представляетъ, и по своей роскоши, и по своимъ размѣрамъ, поразительный контрастъ съ старымъ и маленькимъ Сенъ-Джемскимъ дворцомъ, оставшимся до сихъ поръ въ прежнемъ видѣ и вполнѣ оправдывающимъ названіе *госпиталя*, которое далъ ему Петръ Великій при посѣщеніи Англіи въ концѣ XVII столѣтія. Я также посѣщалъ нѣсколько разъ старинную *Лондонскую башню*, съ которой связано столько мрачныхъ воспоминаній, благодаря тому, что въ средніе вѣка она была театромъ кровавыхъ сценъ, начиная съ умерщвленія *дѣтей Эдуарда* и кончая отвратительными казнями, совершавшимися по приказанію тирана Генриха VIII и даже по приказанію его знаменитой дочери Елисаветы, которая была великой государыней, но женщиной неумолимой въ чувствахъ ненависти и ревности. Впослѣдствіи *Лондонская башня* превратилась въ обыкновенную тюрьму для политическихъ преступниковъ и, наконецъ, уже болѣе полувѣка перестала служить и для этого употребленія. Въ мое время тамъ не было ничего кромѣ прекраснаго арсенала старинныхъ и новѣйшихъ оружій, цѣлаго ряда вооруженныхъ съ головы до ногъ рыцарей, сидѣвшихъ на коняхъ, также покрытыхъ военными доспѣхами и нѣсколько залъ, наполненныхъ совершенно новыми ружьями, которыя были разставлены съ нѣкоторымъ вкусомъ вдоль стѣнъ и промежъ оконъ. Мой путеводитель увѣрялъ меня, что тамъ болѣе 100 тысячъ огнестрѣльныхъ оружій, совершенно готовыхъ къ отправкѣ въ Англійскую армію, находившуюся въ Испаніи и въ другія мѣста, и что Англійскіе оружейные заводы такъ многочисленны и такъ дѣятельны въ военное время, что лишь только хранящееся въ арсеналѣ оружіе отправляется къ своему назначенію, оно тотчасъ замѣняется новымъ. Мнѣ также показывали въ одной изъ залъ *башни* коронные брилліанты, которые я не нашелъ такими богатыми и многочисленными, какъ можно-бы было ожидать въ столь богатой странѣ, но ихъ число и богатство вѣроятно много увеличились съ тѣхъ поръ, благодаря присылкѣ сокровищъ Великаго Могола, имперія котораго перешла въ руки Англичанъ.

Я также посѣтилъ другія зданія, замѣчательныя своей древностью или историческими воспоминаніями, какъ-то: *Mansion House*, служащій резиденціей для Лондонскаго лорда-мэра; сохранившуюся часть дворца *Whitehall*, гдѣ мнѣ указывали на окно, изъ котораго несчастный Карлъ I смотрѣлъ на эшафотъ, воздвигнутый для его казни на площади передъ дворцомъ; старинный Сенъ-Джемскій дворецъ, о которомъ я упоминалъ выше; болѣе новый и болѣе обширный *Buckingham-House*,

Библиотека "Руниверс"

который до сихъ поръ служитъ городской резиденціей для Англійскихъ государей, зданіе биржи и *Lloyd*, гдѣ сосредоточивается торговля всего міра; мосты *Лондонскій и Вестминстерскій*, которые были въ то время единственными мостами на Темзѣ; впослѣдствіи ихъ было выстроено много, не говоря уже о знаменитомъ *тоннелѣ*, проведенномъ подъ дномъ Темзы, который обошелся въ 20 милліоновъ фунт. стер. (130 мил. Русск. рублей) и, не принося никакой пользы, служитъ лишь свидѣтельствомъ сумасбродной причудливости самого цивилизованнаго въ Европѣ народа. Впрочемъ на меня произвели впечатлѣніе не зданія, мрачныя, закоптѣлыя отъ дыма и вовсе непривлекательныя для глазъ, а обширность этой столицы и безчисленное число ея улицъ, хотя и узкихъ, но очень чистыхъ. Меня также удивляло то, что нигдѣ не видно Темзы, этой главной артеріи всемірной торговли, которую мнѣ хотѣлось сравнить съ нашей Невой, но которую скрывали отъ глазъ стѣны домовъ, и вдоль которой въ ту пору даже не было устроено набережной.

Но если мрачная наружность закоптѣлыхъ кирпичныхъ домовъ однообразной архитектуры или скорѣе безъ всякаго архитектурнаго стиля и могла показаться печальной иностранцу, видѣвшему другія Европейскія столицы, за то удивительная опрятность этихъ домовъ, равно какъ улицъ и тротуаровъ, непрерывное движеніе пешеходовъ и экипажей, изящные туалеты мущинъ и женщинъ, магазины, наполненные самыми разнообразными товарами и предметами роскоши,—все это вмѣстѣ взятое производило такое впечатлѣніе на вновь прибывшаго иностранца, что въ его умѣ натурально возникалъ тотъ самый вопросъ, который, какъ разсказываютъ, вырвался изъ устъ императора Александра I-го, когда онъ въ первый разъ проѣзжалъ по Лондонскимъ улицамъ: *но гдѣ же простой народъ?* Въ особенности магазины привлекали вниманіе проходящихъ, и подлѣ нихъ собирались толпы уличныхъ зѣвакъ. Я, въ качествѣ новопріѣзжаго иностранца, также принадлежалъ къ числу этихъ послѣднихъ. Мнѣ не разъ случалось выйти изъ моей квартиры въ *Marylebone-Street* съ цѣлію побывать у банкира, которому я былъ рекомендованъ; но встрѣчавшіеся на моемъ пути магазины до такой степени притягивали меня къ себѣ своими чарами, что я приходилъ въ банкирскую контору въ *City* такъ поздно, что едва успѣвалъ окончить мои дѣла въ конторѣ и воротиться домой къ обѣду, то-есть къ 6-ти или 7-ми часамъ вечера. Такимъ образомъ, самъ того не замѣчая, я проводилъ цѣлое утро въ томъ, что ходилъ по улицамъ, останавливаясь, то на право, то на лѣво и отъ времени до времени входя въ магазины, чтобъ разсмотрѣть вблизи множество мелкихъ вещей, назначеніе которыхъ мнѣ

Библиотека "Руниверс"

было вовсе неизвѣстно,—до такой степени утонченны требованія Англійскаго комфорта во всемъ, что касается меблировки, столовыхъ приборовъ, освѣщенія и тысячи другихъ мелкихъ потребностей, о которыхъ въ ту пору не имѣли никакого понятія въ другихъ странахъ. Не могу также не замѣтить, что даже когда я входилъ въ магазины изъ одного любопытства, безъ всякаго намѣренія что-либо купить, сами купцы или ихъ прикащики были чрезвычайно вѣжливы, съ готовностію отвѣчали на мои вопросы, показывали мнѣ товары, объясняя ихъ употребленіе и при этомъ не обнаруживали ни малѣйшаго нетерпѣнія, не смотря на то, что я съ большимъ трудомъ могъ съ ними объясняться.

Но что меня всего болѣе восхищало во время моихъ странствованій по обширной столицѣ, это находящіеся въ рединѣ города общественные сады, и въ особенности два прекрасныхъ парка *Сенъ-Джемскій* и *Гайдъ-паркъ*, которые были единственные во всемъ городѣ, такъ какъ въ ту пору еще не существовали ни *Regent-Park* ни *Zoological garden*, которые еще болѣе великолѣпны и еще болѣе обширны. *Сенъ-Джемскій* паркъ, примыкающій къ старинному дворцу того же имени и усаженный великолѣпными каштановыми, дубовыми и липовыми деревьями, не очень великъ объемомъ и служитъ мѣстомъ прогулки преимущественно для пѣшеходовъ, тогда какъ обширный *Гайдъ-паркъ* служитъ мѣстомъ сборища для самыхъ щегольскихъ аристократическихъ экипажей и для самыхъ блестящихъ наѣздниковъ и наѣздницъ, принадлежащихъ къ самымъ высшимъ и самымъ зажиточнымъ классамъ населенія; при этомъ меня поразило то обстоятельство, что въ этихъ кавалькадахъ, не рѣдко состоявшихъ изъ очень большаго числа лицъ, особы женскаго пола фигурировали почти въ такомъ же числѣ, какъ и особы мужскаго пола,—чего не бываетъ въ другихъ странахъ. Роскошь и изящество колясокъ, каретъ и кабріолетовъ, богатство ливрей, красота и породистость упряжныхъ и верховыхъ лошадей—все это казалось мнѣ по истинѣ чѣмъ-то невѣроятнымъ, а между тѣмъ число этихъ великолѣпныхъ экипажей, перекрещивавшихся во всѣхъ направленіяхъ, казалось, не имѣетъ конца; и замѣчательно то, что такое огромное стеченіе публики повторяется каждый день, а не такъ, какъ въ другихъ мѣстахъ, только въ нѣкоторые назначенные дни или по случаю какого-нибудь праздника. Въ то время я могъ сравниватъ такія общественныя гулянья только съ тѣми, которыя происходятъ въ Петербургѣ на Масляницѣ и Святой Недѣлѣ, и потому весьма понятно, какое сильное впечатлѣніе они должны были производить на меня. Но впослѣдствіи я познакомился съ Парижскими *Champs-Élysés*, съ Римскими и Неаполитанскими *Corso* и нашелъ, что они не вы-

Библиотека "Руниверс"

держиваютъ никакого сравненія съ тѣмъ, что̀ я видѣлъ въ Лондонѣ. Только, можетъ быть, одинъ *Булоньскій лѣсъ*, съ тѣхъ поръ какъ онъ былъ расширенъ и расчищенъ въ царствованіе Наполеона III, былъ бы въ состояніи соперничать съ Лондонскими парками, но и то въ весьма слабой степени, такъ какъ Лондонскія гулянья превосходятъ Парижскія богатствомъ и числомъ экипажей, а равно и красотою лошадей. Кромѣ прогулокъ въ паркахъ, мнѣ очень нравились хорошенькіе наполненные деревьями, цвѣтами и зеленью, *скверы*, которые довольно часто встрѣчаются въ нѣкоторыхъ частяхъ города; хотя они и окружены рѣшетками, которыя дѣлаютъ ихъ доступными лишь для немногихъ, тѣмъ не менѣе, будучи расположены посреди мрачныхъ кирпичныхъ зданій, они очень пріятны для глазъ. Сверхъ того они служатъ мѣстомъ прогулки для живущихъ въ сосѣдствѣ съ ними дѣтей. Поэтому, проходя утромъ подлѣ любаго изъ этихъ скверовъ, можно быть всегда увѣреннымъ, что увидишь тамъ массу прелестныхъ мальчиковъ и дѣвочекъ, одѣтыхъ съ той чистотой и съ тѣмъ изяществомъ, которыя можно найти въ одной Англіи, и сопровождаемыхъ нянъками, то-есть большею частію молоденькими и хорошенькими дѣвушками, обращающими на себя вниманіе изящной простотой и безподобной опрятностью своего туалета.

Я былъ вынужденъ прервать на этомъ пунктѣ мои воспоминанія о 1813 годѣ по причинѣ довольно серьезной и продолжительной болѣзни и послѣдовавшаго вслѣдъ за тѣмъ чрезвычайнаго истощенія силъ; поэтому, приступая къ продолженію моего разсказа, я ограничусь краткимъ изложеніемъ самыхъ выдающихся воспоминаній о моемъ кратковременномъ пребываніи въ Англіи, или, правильнѣе сказать, въ Лондонѣ, изъ котораго я, въ качествѣ курьера, всегда готоваго къ отъѣзду по первому требованію, отлучался для посѣщенія только тѣхъ Лондонскихъ окрестностей, которыя находятся въ самомъ близкомъ разстояніи отъ города.

Парижъ, Апрѣль 1861.

Эпоха моего прибытія въ Англію (Іюнь 1813) была самая благопріятная для меня въ томъ отношеніи, что въ ту пору Русскій путешественникъ могъ разсчитывать на самый благосклонный и почти восторженный пріемъ со стороны всѣхъ классовъ мѣстнаго населенія. Объясняется это тѣмъ, что Англійская нація, доведенная непрерывными войнами до крайняго ожесточенія противъ Бонапарта, была въ ту пору въ совершенномъ упоеніи отъ блестящаго исхода войны 1812 г., отъ неслыханнаго пораженія Наполеоновскихъ армій и отъ великоду-

Библиотека "Руниверс"

шія императора Александра, принявшаго на себя роль освободителя Европы отъ Наполеоновскаго ига. Повсюду слышались разсказы о Русскомъ императорѣ, о покрытыхъ славою его генералахъ, о патріотизмѣ и самоотверженіи Русскаго народа и о пожарѣ Москвы. Лондонскіе магазины были наполнены гравюрами и эстампами, на которыхъ изображались битвы Русскихъ съ Французами, страшныя бѣдствія Французской арміи, усѣявшей, во время своего отступленія, покрытыя снѣгомъ поля мертвыми и умирающими, и въ особенности тайное и унизительное бѣгство Наполеона, закутаннаго въ мѣховыя одежды, сопровождаемаго небольшою свитою, въ числѣ которой находился его Мамелюкъ, и преслѣдуемаго отрядомъ казаковъ.

Портреты Александра, фельдмаршала Кутузова, князя Багратіона, графа Витгенштейна и въ особенности атамана графа Платова были выставлены въ окнахъ магазиновъ. Однимъ изъ самыхъ характерныхъ доказательствъ увлеченія Англичанъ всѣмъ, что̀ носило Русское имя, служитъ тотъ фактъ, что корифеи знаменитыхъ *Эпсомскихъ* скачекъ дали имя Кутузова той лошади, за которую выигрались въ этомъ году главные заклады; эта лошадь была впослѣдствіи продана за баснословную цѣну 5-ти или 6-ти тысячъ фунт. ст. Мнѣ разсказывали, что, за нѣсколько недѣль до моего пріѣзда въ Лондонъ, туда прибылъ Русскій офицеръ (капитанъ Бокъ), присланный генераломъ Теттенборномъ для того, чтобъ возвѣстить объ освобожденіи Гамбурга, которымъ онъ овладѣлъ, благодаря смѣлому натиску, вытѣснивъ находившійся тамъ небольшой Французскій гарнизонъ. Не только этому офицеру, при его появленіи на Лондонскихъ улицахъ, дѣлали оваціи, но даже состоявшаго при немъ казака (простаго солдата) встрѣчали самыми шумными выраженіями сочувствія. Самыя знатныя Англійскія аристократки наперерывъ приглашали его къ себѣ, чтобъ одарить цѣнными подарками, цѣпочками, кольцами, пистолетами въ дорогой оправѣ, которые нашъ козакъ съ удивленіемъ, но очень охотно, принималъ, выражая свою признательность забавными пантомимами. Когда ему случалось сопровождать верхомъ своего офицера на гуляньѣ въ Гайдъ-паркѣ, толпа встрѣчала его криками ура; а на обѣдѣ, данномъ капитану Боку Англійскими негоціантами, его непремѣнно хотѣли заставить идти впереди его начальника,—до такой степени наши герои-Донцы были въ то время популярны въ Англіи. Этотъ казакъ *) удостоился даже такой чести, что могъ видѣть свой, очень хорошо литографированный, портретъ не только въ окнахъ магазиновъ, но даже

*) Мнѣ такъ часто случалось видѣть портреты этого казака съ обозначеніемъ его имени, что я и до сихъ его не позабылъ: онъ назывался *Ал. Земленухинъ*.

въ частныхъ домахъ. До какой степени увлекались имъ Англичане, можно видѣть изъ слѣдующаго анекдота: однажды, за обѣдомъ у графа Семена Воронцова, кто-то заговорилъ съ нимъ о чрезвычайной любезности, съ которою принимали въ то время г-жу Сталь и дворъ, и высшее общество, и публика; серьезный и почтенный старецъ возразилъ на это улыбаясь: *она замѣнила собою казака*. Эта эпиграмма разсмѣшила даже тѣхъ между присутствовавшими на обѣдѣ, которые принадлежали къ числу поклонниковъ знаменитой писательницы.

Излагая мои воспоминанія объ этой отдаленной эпохѣ, я не могу не задуматься надъ рѣзкой противоположностью между общимъ единодушнымъ сочувствіемъ и уваженіемъ, съ которымъ относились въ 1813 г. къ Россіи и Англійское правительство, и Англійскій народъ, и тѣмъ завистливымъ недовѣріемъ, доходившимъ даже до явной непріязни, которое въ теченіе почти двадцати послѣднихъ лѣтъ было главной характеристической чертой взаимныхъ отношеній между двумя великими и могущественными государствами, находившимися до тѣхъ поръ въ неизмѣнной дружбѣ, которая вела свое начало еще до царствованія Петра Великаго. Непродолжительный разрывъ между ними, случившійся въ царствованіе Павла, равно какъ война, скорѣй номинальная, чѣмъ дѣйствительная, которая была вызвана черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того нашимъ, отчасти вынужденнымъ, союзомъ съ Наполеономъ послѣ Тильзитскаго мира, были не болѣе какъ преходящими эпизодами, въ сущности не разрывавшими старинныхъ узъ согласія и дружбы. Но закоренѣлая непріязнь къ Россіи, которую Англичане обнаружили во время Крымской войны, ихъ упорныя усилія овладѣть Кронштадтомъ и Петербургомъ, ихъ жестокое и безчеловѣчное обхожденіе съ содержавшимися въ Англіи Русскими военноплѣнными, наконецъ ихъ упорная оппозиція (на Парижскомъ конгрессѣ въ 1856) противъ прекращенія войны, для которой спасеніе Турціи служило лишь предлогомъ: вотъ что внушило и Русскому правительству, и всѣмъ классамъ Русскаго народа такое глубокое чувство непріязни къ Англіи, которе едва ли скоро изгладится.

Вслѣдствіе благопріятнаго для Россіи настроенія умовъ, которое господствовало въ Англіи во время моего тамъ пребыванія, даже неимѣющій никакихъ рекомендацій Русскій путешественникъ нашелъ бы всюду радушный пріемъ. Но я сверхъ того имѣлъ счастіе попасть на любезныхъ соотечественниковъ и сослуживцевъ, которые дѣлали все, что могли, чтобъ предохранить меня отъ разныхъ затрудненій и ошибокъ, почти неизбѣжныхъ для каждаго новопріѣзжаго. Благодаря этому, я могъ съ полнымъ для меня удобствомъ пользоваться всѣми удовольствіями Лондонской жизни. Всего болѣе привлекалъ ме-

Библиотека "Руниверс"

ня театръ, такъ какъ въ ту пору Итальянская опера въ Лондонѣ была лучшею во всей Европѣ. Составъ Итальянской труппы былъ превосходный; къ ней принадлежали: знаменитая *Каталани*, съ которой я впослѣдствіи лично познакомился (посѣтивъ ее, вмѣстѣ съ моими пріятелями, въ ея загородномъ домѣ, гдѣ она жила со своими дѣтьми). *Трамецанни* прелестный теноръ, *Нальди* превосходный басъ, котораго могъ впослѣдствіи затмить только одинъ Лаблашъ, и нѣсколько другихъ артистовъ, имена которыхъ я позабылъ. Въ ту пору исполняли на сценѣ только произведенія старинныхъ Итальянскихъ композиторовъ, которыя должны были скоро уступить мѣсто произведеніямъ Россини, Беллини и Доницетти, точно такъ какъ произведенія этихъ трехъ знаменитостей были впослѣдствіи замѣнены операми Верди и его подражателей. Зала Итальянской оперы *(Kings Theatre)* была не столько красиво и хорошо убрана, сколько обширна; она казалась особенно великолѣпной въ тѣхъ случаяхъ, когда, по поводу какого-нибудь королевскаго или національнаго праздника или по поводу какой-нибудь новой побѣды лорда Веллингтона въ Испаніи, публика партера и четырехъ или пяти рядовъ ложъ радостно вставала съ своихъ мѣстъ, чтобъ выслушать стоя національный гимнъ *(God save the King)*, исполняемый лучшими артистами Итальянской труппы. Меня очень удивляло то, что даже въ кресла и въ партеръ нельзя было войти иначе какъ въ башмакахъ и въ бѣломъ галстукѣ. Несмотря на мое плохое знакомство съ Англійскимъ языкомъ, я также посѣщалъ иногда Англійскій театръ, но всякій разъ въ обществѣ пріятелей, служившихъ для меня переводчиками. Я даже имѣлъ случай видѣть знаменитую актрису г-жу *Siddons* *) въ роли леди Макбетъ и хотя я не могъ понимать того, что она говорила, но угадывалъ смыслъ ея рѣчи благодаря ея удивительной и потрясающей мимикѣ и благодаря выразительности ея физіономіи. Ея манера произносить слова *out! out!*, судорожно обтирая себѣ руки, казавшіяся ей забрызганными королевскою кровью, произвела на меня впечатлѣніе, которое и до сихъ не могло изгладиться изъ моей памяти. *Ковенгарденскій* театръ, предназначенный для трагедій и комедій, менѣе обширенъ и не лучше отдѣланъ чѣмъ оперный; самый же нарядный изъ всѣхъ есть *Дрюриленскій* театръ, хотя онъ меньше другихъ, и въ немъ даются только небольшія

---

*) Г-жа *Siddons* была немолодая женщина, уже за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ покинувшая сцену, но снова выступившая на этотъ разъ передъ публикой только для того, чтобъ помочь первымъ дебютамъ молодой актрисы по имени *Miss Oneil*, которая, какъ полагали, унаслѣдовала драматическій талантъ своей покровительницы. Но красота дебютанки скоро внушила сильную страсть одному лорду, который и женился на ней, заставивъ отказаться отъ этой профессіи; впрочемъ подобные случаи нерѣдки въ Англіи.

Библиотека "Руниверс"

піесы; онъ выстроенъ и отдѣланъ заново послѣ пожара, который обратилъ его въ предшествовавшемъ году въ груды пепла. Чтобъ предохранить его впредъ отъ подобнаго несчастія, въ немъ устроены во всѣхъ этажахъ водопроводныя трубы, такъ что, въ случаѣ пожара, вся зала можетъ быть залита водой въ одно мгновеніе. Я нашелъ, что публика, посѣщающая этотъ хорошенькій театръ, далеко неизбранная; въ немъ даже лучшія ложи не посѣщались дамами хорошаго общества изъ опасенія непріятнаго сосѣдства. Меня очень удивило, что тамъ шумятъ и громко разговариваютъ даже въ то время, какъ актеры еще находятся на сценѣ, и я самъ видѣлъ, какъ апельсинныя корки летѣли изъ ложъ въ партеръ; такіе безпорядки были бы невозможны ни въ одномъ изъ двухъ большихъ театровъ. Изъ маленькихъ театровъ я посѣщалъ театръ *Astley*, служащій циркомъ для превосходныхъ акробатовъ и еще одинъ, котораго названія я не припомню. Этотъ послѣдній отличался тѣмъ, что въ немъ давали піесы *à naumachies* въ подражаніе древнимъ; тамъ можно было видѣть, какъ сцена мгновенно покрывается текучей водой, изображающей морской берегъ или рѣку, и какъ корабли вступаютъ между собою въ бой, или какъ рѣка покрывается парусными или гребными судами, которыя плаваютъ взадъ и впередъ съ одного конца сцены до другаго.

Что касается до публичныхъ баловъ, всего болѣе посѣщавшихся въ то время, то они давались въ *Wauxhall'ѣ*, находящемся почти на самомъ концѣ города; изъ любопытства я однажды отправился туда съ барономъ Зассомъ. Это большой садъ съ аллеями, бесѣдками, фонтанами и кофейнями; все это прекрасно освѣщено и наполнено многочисленной публикой, принадлежащей къ самымъ разнообразнымъ слоямъ общества; рядомъ съ садомъ находится довольно большой домъ съ нѣсколькими залами и буфетами для танцующихъ. Мой товарищъ назвалъ мнѣ изъ числа мущинъ нѣсколько лицъ съ громкими именами, но между дамами тамъ было очень мало такихъ, которыя принадлежали къ хорошему обществу. Однако мы видѣли тамъ герцога *Суссекскаго* (одного изъ братьевъ принца-регента), одѣтаго въ Шотландскій костюмъ т.-е. съ ногами обнаженными до колѣнъ, и прогуливавшагося подъ руку съ принцессой *Вельской* (супругой принца-регента), которая уже тогда жила порознь отъ мужа и вела образъ жизни не совсѣмъ приличный для особы ея сана.

Въ ту пору было также много раутовъ и баловъ въ аристократическихъ домахъ, такъ какъ по Англійскимъ обычаямъ, и въ противоположность съ тѣмъ, что въ обычаѣ у другихъ Европейскихъ народовъ, блестящій сезонъ высшаго Лондонскаго общества бываетъ весной и лѣтомъ; а осенью и зимой это общество разъѣзжается или

Библиотека "Руниверс"

на воды или на морскія купанья, а потомъ живетъ въ своихъ за́мкахъ до Февраля, то-есть до времени открытія парламентской сессіи, которая обыкновенно продолжается до Августа. По крайней мѣрѣ таковы были обычаи этого общества въ ту эпоху, о которой я веду рѣчь; потому что, вслѣдствіе непрерывной и ожесточенной войны съ Франціей и вслѣдствіе повсемѣстнаго господства Наполеона, почти весь материкъ былъ запертъ для Англійскихъ путешественниковъ и туристовъ, наводняющихъ въ наше время всѣ Европейскія страны. Въ ту пору этимъ туристамъ не оставалось иного рессурса, какъ посѣщать Турцію, Грецію и Восточныя страны; только эти страны и были для нихъ доступны, и то не безъ риска и не безъ затрудненій, потому что Средиземное море было усѣяно морскими разбойниками, Французскими, Итальянскими, Испанскими и Англійскими, не говоря уже о морскихъ разбояхъ, которыми занимались жители Сѣверной Африки. Также на перекоръ тому, что́ дѣлается въ другихъ столицахъ, воскресенье есть тотъ день недѣли, въ который Лондонъ совсѣмъ безжизненъ и не даетъ обывателямъ никакихъ средствъ для развлеченія, такъ какъ въ этотъ день нѣтъ ни представленій въ театрахъ, ни концертовъ, кофейныя заперты, музыка запрещается въ паркахъ и другихъ публичныхъ мѣстахъ, и даже въ частныхъ домахъ не бываетъ ни танцовальныхъ, ни музыкальныхъ вечеровъ. Для иностранца нѣтъ другаго способа избавиться въ эти дни отъ скуки и одиночества, какъ отправиться за городъ, напримѣръ въ Ричмондъ, расположенный въ прелестной мѣстности на берегу Темзы, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Лондона. Я часто прибѣгалъ къ этому рессурсу вмѣстѣ съ моими молодыми пріятелями; мы отправлялись въ Ричмондѣ завтракать или обѣдать въ знаменитый отель *Star and Garter*, и потомъ любовались прекрасной террасой, расположенной отвѣсно надъ берегами Темзы, которая извивается между зелеными лужайками и хорошенькими деревенскими домиками, возвышающимися по обѣимъ ея сторонамъ. Я конечно не могу сравнивать этотъ маленькій сельскій ландшафтъ съ великолѣпными видами Швейцаріи, Италіи и Босфора, съ которыми я познакомился впослѣдствіи; тѣмъ не менѣе Ричмондская терраса не изгладилась изъ моей памяти отчасти можетъ-быть и потому, что съ нею связаны воспоминанія о кровожадномъ тиранѣ Генрихѣ VIII, который, какъ гласитъ преданіе, искалъ тамъ развлеченія послѣ того какъ далъ приказаніе казнить одну изъ своихъ многочисленныхъ женъ, если не ошибаюсь Анну Боленъ, мать королевы Елисаветы (*Queen Bess*).

Во время моего пребыванія въ Лондонѣ произошло закрытіе парламента, и я имѣлъ возможность присутствовать на этой церемоніи, бла-

Библиотека "Руниверс"

годаря любезности кн. Ливена, позволившаго мнѣ сопровождать его, вмѣстѣ съ блестящимъ персоналомъ посольства, въ трибуну Палаты Пэровъ, предназначенную для дипломатическаго корпуса. Эта церемонія болѣе интересна возбуждаемыми ею историческими воспоминаніями, нежели своей внѣшней обстановкой, такъ какъ зала, гдѣ она происходитъ, не велика, неизящна и ветха. Мы могли видѣть, какъ входили въ залу и по старшинству размѣщались на скамьяхъ члены Палаты Пэровъ, въ длинныхъ мантіяхъ, подбитыхъ горностаемъ, и съ чѣмъ-то въ родѣ шапочки въ рукахъ. Во главѣ ихъ вошелъ президентъ палаты, лордъ-канцлеръ въ огромномъ парикѣ *à la Louis XIV* и помѣстился не на скамьѣ, а на шерстяномъ мѣшкѣ. Насупротивъ его помѣщался королевскій тронъ. Скоро прибылъ и принцъ-регентъ, предшествуемый высокими сановниками и министрами, несшими различные атрибуты королевской власти; онъ вошелъ на ступеньки, ведущія къ трону, но не сѣлъ на него. Принцу-регенту было въ ту пору лѣтъ 50; онъ былъ замѣчательно красивъ, очень великъ ростомъ, полонъ достоинства въ манерѣ себя держать, изященъ въ манерѣ одѣваться и въ своей походкѣ, не смотря на значительную тучность, и имѣлъ очень пріятное выраженіе лица. Граціозно поклонившись присутствующимъ и продолжая стоять, онъ прочелъ яснымъ и твердымъ голосомъ тронную рѣчь, держа въ рукахъ листъ бумаги, на который отъ времени до времени бросамъ взоры. Тотчасъ вслѣдъ за тѣмъ явилась у рѣшетки депутація отъ Палаты Общинъ съ *Speaker*'омъ (президентомъ палаты) во главѣ, который одинъ имѣлъ на головѣ большой парикъ и былъ одѣтъ въ нѣчто похожее на черный подрясникъ; слѣдовавшіе за нимъ члены Палаты были большею частію въ небрежныхъ утреннихъ костюмахъ, и только очень немногіе изъ нихъ были во фракахъ съ круглыми шляпами въ рукахъ. Эта депутація явилась для того, чтобъ просить королевской санкціи для парламентскихъ биллей, разсмотрѣнныхъ и утвержденныхъ въ истекшую сессію. Должностное лице, стоявшее неподалеку отъ трона, принимало эти билли, передавало ихъ принцу-регенту и за тѣмъ объявляло громкимъ голосомъ рѣшенія и обычные отвѣты его королевскаго высочества, употребляя при этомъ старинныя формулы на Французскомъ языкѣ, введенныя въ употребленіе въ Англіи Норманскими государями, преемниками Вильгельма Завоевателя, въ родѣ слѣдующихъ: *Le Roi remercie ses bons sujets et accepte leur bénévolence*, если дѣло шло о финансовыхъ законопроэктахъ, или: *Le Roi le veult*, если дѣло шло о какихъ-нибудь другихъ законопроэктахъ; при этомъ дѣлалось особое повышеніе голоса на буквѣ *l*. Послѣ этого принцъ-регентъ вышелъ изъ залы, поклонившись присутствующимъ, которые также стали расходиться. Кромѣ трибуны для дипломатическаго

Библиотека "Руниверс"

корпуса была также другая трибуна, назначенная исключительно для дамъ придворныхъ и изъ высшаго общества, которыя всѣ были въ роскошныхъ туалетахъ, покрыты драгоцѣнными каменьями и имѣли на головѣ придворныя прически, украшенныя на верху большимъ перомъ; между ними было немало такихъ молодыхъ и красивыхъ, что онѣ привлекали на себя вниманіе благородныхъ пэровъ королевства и, можетъ быть, также вниманіе самаго принца-регента, имѣвшаго репутацію большаго любителя прекраснаго пола. Въ костюмахъ нѣкоторыхъ лордовъ, между которыми было немало молодыхъ и красивыхъ, поразило меня то, что ихъ мантіи были очень истасканы и почти въ лохмотьяхъ. Мнѣ объяснили, что это нѣкотораго рода кокетничанье съ ихъ стороны, такъ какъ старыя мантіи, переходя изъ рода въ родъ, свидѣтельствуютъ о томъ, что званіе пэровъ изстари принадлежитъ ихъ семейству.

Другой разъ, князь Ливенъ позволилъ мнѣ сопровождать его въ интересной поѣздкѣ въ Вуличъ *), гдѣ находятся главный складъ артиллерійскихъ запасовъ и мастерскія морскаго вѣдомства. Нашего посланника принималъ тамъ въ качествѣ главнаго адмирала одинъ изъ братьевъ принца-регента, герцогъ *Кларанскій* (впослѣдствіи король Вильгельмъ IV, прозванный *the king sailor*). Хотя я не имѣлъ спеціальныхъ познаній, необходимыхъ для того, чтобъ быть въ состояніи цѣнить по достоинству громадныя заведенія, которыя показывали намъ въ Вуличѣ, я все таки былъ доволенъ этой поѣздкой: она доставила мнѣ случай ближе познакомиться съ Англійскими нравами и обычаями, такъ какъ, кромѣ посланника и его свиты, тамъ были одни Англичане—генералы и офицеры арміи и флота, дававшіе намъ всѣ нужныя объясненія съ чрезвычайной любезностью и предупредительностью. Меня въ особенности поразили любезность и вниманіе, съ которыми герцогъ Кларанскій относился къ нашему посланнику. Онъ очень свободно говорилъ по-французски, а когда ему представили свиту посланника, онъ отнесся къ намъ съ чрезвычайной благосклонностью и обратился ко мнѣ съ нѣсколькими словами касательно Россіи, вѣроятно потому, что я былъ новопріѣзжій. Послѣ осмотра, продолжавшагося три или четыре часа, у губернатора былъ приготовленъ банкетъ, на которомъ предсѣдательствовалъ герцогъ, какъ хозяинъ, у котораго князь Ливенъ находился въ гостяхъ. За этимъ обѣдомъ, продолжавшимся до 9 часовъ вечера, не было никого изъ дамъ, кромѣ супруги губернатора и двухъ его дочерей,—очень хорошенькихъ дѣвушекъ, которыя казались

*) Находящійся отъ Лондона на разстояніи нѣсколькихъ часовъ ѣзды, не далеко отъ устьевъ Темзы.

Библиотека "Руниверс"

очень робкими и смущенными въ обращеніи съ нами, вѣроятно потому, что онѣ умѣли выражаться только на своемъ родномъ языкѣ. Я не менѣе ихъ былъ смущенъ, и по той же самой причинѣ. Мнѣ пришлось въ первый разъ присутствовать на одномъ изъ тѣхъ долгихъ Англійскихъ обѣдовъ, гдѣ нельзя было пить вина безъ приглашенія со стороны одного изъ собесѣдниковъ (*allow me, sir, to drink your health*) и гдѣ дамы, по данному сигналу, вставали изъ-за стола и уходили изъ комнаты; тогда мущины, оставшіеся за столомъ, начинали пить, безцеремоно передавая другъ другу бутылки и графины съ виномъ, поставленные на маленькихъ подносахъ, которые ради удобства въ передвиженіи сдѣланы на колесахъ. Разговоры были менѣе оживленны и шумны, чѣмъ я ожидалъ, и въ ушахъ раздавались преимущественно бряканье стакановъ и звуки перекатываемыхъ по скатерти подносовъ. Когда мы, наконецъ, перешли въ дамскій салонъ, гдѣ были готовы чай и кофе, дочери хозяина дома поочередно садились за фортепіано и играли преимущественно Нѣмецкіе вальсы, вѣроятно предполагая, что музыка этого рода должна всего болѣе нравиться иностранцамъ.

Мнѣ кажется, что я уже съ достаточной подробностью описалъ мой образъ жизни въ самомъ Лондонѣ. Что-же касается окрестностей столицы, съ которыми я также желалъ познакомиться, то я не могъ посѣщать ихъ такъ часто, какъ желалъ, частію потому, что не хотѣлъ разставаться съ моими пріятелями, привязанными къ Лондону своими служебными обязанностями, частію потому, что затруднялся незнаніемъ Англійскаго языка. Удовлетворивъ первые порывы моей любознательности, я сталъ скучать отъ бездѣйствія въ то время, какъ мои друзья проводили утренніе часы на службѣ; поэтому я иногда предлагалъ имъ мое содѣйствіе, въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, когда пріѣзжалъ какой-нибудь курьеръ съ депешами или когда готовились къ отправкѣ курьера изъ Лондона, такъ какъ дипломатическая переписка велась по прежнему, направляясь не столько въ Россію, сколько въ главную квартиру Государя въ Германію, гдѣ находился и графъ Нессельроде, уже завѣдывавшій въ то время Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ. Впрочемъ я это дѣлалъ съ цѣлію не отвыкнуть отъ занятій и воспользоваться удобнымъ случаемъ для пріобрѣтенія познаній и опытности, такъ какъ тогдашнее время, столь обильное великими военными и политическими событіями, было для этого благопріятно. Баронъ Николаи, управлявшій канцеляріей посольства, отнесся благосклонно къ моему предложенію, за которое я получилъ прозвище *fashionable amateur*, данное мнѣ маркизомъ де-ла-Мезонфоромъ (также иногда появлявшимся въ канцеляріи съ своими замѣтками или статьями, написанными по порученію посольства).

Библиотека "Руниверс"

Впрочемъ, мнѣ иногда представлялись случаи познакомиться и съ Англійской деревенской жизнію. Послѣ закрытія парламентской сессіи, которое обыкновенно служитъ сигналомъ для разъѣзда по домамъ, князь и княгиня Ливены переѣхали въ Ричмондъ; я тоже переѣхалъ на нѣсколько недѣль въ эту очаровательную мѣстность и помѣстился въ маленькой комнаткѣ, въ находившейся по сосѣдству скромной гостинницѣ. Я каждый день приходилъ обѣдать къ посланнику вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими членами посольства, а въ свободные утренніе часы мы ходили гулять или посѣщали знакомыхъ, живишхъ въ Ричмондѣ или въ хорошенькихъ загородныхъ домикахъ, разсыпанныхъ по живописнымъ берегамъ Темзы. Такимъ образомъ мнѣ пришлось нѣсколько разъ посѣтить утромъ г-жу Сталь, которую я засталъ однажды за круглымъ столомъ, покрытымъ книгами, рукописями и рисунками, вмѣстѣ съ ея сыномъ и дочерью, которые сидѣли также за своими занятіями. Въ другой разъ мы сдѣлали визитъ знаменитой пѣвицѣ г-жѣ Каталани, которую застали играющею въ саду на лужкѣ съ своими маленькими дѣтьми; это была красивая женщина, любезная, безъ всякихъ претензій, вовсе не разговаривавшая о музыкѣ, но много говорившая о своемъ мужѣ, бывшемъ офицерѣ Французской службѣ, который, какъ кажется, не отвѣчалъ взаимностью на привязанность жены, такъ какъ его можно было встрѣтить повсюду, только не до́ма. Мнѣ очень хвалили загородный домъ, извѣстный подъ именемъ *Strawberry-Hill*, находящійся неподалеку отъ Ричмонда по той сторонѣ Темзы и когда-то принадлежавшій *Горасу Вальполю*, который пользовался великою извѣстностью и какъ свѣтскій человѣкъ, и какъ литераторъ въ обществѣ, современномъ царствованію Людовика XV. Онъ былъ очень друженъ съ самыми знаменитыми Французскими писателями того времени, начиная съ Вольтера и Руссо. Онъ даже больше жилъ въ Парижѣ, чѣмъ въ Лондонѣ и внушилъ сильную страсть одной изъ покровительницъ литературы того времени, г-жѣ *Дю-Деффанъ*, которая, хотя и была стара и слѣпа, держала открытый салонъ для литераторовъ, придворныхъ, хорошенькихъ и ученыхъ женщинъ, между которыми Горасъ Вальполь разыгрывалъ роль корифея. Такое историческое прошедшее внушило мнѣ желаніе осмотрѣть этотъ загородный домъ. Онъ очень простъ, но содержится въ большой чистотѣ; все что́ я въ немъ видѣлъ,—и разстановка мебели, нѣсколько потертой и вышедшей изъ моды, и библіотека, и рукописи, и картины бо́льшей частію Французской школы, преимущественно рисунки Ватта, изображающіе граціозные группы пастуховъ и пастушекъ, и столы, уставленные маленькими фарфоровыми куклами и разными бездѣлками изъ той эпохи,—все это оставалось въ томъ видѣ, въ какомъ было при самомъ вла-

Библиотека "Руниверс"

дѣльцѣ, умершемъ лѣтъ сорокъ или пятьдесятъ предъ тѣмъ. Наслѣдники Вальполя не хотѣли дѣлать никакихъ перемѣнъ съ цѣлію сохранить вѣрный образчикъ вкусовъ и общественныхъ привычекъ вѣка Людовика XV, перенесенныхъ изъ Франціи на Англійскую почву однимъ изъ жившихъ въ эту эпоху людей. Вотъ почему посѣщеніе *Strawberry-Hill'я* было для меня интересно и почему оно сохранилось въ моей памяти.

Прежде чѣмъ покинуть мое лѣтнее мѣстопребываніе въ Ричмондѣ, я имѣлъ случай присутствовать у нашего посланника на большомъ обѣдѣ, данномъ въ честь г-жи Сталь. Тутъ находились всѣ Англійскіе министры того времени (Іюль 1813), которыхъ я, такимъ образомъ, могъ видѣть всѣхъ вмѣстѣ и надъ которыми я могъ съ полнымъ удобствомъ дѣлать мои наблюденія. Англійское министерство есть настоящее правительство страны по смыслу Англійской конституціи, такъ какъ король или королева пользуются лишь почетными привиллегіями и правомъ публичнаго представительства верховной власти, но въ сущности ихъ власть выражается только въ перемѣнѣ по своему усмотрѣнію министровъ и въ созываніи или распущеніи парламента, въ которомъ сосредоточивается не на словахъ, но на дѣлѣ вся верховная правительственная власть. Главой Англійскаго кабинета или первымъ министромъ (First Lord of the Treasury) былъ тогда лордъ *Ливерпуль*, уже занимавшій этотъ постъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ: онъ пользовался всеобщимъ уваженіемъ, благодаря своему благоразумію и сдержанности, а также благодаря своей многолѣтней опытности въ государственныхъ дѣлахъ, но онъ далеко не пользовался ни славою, ни преобладающимъ вліяніемъ нѣкоторыхъ изъ своимъ знаменитыхъ предмѣстниковъ во главѣ управленія, какъ напримѣръ двухъ *Питтовъ*, отца и сына, отличавшихся или первокласными ораторскими дарованіями, или выдающимися политическими способностями, или энергіей своего характера. Хотя *Ливерпуль* и былъ главою министерства, но не считался ни душою, ни движущей силою этого министерства, въ которомъ самымъ вліятельнымъ членомъ считали лорда *Кэстлери*, министра иностранныхъ дѣлъ (Principal Secretary of State). Это былъ тотъ самый *Кэстлери*, который впослѣдствіи игралъ видную роль на Вѣнскомъ конгрессѣ (1814 и 1815) и который трагически окончилъ свою карьеру самоубійствомъ въ припадкѣ сумасшествія. Ему было въ ту пору на видъ лѣтъ 35 или 40; своей холодной и благородной наружностью и своими изящными манерами онъ мнѣ напоминалъ князя *Александра Салтыкова*, бывшаго моимъ первымъ начальникомъ при моемъ вступленіи на службу въ Министерство Иностранныхъ Дѣлъ. Изъ остальныхъ Англійскихъ министровъ, присутствовавшихъ на этомъ обѣдѣ, у меня

Библиотека "Руниверс"

остались въ памяти только имена: 1) лорда *Бэтёрсти*, министра колоній, который сдѣлался впослѣдствіи предметомъ жалобъ и самыхъ горячихъ обвиненій со стороны Наполеона I во время пребыванія послѣдняго на островѣ Св. Елены; и 2) лорда *Пальмерстона* которому было тогда лѣтъ 28 или 30, но который уже тогда былъ членомъ кабинета на второстепенномъ посту военнаго министра (Secretary of War), а впослѣдствіи пріобрѣлъ и сохранилъ до сихъ поръ столь громадную извѣстность и столь преобладающее вліяніе *) на самыхъ высшихъ постахъ, которыя онъ почти безъ перерыва занималъ въ теченіе цѣлаго полувѣка. За обѣдомъ я замѣтилъ, что хотя г-жа Сталь и была польщена въ своемъ самолюбіи тѣмъ, что въ честь ея собралось такое избранное общество, однако она не находила случая выказать свой умъ и свое блестящее умѣнье вести разговоръ, стѣсняясь важностью и серьозностью окружавшихъ ее собесѣдниковъ. Она попыталась вознаградить себя за это послѣ обѣда и старалась привлечь къ круглому столу, за которымъ она сидѣла въ гостиной, толпу слушателей, для того чтобъ очаровать ихъ своимъ увлекательнымъ краснорѣчіемъ. Однако это удалось ей лишь отчасти, и послѣ того какъ одинъ или два Англійскихъ министра, владѣвшіе Французскимъ языкомъ лучше другихъ, обмѣнялись съ ней нѣсколькими банальными любезностями, они примкнули къ своимъ сотоварищамъ, раздѣлившимся на маленькія группы и увлекшимися разговорами о политикѣ. Это было тѣмъ болѣе естественно, что въ ту пору континентальная война противъ Наполеона еще не привела къ рѣшительнымъ результатамъ, и еще никто не могъ предвидѣть ни пораженія Французскихъ армій подъ Лейпцигомъ, ни вторженія союзныхъ армій во Францію. Такимъ образомъ г-жѣ Сталь пришлось довольствоваться разговоромъ съ княгиней Ливенъ и съ нѣсколькими другими дамами, которыя были въ числѣ приглашенныхъ; но она должна была отказаться отъ удовольствія блеснуть своимъ умомъ или можетъ быть даже вступить въ споръ по поводу какого-нибудь политическаго вопроса въ присутствіи всего Англійскаго министерства. Гости скоро разъѣхались, кто домой, кто на прогулку, такъ какъ была великолѣпная Іюльская ночь. Я былъ изъ числа послѣднихъ и, когда я сталъ припоминать все, что я видѣлъ и слышалъ въ этотъ день, я долженъ былъ сознаться, что я надѣялся вынести болѣе интересныя и болѣе существенныя воспоминанія, чѣмъ тѣ, которыя я только-что изложилъ.

---

*) Когда это вліяніе достигло своего апогея, лѣтъ черезъ 15 или 20 послѣ описываемой мною эпохи, оно было столько же сильно въ Англіи, сколько оказалось вреднымъ и пагубнымъ для спокойствія и общественнаго порядка въ остальной Европѣ.

Библиотека "Руниверс"

Что касается моихъ загородныхъ поѣздокъ, то мнѣ всего болѣе хотѣлось побывать въ Виндзорѣ, который, какъ мнѣ разсказывали, былъ единственный изъ всѣхъ замковъ по своей обширности, по своему великолѣпію, по своей древности и въ особенности по замѣчательному характеру своей архитектуры, напоминающему средніе вѣка. Но, къ сожалѣнію, Виндзоръ служилъ въ ту пору резиденціей для престарѣлаго короля Георга III, уже въ теченіе многихъ лѣтъ страдавшаго неизлечимымъ сумасшествіемъ, и для престарѣлой королевы, его супруги, посвятившей себя на то, чтобъ ходить за больнымъ. Вотъ почему доступъ въ Виндзоръ былъ воспрещенъ всѣмъ иностранцамъ безъ исключенія, и даже самъ принцъ-регентъ, сынъ короля, управлявшій государствомъ, лишь очень рѣдко пріѣзжалъ туда повидаться съ королевой или съ докторами престарѣлаго монарха, личность и страшная болѣзнь котораго возбуждали глубокое чувство состраданія во всѣхъ классахъ населенія и въ людяхъ всѣхъ политическихъ партій, единодушныхъ въ этомъ отношеніи, хотя и расходившихся во многомъ другомъ. На всѣхъ торжественныхъ или публичныхъ банкетахъ и даже на обѣдахъ въ частныхъ домахъ (какъ я самъ не разъ былъ тому свидѣтелемъ), первый тостъ всегда принимался присутствующими молча и съ грустной сосредоточенностью,—это всегда былъ тостъ за престарѣлаго короля, впавшаго въ сумасшествіе, какъ мнѣ это объяснилъ за обѣдомъ мой сосѣдъ, къ которому я обратился съ вопросомъ о причинѣ такого общаго молчанія.

Будучи вынужденъ отказаться отъ желанія видѣть Виндзоръ, я съ удовольствіемъ согласился на любезное приглашеніе нашего посланника переѣхать на нѣсколько дней въ *Брайтонъ* (городъ и гавань въ 60 или 70 миляхъ, то есть почти во ста верстахъ отъ Лондона), гдѣ принцъ-регентъ проводилъ часть лѣта въ фантастическомъ маленькомъ дворѣ, устроенномъ на Китайскій манеръ и называвшемся *Pavillon*. Брайтонъ, и до сихъ поръ много посѣщаемый, благодаря своимъ морскимъ купаньямъ, былъ въ то время гораздо болѣе оживленъ и болѣе блестящъ, чѣмъ теперь, потому что онъ былъ однимъ изъ любимыхъ мѣстопребываній принца-регента, натурально привлекавшаго туда вслѣдъ за собою и семьи людей служившихъ при дворѣ, и высшее общество какъ туземное, такъ и иностранное. Я провелъ тамъ очень пріятно нѣсколько дней, купаясь въ морѣ, гуляя по утрамъ на *Steyn*'ѣ, и обѣдая каждый день въ гостепріимномъ домѣ князя Ливена; тамъ я былъ представленъ всей мѣстной знати и даже самому принцу-регенту по случаю даннаго имъ въ своемъ *Павильонѣ* раута и музыкальнаго вечера. Другой разъ, благодаря посредничеству княгини Ливенъ, я по-

Библиотека "Руниверс"

лучилъ приглашеніе на большой балъ, данный принцемъ-регентомъ въ томъ-же самомъ Павильонѣ.

NB. Этотъ разсказъ былъ прерванъ въ концѣ Іюня 1861 по причинѣ моего отъѣзда сначала въ Штутгардъ, а потомъ въ Трувиль, гдѣ мое семейство пользовалось морскими купаньями. Оттуда я предпринялъ въ концѣ Іюля непродолжительную поѣздку въ Петербургъ, и возвратился въ Баденъ лишь въ началѣ Сентября.

Баденъ, Сентябрь 1861.

Балъ принца-регента, на которомъ остановился мой разсказъ, оставилъ мнѣ лишь воспоминаніе о томъ, что мнѣ было крайне неловко въ такомъ блестящемъ обществѣ, гдѣ я никого не зналъ кромѣ тѣхъ, кто доставилъ мнѣ туда приглашеніе. Я уже сталъ было мириться съ моею ролью скромнаго наблюдателя, когда братъ принца-регента, герцогъ Кларанскій, которому я уже прежде имѣлъ честь быть представленнымъ, сжалился надъ моимъ затруднительнымъ положеніемъ и подвелъ меня къ двумъ или тремъ дѣвицамъ, съ которыми я протанцовалъ нѣсколько контрадансовъ, но вальсировать въ ту пору рѣшительно не дозволялось на Англійскихъ балахъ. Къ счастію для меня, эти дѣвицы говорили немного по-французски; иначе и я и онѣ были бы въ крайнемъ затрудненіи, такъ какъ въ то время существовалъ обычай приглашать одну и туже даму на два танца сряду (a set), а въ промежуткѣ между ними прохаживаться съ ней подъ руку по заламъ и разговаривать.

Послѣ поѣздки въ Брайтонъ я предпринялъ другую поѣздку, оставившую мнѣ пріятныя воспоминанія въ иномъ родѣ: я отправился на нѣсколько дней на воды въ *Tunbridge-Wells*, находящіяся въ нѣсколькихъ часахъ разстоянія отъ Лондона, въ обществѣ моихъ товарищей Северина, Кокошкина и Поггенполя, по приглашенію барона Николаи, поселившагося съ своимъ семействомъ на дачѣ по близости *Tunbridge*'a. Тамъ мы каждый день обѣдали у бар. Николаи, а за тѣмъ посѣщали то пѣшкомъ, то верхомъ на лошадяхъ или на ослахъ, окрестности; между прочимъ мы посѣтили довольно живописные небольшіе утесистые холмы, преувеличенно названные *High-rocks* въ виду того, что въ тамошней плоской мѣстности даже небольшія возвышенности очень рѣдки; затѣмъ мы осматривали красивыя развалины старинныхъ абатствъ или старинные великолѣпные зàмки аристократіи, какъ напримѣръ *Penshurst-Castle*, который былъ построенъ во времена Елисаветы и въ которомъ еще сохранились нѣкоторыя воспоминанія о пребываніи этой искусной и высокомѣрной королевы, до сихъ поръ очень популярной въ Англіи подъ именемъ *Maiden Queen* или *Queen Bess*. Что касается мѣстныхъ водъ, то я полагаю, что ихъ цѣлебныя свойства также

Библиотека "Руниверс"

ничтожны какъ свойства Баденъ-Баденскихъ водъ; поэтому намъ не приходило на умъ пользоваться ими, и мы ограничивались посѣщеніемъ многочисленныхъ лавокъ, наполненныхъ хорошенькими издѣліями изъ дерева, извѣстными подъ именемъ *Tunbridge-ware*, и посѣщеніемъ кофейныхъ и мѣстнаго *casino*, гдѣ можно было найти газеты и гдѣ разъ въ недѣлю устраивались танцовальные вечера и балы на открытомъ воздухѣ для молодежи. Я нашелъ, что эти воды мало посѣщались высшимъ Англійскимъ обществомъ, предпочтительно собиравшимся на водахъ въ *Батъ*, который былъ въ то время въ самой большой модѣ, представлялъ болѣе средствъ для развлеченій и служилъ такимъ же сборнымъ мѣстомъ для лучшаго общества, какимъ въ наше время служитъ для Германіи и для всей Европы Баденъ-Баденъ.

Всѣ эти недолгія поѣздки по окрестностямъ Лондона служили лишь прелюдией для болѣе продолжительнаго путешествія, которое я давно уже собирался предпринять при первомъ удобномъ случаѣ, а именно для посѣщенія Шотландіи, и въ особенности гористой ея части и сѣверныхъ озеръ. Преподаватель Англійскаго языка, дававшій мнѣ уроки въ Петербургѣ, былъ родомъ изъ Шотландіи, и его восторженные разсказы о красотахъ его родины возбудили во мнѣ самое сильное желаніе посѣтить ее. Я уже условился съ нѣкоторыми изъ моихъ товарищей взять мѣста въ дилижансѣ, который доставлялъ путешественниковъ изъ Лондона въ Эдинбургъ въ три дня. Но я долженъ былъ отказаться отъ этого намѣренія и готовиться къ немедленному отъѣзду изъ Англіи въ качествѣ курьера, посылаемаго съ депешами отъ нашего посольства въ главную квартиру Государя въ Германіи, гдѣ въ ту пору съ новой энергіей возобновилась война противъ Наполеона послѣ непродолжительнаго перемирія. Въ послѣдствіи я еще съ большимъ сожалѣніемъ помышлялъ о неудавшейся поѣздкѣ въ Шотландію по мѣрѣ того, какъ выходили въ свѣтъ историческіе романы Вальтера Скотта, которые я всегда читалъ съ увлеченіемъ.

Въ первыхъ числахъ Сентября 1813, я отправился въ путь, унося съ собою такія воспоминанія о моемъ трехмѣсячномъ пребываніи въ Англіи, которыя, конечно, я не могу назвать очень поучительными съ точки зрѣнія пользы для моего ума, но которыя за то были такъ сильны и пріятны, что даже по прошествіи сорока лѣтъ я былъ въ состояніи освѣжить ихъ въ моей памяти и изложить въ этомъ очеркѣ. По причинѣ войны, не было другаго способа пробраться въ Германію, какъ тѣмъ же самымъ путемъ черезъ Швецію, которымъ я уже ѣхалъ направляясь изъ Петербурга въ Англію, и я сѣлъ въ Гарвичѣ на пароходъ, отправлявшійся въ Готенбургъ. Въ Гарвичѣ противные вѣтры задержали десять или двѣнадцать дней и меня, и ѣхавшихъ вмѣстѣ со

Библиотека "Руниверс"

мною двухъ другихъ курьеровъ, одного отъ Англійскаго правительства, другаго отъ Австрійскаго посольства; но за то нашъ переѣздъ моремъ до Готенбурга продолжался всего три или четыре дня. Оттуда мы продолжали путешествіе сухимъ путемъ на скверныхъ почтовыхъ тележкахъ; сидѣньями служили для насъ наши собственные чемоданы, а отъ проливнаго дождя, не прекращавшаго въ теченіе двухъ сутокъ, мы не имѣли другой защиты кромѣ нашихъ шинелей, такъ что мы промокли до костей. Наконецъ, мы прибыли въ маленькій Шведскій портъ *Истадъ*, а оттуда отправились на дрянномъ пакетботѣ въ *Стральзундъ*.

Такъ какъ Стральзундъ принадлежалъ въ то время Швеціи, присоединившей свою армію, предводимую наслѣднымъ принцомъ Бернадотомъ, къ Европейской союзной арміи для войны противъ Наполеона, то городскія власти сообщили намъ всѣ необходимыя свѣдѣнія о театрѣ и ходѣ военныхъ дѣйствій въ ту минуту (въ половинѣ Октября 1813) и доставили намъ всѣ удобства, какія только могли, для продолженія нашего путешествія въ главную квартиру союзныхъ императоровъ, то-есть императора Александра, императора Австрійскаго и короля Прусскаго, которые находились въ то время всѣ въ одномъ мѣстѣ, во главѣ своихъ армій. Впрочемъ, эти удобства заключались только въ томъ, что намъ дали крестьянскія телѣги, запряженныя хорошими лошадьми, взятыми изъ-подъ сохи, и оказавшіяся, благодаря своей ширинѣ и наложенному въ нихъ сѣну, болѣе комфортабельными, чѣмъ отвратительныя Шведскія телѣжки, на которыхъ мы въ теченіе 48-ми часовъ не могли сомкнуть глазъ изъ опасенія свалиться на землю.

Проѣхавъ такимъ образомъ хорошо обработанный и довольно населенный Мекленбургъ и Бранденбургскую мархію, не испытавшую на себѣ ужасовъ войны, мы наконецъ прибыли въ Берлинъ, гдѣ впервыя могли отдохнуть послѣ такого утомительнаго путешествія въ дурное время года.

Наше пребываніе въ Берлинѣ, продолжавшееся только 24 часа, не дало намъ ни спокойствія, ни комфорта, такъ какъ эта столица была въ сильномъ волненіи, напоминавшемъ мнѣ, хотя и въ болѣе слабой степени, то опустѣніе и ту мрачную заботливость, которыя видѣлъ я за годъ предъ тѣмъ въ Москвѣ, наканунѣ побѣдоноснаго вступленія въ нее Наполеона. Только за недѣлю до нашего пріѣзда, маршалъ Ней, во главѣ многочисленнаго Французскаго корпуса, двинулся на Берлинъ съ цѣлію овладѣть имъ, и городъ спасся отъ непріятельскаго нашествія только благодаря побѣдѣ, одержанной при Денневицѣ надъ Французами Прусскимъ корпусомъ, выступившимъ на встрѣчу маршала Нея. Улицы еще были загорожены телѣжками и багажами поселянъ, искавшихъ убѣжища въ городѣ, пушками и артиллерійскими

Библиотека "Руниверс"

фурами, отрядами полувооруженныхъ рекрутъ и небольшимъ числомъ регулярныхъ войскъ, такъ что городскія заставы и главные военные посты охранялись мирными жителями, одѣтыми въ штатское платье и вооруженными кто ружьемъ, кто пикой, кто саблей.

Мнѣ и двумъ другимъ курьерамъ, моимъ товарищамъ, сообщили, что въ окрестностяхъ Берлина бродятъ небольшіе Французскіе отряды и множество Французскихъ мародеровъ, такъ какъ Французскія войска еще занимаютъ нѣкоторыя сосѣднія крѣпости, какъ-то: Шпандау, Виттенбергъ и др., и что съ нашей стороны было бъ рискованно направляться въ главную квартиру государей безъ сильнаго военнаго конвоя, а объ этомъ мы должны просить Берлинскаго военнаго губернатора гр. Тауенцина, только-что одержавшаго побѣду надъ Неемъ. Когда мы явились съ этою цѣлію къ военному губернатору, онъ подтвердилъ намъ, что предстоящій намъ путь небезопасенъ и даже прибавилъ, что онъ не можетъ сказать намъ съ точностью, гдѣ находится главная квартира союзныхъ государей, такъ какъ союзныя арміи, покинувъ Богемію, двигаются различными путями для соединенія подъ Лейпцигомъ, гдѣ Наполеонъ сосредоточилъ свои главныя силы и гдѣ вѣроятно очень скоро произойдетъ рѣшительная битва. Въ заключеніе гр. Тауенцинъ объявилъ намъ, что, не имѣя достаточнаго числа войскъ въ своемъ распоряженіи, онъ не можетъ дать намъ надежно-сильный конвой, а потому совѣтовалъ намъ выбрать одно изъ двухъ, — или сдѣлать длинный объѣздъ черезъ Богемію, гдѣ дороги были болѣе безопасны, или же присоединиться къ артиллерійскому обозу, который онъ намѣревался послать въ подкрѣпленіе Прусскому корпусу, блокировавшему Виттенбергъ; тамъ, по его словамъ, мы добудемъ болѣе точныя свѣдѣнія, но этотъ путь потребуетъ отъ насъ большей траты времени. Оба курьера, мои товарищи, избрали этотъ послѣдній способъ, а я предпочелъ путь черезъ Богемію, и тогда мнѣ кто-то замѣтилъ, что дорóгой мнѣ можетъ быть удастся получить небольшой конвой, въ случаѣ надобности: это дало мнѣ надежду добраться до моего назначенія скорѣе, чѣмъ подъ прикрытіемъ артиллерійскаго обоза. И такъ, слѣдуя этому совѣту, я пустился въ путь; но, проѣхавъ нѣсколько станцій отъ Берлина, я узналъ, что Французскіе патрули, вышедшіе изъ Виттенбергской крѣпости, бродили за нѣсколько часовъ предъ тѣмъ подлѣ той самой дороги, по которой мнѣ приходилось ѣхать. Прусскій гусарскій офицеръ, стоявшій въ этомъ мѣстѣ на посту, сказалъ мнѣ, что онъ могъ бы отрядить мнѣ для конвоя лишь одного или двухъ солдатъ изъ своего маленькаго отряда, что такой конвой будетъ недостаточенъ въ случаѣ, еслибы мы повстрѣчались съ непріятелемъ и что онъ мнѣ совѣтуетъ попытаться на удачу проѣхать безъ всякаго

Библиотека "Руниверс"

конвоя. Я послѣдовалъ этому совѣту и, запрятавшись въ сѣно, которымъ у меня полна была телѣга, продолжалъ свой путь и дорогой почти все время спалъ. Я проснулся только на другой день утромъ, когда я былъ на Богемской территоріи, гдѣ мнѣ не могла уже угрожать никакая опасность. Прибывши въ Лаунъ и въ Теплицъ, гдѣ прежде находилась главная квартира союзныхъ государей, я узналъ нѣкоторыя подробности о кровавыхъ битвахъ подъ Дрезденомъ, гдѣ генералъ Моро былъ смертельно раненъ подлѣ императора Александра, и подъ Кульмомъ, гдѣ союзныя арміи и въ особенности Русская гвардія, предводимая графомъ Остерманомъ и генераломъ Ермоловымъ, совершенно разбили и взяли въ плѣнъ Французскій корпусъ, находившійся подъ начальствомъ Вандама. Каждую минуту можно было ожидать извѣстій о побѣдѣ еще болѣе рѣшительной. Дѣйствительно, когда я миновалъ еще нѣсколько станцій и остановился для перемѣны лошадей, подъѣхалъ Австрійскій генералъ, еще очень молодой и очень красивый, не смотря на то что у него на глазу была широкая черная повязка. Войдя въ комнату, въ ожиданіи пока заложатъ свѣжихъ лошадей въ его коляску, онъ вступилъ со мной въ разговоръ и, узнавши, что я везу изъ Лондона депеши въ главную квартиру, сказалъ мнѣ, что я навѣрно найду ее въ Лейпцигѣ, такъ какъ подъ Лейпцигскими стѣнами произошла страшная битва, продолжавшаяся безъ перерыва цѣлыхъ три дня и окончившаяся самой полной и рѣшительной побѣдой, послѣ чего Наполеонъ бѣжалъ къ Рейну вмѣстѣ съ остатками своей арміи, оставивъ въ рукахъ побѣдителей отъ десяти до пятнадцати генераловъ и 20 тысячъ военно-плѣнныхъ. Къ этому Австрійскій генералъ прибавилъ, что ему поручено возвѣстить жителямъ Вѣны эту важную новость отъ имени его государя, императора Франца, и отвезти туда взятыя во время битвы непріятельскія знамена, которыя будутъ фигурировать при торжественномъ въѣздѣ императора въ его столицу. За тѣмъ генералъ сѣлъ въ свой экипажъ и направился въ одну сторону, а я въ другую—по дорогѣ къ Лейпцигу, гдѣ долженъ былъ, наконецъ, достигнуть конца моего путешествія при столь блестящихъ предзнаменованіяхъ. Между тѣмъ я узналъ отъ почтмейстера, что генералъ, привезшій такія радостныя извѣстія, былъ гр. Нейпергъ, тотъ самый гр. Нейпергъ, который впослѣдствіи былъ гофмаршаломъ и главнымъ министромъ императрицы Маріи-Луизы, превратившейся въ герцогиню Пармскую и который въ концѣ концовъ вступилъ съ нею въ морганатическій бракъ, по кончинѣ Наполеона на островѣ Святой Елены.

Въѣзжая на Саксонскую территорію, я уже не подвергался опасности встрѣтить какой-нибудь отрядъ непріятелей, но повсюду ви-

Библиотека "Руниверс"

дѣлъ печальные слѣды опустошеній и битвъ, происходившихъ за нѣсколько дней на моемъ пути или по близости отъ него, какъ-то: деревни, покинутыя жителями или выжженныя, обломки военныхъ или крестьянскихъ повозокъ, артиллерійскихъ фуръ и оружій всякаго рода разбросанныхъ по землѣ, а также мертвыхъ лошадей и быковъ и даже трупы солдатъ, совершенно обнаженные. Однако это печальное зрѣлище было ничтожно въ сравненіи съ ужасными сценами, представившимися моимъ взорамъ, когда я сталъ приближаться къ Лейпцигу и когда мнѣ пришлось проѣзжать по самому полю битвы, на которомъ за нѣсколько дней предъ тѣмъ сражались съ неслыханнымъ ожесточеніемъ, въ теченіе трехъ сутокъ, отъ 300 до 400 тысячъ человѣкъ, собранныхъ туда со всѣхъ концовъ Европы. Все это пространство еще было по мѣстамъ усѣяно мертвыми и умирающими, которыхъ не успѣли перевезти въ городъ, гдѣ не только госпитали, но и многіе частные дома были до такой степени наполнены ранеными, что этихъ послѣднихъ приходилось класть на площадяхъ, въ церквахъ и на улицахъ. Я самъ видѣлъ, какъ солдаты переносили на носилкахъ тяжело раненыхъ и между прочими Русскаго полковника Давыдова, у котораго ядромъ оторвало обѣ ноги, но который былъ счастливѣе, чѣмъ генералъ Моро, такъ какъ онъ залечилъ свои страшныя раны и потомъ женился на ходившей за нимъ Саксонкѣ. За то Лейпцигскія улицы произвели на меня совершенно другое впечатлѣніе, когда я въѣхалъ въ нихъ на моей тѣлежкѣ, пробираясь сквозь толпу, тѣснившуюся повсюду и заставлявшую насъ останавливаться на каждомъ шагу. Вмѣсто мертвыхъ и умирающихъ, мимо которыхъ мнѣ только-что пришлось проѣзжать, я увидѣлъ, что всѣ улицы и въ особенности площади, рынки и лавки съ съѣстными припасами и овощами кишатъ солдатами разныхъ націй, одѣтыми въ самые разнообразные мундиры; тутъ были въ перемежку друзья и недруги, иногда расхаживавшіе другъ съ другомъ подъ руку и забывшіе, что еще вчера они сражались другъ противъ друга; весь этотъ людъ толпился у булочныхъ, у колбасныхъ и фруктовыхъ лавокъ, наѣдался сколько кто могъ и старался объясниться съ окружающими или жестами или на своемъ родномъ нарѣчіи. Это было настоящее Вавилонское столпотвореніе, но при этомъ не было ни малѣйшихъ безпорядковъ или ссоръ, хотя солдаты бродили въ разсыпную и безъ своихъ офицеровъ. Въ городѣ находились союзные государи, а также престарѣлый Саксонскій король съ своимъ семействомъ, съ которымъ обходились въ его дворцѣ какъ съ военно-плѣннымъ. Но, при всемъ этомъ страшномъ скопленіи солдатъ разныхъ національностей, свободно разгуливавшихъ по улицамъ, начальствующія лица безъ особыхъ усилій поддерживали порядокъ и умѣли

Библиотека "Руниверс"

охранить Лейпцигскихъ жителей отъ всякихъ оскорбленій со стороны этихъ многочисленныхъ скопищъ, только что вошедшихъ въ городъ съ оружіемъ въ рукахъ; что же касается до грабежей, то ихъ вовсе не было ни со стороны побѣдителей, ни со стороны побѣжденныхъ.

Не безъ труда и не безъ значительной траты времени удалось мнѣ, наконецъ, добраться до главной квартиры императора Александра, занимавшаго прекрасный отдѣльный домъ и еще нѣсколько сосѣднихъ домовъ для состоявшихъ при немъ военныхъ и гражданскихъ чиновъ. Тамъ были на караулѣ наши великолѣпные гвардейскіе гренадеры Преображенскаго полка, такіе чистые и такъ изящно одѣтые, какъ будто они только что облеклись въ свои парадные мундиры, чтобъ идти занимать караулы въ Петербургскомъ Зимнемъ Дворцѣ; они представляли поразительную противоположность съ тѣмъ, что я видѣлъ, проѣзжая поле битвы, и съ тѣми разсыпавшимися по улицамъ солдатами въ разноцвѣтныхъ мундирахъ, которые точно будто нарядились для маскарада. Въ ту самую минуту, какъ я вышелъ изъ моей тѣлежки, гдѣ еще оставалась моя скудная поклажа, я подошелъ къ одной изъ дверей дома съ цѣлію узнать, гдѣ квартира графа Нессельроде, часовые вдругъ поспѣшили стать на свои мѣста и отдать честь молодому красивому генералу, за которымъ шло еще нѣсколько генераловъ съ шляпами въ рукахъ и который вышелъ изъ императорскаго дома, ведя подъ руку молодую даму. Это былъ самъ Государь, отправлявшійся на прогулку для осмотра города и, по своей обычной вѣжливости, подавшій руку г-жѣ Рахмановой, супругѣ главнаго интенданта арміи, послѣдовавшей за арміей вслѣдъ за своимъ мужемъ.

Когда, наконецъ, меня ввели въ комнаты, занимаемыя графомъ Нессельроде и его канцеляріей, я подалъ ему мои Лондонскія депеши, которыя онъ принялъ отъ меня вѣжливо, сдѣлавъ мнѣ нѣсколько любезныхъ вопросовъ о трудностяхъ совершеннаго мною путешествія; однако мнѣ не трудно было замѣтить, что, еслибы даже я привезъ гораздо болѣе интересныя депеши, чѣмъ тѣ, которыя я ему вручилъ, онъ отнесся-бы къ нимъ безъ большаго интереса и даже съ полнымъ равнодушіемъ, въ виду великихъ военныхъ событій, которыя только что совершились въ его глазахъ и которыя скоро должны были измѣнить положеніе дѣлъ не только въ Европѣ, но и во всемъ мірѣ. Я также замѣтилъ, что въ военномъ лагерѣ и передъ большой битвой или послѣ нея, самыя важныя и самыя секретныя политическія дѣла ведутся совершенно иначе, нежели въ кабинетахъ у министровъ или на интимныхъ между ними совѣщаніяхъ. Въ той же самой комнатѣ, гдѣ я засталъ графа Нессельроде, находились графъ *Поццо-ди-Борго*, дипломатъ для секретныхъ порученій *Анштетъ*, гофмаршалъ графъ *Толстой*,

Библиотека "Руниверс"

гвардейскіе генералы, флигель-адъютанты Государя, наконецъ секретари и редакторы *Булгаковъ*, *Шрёдеръ*, *Бутягинъ* и нѣкоторыя другія лица; одни изъ нихъ писали, другіе вели между собою разговоры, третьи разсматривали депеши, политическіе мемуары, военные отчеты, газеты, и притомъ не было замѣтно, чтобъ кто-либо чѣмъ-либо стѣснялся. Тамъ я впервыя встрѣтился и лично познакомился съ знаменитымъ графомъ Поццо-ди-Борго, который сдѣлался въ послѣдствіи орломъ нашей дипломатіи, благодаря своимъ первоклассным политическимъ дарованіямъ и благодаря своимъ депешамъ, которыя были настоящими историческими произведеніями. Будучи личнымъ врагомъ и, какъ Корсиканскій уроженецъ, соотечественникомъ Бонапарта, отъ котораго онъ терпѣлъ постоянныя угнетенія и преслѣдованія, онъ искалъ убѣжища сначала въ Англіи, потомъ въ Германіи и наконецъ въ Россіи, гдѣ и поступилъ на службу въ 1812 г. для того, чтобъ сопровождать Государя въ качествѣ совѣтника по политическимъ дѣламъ. Послѣ двадцатилѣтней борьбы ему наконецъ удалось отмстить своему старому сопернику тѣмъ, что онъ много содѣйствовалъ низверженію Наполеона послѣ вступленія союзниковъ въ Парижъ въ 1814 г. Немедленно послѣ заключенія мира, онъ былъ назначенъ нашимъ посланникомъ при Лудовикѣ XVIII, тщетно пытавшемся переманить его къ себѣ на службу, и удержалъ за собою этотъ постъ до революціи 1830, послѣ которой онъ былъ переведенъ посланникомъ въ Лондонъ. Тамъ онъ оставался недолго по причинѣ апоплексическаго удара, отъ котораго онъ впалъ въ изнурительную болѣзнь и въ дѣтство; вскорѣ вслѣдъ за тѣмъ онъ кончилъ жизнь въ Парижѣ, оставивъ послѣ себя репутацію человѣка, отличавшагося гораздо болѣе своими дипломатическими дарованіями, нежели своимъ характеромъ и нравственными принципами.

Второстепенные дипломаты, составлявшіе политическую канцелярію графа Нессельроде, были очень немногочисленны (трое, выше поименованные); почти тоже самое можно сказать и о канцеляріяхъ двухъ другихъ первыхъ министровъ, Австрійскаго канцлера князя *Меттерниха* и Прусскаго канцлера князя *Гарденберга*. Къ тому же, такъ какъ Англійскіе посланники, акредитованные при трехъ союзныхъ государяхъ, лордъ *Каткартъ*, лордъ *Абердинъ* и лордъ *Стюартъ* слѣдовали за главной квартирой союзныхъ армій, то не представлялось никакой надобности въ многосложной канцелярской перепискѣ: самые важные переговоры велись устно между первыми министрами, а нерѣдко и между самими монархами. Въ особенности такимъ именно путемъ велъ переговоры императоръ Александръ, бывшій въ то время душою и связующимъ звеномъ могущественной ко-

Библиотека "Руниверс"

алиціи противъ Наполеона, которая едва ли достигла бы такого блестящаго успѣха, еслибы Государь не руководствовался постоянно тѣмъ желаніемъ не нарушать общаго согласія и тѣми привѣтливыми и мягкими пріемами въ обращеніи, которые еще усиливались обаяніемъ его могущества и блестящаго исхода войны 1812 года.

Такимъ образомъ письменная работа оказывалась нужною только для составленія военныхъ или дипломатическихъ договоровъ, заключавшихся со второстепенными или третьестепенными Нѣмецкими государями, которые, освободившись отъ тяжелаго ига Наполеона, казавшагося инымъ изъ нихъ даже весьма сноснымъ въ виду доставляемыхъ имъ выгодъ, спѣшили теперь вступать въ соглашеніе съ союзными державами, съ цѣлію загладить воспоминаніе о своей прошлой, не всегда безкорыстной, покорности передъ Наполеономъ. Эти безчисленные договоры доставляли солдатъ и милиціонеровъ союзнымъ арміямъ, ленты и брилліантовые подарки уполномоченнымъ, кресты и разныхъ формъ декораціи секретарямъ, на которыхъ красовались въ изобиліи ленточки всевозможныхъ цвѣтовъ. Признаюсь, что я почувствовалъ зависть при видѣ, что мои товарищи по службѣ и по лѣтамъ были такъ разукрашены, и я былъ бы готовъ принять какое-нибудь участіе въ ихъ канцелярской работѣ, чтобъ получить и мою долю наградъ. Однако въ моемъ содѣйствіи, какъ кажется, вовсе не нуждались, такъ какъ мнѣ не предлагали никакой работы, а я съ своей стороны не счелъ умѣстнымъ навязываться съ предложеніемъ моихъ услугъ. Когда же я попросилъ гр. Нессельроде отправить меня снова въ качествѣ курьера съ депешами къ канцлеру гр. Румянцову въ Петербургъ, онъ въ отвѣтъ на это предложилъ мнѣ сопровождать главную квартиру во Франкфуртъ, гдѣ онъ предполагалъ оставаться довольно долго, чтобъ заняться попристальнѣй политическими дѣлами и перепискою съ Петербургомъ.

Хотя я довольно охотно рѣшился слѣдовать за главной квартирой, безъ всякой штатной должности и безъ постояннаго жалованья, только изъ желанія быть свидѣтелемъ рѣшительныхъ военныхъ и политическихъ событій, однако я надѣялся, что такое переходное положеніе будетъ непродолжительно, такъ какъ я не имѣлъ ни желанія, ни средствъ оставаться безъ служебныхъ занятій и безъ казеннаго содержанія. Впрочемъ, будучи присланъ курьеромъ въ главную квартиру Государя, я обѣдалъ за гофмаршальскимъ столомъ и помѣщался въ одномъ изъ домовъ, нанятыхъ для свиты Государя, а когда союзныя арміи и союзные государи покинули Лейпцигъ, чтобъ двинуться вслѣдъ за Наполеономъ къ предѣламъ Франціи, я также послѣдовалъ за арміей. Не имѣя собственнаго экипажа, я былъ вы-

Библиотека "Руниверс"

нужденъ путешествовать въ простой телѣгѣ, и мнѣ даже не разъ приходилось, къ крайнему моему огорченію, ѣхать на волахъ, такъ какъ всѣ болѣе удобные экипажи и почтовыя лошади забирались для военной свиты Государя. Изъ Лейпцига главная квартира направилась въ Веймаръ, гдѣ она пробыла два или три дня; тамъ я имѣлъ случай посѣтить очень интересный дворецъ великаго герцога, бывшаго покровителемъ и другомъ Виланда, Гете, Гердера и нѣкоторыхъ другихъ знаменитыхъ поэтовъ, писателей и философовъ, благодаря которымъ Веймаръ такъ прославился во второй половинѣ XVIII столѣтія, что былъ прозванъ Аѳинами Германіи. Наша великая княгиня Марія Павловна, находившаяся въ супружествѣ за Веймарскимъ наслѣднымъ принцемъ и въ послѣдствіи, въ теченіе слишкомъ 30-ти лѣтняго правленія своего супруга, снискавшая общую любовь, находилась въ то время съ своими дѣтьми въ Голштиніи, гдѣ она пожелала укрыться отъ бѣдствій, причиняемыхъ войной; впрочемъ она вскорѣ послѣ того снова переселилась въ Веймаръ. Въ ту пору уже не было на свѣтѣ Шиллера, скончавшагося за нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ; Виландъ былъ восьмидесятилѣтній старецъ, не выходившій никогда изъ дому; я имѣлъ только случай видѣть Гете, который прожилъ послѣ того еще лѣтъ двадцать, и который занималъ въ ту пору одну изъ высшихъ должностей въ Веймарѣ, помимо того, что онъ считался патріархомъ Нѣмецкой литературы. Говоря о Гете, я вспоминаю объ одномъ маленькомъ происшествіи, сильно затронувшемъ его самолюбіе. При вступленіи союзныхъ армій въ Веймаръ послѣ Лейпцигской побѣды, въ домѣ Гете была отведена квартира для одного изъ самыхъ блестящихъ Австрійскихъ генераловъ, графа Жерома Коллоредо. Великій поэтъ надѣлъ свой парадный мундиръ и, въ качествѣ хозяина дома, вышелъ на встрѣчу къ генералу, но къ несчастію между украшавшими его грудь орденами всѣхъ ярче выдавался крестъ командора Почетнаго Легіона, данный ему за нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ Наполеономъ въ знакъ уваженія къ его поэтическому генію. Питавшій сильное нерасположеніе къ Бонапартамъ, графъ Коллоредо обратился къ нему съ рѣзкими упреками за то, что онъ выставляетъ на видъ милости, полученныя отъ угнетателя Германіи, не захотѣлъ войти въ домъ и велѣлъ пріискать для себя другое помѣщеніе.

Движеніе союзныхъ армій къ Франкфурту и къ Рейну было для союзныхъ монарховъ тріумфальнымъ шествіемъ, во время котораго Германскіе владѣтельные князья устраивали въ ихъ честь празднества, а населеніе встрѣчало ихъ повсюду съ восторгомъ, какъ освободителей отъ столь долго тяготѣвшаго надъ Германіей Наполеоновскаго ига. А между тѣмъ авангардъ союзныхъ армій, соединившись съ Ба-

Библиотека "Руниверс"

варскимъ *) корпусомъ ф. маршала Вреде (того самаго, который былъ разбитъ графомъ Витгенштейномъ подъ Полоцкомъ), преслѣдовалъ остатки Наполеоновской арміи, пытаясь даже воспрепятствовать ихъ отступленію; но эта попытка не увѣнчалась успѣхомъ и стоила Баварцамъ большихъ потерь подъ Ганау, послѣ чего Французы были вынуждены удалиться за Рейнъ, служившій въ то время границей для Французской имперіи. Главная квартира, за которою я слѣдовалъ вмѣстѣ съ канцеляріей графа Нессельроде, направлялась на Эрфуртъ, Готу, Вюрцбургъ и Ашафенбургъ и, наконецъ, въ началѣ Ноября, достигла Франкфурта на Майнѣ. Императоръ Александръ, прибывшій туда нѣсколькими днями ранѣе императора Австрійскаго и короля Прусскаго, выѣхалъ къ нимъ на встрѣчу съ блестящей свитой и, затѣмъ всѣ они вмѣстѣ совершили тріумфальный въѣздъ въ городъ сквозь ряды выстроившейся шпалерами великолѣпной Русской гвардіи, при громѣ пушекъ, звонѣ колоколовъ и восторженныхъ возгласахъ громадной толпы народа, состоявшей какъ изъ горожанъ, такъ и изъ окрестныхъ жителей; этотъ великолѣпный кортежъ прошелъ передъ самыми моими окнами. Пребываніе во Франкфуртѣ главной квартиры трехъ императоровъ, располагавшихъ вмѣстѣ съ Англійскимъ принцемъ-регентомъ судьбами Европы со времени пораженія Наполеона, продолжалось болѣе шести недѣль, то-есть до конца Декабря. Этотъ промежутокъ времени между прекращеніемъ и возобновленіемъ военныхъ дѣйствій былъ посвященъ на дипломатическія совѣщанія и переговоры. Въ исторіи эта эпоха будетъ памятна тѣмъ, что военное счастіе Наполеона, никогда не измѣнявшее ему до похода въ Россію, но помрачившееся съ 1812 года, снова доставило ему возможность если не возстановить свое прежнее абсолютное преобладаніе, то по крайней мѣрѣ удержаться на престолѣ съ нѣкоторымъ достоинствомъ. Знаменитая декларація, опубликованная союзными монархами во Франкфуртѣ, въ Декабрѣ 1813 года, предлагала ему миръ, оставляя Франціи то, что́, по ея словамъ, составляло *ея естественныя границы*, то-есть Альпы со стороны Италіи и Рейнъ со стороны Германіи, но съ тѣмъ, чтобъ Наполеонъ отказался отъ всѣхъ своихъ завоеваній внѣ этихъ границъ. Его высокомѣрное ослѣпленіе побудило его отвергнуть столь выгодныя для него предложенія и, послѣ обмѣна нѣсколькихъ безполезныхъ объясненій, для Европейской коалиціи не оставалось ничего другаго, какъ вынудить у него заключеніе мира силою оружія и вторженіемъ во Францію.

---

*) Баварскій король тогда только что присталъ къ коалиціи противъ Наполеона.

Библиотека "Руниверс"

О моемъ шестинедѣльномъ пребываніи во Франкфуртѣ при главной квартирѣ, въ самомъ центрѣ необычайной дѣятельности, на половину военной и на половину дипломатической, я сохранилъ интересныя и пріятныя воспоминанія. Не имѣя никакихъ обязательныхъ служебныхъ занятій, я посвящалъ цѣлое утро чтенію Нѣмецкихъ сочиненій съ цѣлію освоиться съ этимъ языкомъ и, благодаря этому, я научился понимать и цѣнить образцовыя произведенія этой литературы, какъ стихотворныя, такъ и написанныя прозой; въ особенности творенія Шиллера заставили меня полюбить поэзію, къ которой я всегда имѣлъ менѣе склонности чѣмъ къ прозѣ, вѣроятно потому, что я всего болѣе любилъ заниматься изученіемъ исторіи. Для чтенія Франкфуртъ доставлялъ много способовъ, такъ какъ въ книжныхъ магазинахъ можно было найти обильный запасъ сочиненій Нѣмецкихъ, Французскихъ и даже Англійскихъ, не говоря уже о древнихъ классическихъ произведеніяхъ, съ которыми, къ моему великому сожалѣнію, меня вовсе не познакомили въ годы моего школьнаго воспитанія. Я также осматривалъ достопримѣчательности города, которыя немногочисленны; тамошнія церкви мало замѣчательны по архитектурѣ, не исключая и той, въ которой происходило коронованіе Германскихъ императоровъ, носившихъ офиціальный титулъ *Римскихъ императоровъ* и въ которой находится старинная зала, называемая *Der Römer*, гдѣ происходило избраніе императора семью Германскими князьями, носившими титулъ *курфирстовъ Святой Римской Имперіи*. Впрочемъ это избраніе было простою формальностью, такъ какъ со временъ основателя династіи, Рудольфа Габсбургскаго, императорское достоинство всегда переходило путемъ наслѣдства къ членамъ Австрійскаго царствующаго дома. Въ упомянутой залѣ можно было видѣть настоящіе и воображаемые портреты всѣхъ императоровъ, начиная съ Карла Великаго. Я посѣщалъ также городскія гулянья, но они были въ ту пору менѣе многочисленны и менѣе нарядны, чѣмъ теперь. Когда приближался часъ обѣда, я направлялъ шаги къ прекрасному и обширному дому *Schweitzer*, въ которомъ было приготовлено помѣщеніе для императора Александра; тамъ, въ одной изъ залъ нижняго этажа, накрывался гофмаршальскій обѣденный столъ для всѣхъ лицъ военнаго и гражданскаго званія, сопровождавшихъ главную императорскую квартиру, при которой и я имѣлъ счастіе временно состоять. Для меня, по неволѣ бродившаго безъ всякаго дѣла, это былъ самый интересный часъ дня. Здѣсь собирались за столомъ всѣ наши выдающіеся люди, начиная съ графа Нессельроде и его сотрудниковъ *). Здѣсь можно

---

*) То-есть Константинъ Булгаковъ, Шрёдеръ и Бутягинъ, о которыхъ я уже упоминалъ ранѣе.

Библиотека "Руниверс"

было видѣть графа Поццо-ди-Борго, графа Каподистрію, генераловъ и офицеровъ, состоявшихъ въ свитѣ государя, между прочими графа Аракчеева и старика адмирала Шишкова (замѣнившаго Сперанскаго), а иногда и дипломатовъ Австрійскихъ, Прусскихъ и другихъ, какъ напримѣръ графа Лебцельтерна, Генца и проч. Во время общихъ разговоровъ въ такомъ многочисленномъ и разнообразномъ обществѣ, мнѣ натурально нетрудно было знакомиться съ самыми последними политическими и военными событіями или съ разными мелкими новостями, которыя были очень разнообразны вслѣдствіе одновременнаго пребыванія въ одномъ и томъ-же городѣ трехъ великихъ монарховъ съ ихъ министрами и главными квартирами, наполненными блестящей молодежью, а также вслѣдствіе непрерывнаго пріѣзда или отъѣзда дипломатовъ и курьеровъ, какъ иностранныхъ, такъ и Русскихъ. Послѣ обѣда, тѣ, у кого было свободное время, отправлялись или въ Нѣмецкій театръ, который на ту пору былъ во Франкфуртѣ очень хорошъ, или въ клубъ, который главнымъ образомъ служилъ сборнымъ пунктомъ для военныхъ. Тамъ мнѣ часто случалось видать знаменитѣйшихъ изъ нашихъ генераловъ, какъ-то: *Милорадовича, Ланжерона, Витгенштейна, Палена, Сенъ-При, Уварова, Васильчикова, Ланскаго* и другихъ, играющими на билліардѣ съ высшими генералами Австрійскими, Прусскими, Англійскими, Баварскими, или же за карточными столами. Что касается теарта, то, не говоря уже о пріятномъ впечатлѣніи, которое произвелъ на меня серебристый голосъ самой знаменитой въ ту пору Нѣмецкой пѣвицы, г-жи *Мильдеръ-Гауптманъ*, я сохранилъ воспоминаніе о парадномъ спектаклѣ, который былъ устроенъ городомъ Франкфуртомъ въ честь трехъ монарховъ. Для этого торжественнаго представленія была выбрана опера Моцарта *Clemenza di Tito*; зала была набита биткомъ и, чтобъ получить хоть какое нибудь мѣсто, надо было идти въ театръ за нѣсколько часовъ до начала представленія. Во время той сцены, когда Римскій императоръ, возсѣдающій на своемъ античномъ тронѣ, принимаетъ привѣтствія и изъявленія признательности отъ своего Сената и отъ своихъ подданныхъ, держащихъ въ рукахъ гирлянды и лавровые вѣнки, Титъ вдругъ всталъ съ своего трона и, увлекая вслѣдъ за собою всѣхъ актеровъ къ авансценѣ, обратился къ большой ложѣ, въ которой находились императоры Россійскій и Австрійскій и король Прусскій и громко сказалъ или пропѣлъ (не припомню въ точности): «Не мнѣ подобаютъ эти привѣтствія, эти изъявленія признательности и эти побѣдные лавры; мы должны сложить ихъ къ стопамъ августѣйшихъ и побѣдоносныхъ освободителей Германіи и Европы!» Этотъ эпизодъ, неожиданный для публики (хотя для нѣкоторыхъ изъ присутствующихъ онъ и не былъ неожиданностью) вы-

Библиотека "Руниверс"

звалъ взрывъ энтузіазма и громъ рукоплесканій, которому, казалось, не будетъ конца; только по прошествіи получаса, публика, наконецъ, дозволила актерамъ продолжать роли и докончить пьесу.

Такой образъ жизни, хотя и пріятный, но слишкомъ праздный и для моихъ лѣтъ, и при моей привычкѣ къ занятіямъ, былъ мнѣ и не по вкусу, и не по средствамъ, такъ какъ я не имѣлъ въ главной квартирѣ ни постоянной должности, ни постояннаго содержанія, а остатки отъ денегъ, полученныхъ мною на дорогу, приходили къ концу. Въ виду того, что для возвращенія, въ качествѣ курьера, къ мѣсту моего служенія въ Петербургѣ при канцлерѣ не представлялось удобнаго случая, я уже готовъ былъ отправиться курьеромъ въ Лондонъ, когда гр. Каподистрія, съ которымъ я имѣлъ случай познакомиться и довольно часто видаться въ Петербургѣ, незадолго передъ войной, и который оказывалъ мнѣ въ то время благосклонное участіе, предложилъ мнѣ сопровождать его, въ качествѣ секретаря посольства, въ Швейцарію, куда онъ былъ командированъ для переговоровъ съ правительствомъ этой республики о свободномъ проходѣ союзныхъ армій по Швейцарской территоріи, съ цѣлію вторженія во Францію черезъ Базель. Не смотря на мое сильное желаніе воспользоваться столь лестнымъ для меня предложеніемъ со стороны человѣка, замѣчательнаго и по своему уму, и по благородству своего характера, дѣло не могло уладиться, не припомню по причинѣ какихъ помѣхъ. Но вскорѣ послѣ того гр. Нессельроде, желая вознаградить меня за эту неудачу, предложилъ мнѣ постъ секретаря посольства въ Штутгардѣ при гр. Юріѣ *Головкинѣ* *), который былъ посланникомъ въ Китаѣ въ началѣ царствованія императора Александра, а теперь временно принялъ на себя постъ облеченнаго чрезвычайными полномочіями посла при королѣ Виртембергскомъ, братѣ нашей вдовствующей Императрицы. Я не былъ лично знакомъ съ нимъ, но такъ какъ онъ былъ тесть князя Александра Салтыкова, моего перваго и благосклоннаго начальника при моемъ вступленіи на службу въ Министерство Иностранныхъ Дѣлъ, то я былъ очень радъ начать мою дипломатическую службу за границей подъ его начальствомъ. Мои надежды сбылись выше всѣхъ ожиданій, и я былъ такъ счастливъ, что не только удостоился одобрительныхъ поощреній отъ моего новаго начальника, но и пріобрѣлъ его неизмѣнно благосклонное расположеніе ко мнѣ, такъ что, когда послѣ трехлѣтней

---

*) Гр. Юрій Александровичъ *Головкинъ*, д. т. с. оберъ-камергеръ, Андреевскій кавалеръ, бывшій посломъ въ Китаѣ въ 1804, потомъ посланникомъ въ Штутгартѣ и въ Вѣнѣ, послѣдніе годы провелъ въ Россіи, въ званіи попечителя Харьковскаго университета, скончался въ 1845 или 1846, слишкомъ 80 лѣтъ отъ роду.

Библиотека "Руниверс"

службы въ Штутгардѣ, я былъ, безъ его вѣдома и безъ ходатайства съ моей стороны, переведенъ первымъ секретаремъ посольства въ Константинополь, мнѣ было крайне тяжело разстаться съ нимъ; онъ съ своей стороны выразилъ мнѣ такія же сожалѣнія и непремѣнно хотѣлъ, чтобъ между нами происходила постоянная переписка, которая дѣйствительно не прекращалась до его смерти, послѣдовавшей лѣтъ черезъ 30-ть послѣ того, когда ему было уже за 80-ть лѣтъ. Всѣ знавшіе графа Головкина, безъ сомнѣнія, отдадутъ ему справедливость въ томъ, что онъ представлялъ собою одинъ изъ лучшихъ типовъ знатнаго барина, царедворца и свѣтскаго человѣка по своему обхожденію и по своему уму, къ которому присоединялось широкое классическое образованіе и самыя блестящія личныя достоинства. Онъ происходилъ отъ знатной семьи, подвергшейся изгнанію при императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ, родился за границей, принадлежалъ къ протестантской церкви и прибылъ въ Россію уже въ царствованіе императрицы Екатерины II. По странному стеченію обстоятельствъ, возможному лишь для тѣхъ, чья жизнь чрезвычайно продолжительна, онъ имѣлъ честь, въ числѣ немногихъ избранныхъ, сопровождать Екатерину, во время ея знаменитой поѣздки въ Крымъ, и ровно черезъ 50 л. послѣ того, въ 1837 г., сопровождалъ, въ качествѣ оберъ-камергера, императрицу Александру Ѳеодоровну когда она ѣздила въ Одессу и въ Крымъ.

Назначенія графа Каподистріи въ Швейцарію и моего новаго начальника графа Головкина въ Штутгартъ состоялись въ послѣдніе дни пребыванія союзныхъ государей во Франкфуртѣ. Когда переговоры, которые велись во Франкфуртѣ между союзными государями и Наполеономъ чрезъ посредство одного Французскаго дипломата (de S-t Aignan, случайно попавшагося къ намъ въ плѣнъ послѣ Лейпцигской битвы), оказались безуспѣшными, союзныя арміи получили приказаніе двинуться со всѣхъ сторонъ для вторженія во Францію, а государи также разъѣхались въ разныя стороны, условившись свидѣться въ Базелѣ, куда должна была переѣхать къ концу Декабря и главная квартира.

Около 15 или 20 Ноября 1813 я выѣхалъ къ мѣсту моего новаго назначенія съ графомъ Головкинымъ, котораго, кромѣ меня, сопровождалъ его личный секретарь Луи Роберъ, уже пріобрѣтшій нѣкоторую извѣстность какъ литераторъ, но еще болѣе извѣстный какъ братъ одной изъ самыхъ знаменитыхъ въ ту пору женщинъ въ Германіи, дѣвицы *Рахель*. Она была родомъ Еврейка, не отличавшаяся ни красотой, ни молодостью, ни богатствомъ и, не смотря на это, умѣвшая привлекать въ Берлинѣ въ свой кружокъ не только самыхъ выдающихся въ ту пору литераторовъ и поэтовъ, но также государствен-

Библиотека "Руниверс"

ныхъ людей, военныхъ и дипломатовъ, стекавшихся въ ея салонъ, благодаря обаянію ея ума и любезности. Я скоро подружился съ г. Роберомъ, который былъ уменъ, образованъ и очень пріятнаго характера; онъ сочинилъ нѣсколько пьесъ для Нѣмецкаго театра, которыя съ успѣхомъ давались на сценѣ, а его хорошенькія, легкія стихотворенія, которыя онъ писалъ для общества, скоро сдѣлали его любимцемъ и Штутгартскаго общества. Впрочемъ, хотя это общество и не могло быть многочисленнымъ при третьестепенномъ дворѣ и въ столицѣ, имѣвшей не болѣе 25-ти или 30-ти тысячъ жителей, оно было хорошо составлено, въ особенности благодаря присутствію въ немъ любезныхъ и хорошо воспитанныхъ женщинъ. Тамъ я завелъ очень пріятныя и интересныя знакомства и даже пріобрѣлъ нѣсколько добрыхъ друзей, которыхъ меня не могли заставить позабыть ни время, ни продолжительная разлука, такъ что, снова посѣтивши Штутгартъ по прошествіи болѣе 40 лѣтъ, я тамъ не былъ принятъ какъ никому незнакомый иностранецъ.

Первый Виртембергскій король, Фридрихъ I-й, отецъ царствующаго теперь государя, отличался болѣе живостью своего ума и страстями всякаго рода, чѣмъ нравственными качествами и мягкостью въ системѣ управленія. Наполеонъ, какъ утверждаютъ, очень цѣнилъ его за его умъ и за его абсолютизмъ, хотя и говорилъ, что *«это была буря въ стаканѣ воды»*. Онъ внушалъ сильный страхъ своимъ подданнымъ, и далеко не былъ такъ популяренъ, какъ царствующій нынѣ его преемникъ Вильгельмъ I-й, который пользуется прекрасной военной репутаціей и сверхъ того считается однимъ изъ лучшихъ и умнѣйшихъ государей Германіи.

Я только что успѣлъ освоиться съ моей новой житейской обстановкой и познакомиться съ нѣкоторыми лицами, принадлежавшими частію къ мѣстному населенію, частію къ дипломатической средѣ, когда графъ Головкинъ, желая передать Государю нѣкоторыя интересныя донесенія, отправилъ меня съ депешами въ главную квартиру. Это было въ концѣ Декабря. И такъ, на другой день послѣ одного бала, на которомъ я въ первый разъ дебютировалъ въ обществѣ, сѣлъ я въ почтовую карету и, проѣхавши Шварцвальдъ, гдѣ по дорогѣ лежалъ снѣгъ, прибылъ въ Базель наканунѣ новаго года, совершенно во́ время, чтобъ видѣть, какъ союзныя арміи дефилировали въ присутствіи трехъ союзныхъ монарховъ предъ тѣмъ, чтобъ перейти Рейнъ и вступить во Францію въ день 1-го Января 1814 года (стар. стиля).

Баденъ-Баденъ, 7 Октября (25 Сентября) 1861 года.

На этомъ я оканчиваю мой разсказъ о воспоминаніяхъ моей молодости, такъ какъ мнѣ пришлось готовиться къ отъѣзду въ Россію для того, чтобъ

Библиотека "Руниверс"

провести зиму въ Одессѣ; не знаю позволятъ ли мнѣ обстоятельства и разстроенное здоровье когда нибудь довести до конца повѣсть о моей жизни.

NB Въ ожиданіи возможности снова приняться за этотъ разсказъ, я не считаю излишнимъ, для подкрѣпленія моей собственной памяти, перечислить здѣсь въ хронологическомъ порядкѣ событія слѣдующихъ годовъ.

*

1814—1816. Пробывъ около трехъ лѣтъ секретаремъ посольства въ Штутгардѣ, я былъ переведенъ въ концѣ 1816 въ томъ-же званіи въ Константинополь подъ начальство барона (впослѣдствіи графа) Строганова.

Отъ 1816 до 1821. Мое первое пребываніе въ Константинополѣ, продолжавшееся около пяти лѣтъ, обнимаетъ собою періодъ времени, тяжелый и достопамятный для Русской миссіи; онъ закончился Греческимъ возстаніемъ, которое заставило графа Строганова возвратиться въ Россію, такъ какъ война съ Турціей казалась неизбѣжной; впрочемъ все ограничилось прекращеніемъ дипломатическихъ сношеній, продолжавшимся отъ 2-хъ до 3-хъ лѣтъ.

Отъ 1821 до 1822. Въ концѣ 1821 г. я возвратился въ Петербургъ вмѣстѣ съ графомъ Строгановымъ и, вскорѣ вслѣдъ за тѣмъ, былъ временно назначенъ начальникомъ Переводной Экспедиціи Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

1823. Въ этомъ году я вступилъ въ бракъ въ Ревелѣ съ дѣвицей Варварой *Шевичъ* (†1828), дочерью храбраго генерала Шевича, который былъ убитъ въ битвѣ подъ Лейпцигомъ въ 1813 г., во главѣ находившагося подъ его командованіемъ гвардейскаго гусарскаго полка.

1824. Родился мой сынъ Иванъ (†1838 г. въ Петербургѣ).

1825. Родилась моя дочь Александра († 1851 г. въ Римѣ), которая была помолвлена за графа П. Ш.

1828. Послѣ постигшаго меня семейнаго несчастія, я принялъ постъ совѣтника посольства въ Лондонѣ; но въ тоже самое время я былъ назначенъ (вмѣстѣ съ графомъ Матусевичемъ и барономъ Сакеномъ) состоять при графѣ Нессельроде, сопровождавшемъ императора Николая въ Турецкую кампанію, гдѣ и находился до взятія Варны; а послѣ того я получилъ другое назначеніе, такъ что вовсе не вступалъ въ исполненіе обязанностей совѣтника посольства въ Лондонѣ.

1829. По возвращеніи изъ Турецкой кампаніи, я снова сопровождалъ графа Нессельроде сначала въ Варшаву, на коронацію императора Николая, а оттуда въ Одессу. По возвращеніи въ Петербургъ, я былъ назначенъ, въ Сентябрѣ 1829 г., тотчасъ послѣ заключенія мира въ Адріанополѣ, повѣреннымъ въ дѣлахъ при Оттоманской Портѣ. Прибывши въ этотъ городъ, я засталъ тамъ главнокомандующаго ф. маршала Дибича, а также графа Алексѣя Орлова, вмѣстѣ съ которымъ и отправился въ концѣ Ноября 1829 г., въ Константинополь, чтобъ вступить въ отправленіе обязанностей повѣреннаго въ дѣлахъ.

1830. Мои обязанности повѣреннаго въ дѣлахъ въ Константинополѣ скоро прекратились вслѣдствіе возвращенія, въ началѣ 1830 г., изъ Италіи, графа Рибопьера, уѣхавшаго туда, когда началась война,

Библиотека "Руниверс"

а теперь возвратившагося на нѣсколько мѣсяцевъ на свой посланническій постъ; впрочемъ я еще оставался нѣсколько времени въ Константинополѣ и выѣхалъ оттуда въ Маѣ вмѣстѣ съ графомъ Орловымъ въ Одессу и въ Петербургъ. Въ концѣ того же года (Октябрь 1830), я былъ назначенъ посланникомъ въ Константинополь на мѣсто Рибопьера и выѣхалъ въ концѣ Декабря къ мѣсту моего новаго назначенія сухимъ путемъ съ довольно большой свитой въ числѣ которой находились В. Титовъ и князь Ю. Салтыковъ *).

1831. Мое путешествіе въ Константинополь въ срединѣ зимы, сухимъ путемъ, съ многочисленной свитой и съ обычными подарками отъ Императора султану, было очень продолжительно частію по причинѣ Польской войны и холеры, частію по причинѣ моей двухъ-мѣсячной остановки въ Бухарестѣ,—такъ что я прибылъ къ мѣсту моего назначенія лишь въ Маѣ 1831 г., и чрезъ нѣсколько дней послѣ того имѣлъ мою первую аудіенцію у султана Махмуда.

1832. Прибытіе сэра Стратфорда Каннинга съ спеціальнымъ порученіемъ. Заключеніе конвенціи между Россіей, Англіей и Франціей касательно расширенія Греческихъ границъ. Возстаніе Египетскаго паши противъ султана; вторженіе мятежной арміи въ Сирію, битва при Коніи и побѣда, одержанная надъ Турками сыномъ мятежнаго паши Ибрагимомъ.

1833. Султанъ Махмудъ проситъ о вспоможеніи императора Николая, который и посылаетъ въ Босфоръ, къ нему на помощь, Русскую эскадру и Русскія войска подъ начальствомъ графа А. Орлова.—Отступленіе Египетской арміи.—Въ концѣ года я уѣзжаю въ Петербургъ въ отпускъ.

1834. Моя женитьба въ Іюлѣ 1834 (вторымъ бракомъ) на графинѣ Хрептовичъ въ Бѣшенковичахъ, откуда мы отправились вмѣстѣ съ моими дѣтьми въ Константинополь чрезъ Одессу.

1835. Рожденіе моей дочери Маріи въ Буюкдере.

1837. Новая поѣздка въ концѣ года въ Россію, въ отпускъ.

1838. Смерть моего сына Ивана въ Петербургѣ.—Наше возвращеніе въ Константинополь черезъ Германію и Тріестъ.

1839. Смерть султана Махмуда въ Маѣ; восшествіе на престолъ его старшаго сына Абдулъ-Меджида.

1840. Опасная болѣзнь Маріи; я получаю продолжительный отпускъ для того, чтобъ везти ее на воды въ Италію и Германію. Провожу въ Парижѣ зиму 1841—1842.

Отъ 1843 до 1853. Вызванъ въ концѣ 1842 года въ Петербургъ, сначала для того, чтобъ быть назначену посланникомъ въ Швейцарію,

---

*) На этотъ разъ, т.-е. въ 1830 г., меня сопровождалъ въ качествѣ причисленнаго къ посольству князь Юрій Салтыковъ, сынъ князя Александра; а его двоюродный братъ князь Алексѣй Салтыковъ, сынъ бывшаго моего покровителя князя Дмитрія, часто упоминаемаго въ воспоминаніяхъ о моей молодости, сопровождалъ меня въ предшествовавшемъ году, когда я ѣхалъ въ Константинополь въ качествѣ повѣреннаго въ дѣлахъ.

Библиотека "Руниверс"

а вслѣдъ за тѣмъ, чтобъ отправиться съ временной и специальной миссіей въ Константинополь; тамъ я пробылъ до Іюля 1843, то-есть до времени моего назначенія посланникомъ въ Римъ, гдѣ я пробылъ въ этомъ званіи безъ перерыва десять лѣтъ до 1853. Въ этотъ промежутокъ времени состоялось путешествіе императора Николая вмѣстѣ съ императрицей въ Италію. Мое возвращеніе изъ Рима въ Россію вмѣстѣ съ моимъ семействомъ (состоявшимъ изъ моей дочери Маріи и двухъ сыновей Михаила и Константина, родившихся въ Римѣ).

1855. Смерть императора Николая въ Февралѣ этого года; я назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта.

1856. Тотчасъ послѣ заключенія Парижскаго мира я былъ посланъ съ экстраординарной миссіей въ Константинополь, гдѣ и оставался до конца 1858.

Выписка изъ формуляра:

Вступилъ въ службу по Мин. Ин. Дѣлъ въ 1805 году. Произведенъ коллеж. ассесор. въ 1813 г., надв. совѣтн. въ 1815 г., колл. сов. въ 1819 г., статск. сов. въ 1823 г., д. с. с. въ 1827 г., тайн. сов. 1836 г., дѣйств. тайн. сов. въ 1856 г., пробывъ въ предъидущемъ чинѣ ровно 20 лѣтъ.

Пожалованъ орденами: 1813 г. Св. Владиміра 4-й ст.—1818 г. Св. Анны 2-й ст.—1821 г. Св. Анны 2-й ст. съ брилліантами.—1826 г. Св. Владиміра 3-й ст.—1829 Св. Станислава 1-й ст.—1830 Св. Анны 1 класса.—1833 Св. Влад. 2-й ст. со звѣздою.—1838 г. Бѣлаго Орла; 1843 г. Св. Алекс. Невскаго; 1847 г. Св. Александра Невскаго съ брилліантами. 1858 г. Св. Владиміра 1-й ст., при отъѣздѣ изъ Константинополя.—Иностранные Ордена: *Греческій* Спасителя 1-й ст., *Папскій* Пія IX-го 1-й ст., *Тосканскій* Св. Іосифа 1-й ст., *Турецкій* Абдулъ-Меджида 1-й ст.; сверхъ того двѣ медали за войны Турецкую 1828 года и Крымскую; большая золотая медаль Папы и золотая медаль султана Махмуда.

*

Вотъ какъ отзывается о Бутеневѣ Н. Н. Муравьевъ (Карсскій), находившійся съ нимъ въ сношеніяхъ въ Константинополѣ въ 1833 году, человѣкъ не щедрый на похвалы.

„Личныя правила и образованіе Бутенева довольно извѣстны всѣмъ имѣвшимъ случай хотя нѣсколько съ нимъ сблизиться. Всеобщее уваженіе, коимъ онъ пользуется, конечно лучшее свидѣтельство отличныхъ качествъ, его украшающихъ. Въ отношеніи служебныхъ достоинствъ онъ менѣе извѣстенъ. Многіе полагаютъ въ немъ слабость характера и не тѣ дарованія, которыя нужны для поддержанія важности занимаемаго имъ мѣста; но сему ошибочному мнѣнію есть двѣ причины: первая—необыкновенная скромность его, ибо онъ трудится не изъ видовъ тщеславія, но съ священнымъ уваженіемъ къ обязанностямъ и съ самоотверженіемъ знаменующими благородную душу, не имѣя ничего въ виду, кромѣ успѣха самаго дѣла. Другая причина есть зависть соперниковъ, неизбѣжная въ такихъ обстоятельствахъ и при такихъ достоинствахъ. Служа близъ 20-ти лѣтъ въ разныхъ званіяхъ при Константинопольской миссіи, онъ былъ совершенно знакомъ съ ходомъ тамошнихъ дѣлъ и политики; въ трудолюбіи имѣетъ мало равныхъ, непоколебимую же твердость характера своего являетъ въ нужныхъ случаяхъ, съ неотрицаемою пользою для службы“. („Русскіе на Босфорѣ“, М. 1869, стр. 26). Книга Н. Н. Муравьева содержитъ въ себѣ полную картину политическихъ отношеній на Востокѣ, къ которымъ относятся нижеслѣдующія депеши. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

ТРИ ДОНЕСЕНІЯ А. П. БУТЕНЕВА ГРАФУ НЕССЕЛЬРОДЕ ПО ЕГИПЕТСКОМУ ДѢЛУ 1832 И 1833 ГОДОВЪ.

1.

Bouykdéré, le 21 janvier (2 février) 1832.

Monsieur le comte.

Les affaires de l'Égypte et de la Syrie continuent à absorber principalement l'attention de la Porte, comme du public de cette capitale. L'envoi de quelques courriers d'Alexandrie, expédiés par les commissaires du gouvernement ottoman, après leur arrivée auprès de Mehmet-Ali, avait fait circuler le bruit d'une prochaine réconciliation entre le sultan et son vassal. Néanmoins ces bruits paraissent n'avoir aucun fondement réel: bien au contraire, en Égypte comme à Constantinople on redouble de préparatifs, et la Porte n'attend plus peut-être que l'achèvement des siens, pour faire éclater une rupture ouverte.

Malgrè l'activité et l'énergie qu'Ibrahim-pacha déploye dans le siège de S-t Jean d'Acre, cette forte place continue à opposer une vigoureuse résistance aux efforts combinés de l'armée et de la flotte égyptiennes. D'après les nouvelles reçues en dernier lieu, le résultat définitif des opérations dirigées contre cette forteresse était d'autant moins à prévoir, que les premières tentatives d'attaque n'avaient pas tourné à l'avantage des assiégeants, qui même ont été repoussés, à ce que l'on assure, avec des pertes comparativement sensibles. L'escadre égyptienne doit avoir essuyé les principaux dommages, par l'effet du feu des batteries de la place. Pour ce qui est des autres villes importantes de la Syrie, telles que Sour, Seyde, Baruth et Tripoli, il est hors de doute qu'elles ont ouvert leurs portes sans résistance à Ibrahim-pacha. Celui-ci, en en prenant possession, a usé de beaucoup de ménagements

Библиотека "Руниверс"

envers les habitans, dont il cherche habilement à se concilier l'affection et l'estime. La facilité de ces conquêtes, comparée à la résistance de S-t Jean d'Acre, ne doit pas exciter de surprise. Outre les fortifications d'une place, célèbre par l'échec qu'y ont essuyé de notre temps les armes de Bonaparte, c'est sur ce point qu'Abdalla-pacha a concentré de longue main tous ses moyens de défense, et l'on peut croire qu'il ne persévère dans ses plans avec autant d'opiniâtreté, que par l'espoir d'obtenir bientôt de puissans secours de la Porte.

A en juger par les préparatifs qui se poursuivent activement dans cette capitale, ces secours, s'ils arrivent encore à temps, devront jeter en effet un poids décisif dans la balance. L'escadre qu'on destine à agir contre le vice-roi d'Égypte, et dont l'armement s'achève actuellement dans les chantiers de Constantinople, se composera, d'après les renseignemens qui me sont parvenus, de 5 vaisseaux de ligne, 10 frégates, 3 corvettes, plusieurs bricks et autres bâtimens légers. C'est en ce moment presque la totalité des forces navales de l'empire Ottoman.

Le consul Lavison me confirme par un de ses derniers rapports du 25 décembre (6 janvier) que les commissaires de la Porte, expédiés auprès de Mehmet-Aly, pour lui signifier, au nom de sa hautesse, l'ordre de faire évacuer la Syrie par ses troupes, venaient de débarquer à Alexandrie. Ils avaient été reçus avec une bienveillance apparente, mais on les gardait strictement à vue, aussi bien que toutes les personnes de leur suite. Le résultat des pourparlers qui avaient eu lieu entre ces commissaires et le pacha, n'était point connu. Toutefois, d'après le dire de quelques personnes, Mehmet-Aly aurait proposé comme bases d'un accomodement, l'avance d'une somme considérable en argent, demandant en retour l'autorisation de maintenir l'occupation de la Syrie au nom du grand-seigneur. Pendant cette négociation on n'en continuait pas moins à charger des munitions pour l'armée.

M-r Lavison mande aussi, que depuis que Mehmet-Aly a acquis la certitude de l'opposition que ses desseins ambitieux contre la Syrie ont encouru de la part du grand-seigneur, il paraît soucieux, mais moins toutefois que ses alentours, qu'il cherche à rassurer sur la réussite de ses plans. Dans ses entretiens avec les consuls européens, le pacha affecte de répéter que les dispositions hostiles du grand-seigneur ne pourront ni l'intimider ni le faire changer de détermination, et qu'il a tout prévu d'avance, que la conquête de S-t Jean d'Acre devra lui fournir les moyens de consolider sa puissance en Syrie et que dès lors, avec les ressources militaires dont il dispose, il n'aura plus rien à appréhender de l'orage qui le menace.

Библиотека "Руниверс"

Les nouvelles de Damas sont d'une nature rassurante pour la Porte. Il paraît que le nouveau musselim qui y a été envoyé par le gouvernement, a réussi à s'y faire reconnaître en cette qualité par les habitans, et meme à en obtenir un assez bon accueil. En Bosnie la tranquillité est loin d'être rétablie encore, ce qui oblige toujours le gouverneur de cette province à résider provisoirement à Prizrena.

Le grand-visir a son quartier-général à Scutari.

La peste n'a pas discontinué de se manifester dans la capitale, malgré l'approche de l'hyver, où cette maladie cesse habituellement ses ravages. Il est vrai que cette année, la saison avancée a été extraordinairement douce; jusqu'ici le froid ne s'est pas fait sentir. Il y a eu, durant la quinzaine, un incendie assez considérable: des magazins contenant 30 m. quintaux de biscuits préparés pour la flotte ont été réduits en cendres, ce qui occasionne non-seulement une perte sensible, mais de grands embarras au gouvernement.

ПЕРЕВОДЪ.

Буюкдере, 21 Января (2 Февраля) 1832.

Положеніе дѣлъ въ Египтѣ и въ Сиріи по прежнему сосредоточиваетъ на себѣ главное вниманіе и Порты и населенія этой столицы. Присылка изъ Александріи нѣсколькихъ курьеровъ, отправленныхъ коммиссарами Оттоманскаго правительства послѣ того какъ они уже прибыли къ Мегмету-Али, породила слухи о скоромъ примиреніи между султаномъ и его вассаломъ. Но эти слухи, какъ кажется, не имѣютъ никакого серьезнаго основанія: напротивъ того, и въ Египтѣ, и въ Константинополѣ идутъ усиленныя военныя приготовленія, и Порта, быть можетъ, ожидаетъ только окончанія своихъ вооруженій, чтобъ вызвать рѣшительный разрывъ.

Не смотря на дѣятельность и энергію, съ которыми Ибрагимъ-паша ведетъ осаду Сенъ-Жанъ д'Акра, эта крѣпость продолжаетъ оказывать упорное сопротивленіе совокупнымъ усиліямъ Египетской арміи и флота. По послѣднимъ извѣстіямъ, нѣтъ возможности предвидѣть, какой будетъ окончательный результатъ военныхъ операцій, направленныхъ противъ этой крѣпости, такъ какъ первыя попытки наступательныхъ дѣйствій были не въ пользу осаждающихъ, которые, какъ увѣряютъ, были отбиты съ довольно значительными потерями. Полагаютъ, что всего болѣе пострадала Египетская эскадра, находившаяся подъ выстрѣлами крѣпостныхъ орудій. Что-же касается другихъ значительныхъ городовъ Сиріи, какъ-то: Сура, Сейда, Барута и Триполи, то не подлежитъ сомнѣнію, что они безъ всякаго сопротивленія отворили свои ворота передъ Ибрагимомъ-пашей. Этотъ послѣдній, при своемъ вступленіи въ названные города, обходился очень кротко съ мѣстными жителями, очень

Библиотека "Руниверс"

ловко стараясь пріобрѣсти ихъ привязанность и уваженіе. Легкость этихъ завоеваній въ сравненіи съ сопротивленіемъ, встрѣчаемымъ въ Сенъ-Жанъ-д'Акрѣ, не должна возбуждать удивленія. Не говоря уже о томъ, что передъ укрѣпленіями этого города потерпѣли въ наше время неудачу военныя силы Бонапарта, тамъ съ давнихъ поръ сосредоточивалъ Абдаллахъ-паша всѣ свои средства обороны, и можно думать, что онъ придерживается своего плана съ такимъ упорствомъ только потому, что надѣется въ скоромъ времени получить отъ Порты сильныя подкрѣпленія.

Судя по приготовленіямъ, которыя дѣятельно производятся въ этой столицѣ, слѣдуетъ думать, что если эти подкрѣпленія подоспѣютъ во время, они будутъ имѣть рѣшающее вліяніе на исходъ борьбы. Эскадра, которая предназначена дѣйствовать противъ Египетскаго вице-короля и вооруженіе которой оканчивается въ настоящую минуту на Константинопольскихъ верфяхъ, будетъ состоять, по дошедшимъ до меня свѣдѣніямъ, изъ 5-ти линейныхъ кораблей, 10-ти фрегатовъ, 3-хъ корветовъ, нѣсколькихъ бриговъ и другихъ легкихъ судовъ. Въ этомъ заключаются въ настоящую минуту почти всѣ морскія силы Оттоманской имперіи.

Консулъ Лависонъ, въ одномъ изъ своихъ послѣднихъ донесеній, помѣченномъ 25-го Декабря (6 Января), подтверждаетъ, что коммиссары Порты, посланные къ Мехмету-Али для того чтобъ предъявить ему отъ имени султана приказаніе вывести его войска изъ Сиріи, только что высадились въ Александріи. Они были приняты со внѣшними изъявленіями благосклонности, но за ними строго слѣдили, точно также какъ и за всѣми лицами, принадлежавшими къ ихъ свитѣ. Неизвѣстно, какой былъ результатъ переговоровъ, происходившихъ между этими коммиссарами и пашой. Впрочемъ, нѣкоторые утверждаютъ, будто Мехметъ-Али предложилъ въ основу соглашенія уплату значительной суммы денегъ и въ замѣнъ этого требовалъ дозволенія продолжать занятіе Сиріи отъ имени султана. Однако во время этихъ переговоровъ все-таки не переставали нагружать корабли военными припасами для арміи.

Г-нъ Лависонъ доноситъ также, что съ тѣхъ поръ, какъ Мехметъ-Али убѣдился, что султанъ воспротивится осуществленію его честолюбивыхъ видовъ на Сирію, онъ кажется озабоченнымъ, но впрочемъ не въ такой степени, какъ его окружающіе, которыхъ онъ старается увѣрить въ успѣхѣ его замысловъ. Въ своихъ разговорахъ съ Европейскими консулами, паша настойчиво повторяетъ, что непріязненныя мѣропріятія султана не будутъ въ состояніи ни устрашить его, ни заставить его измѣнить свои намѣренія, что онъ все это предвидѣлъ заранѣе, что взятіе Сенъ-Жанъ д'Акра доставитъ ему средства для упроченія его власти надъ Сиріей и что послѣ того, при тѣхъ военныхъ силахъ, которыми онъ располагаетъ, ему нечего будетъ опасаться угрожающей ему бури.

Библиотека "Руниверс"

Извѣстія изъ Дамаска болѣе утѣшительны для Порты. Посланный туда правительствомъ новый мусселимъ, какъ кажется, уже признанъ въ этомъ званіи жителями и даже былъ принятъ ими довольно хорошо. Въ Босніи спокойствіе еще далеко не возстановлено, а потому губернаторъ этой провинціи вынужденъ временно проживать въ Призренѣ.

Главная квартира великаго визиря находится въ Скутари.

Моровая язва не перестала показываться въ столицѣ, не смотря на приближеніе зимы, во время которой эта болѣзнь обыкновенно прекращаетъ свои опустошенія. Впрочемъ, въ настоящемъ году, позднее время года отличалось необыкновенной мягкостью, и до сихъ поръ еще холодъ не давалъ себя чувствовать. На дняхъ здѣсь былъ довольно большой пожаръ: магазины, въ которыхъ хранилось 30 тысячъ центнеровъ сухарей, заготовленныхъ для флота, были обращены въ пепелъ, что̀ причинило правительству не только значительный убытокъ, но и большія затрудненія.

2.

Bouyoukdéré, le 6 (18) avril 1832.

Monsieur le comte.

Pénétré de plus en plus de l'importance de la lutte qui s'est engagée contre la puissance presque rivale du pacha d'Égypte, le gouvernement Ottoman continue à vouer une attention exclusive au soin de terminer à la hâte ses vastes armemens, sur terre et sur mer. Les uns et les autres sont fort avancés. L'armée de terre doit être en grande partie réunie à cette heure dans les environs d'Iconium, où Hussein-pacha va se rendre incessamment pour en prendre le commandement. Le sardar-ekrem ou le *feldmaréchal* Hussein, comme le qualifie officiellement le Moniteur Ottoman, s'est déjà transporté avec son état-major de la côte de l'Europe sur la rive asiatique, et cette translation a été accompagnée de solennités religieuses qu'on a cherché à relever par une pompe inusitée. La flotte sera mise sous peu de jours en état d'appareiller. Elle se composera de six vaisseaux de ligne, de sept frégattes, six corvettes, trois bricks et deux cutters, en tout vingt quatre voiles.

La Porte continue à garder le silence sur les opérations militaires en Syrie, mais les rapports reçus en dernier lieu des consuls européens dans cette contrée, annonçaient que la forteresse de S-t Jean d'Acre continuait toujours à opposer une rigoureuse résistance à l'armée d'Ibrahim-Pacha, qui de sa personne avait quitté les travaux du siège, pour se porter contre l'avant-garde de l'armée ottomane, réunie

Библиотека "Руниверс"

aux environs de Tripoli. Le bruit vient de se répandre dans le public, que l'armée égyptienne est tombée à l'improviste sur les corps turcs disposés aux environs de cette ville, et qu'elle leur aurait fait essuyer, dans ce premier engagement, une défaite complète. Quelques capitaines marchands rapportent que les hostilités sur mer auraient également commencé et que les croisières égyptiennes ont arrêté dans les parages de Rhodes sept bâtimens européens, nolisés par la Porte et chargés de munitions envoyées de Constantinople vers les places de la Syrie, encore au pouvoir des Turcs. On ajoute qu'après avoir saisi les cargaisons, les croiseurs égyptiens ont relâché les bâtimens, en payant même le nolis aux capitaines. L'une et l'autre de ces nouvelles méritent néanmoins confirmation. De son côté, la Porte retient ici le brick égyptien qui a ramené d'Alexandrie à Constantinople le commissaire *Nazif-effendi*. Cet acte montre suffisamment les résolutions adoptées à l'égard de Mehmet-Ali.

On assure d'autre part, que de nouveaux troubles viennent d'éclater à Bagdad, à la suite des quels le pacha, récemment nommé par la Porte, se serait vu obligé de quitter cette province. Ces révoltes partielles que le gouvernement a tant de peine à réprimer même dans des tems ordinaires, ainsi que l'expérience des années précédentes l'a suffisamment démontré, viendraient entraver aujourd'hui, de la manière la plus fâcheuse, l'exécution des desseins provoqués par l'agression du vice roi d'Égypte; desseins assez importans par eux-mêmes, pour exiger une attention soutenue et la réunion de toutes les ressources de l'Empire Ottoman.

Les № 21 et 22 du Moniteur Ottoman que j'ai l'honneur de placer ci-joint, contiennent plusieurs articles qui ne sont pas dénués d'intérêt. De ce nombre est celui qui rend compte des dispositions adoptées à l'égard de la caravane de pélerins se dirigeant de Constantinople à la Mecque, à laquelle il a été enjoint de s'arrêter à Damas, pour ne point s'exposer à poursuivre sa route, à travers des contrées qui allaient devenir le théâtre des hostitités provoquées par la rébellion du pacha d'Égipte. Il est à croire que le gouvernement ottoman a eu en vue, par cette défense, d'indisposer les esprits des Musulmans en général contre Mehmet-Ali, que l'on accusera ainsi de mettre obstacle à l'accomplissement de l'un des principaux devoirs de la religion mahométane.

Au milieu des orages qui se préparent en Asie, la capitale continue à présenter un aspect tranquille, malgré qu'il n'y reste plus aujourd'hui, pour le maintien du bon ordre, que deux régimens d'infanterie de la garde, chacun de 2 à 3 m. hommes. Toutes les autres

Библиотека "Руниверс"

troupes de ce corps d'élite, de même que celles de la ligne cantonnées aux environs de Constantinople, sont parties pour l'armée d'Iconium. D'après des notions assez dignes de foi, on peut faire monter la force de cette armée à environ 40 m. hommes de troupes régulières, et à 50 ou 60 m. de milices levées sur les lieux. D'après ce calcul, Hussein-pacha réunit sous ses ordres les deux tiers des forces régulières existantes ajourd'hui dans l'Empire Ottoman, et dans les conjonctures actuelles, le commandement dont il est investi, est une grande preuve de la confiance du sultan en sa fidétité. L'opinion générale est que cette confiance est bien placée.

La frégate anglaise *l'Actéon*, qui avait amené ici sir Stradford Canning, a mis à la voile depuis une quinzaine de jours, pour railler l'escadre à laquelle elle appartient dans la Méditerranée. Le départ de ce bâtiment a même été signalé par un incident assez étrange. Bien qu'il fut à peu près nuit, au moment où *l'Actéon* cinglait à travers le Bosphore, le capitaine Grey, en passant devant un kiosk où se trouvait le grand seigneur, crut devoir rendre hommage à sa hautesse par un salut de 21 coups de canons, inusité à pareille heure. Cette salve, dont on chercha d'abord inutilement à deviner la cause, occassionna momentanément quelques alarmes, tant au sultan lui-même que parmi les personnes qui l'entouraient. Sir Stradford Canning s'empressa, dès le lendemain, d'adresser des excuses à la Porte, par l'organe de l'un des secrétaires et du premier drogman de l'ambassade britannique. *L'Actéon* a été relevé ici par une autre frégate anglaise, *le Bahram*. Ce bâtiment, après avoir transporté sir Walter Scott en Italie, a été mis à la disposition de l'ambassadeur britannique, pour son retour en Angleterre.

Deux firmans ont été publiés ces jours-ci par les autorités de la capitale. L'un prescrit aux chrétiens, qui, à la suite du dernier incendie de Péra, avaient obtenu la permission de se loger dans des maisons turques, de quitter ces logemens à l'échéance des termes de leurs contrats. L'autre enjoint aux Turcs, qui lors de l'expulsion des Arméniens avaient acheté, dans le canal et ailleurs, des maisons appartenant à des rayas, de les restituer à leurs anciens propriétaires, sauf à recevoir de ceux-ci la somme payée dans le tems, et non le prix actuel de ces maisons.

Outre la nomination du nouveau reiss-effendi, le № 22 du Moniteur Ottoman annonce aussi la destitution du Taraphana-Emini, intendant de la monnaie, et qui est aussi un des ministres de la Porte. Ce poste vient d'être conféré à Nafis-Abdurrachman-effendi.

Библиотека "Руниверс"

On remarque depuis quelques jours que les accidents de peste deviennent plus fréquents dans la capitale, ce qui occasionne de justes alarmes à l'approche de la saison où ce fléau acquiert ordinairement le plus de malignité.

J'ai l'honneur d'être, etc.

ПЕРЕВОДЪ.

Буюкдере, 6 (18) Апрѣля 1832.

Оттоманское правительство, все болѣе и болѣе сознавая важность борьбы, которую оно ведетъ съ почти равнымъ ему соперникомъ, Египетскимъ пашой, продолжаетъ посвящать исключительное вниманіе заботамъ о скорѣйшемъ окончаніи своихъ огромныхъ сухопутныхъ и морскихъ вооруженій. И тѣ и другія много подвинулись впередъ. Сухопутная армія должна быть въ настоящую минуту бо̀льшею частію уже сосредоточена въ окрестностяхъ Иконіума, куда немедленно отправится Гуссейнъ-паша, чтобъ принять главное надъ нею начальство. Сердаръ-экремъ или фельдмаршалъ Гуссейнъ, какъ его офиціально называетъ Оттоманскій Монитёръ, уже переправился съ своимъ главнымъ штабомъ съ Европейскаго берега на Азіатскій, и этотъ переѣздъ сопровождался религіозными церемоніями, которымъ постарались придать особенную внушительность посредствомъ необычайной пышности. Флотъ будетъ черезъ нѣсколько дней въ состояніи выйти въ море. Онъ состоитъ изъ шести линейныхъ кораблей, семи фрегатовъ, шести корветовъ, трехъ бриговъ и двухъ катеровъ, всего изъ двадцати четырехъ судовъ.

Порта по прежнему хранитъ молчаніе о военныхъ дѣйствіяхъ въ Сиріи; но донесенія, полученныя въ послѣднее время отъ живущихъ тамъ Европейскихъ консуловъ, извѣщаютъ, что крѣпость Сенъ-Жанъ д'Акръ все еще оказываетъ упорное сопротивленіе передъ арміей Ибрагима-паши, который покинулъ осадныя работы, для того чтобъ выступить на встрѣчу авангарду Оттоманской арміи, собранной въ окрестностяхъ Триполи. Въ публикѣ распространился слухъ, будто Египетская армія напала въ расплохъ на Турецкіе отряды, расположенные въ окрестностяхъ этого города и въ этой первой встрѣчѣ нанесла имъ полное пораженіе. Нѣкоторые капитаны торговыхъ судовъ сообщаютъ, что на морѣ также начались военныя дѣйствія и что Египетскіе крейсеры захватили у береговъ Родоса семь Европейскихъ судовъ, нанятыхъ Портой и нагруженныхъ военными припасами, посланными изъ Константинополя въ тѣ мѣста Сиріи, которыя еще находятся во власти Турокъ. Къ этому прибавляютъ, что, захвативши грузъ, Египетскіе крейсеры выпустили суда на свободу и даже заплатили капитанамъ наемную плату. Однако оба эти извѣстія требуютъ подтвержденія. Порта, съ своей стороны, задержала здѣсь Египетскій бригъ, привезшій коммиссара Назифа-эффенди обратно

Библиотека "Руниверс"

изъ Александріи въ Константинополь. Этотъ образъ дѣйствій достаточно ясно доказываетъ, какія рѣшенія приняты по отношенію къ Мехмету-Али.

Съ другой стороны увѣряютъ, что въ Багдадѣ вновь возникли безпорядки, вслѣдствіе которыхъ недавно назначенный Портою паша былъ вынужденъ удалиться изъ этой провинціи. Эти мѣстныя возстанія, съ которыми правительство даже въ обыкновенное время справлялось съ трудомъ, какъ это достаточно ясно доказывается опытомъ предшествующихъ годовъ, создаютъ крайне стѣснительныя помѣхи для приведенія въ исполненіе мѣропріятій, которыя вызваны непріязненными дѣйствіями Египетскаго вице-короля и которыя уже сами по себѣ такъ важны, что требуютъ сосредоточенной заботливости и употребленія въ дѣло всѣхъ силъ Оттоманской имперіи.

21-й и 22-й №№ Оттоманскаго Монитёра, которые при семъ имѣю честь приложить, содержатъ нѣсколько статей, нелишенныхъ интереса. Между прочими интересна статья, излагающая мѣры, которыя приняты относительно каравана богомольцевъ, отправляющихся изъ Константинополя въ Мекку; этому каравану приказано остановиться въ Дамаскѣ и не продолжать странствованія по такой мѣстности, которая будетъ театромъ военныхъ дѣйствій, вызванныхъ возстаніемъ Египетскаго паши. Слѣдуетъ полагать, что, налагая такое запрещеніе, Оттоманское правительство имѣло цѣлію настроить умы всѣхъ вообще мусульманъ противъ Мехмета-Али, котораго будутъ обвинять въ томъ, что онъ препятствуетъ исполненію одной изъ главныхъ обязанностей, предписываемыхъ магометанскою религіей.

Не смотря на готовящіяся въ Азіи грозныя событія, столица по прежнему съ виду спокойна, хотя въ ней остается теперь для охраненія порядка только два гвардейскихъ пѣхотныхъ полка, изъ которыхъ въ каждомъ отъ двухъ до трехъ тысячъ человѣкъ. Всѣ остальныя войска, принадлежащія къ этому отборному корпусу, равно какъ и линейныя войска, которыя были расквартированы въ окрестностяхъ Константинополя, отправились къ арміи, собранной въ Иконіумѣ. По свѣдѣніямъ довольно достовѣрнымъ можно опредѣлить численность этой арміи почти въ 40 тысячъ человѣкъ регулярныхъ войскъ и въ 50 или 60 тысячъ милиціонеровъ, набранныхъ на мѣстѣ. По этому расчету Гуссейнъ-паша соединяетъ подъ своимъ начальствомъ двѣ трети регулярныхъ войскъ, которыми располагаетъ въ настоящую минуту Оттоманская Имперія, а начальство, которое ему ввѣрено при настоящихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, служитъ убѣдительнымъ доказательствомъ довѣрія султана къ его неизмѣнной преданности. По общему мнѣнію это довѣріе основательно.

Англійскій фрегатъ *Актеонъ*, на которомъ прибылъ сюда сэръ Стратфордъ Каннингъ, отплылъ недѣли двѣ тому назадъ для того, чтобъ присоединиться въ Средиземномъ морѣ къ той эскадрѣ, къ которой онъ принадлежитъ. Отъѣздъ этого судна ознаменовался довольно страннымъ происшест-

Библиотека "Руниверс"

віемъ. Въ то время, какъ *Актеонъ*, плывя по Босфору, проѣзжалъ мимо кіоска, въ которомъ находился султанъ, капитанъ Грей,—не смотря на то, что уже почти совсѣмъ стемнѣло,—счелъ долгомъ салютовать его величество 21 пушечнымъ выстрѣломъ, хотя это и не принято дѣлать въ такой поздній часъ. Этотъ залпъ, поводъ къ которому тщетно старались понять, причинилъ на короткое время безпокойство какъ самому султану, такъ и его окружающимъ. На другой день сэръ Страдфордъ Каннингъ поспѣшилъ обратиться къ Портѣ съ извиненіями чрезъ посредство одного изъ секретарей и перваго драгомана Британскаго посольства. Мѣсто *Актеона* занялъ здѣсь другой Англійскій фрегатъ *Барамъ*. Это судно отвезло сэра Вальтера Скотта въ Италію и затѣмъ было отдано въ распоряженіе Британскаго посланника на случай его возвращенія въ Англію.

На этихъ дняхъ начальство столицы обнародовало два фирмана. Въ одномъ изъ нихъ предписывается, что христіане, которые вслѣдствіе послѣдняго пожара въ Перѣ получили позволеніе поселиться въ Турецкихъ домахъ, должны покинуть эти помѣщенія по окончаніи срока заключенныхъ ими условій. Въ другомъ изъ нихъ говорится, что Турки, которые во время высылки Армянъ, купили на каналѣ и въ другихъ мѣстахъ дома, принадлежавшіе райямъ, должны возвратить эти дома ихъ прежнимъ владѣльцамъ съ правомъ получить съ этихъ послѣднихъ ту сумму, которая была заплачена въ то время, а не теперешнюю стоимость этихъ домовъ.

Кромѣ назначенія новаго рейссъ-эффенди, 22 № Оттоманскаго Монитера сообщаетъ также объ увольненіи Тарафана-Эмини, который управлялъ монетнымъ дворомъ и также принадлежалъ къ числу министровъ Порты. На этотъ постъ назначенъ Нафисъ-Абдуррахманъ-эффенди.

Нѣсколько дней замѣчается, что случаи заболѣванія моровой язвой стали болѣе часты въ столицѣ; это возбуждаетъ сильное безпокойство въ виду наступленія такого времени года, когда этотъ бичъ обыкновенно пріобрѣтаетъ особую злокачественность.

Честь имѣю и пр.

3.

Bouyoukdéré, le 22 avril (4 mai) 1833.

Monsieur le comte.

A la suite des explications que l'ambassadeur de France a eues avec moi, dans l'entretien du 24 (26) avril, dont je rends compte par ma dépêche précédente, explications qu'il a également abordées avec l'envoyé d'Autriche, nous convînmes, m-r le baron de Stürmer et moi,

Библиотека "Руниверс"

d'en faire aussitôt l'objet d'une communication confidentielle au ministère ottoman, par le canal de nos drogmans respectifs.

Cette communication, distinée à la fois à raffermir la conduite timorée et irrésolue de la Porte et à contrôler la véracité des éclaircissemens satisfaisans, que nous avait fournis l'amiral Roussin, sur les dispositions de son gouvernement, fut accueillie avec de vifs remercîmens par le reiss-effendi. Il répondit aux drogmans qu'il appréciait d'autant plus les informations confidentielles que nous venions de lui transmettre, que jusqu'à ce moment l'ambassadeur de France n'avait encore fait aucune communication à la Porte sur les nouvelles instructions que lui avait apportées son courrier, et s'était simplement borné à faire dire par son drogman, que sa conduite avait été itérativement approuvée par son cabinet. Le reiss-effendi ajouta, qu'il attribuait la réticence de l'amiral Roussin au mécontentement, que lui avait fait éprouver l'ordre donné par le sultan de renvoyer sur le champ les S-t Simoniens, arrivés en dernier lieu à Constantinople. Ce renvoi avait été considéré par l'ambassadeur comme une atteinte à ses droits de protection sur les Français séjournant dans ce pays, et il avait insisté sur le retour des S-t Simoniens dans la capitale. Le reiss-effendi se plaignit de ce qu'une altercation de ce genre pût servir de prétexte pour interrompre des communications officielles, dans un moment aussi important, et observa que ce prétexte était d'autant moins fondé, qu'avant de renvoyer les S-t Simoniens, le séraskier les avait fait conduire au palais de l'ambassadeur de France, qui n'avait pas voulu les recevoir. Cette affaire ayant été réglée au bout de quelques jours, à la satisfaction mutuelle de l'amiral Roussin et de la Porte, il se décida enfin à lui faire part des dépêches reçues de Paris et lui annonça l'arrivée de l'escadre française à Smyrne, en déclarant qu'elle était destinée à appuyer de nouvelles exhortations adressées par l'ambassadeur à Ibrahim-pacha, pour le déterminer à souscrire aux conditions de paix fixées par le sultan. Que si Ibrahim continuait à se refuser à ces sommations, en insistant sur la cession d'Adana, en sus de celle de toute la Syrie, accordée déjà à Mehmet-Ali par la Porte, dans ce cas l'escadre française quitterait les parages de l'Archipel pour se diriger vers Alexandrie et pour obliger le pacha d'Égypte, par l'appareil de la force, à conclure son accommodement définitif avec le sultan. Telle est la substance de la communication verbale que l'ambassadeur de France vient de faire adresser au reiss-effendi, et dont celui-ci s'est empressé de me donner connaissance.

Библиотека "Руниверс"

Votre excellence voudra bien remarquer que ce langage de l'amiral Roussin s'accorde entièrement avec celui qu'il m'avait tenu quelques jours auparavant, sur la destination de l'escadre française qui a paru dans les eaux du Lévant. Il n'a fait jusqu'ici aucune illusion à la possibilité que cette escadre se dirigeât vers les Dardanelles, comme le bruit en avait couru ici et avait même acquis une certaine consistance. En tout cas, la Porte, loin de songer à provoquer ou à favoriser l'entrée de la flotte française aux Dardanelles, s'est même montrée surprise que cette flotte ait paru dans les parages de Smyrne, sans aucun avis préalable, au lieu de se rendre directement vers les côtes de l'Égypte, pour y accomplir le but pour lequel le gouvevnement français annonce avoir mis en mer cet armement.

J'ai l'honneur d'être etc.

A. Bouteneff.

ПЕРЕВОДЪ.

Буюкдере, 22 Апрѣля (4 Мая) 1833.

Вслѣдствіе объясненій, которыя имѣлъ со мною Французскій посланникъ 14 (26) Апрѣля и о которыхъ я сообщалъ въ моей предшествующей депешѣ, объясненій, съ которыми онъ обратился и къ Австрійскому умолномоченному,—мы условились, баронъ Штюрмеръ и я, что мы немедленно сообщимъ конфиденціальнымъ образомъ объ ихъ содержаніи Оттоманскому министерству, черезъ посредство нашихъ драгомановъ.

Это сообщеніе, имѣвшее цѣлію поощрить Порту къ менѣе робкому и нерѣшительному образу дѣйствій и въ тоже время провѣрить искренность удовлетворительныхъ объясненій, полученныхъ нами отъ адмирала Руссена касательно намѣреній его правительства, было принято рейссъ-эффендіемъ съ горячей признательностью. Онъ отвѣчалъ драгоманамъ, что онъ тѣмъ болѣе цѣнитъ доставленныя ему нами конфиденціальныя свѣдѣнія, что Французскій посланникъ до сихъ поръ еще ничего не сообщалъ Портѣ о полученныхъ имъ съ курьеромъ новыхъ инструкціяхъ и ограничился сообщеніемъ чрезъ посредство своего драгомана, что его образъ дѣйствій былъ снова одобренъ его кабинетомъ. Къ этому рейссъ-эффенди прибавилъ, что причиною молчанія адмирала Руссена онъ считаетъ его неудовольствіе по поводу даннаго султаномъ приказанія о немедленной высылкѣ недавно прибывшихъ въ Константинополь Сенъ-Симонистовъ. Эту высылку посланникъ считалъ посягательствомъ на его права покровителя живущихъ въ этой странѣ Французовъ и настаивалъ на возвращеніи Сенъ-Симонистовъ въ столицу. Рейсъ-эффенди жаловался на то, что пререканіе этого рода могло послужить предлогомъ для прекращенія официальныхъ сообщеній въ столь важную минуту, и замѣтилъ, что

Библиотека "Руниверс"

этотъ предлогъ тѣмъ менѣе основателенъ, что сераскиръ, передъ высылкой Сенъ-Симонистовъ, приказалъ отвести ихъ въ домъ Французскаго посланника, который не захотѣлъ ихъ принять. По прошествіи нѣсколькихъ дней это дѣло было улажено къ взаимному удовольствію адмирала Руссена и Порты, и тогда адмиралъ наконецъ рѣшился сообщить ему содержаніе полученныхъ изъ Парижа депешъ и извѣстилъ его о прибытіи Французской эскадры въ Смирну, объявивъ, что ея назначеніе—поддерживать новыя увѣщанія, съ которыми посланникъ обратился къ Ибрагиму-пашѣ для того, чтобъ склонить его къ подписанію мирныхъ условій, установленныхъ султаномъ. Если-же Ибрагимъ будетъ по прежнему не соглашаться на эти требованія и будетъ настаивать на уступкѣ Аданы кромѣ всей Сиріи, на уступку которой Мехмету-Али Порта уже согласилась, то въ этомъ случаѣ Французская эскадра удалится изъ водъ Архипелага и направится къ Александріи, чтобъ съ помощью этой выставки своихъ военныхъ силъ заставить Египетскаго пашу заключить окончательную сдѣлку съ султаномъ. Таково содержаніе словеснаго сообщенія, съ которымъ Французскій посланникъ обратился къ рейссу-эффенди и о которомъ этотъ послѣдній поспѣшилъ меня увѣдомить. Ваше сіятельство не оставите, конечно, безъ вниманія то обстоятельство, что эти объясненія адмирала Руссена вполнѣ согласны съ тѣми, которыя я получилъ отъ него за нѣсколько дней передъ тѣмъ касательно назначенія Французской эскадры, появившейся въ Левантскихъ водахъ. Онъ до сихъ поръ не дѣлалъ никакого намека на возможность, чтобъ эта эскадра направилась къ Дарданелламъ, какъ о томъ ходилъ здѣсь слухъ, который даже держался съ нѣкоторымъ упорствомъ. Во всякомъ случаѣ, Порта не только не требовала или не поощряла вступленія Французскаго флота въ Дарданеллы, но даже выразила удивленіе по поводу того, что этотъ флотъ появился, безъ всякаго предварительнаго о томъ увѣдомленія, у береговъ Смирны вмѣсто того, чтобъ направиться прямо къ берегамъ Египта для выполненія той цѣли, для которой, по словамъ Французскаго правительства, оно отправило эти военныя силы.

Честь имѣю быть

А. Бутеневъ.

Библиотека "Руниверс"

ПИСЬМА М. П. ПОГОДИНА КЪ С. П. ШЕВЫРЕВУ *).

I.

1839, Іюня 17.

Въ Мюнхенѣ ли ты, дружище? (1) А я давно уже въ Маріенбадѣ, купаюсь и пью. (2) Чувствую себя хорошо. Лиза моя также (3). Гоголь пріѣхалъ четвертаго дня (4) и привезъ намъ пріятное извѣстіе, что Софья Борисовна (5) переноситъ разлуку бодро. Строгановъ уволенъ на годъ, сказывалъ Иноземцовъ (6), который также здѣсь. Русскихъ здѣсь довольно. Шафарикъ (7) пріѣдетъ повидаться со мною только дня на два, а дальше остаться не можетъ по причинѣ болѣзни жены и тещи. Я пріѣду или думаю пріѣхать въ Мюнхенъ около 8 Августа. Напиши мнѣ, когда ходитъ дилижансъ изъ Мюнхена въ Линдау и Шафгаузенъ, на что̀ особенно обратить вниманіе въ Мюнхенѣ и какъ проѣхать по Швейцаріи, чтобъ въ кратчайшее время увидѣть всѣ ея лучшія части? Какъ жаль, что ты не видалъ Бельгіи, страны фабрикъ и паровыхъ машинъ, утыканной трубами! Понравилась мнѣ и Голландія съ ея плотинками, и канавами, и садами, и мостами, и домикомъ Петра Великаго. Мы вѣрно увидимся съ тобою или въ Маріенбадѣ или въ Мюнхенѣ. Если ты выѣдешь раньше 6-го Августа, то изъ Егера пріѣзжай въ Маріенбадъ, изъ котораго, когда хочешь, можешь отправиться чрезъ Карлсбадъ въ Прагу. Если въ Егеръ попадешь не ко дню дилижансовъ, то лонкучеръ стоитъ около пяти гульденовъ и привезетъ въ 4 часа. Языковъ, говорятъ, то-есть сказывалъ Гоголь, плохъ (8).

1) Въ двухъ часахъ ѣзды отъ Мюнхена, въ уединенномъ мѣстечкѣ Дахау находилась библіотека барона Молля, который по условію обязался Москов-

---

*) См. Р. Архивъ 1882 года, тетради 5 и 6.

Библиотека "Руниверс"

скому университету доставить 30,000 томовъ разныхъ сочиненій за получаемую имъ въ теченіи 20-ти лѣтъ пенсію. По смерти барона Молля, Шевыреву было поручено отъ Университета отобрать изъ библіотеки его книги, которыя могли быть полезны для Университета. Четыре мѣсяца провелъ Шевыревъ въ Дахау и, съ 8-ми часовъ утра до захожденія солнца, трудился ежедневно въ замкѣ барона Молля. По мѣрѣ того какъ выбирались книги, составлялся имъ каталогъ; копія съ него на тонкой почтовой бумагѣ отправлялась еженедѣльно къ помощнику попечителя въ Москву для сообщенія библіотекарю. („Слов. М. Унив.", II, 616—617).

2) Въ 1838 году, по совѣту врачей, и вмѣстѣ въ исполненіе собственнаго желанія, Погодинъ предпринялъ первое свое заграничное путешествіе, которому посвятилъ почти годъ. Памятникомъ этаго путешествія въ нашей литературѣ остался его знаменитый *Дорожный Дневникъ*, который былъ изданъ въ Москвѣ, въ 1844 году, подъ заглавіемъ: *Годъ въ Чужихъ Краяхъ*. Герценъ написалъ на него извѣстную пародію: *Путевыя Записки Ведрина* и напечаталъ въ „Отечественныхъ Запискахъ". Въ юбилейный годъ Погодина, Семевскій перепечаталъ ее въ своей „Русской Старинѣ" (Ноябрь 1871, стр. 527—528). Графъ С. Г. Строгановъ, прочитавъ эту пародію, сказалъ: „А вѣдь Погодинъ вѣрно думаетъ, что онъ это въ самомъ дѣлѣ написалъ".

3) Въ 1833 году, Погодинъ женился на дѣвицѣ Елисаветѣ Васильевнѣ Вагнеръ, воспитанницѣ Смольнаго монастыря. Пушкинъ писалъ къ своей женѣ изъ Москвы (отъ 27 Августа 1833): „Былъ я у Погодина, который, говорятъ, женатъ на красавицѣ. Я ея не видалъ и не могу всеподданнѣйше о ней тебѣ донести" („Вѣстникъ Европы" 1878. Январь, стр. 34—35).

4) Гоголь пріѣхалъ въ Маріенбадъ изъ Рима. 30 Апрѣля 1838 года, Бодянскій писалъ Погодину, изъ Праги: „Грановскій говоритъ, что, будучи въ Берлинѣ, онъ слыхалъ отъ кого-то, что Гоголь живетъ теперь въ Римѣ, бросилъ лѣчиться отъ увѣренности, что онъ непремѣнно долженъ умереть въ концѣ нынѣшняго года. Онъ растолстѣлъ, ничѣмъ рѣшительно не занимается, проводя все время въ обществѣ нашихъ художниковъ и играя съ ними не то въ карты, не то въ билліардъ. Вѣдь онъ былъ въ Испаніи? Что за ужасная судьба преслѣдуетъ лучшія наши головы!" (Поповъ, „Письма къ М. П. Погодину", стр. 55).

5) Воспитанница князя Бориса Владимировича Голицына, на которой женился Шевыревъ въ 1834 году. По свидѣтельству М. П. Погодина, „вступленіе Шевырева, чрезъ женитьбу, въ аристократическій кругъ и невольное подчиненіе нѣкоторымъ его условіямъ, возбуждали (въ Университетѣ) неудовольствіе" („Воспоминанія", стр. 21).

6) Погодинъ въ своемъ *Дорожномъ Дневникѣ* отмѣтилъ: „Много любовался Иноземцовымъ, котораго слову здѣсь вѣрятъ какъ оракулу. Съ какими распростертыми объятіями встрѣтилъ его знаменитый Диффенбахъ въ Берлинѣ. Съ какимъ почтеніемъ отзывается Фрике! Какую справедливость отдаетъ Рустъ! Признаюсь, я заслушиваюсь Иноземцова, когда онъ анализируетъ какую нибудь болѣзнь, изыскиваетъ ея мѣстопребываніе и настигаетъ ее въ самомъ центрѣ. Какая рѣшительность, увѣренность, ясность, обнаруживающія знатока, хозяина дѣлу, по какой бы то ни было части,—врача, архитектора, юриста, историка" (IV, 78).

Библиотека "Руниверс"

7) Погодинъ познакомился съ Шафарикомъ въ Прагѣ въ 1835 г. Въ *Дорожномъ Дневникѣ*, онъ описалъ свою уединенную прогулку съ нимъ въ окрестностяхъ Праги: „День былъ прекрасный и теплый; городъ красовался вдали передъ нашими глазами, но на пути не встрѣчалось съ нами ни одного человѣка. Мы были одни и говорили о Славянахъ.... „Сохранить языкъ въ устахъ народа—вотъ наше предназначеніе, и больше ничего. Ни объ чемъ другомъ мы не должны заботиться. Это не наше дѣло. Да будетъ что угодно Богу“, сказалъ Шафарикъ, и началъ развивать передо мною исторію судебъ Славянскихъ, прошедшихъ и настоящихъ; рѣчь его текла спокойной величественной струей... Я увидѣлъ ясно различіе между пылкимъ, стремительнымъ юношей, который думаетъ только о завтрашнемъ днѣ, и опытнымъ мужемъ, считающимъ вѣками... Какая высокая рѣчь! Ни одного имени, ни одного лица не упомянулъ Шафарикъ; только племена, народы занимали его. Онъ не удостоивалъ почти вниманіемъ ежедневныхъ происшествій, а говорилъ о вѣковѣчныхъ послѣдствіяхъ. Что за величественное спокойствіе! Увѣренность въ святости дѣла, въ высокости своего призванія, изображались на его лицѣ, слышались въ звукахъ его голоса. Я внималъ великому мужу, не смѣя дохнуть, опасаясь проронить одно слово, смотрѣлъ на него съ благоговѣніемъ. Казалось, что я слышу голосъ съ того свѣта, что передо мною стоитъ мужъ временъ апостольскихъ...“ (I, 113—114).

8) Въ Августѣ 1838 года врачи отправили Языкова въ чужіе края, гдѣ онъ провелъ пять лѣтъ „подъ ферулою медицины“ и неисцѣленнымъ вернулся въ Москву въ Августѣ 1843. Здѣсь поручилъ онъ себя наблюденію своего стараго товарища Иноземцова. Въ одной элегіи его, относящейся къ этому времени, мы читаемъ:

Богъ вѣсть, не втунѣ ли скитался,
Въ чужихъ странахъ я много лѣтъ!
Мой черный день не разгулялся,
Мнѣ утѣшенья нѣтъ, какъ нѣтъ!
Печальный, трепетный и томный,
Назадъ, въ отеческій мой домъ,
Спѣшу, какъ птица въ кустъ укромный
Спѣшитъ, забитая дождемъ.

II.

1839. Августа 3. Маріенбадъ.

Мы выѣзжаемъ изъ Маріенбада (1) въ 8 ч. въ Регенсбургъ и будемъ 9-го въ Мюнхенѣ. Приготовь мнѣ непремѣнно инструкцію для Швейцаріи и Италіи и дороги до Инспрука съ Русскимъ, т.-е. толковымъ описаніемъ.

Исполать тебѣ на работѣ!

Наши дураки платили 20 лѣтъ деньги; ну что бы въ первомъ еще году послать въ Мюнхенъ такого человѣка какъ ты! Въ какомъ выигрышѣ былъ бы Университетъ! Кстати объ немъ. Я получилъ

Библиотека "Руниверс"

лестную награду за мою ревностную и усердную службу. Вотъ отрывокъ изъ письма ко мнѣ г. Розенштрауха: «Правленіе Университета не хотѣло мнѣ выдать ваше жалованье, потому что . . . оно не знаетъ, въ живыхъ-ли вы? Я показывалъ ваше письмо изъ Парижа; но они говорили, что имъ до этого дѣла нѣтъ, и что кромѣ того университетская типографія просила остановить 2000 р., которые вы за книги должны и обѣщались заплатить предъ отъѣздомъ. Я, наконецъ, подавалъ бумагу въ Правленіе, прося, чтобы мнѣ выдали ваше жалованье какъ коммиссіонеру Университета и обязался, въ случаѣ смерти вашей, доставить деньги обратно, на что они, наконецъ, согласились. Секретарь Правленія просилъ меня васъ увѣдомитъ, чтобы вы ради Бога не просрочили отпуска вашего: ибо въ противномъ случаѣ за каждый день вамъ вычтется изъ жалованья; ежели недѣлю, то кажется за мѣсяцъ, а ежели мѣсяцъ или болѣе, то кажется выключатъ васъ просто изъ службы. Я не помню, что онъ все говорилъ; но знаю только то, что имъ даны строгія предписанія на счетъ этого». Каково!

Богъ съ ними! Я очень радъ. Мой долгъ передъ Отечествомъ заплаченъ. Если оно не хочетъ болѣе моей службы—тѣмъ легче для меня. Разумѣется, я не потороплюсь ни однимъ часомъ, пока не увижу всего того, что предположилъ себѣ при выѣздѣ, что нужно для моего образованія, для моихъ будущихъ сочиненій. Но полно объ этомъ; кровь у меня вскипѣла опять, а на водахъ нужно спокойствіе.

Не забывай о журналѣ. Набирай сотрудниковъ. Пиши статьи. Непремѣнно надо начинать съ 1840 г. Я собралъ многое. Быть чуду!

Гоголь пробудетъ здѣсь послѣ меня недѣли три и пріѣдетъ въ Вѣну. Можетъ быть, мы всѣ вмѣстѣ пустимся въ Россію.

Я познакомился здѣсь близко съ Бенардаки (2): прекрасный человѣкъ, который можетъ и вызывается сдѣлать много на общую пользу.

Живемъ мы довольно пріятно. Грудь у меня отзываетъ болью; но, говорятъ, это ничего.

1) Въ *Дорожномъ Дневникѣ* Погодинъ отмѣтилъ: „Говорятъ, что въ Маріенбадѣ скучно. Что касается до меня, я провелъ этотъ мѣсяцъ очень пріятно. Не говорю уже объ томъ, что я жилъ въ одной комнатѣ съ Гоголемъ, и получалъ на нѣсколько времени посѣщенія отъ Шафарика и Мацѣевскаго,—и обыкновенное общество доставляло мнѣ много удовольствія, приносило мнѣ много пользы... Послѣ моей тревожной жизни съ трудами, хлопотами и неудовольствіями, мѣсяцъ спокойствія и праздности былъ для меня какимъ-то волшебнымъ временемъ, которое оказало благотворное дѣйствіе на мое здоровье. *Очень немного непріятныхъ минутъ имѣлъ я—и это письма изъ Россіи*". (IV, 83—84).

Библиотека "Руниверс"

2) О знаменитомъ откупщикѣ *Бенардаки* Погодинъ въ своемъ *Дорожномъ Дневникѣ* сообщаетъ слѣдующія любопытныя біографическія свѣдѣнія. „Бенардаки, лице очень примѣчательное своимъ умомъ. Оставивъ по непріятности военную службу, онъ съ капиталомъ въ 30 или 40 тысячъ пустился въ обороты, и въ короткое время хлѣбными операціями пріобрѣлъ большія деньги. Чѣмъ болѣе умножались его средства, тѣмъ шире распространялъ онъ кругъ своего дѣйствія: принялъ участіе въ откупахъ, продолжая хлѣбную торговлю, скупалъ землю, пріобрѣлъ заводы, и въ теченіи 15 лѣтъ нажилъ такое состояніе, которое даетъ ему полу-милліонъ дохода. Вотъ что значатъ смѣтливость, дѣятельность и честность, вотъ что значитъ умѣнье соединить свою пользу съ общею“... Всякій день послѣ ванны, Гоголь, Бенардаки и Погодинъ ходили втроемъ и „разсуждали о любезномъ Отечествѣ“. Гоголь выспрашивалъ Бенардаки объ разныхъ искахъ и, вѣрно, предполагаетъ Погодинъ, дополнялъ свою галерею оригинальными портретами, которые когда нибудь увидимъ мы на сценѣ. „Книжныя и кабинетныя занятія, продолжаетъ Погодинъ, ничего не значатъ, или значатъ очень мало, въ сравненіи съ опытомъ. Гдѣ онъ не былъ, чего онъ не знаетъ, съ кѣмъ не былъ онъ въ сношеніи! Сибирь, Оренбургъ, Поволожье, Кавказъ, Крымъ, Новороссія, Петербургъ,—у него все какъ на ладони“. Бенардаки плѣнилъ Погодина своею житейскою мудростью. Какъ „человѣкъ книжный“, Погодинъ предложилъ Бенардаки „писать свои записки въ поученіе потомкамъ“. Однажды, „разговорясь съ нимъ о состояніи ученыхъ и литераторовъ въ разныхъ Славянскихъ земляхъ“, историкъ нашъ „какъ-то нечаянно“ сказалъ ему, „что тысячъ на 20 рублей ежегодно, при моихъ теперешнихъ связяхъ и отношеніяхъ, можно бы сдѣлать чудеса: оживотворить ихъ литературы, дать имъ ходъ быстрѣйшій, оказать такое дѣйствіе на просвѣщеніе цѣлыхъ племенъ, какого въ другое время нельзя сдѣлать и милліонами, посѣять сѣмена, которыя дадутъ со временемъ плоды, великіе, историческіе, вселенскіе. Можетъ быть иные разсмѣются такимъ чудесамъ цѣною въ 20 тысячъ рублей; но что̀ стоили тѣ три корабля, съ которыми Колумбъ открылъ Америку? Въ наше время не тѣ чудеса, тѣ чудесами были во время оно. Всему чередъ“. Выслушавъ Погодина, Бенардаки сказалъ преспокойно: „Это такая бездѣлица, о коей не стоитъ труда и говорить много. Я даю вамъ честное слово, что эту сумму вы будете получать ежегодно для такой цѣли. Мнѣ стоитъ предложить это человѣкамъ тремъ-четыремъ изъ моихъ знакомыхъ, и мы устроимъ дѣло!“. Къ сожалѣнію, этому оказались какія-то препятствія (IV, 74—77). Все это невольно напоминаетъ классическій разговоръ Чичикова съ Костанжогло. Тѣже пріемы, таже ухватка. „Сладки мнѣ ваши рѣчи, досточтимый мною Константинъ Ѳедоровичъ“ или: „Слушая васъ, почтеннѣйшій Константинъ Ѳедоровичъ, вникаешь, такъ сказать, въ смыслъ жизни; но, оставивъ общечеловѣческое, позвольте обратить вниманіе на приватное“; или: „вотъ этакаго человѣка жизнь стоитъ того, чтобы быть переданной въ поученіе людямъ!“ и пр. Замѣтимъ при этомъ, что, по свидѣтельству Погодина, характеръ Костанжогло въ нѣкоторыхъ чертахъ писанъ Гоголемъ прямо съ Бернардаки („Русскій Архивъ“ 1865, стр. 895).

Библиотека "Руниверс"

III.

1839. Августа 16 (28)—18 (30): Шамуни. Женева.

Вообрази себѣ, что мы третій день живемъ въ Шамуни и не можемъ носу показать изъ комнаты: дождь льетъ какъ изъ ведра, и мы ничего не видимъ изъ окошка, кромѣ облаковъ (1). Рѣшились завтра ѣхать въ Женеву. Oberland и проч. осмотрѣли хорошо. Что ты? Получилъ ли какое рѣшеніе изъ нашего нелѣпаго Сената? Можетъ быть, я найду письмо отъ тебя въ Женевѣ. Осмотри хорошенько всѣ Славянскія рукописи въ Минхенской библіотекѣ. Если ты расположился не ѣхать въ Вѣну къ намъ, то побывай непремѣнно въ Прагѣ и познакомься съ Шафарикомъ. Больше писать нечего, развѣ то, что издавать журналъ я рѣшился непремѣнно съ Января мѣсяца, слѣдовательно заказывай и привози къ Октябрю 12 статей, 24 статейки и 48 штукъ въ разныя извѣстія. На досугѣ я думалъ и передумывалъ, и заключилъ, что такъ должно. Вербуй сотрудниковъ. Я вербую. Священникъ въ Бернѣ далъ мнѣ статью и обѣщаніе работать безъ памяти; потомъ Сабининъ (2), Мельгуновъ, Глинка, Дмитріевъ, Гоголь, Грановскій (3), Бодянскій (4), Иннокентій и проч. и проч. Надо дать себѣ рельефу для общей пользы и вырвать несчастную литературу нашу изъ грязи, куда погрузили ее мошенники Поляки и Русскіе. Слышишь-ли? Цѣлую тебя, и да здравствуетъ Московскій Вѣстникъ, т.-е. Москвитянинъ!

Купи мнѣ непремѣнно подзорную трубу рублей въ 50—100. Мѣста она займетъ немного, даже въ карманѣ.

Справься что стоитъ картинная галлерея литографированная, и купи, какія есть, карты облегчительныя для изученія Исторіи, Географіи, отраслей ихъ и въ прочихъ наукахъ. Исполни же непремѣнно это. Познакомься со священникомъ нашимъ въ Минхенѣ. Нельзя ли и его подоить?

1) Въ *Дорожномъ Дневникѣ* Погодина читаемъ: „Поздно вечеромъ пріѣхали мы въ Бернъ. Толкнулись въ двухъ - трехъ трактирахъ. Нѣтъ мѣста нигдѣ. Священникъ не позволилъ намъ искать далѣе квартиры, и пригласилъ насъ къ себѣ. Воспользовались его любезнымъ приглашеніемъ. Съ такимъ же радушіемъ встрѣтила насъ жена его, обрадованная безъ памяти случаю поговорить по-русски... „Сейчасъ самоваръ. Марья, скорѣе!“ закричала она по-русски... Подчиваньямъ не было конца... Ей Богу довольно!... Откуда ни взялась Русская постель съ Русскимъ одѣяломъ и подушками...“ (IV, 137—138). Священникомъ Швейцарской миссіи былъ въ то время Іоаннъ Іоанновичъ Граціанскій.

Библиотека "Руниверс"

2) Протоіерей Стефанъ Карповичъ Сабининъ первоначальное воспитаніе получилъ въ Воронежской Семинаріи. Въ 1823 году поступилъ священникомъ въ Копенгагенскую миссію, гдѣ пробылъ 14 лѣтъ. Отсюда онъ переведенъ въ Веймаръ и былъ духовникомъ великой княгини Маріи Павловны. Скончался 74-хъ лѣтъ въ Веймарѣ. Вся жизнь почтеннаго протоіерея была посвящена служенію Богу и наукѣ. Онъ писалъ о раціонализмѣ и мистицизмѣ, коментировалъ ветхозавѣтныя пророчества, перевелъ въ стихахъ и въ прозѣ книгу Іова, составилъ Сирскую грамматику и Исландскую, перевелъ изъ Гердера Разговоръ о духѣ Еврейской поэзіи и написалъ много статей по Славянскимъ древностямъ и филологіи. Переписывался съ Шафарикомъ, Ганкою и Коларомъ.

3) Въ Августѣ 1839 года, Т. Н. Грановскій вернулся въ Москву, а 12 Сентября вступилъ на каѳедру Всеобщей Исторіи въ Московскомъ университетѣ, которую онъ занималъ съ такою славою до кончины (1855). Въ началѣ Февраля 1841 года, Бодянскій писалъ Погодину, изъ Фрейвальдау: „Грановскому пожелайте блестящаго успѣха... на враги же побѣду и одолѣніе! Да сохранитъ его Господь на многія лѣта!“ (Поповъ, „Письма къ М. П. Погодину“, стр. 123).

4) Осипъ Максимовичъ Бодянскій, родился 3 Ноября 1808 года, въ мѣстечкѣ Варвѣ, Лохвицкаго уѣзда, Полтавской губерніи. Скончался въ Москвѣ, 6 Сентября 1877 года. Погребенъ рядомъ съ М. П. Погодинымъ въ Новодѣвичьемъ монастырѣ. Въ *Памяти о М. П. Погодинѣ*, Бодянскій самъ разсказываетъ о своихъ отношеніяхъ къ Погодину: „Съ самыхъ первыхъ дней студенчества моего онъ уже намѣтилъ меня, и съ той поры никогда не выпускалъ изъ виду. Подмѣтивъ во мнѣ стремленіе не къ одной лишь Русской старинѣ, но и къ Славянской вообще, чего ни дѣлалъ онъ, чтобъ поддержать это стремленіе! При тогдашней скудости въ средствахъ углубленія въ нее, съ какою теплою готовностью отдалъ онъ мнѣ всѣ книги на разныхъ Славянскихъ нарѣчіяхъ!... Скажу отъ чистаго сердца: не сдѣлай онъ того, долго бы пришлось мнѣ бороться съ этой скудостью, можетъ быть и не одолѣть, какъ то часто случается и съ другими въ подобномъ случаѣ. А рука помогающая во время—тоже спасительное судно, отъ видимой, неминучей гибели возводящее къ новой жизни, къ новому пришествію въ міръ. Затѣмъ, съ какимъ участіемъ слѣдилъ онъ за дальнѣйшими моими шагами.... всѣми мѣрами облегчая, ободряя, знакомя съ могущими уладить путь-дорогу....! Никогда не забуду той торжественной для него и меня минуты, когда онъ увидѣлъ меня въ первый разъ на учительскомъ сѣдалищѣ. „Слава Богу, слава Богу! Цѣль наша достигнута—Славяновѣдѣніе водворено въ Первопрестольной, а черезъ нее и въ цѣлой, дастъ Богъ, Россіи“, сказалъ онъ во всеуслышаніе, обнимая и цѣлуя меня при всѣхъ въ моей аудиторіи. Почти полвѣка съ тѣхъ поръ прошло уже и, разумѣется, на такомъ широкомъ пространствѣ, не обошлось и безъ недоразумѣній. Были они въ памятный 1848-й годъ, когда онъ считалъ меня причастнымъ случившемуся въ ту пору крушенію нашего Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, косвенно направленному якобы противъ него; принялъ онъ эту мнимую обиду горячо къ сердцу, и поэтому далъ волю и перу своему карать непризнательнаго, какъ выражался онъ. Но время мало помалу разсѣяло его заблужденіе... Онъ, явившись ко мнѣ и приподнявъ 1-й томъ своей, только что вышедшей въ свѣтъ, *Древней Русской Исторіи до Монгольскаго ига* (1871 г.), громко прочелъ, стоя предо мною, написанное

Библиотека "Руниверс"

на ономъ: „Многоуважаемому О. М. Бодянскому въ знакъ благодарности за доброе расположеніе и привѣтливое слово; а что пробѣгала черная кошка во время оно, сгинь ея голова! Отъ неизмѣннаго автора". Многіе ли, спрошу, способны къ такому поступку на его мѣстѣ? Не большая ли часть изъ насъ коснѣетъ, разъ отдавшись составленному о братѣ и ближнемъ своемъ мнѣнію, и готовы съ нимъ лечь и въ гробъ, не взирая ни на какія разубѣжденія въ неосновательности онаго? Одни только глубоко благородныя личности отваживаются на такую побѣду надъ собою: „Bis vincit, qui se vincit in victoria". („Чтенія", 1877, III, 1—3).

IV.

1839. 10 Октября, Москва.

Мы пріѣхали благополучно въ Москву 27 Сентября ст. ст., выѣхавъ изъ Флоренціи 1-го(1). Дорогою все шло прекрасно, кромѣ небольшихъ задержекъ въ любезномъ Отечествѣ. Пробыли три дня въ Вѣнѣ, гдѣ ожидалъ насъ Гоголь, потомъ по дню въ Краковѣ, Варшавѣ, Вильнѣ, Бѣлостокѣ и Смоленскѣ. Я дѣлалъ вездѣ много пріятныхъ знакомствъ и полезныхъ пріобрѣтеній. Дòма нашелъ всѣхъ здоровыхъ и былъ бы совершенно спокоенъ и доволенъ, еслибъ не слухи о тревогахъ и пожарахъ во внутреннихъ губерніяхъ. Подъ часъ находитъ грусть; но будетъ лишь то, чтò угодно Богу. Въ Университетѣ много новыхъ профессоровъ: Даниловичъ(2), знатокъ Польской и Литовск. Исторіи, особенно юридической, отличный профессоръ; Меньшиковъ (3) эллинистъ; Грановскій и Лешковъ (4), которыхъ ты знаешь; Спасскій (5) физикъ и Варвинскій (6) медикъ. Обо всѣхъ слышалъ отзывы очень хорошіе, нѣкоторыхъ самъ слышалъ (Гран. и Лешк.). Въ литературѣ появилось также нѣсколько замѣчательныхъ вещей. Все идетъ впередъ. Гоголь работаетъ. Ему обрадовались въ Москвѣ безъ памяти.

О журналѣ я началъ сомнѣваться: голова у меня очень дурна съ самаго пріѣзда. Какой-то застой, неподвижность, такъ что досада беретъ. Не знаю чтò будетъ послѣ. Если рѣшусь, то условія твои съ удовольствіемъ принимаю. Ты же приготовляй и присылай статьи, какія хочешь. Пригодятся не нынѣ, такъ завтра.

Посѣтителей къ себѣ я не принимаю въ нужное время; утро и вечеръ всегда мои. Ты смѣшалъ меня вѣрно съ Андр., или, повторяя мнѣ эту причину, подражаешь графу Строгонову, у котораго не выбьешь изъ головы чтò разъ попало туда. Сравненіемъ меня съ нимъ обижаюсь. Я былъ всегда готовъ и теперь готовъ не въ Дахау съѣздить, а въ Иркутскъ сходить для моихъ друзей, еслибъ то было полезно, не только необходимо для нихъ. Изъ твоихъ словъ и тетрадей я познако-

Библиотека "Руниверс"

мился довольно съ Дахау, чтобъ описать оное кому надо. Такъ и сдѣлалъ. Не могъ бы говорить больше, еслибъ и десять разъ былъ тамъ. Еслибъ я замѣтилъ твое непремѣнное желаніе, чтобъ я съѣздилъ туда, то непремѣнно исполнилъ бы, хотя ты знаешь, сколько времени у меня было, такъ что въ Минхенѣ я не увидалъ важнѣйшей достопримѣчательности—новой живописи на стеклѣ, не былъ у Бадера, къ которому имѣлъ личное порученіе отъ интереснаго для меня лица (7).

А что же ты не написалъ мнѣ ни слова о Бадерѣ: мнѣ вѣдь надо отвѣчать князю Голицыну.

Голохвастовъ получилъ всѣ денесенія. Въ Университетѣ знаютъ объ твоемъ отпускѣ. Но вотъ въ чемъ штука: встрѣчаюсь я съ Коршемъ (8). «Чтó скажете о трудахъ Ш.? Каковы книги онъ выбираетъ вамъ?»—Да онѣ у насъ всѣ есть.»—«Какъ есть?»—«Самъ Моль прислалъ ихъ; и я вижу, что онъ былъ честный человѣкъ, потому что онъ присылалъ все лучшее, оставляя у насъ одни дупликаты.»—«Помилуйте, что же вы не дали знать Шевыреву тотчасъ послѣ перваго донесенія и оставили его ворочать каменья?»—«Я далъ отъ себя знать; но не знаю, почему это не дошло до него.»—«Неужели всѣ книги есть?»—«Всѣ кромѣ немногихъ и неважныхъ, для коихъ не стоило труда хлопотать столько.» — Я взбѣсился; ну чортъ ихъ разберетъ при этомъ отсутствіи человѣческаго смысла. Дѣло главное въ томъ, что ты, счастливецъ, живешь лишній годъ въ чужихъ краяхъ съ своимъ семействомъ и дѣлаешь чтò хочешь, избавленный отъ всѣхъ мелочей нашей университетской жизни. Казначей увѣряетъ, что тебя не обсчитываетъ и что всякій разъ посылаетъ тебѣ теперь счеты, которые и ты по пріѣздѣ провѣрить можешь и получить свое. Деньги за вторую треть посланы, и ты уже вѣрно получилъ ихъ. Банкрутствомъ я отнюдь не отзывался и не знаю, съ чего ты взялъ это. Я готовъ былъ послать тебѣ деньги изъ Вѣны.—Ужъ не приняться ли за Овидія, чтобъ немножко расшевелить языкъ? (9).

На который чортъ тебѣ Еврейская áзбука? Зачѣмъ оставилъ Данта? Каролина Карловна переводитъ теперь баллады В. Скотта на Русскій языкъ и прекрасно, такъ что Павловъ завидуетъ. Особенное дарованіе! Московскія дамы сбираются издать альманахъ изъ своихъ собственныхъ трудовъ безъ мужскаго участія (Павлова, Глинка, Аксакова и проч.). Проси отъ княгини Волконской. Книгъ вышло очень много важныхъ, и въ журналахъ есть много примѣчательнаго. Максимовичъ издалъ Исторію древней Русской словесности; 1-я часть до Монголовъ вышла (10). Лобойко (11) издаетъ также. Снегиревъ печатаетъ Слово о полку Игоря. Пріѣзжай-ка скорѣе на поприще! А журналъ, право, начинать надо теперь. На чтò рѣшусь — увѣдомлю.

Библиотека "Руниверс"

1) 29 Сентября 1839 года, С. Т. Аксаковъ получилъ слѣдующую записку отъ М. С. Щепкина: „Спѣшу увѣдомить васъ, что М. П. Погодинъ пріѣхалъ, и не одинъ, съ нимъ пріѣхалъ Н. В. Гоголь. Послѣдній просилъ никому не сказывать, что онъ здѣсь; онъ очень похорошѣлъ, хотя сомнѣніе о здоровьѣ у него безпрестанно проглядываетъ; я до того обрадовался его пріѣзду, что совершенно обезумѣлъ, даже до того, что едва ли не сухо его встрѣтилъ....“ „Сынъ мой, пишетъ С. Т. Аксаковъ, „прочитавши записку прежде всѣхъ, поднялъ отъ радости такой кликъ, что всѣхъ перепугалъ, тотчасъ же поскакалъ.... и повидался съ Гоголемъ, который остановился у Погодина въ его собственномъ домѣ на Дѣвичьемъ полѣ“ („Русь“ 1880, № 4, стр. 18).

2) Игнатій Николаевичъ Даниловичъ (род. 1789 † 1843) былъ переведенъ въ Московскій университетъ изъ Кіевскаго въ 1838 году. По свидѣтельству профессора Коровицкаго, Даниловичъ былъ вообще любимъ и уважаемъ своими слушателями и товарищами, и пользовался благосклонностью начальства. „Онъ владѣлъ въ высокой степени даромъ слова и не только свободно объяснялся на Латинскомъ, Французскомъ, Нѣмецкомъ и Русскомъ, но и писалъ на нихъ. Его отецъ былъ приходскимъ настоятелемъ Греко-Уніатскаго обряда, въ деревнѣ Грипевичи, Подляскаго воеводства, Бѣльскаго уѣзда („Біогр. Слов. М. унив.“ II, 287—290).

3) Арсеній Ивановичъ Меншиковъ, питомецъ С.-Петербургскаго Педагогическаго Института и ученикъ знаменитаго Грефе. Онъ сынъ священника Тверской губерніи, родился съ 1807 году. Первоначальное воспитаніе получилъ въ духовномъ училищѣ и Семинаріи во время Тверскихъ архіепископовъ Филарета (впослѣдствіи митрополита Московскаго) и Амвросія Протасова; а первымъ наставникомъ его въ Греческомъ языкѣ былъ архимандритъ Старицкій Макарій, который отличался рѣдкою способностію въ дѣлѣ воспитанія и преподаванія. Высшее образованіе Меншиковъ завершилъ въ Берлинѣ. По предложенію графа С. Г. Строгонова, въ 1839 году, Меншиковъ занялъ каѳедру въ Московскомъ университетѣ. Въ 1849 г., Меншиковъ произнесъ рѣчь полатини о необходимости и пользѣ чтенія Византійскихъ историковъ и Св. Отцевъ Церкви въ учебныхъ заведеніяхъ („Б. Сл. М. унив.“, II, 48—52).

4) Василій Николаевичъ Лешковъ родился въ 1810 году въ селѣ Медвѣдовѣ, Стародубскаго уѣзда, Черниговской губерніи. Происходилъ изъ духовнаго званія. По окончаніи курса въ С.-Петербургскомъ Педагогическомъ Институтѣ довершилъ свое образовеніе въ Берлинѣ подъ руководствомъ знаменитаго Савиньи. Въ 1839 году, по назначенію С. С. Уварова, занялъ каѳедру Народнаго Права въ Московскомъ университетѣ. („Біогр. Слов. М. унив.“, I, 455—458).

5) Михаилъ Ѳедоровичъ Спасскій, сынъ діакона, родился въ 1809 г., въ селѣ Захаровкѣ, Ливенскаго уѣзда, Орловской губерніи. По окончаніи курса въ Педагогическомъ Институтѣ былъ отправленъ за границу, для довершенія ученаго образованія. Въ 1838 году опредѣленъ адъюнктомъ по каѳедрѣ Физики и Физической Географіи въ Московскомъ университетѣ („Біограф. Слов. М. унив.“, II, 440—442).

6) Іосифъ Васильевичъ Варвинскій, родился въ 1811 г., въ городѣ Хоролѣ, Полтавской губерніи. Воспитывался первоначально въ Хорольскомъ

Библиотека "Руниверс"

уѣздномъ училищѣ, а потомъ въ Харьковскомъ университетѣ („Біогр. Слов. М. унив.“, I, 140—143). Пріобрѣлъ знаменитость какъ врачъ.

7) Въ *Дорожномъ Дневникѣ* М. П. Погодинъ отмѣтилъ: „Уже поздно. Некогда познакомиться съ Бадеромъ, которому давалъ мнѣ письмо князь Александръ Николаевичъ Голицынъ. Передалъ его Шевыреву.... Некогда съѣздить и въ Дахау посмотрѣть на сцену подвиговъ Шевырева, поздравить по обычаю и надѣть лавровый вѣнокъ на побѣдителя“ (IV, 96—97).

8) Е. Ѳ. Коршъ, нынѣ библіотекарь Румянцовскаго Музея въ Москвѣ.

9) Мы имѣемъ опыты переводовъ М. П. Погодина изъ Овидія. Такъ въ *Телескопѣ* 1831 года напечатанъ переводъ его изъ Овидіевыхъ превращеній *Ніоба*. Переводъ посвященъ А. П. Елагиной (Ч. I, 350—357).

10) Въ Сентябрѣ 1834 г., М. А. Максимовичъ, до того ботаникъ, приготовляясь начать чтеніе лекцій о словесности въ университетѣ С. Владимира, отправлялся съ вступительною лекціею къ знаменитому Иннокентію, желая получить отъ него благословеніе и напутствіе на преподаваніе новой для него науки. На другой день Иннокентій прислалъ ему рукопись съ слѣдующею своею одобрительною рецензіей: „Возвращаю отрывокъ будущаго прекраснаго зданія... Самъ Св. Владимиръ не усумнился бы одобрить его къ изданію въ свѣтъ. Съ розою и лиліею, какъ ни жаль, а едвали не нужно разстаться“. Когда эта вступительная лекція была напечатана въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, Сербиновичъ писалъ Максимовичу: „ваша лекція о происхожденіи слова отмѣнно понравилась въ Москвѣ преосвященному Филарету“. Въ Ноябрѣ 1838 года Максимовичъ, получивъ изъ типографіи первый корректурный листъ своей *Исторіи Древней Русской Словесности*, послалъ его къ Иннокентію, съ надписаніемъ: „благослови владыко“! Онъ возвратилъ съ своею надписью: „Богъ благословитъ“ (См. изданныя мною „Письма о Кіевѣ“, стр. 43, 84). Наконецъ, въ 1839 году, въ Кіевѣ, сочиненіе это вышло въ свѣтъ. Въ 1840 году, въ *Отечественныхъ Запискахъ* явилась критика, въ которой заявляется, что у насъ до Петра Великаго не могло быть никакой литературы, и что вся наша словесность, бывшая до того времени, есть только письменность, не имѣвшая никакихъ *движеній*. За тѣмъ поведена рѣчь о Ломоносовѣ и Державинѣ, и о томъ, что только съ Карамзина началась у насъ литература, подлежащая историческому разсматриванію. Критикъ устанавливаетъ точку зрѣнія на то, какъ должно заниматься Исторіею Словесности и даетъ инструкцію для построенія Исторіи Русской Словесности по плану, коего основаніемъ и главною цѣлію были бы движеніе и развитіе Русскаго языка. Онъ увѣренъ, что всякое другое воззрѣніе на Исторію Русской Словесности безплодно, пусто. Критикъ удивляется „за что г. Максимовичъ съ особеннымъ уваженіемъ и высокопочитаніемъ отзывался о Словѣ о Полку Игоревѣ? Надобно же было на чемъ нибудь основывать свое уваженіе и доказать его для публики! Пусть бы г. Максимовичъ попробовалъ изложить содержаніе этого слова и сдѣлать изъ него выписки: тогда бы обнаружилось все безобразіе этого несчастнаго произведенія! Что хотите говорите, его никакъ нельзя принять за дѣйствительный и достовѣрный памятникъ! Одно только трудно придумать, кто могъ рѣшиться на подделку, и написать такую нелѣпицу?“ (Т. IX, № 4, стр. 37—72).

Библиотека "Руниверс"

11) Иванъ Николаевичъ Лобойко, воспитанникъ Харьковскаго университета и заслуженный профессоръ Виленскаго. Скончался на 75 году въ Митавѣ, 15 Іюня 1861 (Геннади, „Русск. Арх." 1864, стр. 659).

V.

1839. Ноября 29 (Декабря 10).

Сію минуту получилъ письмо твое, мой милый Степанъ Петровичъ! Нѣтъ, не со скукою прочелъ я его, а съ сердечнымъ удовольствіемъ, въ умиленіи, какъ оду, какъ элегію какого нибудь Жанъ-Жака, Пушкина, изъ выстраданныхъ стиховъ. Да, да, твои разноязычныя заглавія звучали мнѣ богатыми риѳмами и масломъ по сердцу разливалися: я видѣлъ человѣка, преданнаго наукѣ, Отечеству, за священнымъ трудомъ, въ потѣ лица, при всѣхъ возможныхъ лишеніяхъ, предъ судьями-скотами, невѣжами, подлецами, которые съ важностію произносятъ ему приговоръ, въ грошъ не ставятъ его работы и плюютъ на золото для нихъ непонятное. Повѣришь ли, со слезами на глазахъ я началъ писать къ тебѣ. Да, я все тотъ же, хотя мнѣ уже и 40-й. И признаюсь, я самъ люблю и уважаю эти слезы; онѣ служатъ мнѣ порукою, что сердце у меня доброе, что оно принимаетъ горячо, съ любовію, все человѣческое. Другъ мой, утѣшимся! Довольно съ насъ! Прочь чернь непосвященная! Въ святилищѣ души, вотъ гдѣ я покоенъ, вотъ гдѣ моя награда. Но пора мнѣ ѣхать въ Совѣтъ. Сейчасъ спрошу о книгахъ по твоему назначенію. Утѣшься, утѣшься! Коршъ выбралъ около 4000 книгъ изъ твоего выбора—книги прекрасныя, рѣдкія, дорогія, сказалъ онъ. Точно, изъ означенныхъ тобою въ письмѣ, большей части нѣтъ въ библіотекѣ. Голохвастовъ повторилъ мнѣ, что 12 донесеній твоихъ онъ отправилъ уже очень давно къ тебѣ чрезъ Министерство Иностранныхъ Дѣлъ и не понимаетъ, какъ они до сихъ поръ не дошли до тебя. Вѣрно теперь ты уже успокоился. Рѣшеніе окончательное онъ предоставилъ министру, не имѣя права рѣшить самъ, и просилъ его увѣдомить тебя объ ономъ прямо. Если рѣшатъ, чтобъ ты остальныя за выборомъ университетскимъ книги продалъ, то я совѣтую, чтобъ ты, отобравъ оффиціально цѣну сихъ книгъ отъ антикваріевъ, т.-е. спросивъ у нихъ, что они *дадутъ за оныя*, взнесъ сію сумму самъ и оставилъ книги за собою, или за мною, или за обоими вмѣстѣ. Перевозъ не дорогъ; а здѣсь мы найдемъ случай сбыть ихъ съ рукъ съ барышемъ, разыграть въ лотерею или тому подобное.

Библиотека "Руниверс"

Я безпокоюсь о твоемъ оттпускѣ. Пиши объ немъ на всякій случай графу Протасову (1) и проси его о ходатайствѣ. Строгоновъ въ Римѣ. Въ случаѣ нужды ты можешь воспользоваться какимъ нибудь предлогомъ по отправленію книгъ. Ученье же во второмъ семестрѣ не болѣе трехъ мѣсяцевъ. Лишь бы добраться тебѣ до Римя.

О Бадерѣ также выписываю твои слова и посылаю къ князю Голицыну. Для успокоенія своего я желалъ бы еще знать, былъ ли онъ въ Мюнхенѣ 12, 13, 14 числа Сентября.

Слушаюсь тебя и откладываю опять журналъ на годъ (ужъ пятый); смотри, чтобъ не вышло съ нашими журналами тоже что съ пѣснями Кирѣевскаго. Медленіе есть тоже болѣзнь, и болѣзнь, которой дай только пищу, и не справишься съ нею! Я хотѣлъ было издавать литературныя прибавленія къ Московскимъ Вѣдомостямъ, отдумалъ и ихъ. Занимаюсь я теперь одною Исторіею. Всякую недѣлю приготовляю 4-хъ годичнымъ студентамъ по новому разсужденію изъ Средней Исторіи. Прежнія замѣтки такъ и стекаются, круглѣютъ и ростутъ въ разсужденія. Написалъ двѣ статьи о мѣстничествѣ (2-ю и 3-ю), о престолонаслѣдованіи послѣ Донскаго, объ удѣльной системѣ, о Сильвестрѣ, объ источникахъ къ исторіи Бориса и Самозванца. А для трехгодичныхъ обработываю по 4 лекціи изъ приготовленныхъ уже прежде изысканій о 1-мъ періодѣ. Къ Рождеству все кончу, и послѣ Рождества примусь съ ними за удѣлы. Подъ часъ только негодую на меценатовъ. Если бы взяли съ рукъ моихъ семейство и сказали бы мнѣ: ну, работай и не безпокойся ни объ чемъ, что̀ бы я надѣлалъ!

Данилевскій (2) проѣхалъ чрезъ Москву въ тотъ день какъ мы пріѣхали, то есть 27 Сентября. У него умерла мать, и онъ спѣшилъ, не зная впрочемъ того. Вѣрно скоро воротится. Впрочемъ я буду писать къ нему и напомню.

Такъ ты вздумалъ учиться поеврейски! Ну, братъ, ты видно хочешь быть профессоромъ Русской словесности и Исторіи литературы такимъ, какихъ не бывало и вѣрно не будетъ. Помогай тебѣ Богъ!

Купи и мнѣ по экземпляру тѣхъ вещей, какія покупаешь себѣ, напримѣръ: камеръ-обскуру Окена, карты горъ. Не отзывайся деньгами — это въ тебѣ другая крайность съ моею столько же или болѣе негодная. Твоя заботливость идетъ до педантства. Все хорошо въ мѣру. Сто-двѣсти рублей какъ будто могутъ сдѣлать какую нибудь разницу, и у тебя тотчасъ представляются затрудненія! О книгахъ Дмитріева я прочелъ съ досадою въ одномъ изъ прежнихъ писемъ и говорю съ тобою откровенно, считая откровенность первымъ условіемъ дружбы. Кадить другъ другу — мало толку; надо стараться исправлять другъ друга, ибо въ чужомъ глазу намъ легче видѣть сучки, чѣмъ

Библиотека "Руниверс"

бревна въ своемъ. Старайся же исправиться. Для пробы я долженъ бы задать тебѣ покупокъ тысячи на двѣ; да нѣтъ, братъ, плохо, очень нуждаюсь, и не до покупокъ прихоти. Дороговизна въ Москвѣ ужасная, какой не запомнятъ, а семейство мое увеличивается безпрестанно, впрочемъ не дѣтьми.

Попроси графа Строгонова отъ меня, чтобъ онъ привезъ или прислалъ мнѣ Исторію Русскую, соч. Лелевеля (3). Мнѣ очень хочется прочесть, что̀ написалъ объ насъ этотъ Русскій приверженецъ.

Касательно возвращенія чрезъ Южную Россію не могу сказать теперь ничего утвердительнаго, ибо теперь все благополучно и не слыхать нигдѣ ничего, но будущее въ рукахъ Божіихъ. Въ Кіевѣ вы узнаете тогда всего лучше и тамъ рѣшитесь; а до Кіева рѣшаться не совѣтую. Теперь пишите, что можетъ быть пріѣдете. Разницы не будетъ.

Гоголь все еще въ Петербургѣ; но теперь жду его съ обѣими сестрами, которыя будутъ жить у насъ. Онъ непремѣнно долженъ выдать что-нибудь, и многое, потому что денегъ нужна ему куча и для себя, и для сестеръ, и для матери.

Аксаковъ поѣхалъ съ нимъ отдавать Мишу въ Лицей и воротится вмѣстѣ (4).

Университетъ нашъ идетъ очень хорошо. Я не думаю, чтобъ въ какомъ нибудь другомъ было столько заботы о лекціяхъ, какъ у насъ. Умственное образованіе идетъ хорошо; но нравственное, нравственное (я говорю не объ полицейскомъ), — дѣйствіе на сердце не въ виду ни у кого, и долго еще не будетъ. Семинаристы могутъ выучиться и выучить многому, но не гуманистикѣ.

Книгъ выходитъ дѣльныхъ очень много и по всѣмъ частямъ. Журналы всѣ хороши, очень хороши; что касается до сообщаемыхъ свѣдѣній, то есть смѣсь, но критика не существуетъ нигдѣ. Ни одной порядочной книги не осилитъ ни одинъ журналистъ: или мальчишки, или подлецы, или невѣжи—вотъ рецензенты.

Полевой написалъ 15 драмъ, изъ которыхъ я видѣлъ только половину одной, первой. Историческое Общество издаетъ и работаетъ. Дашковъ умеръ: вотъ вамъ печальная новость. Онъ хоть былъ очень лѣнивъ, но правдивъ, и мужественъ, и толковитъ (5).

1) Оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Сvнода графъ Николай Александровичъ Протасовъ былъ женатъ на дочери князя Димитрія Владиміровича и племянницѣ князя Бориса Владиміровича Голицыныхъ, княжнѣ Наталіи Дмитріевнѣ; тетка послѣдней и сестра первыхъ княжна Софія Владиміровна Голицына была замужемъ за графомъ Павломъ Александровичемъ Строгоновымъ, на старшей дочери которыхъ графинѣ Натальѣ Павловнѣ былъ женатъ тогдашній попечитель Московскаго учебнаго округа графъ С. Г. Строгановъ.

Библиотека "Руниверс"

2) А. С. Данилевскій былъ близкій родственникъ и сосѣдъ Гоголя по имѣнію. Они вмѣстѣ воспитывались въ Нѣжинской гимназіи Высшихъ Наукъ и вмѣстѣ искали служебнаго поприща въ Петербургѣ.

3) Іоахимъ Лелевель родился въ Варшавѣ въ 1786 г. Воспитывался въ Виленскомъ университетѣ, гдѣ въ 1815 г. занялъ каѳедру Всеобщей Исторіи. Лелевель родился можно сказать книжникомъ. Въ жизни практической онъ былъ самый ненаходчивый человѣкъ и чудакъ, но на каѳедрѣ Лелевель былъ въ своей стихіи. Ему нужны были для того, чтобы одушевиться, отрывокъ хроники, старый пергаментъ или древняя монета. Совершенный аскетъ, одинокій, безсемейный, Лелевель работалъ съ трудолюбіемъ балландиста. Чуждый всякихъ современныхъ политическихъ тенденцій, Лелевель съ такою же любовію относился къ Корсунскимъ вратамъ Св. Софіи въ Новгородѣ, какъ и къ Гнѣзненской святынѣ. Потерявъ каѳедру въ Вильнѣ, Лелевель возвратился въ Варшаву, къ несчастію своему выбранъ въ депутаты на сеймъ въ 1829 г., участвовалъ во всѣхъ его дѣйствіяхъ и былъ до самаго конца мятежа членомъ революціоннаго правительства. Затѣмъ бѣжалъ за границу и влачилъ горькую жизнь скитальца. Умеръ въ Парижѣ въ 1862 году (Спасовичъ, „Обзоръ Исторіи Славянскихъ литературъ“ Спб. 1865, стр. 475—476).

4) Въ Воспоминаніяхъ С. Т. Аксакова читаемъ: „Гоголь сказалъ намъ, что ему надобно скоро ѣхать въ Петербургъ... Я самъ вмѣстѣ съ дочерью сбирался ѣхать въ Петербургъ, чтобъ отвезти моего младшаго сына, Мишу, въ Пажескій корпусъ. Я сейчасъ предложилъ Гоголю ѣхать вмѣстѣ, и онъ очень былъ тому радъ. Мы выѣхали въ четвергъ послѣ обѣда, 26 Октября 1839 года... Гоголь былъ такъ любезенъ, такъ постоянно шутливъ, что общій громкій смѣхъ то и дѣло оглашалъ нашъ экипажъ и станціи, на которыхъ мы останавливались“. Въ Петербургѣ Гоголь останавливался у Жуковскаго въ Зимнемъ Дворцѣ. Вотъ какъ описалъ С. Т. Аксаковъ свое посѣщеніе Гоголя: „Жуковскій провелъ меня черезъ внутреннія комнаты къ кабинету Гоголя; тихо отперъ и отворилъ дверь—я едва не закричалъ отъ удивленія! Передо мною стоялъ Гоголь въ слѣдующемъ фантастическомъ костюмѣ: вмѣсто сапогъ длинные шерстяные Русскіе чулки выше колѣнъ; вмѣсто сюртука, сверхъ фланелеваго камзола, бархатный спензеръ; шея обмотана большимъ разноцвѣтнымъ шарфомъ, а на головѣ—бархатный, малиновый, шитый золотомъ кокошникъ, весьма похожій на головной уборъ Мордовокъ. Гоголь писалъ и былъ углубленъ въ свое дѣло, и мы очевидно ему помѣшали; онъ долго *не зря* смотрѣлъ на насъ, по выраженію Жуковскаго, но костюмомъ своимъ нисколько не стѣснялся...“ („Русь“ 1880. № 5).

5) О Д. В. Дашковѣ мы имѣемъ драгоцѣнныя свидѣтельства въ Запискахъ М. А. Дмитріева: „Говорить ли о Дм. Вас. Дашковѣ, какъ о министрѣ? Спросите всѣхъ, служившихъ подъ его начальствомъ: вы услышите общій отзывъ любви, смѣю сказать, благоговѣнія къ его памяти!... Это былъ именно *министръ юстиціи*, то-есть *исполнитель правосудія*. Онъ былъ непоколебимъ въ правдѣ, но стоекъ и на защиту... Требовалъ дѣла и не любилъ поклоненія... За то онъ и самъ не любилъ поклоняться... Требовалъ отъ подчиненныхъ труда, точности, но не мелочности. Болѣе всего онъ требовалъ ума, просвѣщенія и правды. Не забывая въ чиновникѣ человѣка, онъ строго различалъ вину отъ ошибки... Честному человѣку всегда можно было надѣ-

Библиотека "Руниверс"

яться на его покровительство и защиту. Никого онъ не гналъ и не преслѣдовалъ, никого не отличалъ по рекомендаціи сильнаго!... Никто не могъ упрекнуть его въ забвеніи труда, или заслуги.—Вѣчная ему память! Говорять, что онъ не любилъ труда. Нѣтъ! Онъ работалъ много: не любилъ только высказывать въ себѣ озабоченнаго и дѣловаго человѣка. Я зналъ его хорошо. Онъ, лежа на диванѣ, работалъ болѣе, чѣмъ другой, сидя сиднемъ и заставляя хлопотать другихъ съ утра до ночи. Говорятъ, что онъ былъ недоступенъ. Нѣтъ! Онъ не любилъ только оффиціальныхъ и пустыхъ посѣщеній; отнимающихъ драгоцѣнное время, не любилъ окружать себя поклонниками, искателями... Въ его характерѣ было что-то такое, чему мы удивляемся въ мужахъ древности: какая-то полнота и цѣлость" („Мелочи", стр. 216—217).

VI.

1840 Августа 30.

Думалъ я, думалъ, любезнѣйшій Степанъ Петровичъ, о нашемъ журналѣ и придумалъ, для скорѣйшаго приступа къ дѣлу, во избѣжаніе будущихъ возможныхъ недоразумѣній или несогласій, равно какъ и для успѣшнѣйшаго хода, издавать журналъ одному, то есть тебѣ или мнѣ, при полномъ содѣйствіи другаго, то есть тебя или меня. Если ты не рѣшаешься и не осмѣливаешься взять на себя, то беру я и предлагаю тебѣ слѣдующее условіе: за участіе твое въ журналѣ, то есть за сообщеніе статей, 2500 р. въ годъ во всякомъ случаѣ, то есть въ случаѣ ли убытка или барыша. Какъ бы великъ ни былъ барышъ или убытокъ, тебѣ нѣтъ дѣла; я обязанъ доставить тебѣ деньги. Совѣститься тебѣ не брать, въ случаѣ неудачи, нечего. Въ этомъ отношеніи дѣло есть спекуляція: я предпринимаю ее; не удалась она мнѣ, тебѣ не слѣдуетъ страдать за нее, или терять свое. Я предпринималъ, сообразуясь со своими силами, я долженъ и нести убытки, равно какъ и барыши принадлежатъ мнѣ. Всѣ расходы, вся механическая часть, исполненіе и проч. лежатъ на мнѣ. Я предлагаю, если съ первой книжки пойдетъ хорошо, нанять Корша. Если будетъ не изъ чего, то поработаю самъ. Касательно числа листовъ предоставляю назначить самому тебѣ, сколько ихъ въ книжку. Впрочемъ въ этомъ отношеніи, я знаю, дѣло за тобою не станетъ. Если журналъ пойдетъ хорошо, то барыши я назначаю: половину Славянамъ, половину на учрежденіе центральной книжной лавки и проч. по моему усмотрѣнію.

Ну, согласенъ ли? Если согласенъ, то увѣдомь или пріѣзжай. Завтра я подамъ бумагу въ Цензурный Комитетъ, а съ тобою напишу подробное и вѣрное условіе.

Библиотека "Руниверс"

О началѣ *Москвитянина* вотъ что повѣствуетъ самъ М. П. Погодинъ: „Съ 1841 года мы начали издавать *Москвитянинъ*. Какъ въ основаніи *Московскаго Вѣстника* принималъ непосредственное участіе Пушкинъ, такъ *Москвитянинъ* обязанъ почти своимъ существованіемъ Жуковскому. На обѣдѣ у князя Дмитрія Владимировича Голицына рѣшено было изданіе. Просвѣщенный Московскій градоначальникъ взялся ходатайствовать объ этомъ дѣлѣ вмѣстѣ съ Жуковскимъ, потому что разрѣшеніе издавать журналъ сопряжено было тогда съ великими затрудненіями. Въ изданіи *Москвитянина* Шевыревъ завѣдывалъ критическою частію и разбиралъ всѣ замѣчательныя произведенія текущей литературы". („Воспоминанія", стр. 26). Въ Февралѣ 1841 года, Бодянскій писалъ Погодину, изъ Фрейвальдау: „Я очень радъ появленію вашего Дневника; но скажите пожалуйста: какъ его имя? Право, одни зовутъ его *Москвичемъ* съ придачей *Кремлевскаго сторожа*, другіе напротивъ полулатинскимъ именемъ, *Москвитяниномъ*. Ужъ давно нуждались мы въ Дневникѣ добросовѣстномъ, сколько это возможно для существъ *страстныхъ*, Дневникѣ, издаваемомъ не торгашами, выходцами, пройдохами и перевертнями, для которыхъ „пенязи — князи", а „помози Бозе и васимъ и насимъ", какъ говорятъ дѣти Израиля—основный камень и послѣдняя высшая цѣль ихъ стремленія, ихъ Палестина, vita vitalis, punctum saliens, но людьми извѣданной учености, свѣдѣній, доказанныхъ самимъ дѣломъ, испытаннаго честнаго характера, занимающихся имъ съ любовію, съ увлеченіемъ, ухаживающихъ за нимъ какъ мать за своимъ единцемъ. Конечно „достоинъ дѣлатель мзды своея", но пускай же эта мзда не составляетъ уже планетной оси, вокругъ которой все должно вертѣться, какъ вертится эта планета—журналистъ-ростовщикъ. Вы знаете „служай алтарю да отъ алтаря и питается", но не слѣдуетъ дѣлать жертвенника Богу нашей дойной коровой. И такъ, я увѣренъ, что вы, съ этими, а не другими мыслями, выплываете на треволненное море журналистики... Быть не можетъ, чтобы вы не имѣли сотрудниковъ; всѣ честные, благонамѣренные, любящіе словесность, вѣдѣнія, искусства не изъ какихъ либо корыстныхъ видовъ, но для нихъ самихъ, всѣ истинно Русскіе писатели умомъ и дѣломъ предложатъ вамъ свои братскія услуги, руку помощи, потянутъ вмѣстѣ съ вами, къ цѣли высокой, благородной—освобождать Русскую письменность отъ „находниковъ - Варягъ", нехристей-Татаръ, беззаконной Литвы и безмозглыхъ Ляховъ, однимъ словомъ „насильниковъ Руси".... Ваша „правая рука" (Шевыревъ), извѣданной упругости и ловкости, десница мощная и важная въ пріемахъ и ударахъ. Со временемъ, надѣюсь вы не откажите и мнѣ стать, по крайней мѣрѣ, ошуюю васъ.... Если Господь позволитъ мнѣ возстать отъ одра болѣзни, вы найдете во мнѣ одного изъ самыхъ надежныхъ сотрудниковъ „по моей части", которая, кажется, будетъ для нашихъ соотечественниковъ не послѣдней занимательности... А вѣдь, запасу-то, запасу сколько! Жизни моей, чувствую, мало, чтобы его какъ слѣдуетъ обработать". (Поповъ, „Письма къ М. П. Погодину", стр. 120—121).

Библиотека "Руниверс"

VII.

(Спб.) 1841 11 Февраля.

Напишу тебѣ о журналѣ. Такой эффектъ произведенъ въ высшемъ кругу, что чудо: всѣ въ восхищеніи и читаютъ наперерывъ. Графиня Строгонова, Вьельгорскій, Протасовъ, Барантъ, Уваровъ; Прянишниковъ, почтъ-директоръ, сказывалъ мнѣ о многихъ. И замѣть, что всѣ эти господа ѣздятъ и трубятъ, и заставляютъ подписываться, напр. графъ Протасовъ и Сергѣй Семеновичъ: есть даже множество анекдотовъ. Напр., у Віельгорскаго собралось общество: кто-то сказалъ, что полученъ Москвитянинъ. Во 2 часу ночи посылаетъ онъ въ книжную лавку Полеваго. Тотъ отвѣчаетъ, что всѣ экземпляры его расхватаны, а остается одинъ для подписчика. Присылаютъ въ другой разъ выпросить до утра. Ратьковъ сказалъ, что онъ продалъ бы сто экз., еслибъ у него было. «Да зачѣмъ же вы не спрашивали»? Надо было имѣть впередъ, нельзя было рисковать. Такъ и другіе книгопродавцы. Ну что̀ прикажете дѣлать? А повѣрить рѣшительно нельзя: продадутъ, и деньги не получишь. Надо пока терять и ждать окончательнаго успѣха, когда публика пристанетъ съ ножемъ къ горлу. Далъ 25 экземпл. Полевому въ комиссію. Одоевскій говоритъ: какъ вамъ не стыдно, господа, все помѣстили вы въ 1-й книжкѣ, вѣдь вы не выдержите до 3-хъ; гдѣ взять вамъ столько отличныхъ статей? Первой книжки достало бы на годъ, и проч. Веневитиновъ не слыхалъ нигдѣ ни одного слова порицанія, Одоевскій также, Загряжскій, Смирдинъ, Ратьковъ, моло̀дые чиновники. А ужъ Сергѣй Семеновичъ и говорить нечего. Велитъ выписывать по гимназіямъ и проч. Отъ моего Парижа всѣ безъ памяти. Твоя Европа сводитъ просто съ ума. Стихи переписываютъ. Экземпляръ Одоевскаго просто растерзанъ. Недавно пишетъ къ княгинѣ Баратынская (Абамеликъ): пришлите скорѣе, Христа ради, я ожидаю une visite illustre, и проч. Собрались еще гдѣ-то, и Барантъ упросилъ, чтобы ему какъ нибудь перевели по французски стихи; я исправлю и пошлю, и уже послалъ. Я спрашивалъ нарочно о тѣхъ статьяхъ и словахъ, кои приводили въ такой соблазнъ нашихъ аристократовъ 14-го класса, героевъ Конюшенной и Арбата—напротивъ именно благодарятъ за нихъ. Скажи этимъ дрянямъ, что я только изъ великодушія не разсказываю объ ихъ чопорности, приличной только Нѣмецкимъ мѣщанамъ, и то у Коцебу. Всѣ ждутъ 2-го нумера, который полученъ только у Ратькова и Смирдина, а наши еще не пріѣхали. Я устрою теперь это. Одно только сомнѣніе: что вы не выдержите, это невозможно—издать 12 альманаховъ. Вотъ мы дадимъ вамъ

Библиотека "Руниверс"

знать. Сергѣй Григорьевичъ *) такъ и разсыпается въ похвалахъ, и даже постороннимъ лицамъ. А Каченовскій, кажется, уже жаловался: я сказалъ напрямки, что считаю своею обязанностью вывести на чистую воду злаго педанта, который морочилъ и морочитъ еще публику безъ всякаго права. «Скажите мнѣ, графъ, какое сочиненіе написалъ онъ въ 40 лѣтъ? Ну, разсужденіе? Ну, статью, даже рецензію. Нѣтъ ни одной! Одни доносы и угрозы. Если бы онъ не былъ вреденъ студентамъ, я оставилъ бы его въ покоѣ; но онъ вздоромъ своимъ, своими ужимками смущаетъ неопытные умы». И замолчалъ мой графъ, закрутивъ усы. На здѣшній журналъ ужъ и не смотритъ знать. Посмотримъ, что̀ намъ скажетъ Москва о томъ и о томъ! Критика здѣшняя не имѣетъ никакой цѣны. Однимъ словомъ—два года, и мы господа. Даже прежде, если устроится то, что̀ разскажетъ тебѣ Лиза. 2-я книжка послана Государю. Совѣстно мнѣ спросить, ожидать ли отвѣта о первой.

Какъ я хохочу надъ нашими умниками, не умницами—вотъ опозорились-то! Но всего не перескажешь. Куникъ безъ меня прочелъ твои замѣчанія и видно разсердился. Я улажу. Виновата Лиза, что пустила въ кабинетъ; а я самъ вѣдь ихъ не прочелъ еще, отложивъ общую часть. Надо напечатать именно одну спеціальную.

Этотъ блестящій пріемъ, сдѣланный *Москвитянину* Петербургскимъ высшимъ обществомъ можетъ нѣсколько смягчить суровый приговоръ, сдѣланный С. Т. Аксаковымъ Петербургу того времени: „Во всемъ кругѣ моихъ старыхъ товарищей и друзей, во всемъ кругѣ моихъ Петербургскихъ знакомыхъ, я не встрѣтилъ ни одного человѣка, кому бы нравился Гоголь и ктобы цѣнилъ его вполнѣ! Даже никого, кто бы его всего прочелъ! *Таковъ былъ тогда пошло-дѣловой Петербургъ*“! („Русь“ 1880, № 5, стр. 14).

Я. И. Бередниковъ въ одномъ изъ своихъ писемъ изъ Петербурга писалъ къ П. М. Строеву: „Г. Погодинъ былъ здѣсь, и гдѣ только могъ лаялъ на Каченовскаго“ (см. нашу книгу „Жизнь и Труды П. М. Строева“, стр. 288). Иначе относились къ Каченовскому студенты. Вотъ свидѣтельство о немъ К. С. Аксакова: „Въ наше время любили и цѣнили, и боялись, и боялись притомъ чуть ли не больше всѣхъ, Каченовскаго. Молодость охотно вѣритъ, но и сомнѣвается охотно, охотно любитъ новое, самобытное мнѣніе,— и историческій скептицизмъ Каченовскаго нашелъ сильное сочувствіе во всѣхъ насъ. Строевъ (братъ археографа), Бодянскій съ жаромъ развивали его мысль. Я тоже былъ увлеченъ..... Я помню, какъ высоко ставилъ Каченовскій Москву, съ какой улыбкой удовольствія говорилъ онъ о ней, утверждая, что съ нея начинается Русская Исторія. Его отзывы о Москвѣ были новою причиною моего къ нему сочувствія.. . Каченовскій былъ въ тоже время очень забавенъ въ своихъ пріемахъ, и студенты самымъ дружескимъ и нѣжнымъ обра-

*) Графъ Строгоновъ.

Библиотека "Руниверс"

зомъ надъ нимъ подсмѣивались. Не смотря на свою строгость, Каченовскій однакоже хорошо обращался съ студентами" („День" 1862, № 40, стр. 3). По свидѣтельству С. М. Соловьева, Каченовскій „тружепическую жизнь честнаго человѣка окончилъ тихою смертію праведника" („Біогр. Слов. М. Ун.", I, 403). Онъ скончался въ самый день Свѣтлаго Воскресенія 19 Апрѣля 1842 года, имѣя 67 лѣтъ. Къ чести М. П. Погодина слѣдуетъ сказать, что когда онъ узналъ о кончинѣ Каченовскаго, то, забывъ свою вражду къ нему, помянулъ отшедшаго отъ насъ учителя и собрата слѣдующимъ добрымъ словомъ: „Каченовскій обладалъ многочисленными и разнообразными свѣдѣніями, и занимался любимыми своими предметами до послѣдняго дня жизни; въ минуту кончины была еще передъ нимъ развернута книга—историческая библіографія Чіампи. Русскій языкъ онъ зналъ очень хорошо и писалъ, какъ пишутъ не многіе. Онъ былъ самымъ исправнымъ профессоромъ... Какъ ректоръ, онъ былъ строгимъ блюстителемъ закона и его формы до послѣдней буквы. Какъ человѣкъ, отличался честностью и безкорыстіемъ. Въ семействѣ и домашнемъ быту онъ украшался всѣми добродѣтелями. Кончина у него была самая спокойная: поутру, въ день Свѣтлаго Воскресенія, послѣ обѣдни, онъ расположился отдохнуть въ своихъ ученыхъ креслахъ, уснулъ,—и не просыпался. Никто не видалъ и не слыхалъ его смерти. Черезъ четыре дня лице его не измѣнилось нимало, и всякій прощающійся опасался, кажется, разбудить его.... Студенты несли гробъ на рукахъ до скромнаго Міусскаго кладбища, гдѣ онъ желалъ лечь, назначивъ это мѣсто во время своихъ прогулокъ. Послѣ Каченовскаго остались вдова, два сына и дочь, и никакого состоянія".

„Редакторъ „Москвитянина" съ перваго своего появленія на литературномъ поприщѣ, разошелся въ мнѣніяхъ съ своимъ учителемъ: Каченовскій отвергалъ Нестора, я признавалъ его; онъ приводилъ Русь съ Юга, я съ Сѣвера; онъ не принималъ Русской Правды, я былъ увѣренъ въ ея подлинности; но, не смотря на это ученое разногласіе, я всегда чтилъ его достоинства". („Москвитянинъ„ 1842, № 5, стр. 208—210).

VIII.

1842. 27 (15) Сентября, Копенгагенъ.

Вчера пріѣхалъ я изъ Стральзунда на Шведскомъ пароходѣ благополучно въ Копенгагенъ, пристававъ на ночь къ берегамъ Швеціи (1). Но опишу тебѣ подробно мое путешествіе. До сихъ поръ оно очень благополучно, пріятно и полезно. Меня носятъ на рукахъ и безпрестанно попадаются драгоцѣнности.

Три дня пробылъ я съ глазу на глазъ въ Харьковѣ съ Иннокентіемъ, бесѣдовалъ въ сладость о небѣ, землѣ и Святой Руси (2). Между тѣмъ узналъ нѣсколько историческихъ документовъ и познакомился съ Квиткою (3).

Въ Кіевѣ останавливался у Неволина (4), Богородскій (5), Иванишевъ (6), Авсеневъ (7) доставили мнѣ много удовольствія; осмотрѣлъ вещи, найденныя въ развалинахъ Десятинной церкви (8). Въ Радзи-

Библиотека "Руниверс"

виловѣ попалась монета или медаль на печатаніе первой Славянской книги въ Краковѣ въ XV столѣтіи и печать какого-то князя Даніила. Въ Лембергѣ пріобрѣлъ богатѣйшее собраніе рукописей, относящихся къ исторіи Уніи и Малороссіи, со множествомъ подлинныхъ писемъ Богдана Хмѣльницкаго, Палея, Михаила Рагозы, Поцѣя, Терлецкаго и проч. Получилъ купчую грамату XIV вѣка на пергаментномъ лоскуткѣ, касательно до продажи земли въ Галиціи и facsimile другой 1391 г. Увидѣлъ полный списокъ Библіи, писанный въ Зеньковѣ до печатанія Острожской Библіи. Какова драгоцѣнность! Я обомлѣлъ; но до сихъ поръ еще не могу достать ее. Пишу письма всякую почту, и можетъ быть.... (9). При такихъ чудесахъ нечего уже говорить о Стрятинскихъ изданіяхъ (10), хотя и они единственны. За то пролежалъ два дня въ жестокой болѣзни. Въ Прагѣ получилъ одно древнее Сербское изданіе до сихъ поръ неизвѣстное. Въ Маріенбадъ пріѣзжалъ ко мнѣ Шафарикъ, и мы прожили съ нимъ двѣ недѣли неразлучно, двѣ недѣли незабвенныя въ жизни: много передумано, переговорено, обсужено. Я подговорилъ нѣсколькихъ Русскихъ, тамъ бывшихъ, и мы вмѣстѣ дали ему обѣдъ и поднесли кубокъ, послали другой Ганкѣ. Познакомился съ Бахтинымъ, Прянишниковымъ, братомъ Петербургскаго, Захаржевскимъ. Вообще я былъ очень доволенъ пребываніемъ въ Маріенбадѣ. Время прекрасное. Ходилъ по восьми часовъ въ день и чувствовалъ себя прекрасно. Вставалъ въ 5 часовъ; отъ 5 до 6¼ питье, до 8 прогулка, въ 8 кофе съ ужаснымъ апетитомъ, до 9½ отдыхъ и подѣлки (письма и тому под.), въ 10 теплая ванна, два холодныхъ дождя и залпъ въ спину, отъ коего трещало въ головѣ, потомъ треніе и отдыхъ; отъ 12 питье до ½ перваго, два стакана другой воды и 1½ часа прогулки; въ 2 обѣдалъ; послѣ обѣда борьба со сномъ, визиты невольные; вечеромъ еще прогулка по лѣсамъ, и въ 9 часовъ я былъ уже въ постелѣ. Чувствовалъ какую-то особенную радость въ душѣ и тѣлѣ. Много перешло мыслей въ головѣ, на просторѣ. Не зналъ, какъ благодарить Бога. Среди суетъ и хлопотъ Московскихъ, между Стр.... какъ я бывалъ подъ часъ недоволенъ; а вдали отъ нихъ право чувствуешь себя вполнѣ счастливымъ. Даже семейство воображалось такъ живо, какъ будто оно было со мною. Въ монастырѣ Теплѣ узналъ я объ исторіи 30 лѣтней войны Словаты въ 8 томахъ; есть еще другая, писанная Скалою въ 10 томахъ, изгнанникомъ Богемской партіи (11). Вотъ источники, а Нѣмцы пишутъ Исторію! Когда я сказалъ Лео объ нихъ, онъ прикусилъ губу. Тамъ же увидѣлъ я Библію на пергаментѣ, которая вѣрно писана за долго до Лютера; но смерть тамошняго прелата помѣшала библіотекарю прислать мнѣ страницу со снимкомъ, которую я хотѣлъ показать Гримму.

Библиотека "Руниверс"

Въ Дрезденѣ я познакомился съ Клеммомъ, который показывалъ мнѣ и объяснялъ свое примѣчательное собраніе Нѣмецкихъ древностей. Въ Лейпцигѣ ждалъ меня Куникъ; окружили Сербскіе студенты и прочіе Славянскіе, и я порадовался на ихъ юношеское одушевленіе. Великое готовится. Узналъ много примѣчательнаго. Въ Дюссельдорфѣ получу дальнѣйшія извѣстія и, кажется, буду писать въ Петербургъ. Сколько бъ дѣла могъ я надѣлать!

Въ Веймарѣ познакомился съ Сабининымъ, походилъ по аллеямъ Шиллера и Гёте, посмотрѣлъ на ихъ скромныя жилища и сладко обратился съ воспоминаніями къ своей молодости.

Въ Галлѣ къ сожалѣнію не засталъ Тиллюна и былъ только у Лео.

Берлинъ, не знаю почему, мнѣ противенъ, и я позабылъ даже посѣтить Гриммовъ. Ни о Гегелѣ, ни о Штраусѣ здѣсь уже и не говорятъ. Оба устарѣли! Байеръ, Оттонъ, Фейербахъ перещеголяли Штрауса; а Гегеля роль кончилась съ его небытіемъ. Прусскіе и прочіе Нѣмцы бредятъ теперь о бытіи конституціонномъ и отвергаютъ на практикѣ то, что̀ принимали съ такимъ остервененіемъ въ теоріи. Есть затѣи и здѣсь не только со стороны народа, но и правительства. Богъ знаетъ что̀ будетъ.

Изъ Берлина поѣхалъ на Стральзундъ, хотя признаюсь, и побаивался пуститься по Балтійскому морю въ концѣ Сентября. Но охота пуще неволи. Стыдно казалось мнѣ оставить Копенгагенскихъ антикваріевъ безъ Русской помощи. Растолкуй это безтолковому нашему гр. Стр... Что̀ заставляетъ меня подвергаться опасностямъ и оставлять семейство? Ну, да что толковать съ ними! Нѣсколько пріятныхъ минутъ было на пароходѣ, когда я смотрѣлъ на Шведскихъ матросовъ, и воображалъ древнихъ Норманновъ! А я какъ будто ѣхалъ съ визитомъ къ Варягамъ...

Въ Копенгагенѣ тотчасъ отправился я къ Рафну. Познакомились и наговорились. Отъ него къ Финну Магнусену, который такая же Скандинавская библіотека, какъ Шафарикъ—Славянская. Старикъ, родомъ изъ Исландіи, обрадовался и не зналъ какъ благодарить за такое вниманіе къ ихъ ученому предпріятію. Разумѣется тотчасъ о Варягахъ, о Руси, о Вернигерахъ, о Сагахъ. Повелъ въ гостинницу, и я долженъ былъ выпить съ нимъ полторы бутылки вина на вѣчную память Норманнамъ, въ честь знаменитаго изслѣдователя ихъ древностей и проч. и проч. Изъ трактира пришелъ онъ ко мнѣ; а нынѣ по утру прислали они ученаго проводника по здѣшнимъ собраніямъ. Самъ извинился еще вчера, что не могъ выходить, ибо оканчиваетъ почту въ Исландію, которая ходитъ только два раза въ годъ, и отправляется послѣ завтра; а ему надо писать множество писемъ.

Библиотека "Руниверс"

Осмотрѣлъ этнографическій музей, собраніе картинъ, биржу; всходилъ на круглую башню съ *наружною* витою лѣстницею до креста; былъ въ театрѣ. Что-то жутко было смотрѣть на бурю въ галлереѣ; но Богъ милостивъ.

Сейчасъ ожидаю къ себѣ Рафна осматривать собраніе Скандинавскихъ древностей и рукописей съ Сагами. Хочется мнѣ еще взглянуть на одно мѣсто погребенія древнихъ Норманновъ подлѣ Роскильда, но не знаю еще какъ устроить этотъ экскурсъ. Теперь остается мнѣ взглянуть на остатки ихъ въ Англіи и Руанѣ, на ковры Матильды съ изображеніями (12), и больше ничего не надо.

Здѣшніе ученые много знаютъ; но, кажется, не умѣютъ еще цѣнить и разобрать главныхъ пунктовъ, главныхъ вопросовъ въ томъ или другомъ предметѣ, о которыхъ я ихъ спрашивалъ. Такъ и въ Богеміи. Многіе мои вопросы остались безъ отвѣта, ибо не приходили имъ въ голову для изслѣдованія. Мы идемъ впередъ. Я пишу программу для Сѣверныхъ Антикваріевъ съ указаніемъ чтò для насъ важно и чего мы ожидаемъ отъ нихъ. Это долженъ я сдѣлать отъ имени Общества (13), чтобъ придать ему болѣе значенія въ глазахъ Европейскихъ ученыхъ. А я пріѣхалъ самъ по себѣ и на свой счетъ. Впрочемъ такъ и быть. Совершенно готоваго у нихъ ничего еще нѣтъ, такъ чтобъ я прямо могъ дѣлать имъ вставки. Просятъ впослѣдствіи. Завтра съ Божіею помощію отправляюсь въ Киль, проѣхаться вмѣстѣ и по древней Вагріи и помянуть Каченовскаго. А хочется, очень хочется домой! Изъ Гамбурга въ Дюссельдорфъ, гдѣ назначено на свободѣ стеченіе писемъ, очень важныхъ, отъ Славянъ. Оттуда на минуту въ Руанъ, въ Регенсбургъ чрезъ Страсбургъ, непремѣнно въ Дахау, чтобъ снять съ себя твой упрекъ, и Дунаемъ, чрезъ Сербію въ Одессу. Не сказывай никому объ этомъ планѣ, ибо глупый *. можетъ претендовать со своими посредственностями, что я гуляю. Чтò «Москвитянинъ?» Похлопочи, прошу тебя, объ немъ. Поклонись Черткову (14) и прочимъ.

1) Памятникомъ этого путешествія М. П. Погодина осталось донесеніе его министру народнаго просвѣщенія о *политическихъ отношеніяхъ Славянъ*. Объ этомъ донесеніи Погодинъ вспоминалъ впослѣдствіи, а именно въ 1853 году, въ письмѣ своемъ къ графинѣ А. Д. Блудовой: „Вы хотите, чтобъ я написалъ вамъ отчетъ о своемъ путешествіи... Но съ какою цѣлію буду я писать къ вамъ этотъ отчетъ? Если не произвело никакого дѣйствія и пропало безъ вѣсти мое *донесеніе 1842 года*, которое такъ великолѣпно и удивительно, даже для меня самого, паче чаянія, оправдалось и оправдывается послѣдовавшими событіями, съ нынѣшними включительно: то какую пользу можетъ принести краткая записка?“ („Истор.-полит. Письма“ М. 1874, стр. 46—70).

2) 12 Января 1842 года, преосвященный Иннокентій былъ переведенъ изъ Вологды въ Харьковъ и здѣсь оставался до 24 Февраля 1848 года. Изъ

Библиотека "Руниверс"

Харькова онъ писалъ къ своему ученику, впослѣдствіи митрополиту Московскому, Макарію: „Жатва многа, необозрима; а дѣлателей, какъ сами вѣсте, мало и далеко не по жатвѣ... Изъ многихъ опытовъ, особенно писемъ ко мнѣ со всѣхъ краевъ Россіи, знаю, какъ много вездѣ душъ, жаждущихъ духовнаго чтенія. Какая же бы съ нашей стороны была жестокость—отказывать имъ въ пищѣ" („Вѣнокъ на могилу высокопреосвященнаго Иннокентія" М. 1867, стр. 33). По поводу кончины Иннокентія, Погодинъ замѣтилъ: „Въ журналахъ нашихъ, *навязывающихъ намъ въ каждомъ нумерѣ по новому, пряничному своему генію*, въ журналахъ нашихъ, въ продолженіе двадцатилѣтней слишкомъ дѣятельности Иннокентіевой, вы не найдете двухъ страницъ о его сочиненіяхъ" („Вѣнокъ", стр. 69).

3) Извѣстнымъ писателемъ.

4) Константинъ Алексѣевичъ Неволинъ, уроженецъ Вятской губерніи и воспитанникъ мѣстной духовной семинаріи, поступилъ оттуда въ Московскую духовную академію, и рекомендованный послѣднею II Отдѣленію Собственной Канцеляріи, былъ отправленъ въ 1829 году въ Берлинскій университетъ, гдѣ и занимался юридическими науками подъ руководствомъ знаменитаго Савиньи. По возвращеніи въ отечество, назначенъ былъ профессоромъ энциклопедіи законовѣдѣнія и учрежденій Россійской Имперіи въ Кіевскій университетъ. По отзыву В. В. Григорьева, „сухое и холодное, но въ высшей степени основательное преподаваніе Неволина отличалось ясностію, полнотою и строгою систематичностью" („С.-Петербургскій Университетъ" Спб. 1870, стр. 155--157).

5) Савва Осиповичъ Богородскій (род. 1804 † 1857). Довершилъ свое образованіе за границею. Былъ профессоромъ права въ Кіевскомъ университетѣ.

6) Извѣстный профессоръ.

7) Свѣдѣній объ этомъ лицѣ мало.

8) Десятинная церковь въ Кіевѣ упоминается на первыхъ страницахъ нашихъ лѣтописей: „Въ лѣто 6497 (989) Володимеръ живяше въ законѣ хрестьяньстѣ, помысли создати церковь пресвятыя Богородица, пославъ приведе я мастеры отъ Грекъ, и наченшю же здати и яко сконча..., украси ю иконами, и поручи ю Анастасу Корсунянину; и попы Корсуньскыя пристави служити въ ней, и вда ту все, еже бѣ взялъ въ Корсуни, иконы и сосуды и кресты" (I, 119). Въ 1240 году, созданный Владиміромъ Святымъ храмъ былъ разрушенъ до основанія Татарами (II, 178). Наконецъ, 16 Іюля 1842 г. возобновленная Десятинная церковь была торжественно освящена Кіевскимъ митрополитомъ Филаретомъ (Закревскій, „Описаніе Кіева" М. 1868, стр. 291).

9) Объ этой Библіи мы находимъ слѣдующія свѣдѣнія въ письмѣ Зубрицкаго изъ Львова (отъ 1 Октября 1842) къ М. П. Погодину: „Что до *Библіи* касается, то здѣсь уже непреодолимыя препятствія. Нѣкто графъ Дзялынскій въ Познани выманилъ за два года назадъ у Компанѣвича Статутъ Литовскій, единственный экземпляръ въ Галиціи, что сдѣлало ропотъ здѣшнихъ литераторовъ и даже начальства. Митрополитъ звалъ передъ себя и Компанѣвича, и начальниковъ монастыря, далъ имъ строгій выговоръ и запретилъ размотывать монастырскія книги и рукописи, и по этой причинѣ вы прежде того приключенія безъ затрудненія достигнули нужную вамъ рукопись. Я самъ лично явился у архимандрита и новаго провинціала Базиліянова и

Библиотека "Руниверс"

ходатайствовалъ; но мнѣ рѣшительно отказали и столь только достигъ того, что мнѣ за даннымъ письменнымъ обязательствомъ позволили въ домъ этой библіи на мѣсяцъ для сравненія и сдѣланія снимокъ. Она находится въ настоящее время въ моихъ рукахъ и есть весьма любопытна. Это есть только Ветхій Завѣтъ, начала и конца нѣтъ, начинается съ 8 стр. 2-й главы книги Бытія, писана 1576—1577 въ какомъ-то городишкѣ неизвѣстномъ *Маначиніе*, прежде изданія Острожскаго. Языкъ не похожій ни на библію Острожскую, ниже на Будимскую, болѣе Южнорусскія, какъ Славянскія изреченія.... Находится въ ей четвертая книга Ездрина, коей нѣтъ ни въ Лютерской, ни въ Римской, ниже въ Словенской Будимской" (Поповъ, „Письма къ М. П. Погодину изъ Славянскихъ земель" М. 1879, стр. 566—567).

10) Стратынь, мѣстечко въ Галиціи, въ Бржежанскомъ округѣ, принадлежало нѣкогда фамиліи Болобановъ. Около 1596 года, Львовскій епископъ Гедеонъ Болобанъ († 1607), по совѣту Александрійскаго патріарха Мелетія, основалъ здѣсь училище, воспитавшее многихъ защитниковъ церкви. При училищѣ была и Славянская типографія (Евгеній, „Описаніе Кіево-Софійскаго собора", стр. 151—152). По свидѣтельству Зубрицкаго въ библіотекахъ Базиліанской и Ставропигіальной въ Львовѣ находилось по одному экземпляру Требника, напечатаннаго въ этой типографіи, въ 1606 году („Журналъ Мин. Народнаго Просв. 1838, IX, 582—583). 5 Августа 1842 г., Зубрицкій писалъ Погодину: „Всѣ усилія пріобрѣсть Стрятынскія книги доселѣ напрасныя. Не щадилъ ни словъ, ни денегъ. Списокъ каталога въ рукахъ архимандрита. Я еще не потерялъ совсѣмъ надежды получить по крайней мѣрѣ Служебникъ. По словамъ Компанѣвича есть экземпляръ кое-гдѣ въ другомъ монастырѣ, онъ ѣдетъ въ соборъ монашескій и обѣщался доискаться его" (Поповъ, стр. 564—565). Наконецъ, въ 1844 году, въ Москвитянинѣ Погодинъ объявилъ: „Изъ Львова я получилъ прекрасный экземпляръ Стрятынскаго Требника, изданнаго Гедеономъ Болобаномъ, епископомъ Львовскимъ (IV, 404—406).

11) Пыпинъ въ своемъ „Обзорѣ Исторіи Славянскихъ Литературъ" (изд. 1865) пишетъ: „Изъ католическихъ историковъ извѣстенъ графъ Вилемъ Словата († 1652), написавшій обширное сочиненіе объ исторіи своего времени съ Фердинанда I; менѣе замѣчателенъ Вацлавъ Козманецкій, оставившій краткое описаніе Тридцатилѣтней войны" (стр. 316).

12) Павелъ Скала изъ Згоржи написалъ въ изгнаніи огромное сочиненіе о церковной исторіи, отъ временъ апостольскихъ до 1624 года, въ десяти частяхъ, гдѣ уже съ 3-й начинается описаніе событій 1516—1624; наиболѣе любопытна та часть сочиненія, въ которой онъ говоритъ, какъ очевидецъ; но до сихъ поръ оно извѣстно только по немногимъ выпискамъ" (Пыпинъ, „Обзоръ" изд. 1865, стр. 516).

13) *Ковры Матильды* находятся въ городѣ Байё (Bayeux) близъ Каена въ Нормандіи, въ департаментѣ Кальвадосъ. Матильда была дочь Бодуина V, графа Фландрскаго и супруга Вильгельма, незаконнорожденнаго герцога Нормандскаго, завоевателя Англіи. Она основала знаменитую фабрику ковровъ въ такъ называемомъ Дамскомъ Аббатствѣ, въ Байё; упомянутые ковры, хотя и приписываются ей, но изысканія позднѣйшихъ историковъ отвергаютъ справедливость этого преданія. (Сообщено Н. А. Ратынскимъ). На этихъ коврахъ вышито завоеваніе Англіи Норманнами. Погодинъ въ письмѣ къ Солнцеву писалъ: „Одежда воиновъ, священниковъ, простолюдиновъ, извѣстна намъ по

Библиотека "Руниверс"

рисункамъ въ житіи Свв. Бориса и Глѣба. Эти рисунки драгоцѣнны для насъ не менѣе знаменитыхъ Матильдиныхъ ковровъ въ Байё, которые недавно изданы великолѣпно на иждивеніи Лудовика Филиппа. Я видѣлъ это изданіе въ Копенгагенѣ. Наши рисунки представляютъ съ ними разительное сходство, что̀ касается до вооруженія, и удостовѣряютъ въ Скандинавскомъ происхожденіи Варяговъ“ („Изслѣдованія, Замѣчанія и Лекціи“, III, 541).

14) Говорится про Общество и Исторіи Древностей при Московскомъ Университетѣ.

15) Славный изслѣдователь Славянскихъ древностей, памятный Москвѣ предводитель ея дворянства Александръ Дмитріевичъ Чертковъ. Очеркомъ его жизни начатъ „Русскій Архивъ“ въ 1863 году, основанный по мысли его сына Григорія Александровича, при Чертковской библіотекѣ.

IX.

1842. Дахау, Октября 24.

Да, я въ Дахау, любезный Степанъ Петровичъ, и на томъ столѣ, за которымъ ты работалъ полгода, кладу твой упрекъ, незаслуженный мною! «У меня былъ графъ Строгановъ, а ты не хотѣлъ быть». Знаешь ли, какъ меня огорчили эти слова твои, написанныя въ 1839 году? Развѣ я не хотѣлъ быть? Я не могъ быть. Графъ Строгановъ былъ, да и позабылъ, что̀ былъ, и не увидалъ ничего, и не понялъ труда твоего, и не оцѣнилъ и даже простаго спасибо не сказалъ, а совѣтовалъ сжечь выбранныя книги!! Не сравнивай же меня съ нимъ! Когда я получилъ письмо твое на 2-хъ листахъ съ исчисленіемъ главныхъ книгъ, я носился съ нимъ по городу, читая всѣмъ, и хотѣлъ всѣмъ растолковать всю важность и великость твоего труда и самопожертвованія. Съ меня самаго полилъ потъ градомъ, и я какъ будто работалъ съ тобою; а ты меня упрекнулъ! Теперь я сбросилъ съ себя даже и тѣнь невниманія! Я былъ въ Дахау, видѣлъ комнату, гдѣ спалъ ты, залу, гдѣ работалъ, старика (Alex. Gärtner), который тебѣ прислуживалъ, садъ, гдѣ ты гулялъ. Впрочемъ видѣлъ все это почти ночью, потому что выѣхалъ изъ Мюнхена поздно. Старикъ очень обрадовался мнѣ, услышавъ твое имя и узнавъ, зачѣмъ я пріѣхалъ нарочно. Показалъ мнѣ всѣ комнаты, въ коихъ нѣтъ уже ни одной книги, всѣ чуланы, кухню, свое жилье. Хоть у меня не было времени, но я слѣдовалъ за нимъ, желая доставить ему удовольствіе разсказывать. Домъ проданъ за 5000 гульденовъ!! А онъ не получилъ еще своего пенсіона...

Ужъ поздно, я усталъ, ложусь спать и не стану описывать тебѣ всего путешествія, какъ мы взобрались на гору къ церкви съ каки-

Библиотека "Руниверс"

ми-то страшными звѣрями на стѣнѣ, какъ повернули въ какой-то переулокъ, какъ отыскали домъ, какъ кормили лошадей у г. Диглера, который также объявилъ себя твоимъ знакомымъ. Старику я далъ гульденъ, чтобъ онъ выпилъ за твое здоровье, и онъ былъ очень благодаренъ. Другой твой знакомецъ женился...

Нынѣ, 24 (12) Октября, пріѣхалъ я въ 10 часовъ изъ Аугсбурга. По утру же встрѣтился въ глиптотекѣ съ Кленце и Тиршемъ, которые показывали ее Рауль-Рашету, и я выслушалъ призанимательную лекцію. Познакомился со всѣми и отправился вмѣстѣ съ ними въ пинакотеку. Потомъ объѣхалъ новыя зданія, перекусилъ, выпилъ за твое здоровье, и пустился въ Дахау.

Завтра въ 12 часовъ, послѣ Каульбаха, въ Регенбургъ и Ралгаллу, а въ 2 изъ Регенбурга въ Линцъ, и 27 въ Вѣнѣ, гдѣ пробуду не болѣе двухъ дней и отправлюсь по Дунаю. О какъ хочется домой! Хорошо, если бы Богъ далъ воротиться въ первыхъ числахъ Ноября. Много зародилось въ головѣ.

Да, я былъ въ Парижѣ у Шатобріана, а въ Брюселѣ, ну скажу послѣ у кого *). Пишу отсюда къ Гаю о судьбѣ имперій. Вотъ кто нынѣ рѣшаетъ ее. Вы слышали о Сербіи. А она недалеко отъ Босніи и Константинополя. Тсъ, тсъ! Между нами! Пошли мое письмо прочесть къ моимъ, и больше ни съ кѣмъ ни слова, кромѣ позволеннаго.

Людевитъ Гай (род. 1809 † 1872) первый руководитель Хорватскаго народа въ дѣлѣ умственнаго возрожденія, стремившійся соединить южныхъ Славянъ Австріи и Венгріи посредствомъ общей имъ литературы, для которой онъ придумалъ названіе Иллирійской (Нилъ Поповъ, „Письма къ М. П. Погодину изъ Славянскихъ земель“ М. 1879, I, XIII). Въ 1840 году Гай пріѣзжалъ въ Москву. „Мы собрали ему“, пишетъ М. П. Погодинъ, „съ помощію генералъ-губернатора князя Д. В. Голицына, 17500 р. асс., для содѣйствія ученымъ трудамъ и распространенія Кириловской грамоты. Хомякову, Шевыреву, Самарину, Аксакову, Павлову—принадлежали главные вклады“ („Русскій“, 1868, № 25, стр 389).

*) Вѣроятно, у Лелевеля. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

X.

1845, Мая 16.

Нынѣ день моего паденія и начало моихъ несчастій или счастій, любезный Степанъ Петровичъ! Я ходилъ пѣшкомъ къ Николѣ Явленному, подлѣ котораго упалъ, и служилъ молебенъ съ дѣтьми. Мнѣ хочется видѣть тебя въ этотъ день: пріѣзжай обѣдать, а если придетъ письмо къ тебѣ поздно, то пріѣзжай пить чай.

1844 годъ былъ роковымъ въ жизни М. П. Погодина: *16 Мая,* онъ упалъ съ дрожекъ и сломалъ себѣ ногу. „Горе, другъ", писалъ онъ М. А. Максимовичу, „переломилъ себѣ, говорятъ, ногу; лежу три недѣли и осужденъ лежать еще пять безъ движенія. Буди воля Божія!" (Пономаревъ, „М. П. Погодинъ въ его отношеніяхъ къ Кіеву", стр. 22) *7 Ноября* скончалась его жена Елисавета Васильевна. Въ запискахъ М. П. Погодина отмѣчено: „*Въ 1840 г. Ноября 7*, отобѣдавъ у Аксаковыхъ, жившихъ на Смоленскомъ бульварѣ, въ домѣ Требинова, пошелъ я пѣшкомъ домой... Увидѣлъ вдали передъ собою женщину, бѣгущую ко мнѣ навстрѣчу съ крикомъ: „Михаилъ Петровичъ! Михаилъ Петровичъ! Идите скорѣе, священники пришли, въ гробъ кладутъ". Между тѣмъ мы сходимся. „Извините", сказала она, приблизясь ко мнѣ и всмотрѣвшись: „я ошиблась". Но я тоже Михаилъ Петровичъ. „Да не нашъ", отвѣчала она и пробѣжала мимо. Я имѣлъ обыкновеніе со студенчества вести поденную записку; иногда въ то время записывалъ самъ, иногда диктовалъ женѣ. Этотъ день, *7 Ноября*, записанъ ею, и послѣ словъ: „священники пришли, въ гробъ кладутъ", прибавлено ея же рукою: *не предзнаменованіе-ли это*?... Черезъ четыре года, именно въ этотъ день и часъ, *7 Ноября 1844*, сама она, писавшая, была положена въ гробъ... Лишившись жены, я остался съ четырьмя малолѣтними дѣтьми" („Простая Рѣчь о мудреныхъ вещахъ" М. 1874, стр. 102—103). „Извѣщаю тебя, любезнѣйшій Михаилъ Александровичъ", писалъ Погодинъ Максимовичу, и какъ ты думаешь, о чемъ,—о кончинѣ моей жены! Ты любилъ ее искренно—пожалѣй обо мнѣ. Какъ-то легче становится на сердцѣ, излившись предъ людьми, въ участіи которыхъ увѣренъ. Ахъ, братъ, какъ мнѣ тяжело! Обнимаю тебя". А передъ тѣмъ Погодинъ писалъ Максимовичу: „Въ семействѣ я такъ счастливъ какъ нельзя болѣе" (Пономаревъ, стр. 22). „Извѣстіемъ о смерти Елисаветы Васильевны Погодиной я опечалился только въ началѣ", писалъ Гоголь С. Т. Аксакову, „но потомъ возсвѣтлѣлъ духомъ, когда узналъ, что Погодинъ перенесъ великодушно и твердо, какъ христіанинъ, такую утрату. Такой подвигъ есть краса человѣческихъ подвиговъ, и Богъ, вѣрно, наградитъ его за это такими высокими благами, какія рѣдко удается вкушать на землѣ человѣку. Обратимся же отъ Погодина, который подалъ намъ всѣмъ такой прекрасный примѣръ, и къ прочимъ живущимъ" („Записки о жизни Н. В. Гоголя. II. 15).

Библиотека "Руниверс"

XI.

Маріенбадъ, Августа 8 (Іюля 27) 1846.

На пароходѣ посчастливилось мнѣ быть съ знаменитымъ Мандтомъ *), который не вѣритъ моему перелому, а полагаетъ разстройство всего сочлененія (Gelenk) въ ногѣ, вслѣдствіе ушиба; онъ одобрилъ вполнѣ совѣты Иноземцева и Пеликана относительно Маріенбада и Теплица, и рѣшительно запретилъ предпринимать послѣ большое путешествіе и подвергаться случайностямъ неизвѣстной и дурной дороги, и велѣлъ тотчасъ ввзвращаться домой на покой. Такимъ образомъ, говоритъ онъ, вы можете выздоровѣть вполнѣ. Я, разумѣется, послушаюсь его мнѣнія, которое слышалъ и отъ другихъ, хотя вы и говорите, что я упрямъ. Съѣзжу развѣ во Франкфуртъ повидаться съ Жуковскимъ и Мещерскою и потомъ тотчасъ въ Москву, по сухому пути, чрезъ Петербургъ. Если будете имѣть что до Уварова, Протасова по цензурѣ и проч., то пишите туда на мое имя (чрезъ Ник. Андр. Загряжскаго въ Почтамтѣ). Если Серг. Сем. будетъ до того въ Москвѣ, то ты объяснишь ему состояніе нашей цензуры. *Онъ мало думаетъ объ ней, и грѣхъ на его душѣ.* Но возвратимся на пароходъ.

На пароходѣ общество было очень разнообразное. Знаменитый Мандтъ, врачъ царской фамиліи. Рыжій Нѣмецкій баронъ съ береговъ Рейна. Французскій аббатъ изъ Москвы. Управитель-Нѣмецъ съ Сибирскихъ заводовъ. Рейнскій купецъ. Американецъ съ женою и двумя свояченицами изъ Нью-Йорка. Купецъ-Нѣмецъ изъ Москвы, везущій дѣтей учиться въ Германію. Молодой Итальянецъ, торгующій въ Петербургѣ карандашами, красками и эстампами. Нѣсколько Англичанъ, безъ которыхъ не бываетъ ни парохода, ни дилижанса. Можешь судить о содержаніи разговоровъ. Мандтъ разсказывалъ о своемъ путешествіи въ молодости на Шпицбергенъ, гдѣ онъ оставался мѣсяцевъ десять для естествоиспытанія, на льдахъ, среди всѣхъ возможныхъ лишеній. Баронъ-управитель исчислялъ богатства Сибири и слѣдовательно достигъ теперь, какъ я замѣтилъ ему, augusta per angusta, своимъ соотечественникамъ, которые жадными глазами разсматривали его драгоцѣнные камни, восклицая Potz Tausend!, оказывалъ большія притязанія на любезность и свѣтскость, и не говорилъ иначе съ своимъ маленькимъ сыномъ какъ пофранцузски, произнося *п* вмѣсто *б*, *к*

---

*) Лейбъ-медикъ Мартынъ Мартыновичъ Мандтъ вступилъ въ Русскую службу въ 1836 году, былъ предъ тѣмъ директоромъ и профессоромъ Медико-Хирургическаго училища въ Дрезденѣ. Скончался осенью 1858 во Франкфуртѣ на Одерѣ („Мѣсяцословъ" 1860 г., стр. 349).

Библиотека "Руниверс"

вмѣсто *г* и *с* вмѣсто *з*. (Эти господа вездѣ одинаковы и что̀ ни происходитъ вокругъ нихъ, они остаются вѣрными своимъ старымъ привычкамъ и преданіямъ, кои, между тѣмъ, даже сами по себѣ, лишаются своего смысла со всякимъ днемъ болѣе. Аббатъ поучалъ молодую вдову. На другой день всѣ затихли, платя дань морю; а потомъ привыкли.... Въ Свинемюнде, т. е. въ устьѣ свиньи, приплыли на четвертый день, принявъ посѣщеніе таможенныхъ чиновниковъ, которые очень вѣжливо и снисходительно осмотрѣли наши чемоданы, взявъ у меня пошлину только съ чаю и Торжковскихъ сапоговъ и башмаковъ, которыхъ у всякаго путешественника было почти по связкѣ. На этотъ товаръ много будетъ требованія въ Европѣ.

Мы пересѣли на другой пароходъ и поплыли по излучинамъ залива, качаемые порядочно вѣтромъ. Къ намъ присѣло много новыхъ лицъ, на коихъ ясно видно смѣшеніе крови Нѣмецкой съ Славянскою по берегамъ Балтійскаго моря. Замѣчательно здѣсь множество уродовъ. Одинъ старикъ, прислуживавшій супругѣ г-на смотрителя паспортовъ, имѣлъ ноги, кажется, только съ колѣнъ, на коихъ утверждалось туловище; при томъ онъ былъ кривобокъ... Мимо насъ пронесся новый пароходъ изъ Штетина въ Копенгагенъ. Мой старикъ вскакиваетъ съ лавки и восклицаетъ: Wie imponirt etwas so grossartiges! Я насилу могъ удержаться отъ смѣха. Въ Штетинѣ, только что успѣвъ пообѣдать, мы сѣли въ вагоны, пустились по желѣзной дорогѣ и чрезъ шесть часовъ были уже въ Берлинѣ. Новые спутники разговаривали болѣе объ удобствахъ сообщенія. Въ самомъ дѣлѣ, одинъ докторъ, выѣхавъ изъ Берлина послѣ обѣда, посѣтилъ больнаго за 30 верстъ и теперь ужъ возвращался съ нами назадъ. Купецъ, выѣхавшій вчера изъ Лейпцига, переговоритъ нынѣ въ Штетинѣ со своимъ прикащикомъ, вечеромъ кончитъ другое дѣло въ Берлинѣ, а завтра опять будетъ обѣдать дома. У конца желѣзной дороги стояли коляски, обязанныя везти всякаго, куда угодно, за полтину.

На другой день, по дурной привычкѣ, отправился я въ Университетъ, прочелъ распредѣленіе лекцій и сѣлъ на лавку въ аудиторіи *Раумера*. У историка Гогенштауфеновъ, сочинителя новой Европейской исторіи, который сообщилъ ученому свѣту столько новыхъ историческихъ документовъ, слушателей было менѣе двадцати. Онъ читалъ о наслѣдникахъ Александровской монархіи, читалъ въ настоящемъ значеніи этого слова, т. е. по своей тетради и даже по печатной книгѣ, вставляя по нѣскольку словъ между параграфами. Въ концѣ лекціи онъ началъ также обозрѣніе Римской исторіи. Раумеру лѣтъ гораздо за пятьдесятъ, но еще бодръ и свѣжъ; онъ малаго роста съ сѣдѣющими зачесанными волосами. Послѣ лекціи я познакомился съ нимъ въ

Библиотека "Руниверс"

ихъ Sprechzimmer. Мнѣ хотѣлось еще послушать *Стура*, который съ такимъ успѣхомъ обработываетъ миѳологію. У него былъ только одинъ слушатель, да я, приведшій съ собою двухъ Русскихъ. Къ намъ онъ и обращался, стараясь голосомъ и движеніями изобразить силу Геркулеса и качества другихъ боговъ. Послѣ лекціи я представился ему, и онъ тотчасъ началъ говорить объ уменьшеніи участія къ предметамъ древнимъ. Да, отвѣчалъ я ему, чтобъ его утѣшить, у васъ занимаются теперь больше настоящимъ; но у насъ преобладаетъ еще прошедшее, и ваши сочиненія имѣютъ многихъ почитателей. Это было ему пріятно. Мы долго прохаживались вмѣстѣ по корридору, въ ожиданіи Вердера, и Стуръ, кажется, былъ радъ, что тотъ долго не являлся, какъ будто хотѣлъ мнѣ сказать: у меня былъ хоть одинъ слушатель, а этому и читать, видно, не для кого. Чрезъ полчаса однако Вердеръ явился. Онъ обладаетъ даромъ слова, говоритъ послѣдовательно, ясно, живо; но что за отвлеченности! Только Нѣмцы могутъ держаться долго въ этихъ воздушныхъ или лучше безвоздушныхъ пространствахъ, можетъ быть, въ вознагражденіе за то, что по землѣ они ступаютъ тяжело. «Жизнь есть непосредственно въ объективности достигнутая цѣль». Unmittelbar Вердеръ произносилъ всегда съ какимъ-то восторгомъ; это было у него самое завѣтное слово, и я, слушая его откровенія, поминалъ въ мысляхъ нашего Дмитрія Матвѣевича *). Что̀ сказалъ бы онъ, прослушавъ такую лекцію! Съ каѳедры онъ побѣжалъ такъ скоро, что я не могъ догнать его съ своимъ костылемъ. Риттеръ въ этотъ день не читаетъ, и я поѣхалъ къ нему на домъ. Старикъ узналъ меня и очень обрадовался. Я отдалъ ему Нѣмецкій переводъ разсужденія Надеждина объ Иродотовой Скиѳіи, которое принялъ онъ съ большимъ удовольствіемъ, хоть я и предупредилъ его, что авторъ совершенно противъ всѣхъ прежнихъ толкователей обращаетъ наши взоры на Западъ вмѣсто Востока. Тѣмъ лучше, отвѣчалъ онъ, вѣдь и на Востокъ смотря, мы не увидали же ничего ясно. Онъ оканчиваетъ теперь Азію кромѣ Малой. Въ Европѣ предпосланы будутъ общія понятія его о географіи. Извлеченія никто еще не дѣлалъ! Послѣ обѣда ѣздилъ я въ Шарлоттенбургъ посмотрѣть памятникъ королевы Луизы, котораго до сихъ поръ не видалъ еще. Человѣкъ пятерыхъ, у разныхъ воротъ и въ другихъ мѣстахъ, спрашивалъ я, гдѣ пройдти къ нему. Всѣ разсказывали мнѣ подробно о дорогѣ; но никому не пришло въ голову спросить меня, есть ли у меня позволеніе, такъ что я пришелъ къ зданію и долженъ былъ, усталый и измученный, воротиться, не видавъ ничего, потому что сторожъ, beim

*) Перевощикова.

Библиотека "Руниверс"

Verluste des Brodes, не могъ мнѣ отпереть двери. Передамъ тебѣ еще любопытное замѣчаніе о нынѣшнемъ направленіи умовъ въ Сѣверной Германіи. Въ коляскѣ со мною сидѣлъ какой-то гражданинъ очень хорошо одѣтый, лѣтъ тридцати, съ молодой маленькой женою. Разговорясь о памятникахъ, онъ замѣтилъ со смѣхомъ, что какой-то принцъ велѣлъ представить себя или былъ представленъ надъ могилою въ мундирѣ и шпорахъ. Я отвѣчалъ ему, что и вообще въ Берлинѣ не понравился мнѣ театръ на обширной площади, между двумя великолѣпными церквами совершенно одинакими, какъ будто бы всѣ эти три зданія должны были составлять одно цѣлое. Ну, что же, отвѣчалъ онъ, я не вижу еще здѣсь большаго различія... Развѣ по нынѣшнему образу мыслей? возразилъ я. Впрочемъ Пегасъ между Іоанномъ Крестителемъ и Петромъ Апостоломъ—воля ваша, и это по крайней мѣрѣ дурной вкусъ. Не забудьте, что философъ дѣлалъ объясненія предъ молодой своей женою. Предметъ общаго разговора въ Берлинѣ составляетъ теперь несчастіе на Сѣверной желѣзной дорогѣ во Франціи, о коемъ газеты доставляютъ теперь столько печальныхъ подробностей. «Зачѣмъ ѣздить такъ скоро», ворчатъ Нѣмцы; «зачѣмъ открывать дорогу вдругъ на такомъ большомъ пространствѣ? Не лучше ли пускать по одной станціи, пріучая мало по малу рабочихъ, испытывая путь, приготовляя мастеровъ, знакомя ихъ со всѣми пріемами? Отчего въ Германіи не было до сихъ поръ ни одного подобнаго случая?» И они говорятъ правду.

На другой день поѣхалъ я въ Дрезденъ по желѣзной дорогѣ. Человѣкъ триста ѣхало до Кётена. Часть осталась тамъ, за то пристали другіе, пріѣхавшіе изъ Магдебурга. Сообщенія умножились удивительно. Обѣдалъ въ Лейпцигѣ, а къ ужину поспѣлъ въ Дрезденъ. На другой день сходилъ повидаться съ картинной галлереей; простоялъ съ часъ передъ Мадонной Рафаеля и Жуковскаго. Что за небесное явленіе! Черты, кажется, всѣ человѣческія, въ иныхъ находишь даже недостатки, а дѣйствіе неописанное; слѣдовательно не черты, а духъ въ нихъ напечатлѣнный, духъ отъ художника, какимъ-то таинственнымъ путемъ, краскамъ сообщенный живетъ и дѣйствуетъ. Овалъ лица кажется слишкомъ академичнымъ, слишкомъ широкимъ во лбу, носъ слишкомъ прямъ и остеръ. И Ночь Корреджіева, къ которой долго не могъ я присмотрѣться, начинаетъ привлекать меня; я говорю о Божіей Матери и Пресвятомъ Младенцѣ; въ прочихъ фигурахъ и въ цѣломъ картины я еще не понимаю. Въ Тиціановомъ Христѣ съ динаріемъ, мнѣ кажется, есть что-то женственное, слишкомъ мягкое, а прекрасная рука совсѣмъ неприлична. Гвидо-Рени *я люблю* больше всѣхъ, и увѣренъ, что сердце у него было самое пылкое и доброе.

Библиотека "Руниверс"

Что за Нѣмецкія лица въ Голбейновой Мадоннѣ! Но этотъ художникъ вѣрно понималъ и чувствовалъ святое. Посмотрѣлъ еще на святую Сесилію, въ коей Карлъ Дольче превзошелъ самого себя, ибо онъ вездѣ бываетъ приторенъ, на Теньера, на Міериса, съ которыхъ имѣю эстампы. Поспѣшилъ я къ старому своему знакомому, библіотекарю *Клемму*, собирателю Нѣмецкихъ древностей и первыхъ произведеній человѣческаго образованія. Я послалъ ему изъ Москвы нѣсколько вещей, найденныхъ въ Чудскихъ Сибирскихъ курганахъ и боялся, чтобъ онѣ не пропали. Нѣтъ — дошли всѣ благополучно и доставили ему большое удовольствіе. Онъ сообщилъ мнѣ свой планъ для этнографическихъ собраній, и я когда нибудь передамъ его читателямъ «Москвитянина». Вмѣстѣ съ нимъ отправились мы на выставку произведеній Дрезденскихъ художниковъ. Какое множество живописцевъ, архитекторовъ, граверовъ, не говорю уже о музыкантахъ! Какое множество житейскихъ свѣдѣній распространено въ народѣ, механическихъ, физическихъ, техническихъ, и отъ того какія удобства получаетъ жизнь, какъ все принаровлено, удовлетворено, и какъ все дешево. А у насъ разсыпаются только Латинскія склоненія и Греческія спряженія, и то больше какъ картофель.

XII.

29 Іюля (10 Августа) 1846. Маріенбадъ.

Увлекшись журнальными извѣстіями, я позабылъ написать тебѣ, любезный другъ, объ исполненіи твоего порученія. Я прочелъ твою записку Шафарику, и онъ просилъ меня написать къ тебѣ, чтобъ ты нисколько не безпокоился. Г. *) писалъ что-то дурное и глупое вообще, но личности не касался; напротивъ, всегда отзывался о тебѣ, какъ и обо мнѣ, въ частныхъ разговорахъ, съ почтеніемъ. Авторитета не имѣетъ онъ никакого, и даже противъ общихъ его выходокъ немедленно напечатано было нѣсколько опроверженій. Съ Ганкой имѣетъ онъ какія-то личности, вслѣдствіе которыхъ тотъ горячится. Всего лучше, сказалъ Шафарикъ, оставить все пустое дѣло безъ вниманія, и оно такъ забудется. Ганкѣ онъ не совѣтовалъ по той же причинѣ читать записку, чтобъ изъ того не вышла какая нибудь печатная размолвка. Такъ онъ и написалъ мнѣ; письмо въ оригиналѣ посылаю. Если же ты все-таки хочешь, чтобъ я прочелъ записку Г., то увѣдомь меня въ Теплицъ, poste restante. Я еще успѣю сдѣлать это.

Пью воду, купаюсь въ грязи. Доктора позволили мнѣ слегка заниматься, ибо безъ занятія смертельно скучно, и я началъ переводить

*) Такъ въ подлинникѣ здѣсь и ниже. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

съ Чешскаго отвѣты Коляра (1) Штуру, (2) начавшему расколъ въ Чешской словесности: онъ хочетъ отдѣлить Словацкое нарѣчіе, т.-е. писать на немъ, а до сихъ поръ Словаки употребляли одно письменное нарѣчіе, т.-е. Чешское. Колярь пышетъ огнемъ.

Пріятнѣйшее занятіе для меня воспоминать о моей незабвенной Лизѣ, повторять ея слова, проходить всю жизнь нашу. И все еще плачу! По крайней мѣрѣ радъ, что на душѣ спокойно, и ни одинъ противный образъ не представляется воображенію. Забылъ все.

Исторія зрѣетъ въ глубинѣ души. Картины ея развертываются одна за другою передъ моими глазами, и если Богъ поможетъ мнѣ приблизиться къ моему идеалу, сдѣлать такъ, какъ себѣ представляю, то.... то скажете вы мнѣ спасибо! Руки рвутся къ работѣ (3).

Экономическія дѣла мои посредственны, т.-е. дѣтямъ останется немного; но пускай трудятся, какъ трудился я. При мнѣ по крайней мѣрѣ авось не будутъ терпѣть нужды.

Служить раздумываю, по крайней мѣрѣ года на два. Развлечешься и уклонишься отъ главнаго дѣла.

Хорошо хоть письма дешевы теперь.

Коршъ пишетъ, что 15 Іюля не вышла еще Іюньская книжка. Что за причина? Пожалуйста прими участіе и помоги. Нужно необходимо, чтобъ «Москвитянинъ» на тотъ годъ доставилъ мнѣ хоть что нибудь въ дополненіе пенсіи.

Графъ Уваровъ уѣзжаетъ послѣ завтра.

Баратынскаго сестру навѣщаю часто. Очень умная дѣвушка и съ духомъ, но больна отчаянно.

Завожу здѣсь Русское собраніе. Пріѣзжаютъ Русскіе и удерживаются обыкновенно начинать рѣчь, оттого скучаютъ всѣ порознь. Мы съ Веймарномъ посылаемъ нынѣ циркуляръ, чтобъ знакомые и незнакомые собирались въ 3 часа для сраженія соединенными силами со сномъ до 5 въ такомъ-то мѣстѣ. Это время самое тягостное на водахъ: дѣлать нечего, и сонъ клонитъ, а спать нельзя.

Пошли сказать моимъ, что получилъ отъ меня письмо отъ такого-то числа. Мнѣ велятъ здѣсь взять ваннъ 30 и столько же въ Теплицѣ. Не придется ѣхать во Франкфуртъ, а развѣ возвращаться Дунаемъ въ Одессу.

1) Янъ Колярь, род. 1793+1852, родоначальникъ новѣйшаго панславизма. Разсужденіе Коляра о взаимности между Славянскими племенами М. П. Погодинъ привезъ въ Москву и началъ тотчасъ переводить, а кончилъ переводъ Ю. Ѳ. Самаринъ. Переводъ былъ напечатанъ въ *Отечественныхъ Запискахъ* 1839 года. („Русскій“ 1868 № 25, стр. 389).

Библиотека "Руниверс"

2) Людевитъ Штуръ, род. 1815+1856 года. Предсмертное сочиненіе его напечатано въ 1-й книгѣ Чтеній въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ университетѣ 1867 г. и отдѣльно подъ слѣдующемъ заглавіемъ: *Славянство и міръ будущаго. Посланіе Славянамъ съ береговъ Дуная Людевита Штура. Переводъ неизданной Нѣмецкой рукописи съ примѣчаніями Владиміра Ламанскаго.* Сочиненіе это, по отзыву В. И. Ламанскаго, „въ исторіи, такъ называемаго, панславизма займетъ, по своему содержанію и изложенію, гораздо болѣе почетное мѣсто, чѣмъ надѣлавшая въ свое время столько шума въ средней Европѣ, знаменитая брошюра Коляра о *литературной взаимности Славянъ*" (стр. I—II).

3) М. П. Погодинъ мечталъ написать такую исторію, которая была бы и 1) проста и общепонятна, т.-е. понятна грамотному крестьянину, модной дамѣ, смышленному дитяти, равно какъ и образованному литератору; 2) занимательна, читаясь съ начала и до конца не изъ милости, не по обѣту, а возбуждая участіе и любопытство; 3) жива, представляя людей, племена, событія, во плоти и съ кровію, а не портреты или остовы, и наконецъ 4) соотвѣтствовала бы настоящему состоянію критики, и заключала результаты всѣхъ новыхъ изслѣдованій и открытій.

*

За 14 лѣтъ переписки не было, такъ какъ оба пріятеля жили постоянно въ Москвѣ. Въ 1855 году съ Шевыревымъ случилось несчастіе, вслѣдствіе котораго онъ прекратилъ свою профессорскую дѣятельность. Здоровье его потребовало путешествія. Погодинъ относился къ его горю, къ его дѣламъ и заботамъ съ трогательнымъ участіемъ, съ горячею дружбою. П. Б.

XIII.

1860 Сентября 22.

Мнѣ, а вѣрно и многимъ другимъ, хочется выразить тебѣ, передъ отъѣздомъ, нашу къ тебѣ любовь, и пожелать тебѣ соборно обновленія твоихъ силъ подъ небомъ любезной для тебя Италіи. Нельзя же пустить тебя намъ безмолвно! Но какъ это сдѣлать? Времени два три дня. Надо повѣстить, получить отвѣты, и проч., что очень затруднительно изъ твоей дали. Нельзя ли устроить обѣдъ въ Воскресенье, такъ чтобы ты, прямо съ обѣда изъ моего дома, пустился въ путь? Увѣдомь меня. Если же ты не останешься до Воскресенья, то все-таки, наканунѣ хоть отъѣзда, вечеромъ пріѣзжай ко мнѣ, и я приглашу кого можно изъ твоихъ пріятелей и доброжелателей.... Какъ я радъ, что ты ѣдешь въ Италію. Она тебя оживитъ, и ты воротишься почти такой же какъ во время оно (1).

1) Друзья и почитатели Шевырева хотѣли дать ему прощальный обѣдъ въ домѣ М. П. Погодина, въ залѣ Русскихъ писателей, но обѣдъ не состоялся. 25 Сентября 1860 года оставилъ онъ Москву. Съ дороги (изъ Варшавы) Шевыревъ писалъ Погодину: „Отъѣздъ нашъ изъ Москвы, не смотря на грусть разлуки, открылъ мнѣ много сладкаго и уже тѣмъ освѣтилъ мою душу, нѣсколько разочарованную жизнію".... („Воспоминанія", стр. 29—30).

Библиотека "Руниверс"

XIV.

1860. Октября 20.

Скорбнымъ извѣстіемъ начинается наша переписка, любезнѣйшій Степанъ Петровичъ! Скончался нашъ милый Хомяковъ, 23 Сентября вечеромъ, въ Пятницу, слѣдовательно почти въ то время, какъ ты былъ у меня передъ отъѣздомъ. Холера схватила его, и въ нѣсколько часовъ его не стало. Исповѣдался, пріобщился, соборовался масломъ, въ полной памяти. Наканунѣ, готовый къ отъѣзду домой, куда за два дня отправилъ уже сына, онъ писалъ вечеромъ статью о философіи и остановился, кончивъ страницу, на словѣ *въ*. Легъ спать и въ 5 часовъ утра разбудилъ человѣка, веля ему поставить себѣ горчишники, выпилъ дегтю и принялъ потомъ нѣсколько гомеопатическихъ крупинокъ. Послѣ соборованія фершалъ ему сказалъ: У васъ глаза свѣтлы.— Завтра будутъ еще свѣтлѣе, отвѣчалъ онъ. За нѣсколько минутъ фершалъ сказалъ: пульсъ хорошъ. «Какъ тебѣ не стыдно—пульсъ прерывается, видишь, а ты говоришь: хорошъ. Не послать ли за Дм. Ал?—Не надо.—Не дать ли знать въ Богучарово?—Узнаютъ вскорѣ, и скончался тихо, безъ страданія. Боже мой! Что за ужасная судьба носится надъ нами. Были панихиды въ его домѣ, въ приходѣ, въ Университетѣ. Мы сдѣлали чрезвычайное собраніе въ память о незабвенномъ. Разливаясь слезами, я прочелъ воспоминаніе о немъ, Бартеневъ біографическія черты, Лонгиновъ о заслугахъ предъ обществомъ. Все это намѣреваемся повторить и въ публичномъ первомъ чрезвычайномъ, присоединяя статью Гилярова относительно философіи и богословія, Гильфердинга—филологіи, Самарина—крестьянскаго вопроса. А о поэтѣ сказать некому—тебя нѣтъ.

Въ прошедшую Субботу привезено тѣло и погребено въ Даниловомъ монастырѣ, подлѣ Гоголя, Языкова, Венелина и Валуева. Пріѣзжали изъ Петербурга Самаринъ, горько рыдающій, и Черкасскій. Народу было посторонняго немного. Тяжко было думать—Хомяковъ въ этомъ гробѣ! Во всѣхъ журналахъ отзывы похвальные. Видно, надо умереть, чтобъ услышать доброе слово (1).

Прежнее замѣшательство. Редакціонная Комиссія кончила труды свои и передала въ высшій комитетъ на разсмотрѣніе, гдѣ предсѣдателемъ назначенъ Константинъ. На него надѣются по разнымъ причинамъ, что онъ дѣло повернетъ скоро; къ Январю надѣются окончанія. Объ окончаніи слухи различные, да и чего же можно ожидать, если такіе люди, какъ Самаринъ, Кошелевъ, Хомяковъ, Черкасскій между собой несогласны? «Какъ нибудь»—пароль нашъ (2).

Библиотека "Руниверс"

О литературѣ. «Москвитянинъ» возобновляется. Подана просьба, и Вяземскій взялся ходатайствовать. Еженедѣльно будетъ выходить, по образцу «Сына Отечества». Сотрудники рвутся. Отъ тебя ожидаютъ въ первую книжку Итальянскаго письма. Гонорарій я буду получать, или отлагать, впредъ до твоего назначенія.

Являются еще новые журналы: «Вѣкъ»—Кавелинъ, Дружининъ и Безобразовъ, Вейнбергъ; «Время»—Достоевскій. Программа послѣдняго списана какъ будто съ программы «Москвитянина»: мы будемъ, говоритъ, разбирать, что за авторитеты у насъ явились, и т. п. (3) «Отечественныя Записки» въ программѣ своей также говорятъ о народности и проч., о недостаткахъ Запада (4). А насъ ругали за то, что мы говорили это 20 лѣтъ назадъ. Евгенія Туръ издаетъ «Русскую Рѣчь». Колошину даетъ Миллеръ за «Развлеченіе» 5 т. р. с.

А въ Университетѣ мерзость запустѣнія. Читаютъ профессора что̀ кто захочетъ, хотя одну главу изъ науки, и вводятъ теперь это право въ уставъ. Экзамены отмѣняются, кромѣ окончательныхъ, и обрекается наша молодежь на праздность и невѣжество. О гимназіяхъ и говорить нечего. Грустно и грустно. Что же будетъ? Кто пишетъ уставы, кто судитъ о нихъ?

Ольга Семеновна, въ страхѣ, чтобъ не случилось чего съ больнымъ Константиномъ при извѣстіи о кончинѣ Хомякова, ѣдетъ къ нему въ Вѣну съ двумя дочерьми. Сколько я ни отговаривалъ, напрасно. Ну какъ старухѣ въ 70 лѣтъ, съ двумя полубольными дочерьми, тащиться въ такую даль! И чего это будетъ стоить? И какая польза?

1) „...Долго мы не привыкнемъ даже къ мысли“, говорилъ Погодинъ въ своей рѣчи, „что Хомякова нѣтъ между нами. Долго, въ каждомъ своемъ собраніи, по Вторникамъ, или Четвергамъ, Воскресеньямъ, мы будемъ безпрестанно оглядываться на дверь и думать: это вѣрно идетъ Хомяковъ, запоздавшій, какъ обыкновенно. Помилуй, гдѣ ты былъ, мы ждемъ тебя уже давно.... Нѣтъ, это не онъ... Да, онъ не явится къ намъ; мы можемъ только воображать его милыя черты, мы можемъ только припоминать съ благоговѣніемъ каждое его слово, плакать объ немъ, плакать, пока не соединимся съ нимъ въ общей для насъ могилѣ.... Плакать,—нѣтъ, мы должны бодро идти по слѣдамъ его, мы должны изо всѣхъ силъ своихъ трудиться, работать, не унывая, помня его завѣтныя убѣжденія, повторяя любимое его стихотвореніе *Труженикъ*, которое для всѣхъ насъ пусть сдѣлается его священнымъ завѣщаніемъ“.

Шевыревъ о кончинѣ Хомякова узналъ въ Вѣнѣ и вотъ что̀ писалъ Погодину: „Вдругъ, какъ громъ, разразилась надо мною эта ужасная вѣсть. Тутъ же увидѣлся я съ И. С. Аксаковымъ. Отъ Константина это скрываютъ. Завтра мы слушаемъ заупокойную обѣдню и панихиду по нашемъ незабвенномъ другѣ. Думалъ ли я, отъѣзжая 25 Сентября изъ Москвы, что уже нѣтъ его на свѣтѣ? Думалъ ли, что въ Вѣнѣ буду поминать его? Такъ грустно,

Библиотека "Руниверс"

такъ тяжко, что и сказать нельзя. Вечеръ провелъ у Аксаковыхъ. Константинъ ничего не предполагаетъ. Соберите о Хомяковѣ все, все, все, съ чѣмъ только соединена его память. Да не будьте такъ равнодушны. Вѣдь, право, стыдно. Умеръ Кирѣевскій уже четыре года, и до сихъ поръ не изданы его сочиненія. Вѣдь это намъ непростительно. Двигай всѣхъ, буди всѣхъ, торопи всѣхъ. Пусть Хомяковъ никогда не умираетъ и всегда будетъ съ нами своею жизнію, умомъ, сердцемъ, словомъ. Какая спокойная кончина, какъ всякое слово значительно! А дѣти его, дѣти! При мысли о нихъ сердце надрывается, и слезы текутъ изъ глазъ. Окружите сиротъ, займитесь ихъ воспитаніемъ. Составьте совѣтъ—Свербеева, Кошелева, ты, Кошелевъ, Гиляровъ.... Господи, Господи, видно мы безъ числа согрѣшили. Лучшіе между нами отходятъ. Ихъ беретъ всѣхъ Господь" („Воспоминанія", стр. 30—31).

2) К. С. Аксаковъ писалъ, между прочимъ, къ Ю. Ѳ. Самарину: „...Когда разнеслась вѣсть объ эмансипаціи, я писалъ къ Хомякову, что кому принесетъ она положительную пользу, такъ это помѣщикамъ; за нихъ можно положительно радоваться и поздравлять ихъ съ избавленіемъ отъ безобразнаго и безнравственнаго ихъ права... Помѣщичья власть—въ нѣкоторой части имѣній барщинскихъ и въ имѣніяхъ чисто-оброчныхъ вообще—служила для крестьянина какъ бы стекляннымъ колпакомъ, избавлявшимъ его отъ государственной регламентаціи, отъ наружнаго административнаго благоустройства. Подъ защитою этихъ стеклянныхъ колпаковъ жила жизнь нашего народа во всей самобытности своихъ началъ, при отсутствіи этой чуждой нашему духу опредѣленности, которая равняется ограниченности и уродуетъ живое, извнутри образующее себя, начало. Здѣсь-то (въ оброчныхъ имѣніяхъ Ярославской, Вологодской губерніи, напримѣръ), является міръ не Киселевскій, не устроенный какимъ нибудь господиномъ ничего неразумѣющимъ въ Русской жизни, міръ самъ себя составляющій, самъ себя опредѣляющій, съ своимъ единогласіемъ и съ своею окончательною верховностью. Когда же эмансипаціею, вмѣстѣ съ уничтоженіемъ богопротивнаго помѣщичьяго права, будутъ разбиты и эти, по мѣстамъ встрѣчающіяся, крышки, подъ которыми спасалось начало Русской жизни, Русской общины (не Киселевской),—я боялся, чтобы государственность учрежденій не легла всѣмъ гнетомъ на бѣдныхъ крестьянъ. Но вотъ вызваны были въ Петербургъ вы и князь Черкасскій. Вы засѣдаете въ административномъ отдѣленіи. Можно было думать, что Русскій народъ въ васъ найдетъ хотя какую нибудь защиту. Явился докладъ административнаго отдѣленія № 5: *о сходахъ*, подписанный вами. Что же видимъ мы въ этомъ докладѣ? Ни болѣе, ни менѣе, какъ совершенное нарушеніе всей сущности Русскаго общиннаго начала, полнѣйшее искаженіе міра, уничтоженіе всей самобытной общественной свободы Русскаго народа и предоставленіе ему, на чужой образецъ составленнаго, подобія гражданскихъ общественныхъ правъ".

3) Н. Н. Страховъ, бывшій „постояннымъ и ревностнымъ" сотрудникомъ журналовъ *Время* и *Эпоха*, свидѣтельствуетъ: „Я познакомился съ Ѳ. М. Достоевскимъ „въ концѣ *1859 года*; настроеніе кружка, въ который я тогда вступилъ, во многомъ было для меня ново и неожиданно. Это было одно изъ знаменитыхъ направленій *сороковыхъ годовъ*, направленіе очевидно сложившееся *подъ вліяніемъ Французской литературы*... Въ томъ настроеніи 1859 года, о которомъ я говорю, я могу указать на двѣ черты, отразившіяся очень ясно на дѣятельности Достоевскаго. Вопервыхъ,

Библиотека "Руниверс"

проповѣдывалась совершенная гуманность къ человѣческимъ слабостямъ и даже преступленіямъ, сожалѣніе къ людямъ, объясненіе ихъ дурныхъ поступковъ изъ обстоятельствъ и строя общества... Словомъ, безграничная мягкость отношеній считалась неизмѣннымъ правиломъ. Во вторыхъ, литературѣ, художеству давалась опредѣленная задача. Художникъ долженъ быть въ сущности политикомъ и публицистомъ... Проповѣдь извѣстныхъ общественныхъ идеаловъ, вмѣшательство въ вопросы минуты—вотъ что̀ ставилось главнымъ правиломъ..“ Та́къ думали и дѣйствовали въ 1859 г.; но въ 1881 г. самъ Страховъ произноситъ справедливый приговоръ этому настроенію: „Скажу прямо, что оба правила были вредныя, и мнѣ довелось потомъ видѣть жестокій вредъ, испытанный отъ нихъ нѣкоторыми членами литературныхъ кружковъ. Это одинъ изъ самыхъ яркихъ уроковъ моей литературной жизни“. („Русь“ 1881, № 16, стр. 15—18). Одновременно съ основаніемъ журнала *Время*, Н. Ф. Павловъ, по поводу юбилея князя П. А. Вяземскаго, писалъ: „Да что̀ же это такое, какъ *не Французское увлеченіе*, какъ не Французскій, сладкій и приторный взглядъ на массу народа? Кто, какъ не Французы нажужжали вамъ уши о прекрасномъ сердцѣ подъ грубою блузой, о подспудной Франціи, о мозолистахъ рукахъ? Французы пошутили, да и полно, принялись за прежнее, за свою милую Францію, какъ она есть, съ великосвѣтскимъ кругомъ и палевыми перчатками; а вы пробавляетесь еще ихъ обносками и надменно увѣряете насъ, что это вашего собственнаго издѣлія“.

4) И. С. Аксаковъ отнесся *тогда* весьма несочувственно къ проявившемуся Петербургскому славянофильству и въ своемъ *Днѣ* писалъ: „Въ послѣднее время Санктпетербуржская литература стала очень много толковать о національномъ принципѣ, о народности; нѣкоторые ея органы славянофильничаютъ на пропалую, а молодые Санктпетербуржцы щеголяютъ въ красныхъ рубашкахъ и поддѣвкахъ“. И заключаетъ: *„Послѣдняя ложь горше первой“* („День“ 1862 г. № 39, стр. 2).

XV.

1860. Декабря 6 (18).

Я на дняхъ расхохотался просто безъ памяти. Мельгуновъ написалъ прекрасное разсужденіе, и какъ бы ты думалъ, о какомъ предметѣ? Какое далъ заглавіе ему? «Чума неправаго стяжанія». А Николай Филиповичъ *) помѣстилъ въ журналѣ у себя съ особеннымъ удовольствіемъ это строгое обличительное разсужденіе. Принялись всѣ читать и руки другъ другу въ карманы запускать, похваливая отъ души добродѣтельнаго автора и издателя.

*) Павловъ. Оба они, Павловъ и Мельгуновъ, постоянно страдали разстройствомъ денежныхъ дѣлъ, были въ долгахъ и разстроивали дѣла своихъ пріятелей.

Библиотека "Руниверс"

«Москвитянина» не позволили, потому что Григоровичъ получилъ уже прежде позволеніе издавать въ Петербургѣ какой-то «Драматическій Вѣстникъ» (1). На прошедшей недѣлѣ подана Ордынскимъ просьба объ изданіи газеты «Часы» (2).

Деньги тебѣ вышлемъ немедленно, разрѣшится ли газета намъ, отдадимъ ли статью твою въ какое-нибудь другое новое изданіе. Послѣ программы «Отеч. Зап.», помѣщенія статей о Хомяковѣ и прочихъ объясненій, я послалъ туда двѣ статьи, кои по особымъ причинамъ мнѣ хотѣлось, чтобъ вышли въ Петербургѣ, написавъ записку: увидя, что редакція и т. д. Получилъ благодарность. Вдругъ помѣщается тамъ какая-то болтовня о кликушахъ, и по ихъ поводу приводятся съ насмѣшками какія-то твои слова. Я написалъ тотчасъ, что такія выходки отвращаютъ меня опять отъ нихъ; но не получалъ еще отвѣта. Нѣтъ, нечего надѣяться ни на кого изъ нихъ, а начинать свое изданіе, и выводить на чистую воду (3).

Подписка на журналы и газеты, говорятъ, идетъ плохо. Даже календари продаются дурно, говоритъ Базуновъ. Что-то будетъ послѣ новаго года?

Ожидается рѣшеніе крестьянскаго вопроса, сперва къ 1 Января, а теперь къ 19 Февраля. Съ рѣшеніемъ этого вопроса всѣ обстоятельства выяснятся, разумѣется, лучше, а неизвѣстность утомительна.

Денегъ вообще нѣтъ ни у кого, ни у милліонеровъ, ни серебряныхъ, ни мѣдныхъ, ни бумажныхъ. Говорятъ, что крестьяне прячутъ. Дѣла Кокорева весьма было запутались, но теперь получилъ онъ разсрочки по губерніи Витебской и гарантіи на акціи Волжско-Донской дороги. Кошелевъ разъѣзжаетъ то въ Петербургъ, то въ Тулу, то въ Рязань. Я сижу дома и работаю надъ 8 и 9 томами изслѣдованій. Теперь отвлекся дорожными записками. Старуха Аксакова укатила съ двумя дочерьми, которыя побольнѣе, и есть извѣстіе, что они всѣ отправились изъ Тріеста на островъ Занте. Судя по письмамъ, ненадеженъ Константинъ: очень худъ, и лихорадка продолжается. И здѣшнія дочери говорятъ: поѣдемъ весною къ нашимъ. Старухѣ подъ 70 л. Какъ еще она выдерживаетъ!

Съ бѣднымъ Кубаревымъ третьяго дня сдѣлался маленькій ударъ. Прислали за мной. Пустили кровь, и стало нѣсколько лучше. Я пробылъ у него почти весь день. Онъ потребовалъ, чтобъ я, его душеприкащикъ, взялъ его завѣщаніе. Чтобъ не спорить съ нимъ, раздражившимся, я взялъ и дома пробѣжалъ: Кубаревъ отказываетъ все свое имѣніе, 30 т. р. с., Университету для награжденія студентовъ-филологовъ. Потомъ легъ я спать и подумалъ: ну какъ съ нимъ, чего обо-

Библиотека "Руниверс"

рони Богъ, что нибудь случится, и полиція или прислуга утащитъ билеты. Съ меня вѣдь потребуютъ 30 т. р. с. Растревоженный уснулъ. Поутру бросился тотчасъ перечесть завѣщаніе и увидѣлъ, что билеты всѣ отмѣчены нумерами, слѣдовательно пропасть не могутъ, и успокоился. Теперь ему лучше.

Бергъ путешествуетъ по Сиріи; но сомнѣваются, можетъ ли редакція выплачивать почтамту портовыя деньги.

«Искру», говорятъ, поколотили въ пассажѣ, а «Развлеченіе» имѣетъ эту награду въ перспективѣ.

Говорятъ о памятникѣ Пушкину. Одинъ журналистъ восклицаетъ: а Бѣлинскому, а Грановскому? Другой хвалитъ что-то и заключаетъ: ничего не можетъ быть выше, благороднѣе, бѣлинсковнѣе! Каково!

1) Съ 1861 года издавался въ Петербургѣ *Драматическій Сборникъ*, а не *Вѣстникъ* Стелловскимъ, а не Григоровичемъ.

2) Вѣроятно Борисъ Ивановичъ Ордынскій, который былъ профессоромъ Римской словесности въ Казанскомъ и Харьковскомъ университетахъ. Умеръ въ Москвѣ 30 Мая 1861 г., на 39 году жизни.

3) Статьи этой мы не отыскали въ *Отечественныхъ Запискахъ* того времени.

XVI.

11 (23) Января 1861.

Мы все хоронимъ. 3-го числа привезено было тѣло Константина Аксакова. Нельзя было безъ трепета смотрѣть на семейство, и особенно на мать. Всѣ мы наплакались. Теперь, слава Богу, она стала попокойнѣе; но жить ей не долго, равно какъ и двумъ старшимъ дочерямъ. Третьяго дня я еще былъ на похоронахъ: старикъ Чумичевъ умеръ,—и я увидѣлъ другое зрѣлище: какъ живутъ и умираютъ наши бѣдняки. Сердце кровью обливалось у меня. Но станемъ лучше говорить о живомъ. «Москвитянинъ» не разрѣшенъ; о другой газетѣ—«Часы» нѣтъ еще отвѣта, и потому я, опасаясь, чтобъ статья твоя не потеряла свѣжести, предложилъ ее Павлову съ условіемъ вручить деньги, но денегъ у него не было. «Русская Рѣчь» началась статьею о Гораціѣ Вальполѣ и г-жѣ дю-Деффанъ. Съ нею не сошелся и предложилъ Мельникову *) въ «Сѣв. Пчелу», которая пошла теперь хо-

*) Павлу Ивановичу.

Библиотека "Руниверс"

рошо. Жду отвѣта. «Русскій Вѣстникъ» слабѣетъ и подвергается разнымъ нападеніямъ и насмѣшкамъ. Новыхъ Петербургскихъ журналовъ я еще не видалъ. Общество Любителей Россійской Словесности избрало предсѣдателемъ меня, но утвержденія еще нѣтъ. Завтра обѣдъ 12 Января. Написалъ рѣчь и жалѣю, что не могу прислать тебѣ, также какъ и рѣчи о Хомяковѣ. Въ «Русской Бесѣдѣ» помѣщены отличные матеріалы для біографіи Ломоносова и Сумарокова (отъ Ламанскаго), пѣсни Кохановской, послѣдняя статья Хомякова и проч. Можетъ быть, мы затѣемъ что-нибудь съ Ив. Аксаковымъ.

М. П. Погодинъ горько оплакалъ кончину Аксакова. „Еще жертва", писалъ онъ, „Константинъ Аксаковъ скончался, на одномъ изъ Іоніійскихъ острововъ, 7 Декабря. Впрочемъ, онъ пересталъ жить еще гораздо прежде— со дня кончины отца своего, котораго любилъ онъ страстно, съ которымъ жилъ именно душа въ душу. Крѣпкій, сильный, могучій, вдругъ онъ началъ слабѣть, худѣть, изнемогать... Семидесятилѣтняя мать поспѣшила къ нему и имѣла одно горькое утѣшеніе принять послѣдній вздохъ любимаго, безпримѣрнаго сына. Чище, благороднѣе, невиннѣе Константина Аксакова мудрено было въ нашъ вѣкъ найти человѣка. Сорока слишкомъ лѣтъ, онъ былъ дитя во всемъ, что касалось до жизни. Русскій народъ, Москва, грамматика, вотъ его особый міръ. Русскій народъ любилъ онъ отъ всего сердца: онъ благоговѣлъ передъ нимъ, или, скажу вѣрнѣе, передъ его идеею, какъ она, въ пылкой душѣ его, по лѣтописямъ, грамотамъ, языку, образовалась... Сказать одно слово противъ Москвы, въ какомъ бы-то ни было смыслѣ,—это было самое тяжелое, личное оскорбленіе Константину Аксакову... Рѣчь его въ минуты одушевленія была со властію". („Русская Бесѣда" 1861).

XVII.

1861 Мая 4 (16).

Прежде всего выражу тебѣ мою радость, что ты чувствуешь себя хорошо. Въ этомъ удостовѣрилъ меня Левъ Толстой, съ которымъ случилось мнѣ возвращаться изъ Петербурга въ Москву. Я чувствую себя очень хорошо и работаю безъ устали. Не знаю, какъ благодарить Бога за сохраненіе силъ и живости духа. Принимаю участіе во всемъ, какъ въ юные года «Московскаго Вѣстника» не только «Москвитянина». А и время же мудреное и трудное. Грустно, что ладьею нашею или кораблемъ большимъ управляютъ кормщики нарумяненные, набѣленные, насурмленные, гробы повапленные. Наглядѣлся я на нихъ по Петербургскимъ раутамъ и повторялъ стихи Мерзлякова:

Отечество мое, чрезъ сихъ ли ослѣпленныхъ,
Ты будешь силою и славой возрастать?

Библиотека "Руниверс"

Но возвратимся на прежняя. Такъ накопилось много всякой всячины, что и не знаешь, съ чего начать. Я прожилъ въ Петербургѣ почти мѣсяцъ и не писалъ къ тебѣ, развлеченный тамъ и дѣлами, и работами, и слухами... Манифестъ написанъ Филаретомъ пренелѣпо (1). Въ Положеніяхъ переломишь ногу (2). Народъ ничего не понялъ, и крупичатая мука сдѣлана хуже аржаной. Грустно и тяжко! Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ начались безпокойства вслѣдствіе недоразумѣній, и являются злонамѣренные люди, которые пользуются ими. Въ Казанской губерніи пало 70 человѣкъ, въ Пензенской сколько-то. Мнѣ кажется, еслибъ вмѣсто всей этой дребедени сказать крестьянамъ: «Вы свободны; ни барщины, ни оброка нѣтъ, поборовъ нѣтъ, земля коей пользуетесь, ваша, а подати платить въ казну вы должны ежегодно столько-то». Отъ подати въ казну крестьянинъ отказаться не можетъ, потому что подать платятъ всѣ; а платить за усадьбу, за угодья, онъ упирается, потому что все считаетъ своимъ. Въ число подати вы включите и оброкъ нынѣшній и всѣ повинности. Получа подать, вы сами отдадите что̀ слѣдуетъ помѣщику и что̀ слѣдуетъ оставите на прочія повинности, подушныя, земельныя и проч. И помѣщику будетъ пріятнѣе и спокойнѣе получать свой оброкъ отъ казны, чѣмъ отъ крестьянъ. Разлученные de jure, они будутъ жить de facto гораздо дружнѣе, потому что взаимная нужда будетъ ихъ къ тому побуждать, а теперь все между ними какъ будто кость. Что̀ просто, то для мудрецовъ, особенно Петербургскихъ, непонятно.

Ты пишешь, что читалъ мое все. Развѣ такъ увѣдомляютъ? Всего читать ты не могъ, потому что оно разсыпано по всѣмъ изданіямъ. Главныя статьи помѣщены въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ». О Польшѣ (3) не пропущено дураками какими-то, и время потеряно. Послалъ статью еще о недоразумѣніяхъ нашего времени, и не знаю, какъ пройдетъ она. Донъ-Кихотство мое кажется мнѣ самому подъ часъ смѣшнымъ; не грѣшно, кажется, и молчать. На просвѣщеніе страшное гоненіе, опять вслѣдствіе недоразумѣній. Графъ Строгоновъ, говорятъ, неистовствовалъ въ Совѣтѣ противъ распущенности; а кто положилъ ей основаніе? Онъ нападалъ на Ковал. *) такъ, что тотъ занемогъ, и думали, что подастъ въ отставку. Говорили, что Строгоновъ и назначенъ. Другіе указываютъ на Левшина. Нѣтъ, друзья, какъ вы ни садитесь, а въ музыканты не годитесь. Коммиссія для разсужденія о дѣлахъ просвѣщенія составлена изъ Строгонова, Панина, Долгорукаго. Говорятъ, будто назначается

*) Министра народнаго просвѣщенія Евграфа Петровича Ковалевскаго.

Библиотека "Руниверс"

оброкъ на студентовъ по 200 р. с., что число ограничится 200 казенныхъ и 200 своекоштныхъ. Неужели это можетъ быть? Господи Боже мой (4)!

Валуевъ назначенъ министромъ внутреннихъ дѣлъ. Его иные хвалятъ. Милютинъ въ Сенатѣ. Тимашевъ въ отставку. Мухановъ Павелъ членомъ Государственнаго Совѣта.

Дворъ прiѣзжаетъ въ Москву на двѣ недѣли, а потомъ въ Петербургъ и Крымъ.

О юбилеѣ князя Вяземскаго ты знаешь; я ѣздилъ туда и говорилъ рѣчь. На Вяземскаго посыпались ругательства. Я почелъ долгомъ вступиться и написалъ статью въ «Сѣв. Пчелѣ», гдѣ сказалъ свое мнѣнiе о Бѣлинскомъ, разумѣется, по своему. Теперь поднимутся ругательства на меня и, говорятъ, уже поднялись (5).

Вчера Московскiе журналисты и литераторы собирались, чтобъ толковать о цензурѣ и просить облегченiя. Какъ посмотрѣлъ я на этотъ соборъ: что̀ за посредственности и бездарности; а какiя глубокомысленныя лица, какiя прически великолѣпныя, осанки надменныя! Нѣтъ, братцы, плоха на васъ надежда, и недалеко вы уйдете.

Велентинъ Коршъ и Николай Филипповичъ написали статью объ Ермоловѣ и замѣчанiя (6). Просто хочется плюнуть въ рожу.

Денежныя дѣла всѣ находятся въ великомъ разстройствѣ: миллiонеры въ затрудненiи: Демидовъ, Строгоновъ, Кокоревъ, Бенардаки, Шиповъ и проч. Барковъ обанкрутился на 5 мил. и умеръ. За Бранта поручился Государь. Бобринскiй проситъ 3 милл. для поддержки. Дѣла Кокорева очень плохи.

1) Проэктъ манифеста объ увольненiи помѣщичьихъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости былъ уже готовъ къ печати.. Намъ не удавалось читать этотъ проэктъ; но вотъ что съ нимъ произошло. Покойный Государь пожелалъ, чтобы его сначала послали въ Москву на просмотрѣнiе митрополиту Филарету. Стоявшiй во главѣ дѣла графъ В. Н. Панинъ отправилъ съ этимъ порученiемъ къ митрополиту своего довѣреннѣйшаго Михаила Ивановича Топильскаго. Вскрывъ пакетъ, осторожный владыка прежде всего выразилъ желанiе, чтобы Топильскiй оставался у него на подворьѣ, ни къ кому не выѣзжалъ и никого не принималъ къ себѣ. Топильскiй прожилъ безотлучно на Троицкомъ подворьѣ три дни. Въ это время митрополитъ сообщилъ ему свое полное неодобренiе привезенному проэкту, отозвавшись, что въ немъ подразумѣвается рознь и сквозитъ враждебное междусословное чувство. Вручая Топильскому отвѣтъ свой графу Панину вмѣстѣ съ написаннымъ своимъ проэктомъ, Филаретъ передалъ ему особое письмо на имя Государя, выразивъ настойчиво непремѣнное свое желанiе, чтобы это письмо было доставлено изъ рукъ въ руки, безъ посторонняго посредства. По возвращенiи Топильскаго въ Петербургъ, строгiй его начальникъ пришелъ въ негодованiе зачѣмъ тотъ не отказался отъ непосредственнаго врученiя письма. Однако дѣ-

Библиотека "Руниверс"

лать было нечего. Испрошена аудіенція смиренному чиновнику. Было пасмурное утро. Государь стоялъ у глубокаго окна, взявъ пакетъ, подошелъ еще ближе къ окну, по прочтеніи немедленно изорвалъ письмо въ клочки, и противъ обыкновенія своего, не удостоивъ принесшаго никакимъ милостивымъ словомъ, приказалъ ему уходить. Что было въ письмѣ Московскаго святителя, осталось на всегда тайною.—Всѣ эти подробности переданы издателю „Русскаго Архива" самимъ М. И. Топильскимъ, черезъ пять лѣтъ послѣ событія.

Не знаемъ примѣра, не только въ Русской, но и во Всеобщей Исторіи, чтобы законоположеніе столь великой важности и благодѣтельности было выражено такъ невразумительно. И оно издано для народа, въ большинствѣ неграмотнаго! Сличи статью: „Дай оглянусь" въ Русскомъ Архивѣ 1881 года, II, 174. П. Б.

3) П. С. Казанскій въ письмѣ къ брату своему преосвященному Платону, епископу Костромскому, отъ 15 Декабря 1860 г., писалъ: „Дѣло о крестьянахъ внесено въ Государственный Совѣтъ и положено его пересмотрѣть въ пять засѣданій. Митрополиту Филарету хочется, чтобы одержало мнѣніе тѣхъ, которые желаютъ постепеннаго введенія новаго порядка" („Православное Обозрѣніе" 1881 Іюнь—Іюль, стр. 347). По свидѣтельству Н. В. Сушкова, проектъ манифеста объ освобожденіи крестьянъ былъ только „пополненъ, а частію и передѣланъ" митрополитомъ Филаретомъ. Въ формулярномъ спискѣ митрополита мы читаемъ: „Всемилостивѣйше пожалована ему золотая медаль, установленная за труды по крестьянскому дѣлу" („Записки о жизни Филарета митрополита Московскаго" М. 1868, стр. 202, прил., стр. 47). 18 Мая 1861 года, Московскій святитель, у священныхъ вратъ Успенскаго Собора, привѣтствовалъ императора Александра II-го въ такихъ выраженіяхъ: „Благочестивѣйшій Государь! Привѣтствуемъ Тебя въ седьмое лѣто Твоего царствованія. У древняго народа Божія седьмое лѣто было лѣтомъ законнаго отпущенія изъ рабства (Исх. 21, 2). У насъ не было рабства, въ полномъ значеніи сего слова; была однако крѣпкая наслѣдственная зависимость части народа отъ частныхъ владѣльцевъ. Съ наступленіемъ Твоего седьмаго лѣта Ты изрѣкъ отпущеніе. Обыкновеннѣе сильные земли любятъ искать удовольствія и славы въ томъ, чтобы покорить и наложить иго; Твое желаніе и утѣшеніе—облегчить твоему народу древнія бремена и возвысить мѣру свободы, огражденной закономъ. Сочувствовало Тебѣ сословіе благородныхъ владѣльцевъ и въ добровольную жертву сему сочувствію принесло значительную часть своихъ правъ... Молимъ Бога, чтобы добрый даръ былъ разумно употребленъ; чтобы ревность къ общему благу, справедливость и доброжелательство готовы были всюду для разрѣшенія затрудненій, иногда неизбѣжныхъ при новости дѣла; чтобы получившіе новыя права изъ благодарности порадѣли уступившимъ древнія права; чтобы пріятная мысль о трудѣ свободномъ сдѣлала трудъ болѣе прилежнымъ и производительнымъ, къ умноженію частнаго и общаго благоденствія"... („Слова и Рѣчи" III, 383—384). Черезъ годъ послѣ этого событія, С. П. Шевыревъ читалъ въ Парижѣ публичныя лекціи. Вотъ что онъ писалъ М. П. Погодину: „Въ Великую Субботу я говорилъ о Филаретѣ два часа. Филаретъ, какъ проповѣдникъ, предсталъ во всей своей глубинѣ и силѣ... Лекціи у меня говорятся спокойно и ясно. Только въ заключеніи о Филаретѣ расчувствовался: вспомнилъ Москву, Воскресную полночь, звонъ колоколовъ—не могъ договорить. Сердце переполнилось.

Библиотека "Руниверс"

Слезы прекратили рѣчь... Эта была невольная дань воспоминаніямъ. Многіе изъ слушателей были тронуты и плакали. Мѣста изъ проповѣдей Филарета приводили многихъ въ чувства и слезы" („Воспоминаніе", стр. 41—42).

3) Эта статья подъ заглавіемъ „Посланіе къ Полякамъ" вошла въ составъ особой книжки, изданной М. П. Погодинымъ въ Москвѣ, въ 1867 году, подъ заглавіемъ: „Польскій вопросъ, собраніе разсужденій, записокъ и замѣчаній. 1831—1867". Изъ примѣчанія къ статьѣ мы узнаемъ, что это *посланіе* и писано было авторомъ „тотчасъ по полученіи въ Москвѣ первыхъ телеграмъ о безпокойствахъ Варшавскихъ. Написавъ впопыхахъ, послѣ я сталъ думать: вопервыхъ, пускать ли ее въ ходъ, чтобы не оскорбить Поляковъ; вовторыхъ, какія найдти средства для напечатанія. Вдругъ получаются изъ Царства извѣстія о новыхъ важнѣйшихъ смятеніяхъ. Письмо мое слѣдовательно опоздало, и продолженіе моего Донъ-Кихотства дѣлалось слишкомъ смѣшнымъ; въ такомъ шумѣ, при такомъ возбужденіи страстей, тихій, спокойный голосъ кто разслышитъ"? (стр. 65—74).

4) По этому поводу Шевыревъ писалъ Погодину: „Сердце болитъ за Россію, за наше просвѣщеніе, за Университетъ, за студентовъ... Довели до того что усомнились въ необходимости Университета. Въ самомъ дѣлѣ, такъ не можетъ идти наука. Погибаютъ цѣлыя поколѣнія въ тревогахъ и смятеніяхъ, и ученья нѣтъ" („Воспоминаніе", стр. 39).

5) Въ этой рѣчи, М. П. Погодинъ, между прочимъ, произнесъ: „Князь Вяземскій не искалъ своего вдохновенія въ протоколахъ Управы Благочинія, не рылся для предметовъ своихъ сочиненій въ архивахъ Уголовной Палаты, не заносилъ въ свои стихотворенія сенатскихъ опредѣленій... Мы, старое поколеніе, мы готовы отдавать полную справедливость всякому благородному негодованію. Мы рады сочувствовать всякому честному гнѣву и дѣлить ощущенія искренней скорби, при видѣ разныхъ злоупотребленій; но пусть же позволятъ и намъ подышать подчасъ чистымъ воздухомъ, полюбоваться зеленью полей и луговъ, погрѣться на солнышкѣ, и изъ анатомическихъ театровъ поспѣшать иногда, выражаясь классически, на лоно природы, dahin, dahin, успокоиться мысленно на вѣчныхъ идеалахъ добра и красоты". Въ заключеніе своей рѣчи Погодинъ воскликнулъ: „Да здравствуетъ заслуженный академикъ, знаменитый писатель, благородный гражданинъ, да здравствуетъ добрый человѣкъ, князь Петръ Андреевичъ Вяземскій". („Наше Время" 1861, № 10). Въ другомъ мѣстѣ и по поводу юбилея князя П. А. Вяземскаго, Погодинъ засвидѣтельствовалъ: „Князь Вяземскій тѣмъ именно и дорогъ и любезенъ въ исторіи Русской словесности, въ исторіи Русской общественной жизни, что для него словесность, въ самыя тяжелыя эпохи ея, оставалась всегда на первомъ планѣ, и онъ служилъ искусству прежде всего. Званіе писателя всегда было для него званіе самое почетное и самое любезное. Онъ принималъ живѣйшее участіе во всѣхъ нашихъ невзгодахъ, всегда открыто, гласно становился на нашу сторону, подавалъ голосъ въ литературныхъ спорахъ, наравнѣ со всѣми записными литераторами, охотно бралъ подъ свое покровительство всѣ ученыя и литературныя предпріятія, всѣхъ дѣятелей молодыхъ и старыхъ, не обращая рѣшительно вниманія, къ какому свѣту и какому званію принадлежали всѣ тѣ, кои имѣли въ немъ нужду. А вотъ доказательства, какъ мало заботился князь Вяземскій о своей славѣ. Сочиненія его составятъ по крайней мѣрѣ *десять* томовъ; сколько друзья

Библиотека "Руниверс"

его и почитатели ни приставали къ нему, чтобъ онъ помогъ имъ собрать все имъ написанное, Плетневъ, Шевыревъ, Полторацкій, Лонгиновъ, Зеленецкій, до сихъ поръ онъ ни принимался за собраніе. Точно тоже должно сказать объ его литературныхъ воспоминаніяхъ. Не чета была бы онѣ той пустоши, которою угощаетъ насъ молодая литература" („Сѣверная Пчела" 1861, № 83). Другой современникъ князя П. А. Вяземскаго, Н. Ф. Павловъ, писалъ по тому же поводу слѣдующее: „Князь Вяземскій былъ изъ числа тѣхъ немногихъ, которые въ царствованіе Александра I рѣшились повергнуть на Высочайшее благоусмотрѣніе ихъ просьбу объ освобожденіи крестьянъ. Онъ въ обществѣ, по счастливому выраженію графа В. П. Орлова-Давыдова, *производитъ своими словами какую-то особенную устную литературу*. Къ нему обращались часто писатели, начинавшіе свое поприще и имѣвшіе нужду въ совѣтѣ или въ участіи. Ихъ встрѣчалъ не меценатъ, не покровитель, который ищетъ популярности, суетливо жметъ вашу руку съ неукротимымъ увлеченіемъ и отвратительно поддѣлывается подъ равнаго вамъ, когда въ душѣ считаетъ васъ за букашку. Князь Вяземскій не дѣлалъ усилій, чтобъ уничтожить разстояніе; но видно было, что онъ не признаетъ его: оно уничтожалось просвѣщеннымъ настроеніемъ ума, теплаго сердца и благовоспитанностью привычекъ. Естественность вниманія, простота радушія и строгость къ себѣ въ исполненіи обѣщаній собрату по литературѣ, внушали всегда къ князю Вяземскому много сочувствія въ тѣхъ, которые хоть на короткое время приходили съ нимъ въ сношеніе. Эти благородныя свойства, вмѣстѣ съ поэтическимъ талантомъ и блестящимъ умомъ, снискали ему въ жизни горячихъ друзей. Между тѣмъ упомянутый юбилей возбудилъ въ разныхъ журналахъ непріязненные, враждебные толки и намеки". „Много эпохъ пережили вы, князь Петръ Андреевичъ", сказалъ П. А. Плетневъ на юбилеѣ, „и въ политическомъ мірѣ, и въ литературномъ. Много видѣли вы колебаній въ томъ и другомъ. Людскія славы предъ вами восходили и заходили. Вы на все смотрѣли какъ мудрецъ, поучающійся въ дѣлахъ Божьяго міра. Много намъ передали вы своихъ завѣтныхъ думъ. Конечно, еще болѣе вы храните ихъ въ назиданіе тѣмъ, которые, какъ вы, нѣкогда полюбятъ размышленіе и истину".

6) 11 Апрѣля 1861 года, скончался въ Москвѣ Алексѣй Петровичъ Ермоловъ. Редакторъ „Московскихъ Вѣдомостей" В. Ѳ. Коршъ къ напечатанному имъ некрологу сдѣлалъ слѣдующее примѣчаніе: „Мнѣнія о военныхъ и государственныхъ талантахъ покойнаго Алексѣя Петровича весьма различны. Одни ставятъ эти таланты очень высоко; другіе, напротивъ, не могутъ дать себѣ отчета въ томъ, на сколько таланты Алексѣя Петровича отвѣчаютъ его полувѣковой славѣ" (№ 86, стр. 690). Н. Ф. Павловъ статью свою объ Ермоловѣ заключилъ слѣдующими словами: „Мы рады бросить и лишніе лавры на его могилу, хотя грустно подумать, что судъ потомства можетъ не принять въ соображеніе теплоты нашего чувства". („Наше Время" 1861, № 14, стр. 242).

Библиотека "Руниверс"

XVIII.

1861. Іюня 27.

Чтó сказать тебѣ о здѣшнихъ обстоятельствахъ? Идутъ себѣ коекакъ. Смятенія, въ губерніяхъ происходившія отъ недоразумѣній, прекратились; но хорошаго не предвидится впереди. Начальствующіе люди плохо понимаютъ время, его духъ и нужды. Просвѣщеніе вообще безъ покровительства. Министромъ назначенъ, говорятъ, Путятинъ, а товарищемъ ему—сынъ Танѣева. Чтò они понимаютъ, знаютъ и сдѣлать могутъ! Настроеніе молодежи несчастное, а указать некому лучшаго пути. Грустно и тяжко: видѣть и ничего не мочь сдѣлать. Пишу Древнюю Исторію. Эпизодически написалъ нѣсколько словъ о Кавурѣ. Дошли-ль они до васъ? Въ Le Nord я послалъ исправленіе противъ изуродованнаго цензурою чтенія. Мнѣ кажется, кстати было бы Рубини перевести ихъ для Итальянскихъ читателей. Посылаю оттискъ. Цензура у насъ по временамъ нелѣпая. Въ журналахъ гадости безпрестанныя. Меня ругаютъ наповалъ, одни за крестьянъ, другіе за церковь, третьи изъ зависти за дѣйствіе статей. А поддержки ни откуда. Будемъ терпѣть, пока ударъ не хватитъ въ голову; тогда вспомнятъ и пожалѣютъ. Аксаковъ въ Москвѣ; Гриша *) губернаторомъ въ Оренбургѣ. Румянцовскій музей переводится въ Москву. Ордынскій умеръ; Студитскій умеръ. Дѣтей помѣстили на казенный счетъ, о прочихъ еще хлопочемъ. Обоихъ погубила несчастная страсть. Буслаевъ и «Рус. Вѣстникъ» какъ будто объѣлись бѣлены. Кокоревъ висѣлъ на волоскѣ; теперь дѣлаютъ ему отсрочку. Видно, придется издавать журналъ самимъ.

Дѣятельность свою по крестьянскому дѣлу М. П. Погодинъ проявилъ изданіемъ своего знаменитаго *Краснаго яичка для крестьянъ* (Спб. 1861). Вмѣстѣ съ тѣмъ Погодинъ издалъ за границею книгу Белаюстина о духовенствѣ.

XIX.

1861. Іюля 17 (29).

Чтò сказать о себѣ? Меня снаряжали въ Вятку за послѣднюю прилагаемую статейку: «Три вечера» (1). Рѣшился замолчать: стѣну лбомъ не прошибешь. По Университету, кромѣ глупостей, ничего не происхо-

*) Григорій Сергѣевичъ Аксаковъ.

Библиотека "Руниверс"

дитъ. Удивляюсь, какъ могъ взяться за министерство просвѣщенія Путятинъ. Въ журналахъ попадаются вещи возмутительныя. На меня озлились—одни изъ зависти, другіе изъ-за церкви, третьи чортъ ихъ знаетъ, изъ-за чего. Оканчиваю исторію Кіевскаго княженія, и лѣтомъ Древняя Исторія будетъ отдѣлана вполнѣ до ига Татарскаго. Томъ Хронологическаго Указателя и томъ дополненій къ семи прежнимъ томамъ. Еслибъ послали меня въ Вятку, то я тамъ кончилъ бы все скорѣе, потому что здѣсь много времени все-таки отнимается разными отношеніями. Блудовъ здѣсь. Обѣдалъ у нихъ,—бранили, а толку нѣтъ. Лучшее—это перенесеніе Румянцовскаго музея въ Москву и открытіе публичной библіотеки въ Москвѣ. Царская фамилія ѣдетъ въ Крымъ. Тихонъ явился. Хоть бы онъ помогъ своими молитвами! Жара страшная. И Шафарикъ умеръ! Аксаковъ издаетъ «День»; но долго ли ему дневать и не скоро ли долженъ стать на ночлегъ — неизвѣстно. Что̀ ты скажешь о книгѣ Буслаева? (2) Далевъ словарь идетъ, пословицы отпечатаны.

1) Статейка эта носитъ заглавіе: *Три вечера въ Петербургѣ.* „Изъ тишины кабинета", пишетъ въ ней Погодинъ, „мнѣ случилось попасть на нѣсколько времени въ пучину Петербургской жизни; три вечера, почти сряду провелъ я въ трехъ различныхъ обществахъ: въ собраніи политико-экономическаго комитета между учеными, потомъ между капиталистами и на великосвѣтскомъ блестящемъ раутѣ. Начну съ вечера въ Географическомъ Обществѣ... Вотъ какъ, думалъ я, слушая преніе, Русскіе ученые толкуютъ уже публично о государственномъ хозяйствѣ, о приходахъ и расходахъ, о банкахъ и вольномъ трудѣ!" Слышанныя пренія натолкнули М. П. Погодина между прочимъ и на слѣдующія размышленія: „Явленія западной жизни, ихъ причины и слѣдствія, для насъ любопытны, аналогически полезны, и только. Самая наука политической экономіи составлена, сочинена, снята, выведена изъ явленій западной жизни, и большая часть ея правилъ прикладывается къ намъ весьма насильственно, а можетъ быть и пагубно". Другой вечеръ Погодинъ провелъ у В. А. Кокорева. Здѣсь пришлось ему узнать, что Демидовы, Строгоновы и прочіе горнозаводчики находятся въ великомъ затрудненіи: графъ Бобринскій проситъ милліоннаго пособія для своихъ сахарныхъ заводовъ, Брантъ тоже, домъ Алексѣевыхъ, Барковъ обанкрутились, домъ Мѣняева прекращаетъ платежи, Бенардаки закрываетъ 11 своихъ заводовъ, Кокоревъ подвергается опасности, Рыбинскій откупъ оказывается несостоятельнымъ и проч. проч. Возвратясь въ Москву, Погодинъ сообщилъ объ этомъ сосѣднимъ фабрикантамъ на Дѣвичьемъ полѣ: „Мы сами, батюшка, терпимъ точно тоже и по среднимъ своимъ дѣламъ. Что за причина? Богъ знаетъ.—А чѣмъ бы помочь по вашему?—Не можемъ знать, а кажется хорошо бы было *возвысить цѣну серебряной и золотой монеты*". Наконецъ, Погодинъ попадаетъ въ блестящій великосвѣтскій раутъ. „Боже мой! Сколько свѣту", восклицаетъ онъ, „сколько блеску, какое богатство! Какое великолѣпіе! Ни одного платья на дамѣ не стоило меньше ста рублей серебромъ, а весь нарядъ клади круглымъ счетомъ по тысячѣ! Малѣйшая косыночка равнялась десяти

Библиотека "Руниверс"

четвертямъ ржи, и тончайшіе рукавчики не получишь меньше чѣмъ за 20 четвертей овса! А за шаль опрастывай цѣлый закромъ; за колечки, за сережки иныя поднимай на вилы пять стоговъ сѣна. И вспомнилъ я Невскій проспектъ! На сколько милліоновъ помѣщается товару въ его магазинахъ! Какой же это товаръ? Мука, крупа, масло, мясо, соль? Фи! Здѣсь только des petits riens, трень-брень! Такъ для чего же вы ихъ покупаете, безсмысленные, когда нужда вездѣ распространяется?... Почему вы не убѣдите вашихъ мужей вмѣсто го-сотерна и бордо по 5 р. с. за бутылку пить Русское пиво и наливку въ 30 копѣекъ? Да уже и Италіанскую-то оперу къ чорту... Нашли, злодѣи, время потѣшать людей руладами... Перестанемъ мы выписывать всякую дрянь,—ну вотъ и курсъ поднимется, и золото заведется, и деньги найдутся... Бережливость—вотъ самое простое и вѣрное, первое лѣкарство противъ нашей болѣзни безденежья".

2) Историческіе Очерки Русской Народной Словесности и Искусства. Въ двухъ томахъ. Спб. 1861.

XX.

1861. Октября 6 (18).

Я совершенно осовѣлъ, и какъ ни бился, ни трудился, ни порывался, а наконецъ увидѣлъ, что дѣлать ничего нельзя и рѣшился уѣхать въ глушь, чтобъ ничего не видать, не слыхать, не читать газетъ и журналовъ и погрузиться въ Древнюю Русскую Исторію. Богъ съ ними! Въ послѣднее время получилъ я столько огорченій, оскорбленій, обидъ, что даже мое терпѣніе истощилось. Писать нельзя, потому что всякое живое слово выбрасывается, а остающееся подвергается нелѣпымъ толкованіямъ возбужденныхъ партій. Кто въ лѣсъ, кто по дрова. Когда говорятъ страсти, разсудокъ молчи. Пусть пройдетъ это странное и вмѣстѣ страшное время. Я собрался было ѣхать въ Сибирь съ Вагнеромъ (братомъ покойной Елисаветы Васильевны), который заводитъ заводъ мѣди-плавильный (я отдалъ ему свой капиталъ); но онъ задержался въ Петербургѣ, а пароходъ послѣдній уже отплылъ по Камѣ. Такъ мы пускаемся въ Муромъ, въ Карачарово, предложенное Уваровымъ. Тамъ думаю пробыть до конца зимы, а къ веснѣ уѣхать въ Лейпцигъ, чтобъ печатать Исторію, потребующую много политипажей. Таковъ планъ, а что Богъ дастъ—неизвѣстно (1). Рѣшился я участвовать въ заводѣ, потому что семейство умножается. Въ десять лѣтъ не стало трети капитала. Поѣхалъ бы я за границу и совсѣмъ, но хочется прежде собрать и привесть въ порядокъ свои сочиненія, отдать долгъ Отечеству. Петербургскій университетъ закрытъ. Распоряженія одно другаго нелѣпѣе. Въ Москвѣ закрыты два курса юридическіе. Попечителя не было, другіе начальники скрывались по

Библиотека "Руниверс"

угламъ, и несчастные молодые люди оставлены безъ всякаго совѣта и участія. Профессоровъ, оказавшихся совершенно несостоятельными, они ругаютъ безъ мѣры, и за неимѣніемъ авторитетовъ между ними, обратились даже къ прокурору.

Въ литературѣ новостей примѣчательныхъ: Жизнь Сперанскаго, Корфа. Прочелъ — исполненная всякихъ интересовъ книга; увлекся и пишу о ней статью, но не для печати, отъ которой отказался. Прочее—вздоръ. Журналы и газеты пусты. «Русскій Вѣстникъ» опустился до нельзя, да и «Современная Лѣтопись» очень скучна.

Въ Москвѣ Тучковымъ довольны: спокойный и благонамѣренный, благородный человѣкъ.

1) „Что за уныніе овладѣло тобою?" писалъ Шевыревъ изъ Флоренціи къ Погодину. „Какъ это быть могло? Ты ли, съ твоею энергіей, раздраженъ и бѣжишь въ лѣса Муромскіе, въ колыбель Иліи-богатыря, чтобы тамъ поискать силы и крѣпости для борьбы за матушку-Русь съ соловьями-разбойниками и съ Кіевскимъ обжорливымъ идолищемъ, и со всѣми чернокнижниками, одолѣвшими неистощимое перо твое и Россію? Добрый путь тебѣ—но чуръ, чтобы зимою была готова Русская Исторія, чтобы поспѣлъ томъ писемъ объ Россіи, чтобы собраны были въ одно всѣ твои политическія сочиненія, и чтобы все это тиснули станки Липецкіе, чтобы все это превратилось въ настоящій липецъ для Русскихъ читателей. Смотри же. Тебѣ ли горевать? Тебѣ ли понурить голову? На Муромъ я еще согласенъ вслѣдъ за Иліею; но въ Сибирь, за Ермакомъ Тимоѳеевичемъ, нѣтъ—не слѣдъ тебѣ, не дорога. Какъ тебѣ, Европейскому человѣку, въ Азію, помилуй! Господь съ тобою. Изъ Мурома махни однимъ скокомъ въ Липецкъ, а тамъ къ намъ въ Флоренцію" („Воспоминаніе", стр. 37—38).

XXI.

1862. Апрѣля 25 (Мая 7), Москва.

Какъ ты обрадовалъ меня, любезный Степанъ Петровичъ, письмомъ своимъ отъ 11 (23) Апрѣля. Твое спокойствіе и удовольствіе меня утѣшили вполнѣ.—Если ты не можешь извернуться своими деньгами, и имѣешь нужду, то увѣдоми меня тотчасъ, и я пришлю тебѣ что̀ могу.—Я живу теперь на четыре дома: въ Подольскѣ (Митя), въ Вѣнѣ (Саша), въ Дрезденѣ (Ваня), въ Парижѣ (Груша), кромѣ Московскаго дома, гдѣ ожидаю Сашиныхъ дѣтей и не могу выѣхать. Впрочемъ это нисколько мнѣ не мѣшаетъ служить тебѣ. И такъ жду увѣдомленія.

Толкуютъ объ уничтоженіи цензуры и учреждаютъ новыхъ цензоровъ; велятъ быть всѣмъ строже. Посылаютъ за совѣтами къ про-

Библиотека "Руниверс"

фессорамъ Европейскимъ о преобразованіи университетовъ и назначаютъ попечителемъ въ Кіевъ какого-то г-на Витте, въ Одессу—Арцимовича и еще какого-то господина, столь же извѣстнаго. Предсѣдатель цензурнаго комитета г-нъ Цеэ. Въ Москвѣ экзамены начались съ Февраля. Студенты экзаменуются въ гимназіяхъ, и потомъ два года остаются неизвѣстными Университету, слѣдовательно могутъ попадать совершенные невѣжи при отсутствіи контроля. Предсѣдатель коммиссіи о преобразованіи цензуры князь Дмитрій Оболенскій.

Вышли письма Карамзина къ царскому дому и приняты съ великимъ пренебреженіемъ. Ожидаются ругательства. Коршу Валентину отданы «Петерб. Вѣдомости», а «Московскія» кому-то изъ ихъ партіи. Краевскій издаетъ особую газету *). Аксаковъ лѣзетъ на ножъ и портитъ самъ свое дѣло. «Современникъ» напечаталъ въ 1-мъ нумерѣ твои стихи къ «Цыганкѣ» подъ именемъ вновь отысканныхъ стиховъ Пушкина. Добролюбовъ объявляется какимъ-то выспреннимъ геніемъ. Я ничего не знаю изъ его сочиненій.

Одоевскій еще не переѣхалъ въ Москву. Видѣлъ Титова, который по наружности тотъ же, а въ воззрѣніяхъ, кажется, остановился.

Министровъ новыхъ у насъ пять, но дѣла все по старому.

Послѣднее время, съ мѣсяцъ, работа у меня прекращалась за мелкими подѣлками. Съ 1-го Мая примусь опять. Кокоревъ представилъ огромный проектъ. Это единственная творческая голова, но не умѣютъ у насъ употреблять его въ дѣло.

Газета Павлова (1) принята дурно, такъ что уже и жаль его. Не даютъ слова выговорить. Чичеринъ подвергается ругательствамъ безпрерывнымъ (2).

Радъ больше всего, что ты спокоенъ духомъ и бодръ. Это главное. А прочее все перемелится, какъ говаривалъ намъ часто Пушкинъ, и будетъ мука. Правда возметъ свое. Неужели труды наши, неусыпные и чистые, пропадутъ даромъ? Никакъ, я твердо въ томъ увѣренъ, и работаю съ жаромъ первой молодости. Написалъ большое изслѣдованіе о Сперанскомъ, въ антръ-актахъ между главами Исторіи пишу по временамъ педагогическія замѣтки. А никто не спрашиваетъ. Кто и упоминаетъ, то развѣ для ругательства. Друзья хуже еще враговъ. Но все перетерпимъ. Если успѣю кончить и успокоюсь духомъ, то можетъ быть соберусь за границу, что̀ нужно и для Софіи Ивановны **). Расходовъ у меня тьма. Братъ оставилъ на рукахъ двухъ племянниковъ, да двоюродныхъ куча. Извольте оборачиваться! Я по-

---

*) „Голосъ“.

**) Второй супруги М. П. Погодина. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

ложилъ значительную часть капитала въ заводъ мѣдный, устроиваемый Вагнеромъ, братомъ покойной Елисаветы Васильевны*). Если заводъ пойдетъ такъ, какъ обѣщаетъ Вагнеръ, оставившій для меня службу и мѣсто почти губернаторское, то я съ семействомъ обезпеченъ, и тебѣ готовъ буду служить, чѣмъ хочешь, ибо всегда одинаково смотрѣлъ на тебя и твое, какъ на самое близкое. А ты увлекался, но не сердцемъ и сущностью, которыя прекрасны, а внѣшнимъ своимъ потокомъ, который самому тебѣ причинилъ вреда больше всего. Еслибъ слушалъ меня съ самаго начала, скажу смѣло, было бы лучше. Но прошедшее пусть омывается слезами, какъ говорилъ тотъ же Пушкинъ, а будемъ думать о настоящемъ и будущемъ. Испытанія посланы всѣмъ намъ. Кому что̀.

Одоевскій переѣзжаетъ въ Москву сенаторомъ, отказавшись отъ всѣхъ мѣстъ въ Петербургѣ. Титовъ проѣзжалъ чрезъ Москву, но я не видалъ его. Въ Университетѣ ералашъ. Толкуютъ о преобразованіи въ цензурѣ, но едва ли будетъ толкъ. Москва, говорятъ, деревня въ сравненіи съ Петербургомъ. Тамъ идетъ броженіе великое.

Къ Трубецкому **) пишу головомытіе.

1) Газета *Наше Время* издавалась Н. Ф. Павловымъ съ 17 Января 1860 года.

2) Бориса Чичерина „ругали“ журналисты, но его любили и уважали студенты Московскаго университета, не смотря на то, что онъ не льстилъ студентамъ, а имѣлъ мужество и благородство въ самый разгаръ страстей политическихъ говорить имъ: „Повиновеніе закону! Вотъ первое требованіе правды, первый признакъ гражданственности, первое условіе свободы. Свобода анархическая—преддверіе деспотизма. Свобода, подчиняющаяся закону, одна можетъ установить прочный порядокъ. Не думайте притомъ, чтобы повиновеніе закону ограничивалось одними хорошими законами. Еслибъ всякій сталъ исполнять только тѣ законы, которые онъ считаетъ хорошими, то было бы полное господство анархіи“. Или: „Въ стѣны этого зданія, посвященнаго наукѣ, не долженъ проникать шумъ страстей, волнующихъ внѣшнее общество. Здѣсь мы должны, углубляясь въ себя, въ тишинѣ готовиться на жизненное дѣло или на полезное поученіе. Для васъ время дѣятельности, борьбы, страстнаго участія въ общественныхъ вопросахъ, придетъ своимъ чередомъ. На долгой предстоящей вамъ житейской дорогѣ вы успѣете утомиться житейскими заботами, и тогда вы съ сожалѣніемъ вспомните о той порѣ, когда вамъ дана была возможность съ несокрушенными силами, съ непоблекшими надеждами посвящать себя спокойному и безкорыстному труду. Призванный къ жизни и дѣятельности человѣкъ долженъ дорожить тѣми рѣдкими минутами, когда онъ можетъ собираться внутри себя и устремлять свои взоры на близкій душѣ

*) Первой супруги М. П. Погодина.

**) Жившему подъ Парижемъ князю Николаю Ивановичу. Шевыревъ находился тогда въ Парижѣ. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

его идеалъ. Идеалъ этотъ для насъ наука, во имя которой мы собрались здѣсь". Ругательства, которымъ подвергался тогда Б. Н. Чичеринъ, объясняются слѣдующимъ. Осенью 1857 года Чичеринъ посѣтилъ Герцена въ Лондонѣ и вывезъ оттуда далеко не похвальный для себя листъ:

„Съ первыхъ дней", пишетъ Герценъ, „начался споръ, по которому ясно было, что мы *расходимся во всемъ*... Онъ въ императорствѣ видѣлъ воспитаніе народа и проповѣдывалъ сильное государство и ничтожность лица передъ нимъ. Можно понять, что́ были эти мысли въ приложеніи къ Русскому. Онъ былъ гувернементалистъ, считалъ правительство гораздо выше общества и его стремленій, и принималъ императрицу Екатерину II почти за идеалъ того, что̀ надобно Россіи. Все это ученіе шло у него изъ цѣлаго догматическаго построенія, изъ котораго онъ могъ всегда и тотчасъ выводить свою философію бюрократіи. Зачѣмъ вы хотите быть профессоромъ? спрашивалъ я его, и ищете каѳедры?— Вы должны быть министромъ и искать портфель... Разстались *не согласные*, ни въ чемъ.—Замѣчанія сдѣланныя въ *Колоколѣ* о доктринерахъ вообще онъ принялъ на свой счетъ; самолюбіе было задѣто, и онъ мнѣ прислалъ свой *обвинительный актъ*.... Чичеринъ кампанію потерялъ, въ этомъ для меня нѣтъ сомнѣнія. Взрывъ негодованія, вызванный его письмомъ, напечатаннымъ въ *Колоколѣ*, былъ общимъ въ молодомъ обществѣ, въ литературныхъ кругахъ. Я получилъ десятки статей и писемъ. Мы еще шли тогда въ восходящемъ пути... Сухо-оскорбительный, дерзко-гладкій тонъ возмутилъ, можетъ, больше содержанія, и меня, и публику одинакимъ образомъ: онъ былъ еще новъ тогда".

Теперь намъ вполнѣ ясна причина „ругательствъ", которыми осыпали въ то время Б. Н. Чичерина.

XXII.

Августа 3 (15) 1862.

Вотъ я воротился съ Урала, проѣхалъ по Волгѣ и Камѣ, потомъ по восточному склону отъ Верхотурья до Екатеринбурга. Заводскія дѣла нашелъ въ отличномъ положеніи, но доходовъ (большихъ) надо ждать еще годъ. Потерпимъ!

О результатѣ коммиссій слѣдственныхъ ничего неизвѣстно. По народному просвѣщенію одни проекты, а умнаго ничего нѣтъ. Головнина ругаютъ всѣ на повалъ. Журналы поднялись (Катковъ и Павловъ) на Герцена (1); но есть статьи и за него. Я занимаюсь Мстиславомъ и Ярополкомъ и надѣюсь вскорѣ приступить къ печатанію. Богъ съ ними! Насильно милъ не будешь. Учреждаются попечительства: Саратовское и Вологодское. Въ Казань назначенъ попечителемъ Стендеръ, въ Кіевъ—Витте. Слыхалъ ли ты эти имена? Зачѣмъ ты нанялъ домъ на три года? За три дня теперь ручаться нельзя. День прошелъ и до насъ дошелъ! «Петербургскія Вѣдомости» взялъ на арен-

Библиотека "Руниверс"

ду Коршъ. Московскія беретъ партія словеснаго факультета. Бодянскій ярится (2). Краевскій издаетъ «Голосъ». А лучшая изъ литературныхъ новостей—это переводъ Берга: «Панъ Тадеушъ», превосходный. Бергъ укатилъ въ Іерусалимъ.

Одоевскій здѣсь, но я по пріѣздѣ еще не видалъ его.

А что было со мною въ дорогѣ! Жизнь подвергалась опасности, и я писалъ завѣщаніе. Слава Богу—все прошло, духъ мой совершенно покоенъ, и я не знаю, какъ благодарить Бога!

1) Въ Русскомъ Вѣстникѣ 1862 года читаемъ: „....Онъ забылъ, что его писанія расходятся по свѣту, что самъ же онъ принимаетъ дѣятельныя мѣры къ распространенію ихъ; что они, какъ запрещенная вещь, читаются съ жадностію, и какъ запрещенная вещь не встрѣчаютъ себѣ никакого отпора въ беззащитныхъ, незрѣлыхъ и разстроенныхъ умахъ, и увлекаютъ ихъ къ подражанію,—и эти люди дѣлаютъ у себя на родинѣ то самое что дѣлаетъ онъ въ Лондонѣ; только онъ дѣлаетъ это комфортабельно и спокойно, сыто и весело, а они подвергаются безумной опасности и попадаютъ на каторгу. Онъ не пойдетъ въ Сибирь, но за то онъ будетъ встрѣчать и провожать рукоплесканіями этихъ бѣдныхъ актеровъ, которые разыгрываютъ его штуки на родинѣ; онъ будетъ съ озлобленіемъ шикать на тѣхъ, кто попытается образумить ихъ отрезвляющимъ словомъ..... Вотъ образщикъ, который вполнѣ обрисовываетъ человѣка... Въ Петербургѣ и въ Москвѣ разбрасывались прокламаціи, подъ заглавіемъ *Молодая Россія*. Здѣсь требуется ни болѣе ни менѣе какъ признать несуществующимъ Бога, затѣмъ уничтожить бракъ и семейство, уничтожить права собственности, открыть общественныя мастерскія и общественныя лавки, достигнуть всего этого путемъ самаго обильнаго кровопусканія, какого еще нигдѣ не бывало, и забрать крѣпко власть въ свои руки. Лондонскій представитель Русской Земли написалъ объ этомъ произведеніи статью и, признаемся, статью эту читали мы съ несравненно бо́льшимъ омерзѣніемъ чѣмъ прокламацію. Тамъ просто дикое сумасбродство; а тутъ видите вы старую блудницу, которая вышла плясать передъ публикой.... Онъ отечески журитъ *Молодую Россію* только за двѣ ошибки,—во первыхъ что она одѣта не по русски, а болѣе по французски; во вторыхъ, что она появилась не кстати, тѣмъ болѣе что вскорѣ случились пожары. Онъ вразумляетъ нашихъ Шиллеровъ съ примѣсью Бабёфа, чтобъ они были попрактичнѣе и не прибѣгали къ Французской декламаціи и къ формуламъ соціализма Бланки. Противъ основаній ихъ программы онъ ни слова не говоритъ, но находитъ, что *революціонныя ученія Запада должны быть переложены на Русскіе нравы*, въ чемъ, конечно, онъ и подсобитъ имъ“. (Т. XXXIX, 834—852).

Князю П. А. Вяземскому говорилъ Бунсенъ, бывшій долгое время Прусскимъ посланникомъ въ Лондонѣ, что „Герценъ съ своею пропагандою и съ своимъ журналомъ не пользовался въ Лондонѣ не только уваженіемъ, но даже и извѣстностью“ (VIII, 243—244); а Шевыревъ писалъ Погодину изъ Флоренціи (отъ 6 Ноября 1860 г.): „Въ числѣ газетъ я видѣлъ у Вьесе *Колоколъ*. Какъ отличается онъ между Западными Европейскими журналами, и какъ отдѣляется отъ спокойныхъ, благородныхъ и истинно-свободныхъ Италіянскихъ. Такъ и видишь Русскаго кнутобоя. Нѣтъ, не совершится наше возрожденіе такими

Библиотека "Руниверс"

средствами! Кнутъ, хотя изъ слова свитый, все тотъ же кнутъ—и еще хуже и гаже, а у насъ теперь имъ только и помахиваютъ газеты и журналы на всю Россію. Вотъ что надобно отразить и обличить всего болѣе своимъ собственнымъ духомъ и образомъ дѣйствій" („Воспоминанія", стр. 32).

2) О. М. Бодянскій управлялъ университетскою типографіею и жилъ въ домѣ типографіи на Страстномъ бульварѣ. Новыхъ арендаторовъ допустилъ онъ въ домъ и въ типографію только въ самый моментъ (т.-е. въ полночь) наступленія 1 Января 1863 года. Объ этомъ происшествіи мы имѣемъ живое описаніе очевидца, А. В. Зименко, бывшаго въ то время секретаремъ редакціи „Русскаго Вѣстника" и „Московскихъ Вѣдомостей". Приводимъ отрывокъ изъ его Записокъ, доселѣ неизданныхъ.

Изъ записокъ А. В. Зименко.

„Въ Декабрѣ 1862 года, я возвратился въ Москву изъ Калужской губерніи, гдѣ я прожилъ около полугода. Тихая, уединенная жизнь, чуждая житейскихъ заботъ и треволненій, сдѣлала меня апатичнымъ ко всему окружающему меня міру: политикой я не интересовался; событія совершавшіяся въ отечествѣ нашемъ меня не занимали, такъ что я оставался въ полнѣйшемъ невѣдѣніи о томъ, что̀ творится на бѣломъ свѣтѣ. Все развлеченіе мое составляли охота съ ружьемъ и уженье. Впрочемъ бывали часы, когда, для освѣженья ума и сердца, я перечитывалъ переводные романы Дюма и Поля Феваля, или разрозненныя книжки журналовъ 50-хъ годовъ, случайно сохранившіяся въ запыленномъ шкафѣ моего пустыннаго обиталища. Но вотъ наступилъ конецъ моего добровольнаго отчужденія отъ свѣта, моей затворнической жизни, какую велъ я въ эти шесть мѣсяцевъ. Снова очутился я въ Москвѣ, въ центрѣ движенья и жизни, въ кругу дорогихъ и милыхъ мнѣ лицъ, недоумѣвавшихъ, что̀ со мною стало, живъ ли я и куда исчезъ, такъ какъ во все время моего пребыванія въ деревнѣ, по разнымъ причинамъ, я ни съ кѣмъ не переписывался и стало быть ни я о моихъ друзьяхъ, ни они обо мнѣ не имѣли никакихъ извѣстій.

Сгарая нетерпѣніемъ поскорѣе узнать новости, занимавшія тогда Московскій міръ, я немедленно, по пріѣздѣ въ Москву, отправился къ моему короткому пріятелю Григорію Павловичу Ѳедченко, который, вращаясь постоянно въ литературномъ кругу, зналъ, чѣмъ въ данное время интересуется общество и какіе вопросы составляютъ предметъ его толковъ и сужденій. Къ нему-то я и поспѣшилъ явиться, въ полной увѣренности, что онъ удовлетворитъ мое любопытство.

— Здравствуй, сказалъ онъ, съ обычнымъ радушіемъ пожимая мнѣ руку. Здравствуй! Что тебя давно не видать нигдѣ! Я все собирался провѣдать тебя, да признаться, некогда... лекціи.. а главное статья, которою я сильно занятъ и спѣшу кончить ее для „Русскаго Вѣстника".

— И хорошо сдѣлалъ, что не провѣдалъ: меня не было въ Москвѣ.

— А, вотъ оно что... такъ ты значитъ ничего и не знаешь, что̀ здѣсь творится?

— Ничего не знаю... разскажи, сдѣлай милость.

Библиотека "Руниверс"

— Разскажу... Курьезную штуку разскажу. Нашъ Осипъ Максимовичъ такія колѣнца выкидываетъ, что чудеса, да и только. Вчера на вечерѣ у Мих. Петр. Погодина немало дивились необычайной стойкости, энергіи и твердости его характера...

Говорили, что онъ „аки левъ рыкающій", разъяренъ необычайно. Архихохломъ его называли: до такой степени онъ сталъ упрямъ и настойчивъ.

— Но постой, ради Бога! О какомъ Осипѣ Максимовичѣ ты говоришь? Да и кому интересно знать, какой у него характеръ, упрямъ онъ или нѣтъ... Ты говори толкомъ.

— Ахъ, да!.. Вѣдь я все забываю, что ты еще ничего не знаешь. Я говорю объ Осипѣ Максимовичѣ Бодянскомъ.

— Что же такое онъ сдѣлалъ?

— Курьезныя, мой другъ, штуки выкидываетъ онъ теперь... потѣха да и только!

— Мнѣ кажется Осипъ Максимовичъ слишкомъ серьезный человѣкъ и едва ли можетъ изображать изъ себя субъекта способнаго на курьезныя штуки.

— Ты прежде выслушай, а потомъ уже суди и говори. Дѣло вотъ въ чемъ. Михаилъ Никифоровичъ Катковъ взялъ Университетскую типографію и „Московскія Вѣдомости" въ арендное содержаніе. Кажется на прошедшей недѣлѣ имъ уже заключенъ съ Университетскимъ Правленіемъ контрактъ, въ силу коего съ 1 Января 1863 года и типографія, и „Московскія Вѣдомости" поступаютъ въ полное его распоряженіе. Сегодня у насъ 21 число. Михаилу Никифоровичу, разумѣется, хочется скорѣе перебраться въ свое новое помѣщеніе, дабы привести въ ясность дѣла прежней редакціи, открыть подписку на газету и выпустить первый нумеръ газеты непремѣнно 1-го Января. Желаніе, кажется, естественное и законное. Но увы! осуществленіе желанія Михаила Никифоровича встрѣтило неожиданныя и непреодолимыя препятствія въ лицѣ Осипа Максимовича Бодянскаго. Въ качествѣ управляющаго университетскою типографіею и завѣдующаго хозяйственною частью по изданію газеты, онъ не хочетъ сдавать дѣлъ теперь и говоритъ, что сдастъ ихъ новой редакціи не ранѣе 12 часовъ ночи 31 Декабря сего года. Ни просьбы, ни убѣжденія Каткова не дѣйствовали на Осипа Максимовича; онъ уперся на одномъ: „Я привыкъ исполнять свои обязанности свято. Мои обязанности относительно типографіи и газеты кончаются 1 Января, а потому ранѣе этого времени я дѣлъ не передамъ. Это мое послѣднее слово".

— Неужели же Павелъ Михайловичъ Леонтьевъ не могъ поколебать его упорства? Вѣдь онъ, помнится мнѣ, былъ всегда съ нимъ въ хорошихъ отношеніяхъ.

— Даже и Павелъ Михайловичъ, воскликнулъ Ѳедченко, разводя руками. Битый часъ онъ толковалъ съ нимъ, и все напрасно. Вѣдь ты знаешь необычайное терпѣніе и сдержанность Павла Михайловича... Ну такъ представь себѣ, что Осипъ Максимовичъ даже и его сумѣлъ вывести изъ терпѣнія... По крайней мѣрѣ послѣ свиданія съ Бодянскимъ, онъ былъ очень взволнованъ и разстроенъ... Такъ вотъ каковъ нашъ Осипъ Максимовичъ!

Библиотека "Руниверс"

— Но чѣмъ объясняютъ этотъ дикій поступокъ? Можетъ быть, у него вышла какая нибудь размолвка съ Катковымъ. По крайней мѣрѣ въ бытность мою секретаремъ „Русскаго Вѣстника“ мнѣ не разъ отъ имени редакціи приходилось по нѣкоторымъ вопросамъ объясняться съ Осипомъ Максимовичемъ, и онъ всегда любезно исполнялъ желанія Михаила Никифоровича. Что же такое случилось теперь?

— Какъ ты не понимаешь самой простой вещи! проговорилъ Ѳедченко, приподнимая плечи и вопросительно смотря на меня черезъ очки,—вѣдь онъ былъ полнымъ хозяиномъ типографіи, гдѣ, кромѣ газеты, печатается много другихъ изданій. Къ тому же онъ имѣлъ казенную квартиру съ отопленіемъ и освѣщеніемъ и разное другое, что̀ теперь ускользаетъ изъ его крѣпкой десницы. Все это вѣдь досадно; ну, онъ теперь и рычитъ и старается всѣми силами напакостить виновникамъ его перемѣны въ жизни.

— Да, значитъ, у новой редакціи теперь хлопотъ, какъ говорится, полонъ ротъ.

— Да таки много. А вотъ что, ты скажи мнѣ, ты теперь свободенъ?

— Совершенно свободенъ и хотѣлось бы снова пристроиться въ редакцію къ Михаилу Никифоровичу.

— Зачѣмъ же дѣло стало? Побывай у него, тѣмъ болѣе, что какъ-то на дняхъ онъ спрашивалъ о тебѣ.

— Очень радъ. Завтра же явлюсь къ нему.

— Отправляйся, отправляйся... тѣмъ болѣе ты вѣдь такой восторженный почитатель Каткова. Вѣдь недаромъ же прозвали тебя *Катковщиной*!

— Чтожъ! Я горжусь этимъ прозвищемъ.

На другой день я отправился къ Михаилу Никифоровичу.

— Очень радъ, что вы пріѣхали, сказалъ Катковъ. Вы намъ теперь очень нужны, а потому прошу васъ немедленно заняться дѣлами редакціи какъ по „Русскому Вѣстнику“, такъ и „Московскимъ Вѣдомостямъ“. Поѣзжайте на прежнюю квартиру нашу и распорядитесь перевозкой сюда всѣхъ дѣлъ и бумагъ. Но до этого я попросилъ бы васъ повидаться съ Бодянскимъ и переговорить съ нимъ о выдачѣ намъ хоть только тѣхъ дѣлъ, которыя касаются собственнаго изданія газеты, т.-е. подписки, перемѣны адресовъ и проч. Авось вы будете счастливѣе насъ съ Павломъ Михаиловичемъ. Вѣроятно вы слышали, какъ онъ стѣсняетъ насъ.

— Да, Ѳедченко мнѣ разсказывалъ и даже довольно подробно.

— Да, онъ знаетъ объ этомъ дѣлѣ.... Стало-быть мнѣ вамъ объяснять нечего.

Я всталъ и откланялся Михаилу Никифоровичу.

Такъ какъ Бодянскій еще не оставлялъ занимаемаго имъ помѣщенія въ домѣ Университетской типографіи (хотя всѣ вещи его уже были перевезены на другую *наемную* квартиру), то мнѣ стоило только перейдти дворъ, чтобы достигнуть его апартамента. Съ трепетомъ, поминая „Царя Давида и всю кротость его“, я переступилъ порогъ его опустѣлой квартиры. Во всѣхъ комнатахъ двери были растворены настежъ. Въ кабинетѣ, гдѣ онъ принялъ меня, стояла кушетка съ двумя подушками (изъ коихъ одна вышитая гарусомъ), большое, въ родѣ Вольтеровскаго, кресло, въ которомъ возсѣдалъ самъ хо-

Библиотека "Руниверс"

зяинъ, небольшой письменный столъ съ находящимся на немъ зеркаломъ, бумагами и какою-то толстою въ старомъ кожаномъ переплетѣ книгою. У стѣны стояли два стула—вотъ и все убранство его кабинета. Въ сосѣдней комнатѣ, въ широко-растворенную дверь, я запримѣтилъ большой, простой, деревянный столъ, заваленный связками конторскихъ книгъ, кипами бумагъ и проч. Это-то и были тѣ дѣла и документы, которые подлежали передачѣ новой редакціи и о которыхъ шли и велись такіе оживленные переговоры.

— Милости прошу садиться, сказалъ Бодянскій, придвигая стулъ къ своему столу. Чѣмъ могу служить вамъ? прибавилъ онъ, взглянувъ на меня съ остервененіемъ.

— Я къ вамъ, Іосифъ Максимовичъ (онъ не любилъ, когда его называли Осипъ), по порученію Михаила Никифоровича Каткова.

— Это на счетъ чего же? спросилъ онъ, нахмуривъ брови.

— Просить, чтобы вы были такъ добры, распорядились теперь же передачею всѣхъ дѣлъ новой редакціи... Дальнѣйшая задержка можетъ повліять на выходъ газеты вдвремя, а это въ свою очередь неблагопріятно отразится на подпискѣ. Михаилу Никифоровичу желательно выпустить первый нумеръ 1-го Января, а это почти невозможно, если вы не передадите намъ дѣлъ и...

— Ну такъ что жъ такое, если газета и не выйдетъ 1-го числа!

— Да, это ваше мнѣніе, Іосифъ Максимовичъ; но публика судитъ иначе... Ей никакого дѣла нѣтъ до причинъ, замедлившихъ выходъ газеты; она вправѣ требовать и требуетъ, чтобы...

— Полноте, батенька мой, полноте, сказалъ онъ, снова перебивая рѣчь мою; я самъ очень хорошо знаю всѣ эти исторіи.... Все это одни пустыя слова... Но все равно, я ни для кого и ни за что не отступлю отъ своихъ правилъ... Чего я не могу сдѣлать, того не сдѣлаю: долгъ, обязанности службы для меня выше всего... По крайней мѣрѣ въ моей жизни я ни для дружбы, ни для родства или кумовства отъ своихъ правилъ не отступалъ, тѣмъ паче въ ущербъ казеннымъ интересамъ.

— Помилуйте, Іосифъ Максимовичъ! Какимъ же образомъ могутъ тутъ страдать казенные интересы? Они здѣсь ни причемъ. Если отъ вашего нежеланія передать намъ поскорѣе дѣла и пострадаютъ интересы, то вовсе не казны, а Михаила Никифоровича, да пожалуй и самихъ подписчиковъ. Согласитесь, что для редакціи не совсѣмъ пріятно на первыхъ же порахъ зарекомендовать себя неаккуратнымъ исполненіемъ принятыхъ ею на себя обязательствъ.

— Все это такъ, батенька; а я не могу, положительно не могу.... Я привыкъ слово свое считать для себя закономъ. Я увѣренъ, что Михаилъ Никифоровичъ на моемъ мѣстѣ поступилъ бы также: въ угоду другимъ онъ тоже не уклонился бы отъ исполненія своихъ обязанностей.

— Совершенно вѣрно, что въ угоду другимъ Михаилъ Никифоровичъ не уклонится отъ своихъ обязанностей. Но взглядъ на обязанности бываетъ не у всѣхъ одинаковъ. Такъ напримѣръ то, что вы считаете исполненіемъ своихъ обязанностей, онъ, да и не онъ одинъ, а всѣ благомыслящіе люди, считаютъ вздоромъ, а настойчивость, съ какою вы преслѣдуете вашъ принципъ—называютъ прижимкою, т.-е. желаніемъ сдѣлать все непріятное почтеннымъ редакторамъ „Московскихъ Вѣдомостей“.

Библиотека "Руниверс"

— А вы, батенька мой, слишкомъ молоды, чтобы говорить мнѣ такія вещи и учить меня... Я давно ученъ, да и другихъ учу.... Передайте г-ну Каткову, что какъ я сказалъ, такъ и сдѣлаю. Ранѣе назначеннаго мною времени я отсюда не уѣду и дѣлъ раньше тоже не передамъ. Такъ и скажите.

Онъ всталъ; я послѣдовалъ его примѣру. Онъ весьма сухо поклонился мнѣ и мы разстались.

Я тотчасъ же передалъ печальный результатъ моего свиданія съ Бодянскимъ.

— Дѣлать нечего, будемъ ждать... проговорилъ Катковъ послѣ минутнаго молчанія. Займитесь же теперь, о чемъ я просилъ васъ. Когда перевезете сюда дѣла, которыя остались па прежней квартирѣ, займитесь пріемомъ подписки; если не справитесь одни, пригласите кого-нибудь изъ корректоровъ.

Вечеромъ того же дня мы принялись за работу. Масса подписчиковъ осаждала контору вплоть до 11 часовъ ночи. По закрытіи подписки мы работали всю ночь, вписывая въ книгу адресы, провѣряя деньги и проч., причемъ многія жалобы и вопросы подписчиковъ оставлялись не удовлетворенными и не разъясненными за неимѣніемъ для провѣрки ихъ книгъ и документовъ, находившихся у Бодянскаго.

Наконецъ, наступилъ желанный нами срокъ. Ровно въ 12 часовъ ночи 31 Декабря 1862 года старшій корректоръ объявилъ намъ, что г. Бодянскій выѣхалъ изъ квартиры, и что книги и документы находятся въ комнатѣ, запертой на ключъ, который тутъ же и былъ врученъ Павлу Михайловичу Леонтьеву.

Послѣдствіемъ всѣхъ этихъ передрягъ было то, что, не смотря на всѣ усилія и хлопоты, первый нумеръ „Московскихъ Вѣдомостей", 1863 г. вышелъ только 3 Января около полудня, къ немалому неудовольствію и ропоту подписчиковъ, съ ранняго утра осаждавшихъ контору редакціи съ требованіемъ газеты.

Иногороднымъ подписчикамъ „Московскія Вѣдомости" разосланы были лишь на другой день. (Сообщилъ А. В. Зименко).

XXIII.

1862. Сентября 18 (30).

Тебѣ данъ орденъ Владимира 3-ей степени, въ день тысячелѣтія. Но вѣдь онъ у тебя былъ уже, кажется. Мнѣ также вмѣстѣ съ Славянскими учеными.

Катковъ взялъ «Московскія Вѣдомости» въ аренду съ типографіей за 74 т. р. с. Лешковъ отъ меня давалъ за Вѣдомости 60 т. р. с., Бабстъ къ Капустинымъ 65, а Катковъ съ Леонтьевымъ 74.

У меня на этой недѣлѣ въ домѣ жило 30 человѣкъ. Собрались всѣ дѣти съ внучатами. Можешь судить, каково иногда мнѣ приходится; но это все ничего, лишь бы выручилъ заводъ.

Библиотека "Руниверс"

Приписка И. М Снегирева: «Отъ всей души вамъ преданный, поздравляю васъ съ царскою милостію, въ которой я вижу Божію къ вамъ милость. Всѣ любящіе и уважающіе васъ радуются этому. Недавно я съ удовольствіемъ прочелъ въ журналѣ М. Н. П. справедливый отзывъ о вашихъ литературныхъ трудахъ. Думаю, что вы не оставите ихъ и на берегахъ Сены и подарите нашу литературу новымъ произведеніемъ, и тамъ вѣрно вспомните о юбилеѣ 1812 г.».

«Въ кабинетѣ у М. П. Погодина, 18 Сент. 1862 г.».

Къ этой припискѣ М. П. Погодинъ сдѣлалъ замѣчаніе: «На двухъ недѣляхъ обѣдаетъ у меня четвертый разъ. Вотъ какой! Не понимаю, что̀ это значитъ. Можетъ быть, что несчастному одному оставленному скучно».

XXIV.

Сентября 18 (30) 1862.

Туча, несшаяся надъ тобою, пронеслась, слава Богу, мимо, благодаря добрымъ людямъ. Вообрази себѣ: Родзевичъ, правитель канцеляріи генералъ-губернатора, присылаетъ ко мнѣ чиновника показать длинную бумагу, въ которой министръ внутреннихъ дѣлъ рѣшительно отказывается ходатайствовать о паспортѣ Петрушѣ *) и приводитъ десятъ причинъ изъ Свода Законовъ. Я перепугался, потому что въ тоже время имѣлъ извѣстія о твоей болѣзни. Написалъ письмо къ Родзевичу, прося его остановить исполненіе, и въ тоже время написалъ Толстому Д. Н., директору департамента полиціи исполнительной, прося его передать Валуеву причины. Вчера получилъ отъ Толстаго отвѣтъ, что выдать паспортъ Государемъ разрѣшено; а черезъ годъ паспортъ выдается уже безъ затрудненія, какъ 18-лѣтнему. Поблагодари же ты тотчасъ Толстаго и Родзевича (Игнатія Михайловича) за ихъ участіе.

XXV.

1863. Января 6 (18). Москва.

...Вчера пріобщался Святыхъ Таинъ, вслѣдствіе сна, давно мною видѣннаго и намекавшаго мнѣ, какъ тогда показалось, что я долженъ разстаться съ жизнію 5 Января. Съ тѣхъ поръ я всегда въ этотъ день исполняю нашъ христіанскій долгъ. Пока еще я живъ, и въ нынѣшнемъ году идетъ мнѣ также 63-й годъ значительный по ученію

---

*) Второму сыну С. П. Шевырева Петру Степановичу, жившему съ родителями въ Парижѣ и обучавшемуся въ тамошней Политехнической Школѣ. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

мудрецовъ (7×9—63). Но что Богу угодно, то и будетъ. Станемъ молиться и предаваться Его волѣ.

Былъ въ Москвѣ Государь. Къ нему пріѣзжали министры, и между ними Головнинъ, который удостоилъ посѣщеніемъ и меня. Я тотчасъ, послѣ привѣтствія, сказалъ ему, что лучше всѣхъ его путешественниковъ ты исполнилъ бы его порученія касательно знакомства съ учебными заведеніями и вѣрно не отказался бы исполнить его просьбу. Онъ отвѣчалъ, что на эту пору не имѣетъ лишнихъ суммъ, но при первой возможности воспользуется это мыслію (1). Потомъ говорилъ ему о Максимовичѣ, которому слѣдуетъ поручить отъ Географическаго Общества изслѣдованіе о границахъ нарѣчій Малоросс. и Великоросс. Отвѣчалъ, что обществомъ избраны Кояловичъ и Гильфердингъ. Противъ этого выбора сказать нельзя, и если Кояловичъ знаетъ Бѣлоруссію, а Гильфердингъ—Литву, то Малороссія все таки извѣстнѣе всѣхъ Максимовичу (2). Потомъ разсказалъ онъ о проектѣ цензуры, и только. Никакихъ основательныхъ надеждъ нѣтъ: одни планы на бумагѣ. Дѣло не знакомо и распоряженія, назначенія, одно другаго хуже и неудачнѣе.

Теперь о пребываніи царской фамиліи въ Москвѣ. Государь и Государыня оставили впечатлѣніе благопріятное. Очевидно, они хотѣли всѣхъ обласкать и удовлетворить. Меня спросила Государыня: тамъ ли я живу, гдѣ она была у меня, на Дѣвичьемъ полѣ? А Государь сказалъ, что былъ въ моемъ сосѣдствѣ наканунѣ (3).

Ну, братъ, не пришлось кончить письма: сейчасъ получилъ извѣстіе, что заводъ нашъ сгорѣлъ 15 Декабря. Благодарю Бога, что остаюсь совершенно твердымъ и спокойнымъ, а дѣти получатъ сильный урокъ, что надо надѣяться на себя и на свой трудъ. Подробностей мало. Во всякомъ случаѣ, кромѣ убытка, остановка работъ и выручки на годъ, и оборотнаго капитала-то гдѣ взять? Утро вечера мудренѣе. Иду спать. Товарищъ въ заводѣ капиталистъ Пастуховъ, что̀ онъ скажетъ?

1) „Правительство“, писалъ Шевыревъ Погодину, „не признаетъ меня нужнымъ. Головнинъ не отвѣчалъ тебѣ ни слова на твои указанія на меня. Мнѣ также онъ не отвѣчалъ на мое письмо... Не знаю, что̀ будетъ. Какъ бы то ни было, отъ дѣятельности не отказываюсь, лишь бы Богъ силъ не отнялъ. Люди—люди. Надобно быть выше ихъ мелочей и пристрастій. Я хотѣлъ покоя и средствъ, чтобы докончить Исторію Русской Словесности. Но, видно, не угодно Богу. Уварова нѣтъ, Протасова также. Помочь некому“. („Воспоминанія“, стр. 50).

2) Объ этомъ Погодинъ писалъ также Максимовичу: „Я говорилъ о путешествіи для тебя, по старому плану, съ Головнинымъ и членами Географическаго Общества. Какъ ты думаешь?“ (Пономаревъ, стр. 12). Князь П. А. Вяземскій писалъ къ Максимовичу: „Сердечно я радъ, что вамъ удалось съ

Библиотека "Руниверс"

вами перекликнуться, намъ—старымъ часовымъ, забытымъ въ своихъ сторожкахъ. Скажите ради Бога, какъ это сдѣлалось, что перерой весь адресъ календарь, а имени вашего не сыщешь! Неужели вы нигдѣ не числитесь, ни къ чему не прикрѣплены и проч., и проч.? Да вы, стало быть, единственное исключеніе, парія въ нашей разграфированной, департаментальной, комитетской, прикомандированной и такъ далѣе, мундирной Россіи. Это чего нибудь да стоитъ. Здравствуйте и бодрствуйте. Давно и неизмѣнно вамъ преданный. Вяземскій" (Пономаревъ, „Отчетъ о дѣятельности Втораго Отдѣленія" за 1878 г., стр. 171).

3) Императрица Марія Александровна, будучи цесаревною, удостоила своимъ посѣщеніемъ Погодинское Древлехранилище, которое въ то время помѣщалось на Дѣвичьемъ полѣ, въ домѣ владѣльца. Кромѣ нея Погодина удостоили своимъ посѣщеніемъ: Императоръ Александръ Николаевичъ, будучи наслѣдникомъ цесаревичемъ, великій князь Константинъ Николаевичъ и королева Виртембергская (тогда великая княжна) Ольга Николаевна.

XXVI.

1863 Января 29 ст. ст. Москва.

Послѣднее письмо мое оборвалось на тяжеломъ извѣстіи, любезнѣйшій Степанъ Петровичъ. Какъ быть! Вѣкъ прожить — не поле перейти. Слава Богу, что я довольно спокоенъ. Жить осталось уже меньше гораздо, чѣмъ прожито. Кое-какъ дотянемъ лямку, думая больше всего и заботясь объ единомъ на потребу.

«Князь Серебряный» написанъ какъ будто près du théâtre de Saint-Martin. Есть страницы, черты хорошія и живыя; но въ цѣломъ нѣтъ хозяйства, архитектуры, насыпано всякой всячины, и многое изуродовано. Много мелодраматическаго.

Былъ въ Петербургѣ хлопотать и просить о покровительствѣ и содѣйствіи заводу, которому мѣстное начальство, вмѣсто помощи, только что мѣшаетъ. Получилъ обѣщанія разныя, но какъ исполнятся онѣ—сомнительно.

Рядъ нашихъ знакомыхъ рѣдѣетъ, появляются новые дѣятели, которые смотрятъ на насъ скоса. Блудовъ слабѣетъ со всякимъ днемъ. Плетневъ боленъ, а былъ въ отчаянномъ положеніи. Въ Академіи больше и нѣтъ никого: Срезневскій, Гротъ. Былъ приглашенъ на обѣдъ къ Головнину—великолѣпный; а обѣдали: Старчевскій, Ѳеоктистовъ, Краевскій, Усовъ, Щебальскій, Шестаковъ (морякъ) и Ковалевскій (Егоръ). Это, говорятъ, поощреніе литературѣ!! О просвѣщеніи разговора не было. Попечителемъ въ Москву назначенъ Левшинъ, а Исаковъ—вмѣсто Ростовцева. Я отказался отъ предсѣдательства *), пото-

*) Въ Обществѣ Любителей Россійской Словесности.

Библиотека "Руниверс"

му что̀ Головнинъ не разрѣшилъ печатать Обществу безъ цензуры что̀ разрѣшено Историческому Обществу (медаль перевернулась), и онъ, вслѣдъ за моимъ отказомъ, присылаетъ пособія Обществу 3 т. р. с. на имя «бывшаго предсѣдателя». Члены прислали мнѣ адресъ; но я не рѣшился еще: согласиться ли на ихъ желаніе или нѣтъ.

Теперь выбираютъ въ Москвѣ голову. Профессора, владѣльцы домовъ, всѣ въ числѣ выборныхъ. Я также. Многіе думаютъ о Кошелевѣ. Напечатаны министерствомъ Народнаго Просвѣщенія два тома запрещенныхъ въ прошломъ году статей (часть тома занимаютъ статьи Ив. Аксакова). Я, кажется, не писалъ къ тебѣ, что остановилъ твои возраженія. Не стоитъ шевелить..... да уже статья и позабыта. Если же напомнить ее, то тотчасъ подхватятъ наши скандальные промышленники. Истина возметъ свое. Туманъ разсѣется. Журналы стали впрочемъ потише. «Московскими Вѣдомостями» всѣ недовольны: сухо и вяло, а шрифтъ отвращаетъ. Подписка вездѣ хуже. Цензура передана Министерству Внутреннихъ Дѣлъ. Головнинъ говорилъ мнѣ о твоей книгѣ, которую намѣренъ представить Государю (1). Объ немъ ничего не услыхалъ хорошаго: всѣ бранятъ.

Письмо вышло мозаическое; но голова у меня еще не установилась. Надо написать статью о Польшѣ.

Кандидатомъ въ головы Кошелевъ. У меня теперь собраніе бюстовъ писателей рѣдкое, а портретовъ 100.

«Серебрянаго» нѣтъ особеннаго *) Я послалъ записку къ редактору «Русскаго Вѣстника»: не угодно ли имъ будетъ послать старому своему профессору. Отвѣчали, что съ большимъ удовольствіемъ.

1) Шевыревъ послалъ министру Народнаго Просвѣщенія А. В. Головнину два экземпляра Исторіи Русской Словесности на Италіянскомъ языкѣ: одинъ для него, другой для поднесенія Государю („Воспоминанія“, стр. 50).

XXVII.

1863, Мая 3 (15).

...Соболѣзную твоимъ болѣзнямъ. Въ Вильдбадѣ прекрасное мѣсто, и я радъ, что ты отправляешься туда. Нѣкогда совѣтовалъ я это лѣченіе Августину Тьери... Что-то будетъ? Одушевленіе у насъ, слава Богу, порядочное. А что дѣлаютъ Поляки—просто ужасъ! Недавно со-

*) Т. е. въ отдѣльномъ изданіи.

Библиотека "Руниверс"

жгли Горки и разорили Горы-горѣцкій институтъ. Вмѣсто Назимова назначенъ Михаилъ Н. Муравьевъ; авось онъ возстановитъ порядокъ. Это его мѣсто. Сѣверная армія отдана подъ команду Муравьеву Ник. Ник., Кавказскому. Торговыя дѣла плохи. Но всходы отличные, и цѣны на хлѣбъ, на овесъ и проч. значительно упали. Дрова дешевы. Сообщеніе по желѣзнымъ дорогамъ идетъ очень хорошо. Изъ дому нашего понемногу убываетъ народу; а то, вообрази, что бывало по 30 человѣкъ. Дѣла по заводу все еще плохи.

Въ литературѣ романъ Писемскаго съ хорошими вещами противъ прогрессистовъ и нигилистовъ, стихотворенія Павловой и адресы. Адресъ Московскаго университета хуже всѣхъ, такъ что стыдно становится за упавшій уровень.

Читаю «Очерки» Буслаева. Тамъ есть хорошія вещи, больше чѣмъ ожидалъ.

Съ митрополитомъ Филаретомъ я сошелся любовно послѣ размолвки по поводу Троицкой дороги.

Въ *Русской Газетѣ* 1859 №№ 37—39 М. П. Погодинъ помѣстилъ статью подъ заглавіемъ: *Троицкая дорога*; въ 41 № помѣщено опроверженіе, въ которомъ между прочимъ сказано: „Статья эта возбудила много толковъ. Цѣну своихъ замѣтокъ Погодинъ ослабилъ тѣмъ, что старыя воспоминанія выдалъ за новыя впечатлѣнія и помѣстилъ много упрековъ въ такихъ недостаткахъ, которые не существуютъ". Чрезъ восемь лѣтъ послѣ того Погодинъ вмѣстѣ со Славянами посѣтилъ Лавру Преподобнаго Сергія. „Угощеніе было радушное и обильное. Самъ почтенный старецъ Антоній, послѣ чаю, обходилъ гостей и подчивалъ блинами съ икрою, монастырскимъ медомъ и квасомъ, въ серебряныхъ стопахъ. Я спросилъ его, простилъ ли онъ меня за статью о Троицкой дорогѣ. Давно, давно все позабыто, отвѣчалъ онъ съ добродушною улыбкою. Все таки и теперь замѣчу, что грубые солдаты съ красными воротниками производятъ непріятное впечатлѣніе въ церкви Св. Сергія: почему бы не одѣть ихъ иначе?" („Русскій" 1867, № 21—22, стр. 330). Н. Б. Извѣстный С. А. Масловъ (обыкновенно останавливавшійся въ Лаврѣ въ келіяхъ у самаго архимандрита и всегда во время разъѣздовъ своихъ носившій свою небольшую звѣзду Св. Станислава), также выражалъ Погодину свое неудовольствіе на его статью. „Да вамъ-то хорошо", Степанъ Алексѣевичъ, замѣтилъ ему Погодинъ: „вы вѣдь со звѣздою путешествуете". Въ этихъ словахъ намекъ и на духовное происхожденіе Маслова, и на его масонство (волсви со звѣздою путешествуютъ). П. Б.

XXVIII.

Октября 13 (25) 1863.

Времена все тяжелѣе и мудренѣе. На весну, кажется, войны не миновать. Поляки совсѣмъ обезумѣли, какъ будто укушенные бѣшеной собакой. Едва ли мы приготовимся встрѣтить грозу, какъ бы надо. Надежда на помощь Божію. Урожай нынѣ очень хорошій, и опять жа-

Библиотека "Руниверс"

лобы на дешевизну хлѣба. Всѣхъ глупѣе, кажется, наши финансіеры, поврежденные Нѣмецкими книгами. Государственные люди наши перевелись. Теперь дѣйствуетъ мелочь и посредственность. Теперь необходимо для спасенія Россіи представительство и, еще прежде, свободная политическая печать. «Моск. Вѣдомости», надо отдать имъ честь, пользуясь своимъ исключительнымъ положеніемъ, говорятъ иногда вещи крѣпкія, напр. во вчерашнемъ: «Развѣ наша выдумка—печальное состояніе нашего народнаго просвѣщенія, которому еще вдобавокъ грозитъ уставъ, сочиненный ученымъ комитетомъ? Развѣ наша выдумка—тѣ юные ученые, которые отправлены за границу для того, чтобъ послѣ поучать наше юношество съ высоты университетскихъ каѳедръ? Развѣ наша выдумка—странныя желанія оттѣснить духовенство отъ народныхъ школъ и отдать нравственное воспитаніе народа Богъ знаетъ въ чьи руки? Развѣ наша выдумка — этотъ вопіющій скандалъ, который такъ недавно представляла Петербургская журналистика, процвѣтавшая подъ рукою цензуры и съ ея одобренія предавшаяся неслыханнымъ оргіямъ», и проч. еще крѣпче и сильнѣе. Каково? Я чувствую себя хорошо. Дѣла плохи. Заводъ не приноситъ, а все еще уноситъ... Вагнеръ оказался фантазёромъ, при всей своей честности...

Радъ бы вступить въ службу, но не предлагаютъ, а напрашиваться подъ старость не приходится, когда и въ молодыхъ годахъ никогда ничего не искалъ. Началъ работать для журнала, но получилъ только отъ Акад. 600 р., а отъ К. еще ничего. Спрашивать совѣстно, а сами не догадываются. Издалъ на дняхъ 2-ю часть Посошкова: «Зерцало суемудрія раскольнича». Не знаю, какъ пойдетъ. Печатаю въ Р. Вѣстникѣ матеріалы для біографіи Ермолова. Думаю издавать брошюры и начинаю съ Польскаго вопроса, гдѣ помѣщу всѣ статьи съ 1831 г. Если пойдетъ хорошо, то буду тамъ прилагать и чужія статьи. Тогда обращусь къ тебѣ за корреспонденціей. Брошюры будутъ выходить листовъ по пяти, цѣною по 25 к. с.

XXIX.

Марта 11 (23) 1864.

Въ Петербургъ я ѣздилъ бросить послѣднюю горсть земли на могилу графа Дм. Ник., и послать съ нимъ поклонъ Карамзину (1). Прожилъ тамъ пять дней, и скорѣе домой. Освобожденіе Польскихъ крестьянъ съ землею есть великое дѣло, котораго цѣнить у насъ не умѣютъ. Думаю устроить обѣдъ въ честь его, чтобъ отозвался въ Европѣ. Въ Петербургѣ былъ я у Головнина, говорилъ ему о тру-

Библиотека "Руниверс"

дахъ и службѣ твоей, о Максимовичѣ, о Строевѣ, котораго 50-тилѣтній юбилей сбираемся праздновать, о Глинкѣ, лишившимся Авдотьи Павловны. Записалъ все въ записной своей книжкѣ. Черезъ день обѣдалъ у него съ Литке, президентомъ новымъ Академіи. Говорятъ всѣ складно, а дѣла настоящаго не понимаютъ, и насъ не спрашиваютъ. Богъ съ ними! Видовъ хорошихъ ни по цензурѣ, ни по просвѣщенію не видать.

Блудовы были очень тронуты моимъ пріѣздомъ.

Касательно печатанія моей Исторіи дѣло не подвинулось. Корфъ уѣзжаетъ, разстроенный потерею дочери. Не знаю, передастъ ли онъ дѣло Головнину и какъ тотъ приметъ. Богъ знаетъ, не войдетъ ли она уже въ oeuvres posthumes. Началъ приводить въ порядокъ свои сочиненія. Оказывается кромѣ изслѣдованій томовъ двадцать.

Со всеусердіемъ мы оды пишемъ, пишемъ,
А ни себѣ, ни имъ, нигдѣ похвалъ не слышимъ.

Съ Веневитиновымъ видѣлся. Дѣти студенты. Комаровскій сына женилъ. Хомяковы живутъ особняками. Кошелевы—одни: сынъ въ Саратовѣ, зять назначенъ вице-губернаторомъ въ Харьковъ. Свербеевы—половина въ Москвѣ, половина за границею. Мои всѣ здоровы.

Въ литературѣ новаго повѣсть Кохановской: «Рой».

Черниговскій Филаретъ издаетъ Житія Русскихъ святыхъ въ сокращеніи. О Посошковѣ найдено свидѣтельство Димитрія Ростовскаго. Я издалъ 2-ю часть. Найдено донесеніе Ломоносова 1752 года о Посошковѣ, съ приложеніемъ двухъ неизвѣстныхъ его сочиненій; а мы считали его миѳомъ! Умеръ онъ въ крѣпости въ 1726 году. Я служилъ панихиду.

У Леонтьева была дуэль съ Гончаровымъ, вслѣдствіе споровъ о Думѣ. Трудятся они много.

1) Графъ Дмитрій Николаевичъ Блудовъ родился 5 Апрѣля 1785, скончался 19 Февраля 1864 года въ С.-Петербургѣ и погребенъ въ Александро-Невской Лаврѣ. „Получивъ извѣстіе", пишетъ М. П. Погодинъ, „о кончинѣ графа Д. Н. Блудова, котораго благорасположеніемъ долго пользовался, я отправился тотчасъ въ Петербургъ, чтобы отдать послѣдній долгъ ему. Поѣздъ нашъ задержанъ былъ на нѣсколько времени какъ-то на дорогѣ, и мы пріѣхали въ Петербургъ поздно, такъ что я не поспѣлъ къ выносу, и поспѣшилъ прямо въ Невскій монастырь. У дверей полицейскій чиновникъ не позволяетъ войдти, объясненій никакихъ и слушать не хочетъ. По счастью, какой-то гвардейскій офицеръ повелъ за собою знакомыхъ, и я пробрался непримѣтно для аргуса вмѣстѣ съ ними. Проститься, по православному обычаю, по окончаніи отпѣванія, нельзя было и думать. Гробъ былъ заколоченъ черезъ нѣсколько минутъ. Оставалось только бросить горсть земли въ могилу. Пропустивши всю мундирную знать, я хотѣлъ пройдти къ кладбищу. Прочь!

Библиотека "Руниверс"

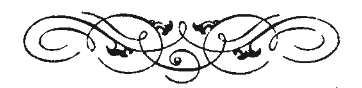
раздалось съ средины улицы, передъ калиткою на кладбище. Я хотѣлъ было объяснить, что пріѣхалъ нарочно изъ Москвы для..... Взять его, кричитъ невѣжа. Я заикнулся отвѣчать.... Взять его, кричитъ онъ еще громче своимъ сателлитамъ, и, я вижу, они уже подбѣгаютъ. Ну что мнѣ было дѣлать? Заводить споръ, шумъ въ такую минуту? Между тѣмъ можно себѣ представить, что̀ я чувствовалъ, пріѣхавшій нарочно изъ Москвы для этой минуты. Невѣжа кричалъ, какъ укушенный бѣшеною собакою. Стиснувъ зубы, я отошелъ къ сторонѣ, проклиная внутренно невѣжество. Къ счастію встрѣтился знакомый гофмаршалъ, въ золотомъ мундирѣ, который, услышавъ о моемъ горѣ, взялъ меня, въ енотовой шубѣ, за руку и провелъ къ могилѣ. Я хотѣлъ послѣ написать письмо къ невѣжѣ, или описать въ газетахъ этотъ случай, которымъ смутился мой духъ, но позабылъ его среди послѣдовавшихъ непосредственно бесѣдъ о послѣднихъ дняхъ покойнаго въ его семействѣ" („Русскій" 1868, № 20).

*

„Душа человѣческая — потемки: уже по смерти Погодина я узналъ, что онъ былъ глубоко-добрый человѣкъ". Это говорилъ мнѣ одинъ изъ упорнѣйшихъ его противниковъ, покойный С. М Соловьевъ.

Погодинъ, его мысли и начинанія, его заслуги несомнѣнно перейдутъ къ отдаленнѣйшему потомству и чѣмъ больше пройдетъ времени, тѣмъ выше будетъ цѣниться этотъ необыкновенный человѣкъ. Нынѣ изданныя его письма къ Шевыреву со временемъ появятся въ новыхъ, полныхъ изданіяхъ.

Можемъ порадовать читателей извѣстіемъ, что Н. П. Барсуковымъ, которому принадлежатъ объясненія къ помѣщеннымъ въ „Русскомъ Архивѣ" письмамъ Погодина, предпринято подробное описаніе его жизни и трудовъ. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

ЗАПИСКИ ГРАФИНИ Н. Н. МОРДВИНОВОЙ *).

I.

При царѣ и великомъ князѣ Василіѣ Ивановичѣ многія орды, въ томъ числѣ и Мордва, пришли въ подданство Россіи. Въ 1546 году взятъ былъ въ аманаты Муратъ Мордвиновъ. Извѣстно, что въ заложники брали народныхъ старшинъ и именитыхъ людей.

Потомокъ Мурата Мордвинова Жданъ и послѣдовавшіе за нимъ, водворясь въ Россіи на пожалованныхъ имъ помѣстьяхъ, стали вѣрными и усердными подданными ея государей.

Четыре царскія грамоты, жалованныя Тимоѳею Ивановичу за службу его и отца его, Ивана Андреевича, свидѣтельствуютъ о ихъ мужествѣ и заслугахъ. Иванъ Андреевичъ служилъ противъ Поляковъ и Татаръ, а Тимоѳей Ивановичъ былъ во всѣхъ Крымскихъ походахъ, и противъ Поляковъ, и во время Стрѣлецкихъ бунтовъ, какъ значится въ грамотахъ.

Прадѣдъ мой, Иванъ Тимоѳеевичъ Мордвиновъ, старшій сынъ Тимоѳея Ивановича, служилъ съ отцомъ своимъ въ Крымскихъ походахъ и послѣ отца былъ въ разныхъ походахъ, и на Дону, вмѣстѣ съ казаками, для обереженія отъ непріятелей, и прозванъ былъ Донскимъ.

Въ 1700 году, въ Февралѣ мѣсяцѣ, онъ женился на Авдотьѣ Степановнѣ Ушаковой, въ томъ же году, при Петрѣ Великомъ, пошелъ противъ Шведовъ и былъ убитъ 19 Ноября на штурмѣ при взятіи города Нарвы.

Прабабушка моя, Авдотья Степановна, осталась молодою вдовою. По прошествіи двухъ мѣсяцевъ у нея родился единственный ея сынъ, Семенъ Ивановичъ, въ 1701 году, Января 26.

---

*) Эти записки графини Надежды Николаевны Мордвиновой, дочери извѣстнаго адмирала и государственнаго человѣка, перепечатываются съ особой тетради, вышедшей въ Петербургѣ, въ 1873 году.

Библиотека "Руниверс"

По смерти мужа, Авдотья Степановна проживала постоянно въ селѣ Покровскомъ, родовомъ имѣніи Мордвиновыхъ, дарованномъ отцу ея мужа, Тимоѳею Ивановичу за ревностную и усердную его службу, царями Іоанномъ и Петромъ Алексѣевичами.

Авдотья Степановна была женщина высокаго ума и отличалась добродѣтелями. Оставшись двадцатилѣтнею вдовою, она посвятила свою жизнь на воспитаніе сына; но когда Петръ Великій рѣшилъ послать нѣсколько боярскихъ дѣтей за границу для образованія ихъ на пользу Россіи, то въ число ихъ былъ избранъ и сынъ ея. Тяжко было ея сердцу разставаться съ нимъ, но она съ твердостію духа рѣшилась отпустить его.

Въ 1716 году онъ записанъ во флотъ и отправленъ въ Ревель, откуда и посланъ во Францію въ числѣ прочихъ.

Въ отсутствіе сына Авдотья Степановна продолжала жить въ деревнѣ, но вела переписку съ нимъ. Онъ свято сохранялъ ея письма, которыя находятся и до сихъ поръ у насъ. Первыя письма ея были писаны его дядькою по ея диктовкѣ, а въ послѣдствіи она выучилась грамотѣ и писала сама.

Достоинъ вниманія разсказъ о ея присутствіи духа при появленіи разбойниковъ въ мѣстѣ ея пребыванія. Случай этотъ поясненъ на фамильномъ образѣ Семена Ивановича, переходившемъ изъ рода въ родъ.

Вотъ содержаніе надписи, вырѣзанной на серебряной доскѣ сзади образа:

«Сія икона, Знаменіе Пресвятыя Богородицы, ознаменовалась благодатною силою».

«Въ царствованіе Петра I повсюду въ Россіи бродили шайки «разбойниковъ. Въ Новгородской губерніи, въ селѣ Покровскомъ, жила «въ то время вдова, мать Семена Ивановича Мордвинова, Авдотья «Степановна. Однажды зимою ее извѣщають, что чрезъ три дня въ «ея село пріѣдутъ разбойники съ своимъ атаманомъ, въ числѣ 30 че«ловѣкъ. Услышавъ объ этомъ, крестьяне ея сильно встревожились. «Она ободряла ихъ, велѣла молиться, а сама, распорядясь встрѣтить «ихъ какъ гостей, провела все время въ уединенной молитвѣ; на тре«тій день утромъ приготовила въ сѣняхъ накрытый столъ съ хлѣбомъ «и солью и поставила на него этотъ образъ; услышавъ топотъ лоша«дей и шумъ у воротъ, сама вышла въ сѣни встрѣтить разбойниковъ. «Первый взошелъ на крыльцо атаманъ. Авдотья Степановна подняла «образъ; атаманъ остановился и, посмотрѣвъ на нее, сказалъ товари«щамъ: «*ребята, прикладываться!*» сдѣлалъ земной поклонъ, приложился «къ иконѣ и поцѣловалъ руку Авдотьи Степановны. Тогда она поста«вила образъ на столъ и, отворивъ дверь въ столовую, сказала: «ми-

Библиотека "Руниверс"

лости просимъ, дорогіе гости!» За столомъ она сама угощала ихъ. «Атаманъ просилъ не подавать вина. Послѣ обѣда атаманъ перекре-«стился и сказалъ: «Ну, матушка Авдотья Степановна, не съ тѣмъ «пришли мы, чтобы пировать; но ты обезоружила насъ: мы не мо-«жемъ поднять на тебя руки; даемъ клятву, что только кто изъ кре-«стьянъ скажетъ, что онъ Мордвиновскій,—мы его трогать не будемъ». «И въ самомъ дѣлѣ, даже чужіе крестьяне, при встрѣчѣ съ ними, го-«ворили: «мы Мордвиновскіе», и ихъ не трогали».

Авдотья Степановна скончалась въ 1752 году, Марта 21, и похоронена въ селѣ Покровскомъ.

Семенъ Ивановичъ поступилъ во Французскую морскую службу для обученія и въ 1722 году возвратился въ Россію съ отличнѣйшими отъ своихъ начальниковъ атестатами.

Службу продолжалъ онъ постоянно по морской части, былъ участникомъ въ устройствѣ Балтійскаго флота, написалъ нѣсколько книгъ, руководствующихъ къ познанію мореходства, и былъ изъ первыхъ Русскихъ моряковъ, трудившихся въ сочиненіяхъ по этой части. Замѣчательно, что сынъ его, Николай Семеновичъ, былъ въ свое время тоже дѣятельнымъ участникомъ въ устройствѣ Черноморскаго флота.

Семенъ Ивановичъ былъ ума необыкновеннаго, нравственности примѣрной и отличался всѣми христіанскими добродѣтелями; кротости нрава былъ удивительной. Отецъ мой считалъ его святымъ человѣкомъ; окружающіе его сохраняли къ нему безпредѣльную преданность; прислуга считала душу его столь чистою, что много разъ мнѣ, въ дѣтствѣ, разсказывали мои нянюшки *легенду* о его смерти: когда онъ умиралъ, такъ много Ангеловъ окружали его, что когда они улетали съ его душею — всѣ окна задрожали. Этотъ простодушный разсказъ доказываетъ, какую онъ память оставилъ по себѣ.

Въ первомъ бракѣ онъ былъ съ Ѳедосьей Савичной Муравьевой; женился въ 1728 г., жилъ съ нею 22 года, имѣлъ двухъ дѣтей, которыя умерли малютками; вдовымъ оставался онъ два года.

Во второй бракъ онъ вступилъ въ 1752 году, по желанію матери, съ 17-лѣтней дѣвицею Натальею Ивановною Еремѣевой, у которой матушка была Анна Ивановна Румянцова. Отъ этого брака онъ имѣлъ одиннадцать человѣкъ дѣтей; трое умерли малолѣтными, остались пять сыновей и три дочери. Старшій изъ нихъ, Александръ, служилъ во флотѣ, потомъ былъ министромъ въ Венеціи. Второй, Николай, отецъ мой, любимый сынъ моего дѣда. Петръ служилъ въ гвардіи и умеръ въ Слонимѣ, въ Польскую войну. Сергѣй умеръ 19 лѣтъ, а Евграфъ—13 лѣтъ. Смерть сего послѣдняго въ особенности огорчила моего отца, потому что онъ его очень любилъ.

Библиотека "Руниверс"

Дѣдушка Семенъ Ивановичъ упоминаетъ въ своихъ Запискахъ о каменномъ домѣ съ двумя флигелями, построенномъ имъ въ Коломнѣ, недалеко отъ Калинкина моста. Въ то время мало еще было каменныхъ строеній въ Коломнѣ, и это была большая постройка. Императрица Елисавета Петровна, проѣзжая мимо, была очень довольна, остановилась, приказала подозвать къ ней подрядчика и подарила ему двѣсти рублей, сказавъ, чтобы онъ хорошенько строилъ.

Мѣсто, принадлежавшее дѣдушкѣ, было очень большое; тамъ былъ садъ и прудъ, по которому катались дѣти на маленькомъ корабликѣ.

Дача, о которой онъ упоминаетъ, была въ Екатерингофѣ, рядомъ съ дачею княгини Дашковой.

Дѣдъ мой, Семенъ Ивановичъ, скончался въ 1777 году въ концѣ Марта мѣсяца.

Онъ оставилъ собственноручный журналъ, который хранится въ Морскомъ Министерствѣ.

Издатель сего журнала, г-нъ Елагинъ, признавая, что много разъ эти Записки были полезны для изслѣдователей по исторіи Русскаго флота, полагаетъ, что адмиралъ Мордвиновъ составилъ ихъ по увольненіи его отъ службы. Дѣдъ мой подалъ прошеніе объ увольненіи его отъ службы въ Февралѣ 1777 года, получилъ указъ объ увольненіи въ Мартѣ того же года, и въ томъ же мѣсяцѣ скончался. Возможно ли было 77-ми лѣтнему старцу исполнить такой трудъ въ теченіе нѣсколькихъ послѣднихъ дней его жизни?!

При увольненіи дѣда моего отъ службы Государыня пожаловала ему богатое имѣніе въ Бѣлоруссіи (съ 2000 душъ). Имѣніе это принадлежало прежде Ордену Іезуитовъ.

II.

Отецъ мой, Николай Семеновичъ, родился въ 1754 году, Апрѣля 17-го, въ селѣ Покровскомъ. Съ малолѣтства онъ учился дома, у родителей; Французскому языку бралъ уроки въ пансіонѣ, бывшемъ въ то время единственнымъ въ Петербургѣ. Содержатель этого пансіона былъ Итальянецъ Вентурини, а помощникъ его, Французъ, отставной сержантъ. Отецъ мой былъ очень любознателенъ съ самаго дѣтства и часто дѣлалъ учителямъ разные вопросы; а они, не умѣя растолковать ихъ, удовлетворяли его линейкой по рукамъ. Много ли можно было пріобрѣсть познаній отъ такихъ учителей? При всемъ томъ обучались тамъ дѣти знатныхъ Русскихъ дворянъ—графъ Николай Петровичъ Румянцовъ и другіе.

Библиотека "Руниверс"

Бабушка моя была строгая мать, дѣдъ—нѣжный отецъ; но какъ въ то время жены уважали и боялись своихъ мужей, то бабушка и не смѣла наказывать дѣтей въ присутствіи дѣдушки. Отца моего она называла балованнымъ сынкомъ, потому что онъ не всегда поддавался ея наказанію: казалось, съ дѣтства понималъ чувство справедливости, и иногда убѣгалъ отъ розогъ подъ защиту къ отцу въ кабинетъ, но никогда не жаловался, хотя и чувствовалъ, что онъ не виноватъ; положа ручки на столъ, смотрѣлъ отцу въ глаза, и тотъ, угадывая, что ребенокъ огорченъ, спрашивалъ его: «что́ ты, Коля?» Онъ всегда отвѣчалъ: «такъ, батюшка, ничего».

Отецъ мой около десятилѣтняго возраста былъ взятъ во дворецъ для воспитанія съ наслѣдникомъ великимъ княземъ Павломъ Петровичемъ и былъ любимый его товарищъ; кротостію своею и благоразуміемъ имѣлъ большое вліяніе на смягченіе характера великаго князя, такъ что даже наставникъ его, графъ Никита Ивановичъ Панинъ, употреблялъ иногда отца моего склонять его къ послушанію,—и великій князь никогда не сердился, когда Мордвинова указывали ему въ примѣръ.

Однажды отецъ мой подвергнулся выговору. Нѣкто поднесъ Павлу Петровичу ящикъ съ фейерверкомъ. Великій князь принялъ подарокъ и просилъ моего отца спрятать его. Маленькій товарищъ, по неопытности своей, поставилъ подъ свою кровать; графъ Панинъ, увидѣвъ этотъ ящикъ, строго побранилъ Мордвинова за неосторожность.

Въ 1766 году отецъ мой поступилъ на службу, 12-ти лѣтъ, гардемариномъ, чрезъ два года произведенъ въ мичманы. Заслуживъ довѣріе своихъ начальниковъ, онъ получилъ порученіе провожать одного Англичанина въ Кіевъ. Этотъ Англичанинъ былъ не очень трезваго поведенія; отцу моему, тогда четырнадцати-лѣтнему юношѣ, эта комисія была очень непріятна и затруднительна, но онъ выполнилъ ее благополучно.

Изъ Записокъ Семена Ивановича видно, что въ 1770 году отецъ мой былъ адъютантомъ при своемъ отцѣ.

Въ 1771 году онъ былъ взятъ къ адмиралу Ноульсу въ генеральсъ-адъютанты въ Кронштадтъ, въ слѣдующемъ году поѣхалъ съ адмираломъ на Дунай и въ томъ же году возвратился въ Петербургъ.

Въ 1774 году отецъ мой былъ посланъ въ Англію для усовершенствованія въ морской службѣ. Около трехъ лѣтъ онъ находился въ постоянномъ плаваніи на Англійскихъ судахъ; между прочимъ, былъ и на купеческихъ; получилъ отличнѣйшія свидѣтельства отъ разныхъ лицъ о примѣрной его дѣятельности, успѣхахъ и всегдашнемъ благонравномъ поведеніи.

Библиотека "Руниверс"

Онъ началъ тамъ свою службу съ самаго младшаго чина, чтобы практикою пріобрѣсть точныя свѣдѣнія во всѣхъ своихъ обязанностяхъ по мореходству; по прошествіи трехъ лѣтъ возвратился на Русской флотъ и служилъ въ Кронштадтѣ.

Во время плаванія на Англійскихъ судахъ ему случалось нѣсколько разъ посѣщать берега Америки и быть въ разныхъ мѣстахъ ея континента, а для большаго ознакомленія съ просвѣщеніемъ Европейскихъ народовъ онъ путешествовалъ по Германіи, Франціи и другимъ западнымъ государствамъ.

Когда онъ былъ въ Англіи, то внезапно услышалъ о смерти своего отца, котораго онъ невыразимо любилъ. Печальную эту вѣсть сообщилъ ему пріятель, встрѣтившій его, и это извѣстіе такъ поразило его, что онъ сдѣлался боленъ и впалъ въ продолжительную меланхолію. Оставивъ Англію, онъ поѣхалъ въ Португалію, гдѣ провелъ лѣто въ пріятномъ Англійскомъ семействѣ, въ очаровательной долинѣ Чинтра (Cintra); тамъ только здоровье его поправилось. Говоря объ этой долинѣ, онъ находилъ сходство съ долиною Байдарскою въ Крыму, гдѣ только не доставало вида моря.

По смерти отца своего, возвратясь въ Россію, онъ имѣлъ большое попеченіе о своихъ сестрахъ и братьяхъ, старался замѣнить имъ нѣжно-любящаго отца, занимался воспитаніемъ сестеръ, особенно младшей, Анны, и брата Евграфа, которыхъ онъ очень любилъ, старался внушать имъ любовь къ наукамъ, занимался выборомъ книгъ, потребныхъ для просвѣщенія молодыхъ умовъ, и, во всемъ руководя ихъ образованіемъ, даже обращалъ вниманіе на туалетъ сестеръ своихъ.

Съ самаго дѣтства отецъ мой любилъ науки, старался изучить всѣ предметы по ученой части, чтобы пріобрѣсти основательныя познанія какъ для пользы отечества, такъ и своего усовершенствованія. Онъ былъ весьма свѣдущъ въ математикѣ и удивлялъ вычисленіями. Кромѣ множества наукъ, вошедшихъ въ кругъ его образованія, онъ зналъ шесть иностранныхъ языковъ: Греческій, Латинскій, Нѣмецкій, Итальянскій, Англійскій и Французскій. *Гомера* прочелъ на древнемъ Греческомъ языкѣ.

III.

Въ 1783 году, когда отецъ мой былъ уже въ чинѣ капитана 2-го ранга и былъ назначенъ капитаномъ корабля въ секретной экспедиціи (при императрицѣ Екатеринѣ II) въ Средиземное море, въ Италію, эскадра ихъ оставалась въ то время зимовать въ Ливорно. Тамъ отецъ

Библиотека "Руниверс"

познакомился съ матушкой. Матушка моя, Генріетта Александровна, изъ фамиліи Коблей (Cobley), родилась въ 1764 году въ Англіи; послѣ родителей своихъ она осталась восьми лѣтъ, была взята старшею сестрою m-rs Partridge къ себѣ, въ Италію, гдѣ она и воспитывалась. Сестра ея была очень умная женщина, и мужъ ея былъ ученый человѣкъ; они любили ее какъ дочь и съ особеннымъ вниманіемъ занимались ея воспитаніемъ.

По примѣру многихъ, тетушка послала портретъ моей матушки къ знаменитому Лафатеру, который написалъ слѣдующее: *sur ce front se peignent la noblesse, la candeur et la pureté* *).

Когда Русская эскадра осталась зимовать въ Ливорно, одинъ изъ капитановъ, Англичанинъ, познакомился съ семействомъ Партриджъ и представилъ имъ многихъ Русскихъ офицеровъ, но никакъ не могъ уговорить отца моего познакомиться съ ними. Отецъ мой, много слышавъ о красотѣ и умѣ сестры ихъ *миссъ Коблей*, боялся увлечься и влюбиться въ нее.

Но, однажды, нечаянно они встрѣтились въ Пизѣ; въ тотъ годъ была тамъ иллюминація, которая, по обычаю, повторялась тамъ чрезъ каждые три года. На эту иллюминацію капитанъ-Англичанинъ ѣхалъ въ одномъ экипажѣ съ семействомъ Партриджъ, и когда экипажъ ихъ остановился, къ нимъ подошла толпа Русскихъ офицеровъ, въ числѣ которыхъ былъ и отецъ мой; матушка замѣтила его и спросила у Англичанина: кто былъ этотъ господинъ въ очкахъ? Тотъ улыбнулся и отвѣчалъ: «о, это нашъ философъ!»

Послѣ этой встрѣчи отецъ мой познакомился съ семействомъ Партриджъ и сталъ ихъ посѣщать. Бесѣды ученаго мужа, пріятный умъ и любезность жены заставили его часто бывать у нихъ. Матушка моя сначала была очень робка съ нимъ и даже боялась этого ученаго «философа», какъ его называли; но отецъ мой чѣмъ чаще видѣлъ ее, тѣмъ болѣе и болѣе восхищался ею: ея рѣдкія достоинства ума и сердца, прекрасный нравъ, красота и скромность, совершенно плѣнили его.

Однажды они всѣ были на балѣ во Флоренціи, во дворцѣ Питти (Pitti), гдѣ находится знаменитая галлерея картинъ. Отецъ мой сказалъ тетушкѣ Партриджъ: «пойдемте, я вамъ покажу портретъ вашей сестрицы», и всѣ за нимъ послѣдовали. Онъ подвелъ ее *къ Мадоннѣ Сассоферато*, поставилъ ее подъ святымъ изображеніемъ и сказалъ: «посмотрите, совершенно таже физіономія». Это сравненіе, сдѣланное молодымъ философомъ, было ей очень лестно. Отецъ мой влюбился въ

*) На этомъ челѣ отпечатлѣны благородство, цѣломудріе и чистота.

Библиотека "Руниверс"

нее и посватался. Хотя и она полюбила его, но страшилась ѣхать въ отдаленный край, тогда еще мало извѣстный иностранцамъ, край холодный и непросвѣщенный, какъ считали они Россію. Сестра ее успокоивала и говорила ей: «я увѣрена, что съ такимъ человѣкомъ ты всегда и вездѣ будешь счастлива!» Матушка моя, чувствуя любовь къ отцу и принимая благоразумные совѣты сестры, согласилась раздѣлить свою судьбу съ нимъ.

Отецъ мой, возвратясь съ эскадрою въ Россію, поѣхалъ сухимъ путемъ въ Ливорно и тамъ женился въ 1784 году, потомъ возвратился въ Россію.

Такъ какъ онъ рѣшился перейти на службу въ Черное море, то на пути, оставя матушку въ Витебскѣ, поручилъ ее супругѣ губернатора, а самъ поѣхалъ въ Петербургъ—уговорить сестеръ своихъ жить съ ними. Возвратясь въ Витебскъ, взялъ матушку и отправился въ Херсонъ, куда вскорѣ и меньшія сестры его пріѣхали, а старшая была фрейлина и оставалась при дворѣ.

Одинъ почтенный господинъ сказывалъ мнѣ, что онъ видѣлъ матушку мою въ Витебскѣ, когда она пріѣхала изъ Италіи, что она была удивительная красавица, такъ что онъ никогда не могъ забыть ее.

«Между тѣмъ, когда сталъ возникать на Черномъ морѣ нашъ «флотъ, и было учреждено въ Херсонѣ адмиралтейское правленіе, тогда, «по представленію князя Потемкина, которому сдѣлались извѣстны до«стоинства Н. С. Мордвинова, находившагося въ то время только въ «чинѣ капитана 1-го ранга, онъ опредѣленъ предсѣдательствующимъ «въ томъ правленіи *)».

Когда императрица Екатерина Вторая путешествовала для обозрѣнія новопріобрѣтеннаго края и была въ Херсонѣ, при устроеніи ей великолѣпной встрѣчи участвовалъ и отецъ мой. Еще съ приближеніемъ къ Херсону, чтобы не наскучилъ Государынѣ видъ Новороссійскихъ степей, когда она ѣхала по Днѣпру, Потемкинъ приказалъ загонять къ берегамъ табуны лошадей и стада коровъ и овецъ, чтобы оживить виды, а вдали устроены были декораціи, весьма живо изображая города и деревни.

Къ пріѣзду Императрицы приготовленъ былъ въ Херсонѣ спускъ корабля, а вмѣсто пристани устроена была большая баржа для Императрицы, ея двора и для сопровождавшихъ иностранныхъ царскихъ особъ. Баржа украшена была парчевыми парусами съ золотыми кистями, которыя отецъ мой выписалъ изъ Константинополя.

---

*) Выписка изъ рѣчи г-на Усова, сказанной имъ въ Вольномъ Экономическомъ Обществѣ.

Библиотека "Руниверс"

Когда Екатерина взошла на приготовленную пристань, то, окинувъ взоромъ блестящія украшенія, съ улыбкой сказала своимъ гостямъ: «У насъ, за недостаткомъ холста, употреблена парча на паруса». Послѣ спуска корабля, обѣденный столъ былъ убранъ разнообразными моделями судовъ.

Въ Херсонѣ климатъ былъ очень вредный, потому что каждое лѣто рѣка Днѣпръ покрывалась густымъ камышомъ и тѣмъ останавливалось свободное теченіе воды; при наступленіи жаровъ воздухъ становился заразительнымъ и причинялъ жестокія горячки. Отецъ мой тоже былъ отчаянно боленъ горячкою, и въ это время умерла первая дочь его, Софія, восьми мѣсяцевъ. Можно вообразить, сколько душевныхъ страданій перенесла въ это время матушка, но сила религіозныхъ чувствъ и дружба сестеръ мужа ее поддерживали.

Тетушки мои въ Херсонѣ обѣ вышли замужъ: Екатерина Семеновна вышла за Ѳедора Ивановича Маркова, служившаго адъютантомъ при Суворовѣ, а впослѣдствіи произведеннаго въ генералы. Тетушка Анна Семеновна вышла за большаго пріятеля моего отца, бригадира Николая Ивановича Корсакова, которому онъ назначалъ ее съ дѣтства ея, какъ любимую сестру.

Предъ войною съ Турками Корсаковъ отвезъ жену свою въ Петербургъ, къ своей матери, и съ малюткой-сыномъ. По возвращеніи, онъ, осматривая ночью укрѣпленія, поскользнулся, упалъ на шпагу, получилъ смертельную рану и вскорѣ умеръ.

Отецъ мой и дядюшка Марковъ удалили своихъ молодыхъ супругъ отъ мѣста военныхъ дѣйствій за сто верстъ внутрь Россіи, въ сопровожденіи офицера.

«При скудости тогдашнихъ способовъ, по новости края, въ от«раженіи непріятеля отъ береговъ, Мордвиновъ вооружилъ наскоро «галеры и паромы и ими столь удачно распоряжался и дѣйствовалъ, «что непріятеля отразилъ и погубилъ много Турецкихъ судовъ на «Лиманѣ. За эту примѣрную дѣятельность и благоразумныя распоря«женія онъ былъ произведенъ въ 1788 г. въ контръ-адмиралы и по«жалованъ кавалеромъ ордена св. Анны 1-й ст.» *).

Многіе говорили, что отецъ мой заслуживалъ за эти подвиги орденъ св. Георгія, но, по интригамъ извѣстнаго Рибаса, получилъ Анну, а себѣ Рибасъ выхлопоталъ Георгія. Впослѣдствіи императрица Екатерина, узнавъ, что онъ заслуживалъ большей награды за это дѣйствіе, пожаловала ему въ 1793 году св. Владимира 1-й степени, какъ

---

*) Изъ рѣчи г-на Усова.

Библиотека "Руниверс"

сказано въ высочайшемъ рескриптѣ: *за храбрые подвиги въ началѣ последней войны съ Турками.*

Въ Херсонѣ у него родился сынъ Николай, и въ 1789 году, 25 Марта, родилась дочь Надежда.

Во время управленія отца моего въ Херсонѣ, пріѣхалъ туда знаменитый филантропъ-Англичанинъ г. Говардъ (Howard), который, лишась жены и сына, посвятилъ себя, какъ извѣстно, и все свое богатство, страждущему человѣчеству. Главными предметами неусыпныхъ попеченій высокой души его были тюремные и болящіе; по этой причинѣ онъ поѣхалъ осматривать всѣ тюрьмы и госпитали въ Англіи, Италіи и другихъ государствахъ, желая быть полезнымъ своими совѣтами для улучшенія устройства этихъ заведеній.

Послѣднее путешествіе этого семидесятилѣтняго старца было предпринято въ Константинополь, съ намѣреніемъ найти средство—уничтожить сильную смертность въ народѣ отъ чумы; путь его былъ чрезъ Россію. По этому случаю Государыня Екатерина II дала приказъ всѣмъ губернаторамъ: «Гдѣ г. Говардъ будетъ осматривать тюрьмы и госпитали въ Россійскихъ городахъ—исполнять всѣ его распоряженія безпрекословно». На пути, остановясь въ Херсонѣ, онъ познакомился съ моимъ отцомъ и такъ оцѣнилъ умъ и достоинства его и моей матушки, что пробылъ нѣсколько мѣсяцевъ съ ними, но, къ сожалѣнію, посѣщая одну больную, заразился горячкою и скончался на рукахъ моего отца, въ Январѣ 1790 года; погребенъ въ Херсонѣ, гдѣ сооруженъ ему памятникъ его соотечественниками. Всѣ его путешествія были напечатаны. Онъ говорилъ, что во всей Европѣ нигдѣ не нашелъ подобнаго порядка, чистоты и устройства тюремъ и госпиталей, какъ въ Херсонѣ, подъ вѣдѣніемъ Мордвинова. Таковыя слова, сказанныя знаменитымъ Говардомъ, были очень лестны моему отцу, и память о немъ всегда была ему дорога.

Отецъ мой ревностно служилъ, горячо любилъ отечество и хотя благоговѣлъ предъ Екатериною за ея великій умъ, но не по чувству ему было покоряться власти любимцевъ ея: его строгая справедливость и правдивая откровенность не могли подчиняться всегда исполненію приказаній начальниковъ, когда онъ ихъ не одобрялъ. Это было причиною, что онъ не могъ продолжать службу съ Потемкинымъ и пожелалъ выйдти въ отставку.

Библиотека "Руниверс"

IV.

Отецъ мой, оставивъ Херсонъ, поѣхалъ съ матушкой въ Москву, гдѣ родилась дочь его Вѣра въ 1790 году, Декабря 15; изъ Москвы онъ удалился въ Бѣлоруссію, въ свое имѣніе, гдѣ жилъ до смерти князя Потемкина.

Съ ними въ деревню поѣхала изъ Херсона одна почтенная вдова, генеральша Гаксъ, съ двумя взрослыми дочерьми, которую матушка очень любила; пріѣхала къ нимъ тоже въ деревню тетушка Елисавета Семеновна, вдова Рагозинскаго, съ двумя дѣтьми. Въ деревнѣ прожили болѣе двухъ лѣтъ въ большомъ уединеніи, и тамъ родители мои лишились своего сына, Николая.

Желая уѣхать за границу, отецъ мой отправился въ Петербургъ устроить свои дѣла. Не располагая видѣться ни съ кѣмъ изъ знакомыхъ, онъ ни къ кому не являлся, боясь, чтобы не донесли о его пріѣздѣ и не потребовали бы его на службу, но нечаянно встрѣтилъ на улицѣ своего пріятеля, секретаря ея величества, Вас. Степ. Попова, который очень обрадовался, неожиданно увидѣвъ его, и сказалъ при этомъ, что его вездѣ отыскиваютъ по приказанію Государыни. Отецъ мой, возвратясь на свою квартиру, сейчасъ же распорядился обратно уѣхать въ деревню, но въ слѣдъ за нимъ былъ посланъ эстафетъ отъ Попова съ официальнымъ объявленіемъ, что Государыня желаетъ, чтобъ онъ опять вступилъ на службу. Отецъ мой отвѣчалъ Попову, что онъ готовъ исполнить волю Государыни, но проситъ, чтобы она благоволила принимать сама его доклады, безъ всякаго посредничества. Она согласилась и въ послѣдствіи, получая доклады его, говорила: *«донесенія Мордвинова писаны золотымъ перомъ»*.

Потемкина уже не было, когда отецъ мой, въ 1792 году вновь поступилъ на службу въ Херсонъ; въ томъ же году онъ былъ произведенъ въ вице-адмиралы, пожалованъ орденомъ Св. Александра Невскаго и назначенъ главнокомандующимъ надъ Черноморскимъ флотомъ и портомъ.

Въ Херсонѣ отецъ мой, по неблагопріятному климату, два раза подвергся опять сильной горячкѣ, пробылъ тамъ около двухъ лѣтъ, и когда правленіе перевели въ Николаевъ, то и онъ переѣхалъ туда же со всѣмъ семействомъ.

На новомъ своемъ поприщѣ отецъ мой съ усиленною дѣятельностью велъ всѣ дѣла, не упускалъ изъ вида ничего полезнаго, энергически занимался всѣми предметами для блага того края, ничего не оставлялъ безъ вниманія. Дѣла у него шли съ удивительнымъ порядкомъ.

Библиотека "Руниверс"

У него не было даже многосложности въ бумагахъ; онъ требовалъ, чтобы просьбы и доклады были кратки и ясны; прошенія принималъ на одной страницѣ и для пріученія къ сокращенію отдавалъ обратно, если нужно было повернуть листъ.

Его доблестные подвиги, душевныя качества и добродѣтели заставляли всѣхъ и каждаго уважать его. Онъ исполнялъ свои обязанности какъ истинный христіанинъ, отечеству служилъ съ пламеннымъ рвеніемъ, всѣмъ подчиненнымъ былъ отецъ и благотворитель. Слава его возрастала, и вся Россія его цѣнила. Имя его осталось въ памяти у всѣхъ Черноморскихъ сослуживцевъ; они съ восторгомъ вспоминали до конца своей жизни благодатное время, когда находились подъ его начальствомъ.

Онъ обладалъ такими свѣдѣніями въ наукахъ, что не было предмета, о которомъ не могъ бы говорить съ точнымъ знаніемъ, приводилъ въ удивленіе всѣхъ спеціальныхъ людей, особенно любилъ заниматься политическою экономіею и наукою земледѣлія. Не было сочиненій, которыхъ бы онъ не читалъ и не зналъ совершенно по этимъ предметамъ. Всякія новыя свѣдѣнія, какія онъ могъ получить по сей части, его интересовали.

Въ продолженіе главнаго управленія отца моего Черноморскимъ флотомъ въ царствованіе Екатерины, онъ долженъ былъ нѣсколько разъ пріѣзжать къ ней въ Петербургъ съ докладами. Однажды Государыня приняла его особенно ласково, что̀ замѣтили всѣ окружающіе ее царедворцы, и удвоили свое къ нему вниманіе, кромѣ великаго князя Павла Петровича, который, казалось, удалялся его и въ обращеніи съ нимъ замѣтно былъ очень холоденъ. Отецъ мой не могъ постигнуть причины этой перемѣны. Проѣзжая изъ Петербурга обратно черезъ Гатчину, гдѣ проживалъ постоянно въ то время великій князь, отецъ мой остановился и подумалъ: заѣхать ли къ нему проститься или нѣтъ, но разсудилъ, что слѣдуетъ отдать долгъ почтенія будущему своему государю,—и счелъ обязанностію явиться къ нему.

Пріѣхавъ во дворецъ, онъ просилъ доложить о немъ великому князю и получилъ въ отвѣтъ, что его высочество далъ приказаніе, когда пріѣдетъ Мордвиновъ, принять его безъ доклада. Когда отецъ мой вошелъ къ нему въ кабинетъ, великій князь обнялъ его и сказалъ: «Другъ мой, никогда не суди меня по наружности. Я удалялся отъ тебя и казался съ тобою холоденъ не безъ причины: видя, какъ милостиво ты былъ принятъ у Государыни, я не хотѣлъ помѣшать тебѣ въ почести при большомъ дворѣ». Извѣстно было, что между двумя дворами существовало нѣкоторое несогласіе.

Библиотека "Руниверс"

Любовь великаго князя съ дѣтскихъ лѣтъ къ моему отцу никогда не измѣнялась, и въ продолженіе жизни онъ нѣсколько разъ доказалъ свою дружбу. Будучи еще великимъ княземъ, онъ подарилъ отцу моему изъ собственной своей библіотеки *Записки Сюлли* (Les Mémoires de Sully) съ вензелемъ П. П., подъ императорской короной, въ знакъ искренности своего чувства, и сказалъ: *«когда я буду царемъ, ты будешь при мнѣ моимъ Сюлли»*. Къ сожалѣнію, книги эти пропали у насъ въ подмосковной при нашествіи Французовъ въ 1812 г.—Императрица Екатерина также подарила отцу моему полное собраніе *«Китайскихъ Записокъ»* (Les Mémoires des Chinois), составленное миссіонерами (missionnaires français), которое донынѣ сохранилось у насъ.

V.

Въ Николаевѣ отецъ мой устроился очень хорошо; климатъ тамъ здоровый, и жизнь его вообще измѣнилась, сдѣлалась гораздо удобнѣе во всѣхъ отношеніяхъ. Его семейство составляло около двадцати человѣкъ: кромѣ семейства нашего и родныхъ нашихъ, тетушки Елисаветы Семеновны съ дочерью, тетушки Анны Семеновны съ сыномъ, дядюшки Ѳомы Александровича Коблея, въ ежедневномъ нашемъ обществѣ были пріятельница матушки мадамъ Гаксъ съ дочерьми и баронесса Боде съ дѣтьми; графъ Александръ Ивановичъ Остерманъ-Толстой, графъ Гейденъ и Гамильтонъ—оба моряки. Многіе изъ Французскихъ эмигрантовъ, которые поступили на службу въ Черноморскій флотъ, посѣщали насъ довольно часто; графиня Кастро де-ла-Сердо, богатая помѣщица, постоянно проводившая зиму въ Николаевѣ съ своими дѣтьми, и многія городскія дамы пріѣзжали къ намъ по вечерамъ. Тетушка Екатерина Семеновна проживала съ мужемъ въ Польшѣ (онъ все еще находился при Суворовѣ), но нѣсколько разъ пріѣзжала къ намъ, въ Николаевъ, и гостила у насъ.

У отца моего былъ всегда открытый столъ; кромѣ всего нашего семейства, многіе офицеры, служившіе подъ его начальствомъ, часто приходили обѣдать безъ особеннаго приглашенія, такъ что у насъ бывало за столомъ иногда тридцать и сорокъ человѣкъ. Вечера были полны пріятнымъ, оживленнымъ обществомъ, и такъ какъ въ Николаевѣ много было молодыхъ людей, то два раза въ недѣлю были балы, одинъ день у насъ, а другой въ клубѣ; были маскарады, кавалькады и вообще проводили время очень весело. Здѣсь родилась дочь Наталья въ 1794 году, Іюня 10-го дня.

Библиотека "Руниверс"

Отецъ мой нѣжно любилъ мою матушку и дѣтей своихъ, раздѣлялъ съ нею всѣ попеченія и безпокойства, часто ихъ убаюкивалъ и укачивалъ; когда были больны, самъ давалъ лекарства и вообще обращалъ вниманіе на самые малѣйшіе предметы въ отношеніи къ намъ; даже когда обремененъ былъ дѣлами, то и тогда дѣти были особенною его заботою, и въ самое время веселья онъ занимался ими. Я помню, на домашнихъ балахъ, какъ отецъ бралъ на руки меньшую дочь, Наташу, и съ нею танцовалъ кругомъ залы нѣсколько разъ.

Въ то время балы начинались рано, и дѣти съ нянюшками стояли у дверей и смотрѣли на танцующихъ. Я помню тоже, какъ былъ данъ балъ для Суворова; онъ подходилъ и ласково шутилъ съ нами; помню, какъ завѣшивали у насъ зеркала, а въ кабинетѣ отца моего была приготовлена для Суворова ванна и ушатъ со льдомъ, и тутъ же стоялъ Прошка *).

Отецъ разсказывалъ, какъ разъ онъ былъ озабоченъ во время Турецкой войны. Однажды онъ принесъ планъ Суворову и, разложивъ на столъ, просилъ рѣшенія на счетъ какихъ-то распоряженій, но тотъ, вмѣсто отвѣта прыгалъ около стола и повторялъ: *ку-ку-ри-ку*, что̀ онъ обыкновенно дѣлалъ, когда не хотѣлъ отвѣчать. Отецъ, потерявъ терпѣніе, долженъ былъ уйти со своимъ планомъ и рѣшить самъ: какъ дѣйствовать, безъ совѣта Суворова?

Я помню другой анекдотъ, разсказанный отцомъ. Нужно было послать войско на штурмъ какого-то города, и велѣно изготовиться къ приступу; но оказалось много больныхъ, и Суворовъ приказалъ, своимъ манеромъ, *чтобы больныхъ не было* и чтобы изъ госпиталей всѣхъ послать на штурмъ, что̀ и исполнили: вывели всѣхъ солдатъ изъ больницъ, въ госпитальныхъ шлафорахъ и колпакахъ, посадили на шлюпки и отправили тоже на приступъ; кажется, это было ночью. И что же? Суворовскій приказъ, такъ сказать, перетряхнулъ изнуренныхъ воиновъ: они пободрѣли, и все кончилось удачно; оставшіеся въ живыхъ возвратились безъ лихорадки. Такъ оживляло всѣхъ одно слово Суворова, умѣвшаго говорить душѣ Русскаго человѣка!

Изъ Николаева отецъ мой ѣздилъ нѣсколько разъ въ Крымъ, а одно лѣто мы ѣздили всѣмъ семействомъ и жили въ Бахчисарайскомъ дворцѣ.

Лѣто мы всегда проживали за городомъ; одинъ годъ жили въ Богоявленскомъ, въ 12-ти верстахъ отъ Николаева, остальные годы— въ Спасскомъ, прекрасномъ мѣстѣ, на берегу рѣки Буга (оба осно-

*) Камердинеръ Суворова.

Библиотека "Руниверс"

ваны Потемкинымъ). Туда по Воскресеньямъ пріѣзжали гости изъ города, гуляли, веселились, и вечеръ всегда оканчивался танцами.

Многіе путешествующіе останавливались въ Николаевѣ, проживали мѣсяцами въ этомъ счастливомъ уголкѣ, увлекаясь пріятнымъ обществомъ и жизнію, которую тамъ проводили, и называли его маленькимъ оазисомъ въ степи, въ новомъ нашемъ малонаселенномъ краѣ.

Когда происходилъ раздѣлъ наслѣдственнаго имѣнія, отцу моему братья его поручили заняться этимъ дѣломъ, что̀ онъ и исполнилъ. Отдѣливъ изъ Бѣлорусскаго имѣнія тремъ сестрамъ, раздѣлилъ на три части братьямъ, предоставивъ выборъ каждому по желанію. Отцу моему досталось Покровское *) съ деревнями и имѣніе въ Бѣлоруссіи, въ которомъ заключалась часть и Петра Семеновича.

Дядюшки мои были красавцы и достойные молодые люди, но большіе щеголи и моты. Петръ Семеновичъ, послѣ смерти своей, оставилъ много долговъ, и отецъ мой, не желая отдать имѣнія въ чужія руки, взялъ его себѣ и уплатилъ всѣ его долги. Александръ Семеновичъ прожилъ все свое имѣніе и еще у отца моего забралъ въ разное время триста тысячъ ассигнаціями, которыя остались неуплаченными, и умеръ уже въ пожилыхъ лѣтахъ.

Когда Людовикъ XVIII-й, во Франціи, вступилъ на престолъ, то назначилъ Александру Семеновичу пенсію, въ вознагражденіе за то, что онъ, будучи министромъ въ Венеціи, содѣйствовалъ къ спасенію принцессъ, королевскихъ тетушекъ, когда онѣ пріѣзжали изъ Франціи въ Венецію, во время Французской революціи. По кончинѣ Александра Семеновича пенсія продолжалась и вдовѣ его.

Отецъ мой всегда былъ очень степенный человѣкъ, не любилъ щеголять и даже скупъ былъ для себя, но щедръ для другихъ; не только не отказывалъ въ помощи, но самъ предупреждалъ нуждающихся.

Кромѣ родовыхъ имѣній, которыми владѣлъ отецъ мой, пожаловала ему Императрица Екатерина большую часть Ялтинской долины; отъ Государя Павла Петровича онъ получилъ тысячу душъ въ Воронежской и Тамбовской губерніяхъ. Кача по духовному завѣщанію досталась ему отъ пріятеля его Фалѣева.

Г-нъ Фалѣевъ былъ очень богатъ и не имѣлъ прямыхъ наслѣдниковъ; нѣсколько разъ при жизни своей онъ просилъ моего отца, въ знакъ дружбы, принять отъ него это имѣніе, и мой отецъ всегда отказывалъ, но по смерти Фалѣева принялъ въ память, по завѣщанію.

---

*) Новгородской губерніи.

Библиотека "Руниверс"

Въ то время въ Крыму имѣнія продавались по дешевымъ цѣнамъ; отецъ мой купилъ Саук-су, Эльбузлу и виноградники въ Судакѣ. Сабли и Корениху тоже купилъ, но опять продалъ, чтобы пріобрѣсть Байдарскую долину и имѣніе въ Пензенской губерніи; купилъ еще въ Днѣпровскомъ уѣздѣ Черную Долину и земли въ Мелитопольскомъ уѣздѣ, въ Саратовской и Оренбургской губерніяхъ, и всѣ населилъ крестьянами изъ другихъ деревень.

Въ «Исторіи Малороссіи» Н. Маркевича (стр. 619, томъ 2-й) упоминается о Черной Долинѣ, подъ названіемъ Серкетъ и Гайманъ. Вѣроятно это таже самая, которая теперь принадлежитъ намъ.

VI.

При вступленіи на престолъ Государя Павла Петровича отецъ мой былъ произведенъ въ адмиралы. Кажется, около этого времени, Государь послалъ Рибаса въ Николаевъ, предоставляя отцу моему рѣшить судьбу Рибаса, и даже дозволилъ сослать его въ Сибирь. Вѣроятно, Государю извѣстны были всѣ дѣйствія этого хитраго человѣка, также непріязнь и интриги противъ отца моего; но отецъ мой, по пріѣздѣ Рибаса, самъ поѣхалъ къ нему, великодушно простилъ его и пригласилъ къ себѣ обѣдать.

Рибасъ признался моей матушкѣ, съ какимъ страхомъ онъ ожидалъ свиданія съ моимъ отцомъ, и какъ поразила его великодушная встрѣча, но благодарности за это не почувствовалъ. Во время пребыванія своего еще въ Николаевѣ онъ снова началъ интриговать фальшивыми доносами.

Отецъ мой, по приказанію Государя, отправился изъ Николаева къ нему въ Петербургъ, и ожидалъ себѣ лестнаго пріема. Не доѣзжая заставы, когда было уже довольно темно, онъ въ каретѣ задремалъ. Вдругъ слышитъ около своего экипажа топотъ лошадей; вообразилъ себѣ, что это былъ знакъ почетной встрѣчи. При самомъ въѣздѣ его въ городъ, офицеръ подъѣхалъ къ окну кареты и почтительно спросилъ: куда онъ прикажетъ его везти? Тогда отецъ мой удивился и сказалъ: «чтó это значитъ?» и получилъ въ отвѣтъ, что по волѣ Государя онъ арестованъ.

Не желая навлечь кому либо изъ пріятелей неудовольствія своимъ пріѣздомъ, будучи подъ арестомъ, онъ рѣшился ѣхать къ одной родственницѣ-вдовѣ, и остановиться у нея. «Ma cousine, сказалъ онъ, войдя въ комнату, примите ли вы арестанта?»—Разумѣется, родственница ему не отказала; когда же онъ удалился въ приготовленную для

Библиотека "Руниверс"

него комнату, офицеръ объявилъ, что ему приказано не отлучаться отъ него; но отецъ мой уговорилъ его спокойно лечь спать, завѣривъ, что не уйдетъ, и самъ всю ночь провелъ, ходя по комнатѣ, въ раздумьи, какая бы могла быть причина его ареста, и не зналъ чему приписать.

На другой день явился къ нему посланный съ объявленіемъ, что назначена коммисія его судить, куда и попросятъ его явиться.

Государь, любя моего отца и боясь его погубить, спросилъ у своего секретаря, Кушелева, какъ онъ думаетъ, можетъ ли Мордвиновъ оправдаться? «Если нѣтъ,—я запрещаю судить его; но если можетъ,—пусть судятъ!» На это Кушелевъ отвѣчалъ: я увѣренъ, что Мордвиновъ ни въ чемъ невиноватъ противъ своего Государя.

Когда отецъ мой явился въ коммисію, на столѣ лежала кипа бумагъ, по которой ему дѣлали такіе странные и неясные вопросы, что онъ ничего не могъ понять, въ чемъ его обвиняли, и просилъ довѣрить ему бумаги разсмотрѣть у себя, на чтó и согласились.

Пріѣхавъ домой, отецъ мой раскрылъ пакетъ, и маленькая записка, которая, вѣроятно, по нечаянности была тутъ, разъяснила ему все дѣло. Едва онъ успѣлъ прочесть ее, какъ прискакалъ посланный изъ коммисіи, требуя отъ него поспѣшно бумаги обратно. Онъ закрылъ пакетъ, вручилъ его посланному и сказалъ: «возьмите, мнѣ болѣе ничего не нужно, я все понялъ». На другой день явился къ нему князь Куракинъ и, проливая слезы, уговаривалъ просить прощенія у Государя, который всегда его любилъ и, вѣроятно, окажетъ ему свою милость. Отецъ мой отвѣчалъ ему: «никогда я этого не сдѣлаю, потому что ни въ чемъ не признаю себя виновнымъ; но знайте, князь, что если я даже буду сосланъ въ Сибирь, и оттуда бойтесь меня!»

Отецъ мой, не бывъ виновенъ, оправдался, и враги его не достигли своей цѣли; но, зная неустрашимую откровенность его и любовь Павла Петровича къ нему съ дѣтства, уговорили Государя не призывать къ себѣ Мордвинова, будто бы по той причинѣ, что онъ можетъ, по горячности своей, сказать что-нибудь непріятное и тѣмъ подвергнуться немилости. Государь согласился не видать его, подарилъ при этомъ ему тысячу душъ, предоставивъ выборъ имѣнія гдѣ пожелаетъ, и уволилъ его отъ службы.

Отецъ мой принялъ это какъ знакъ милости, а не гнѣва, и что Государь увольненіемъ удалилъ его, чтобы спасти отъ происковъ враговъ его.

Вспоминая о Павлѣ Петровичѣ, отецъ мой говаривалъ о немъ, что онъ имѣлъ много благородныхъ душевныхъ качествъ, но его вспыльчивость, мнительность и настойчивость въ требованіяхъ — немедленно

Библиотека "Руниверс"

исполнять волю его много ему вредили; иные изъ окружающихъ его пользовались тревожнымъ характеромъ и медлили исполнять его приказанія, чтобы, раздраживъ его, поднести доносы о тѣхъ, кого хотѣли по злобѣ погубить.

Помнится мнѣ, что одно изъ нареканій на моего отца состояло въ томъ, что будто онъ не радовался восшествію на престолъ Павла Петровича и скорбѣлъ о кончинѣ Екатерины.

VII.

Въ Николаевѣ, въ 1799 году, Февраля 24 дня, родился братъ Александръ, а въ Маѣ мѣсяцѣ мы всѣ поѣхали въ Крымъ. На пути остановились въ имѣніи графа Каховскаго на нѣсколько недѣль, по его приглашенію. Оставивъ насъ, отецъ поѣхалъ въ Саук-су, въ наше имѣніе, гдѣ онъ назначилъ намъ будущее мѣстопребываніе. Селеніе это находится въ узкой долинѣ, окруженной высокими горами, покрытыми темнымъ, густымъ лѣсомъ; кой-гдѣ виднѣлись дикія разнообразныя скалы; иныя изъ нихъ казались намъ развалинами, убѣжищемъ какихъ-нибудь отшельниковъ древнихъ временъ. Между горами протекаетъ рѣчка Саук-су *) и раздѣляетъ селеніе на двѣ части; посреди селенія на этой рѣчкѣ бьетъ фонтанъ чистѣйшей воды; мѣсто очень живописное, но чрезвычайно мрачное. Отецъ мой, избравъ на склонѣ горы мѣсто для постройки дома, очистилъ нѣсколько Татарскихъ избъ для временнаго нашего помѣщенія, и мы туда переѣхали. Съ нами были: тетушка Анна Семеновна съ сыномъ, маленькимъ его товарищемъ и гувернеромъ, м-мъ Гаксъ съ дочерью, наша гувернантка и матушкина сестрица м-мъ Мадексъ съ мужемъ и двумя дѣтьми, которыя пріѣхали изъ Англіи погостить къ намъ въ Николаевъ. Отецъ мой занялся постройкою дома, пользуясь матеріаломъ большаго неоконченнаго завода. Пока строился домъ, всѣ жили отдѣльно въ Татарскихъ домикахъ и приходили обѣдать всѣ къ намъ.

Матушка, неразлучная съ батюшкой, всегда находила большое удовольствіе раздѣлять труды его въ устройствѣ хозяйства и разведеніи маленькаго сада передъ домомъ. Тамъ былъ еще большой фруктовый садъ, но въ нѣкоторомъ разстояніи отъ избраннаго мѣста. Домъ былъ къ зимѣ готовъ, хотя каменный, но совершенно сухой. Отецъ мой придумалъ средство просушивать стѣны маленькими печурками въ

*) Саук-су потатарски—холодная вода.

Библиотека "Руниверс"

стѣнѣ, между окнами, гдѣ постоянно держали огонь. По окончаніи внутренней отдѣлки дóма ихъ задѣлали.

Сосѣдей около насъ не было никого, кромѣ проживавшихъ въ Судакѣ должностныхъ людей и владѣльцевъ, разводившихъ виноградники. Въ числѣ ихъ жилъ академикъ Палласъ, извѣстный ученому свѣту по своимъ путешествіямъ и сочиненіямъ. Онъ часто видѣлся съ отцомъ моимъ, и дочь его пріѣзжала къ намъ. Мы также часто ѣздили въ Судакъ, гдѣ тоже были у насъ виноградники, и такъ какъ Саук-су на Судакской большой дорогѣ, то изъ проѣзжающихъ въ Судакъ иные заѣзжали къ намъ.

Тихо и мирно прошла первая зима; казалось, что всѣ были счастливы. Мы, дѣти, по крайней мѣрѣ веселились и наслаждались сельскою жизнію; все насъ занимало; часто вечера проводили въ танцахъ; даже бывали дѣтскіе маскарады. Насъ, дѣтей, было много; казалось, что и родители наши не скучали, и въ этой глуши наше веселье было имъ единственное развлеченіе, но болѣе всѣхъ оживлялъ насъ маленькій братецъ, который былъ очень милъ и забавенъ и удивительный красавчикъ. Онъ чрезвычайно любилъ музыку, и хотя былъ по другому году, но умѣлъ отличить, когда играли чтó ему нравилось, и тогда начиналъ прыгать на рукахъ няни.

Нянею его была прежняя его кормилица, Домна Аксеновна, жена дворецкаго Филипа Андреева, вѣрная и преданная женщина стараго времени, любила насъ всѣхъ какъ родныхъ; родители мои очень ее уважали.

По вечерамъ отецъ мой всегда сидѣлъ въ гостиной съ нами; я помню даже, что въ Николаевѣ обыкновенно садился подлѣ матушки и занимался дѣлами, не развлекаясь разговорами окружающихъ его, но часто уходилъ въ залу и, прохаживаясь по комнатѣ, казалось, углублялся въ размышленія. Можетъ быть и въ это время занимали его какія-нибудь дѣла, но я знаю, что у него было обыкновеніе всегда давать себѣ отчетъ, каждый вечеръ, съ пользою ли онъ провелъ этотъ день. Повѣряя свои дѣйствія и чувства, онъ мысленно спрашивалъ себя, «не потерялъ ли я минуты безъ пользы?» Даже лишній часъ сна онъ считалъ потерею времени, и когда былъ молодъ, приказывалъ человѣку окачивать ему голову холодною водою, если въ назначенный часъ онъ не могъ самъ проснуться. Желая и насъ пріучить слѣдовать его примѣру, онъ заставлялъ насъ писать ежедневно журналъ, который не требовалъ подавать ему, но для того, чтобъ мы сами себя повѣряли. Родители вели насъ такъ, что не только не наказывали, даже и не бранили; но воля ихъ всегда была для насъ священна. Отецъ нашъ

Библиотека "Руниверс"

не любилъ, чтобъ дѣти ссорились, и когда услышитъ между нами какой-нибудь споръ, то, не отвлекаясь отъ своего занятія, скажетъ только: *le plus sage cède* *),—и у насъ все умолкнетъ.

VIII.

Прошла первая зима, открылась весна, наступило и лѣто—все шло хорошо и благополучно. Всѣ наши сельскія занятія, прогулки по лѣсамъ, полямъ, лугамъ, работы въ виноградникахъ, сборъ разныхъ плодовъ, орѣховъ и ягодъ въ нашихъ садахъ, приносили намъ большое удовольствіе; помогая нашими дѣтскими руками садовникамъ и работникамъ, унося изъ сада домой мѣшечки и корзинки съ фруктами, по нашей силѣ, мы, какъ намъ казалось, тоже были полезны.

Къ началу второй зимы все понемногу стало измѣняться. Наша гувернантка и домашній докторъ занемогли лихорадкой и насъ оставили; г-жа Гаксъ принуждена была ѣхать къ замужней дочери; тетушка и дядюшка Мадексъ скончались отъ нервной горячки. Эта потеря оставила очень грустное впечатлѣніе, особенно матушкѣ. Дѣти ихъ въ послѣдствіи уѣхали къ тетушкѣ Партриджъ, которая, желая ихъ сдѣлать своими наслѣдниками, взяла ихъ къ себѣ.

При насъ остались только тетушка Анна Семеновна и дочь г-жи Гаксъ.

Потомъ начали доходить до насъ слухи о появленіи разбойниковъ въ сосѣднихъ лѣсахъ, смежныхъ съ нашими, о грабежѣ и нападеніи, наконецъ, найдено было тѣло убитаго Татарина на дорогѣ, недалеко отъ Саук-су; наѣхала полиція производить слѣдствіе, удвоили у насъ караулъ по ночамъ, дали сторожамъ ружья и трещетки. Разъ было маленькое нападеніе на нашъ скотный дворъ, который находился близъ лѣса и довольно далеко отъ селенія; похититель куръ постращалъ нашего скотника, что скоро они доберутся и до насъ. Однажды, вечеромъ, мы услышали трещетку караульнаго; всѣ побѣжали на мѣсто тревоги и воротились со смѣхомъ, узнавъ, что захватили человѣка, пробиравшагося къ мельницѣ, который оказался одинъ изъ бывшихъ нашихъ каменщиковъ; онъ притворился пьянымъ, и его отпустили.

Вслѣдствіе всѣхъ этихъ безпокойствъ, отецъ мой рѣшился ѣхать въ Симферополь и объяснить объ этомъ губернатору; намъ прислали трехъ казаковъ.

---

*) Кто всѣхъ умнѣе, тотъ уступи.

Библиотека "Руниверс"

Изъ Симферополя вскорѣ матушка получила извѣстіе отъ отца моего, что Государь Павелъ Петровичъ скончался, и что отецъ желаетъ ѣхать въ Петербургъ служить молодому царю. Матушка и тетушка такъ обрадовались, что сейчасъ начали укладываться, и когда отецъ возвратился, все было готово къ отъѣзду, и съ радостію всѣ отправились, въ Маѣ 1801 года. Лѣтъ пять послѣ того мы узнали, что когда отецъ мой искалъ работниковъ для постройки дома въ Саук-су, то къ нему явился разбойничій атаманъ съ своею шайкою, скрывавшейся нѣсколько лѣтъ въ тѣхъ отдаленныхъ мѣстахъ отъ преслѣдованій полиціи и, занимаясь у насъ работою, они избавлялись отъ подозрѣній.

Когда атаманъ шайки былъ пойманъ, многіе въ Херсонѣ ходили смотрѣть его, и м-мъ Гаксъ тоже любопытствовала, пошла съ другими городскими дамами взглянуть на него, и этотъ разбойничій атаманъ оказался—подрядчикъ нашъ Кашинъ! Она узнала его, и онъ ей признался во всемъ и сказалъ, что онъ никогда бы не сдѣлалъ намъ никакого вреда.

Путь нашъ до Петербурга продолжался почти четыре мѣсяца. Въ Симферополѣ пробыли мы двѣ недѣли; у дядюшки Маркова, въ Малороссіи, прогостили мѣсяцъ; потомъ продолжали нашъ путь, и какъ у насъ много было экипажей, каретъ и кибитокъ, то мы ѣхали на долгихъ, останавливаясь въ каждомъ городкѣ и почти въ каждомъ помѣщичьемъ имѣніи, хотя приходилось иногда для этого сворачивать въ сторону съ большой дороги на нѣсколько верстъ, гдѣ только была возможность. Если сами помѣщики находились въ имѣніи своемъ, то принимали насъ очень радушно, нѣсколько дней не отпускали, угощали по Русскому гостепріимству того времени, снабжали насъ въ путь разной провизіей и печеньемъ всякаго рода; гдѣ же въ имѣніи былъ господскій домъ, а хозяева въ отсутствіи, то управляющіе ихъ радостно принимали, предлагая весь домъ къ услугамъ, и если матушкѣ нравилось, то мы оставались нѣсколько дней. Въ Москвѣ мы остановились у пріятеля отца моего, князя Вяземскаго *), и пробыли тамъ нѣсколько времени. Въ Клину встрѣтили эстафетъ отъ Государя Александра Павловича съ приглашеніемъ отцу моему вступить вновь на службу. Тогда мы поѣхали уже на почтовыхъ, а обозъ оставили продолжать путь на долгихъ.

Пріѣхавъ въ Петербургъ, отецъ мой поступилъ на службу и былъ назначенъ вице-призидентомъ Адмиралтейской Коллегіи.

Въ 1802 году его назначили министромъ морскихъ силъ, но противъ него столько было интригъ, что вскорѣ онъ вышелъ въ отставку.

---

*) Князя Андрея Ивановича. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

Одинъ изъ дѣйствующихъ лицъ былъ прежній его пріятель П. В. Чичаговъ, потомъ онъ же сдѣлался врагомъ отцу моему и поступилъ на его мѣсто въ 1804 году.

Почти съ самаго пріѣзда въ Петербургъ отецъ мой сильно простудился и жестоко страдалъ ревматизмомъ въ глазахъ; впослѣдствіи боль эта, благодаря Бога, прекратилась, но онъ былъ подверженъ рожѣ на головѣ, особенно когда къ простудѣ присоединялась какая-нибудь непріятность.

Всѣмъ было извѣстно, какъ отецъ мой любилъ отечество и сколько государственныя дѣла были близки его сердцу. Въ частныхъ дѣлахъ также, когда торжествовала несправедливость, это его сильно волновало.

Въ 1805 году отецъ мой во второй разъ рѣшался ѣхать за границу и опять не могъ исполнить своего желанія. Все уже было готово къ отъѣзду, онъ продалъ всѣ свои картины первыхъ Итальянскихъ живописцевъ, часть библіотеки и многія другія вещи; наконецъ, устроивъ все, мы отправились. Остановясь въ Царскомъ Селѣ, прогостили недѣлю. Вдругъ была объявлена война, и столько выступало войскъ изъ Петербурга, что намъ невозможно было имѣть почтовыхъ лошадей, и мы добрались только до Луги.

Не доѣзжая Луги, мы остановились на одной изъ станцій, сидѣли въ избѣ и обѣдали. Въ это время проѣзжалъ Михаилъ Илларіоновичъ Кутузовъ съ войсками. Узнавъ, что отецъ мой находится въ селеніи, Кутузовъ пришелъ къ намъ въ избу, долго разговаривалъ о военныхъ дѣлахъ, и отецъ рѣшилъ ѣхать не за границу, а въ Бѣлоруссію, гдѣ мы и оставались до Сентября. Тетушка Анна Семеновна была также съ нами, и мы вмѣстѣ гостили у тетушки и дядюшки Марковыхъ, которые тогда жили въ Бѣлоруссіи. Оттуда мы поѣхали въ Кіевъ, а тетушка Анна Семеновна возвратилась въ Петербургъ, потому что сынъ ея служилъ въ Иностранной Коллегіи, а потомъ поступилъ въ милицію и былъ контуженъ при взятіи Данцига.

Въ Кіевѣ мы прожили зиму; отецъ мой занялся самъ нашими уроками. Въ послѣдніе два года пребыванія нашего въ Петербургѣ мы ѣздили на лекціи къ профессору, который преподавалъ уроки физики; но и отецъ продолжалъ намъ толковать эту науку, а также и по другимъ предметамъ, даже по астрономіи и архитектурѣ. Онъ не любилъ педантизма въ женщинахъ, но хотѣлъ, чтобъ мы имѣли понятіе о всѣхъ наукахъ. Что̀ касалось природы, онъ самъ толковалъ намъ о всѣхъ ея силахъ и часто обращался въ разсказахъ къ чудесамъ созданія, чтобы мы чувствовали и болѣе понимали премудрость Создателя во всѣхъ Его твореніяхъ; кромѣ того, онъ требовалъ, чтобы у насъ для чтенія всегда было какое-нибудь сочиненіе нравственное или рели-

Библиотека "Руниверс"

гіозное. Часто заставлялъ насъ читать Четьи-Минеи и другія Славянскія книги.

Говоря объ иновѣрцахъ, онъ протестантство предпочиталъ католицизму, замѣчая у католиковъ много злоупотребленій, но не позволялъ намъ входить въ споръ съ иновѣрцами.

Въ Кіевъ пріѣзжали къ намъ гостить тетушка и дядюшка Марковы, а весною отецъ мой поѣхалъ въ Крымъ. Мы, въ ожиданіи его возвращенія, оставались въ Кіевѣ, провели нѣсколько времени въ Дѣдовщинѣ, имѣніи пріятеля отца моего, князя Долгорукова, сто верстъ отъ Кіева, не теряя еще надежды ѣхать за границу; но отецъ изъ Николаева прислалъ г-жу Гаксъ къ матушкѣ сказать, что онъ желаетъ, чтобъ мы его встрѣтили въ Одессѣ.

Въ Николаевѣ была трогательная встрѣча отцу моему. При переправѣ черезъ рѣку Бугъ, матросы, бывшіе прежде подъ его начальствомъ, на спускѣ къ рѣкѣ, отпрягли лошадей и карету его повезли на себѣ, въ доказательство любви и преданности къ бывшему своему начальнику.

Въ Одессѣ мы прожили нѣсколько мѣсяцевъ у дядюшки Ѳомы Александровича, который въ Царицынѣ женился и потомъ въ Одессѣ былъ комендантомъ *). Здѣсь отецъ мой познакомился съ Молдавскимъ господаремъ княземъ Маврокордато, который уговорилъ родителей моихъ ѣхать въ Москву, на что́ они и рѣшились.

IX.

Въ 1806 году, вскорѣ по пріѣздѣ нашемъ въ Москву, одинъ изъ пріятелей отца, Московскій житель, князь Гагаринъ, заѣхалъ къ намъ и уговорилъ его ѣхать съ нимъ въ дворянское собраніе, по случаю объявленія о наборѣ милиціи; на другой день изъ любопытства и мы поѣхали туда же, на хоры, гдѣ собрались всѣ Московскія дамы.

Въ большой залѣ собранія были разставлены столы; за каждымъ столомъ сидѣли члены каждаго уѣзда. Зала и хоры были наполнены. Когда мы взошли на хоры, осматривая залу, мы увидѣли предъ собою все собраніе Московскихъ дворянъ, но главный предметъ нашего вниманія былъ—отецъ нашъ. Въ собраніи были нѣкоторые, знавшіе

---

*) Ѳома Александровичъ Коблей, братъ моей матушки, въ молодости своей вступилъ въ Русскую службу и былъ адъютантомъ у Кутузова, при немъ Кутузовъ былъ раненъ; послѣ того дядя мой служилъ въ Николаевѣ.

Библиотека "Руниверс"

его лично, но многіе знали его только по общей молвѣ и желали видѣть его. Смотря на него, нельзя было не чувствовать, что въ немъ было нѣчто отличное: осанка благородная, взоръ, полный ума и проницательности; на лицѣ его изображалась вся доброта и чистота его души.

Во второе собраніе отецъ мой замѣтилъ особенное вниманіе публики; около него собирались кружки, что̀ было непріятно ему; относя это къ пустому любопытству, и чтобы избѣгнуть этого, онъ удалился въ другую комнату, но и туда послѣдовали за нимъ; наконецъ, онъ ушелъ въ третью. Въ отсутствіе его мы слышали въ залѣ собранія частое громкое повтореніе публикою его имени, но не знали тому причины. Послѣ оказалось, что одинъ изъ самыхъ значительныхъ Московскихъ дворянъ, желая быть избраннымъ въ начальники ратниковъ, противился избранію моего отца въ это званіе, но публика, не умолкая повторяла, *Мордвинова!* Когда посланный отъ дворянъ отыскалъ его, то объявилъ, что все дворянство проситъ его возвратиться въ залу, потому что всѣ единогласно избираютъ его начальникомъ ратниковъ всей Московской губерніи. На это отецъ мой отвѣчалъ, что онъ не имѣетъ никакого на то права, такъ какъ онъ не Московскій дворянинъ, но что благодаритъ за честь, которую дѣлаютъ ему. Вторично посланный просилъ его возвратиться въ собраніе и не отказывать выбору дворянства; тогда отецъ мой послѣдовалъ за нимъ въ залу, и намъ было очень чувствительно видѣть, какъ онъ подходилъ ко всѣмъ столамъ и съ какимъ почтеніемъ всѣ принимали его благодарность.

Выборы продолжались, занялись формированіемъ ратниковъ; но, по случаю вскорѣ послѣдовавшаго заключенія мира съ Наполеономъ, милиція была распущена. Этотъ выборъ столь лестенъ былъ отцу моему, что онъ сохранилъ о немъ самое пріятное воспоминаніе, и когда впослѣдствіи, ему приходилось одѣваться въ мундиръ, то онъ всегда съ удовольствіемъ надѣвалъ мундиръ милиціи.

Въ 1807 году мы ѣздили изъ Москвы въ Тамбовскую, Воронежскую и Пензенскую губерніи, обозрѣвать свои имѣнія, и чтобы это путешествіе было намъ въ пользу, отецъ заставлялъ насъ вести журналъ, въ какой мѣстности какая почва земли и гдѣ какая растительность.

Въ Москвѣ въ то время еще оставалось много знатныхъ древнихъ фамилій; туда удалялись иные, недовольные милостями двора, или, избѣгая придворныхъ интригъ, поселялись тамъ; изъ провинцій также многія семейства пріѣзжали зимовать въ Москву, такъ что тогда она была довольно многолюдна, и въ ней свободнѣе веселились; но

Библиотека "Руниверс"

поговаривали иногда что въ Москвѣ, красавицъ много, а жениховъ мало; всѣ молодые люди были на службѣ въ Петербургѣ.

Родителямъ моимъ понравилась Москва; тамъ нашли они нѣсколько старыхъ знакомыхъ и съ иными подружились. Тетушка Анна Семеновна пріѣхала жить съ нами, тетушка и дядюшка Марковы провели у насъ зиму; вообще, пріятно и хорошо намъ было. Родители мои думали на вѣкъ поселиться въ Москвѣ, купили домъ въ Басманной улицѣ и Подмосковную, и хотя имѣли довольно знакомыхъ, но жили очень уединенно. Братъ сталъ уже подростать, и отецъ мой самъ занимался его уроками.

Въ концѣ 1809 г. разнесся слухъ, что Государь Александръ Павловичъ намѣренъ посѣтить Москву. Въ тотъ день, когда его ожидали, поутру зашелъ къ намъ Александръ Марковичъ Полторацкій и сказалъ отцу моему, что сегодня ожидаютъ пріѣзда Государя и что вся Москва собирается встрѣчать его. Отецъ мой тоже поѣхалъ и отправился прямо въ соборъ, куда много уже съѣхалось для встрѣчи.

Долго ждали Царя; столько тѣснилось народу около него, что онъ съ большою медленностью могъ доѣхать до собора. Народъ цѣловалъ ноги и платье Государя, даже лошадь, на которой онъ ѣхалъ, чтó было очень чувствительно. Сильна любовь Русскаго народа къ Царю, отцу своему! Вспоминая этотъ день, Государь Александръ Павловичъ говорилъ: c'était le plus beau jour de ma vie *).

Послѣ молебствія, изъ собора всѣ поѣхали во дворецъ. Императоръ, остановясь въ залѣ, со многими изволилъ привѣтливо разговаривать; отецъ мой не выступалъ впередъ, и Государь, увидѣвъ его въ толпѣ, сдѣлалъ движеніе къ нему; стоявшіе вблизи отступили; онъ подошелъ къ отцу моему и разговаривалъ съ нимъ очень милостиво. Во время пребыванія Государя въ Москвѣ были даны большіе обѣды и балы дворянствомъ и купечествомъ, а когда Царь обѣдалъ у себя, то приглашенныхъ было немного, но въ числѣ ихъ всегда былъ отецъ мой. Послѣдній день во дворцѣ былъ большой балъ.

По отъѣздѣ Государя, всѣ начали говорить, что вѣроятно цѣль его посѣщенія была та, чтобы пригласить иныхъ старыхъ заслуженныхъ сановниковъ опять къ себѣ на службу; въ числѣ ихъ публика назначила отца моего, чтó и случилось.

Нѣсколько дней спустя, когда мы всѣ радовались, что предположеніе Москвитянъ не сбылось, въ одинъ вечеръ сидѣли мы всѣмъ семействомъ довольно поздно, вдругъ пришли доложить, что пріѣхалъ

*) То былъ прекраснѣйшій день въ моей жизни.

Библиотека "Руниверс"

фельдъегерь съ эстафетомъ отъ Государя. Всѣ вздрогнули; отецъ приказалъ позвать и принялъ отъ него пакетъ, распечаталъ и началъ читать. Все наше вниманіе было обращено на него. Вдругъ онъ поблѣднѣлъ, и матушка сейчасъ спросила: что́ такое? Онъ отвѣчалъ: «Государь приглашаетъ меня служить опять въ Петербургъ». Матушка, смутившись, сказала: «И ты согласенъ на это?»—«Не могу отказать Государю, сказалъ отецъ: я долженъ ѣхать». Она замолчала.

Отецъ говорилъ, что каждый честный человѣкъ не долженъ уклоняться отъ обязанности, которую на него возлагаетъ верховная власть или выборъ гражданъ.

Матушка раздѣляла всѣ его чувства—любви и преданности къ Царю и отечеству, которое она считала какъ своимъ, и интересовалась всѣмъ что́ касалось до Россіи, поэтому и не удерживала его исполнять то, что́ онъ считалъ своимъ долгомъ.

Чрезъ нѣсколько дней къ отъѣзду отца все было готово. Онъ рѣшилъ, что мы должны остаться въ Москвѣ до весны. Разлука съ нимъ печалила матушку; она тревожилась, но скрывала свои чувства, чтобы не безпокоить его, и утѣшала себя мыслію, что наши Марковы жили ту зиму въ Петербургѣ, и увѣрена была, что они будутъ имѣть о немъ самое родственное попеченіе, зная, какъ много разъ они доказывали свою дружбу.

По пріѣздѣ въ Петербургъ, отецъ мой поступилъ на службу и съ учрежденіемъ Государственнаго Совѣта былъ назначенъ членомъ онаго и предсѣдателемъ департамента экономіи.

X.

1810 г. весною мы всѣ пріѣхали въ Петербургъ, и тетушка Анна Семеновна съ нами; другія обѣ тетушки жили тогда въ Петербургѣ съ семействами. Пріѣхали къ намъ г-жа Гаксъ и дядюшка Ѳома Александровичъ; было еще нѣсколько семействъ дальнихъ родственниковъ и короткихъ знакомыхъ. Въ Петербургѣ тогда находились на службѣ изъ Черноморскаго флота нѣсколько адмираловъ съ семействами, которые продолжали знакомство съ нами. Все это составляло довольно большое общество, и нецеремонное, и всѣмъ было общее приглашеніе.

Отецъ любилъ, чтобы мы веселились, и у насъ для танцевъ назначенъ былъ день—Воскресенье. Онъ часто приглашалъ гостей къ обѣду, бывъ очень гостепріименъ и всегда имѣлъ хорошій столъ. Когда кого онъ звалъ обѣдать въ первый разъ, то, провожая, обыкновенно говорилъ, что онъ обѣдаетъ въ такомъ-то часу, и кому угодно

Библиотека "Руниверс"

сдѣлать ему честь—онъ всегда будетъ радъ. Многіе пользовались этимъ приглашеніемъ; только всегда присылали узнавать, дома ли обѣдаютъ. Кромѣ Петербургскихъ знакомыхъ, часто и пріѣзжіе иностранцы, или кто-либо изъ губерній, предводитель дворянства, губернаторъ и другія лица, обѣдали у насъ. Отецъ самъ нигдѣ никогда не оставался обѣдать, кромѣ, когда былъ приглашенъ во дворецъ.

Императрица Марія Θеодоровна никогда не забывала, что супругъ ея уважалъ и любилъ моего отца и одинаково привѣтливо съ нимъ обращалась. Часто отецъ мой разсказывалъ намъ про разные шутливые ихъ разговоры. Она подарила отцу моему собственной своей работы *камс* всей Императорской Фамиліи, которыя и теперь сохраняются у насъ.

Императрица Елисавета Алексѣевна, по свойственному ей нраву, разговаривала всегда серьёзно, но милостиво, и очень отличала отца моего отъ другихъ. Въ то время, когда, предъ 1812 годомъ, Коленкуръ былъ при нашемъ дворѣ Французскимъ посланникомъ, въ одинъ день отецъ мой, обѣдая во дворцѣ, сидѣлъ подлѣ Государыни, а по другую сторону Императора сидѣлъ Коленкуръ, и такъ какъ онъ былъ большой балагуръ, то при разговорѣ о Сибирскихъ холодахъ, сказалъ глупую шутку, что «пріятнѣе было бы съѣздить въ Парижъ, чѣмъ въ Сибирь». Государыня съ презрѣніемъ отвернулась отъ него и сказала отцу моему: *А я лучше поѣду въ Сибирь, чѣмъ въ Парижъ.* Эти слова, обращенныя къ нему, доказывали увѣренность, что онъ раздѣляетъ ея чувства.

Императрица Александра Θеодоровна была также всегда благосклонна и милостива къ отцу моему.

Отецъ мой былъ очень занятъ дѣлами, и у него собирались комитеты,—я не помню какіе; только всегда съѣзжалось много членовъ.

Онъ бдительно слѣдилъ за всѣми политическими дѣйствіями въ Европѣ и былъ увѣренъ, что Наполеонъ имѣлъ намѣреніе напасть на Россію и что надобно было готовиться взять мѣры, чтобы во время отразить его.

Въ 1811 году одинъ Французскій эмигрантъ, г. д'Алонвиль представилъ, по секрету, отцу моему бумагу съ изложеніемъ своего мнѣнія о военной системѣ Наполеона. Отецъ мой не довѣрилъ ее своему секретарю и заставилъ насъ переписать копію для себя, а подлинникъ подалъ Государю.

Мнѣніе д'Алонвиля было то, что слѣдуетъ Наполеона заманить внутрь Россіи, и какъ онъ тогда будетъ лишенъ внѣшней помощи, то легче будетъ его побѣдить. Не знаю, подѣйствовалъ ли этотъ совѣтъ;

Библиотека "Руниверс"

но оно такъ и сбылось. Москвою пожертвовали, но и армія *изъ двадссяти языковъ* была уничтожена.

Весною, въ 1812 году, мы уѣхали въ Москву и прожили нѣсколько времени въ нашей подмосковной, селѣ Знаменскомъ, сорокъ верстъ отъ Москвы, недалеко отъ станціи Черной Грязи, на устьѣ рѣки Клязьмы—мѣстоположеніе прекрасное и веселое. Тетушка оставалась въ Петербургѣ, потому что сынъ ея находился на службѣ. Вдругъ прислали намъ сказать, что Государь пріѣхалъ въ Москву и что непріятель вступилъ уже въ границы Россіи. Таковое быстрое движеніе непріятеля еще болѣе подтвердило увѣренность моего отца, что Наполеонъ будетъ домогаться взять которую нибудь изъ столицъ; отецъ мой рѣшился немедленно отправить семейство свое въ Уфу, гдѣ у насъ было имѣніе. Къ двумъ часамъ все было готово, что̀ нужно было взять въ дорогу, и самый обозъ, назначенный къ отсылкѣ съ людьми и вещами въ Уфу; остальное все изъ дома снесено было въ большую каменную кладовую съ желѣзными дверьми и ставнями, и поставленъ былъ караулъ.

Въ девять часовъ утра получили извѣстіе, а въ два часа пополудни мы уѣхали въ Москву и остановились тамъ у однихъ знакомыхъ. На другой день отецъ мой отправился во дворецъ. Пріѣхавъ туда, онъ нашелъ въ пріемныхъ залахъ дежурныхъ генераловъ и адъютантовъ и просилъ нѣкоторыхъ изъ нихъ доложить о немъ Государю, но никто не обратилъ вниманія на просьбу его; тогда онъ отнесся къ камеръ-лакею; тотъ пошелъ доложить и, возвратясь, сказалъ, что Государь проситъ его къ себѣ.

Придворные думали, что если Мордвиновъ уѣхалъ изъ Петербурга, то не былъ въ милости; но Государь всегда принималъ отца моего, когда онъ просилъ аудіенціи, и разговаривалъ съ нимъ откровенно и благосклонно. Когда отецъ мой вышелъ отъ него въ залу, то тѣже самые, которые не хотѣли съ нимъ говорить, обступили его съ вопросами; но онъ, въ свою очередь, ничего имъ не отвѣчалъ и уѣхалъ.

Во все время пребыванія Государя въ Москвѣ отецъ мой ѣздилъ во дворецъ, въ дворянское собраніе и ко всѣмъ своимъ знакомымъ. Москвитяне не всѣ вѣрили, чтобы Наполеонъ рѣшился идти на Москву; иные спорили съ моимъ отцомъ, нѣкоторыя дамы даже бранили его, зачѣмъ онъ всѣхъ пугаетъ.

Отецъ, отправивъ насъ, оставался еще нѣсколько времени въ Москвѣ; мы, доѣхавъ до Владимира, остановились у одного священника, прожили тамъ недѣлю въ ожиданіи отца, и когда онъ пріѣхалъ, то мы продолжали путь до Пензы, гдѣ онъ рѣшилъ не ѣхать далѣе и ждать нѣсколько времени, чтобы имѣть скорое и вѣрное извѣстіе о нашей

Библиотека "Руниверс"

арміи, между тѣмъ писалъ въ Уфу, чтобы тамъ приготовили для насъ помѣщеніе.

XI.

Слухи повторялись очень тревожные изъ Смоленска, Бородина и Москвы; у насъ тоже не было покойно. Крестьяне не вѣрили, что новый наборъ по приказанію Государя; думали, что помѣщики сами по себѣ его назначаютъ. Въ Инсарѣ народъ взбунтовался; даже иные хотѣли убить должностныхъ лицъ, которыя, узнавъ это, бѣжали скрыться въ сосѣднемъ лѣсу; а мятежники, ворвавшись въ домы, опустошили все съѣстное, напились пьяны и провели всю ночь въ пляскѣ; потомъ заснули крѣпкимъ сномъ. Послано было въ Пензу къ губернатору извѣстіе о безпорядкѣ, и къ счастію, проходилъ въ это время полкъ, который усмирилъ ихъ.

Потомъ была другая тревога. Дошелъ слухъ, что Башкиры идутъ; даже увѣряли, что они возстали противъ Русскихъ, но вышло напротивъ: они шли помогать Бѣлому Царю.

Вся Россія душевно страдала, пока Москва была въ рукахъ непріятелей. Мы не знали, чему приписать ея пожары: жертвѣ ли Русскихъ для спасенія отечества, или мщенію Французовъ, обманутыхъ въ ихъ ожиданіи.

По пріѣздѣ нашемъ въ Пензу, послѣ перваго визита отца моего къ губернатору, онъ и всѣ должностныя лица посѣтили его (хотя Вигель и говоритъ, что никто не пріѣзжалъ къ моему отцу); потомъ мы познакомились съ нѣкоторыми семействами. Зимою часто бывалъ у насъ губернаторъ князь Голицынъ, дворянскій предводитель и многія другія лица; особенно часто бывала у насъ жена вице-губернатора, Александра Алексѣевна Евреинова и братъ ея Аркадій Алексѣевичъ Столыпинъ, который сдѣлался женихомъ сестры моей; Вѣры Николаевны.

Впослѣдствіи мы познакомились также съ семействомъ князя Голицына, у губернатора же познакомились съ его невѣсткою, княгинею Анною Александровною Прозоровскою-Голицыною, сынъ которой, князь Александръ Ѳеодоровичъ, женился на дочери сестры моей Натальи Николаевны Львовой.

Когда Французы ушли изъ Москвы, отецъ мой, перемѣнивъ намѣреніе ѣхать въ Уфу, рѣшилъ весною отправиться въ Крымъ, а въ подмосковную нашу послалъ дворецкаго, чтобы имѣть извѣстіе о ней и о людяхъ, которые были тамъ оставлены. Пріѣхавъ туда, дворецкій узналъ всѣ случившіяся непріятности, о которыхъ подробно сообщилъ намъ: — тамошній староста, первое время исправно наблюдалъ поря-

Библиотека "Руниверс"

докъ и караулилъ наши домы до тѣхъ поръ, пока Французы, посланные за фуражемъ, не зашли къ намъ; они сломали желѣзные запоры, ворвались въ кладовую, тесаками разрубили ящики и комоды, кое-что взяли, остальное разбросали тутъ же. Вскорѣ послѣ того, по изгнаніи непріятелей изъ Москвы, набѣжали на нашу подмосковную изъ разореныхъ деревень въ окрестностяхъ Бородина и Рузы до четырехъ тысячъ народа, которые поселились въ нашемъ саду, и какъ нашъ староста не наблюдалъ болѣе караула, то они и довершили безпорядокъ. Погибло много книгъ, письма, дѣловыя бумаги по службѣ отца, картины знаменитыхъ Итальянскихъ живописцевъ и многія фамильныя вещи, для насъ драгоцѣнныя. Дворецкій, какія могъ собрать бумаги, всѣ привезъ, но, къ сожалѣнію очень немного.

Въ Крымъ мы не поѣхали: тамъ открылась чума, и лѣто провели въ имѣніи Столыпиныхъ, гдѣ была свадьба сестры Вѣры Николаевны, въ Іюлѣ 1813 года. Село Столыпино въ ста верстахъ отъ города Пензы.

Пробывъ съ ними лѣто и зиму, весною мы отправились въ подмосковную, село Знаменское, и они съ нами.

Проѣзжая Москву, мы пожелали видѣть остатки нашего дома и нашли одно пепелище: домъ былъ деревянный, весь сгорѣлъ, и въ немъ сгорѣло нѣсколько прекрасныхъ картинъ. Одна изъ нихъ была очень большая, изображавшая Семирамиду, окруженную своимъ блестящимъ дворомъ; она принимала подарки отъ какихъ-то плѣнныхъ царей. Отецъ мой привезъ эту картину изъ Италіи, желая поднести Императрицѣ Екатеринѣ II, но она уже скончалась.

Въ Москвѣ, въ нашемъ домѣ, во время вторженія Французовъ, квартировалъ генералъ Мезонъ, и когда онъ уѣхалъ изъ Москвы, то оставилъ нашему почтенному старичку-швейцару караулъ охранять домъ, пока Французы выходили изъ Москвы; но когда снятъ былъ караулъ, то старичокъ нашъ видѣлъ солдата-Француза, который шелъ съ ведромъ по Басманной улицѣ и мазалъ стѣны домовъ какою-то жидкостью,—и домы немедленно загорались.

Въ селѣ Знаменскомъ родился первый внукъ, Николай Столыпинъ, въ Іюнѣ 1814 года. Пробывъ тамъ нѣсколько времени, мы поѣхали осенью въ Петербургъ, всѣ вмѣстѣ, и Аркадій Алексѣевичъ поступилъ на службу.

Въ Петербургѣ мы остановились у тетушки Анны Семеновны; пробывъ у нея мѣсяцъ, наняли домъ графа Головкина, жили въ немъ два года, и хотя домъ былъ нарядный, съ большими залами, но такъ какъ отецъ мой нѣсколько разъ былъ въ немъ нездоровъ и сестра Наталья Николаевна была очень больна нервическою горячкою, то и

Библиотека "Руниверс"

рѣшились искать другой и наняли домъ на Театральной площади, а потомъ отецъ купилъ его, и также купилъ дачу по Петергофской дорогѣ, на 12-й верстѣ отъ Петербурга.

Въ продолженіе этихъ трехъ лѣтъ мы нанимали приморскія дачи за Петергофомъ, для купанья.

Хотя здоровье отца моего не поправлялось, но онъ продолжалъ заниматься дѣлами. Матушка моя очень тревожилась о его здоровьи; онъ худѣлъ, слабѣлъ и чрезвычайно былъ блѣденъ, что̀ всѣхъ насъ поражало; нашли необходимымъ ѣхать за границу.

XII.

Іюня 7-го 1818-го года, мы выѣхали изъ Петербурга, заѣхали въ Бѣлорусское свое имѣніе, потомъ черезъ Витебскъ, Могилевъ, Житоміръ, переѣхали границу въ Бродахъ, гдѣ остановились на нѣсколько дней; въ Лембергѣ и Ольмюцѣ пробыли также нѣсколько времени; пріѣхали въ Вѣну 12-го Августа и остались тамъ двѣ недѣли. Горы Цимерингъ проѣхали по старой ужасной дорогѣ, границу переѣхали въ Понтебѣ; были въ Венеціи, Падуѣ, Болоньи, во Флоренціи и пріѣхали въ Ливорну 16-го Сентября. Пробыли у тетушки Партриджъ въ ея великолѣпной приморской виллѣ; но какъ отъ моря тамъ было очень холодно, то поѣхали зимовать въ Пизу, и тетушка съ нами. Здѣсь отецъ мой познакомился съ нѣсколькими учеными людьми, которые составляли ему пріятное общество. Одинъ изъ нихъ былъ профессоръ Санти, и съ женою его мы коротко познакомились; они были тетушкины пріятели и часто бывали у насъ.

Отецъ представлялся герцогу, обыкновенно проводившему тамъ зиму, и посѣтилъ нѣсколько знатныхъ особъ, находившихся при Тосканскомъ дворѣ. Весною мы поѣхали во Флоренцію; пробывъ тамъ нѣсколько дней, отправились черезъ Перуджію и Сполето въ Римъ видѣть всѣ торжественныя празднества Папы на Пасхѣ, куда пріѣхалъ и нашъ великій князь Михаилъ Павловичъ со свитою, и нѣсколько Русскихъ семействъ; кромѣ того тамъ зимовали еще многіе изъ Русскихъ. Мы скоро познакомились съ тамошними нашими соотечественниками и часто съѣзжались съ ними смотрѣть католическія празднества, церкви, знаменитыя галлереи, древнія рѣдкости и развалины Рима, и ѣздили осматривать всѣ окрестности. Въ Неаполь не поѣхали, остерегаясь разбойниковъ, нерѣдко нападающихъ тамъ на путешественниковъ.

Библиотека "Руниверс"

Выѣхавъ изъ Рима 15-го Апрѣля 1819 г., мы возвратились опять во Флоренцію; пробывъ тамъ болѣе недѣли и простясь съ тетушкою, поѣхали въ Миланъ.

Разлука съ тетушкою была очень горестна для обѣихъ сестеръ: по своимъ лѣтамъ онѣ не надѣялись уже болѣе увидѣться.

Въ Миланѣ мы пробыли дней десять; тамъ жилъ ученый Джойя, статистикъ, котораго отецъ мой, по пріѣздѣ своемъ, немедленно посѣтилъ. Джойя былъ извѣстенъ ему учеными сочиненіями по части политической экономіи, на Итальянскомъ языкѣ. Во время нашего пребыванія въ Миланѣ они видѣлись каждый день, можно сказать подружились; намъ даже интересно было слушать ихъ разговоры. Джойя, пріятный, умный человѣкъ, съ своей стороны удивлялся глубокимъ познаніямъ отца моего въ политической экономіи и во всѣхъ другихъ ученыхъ предметахъ; знакомство ихъ было для обоихъ большимъ наслажденіемъ. Джойя часто бывалъ у насъ, даже одинъ разъ остался обѣдать, сказавъ притомъ, что двадцать лѣтъ уже, какъ онъ нигдѣ въ гостяхъ не обѣдалъ. Послѣ онъ съ отцомъ моимъ велъ переписку и прислалъ ему полное изданіе своихъ сочиненій *)

Изъ Милана мы поѣхали смотрѣть, въ Аронѣ, огромную статую св. Карла Баромея, ѣздили по живописному озеру Лаго-Маджіоре, посѣтили Изола-беллу и Мадре, потомъ черезъ Симплонъ проѣхали въ Швейцарію, тамъ ѣздили по разнымъ городамъ и изъ Женевы поѣхали въ Парижъ, а потомъ, отправясь въ Англію, пріѣхали въ Дувръ 15-го Іюля. Три недѣли пробыли въ Лондонѣ, гдѣ отецъ мой часто видѣлся съ извѣстнымъ Іеремією Бентамомъ.

Изъ Лондона мы поѣхали въ Ливерпуль, гдѣ пробыли пять недѣль у пріятельницы матушки m-ss Earl, погостили у дядюшки John Коблей, который жилъ въ Чедарѣ, близъ Бристоля; пробывъ нѣсколько времени въ Лондонѣ, поѣхали зимовать въ Парижъ.

Тамъ тогда было много Русскихъ семействъ. Чаще всѣхъ насъ посѣщалъ князь Долгорукій, который очень забавлялъ насъ разсказами о разныхъ происшествіяхъ, случившихся при иностранныхъ дворахъ, гдѣ онъ бывалъ посланникомъ. Былъ у отца моего нѣсколько разъ герцогъ Ришёлье, бывшій военный губернаторъ въ Крыму, а въ то время министромъ при Лудовикѣ XVIII. Въ Парижѣ нашли мы также старыхъ знакомыхъ, Французскихъ эмигрантовъ, графа и графиню Клермонтонеръ, гр. Роспекъ и Вальгрà, приверженцевъ Бурбоновъ. Еще отецъ мой пожелалъ познакомиться съ г. Лоранси, человѣкомъ

---

*) Въ послѣднемъ сочиненіи онъ упоминаетъ о моемъ отцѣ.

Библиотека "Руниверс"

очень образованнымъ и редакторомъ газеты «Constitutionnel», которая нравилась моему отцу. Онъ получалъ также другую газету «Drapeu blanc» (либеральную), которую онъ не одобрялъ, какъ и всѣхъ ораторовъ лѣвой стороны, Бенжаменъ-Констана и пр.

Случились тогда въ Парижѣ два происшествія, очень непріятныя. Явились «пикеры», которые привели въ смятеніе весь Парижъ, и мы, въ числѣ другихъ, не смѣли выѣзжать; шесть недѣль всѣ сидѣли дома, до тѣхъ поръ, пока полиція не взяла мѣры уничтожить ихъ; потомъ весною былъ убитъ герцогъ Берри. Смерть его всѣхъ встревожила, и мы рады были скорѣе уѣхать.

Въ Маѣ мѣсяцѣ мы оставили Парижъ, останавливались на пути въ разныхъ городахъ, пробыли мѣсяцъ въ Тёплицѣ, потомъ черезъ Дрезденъ и Берлинъ возвратились въ Августѣ 1820 года въ Петербургъ.

Во время путешествія отецъ мой совершенно поправился здоровьемъ, дѣлалъ болѣе движенія, не имѣлъ никакихъ заботъ, ни служебныхъ, ни частныхъ. Въ большихъ городахъ все его занимало; онъ осматривалъ всѣ замѣчательности съ большимъ удовольствіемъ и вездѣ былъ вмѣстѣ съ нами. Дорожныя заботы ему никогда не были въ тягость. При насъ курьера не было, и отецъ мой самъ исполнялъ эту должность, смотрѣлъ за всѣмъ порядкомъ, все самъ заказывалъ и самъ расплачивался, выходилъ съ братомъ смотрѣть квартиры по гостинницамъ и, уѣзжая, требовалъ отъ насъ, чтобы всѣ комнаты оставались въ порядкѣ; заходилъ даже въ наши спальни, наблюдая, чтобы и тамъ все было прибрано. Онъ всегда пріучалъ насъ къ большому порядку, бывъ самъ во всемъ акуратенъ, и повторялъ часто, что это для каждаго необходимо, и что нужно всегда пріучать дѣтей съ малыхъ лѣтъ къ порядку и акуратности, что́ подѣйствуетъ на всю ихъ жизнь.

XIII.

Въ отсутствіе наше у насъ въ домѣ верхній этажъ былъ отданъ въ наймы; занималъ его Американскій посланникъ; во второмъ жила тетушка Анна Семеновна съ семействомъ, а ближнюю нашу дачу занимала сестра Вѣра Николаевна Столыпина съ мужемъ и дѣтьми.

Возвратясь изъ-за границы, мы прожили всю осень вмѣстѣ на дачѣ. У сестры моей тогда было уже четверо дѣтей.

Къ зимѣ мы переѣхали въ Петербургъ, въ собственный свой домъ. Тетушка Анна Семеновна, хотя и жила съ своимъ сыномъ на квартирѣ, но всегда имѣла у насъ въ домѣ комнату и часто ноче-

Библиотека "Руниверс"

вала. На зиму пріѣхали въ Петербургъ обѣ тетушки, Елисавета Семеновна съ тремя дочерьми и Екатерина Семеновна, которая, по отъѣздѣ нашемъ за границу, вскорѣ овдовѣла; всѣ онѣ бывали у насъ каждый день.

Матушка всю эту зиму была очень слаба; путешествіе за границу, противъ нашего ожиданія, ее очень утомило; она страдала ревматическою болью въ рукахъ, которую она получила отъ простуды въ Италіи, и въ Парижѣ всю зиму была нездорова. По возвращеніи изъ путешествія она долго не могла поправиться.

Лѣтомъ въ 1821 году мы поѣхали въ Ревель на шесть недѣль, для купанья; осенью возвратились довольно рано. Матушка моя желала провести еще нѣсколько времени за городомъ, такъ какъ осень была прекрасная. Ближняя наша дача была отдана въ наймы, и мы проѣхали прямо въ Ораніенбаумъ. Остановясь въ гостинницѣ, нашли въ окрестности дачу адмирала Лупандина свободною уже отъ жильцовъ, остались тамъ всю осень и рѣшили купить эту дачу, она давно была намъ знакома, какъ и все прибрежье; мы нѣсколько лѣтъ проводили тамъ каникулы для купанья по разнымъ дачамъ, какъ то: у Грейга, Чигагова, Бека и на этой дачѣ. Она славится великолѣпными, огромными дубами; неизвѣстно кѣмъ они были посажены, но вѣроятно еще при Петрѣ Великомъ, а можетъ быть и ранѣе. Дача эта принадлежала нѣкогда графу Роману Илар. Воронцову, отцу княгини Дашковой, которая упоминаетъ о ней въ своихъ Запискахъ.

Послѣ того мы, нѣсколько лѣтъ, весну и осень жили на ближней дачѣ. Отецъ и братъ мой ѣздили каждый день въ городъ, въ девять часовъ утра, на службу, и къ обѣду возвращались. Но лѣтнія шесть недѣль, вакантное время для отца, мы проживали на дальней дачѣ и пользовались морскимъ купаньемъ, что́ принесло большую пользу матушкѣ. Она приглашала туда многихъ изъ нашихъ знакомыхъ, и мы проводили время очень пріятно. Братъ жилъ въ городѣ, но пріѣзжалъ каждую Пятницу къ обѣду, а въ Понедѣльникъ утромъ опять уѣзжалъ на службу.

У насъ на дачѣ была оранжерея съ виноградомъ. Къ намъ всегда собирались на лѣто много молодыхъ дѣвицъ гостить, а когда пріѣзжалъ братъ изъ города, то для нихъ это былъ праздникъ. Бывало, между разными забавами, онъ поведетъ ихъ въ оранжерею, разумѣется, съ позволенія отца, подниметъ раму, пуститъ ихъ туда и опять закроетъ, а онѣ наслаждались фруктами, сколько хотѣли. Отца это веселило, онъ ходилъ и шуткою говорилъ садовнику: «у тебя оранжерея замкнута, а кажется, тамъ птички клюютъ».

Библиотека "Руниверс"

Отецъ мой очень любилъ садоводство и всякія сельскія работы: разводить школы, осушать болота, приготовлять землю разныхъ качествъ и прочія садовыя занятія; самъ собиралъ сѣмена, особенно яблонныя и душистый горошекъ (остальныя сѣмена разныхъ цвѣтовъ собирала я для него), и всѣ пакетики хранилъ онъ у себя до весны. Часто обрѣзывалъ самъ сухія вѣтви у фруктовыхъ деревьевъ, не довѣрялъ ножа садовникамъ, находя, что они портили ихъ своею излишнею стрижкою. Антипатіею его были также танцмейстеры и парикмахеры, которые, онъ говорилъ, не понимали красоту природы: одни портили своими граціями, а другіе—уродливыми прическами.

Онъ любилъ шахматную игру; по этой причинѣ у насъ, на дачахъ и въ городѣ, всегда стояли въ залѣ шахматные столики; самъ онъ не садился за игру, но вся наша молодежь умѣла играть въ шахматы, а онъ, ходя по залѣ, часто останавливался, смотрѣлъ съ удовольствіемъ и помогалъ обѣимъ сторонамъ.

Отецъ мой требовалъ большой вѣжливости отъ молодыхъ людей и дѣлалъ иногда замѣчанія даже постороннимъ, когда онъ находилъ, что они были неучтивы. Замѣтивъ разъ, что молодой офицеръ сталъ въ церкви слишкомъ близко предъ нами и другими дамами, отецъ сказалъ учтиво, но очень серьезно: «м. г., за вами стоятъ дамы». Тотъ, повернувшись, посмотрѣлъ на отца, ничего не отвѣтилъ и отошелъ.

Однажды мы всѣ гуляли съ отцомъ на дачѣ и ходили по дорожкѣ внизу, близъ большой дороги; въ это время проѣзжала коляска съ дамами; отецъ снялъ шляпу и поклонился. «Что́ это, знакомыя ваши?» спросила одна особа изъ нашего общества. «Нѣтъ, моя милая, отвѣчалъ онъ, но это дамы, а я предъ дамою всегда снимаю шляпу», «respect aux dames!» *), какъ онъ выразился.

По возвращеніи нашемъ изъ-за границы, у насъ по Воскресеньямъ собирались только одни родные, а въ прочіе дни къ обѣду отецъ продолжалъ приглашать, какъ и прежде. Онъ былъ, можно сказать, изъ послѣднихъ старыхъ бояръ прежнихъ временъ; столъ его былъ открытъ для всѣхъ, богатыхъ и бѣдныхъ; онъ не смотрѣлъ на одежду, былъ привѣтливъ и внимателенъ ко всѣмъ своимъ гостямъ и до такой степени былъ хлѣбосолъ, что когда мы купили домъ на Театральной площади, гдѣ въ то время зимою нѣсколько лѣтъ сряду бывали полковые смотры, отецъ мой приказывалъ дворецкому угощать завтракомъ всѣхъ знакомыхъ и незнакомыхъ офицеровъ, кто только пожелаетъ войдти. Парадный входъ дома былъ на углу Никольской улицы, буфетъ же

*) Уваженіе къ женщинамъ.

Библиотека "Руниверс"

былъ въ нижнемъ этажѣ. Чай, кофе, вино и разныя закуски были приготовлены на столѣ. Нашъ вѣрный слуга Филипъ Андреевичъ отличался усердіемъ, вспоминая жизнь въ Николаевѣ, гдѣ онъ уже привыкъ къ хлѣбосольству своего господина.

Филипъ Андреевичъ, старый слуга моего отца, былъ взятъ изъ Бѣлоруссіи, въ числѣ другихъ прислужниковъ, еще при поѣздкѣ нашей въ Херсонъ; послѣ онъ былъ вольно-отпущеннымъ, но оставался у насъ. По правилу отца, слуга при домѣ въ крѣпостномъ состояніи болѣе десяти лѣтъ не служилъ; хорошіе люди не оставляли насъ до конца жизни ихъ, а дурныхъ мы отсылали.

Извѣстно, что прежде солдаты служили двадцать пять лѣтъ. Отецъ мой часто сожалѣлъ о ихъ участи, говоря, что «рядовой, прослужа всѣ цвѣтущія лѣта своей молодости солдатомъ, возвращается домой какъ въ чужую сторону, ослабѣвъ въ силахъ, безъ денегъ, безъ угла и часто доживалъ свой вѣкъ въ нищетѣ». Однажды, отецъ мой сказалъ Государю Александру Павловичу, что вѣроятно каждый бы крестьянинъ охотнѣе шелъ въ солдаты, если бы служба ихъ продолжалась не болѣе десяти лѣтъ и если бы имѣлъ надежду возвратиться въ прежнія права своего крестьянскаго быта. Государь возразилъ, что «такое предложеніе было бы обидно для всякаго солдата». Однако впослѣдствіи, кажется, было сдѣлано частнымъ образомъ освѣдомленіе въ казармахъ и оказалось, что дѣйствительно многіе охотно бы согласились на такое предложеніе.

XIV.

Здоровье отца моего было весьма удовлетворительно; онъ дѣятельно и неутомимо занялся службою. Съ 1821 г. былъ онъ предсѣдателемъ департамента гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ, членомъ комитета гг. министровъ, комитета финансовъ и земледѣльческаго комитета; два изъ этихъ комитетовъ собирались у него на дому.

Бывъ издавна членомъ Экономическаго Общества, онъ въ 1823 г. былъ избранъ президентомъ онаго и сдѣлалъ значительныя пожертвованія изъ собственныхъ своихъ доходовъ въ пользу этого Общества; не ограничиваясь тѣмъ, уговаривалъ многихъ богатыхъ людей жертвовать для сей цѣли, даже убѣдилъ нѣсколько дамъ быть членами Экономическаго Общества, какъ-то: графиню Соф. Вл. Строгонову и др.

О всей пользѣ и усовершенствованіи, которыя онъ доставилъ своимъ управленіемъ этому Обществу, въ рѣчи г. Усова упомянуто подробно.

Библиотека "Руниверс"

Въ 1823 году отецъ мой былъ пожалованъ орденомъ Св. Апостола Андрея Первозваннаго. Многіе удивлялись, что онъ такъ поздно получилъ эту награду; но я знаю, что говорили Государю, что отецъ мой гордъ и пренебрегаетъ наградами. Говоря это, повидимому, имѣли цѣль удалить его отъ Царя. Они боялись его справедливости и неустрашимой его откровенности. Онъ не былъ гордъ и самолюбивъ, но понималъ свое достоинство. Онъ служилъ Царю вѣрою и правдою, не домогался наградъ, потому что не былъ честолюбивъ, но за милости Царя всегда былъ благодаренъ.

Когда онъ получилъ Андреевскую ленту, то немедленно поѣхалъ благодарить Государя и принятъ былъ въ его кабинетѣ. На выраженіе благодарности за эту милость, Государь сказалъ: «*Я удовлетворилъ желанію моего сердца*».

Отецъ мой любилъ Царя, но не льстилъ ему и не боялся говорить правду. Много разъ я слышала, что онъ говорилъ моей матушкѣ: «Любовь моя къ Царю и отечеству слиты въ одно чувство въ моемъ сердцѣ!» Иногда печалило его, что, при удаленіи отъ Царя, онъ не можетъ быть столько ему полезенъ, сколько бы желалъ.

Многіе называли моего отца Русскимъ Аристидомъ. Онъ защищалъ одинаково права людей, какъ сильныхъ и богатыхъ, такъ слабыхъ и бѣдныхъ и, не взирая на личность, судилъ по справедливости; всегда свято чтилъ верховную власть и говаривалъ: «Бѣда была бы Россіи, если бы власть находилась во многихъ рукахъ».

Будучи въ Государственномъ Совѣтѣ предсѣдателемъ гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ, онъ продолжалъ отличаться своими мнѣніями, которыми еще болѣе сдѣлался извѣстенъ всей Россіи.

Занимаясь государственными и частными дѣлами, онъ, между прочимъ, возставалъ на винные откупа. Противенъ былъ его чувству этотъ источникъ дохода—съ вина. На возраженіе, что съ уменьшеніемъ пьянства уменьшится и доходъ государственный, отецъ мой говорилъ, что нужно бы стараться извлекать изъ другихъ источниковъ государственный доходъ, а не дѣйствовать во вредъ нравственнымъ принципамъ и не пользоваться способомъ, столь пагубнымъ для здоровья Русскаго народа. Плоды пьянства—нищета, болѣзни, смертность; всѣ способности человѣка гибнутъ; трезвый же народъ трудолюбивъ, благоденствуетъ, умножается. Отецъ мой часто говорилъ, что онъ желалъ бы, чтобъ въ Петербургѣ не было болѣе семи кабаковъ и еще прибавлялъ шутя: «и семь модныхъ магазиновъ — какъ семь смертныхъ грѣховъ!»

Однажды, бесѣдуя съ Государемъ Александромъ Павловичемъ, онъ замѣтилъ, что неприлично прибивать царскій гербъ надъ дверьми ка-

Библиотека "Руниверс"

баковъ. Вѣроятно, прежде не обращалось на это вниманія, но послѣ гербы съ питейныхъ домовъ исчезли.

Въ 1824 году, во время наводненія,—мы были въ Петербургѣ, и отецъ мой въ этотъ день собирался ѣхать во дворецъ, а братъ, по службѣ, въ департаментъ; но матушка уговорила ихъ остаться: такой былъ сильный вѣтеръ, что съ крышъ срывало листы желѣза и кружило по площади. Въ 9 часовъ утра вода начала уже выходить изъ трубъ и канавъ. На нижней площадкѣ нашей лѣстницы показалась сырость, а когда площадь стала покрываться водою, то на нее нагнало дровъ, которыя, приплывъ къ нашему дому, ударялись въ окна и разбили стекла; тогда вода хлынула, и всѣ комнаты нижняго этажа наполнились водою, поднявшеюся до двухъ аршинъ высоты. Въ это время гостилъ у насъ дядюшка Коблей и находился въ нижнемъ этажѣ; только что онъ успѣлъ пробраться на верхъ, какъ вода наполнила его комнаты. Одинъ флигель-адъютантъ проѣхалъ на лодкѣ по площади. Въ два часа вода постепенно стала сбывать, и съ какою радостію мы услышали въ 8 часовъ вечера стукъ экипажей и топотъ лошадей!

Въ 1825 году 29 Апрѣля сестра Наталья Николаевна вышла замужъ за камергера Александра Николаевича Львова.

Нѣсколько дней спустя послѣ свадьбы сестры, 7 Мая, скончался мужъ сестры Вѣры Николаевны, сенаторъ Аркадій Алексѣевичъ Столыпинъ. Она осталась съ семерыми дѣтьми; меньшой дочери ея было восемь мѣсяцевъ. Послѣ кончины мужа сестра моя всегда проводила лѣто съ нами на дачѣ.

Отецъ мой любилъ дѣтей и былъ ласковъ съ ними, особенно былъ нѣженъ съ дѣвочками; мальчиковъ, онъ говорилъ, не надо баловать. Онъ не вмѣшивался въ воспитаніе, которое другіе родители давали своимъ дѣтямъ, но не былъ равнодушенъ къ тому, что́ касалось до его семейства. Когда Аркадій Алексѣевичъ взялъ перваго гувернера къ своимъ сыновьямъ, старшему было тогда около восьми лѣтъ. Гувернеръ этотъ былъ Швейцарецъ Шербулье, родственникъ литератору Шербулье, человѣкъ очень ученый, отлично зналъ Греческій и Латинскій языки, но отецъ мой не одобрялъ этого выбора и находилъ, что онъ имѣлъ слишкомъ либеральные принципы, чтобы довѣрять ему воспитаніе дѣтей. Когда, послѣ двухъ лѣтъ, Аркадій Алексѣевичъ удалилъ его, то отецъ мой былъ очень доволенъ, что такой наставникъ не находился болѣе при его внукахъ.

Онъ любилъ, чтобъ дѣти свободно играли и веселились, но остерегалъ, когда они слишкомъ рѣзвились и шумѣли, говоря съ улыбкою: «совѣтовалъ бы я вамъ попросить вашу маменьку дать вамъ иногда розочекъ, тогда вы, какъ выростете, будете умными и дѣльными людь-

Библиотека "Руниверс"

ми; моя матушка тоже меня сѣкла, за то я вышелъ порядочнымъ человѣкомъ». Это было говорено шуткою, но ему непріятно было, когда дѣтей наказывали и строго съ ними обращались.

Онъ находилъ только, что не надобно позволять дѣтямъ рѣзвиться до забывчивости, чтобы ихъ разсудокъ не затмѣвался излишнею рѣзвостью: иначе дѣти, привыкнутъ съ малыхъ лѣтъ дѣйствовать безъ размышленія, а отъ этого въ жизни бываютъ дурныя послѣдствія.

Онъ считалъ, что необходимо нужно пріучать дѣтей къ чистописанію, особенно на Русскомъ языкѣ; не позволять писать связнымъ иностраннымъ почеркомъ, чтобъ каждое слово было написано ясно и буквы были безъ крючковъ и украшеній. Онъ находилъ, что это очень важно, и отъ этого бываютъ часто недоразумѣнія и споры въ важныхъ дѣлахъ.

Всѣ свои познанія онъ пріобрѣлъ самъ, безъ помощи учителей. Все, что̀ онъ читалъ, оставалось у него въ памяти, потому что онъ дѣлалъ свои замѣчанія и выписки о всѣхъ полезныхъ предметахъ и продолжалъ это во всю свою жизнь. По замѣчанію его то, что̀ мы изучаемъ безъ помощи другихъ, остается тверже въ памяти.

Онъ не любилъ роскоши и лишнихъ, ненужныхъ расходовъ, но требовалъ приличія и щедро давалъ на все, что необходимо. Домъ его всегда былъ убранъ хорошо, мебель куплена въ лучшихъ магазинахъ, покрыта штофомъ и бархатомъ, но лишнихъ украшеній по столамъ и стѣнамъ—вазъ, канделябровъ и разныхъ бронзовыхъ вещей—онъ никогда не любилъ; особенно не терпѣлъ занавѣсей у дверей и оконъ, называя ихъ тряпками и повторяя слова Говарда: it is a harbour of dust (вмѣстилище пыли) и говорилъ, что чистота и свѣтъ нужны для здоровья.

Когда онъ былъ молодъ и не имѣлъ еще большихъ доходовъ, то считалъ необходимостью всегда отдѣлять хотя малую часть отъ своихъ доходовъ — на черный день, и для этого назначилъ особенный портфёль, въ которомъ сберегалъ откладываемыя деньги; кромѣ того, онъ прилагалъ туда же деньги, которыя сберегались отъ опредѣленныхъ расходовъ. Вообще, онъ раздѣлялъ статьи расходовъ на необходимыя и ненужныя; въ необходимыхъ никогда не отказывалъ, а отъ ненужныхъ старался удерживаться, и когда успѣвалъ въ этомъ, то деньги эти откладывалъ тоже въ копилку. Такимъ способомъ онъ всегда имѣлъ особенный маленькій капиталъ, *на черный день*, какъ онъ называлъ.

Онъ считалъ нечестнымъ жить сверхъ своего состоянія и входить въ долги, и говорилъ, что хорошій хозяинъ долженъ вести дѣла свои такъ, чтобы доходъ превышалъ всегда его расходы.

Библиотека "Руниверс"

Отецъ мой самъ велъ счеты свои до малѣйшихъ подробностей; въ концѣ мѣсяца весь доходъ и расходъ раздѣлялъ по статьямъ, а въ концѣ года соединялъ всѣ предметы также по статьямъ, и оттого всегда могъ легко провѣрять доходы и расходы каждаго года. Онъ продолжалъ вписывать въ книгу самъ до послѣднихъ лѣтъ своей жизни, но сводить счеты, въ послѣднія двадцать лѣтъ, поручалъ мнѣ.

Отецъ мой былъ большой знатокъ въ живописи, и когда, еще въ 1784 году, былъ въ Ливорнѣ, въ то время продавалось много галлерей разоренныхъ знатныхъ фамилій. Онъ воспользовался симъ случаемъ и составилъ себѣ собраніе картинъ знаменитыхъ живописцевъ, которыя ему удобно было увезти на кораблѣ. Въ Николаевѣ онѣ украшали отдѣльную большую залу въ нашемъ домѣ. Въ 1805 году отецъ мой продалъ главную часть изъ нихъ; иныя сгорѣли въ 1812 году въ Москвѣ. Когда же онъ поселился въ Петербургѣ, то снова началъ покупать, и ему удалось пріобрѣсти нѣсколько изъ прежнихъ проданныхъ имъ картинъ знаменитыхъ живописцевъ *).

Дядя мой, Александръ Семеновичъ также умѣлъ цѣнить живопись; но ни онъ, ни отецъ мой не были живописцами. Въ то время предпочитали болѣе гражданскую службу, нежели художественныя занятія; но оба они, пользуясь случаями, пріобрѣли себѣ большія коллекціи картинъ.

Братъ мой, Александръ Николаевичъ, съ малыхъ лѣтъ выказывалъ свой талантъ къ живописи. Сколько картиночекъ я сберегала съ пятилѣтняго его возраста, на которыхъ такъ мило и ясно выражалось его пылкое живописное воображеніе! Однажды, когда ему было восемь лѣтъ, онъ скульптировалъ ножичкомъ на кусочкѣ разбитой алебастровой вазы лошадь и воина, который держалъ ее за узду; фигура ихъ была такъ прекрасна, и поза такъ натуральна, что отецъ мой былъ удивленъ талантомъ ребенка и сохранилъ этотъ кусочекъ между своими рѣдкостями, говоря: «какъ жаль, что этотъ талантъ не данъ бѣдному мальчику, онъ былъ бы Русскимъ Рафаэлемъ».

Отецъ мой готовилъ его быть государственнымъ человѣкомъ, и братъ мой никогда не имѣлъ хорошаго учителя живописи, но всегда

---

*) А именно пріобрѣтены:
1. Рафаэля. . . . . Іоаннъ Креститель.
2. Леонарда де-Винчи . . . . . Иродіада.
3. Джуліо-Романо. . . . . Адамъ и Ева.
4. Микель-Анжело . . . . Святое Семейство со спящимъ Младенцемъ.
5. Сассо-Ферато. . . . . Пресвятая Дѣва.
6. Шедони (Schedoni) . . . . . Эротъ.
и еще нѣсколько другихъ.

Библиотека "Руниверс"

любилъ рисовать. Послѣ кончины первой своей жены онъ началъ пользоваться своимъ врожденнымъ талантомъ. Пробывъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Италіи, онъ бралъ этюды съ натуры въ Венеціи, Римѣ и Неаполѣ, по которымъ написалъ нѣсколько картинъ, возвратясь въ Россію. Послѣ того онъ постоянно занимался этимъ искусствомъ и оставилъ много отличныхъ картинъ, которыя извѣстны и оцѣнены знатоками. По кончинѣ отца онъ ѣздилъ нѣсколько разъ съ семействомъ въ Италію и продолжалъ заниматься живописью.

XV.

Въ 1825 году, по кончинѣ Государя Александра Павловича, были частые съѣзды во дворцѣ, и отецъ мой безпрестанно туда ѣздилъ. Декабря 13-го приказано было съѣзжаться въ 8 часовъ вечера въ Зимній Дворецъ, въ ожиданіи великаго князя Михаила Павловича изъ Варшавы. Всѣ собравшіеся долго ожидали его пріѣзда; вдругъ пришелъ графъ Милорадовичъ и объявилъ, что приказано собраться всѣмъ въ залу Государственнаго Совѣта. Всѣ туда пошли и заняли свои мѣста. На всѣхъ лицахъ выражалось ожиданіе великой вѣсти; тогда вошелъ великій князь Николай Павловичъ, съ бумагами въ рукѣ, и сѣлъ на президентское мѣсто. Все смолкло. Онъ началъ читать манифестъ. Отецъ мой понялъ, что *самъ Государь* читаетъ и первый всталъ; всѣ послѣдовали его примѣру и стали вставать одинъ за другимъ. Послѣ манифеста Государь прочелъ всѣ письма Императрицы Маріи Ѳеодоровны и братьевъ своихъ.

Въ тотъ вечеръ собралось къ намъ нѣсколько родныхъ, и отецъ мой возвратился домой очень поздно; мы всѣ ожидали его съ нетерпѣніемъ. На другой день назначено было собраться для присяги въ Сенатѣ въ 9 часовъ утра, въ Совѣтѣ въ 11 часовъ и во Дворцѣ въ 2 часа.

14-го Декабря, рано по утру, услышали мы, что сенаторамъ приказано было присягать въ 7 часовъ утра, вмѣсто 9. Перемѣна эта удивила насъ: что̀ такъ рано подняли старичковъ? Вскорѣ прибѣжалъ къ отцу Г. Д. Столыпинъ въ большомъ смущеніи и со слезами спрашивалъ: что̀ дѣлать? «У меня три сына, молодые офицеры гвардіи, приказано сегодня присягать Николаю Павловичу, а Г.—увѣряетъ, что Константинъ Павловичъ не отрёкся». Отецъ мой, побранивъ Г., убѣдилъ не вѣрить ложнымъ слухамъ и успокоилъ Столыпина. Едва этотъ ушелъ, прибѣжалъ другой сосѣдъ съ извѣстіемъ, что солдаты

Библиотека "Руниверс"

въ казармахъ бунтуютъ. Отецъ сейчасъ велѣлъ заложить карету и послалъ сказать брату, чтобъ онъ ѣхалъ съ нимъ вмѣстѣ во Дворецъ. Матушка испугалась и просила не ѣхать, когда въ городѣ не спокойно; но отецъ сказалъ: «когда Государь въ опасности, нашъ долгъ быть при немъ!» и матушка болѣе ихъ не удерживала; они оба отправились во Дворецъ.

Цѣлый день мы были въ страшномъ безпокойствѣ. Наканунѣ тетушка у насъ ночевала и осталась съ нами. Люди наши приносили намъ тревожные слухи, безпрестанно бѣгая освѣдомляться на площадь. Этотъ день описанъ многими и извѣстенъ всѣмъ. Мы все время ходили по залѣ; матушка нѣсколько разъ посылала узнавать объ отцѣ, но посланные никакъ не могли пробраться во Дворецъ сквозь толпу, и мы весь день были въ неизвѣстности. Матушка моя всегда, во время душевныхъ испытаній, сохраняя спокойный видъ, не тревожила окружающихъ ее волненіемъ своихъ чувствъ, и съ кротостію покорялась волѣ Божіей.

На нашей площади мало было народа: всѣ стремились въ ту сторону, гдѣ собиралось войско. Вдругъ мы услышали шумъ на улицѣ, бросились къ окну и увидѣли идущихъ въ безпорядкѣ солдатъ экипажа гвардіи, которыхъ велъ офицеръ съ обнаженною саблею и, оборачиваясь безпрестанно къ нимъ, говорилъ съ большимъ жаромъ. Они прошли площадь и направились къ бунтовщикамъ. Это насъ ужасно поразило. Въ ту минуту вошелъ въ залу старый слуга, Филипъ Андреевичъ, чтобы накрывать на столъ къ обѣду; но, увидѣвъ также солдатъ въ безпорядкѣ, остановился и сказалъ матушкѣ: «грѣшно теперь обѣдать, позвольте не накрывать стола». Мы всѣ охотно согласились и не обѣдали тотъ день. Сестра Вѣра Николаевна съ дѣтьми пріѣхала къ намъ ночевать. Въ 8-мъ часу отецъ прислалъ сказать, что онъ здоровъ, а самъ пріѣхалъ довольно поздно, потому что по окончаніи всей тревоги было молебствіе и присяга. На другой день отецъ мой ѣздилъ опять во Дворецъ и, возвратясь, разсказывалъ, какъ онъ удивлялся краснорѣчію молодаго Государя. Императоръ Николай въ присутствіи всѣхъ объяснилъ весь заговоръ кратко и ясно, слогомъ Тацита, какъ сравнилъ отецъ.

Въ Мартѣ 1826-го года привезли тѣло въ Бозѣ почившаго Государя Александра Павловича. Отецъ мой, при печальной церемоніи въѣзда въ Петербургъ, несъ изъ императорскихъ регалій царскій скипетръ; ассистентомъ его былъ адмиралъ Кушелевъ.

Тогда отецъ мой былъ уже 72-хъ лѣтъ, одѣтъ, какъ слѣдуетъ, въ полной формѣ, и какъ всѣ другіе, былъ въ черномъ плащѣ и большой траурной шляпѣ. Погода была ужасная, вѣтеръ и вьюга. Бѣдный адми-

Библиотека "Руниверс"

ралъ Кушелевъ простудился и умеръ. Отца моего Богъ сохранилъ; съ нимъ не было никакихъ послѣдствій.

Въ Августѣ мы поѣхали въ Москву на коронацію—отецъ, матушка, братъ и я.

Въ тотъ годъ лѣто было очень жаркое, и много было пожаровъ, горѣли лѣса и деревни. Намъ пришлось нѣсколько разъ проѣзжать мимо пожаровъ; одна деревня была совершенно въ пламени съ обѣихъ сторонъ, когда мы ее проѣзжали. Страшно было видѣть пробирающійся въ лѣсу огонь и слышать трескъ горящихъ деревьевъ. Многіе другіе, проѣзжая, тоже видѣли подобныя зрѣлища.

По прибытіи въ Москву, одна моя родственница упросила меня ѣхать съ нею къ однимъ ея знакомымъ, гдѣ можно было видѣть церемоніальный въѣздъ; я согласилась ѣхать, съ тѣмъ, чтобы меня не называли. Когда придворные золотые экипажи проѣзжали мимо, одна изъ каретъ, въ которой сидѣлъ отецъ мой, остановилась противъ самыхъ тѣхъ оконъ, гдѣ мы были, и онъ въ ту минуту смотрѣлъ на нашу сторону. Двѣ дамы съ живостью сказали: «посмотрите, какое почтенное, выразительное лицо старичка съ бѣлыми волосами!» а третья имъ отвѣтила: «это адмиралъ Ник. Сем. Мордвиновъ».

Во время празднества была иллюминація, и какъ нашъ домъ былъ почти за городомъ, то мы видѣли ее отлично, особенно Кремль былъ точно залитъ огнемъ.

Въ Москвѣ мы пробыли долѣе, чѣмъ предполагали; отецъ мой заболѣлъ рожею, что̀ насъ и задержало; мы всѣ оставались до его выздоровленія.

Въ 1827-мъ году отецъ мой занялся устройствомъ страховаго отъ огня общества, которое и теперь считается лучшимъ.

Въ томъ-же году тетушка Анна Семеновна переселилась въ Москву, потому что сынъ ея купилъ имѣніе въ Дмитровскомъ уѣздѣ, и она рѣшилась жить съ нимъ; но, не желая вовсе разстаться съ своимъ братомъ и его семействомъ, обѣщала пріѣзжать каждый годъ гостить на нѣсколько мѣсяцевъ у насъ; при всемъ томъ родителей моихъ огорчилъ ея отъѣздъ, такъ какъ они никогда надолго съ нею не разставались.

Въ 1828-мъ году, Сентября 2-го, братъ мой Александръ Николаевичъ женился на Анастасіи Алексѣевнѣ Яковлевой.

Зимою пріѣзжала гостить къ намъ тетушка Анна Семеновна.

Въ 1829-мъ году отецъ мой получилъ отъ Государя Николая Павловича алмазные знаки ордена св. Апостола Андрея.

Въ 1830-мъ году 16-го Января родился у брата сынъ Николай.

Библиотека "Руниверс"

Въ Маѣ пріѣхала къ намъ тетушка Анна Семеновна и пробыла до Сентября. Въ это время въ Москвѣ появилась холера, почему она и поторопилась уѣхать къ своимъ дѣтямъ.

Послѣ 1830-го года отецъ мой, кажется, не ѣздилъ уже на придворные балы, такъ какъ они начинались довольно поздно, но на выходы и въ Совѣтъ продолжалъ ѣздить. На частныхъ балахъ никогда не бывалъ, кромѣ какъ у друга своего Александра Семеновича Шишкова. По временамъ посѣщалъ всѣхъ своихъ знакомыхъ.

«Русская Старина» (Январь, 1872) говоритъ, что «изъ литераторовъ были близки Мордвинову: Воейковъ, Грибоѣдовъ и Рылѣевъ». Воейкова я совсѣмъ не помню; Грибоѣдовъ никогда не былъ даже представленъ моему отцу, а Рылѣевъ былъ въ домѣ раза два—не болѣе. Отецъ мой продолжалъ знакомство только со старинными литераторами и поэтами, какъ то: съ Шишковымъ, Державинымъ, Карамзинымъ, Жуковскимъ и проч. Съ литераторами и поэтами новаго поколѣнія онъ, можетъ быть, встрѣчался у Шишкова, но ни съ кѣмъ не былъ близокъ; даже Пушкинъ къ нему не ѣздилъ, хотя отецъ мой съ удовольствемъ читалъ нѣкоторыя его сочиненія. Съ Алек. Семен. Шишковымъ самая искренняя дружба продолжалась до конца его жизни.

«Русская Старина» передаетъ, что «Мордвиновъ, вслѣдствіе паденія Сперанскаго, уѣхалъ въ Пензу». Совсѣмъ не то! Онъ, просто, поѣхалъ весною въ свою подмосковную съ своимъ семействомъ провести лѣто, какъ сказано выше.

Какъ Сперанскій, такъ и отецъ мой, были государственные люди и, занимаясь одними предметами, могли посѣщать другъ друга. Отецъ мой цѣнилъ его умственныя дарованія, но душевныя ихъ качества были совершенно различны; потому они и не могли сблизиться и быть въ короткихъ отношеніяхъ. По возвращеніи Сперанскаго въ Петербургъ, отецъ мой и онъ жили въ одномъ городѣ почти 20 лѣтъ, и никогда не ѣздили одинъ къ другому.

XVI.

Въ 1831 году, Февраля 3-го, матушка захворала горячкою. Мы тогда уже пользовались гомеопатіею, и удачное леченіе ея опасной болѣзни сдѣлало насъ совершенно гомеопатами. Тогда отецъ мой написалъ маленькое свое сочиненіе «О Гомеопатіи».

Еще въ печати извѣстны три его сочиненія: «О пользахъ, могущихъ послѣдовать отъ учрежденія частныхъ по губерніямъ банковъ»,

Библиотека "Руниверс"

«О мануфактурахъ въ Россіи и тарифѣ» и «О способахъ къ полученію выгодныхъ урожаевъ».

Когда, въ 1830 году, въ Москвѣ появилась холера, то по письмамъ нашихъ Львовыхъ и Корсаковыхъ, изъ Московской и Саратовской губерній, видно было, какъ удовлетворительно было тамъ гомеотическое леченіе отъ этой эпидеміи. Они сами лечили своихъ крестьянъ и многихъ другихъ въ ихъ окрестностяхъ; иные сосѣди послѣдовали также ихъ примѣру. Удачное леченіе внушило крестьянамъ довѣріе; они безпрестанно обращались къ нимъ за помощію. Помѣщики сами ѣздили по больнымъ, а жены ихъ приготовляли порошки по гомеопатической системѣ

Письма сестры моей Львовой особенно интересовали насъ, и когда холера появилась въ Петербургѣ, отецъ потребовалъ отъ нея всѣ свѣдѣнія, которыя нужно было имѣть: описаніе періодовъ болѣзни, леченіе ея, отчетъ въ успѣхахъ и, присоединивъ къ этому нѣкоторыя извлеченія изъ писемъ, послалъ все къ Русскому консулу въ Америку, писалъ къ нему: что такъ какъ холера прошла всю Россію и обходитъ Европу, то онъ полагаетъ, что эта болѣзнь неминуемо посѣтитъ и Америку; а какъ Америка, подобно Россіи, еще новый край, безъ всѣхъ тѣхъ удобствъ, которыми пользуется Европа, то видя, сколько гомеопатія была полезна въ Россіи, онъ считаетъ долгомъ по человѣчеству сообщить въ Америку все, что́ онъ собралъ въ доказательство превосходства сего леченія. Консулъ представилъ всѣ сіи бумаги медицинскому факультету, и Американскіе доктора приняли это во вниманіе. Въ Америкѣ гомеопатія получила большой успѣхъ; въ то время тамъ было не болѣе четырехъ докторовъ-гомеопатовъ, а теперь въ Соединенныхъ Штатахъ около четырехъ тысячъ гомеопатическихъ врачей!

По прошествіи десяти лѣтъ послѣ того, какъ отецъ мой послалъ свои замѣчанія о гомеопатіи, онъ получилъ дипломъ отъ Сѣверо-Американскаго гомеопатическаго факультета. Ему сдѣлали честь, избравъ его почетнымъ членомъ ихъ общества, признавъ его однимъ изъ первыхъ, содѣйствовшихъ введенію гомеопатіи въ Амирикѣ.

Слѣдя за случайными открытіями, онъ тоже обратилъ вниманіе на г-жу Турчанинову, извѣстную многимъ докторамъ. Она почувствовала въ себѣ магнетическую силу лечить горбатыхъ и коротконогихъ и пріѣхала въ Петербургъ заняться этимъ. Сила ея магнетизма, которую она сообщала больнымъ, не прикосновеніемъ своихъ рукъ, а однимъ зоркимъ взглядомъ, давала имъ способность ясновидѣнія, понимать и чувствовать, что́ полезно было для ихъ недуга. Разъ, по просьбѣ знакомой дамы, Турчанинова лечила у насъ въ домѣ одного бѣд-

Библиотека "Руниверс"

наго мальчика, и какъ больные обыкновенно дѣлали удивительныя движенія, мальчикъ вертѣлся на палкѣ, которую держали два человѣка; одинъ изъ нихъ со страха выронилъ палку изъ рукъ, мальчикъ упалъ и вывихнулъ себѣ руку. Г-жа Турчанинова въ испугѣ упала въ обморокъ, а покровительница его убѣжала. Родители мои бросились помогать бѣдному мальчику, снесли его въ кабинетъ, послали за костоправомъ, и вмѣстѣ съ нимъ сами помогали въ этой операціи. Мальчикъ этотъ остался впослѣдствіи на попеченіи моихъ родителей.

Въ 1832-мъ году сестрица, супруга брата моего, Анастасія Алексѣевна сдѣлалась очень больна, и братъ мой рѣшился ѣхать съ нею за границу, а также и братъ ея Иванъ Алексѣевичъ поѣхалъ съ ними. Въ Венеціи она скончалась 9-го Января 1833 года, и ее привезли въ Петербургъ.

Отецъ мой, въ этомъ же году, упалъ ложась спать, и съ недѣлю былъ боленъ; онъ былъ подверженъ головокруженію.

Сестра Вѣра Николаевна занемогла нервической горячкою, и послѣ двухнедѣльной болѣзни мы ея лишились, 4-го Января 1834 года. Смерть сестры поразила матушку Горестна была эта потеря для всѣхъ насъ; единственнымъ утѣшеніемъ матушки было воспитаніе сиротъ сестры моей при себѣ. Онѣ и переѣхали всѣ къ намъ. Братъ мой никогда не разставался со своими родителями и всегда жилъ съ своимъ семействомъ въ одномъ домѣ съ нами. Матушка моя нѣжно любила всѣхъ своихъ дѣтей и внучатъ, но кажется, еще горячѣе единственнаго своего сына и его Колю.

Этотъ мальчикъ съ самаго дѣтства былъ одаренъ всѣми лучшими качествами душевными, сердечными и умственными, нрава кроткаго и веселаго, при томъ красивъ и граціозенъ; онъ былъ общій любимецъ въ нашемъ семействѣ. Этого ангела, къ величайшему отчаянію отца его и горести всего семейства, лишились въ самыхъ цвѣтущихъ лѣтахъ его юности,—на семнадцатомъ году отъ рожденія, 24-го Сентября 1846 года.

XVII.

Отецъ мой въ 1834 году пожалованъ въ графское достоинство.

Въ 1837 году старшая внучка его Марья Аркадьевна Столыпина, вышла за мужъ за камеръ-юнкера Ивана Александровича Бека.

Въ 1838 году братъ Александръ Николаевичъ поѣхалъ въ Крымъ; на обратномъ пути, въ Москвѣ 1839 года женился на дочери графа Петра Александровича Толстаго графинѣ Александрѣ Петровнѣ, и въ Февралѣ пріѣхали къ намъ въ Петербургъ. Отъ этого брака у брата

Библиотека "Руниверс"

было трое дѣтей. Первая дочь, Марія, умерла малюткою; вторая, Анна, родилась въ 1841 году Октября 14, нынѣ въ замужествѣ съ княземъ Александромъ Константиновичемъ Имеретинскимъ. Сынъ Александръ родился 12 Ноября 1843 года.

Братъ мой скончался въ Одессѣ 13 Декабря 1858 года. Внезапная его смерть поразила все семейство и друзей его. Незабвенная память о немъ останется навсегда въ сердцахъ близкихъ ему. Онъ былъ нѣжнѣйшій сынъ, супругъ, отецъ и братъ; нрава былъ чрезвычайно кроткаго и пріятнаго, внимателенъ ко всѣмъ, любезенъ въ обществѣ и домашнемъ кругу Онъ много читалъ, умъ его былъ просвѣщенъ; но скромности былъ необыкновенной: никогда не выказывалъ своихъ познаній. При строгихъ и честныхъ своихъ правилахъ, онъ былъ удивительно снисходителенъ къ другимъ. Онъ былъ очень щедръ и много помогалъ нуждающимся; съ евангельскою чистотою души его лѣвая рука не вѣдала, что́ правая творила.

Въ 1839 году отецъ мой купилъ домъ въ Царскомъ Селѣ, и мы жили въ немъ весну и осень, а ближнюю дачу онъ отдавалъ на лѣто знакомымъ бѣднымъ семействамъ даромъ. Отецъ мой не только помогалъ услугами, но и денежнымъ пособіемъ; онъ давалъ не по слабости и не по честолюбію, но по чувству благотворительности; дарилъ тысячами, когда человѣкъ былъ достойный, а иногда разсчитывалъ дать рубль и даже менѣе, когда человѣкъ казался ему сомнительнымъ.

Одна госпожа прибѣгала къ помощи моего отца и, со слезами представляя крайнюю бѣдность свою, упала предъ нимъ на колѣни; онъ тотчасъ же вынулъ изъ бумажника сторублевую ассигнацію и положилъ ей на руку; къ удивленію его, она посмотрѣла на ассигнацію и съ недовольнымъ видомъ и съ раскрытою ладонью сказала отцу: «что́ я съ этимъ буду дѣлать?» Тогда очень хладнокровно, взявъ съ ея руки эту бумажку, онъ положилъ ее обратно въ портомоне, сказавъ: «если вы не знаете что съ этимъ дѣла́ть, то я найду кому отдать, кто съумѣетъ употребить это въ свою пользу»—ушелъ.

Всегдашней привычкой отца моего было, ходя по комнатѣ или гуляя, размышлять и обдумывать что-либо, и по этой причинѣ онъ всегда любилъ ходить одинъ. На дачѣ онъ гулялъ обыкновенно по лѣсамъ и лугамъ, рѣдко по обдѣланнымъ дорожкамъ; случалось ему иногда и споткнуться на камень, или оступиться въ ямку, въ чемъ онъ и сознавался, смѣясь. Но послѣ того, какъ у него сдѣлалось разъ головокруженіе, когда онъ ложился спать, онъ упалъ и былъ боленъ,—матушка стала бояться, когда онъ долго не возвращался съ прогулки и посылала кого-нибудь изъ насъ тайкомъ слѣдить за нимъ издали, такъ чтобы онъ этого не замѣчалъ.

Библиотека "Руниверс"

Заботясь о воспитаніи дѣтей, онъ пользовался всѣми случаями внушать имъ съ малыхъ лѣтъ—уважать не только законъ Божій, но и законы гражданскіе. Напримѣръ, однажды на дачѣ онъ засталъ тринадцати-лѣтняго мальчика, меньшаго своего внука Столыпина, который выкапывалъ старый столбъ, поставленный среди дорожки, и выкопавъ его, повалилъ. Дѣдушка разсердился на внука за эту шалость и, побранивъ его, растолковалъ всю важность столба, означающаго чужую собственность или какое-либо запрещеніе.

Отецъ мой былъ вспыльчивъ, но эта горячность была мгновенная, и когда я замѣчала, что онъ своею горячностью кого-нибудь огорчилъ, то, зная его доброту, нѣжность и сознательность, я никогда не боялась придти къ нему, высказать замѣченное мною, и мало того, что онъ всегда, бывало, поблагодаритъ меня за это и приласкаетъ, но сейчасъ велитъ позвать того, о комъ была рѣчь или самъ пойдетъ, чтобы утѣшить огорченнаго; но когда подобное случалось со мною, то я не могла рѣшиться замѣтить ему это: мнѣ жаль было огорчить его своимъ оправданіемъ, тѣмъ болѣе, что его вспылчивость скоро проходила, и онъ никогда долго не сердился.

Мы всегда замѣчали: когда отецъ мой находился на службѣ, то казалось, былъ веселѣе и спокойнѣе, а внѣ службы, хотя и всегда былъ занятъ, но иногда былъ болѣе раздражителенъ и болѣе обращалъ вниманія на мелочную домашнюю неисправность.

Вспомнила я, что тетушка Екатерина Семеновна, которая, по словамъ ея, въ молодости была большая трусиха, разсказывала, что отецъ мой всегда ее за это бранилъ. Однажды родители мои должны были ѣхалъ по мосту черезъ рѣку, и съ ними въ каретѣ сидѣли тетушки. Екатерина Семеновна, подъѣзжая къ мосту, по обыкновенію просила выйдти, чтобы пройти пѣшкомъ, но отецъ разсердился и не позволилъ никому выходить. Едва успѣли они съѣхать на другой берегъ—мостъ обрушился. Этотъ случай такъ поразилъ моего отца, что онъ никогда не могъ равнодушно вспомнить о томъ и сознавался, что онъ упрямствомъ своимъ могъ лишиться жены и сестеръ. Послѣ того онъ всегда заставлялъ выходить изъ экипажа, когда встрѣчался на пути мостъ, и сдѣлался такъ остороженъ, что не позволялъ намъ сидѣть въ каретѣ, когда приходилось подниматься на гору или спускаться, и шутя говорилъ, что надо лошадямъ дать отдохнуть, а намъ полезно пройтись; тѣхъ же, которыя не выходили, называлъ *куколками*.

Когда изъ Крыма первый разъ мы пріѣхали въ Петербургъ, матушка выѣзжала на всѣ придворные и частные балы, но впослѣдствіи предпочитала дружескій кругъ знакомства, и семейная жизнь была болѣе ей по сердцу.

Библиотека "Руниверс"

Нравъ матушки былъ удивительный: она была довольно живаго характера, все видѣла и замѣчала, но никогда не сердилась. Она была очень проницательна: по физіономіи угадывала людей безошибочно и часто предостерегала отца противъ тѣхъ, которые казались ей не истинно преданными. Замѣчанія ея всегда были совершенно справедливы, и предсказанія сбывались. Родители мои жили такъ, что у нихъ не было тайны другъ отъ друга. Отецъ имѣлъ такое высокое мнѣніе о здравомъ разсудкѣ матушки и вѣрномъ ея сужденіи, что часто читалъ ей свои сочиненія, прося ее высказывать свои замѣчанія. Она много читала нравственныхъ, поучительныхъ и религіозныхъ книгъ, любила стихотворенія, читала хорошіе Англійскіе романы; Французскихъ не терпѣла и не одобряла ихъ, также какъ и сочиненій Французскихъ философовъ.

Однажды отецъ мой привезъ изъ книжной лавки одно изъ сочиненій Вольтера. Матушка не одобрила эту покупку. «Я старъ, сказалъ онъ, и мнѣ Вольтеръ вреда не сдѣлаетъ». Нѣсколько дней спустя, мы сидѣли у стола и завтракали; въ это время топилась печка. Отецъ вошелъ и что-то принесъ, завернувъ въ полу своей шелковой шинельки, которую обыкновенно носилъ сверхъ фрака, сталъ на одно колѣно къ печкѣ и началъ класть въ огонь книги одну за другою, съ улыбкою посматривая на насъ, а мы на него съ любопытствомъ и удивленіемъ. Потомъ онъ сказалъ: «Дѣтушки, правду маменька говорила: не стоитъ читать Вольтера и намъ старичкамъ!»

Въ молодости, отецъ мой читалъ всѣхъ Французскихъ философовъ, увлекаясь ихъ краснорѣчіемъ; но когда онъ женился, матушка убѣдила его, что неправственныхъ и нерелигіозныхъ книгъ читать не слѣдуетъ. Убѣжденія ея были такъ искренны, такъ сильны, что онъ, чувствуя справедливость ея замѣчаній, пересталъ ихъ читать.

Метафизику и мистическія сочиненія никогда не любилъ, а Канта запрещалъ даже читать намъ.

Отецъ мой много занимался исторіею и твердо зналъ всѣхъ знаменитыхъ древнихъ историковъ и краснорѣчивыхъ ораторовъ, Греческихъ, Латинскихъ и Славянскихъ. Новѣйшіе историки были тоже ему извѣстны, но впослѣдствіи онъ болѣе слѣдилъ за прогрессомъ усовершенствованія всѣхъ наукъ и за современными событіями, читалъ путешествія, газеты и разныя новыя сочиненія; особенно политическая экономія и наука земледѣлія всегда интересовали его.

Удивительно, какъ отцу моему была извѣстна вся Россія, народонаселеніе ея во всѣхъ частяхъ, климаты, богатства, скрытыя въ нѣдрахъ земли и на землѣ Русской, всѣ лѣсныя и степныя мѣста, почвы и качества земли и всѣ преимущества, коими одарилъ Богъ

Библиотека "Руниверс"

Россію для ея блага и богатства. Онъ говорилъ, что Россія не нуждается въ помощи никакихъ другихъ странъ: она богата сама собою.

Занимаясь историческими сочиненіями, онъ замѣчалъ, что въ нихъ прославляютъ храбрыхъ завоевателей какъ великихъ людей, но отецъ мой называлъ ихъ—разбойниками. Защищать свое отечество—война законная, но идти въ даль съ корыстолюбивыми замыслами, проходить пространство земель и морей, разорять жилища мирныхъ людей, проливать кровь невинную, чтобы завладѣть ихъ богатствомъ: такими завоеваніями никакая просвѣщенная нація не должна гордиться.

Онъ такъ твердо зналъ географію и помнилъ до преклонныхъ лѣтъ, что хотя въ послѣдніе годы его жизни ослабѣло зрѣніе, но когда читали ему какія-нибудь путешествія, то онъ могъ указать пальцемъ на картѣ, гдѣ находится какой городокъ или рѣчка, если чтецъ затруднялся отыскать.

XVIII.

Отецъ мой обыкновенно вставалъ въ 8 часовъ, завтракалъ въ 9-ть съ матушкой и вмѣстѣ съ нами, когда былъ здоровъ, выѣзжалъ каждый день, но не для прогулки, а въ Государственный Совѣтъ, въ комитеты, или куда нужно по дѣламъ; заѣзжалъ иногда въ книжныя лавки. Выходя изъ дома, не садился прямо въ экипажъ, а проходилъ нѣсколько пѣшкомъ, и карета за нимъ слѣдовала.

Нельзя сказать, чтобы здоровье его было крѣпкое, но онъ никогда не боялся ненастной погоды, ни мороза, и когда выѣзжалъ, то въ каретѣ всегда одно окно было спущено. Лѣтомъ же, на дачѣ, когда нужно было идти смотрѣть какую работу, онъ очень часто выходилъ въ дождливую погоду, подъ зонтикомъ: онъ находилъ, что чистый воздухъ—лучшее лекарство для здоровья. Даже сквознаго вѣтра онъ не остерегался, говоря, что вѣтеръ очищаетъ воздухъ. Когда же не выѣзжалъ, то предъ обѣдомъ игралъ съ нами въ воланъ; и какъ онъ отлично мѣтко и ловко игралъ, то, чтобы не остаться безъ движенія, переступалъ все время съ одной ноги на другую.

Обѣдали мы въ четыре часа, и если не было гостей, то послѣ обѣда съ кѣмъ-нибудь изъ насъ онъ игралъ въ карты — въ дурачки, потому что не любилъ отдыхать; послѣ того онъ занимался въ своемъ кабинетѣ. Въ 8 часовъ вечера прохаживался по залѣ около часа. Чаю вечеромъ не пилъ, а въ десять часовъ кушалъ разварной рисъ съ краснымъ виномъ или съ молокомъ; любилъ лакомства—пряники, сухіе плоды въ сахарѣ, черносливъ; кушалъ апельсины, вишни и виноградъ,

Библиотека "Руниверс"

которыхъ запасъ всегда былъ у него въ кабинетѣ, но во всемъ былъ умѣренъ. Въ большомъ письменномъ столѣ его одинъ ящикъ былъ всегда занятъ сладостями, и тамъ же мѣшечекъ съ сухариками изъ чернаго хлѣба. Мясное онъ мало кушалъ, болѣе любилъ рыбное. Послѣ ужина опять возвращался въ залу и прохаживался довольно долго. Матушка уходила въ 11 часовъ, тогда и мы расходились. Отецъ входилъ въ спальню уже безъ огня, чтобы не разбудить матушку; свѣчку ставили близъ дверей, а потомъ уносили.

До глубокой старости онъ самъ одѣвался и раздѣвался безъ помощи камердинера; отъ самыхъ юныхъ лѣтъ сохранилъ привычку вычищать щеткою все свое платье — на себѣ, когда ложился спать, и складывалъ самъ каждую вещь; подъ подушку клалъ бумагу и карандашъ для того, чтобы записывать свои мысли: «une idée lumineuse» — какъ онъ бывало говорилъ.

Никогда не надѣвалъ халата, съ утра одѣвался во фракъ; носилъ постоянно шелковые черные чулки и башмаки. Сверхъ фрака надѣвалъ дома легонькую шелковую длинную шинельку съ рукавами синяго цвѣта, въ которой и представленъ на портретѣ Дау (Dow).

Бѣлизна и блескъ серебристыхъ его волосъ были замѣчательны; мягкіе какъ шелкъ, волнистые свои волосы онъ приглаживалъ щеткою, оставляя довольно длинными. Матушка моя дорожила его волосами, сама всегда подрѣзывала и сохраняла ихъ.

У отца моего было очень хорошее зрѣніе, онъ всегда читалъ и писалъ безъ очковъ; употреблялъ ихъ тогда, когда гулялъ, чтобы видѣть дальніе предметы. Занимаясь, всегда сидѣлъ у письменнаго стола на обыкновенномъ креслѣ, никогда на мягкихъ покойныхъ мебеляхъ не садился. Не требовалъ много свѣта, когда читалъ; книга лежала на столѣ, онъ никогда не нагибался и не поднималъ ее къ огню.

Конторщика никогда не имѣлъ для собственныхъ дѣлъ своихъ, самъ писалъ къ управляющимъ въ свои имѣнія, насъ заставлялъ переписывать копіи въ книгу.

Секретаря имѣлъ, когда находился на службѣ, для переписки дѣловыхъ бумагъ, которыя составлялъ самъ.

Никогда ничего не подписывалъ, не прочитавъ прежде.

Въ послѣдніе уже годы взялъ чтеца, у котораго всегда лежалъ карандашъ, чтобы въ книгѣ отмѣчать мыста любопытныя и полезныя, которыя онъ находилъ, такъ какъ самъ уже болѣе выписокъ не дѣлалъ. Французскія и Англійскія книги читали гувернеры его внука.

Одинъ миссіонеръ, пріѣхавъ изъ Англіи въ Петербургъ, занялся переводами нравственныхъ разсказовъ для Русскаго народа, которые намѣренъ былъ продавать по дешевой цѣнѣ. Отецъ мой, узнавъ это,

Библиотека "Руниверс"

пожелалъ съ нимъ познакомиться, пригласилъ его къ себѣ, поощрилъ его въ этомъ благомъ дѣлѣ, давъ ему тысячу рублей, чтобы онъ на эти деньги напечаталъ для него по нѣскольку экземпляровъ переведенныхъ повѣстей, имѣя намѣреніе разсылать ихъ по всѣмъ губерніямъ Россіи. Нѣсколько пакетовъ было разослано еще при жизни отца моего; но какъ послѣ кончины его мы уѣхали за границу, то въ отсутствіе наше управляющій продалъ ихъ гуртомъ книгопродавцу.

Поощряя изданіе полезныхъ книгъ для народа, отецъ мой способствовалъ изданію многихъ книгъ въ семъ родѣ; даже заставилъ печатать картиночки для поощренія народа къ оспопрививанію, гдѣ изображались разные несчастные случаи вслѣдствіе натуральной оспы и благотворныя дѣйствія оспопрививанія.

Около 1840-го года отецъ мой простилъ всѣ недоимки своимъ крестьянамъ, также частные мелочные долги небогатыхъ знакомыхъ и даже возвратилъ инымъ росписки, по тысячѣ рублей, надорвавъ ихъ.

XIX.

Въ 1840 году, зимою, у отца въ кабинетѣ былъ какой-то господинъ; когда онъ уходилъ, отецъ всталъ и хотѣлъ проводить его, какъ обыкновенно это дѣлалъ, но почувствовалъ себя нехорошо, не пошелъ и хотѣлъ опять сѣсть въ кресло, но, упавъ мимо него, закричалъ, и матушка вбѣжала. Его подняли и перенесли въ спальню на постель, пославъ за докторами, Арендтомъ и Жилемъ. Долго онъ былъ боленъ и хотя нога отъ ушиба совершенно поправилась, но самъ онъ сталъ слабѣть, постепенно лишался зрѣнія, голоса и свободнаго движенія пальцевъ, такъ что съ трудомъ могъ держать перо въ рукѣ, чтобъ писать; ходилъ уже не такъ скоро и бодро какъ прежде. Все это доказывало, что съ нимъ, вѣроятно, былъ легкій нервный ударъ.

Перемѣна его здоровья сильно подѣйствовала на матушку; она три года сряду занемогала нервическою горячкою, и отца моего это очень тревожило; послѣдняя болѣзнь ея обратилась въ *marasme* (изнурительную сухотку) и продолжалась нѣсколько мѣсяцевъ.

Матушка прежде мнѣ часто говорила, чтобы въ опасныхъ болѣзняхъ не оставлять ее безъ причастія; видя слабое ея положеніе, мы послали пригласить духовника ея, пастора Лоу (Law), пріѣхать съ причастіемъ, что̀ очень ее обрадовало, и она съ большимъ чувствомъ приняла Святыя Тайны. Это было за недѣлю до ея кончины.

При чрезвычайной ея слабости она до послѣдняго дня выходила въ другія комнаты и лежала на диванѣ, болѣе въ забытьи, а приходя

Библиотека "Руниверс"

въ себя, съ особеннымъ умиленіемъ часто повторяла: *Sweit Iesus* (Іисусе сладчайшій!...).

Въ послѣдній вечеръ сильно склонялъ ее сонъ; мы довели ее до кровати; она была уже съ закрытыми глазами. Когда отецъ подошелъ къ ней и взялъ поцѣловать ея руку, чтобы проститься съ нею, то замѣтилъ, что рука ея очень опухла; онъ заплакалъ, понявъ, что послѣдній часъ ея наступилъ. Всю ночь мы не отходили отъ нея, и въ 4 часа утра она скончалась, 16-го Августа 1843 года.

По кончинѣ матушки обряды совершались по-православному: читали Псалтирь, служилъ каждый день панихиды Русскій священникъ, а потомъ, при выносѣ, былъ Англійскій пасторъ и провожалъ до церкви, гдѣ встрѣтилъ пасторъ Нѣмецкій, и послѣ отпѣванія оба пастора провожали до кладбища.

Отецъ мой еще при жизни матушки хлопоталъ о пріобрѣтеніи въ Сергіевской пустынѣ на кладбищѣ двухъ мѣстъ, но какъ въ то время тамъ не были отводимы мѣста для иностранцевъ, и митрополитъ не дозволялъ, то она сама назначила похоронить ее на кладбищѣ въ Мартышкинѣ, въ верстѣ отъ нашей приморской дачи. Тамъ много уже было положено Англичанъ, ей знакомыхъ, и она пожелала туда же. Мѣсто это мы украсили лучшими деревьями съ нашей дачи, около могилы развели цвѣтники, а на другое лѣто поставили памятникъ.

Отецъ мой послѣ матушки жилъ полтора года, ужасно грустилъ, но былъ кротокъ какъ ангелъ, со всѣми нѣженъ и ласковъ; часто я видѣла, какъ слезы катились по лицу его; трогательны были тихая его печаль и смиреніе. Послѣднюю зиму онъ видимо чрезвычайно слабѣлъ, не выѣзжалъ, не гулялъ и не ходилъ по комнатѣ; только послѣ обѣда и отдыха разъ въ день онъ обходилъ кругомъ комнатъ; мы его поддерживали, и когда доходилъ онъ до зала, гдѣ всѣ сидѣли, то садился на диванѣ; предъ нимъ ставили столикъ и питье. Тогда для него заводили органъ, который игралъ цѣлый вечеръ. Онъ очень любилъ музыку; слухъ его и особенно память сохранились до послѣднихъ дней его жизни. Онъ даже помнилъ способности и недостатки всѣхъ ему знакомыхъ людей.

За нѣсколько дней до его кончины, всѣ мы, по обыкновенію, сидѣли въ залѣ, и онъ тутъ же; вдругъ ему сдѣлалось дурно. Мы бросились развязывать ему галстукъ и платье, почти на рукахъ перенесли его въ спальню и положили на кровать. Послали за докторомъ, который, пріѣхавъ, осмотрѣлъ его и сказалъ, что это уже послѣдніе дни его жизни. На другой день онъ не хотѣлъ остаться въ кровати и лежалъ, одѣтый, на диванѣ. Такъ продолжалось три дня.

Библиотека "Руниверс"

Наступилъ праздникъ Благовѣщенія; мы предложили ему пріобщиться Святыхъ Таинъ, чему онъ очень обрадовался, приказалъ одѣть себя прилично, и какъ въ это время шла служба въ церкви, то послали карету за нашимъ духовникомъ, который пріѣхалъ въ полномъ облаченіи со Святыми Дарами. Отецъ мой, въ ожиданіи, сидѣлъ на диванѣ. При входѣ священника онъ всталъ (мы его поддерживали); пріобщился онъ стоя.

Съ 28-го числа онъ уже не вставалъ съ кровати, и жизнь его угасала постепенно, безъ страданій. Всѣ дѣти его и внуки окружали его неотлучно; хотя онъ не говорилъ уже и не просилъ ничего, не открывалъ глазъ послѣдніе два дня, но когда мы давали ему съ чайной ложечки питье, то онъ пожималъ руку въ знакъ, что онъ чувствовалъ до послѣдней минуты. Тихая и покойная смерть праведника поразила всѣхъ насъ; при всей скорби, утѣшительно для каждаго близкаго видѣть такую христіанскую кончину. Она осталась для насъ незабвенною. Въ два часа пополуночи онъ скончался 30-го Марта 1845 года.

Когда узнали въ городѣ о его кончинѣ, множество лицъ разнаго сословія приходили ему поклониться, и какъ на это не было запрещенія, то послѣдній день, предъ выносомъ, можно сказать, приходили толпою, особенно купечество и моряки, большая часть совершенно незнакомыхъ. Много было и тѣхъ, которые съ горестью приходили поклониться и оплакивали своего благотворителя.

На выносъ моего отца пріѣзжали Государь и великіе князья, и за гробомъ прошли всю площадь.

Онъ похороненъ въ Александро-Невской Лаврѣ, и когда, во время преждеосвященной литургіи вносили его въ церковь, въ ту минуту раздалось умилительное трехголосное пѣніе, какъ бы самихъ Ангеловъ: *Да исправится молитва моя!..* что́ очень тронуло многихъ.

Въ Александро-Невской Лаврѣ положены родители его и многіе родные.

Недѣлю спустя, мы говѣли; отрадно мнѣ было слышать слова уважаемаго нашего духовника, который послѣднее время часто навѣщалъ моего отца. Сочувствуя нашей горести, онъ мнѣ сказалъ: «четыре года я посѣщалъ сего смиреннаго, великаго христіанина и признаю его за истинно-праведнаго».

Разсказывала мнѣ одна особа о слышанномъ ею разговорѣ двухъ заслуженныхъ старичковъ, шедшихъ тоже за гробомъ моего отца; оба они плакали, и одинъ другому говорилъ: «Вотъ какъ насъ Господь привелъ во́ время быть здѣсь! Были мы за двѣ тысячи верстъ въ

Библиотека "Руниверс"

разныхъ странахъ, и теперь съѣхались, какъ-будто для того, чтобы отдать послѣдній долгъ этому святому человѣку!» Повидимому, почтенные старички эти были изъ числа Черноморскихъ его сослуживцевъ.

Отецъ мой былъ одинъ изъ тѣхъ рѣдкихъ людей, въ которыхъ соединялись всѣ достоинства ума, сердца и глубокихъ познаній; онъ опередилъ своихъ современниковъ на много лѣтъ. Одинъ недостатокъ онъ имѣлъ, если можно назвать недостаткомъ,—его вспыльчивость; она происходила отъ энергическихъ его чувствъ, но послѣдніе годы онъ и въ томъ себя смирилъ. Богу угодно было укрѣпить нашу надежду, что въ будущей жизни Онъ наградитъ его вѣчнымъ блаженствомъ.

Такъ сошелъ въ могилу сей знаменитый человѣкъ. Да возгордится каждый Русскій, что онъ былъ его соотечественникомъ и да будетъ онъ примѣромъ всему своему потомству—внукамъ, правнукамъ!

Библиотека "Руниверс"

ВЪ ПАМЯТЬ В. А. ЗОЛОТОВА *).

(Отрывокъ изъ Записокъ).

O gioventù, primavera della vita!
O primavera, gioventù dell'anno!
Metastasio.

I.

Спросите у любой свѣтской женщины: «кто былъ предметомъ ея «*первой* любви?» Она либо смолчитъ, либо солжетъ. Невольно вспомнишь слова Рошфуко́:

«Qui de nous n'a pas rougi des affections de sa jeunesse».

Къ счастью это грустное изрѣченіе ко *мнѣ* непримѣнимо. Нѣтъ правила безъ исключенія. Мнѣ не къ чему ни лгать, ни молчать. Я справедливо могу гордиться предметомъ моей первой любви. То былъ Василій Андреевичъ Золотовъ. Теперь онъ маститый старецъ, извѣстный своей дѣятельностью, всѣми уважаемый авторъ учебниковъ для народныхъ и другихъ школъ.

Василій Андреевичъ Золотовъ кончилъ курсъ въ Одессѣ, въ Ришельевскомъ Лицеѣ, гдѣ въ 1824-мъ году поступилъ на службу надзирателемъ надъ воспитанниками. Въ 1826-мъ г., по предписанію министра народнаго просвѣщенія, онъ получилъ разрѣшеніе отправиться въ Москву для слушанія лекцій въ тамошнемъ Университетѣ. Не имѣя со стороны правительства никакихъ пособій, онъ, по примѣру Ломоносова, отправился съ троичниками и, прибывъ въ Москву, терпѣлъ горе и нужду. Наконецъ, ректоръ Университета, по просьбѣ И. М. Снегирева, оцѣнившаго молодаго студента, далъ ему мѣсто преподавателя

---

*) Эти страницы написаны мной нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Вчера съ прискорбіемъ узнала, что мой старый другъ и наставникъ на дняхъ скончался въ Петербургѣ, тамъ, гдѣ дѣятельность его всегда была цѣнима и чтима.

Библиотека "Руниверс"

въ бывшемъ тогда при Университетѣ Благородномъ Пансіонѣ, котораго онъ былъ директоромъ.

В. А. Золотовъ въ послѣдствіи получилъ всеобщую извѣстность какъ изобрѣтеннымъ имъ методомъ обученія грамотности, такъ и *первыми* народными лекціями, безвозмездно имъ читанными въ Петербургѣ и въ Одессѣ по военному и морскому вѣдомству. Онъ первый подалъ и осуществилъ мысль подготовлять учителей для сельскихъ школъ изъ среды крестьянскихъ дѣтей, учредить учительскія семинаріи. Наконецъ, поступивъ чиновникомъ особыхъ порученій при Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія, онъ былъ *первымъ* и *единственнымъ* въ Россіи странствующимъ педагогомъ, и дѣятельность его на этомъ поприщѣ принесла неисчислимые, благотворные плоды.

Во время этихъ странствованій онъ терпѣлъ и голодъ, и холодъ, а въ Могилевской губерніи въ концѣ 1863-го и началѣ 1864-го года чуть не поплатился жизнью. Онъ спасся отъ смерти какимъ-то чудомъ.

Въ 1874-мъ году его пятидесятилѣтней юбелей былъ блистательнымъ образомъ отпразднованъ въ С.-Петербургѣ.

Съ В. А. Золотовымъ познакомилась я, когда онъ былъ преподавателемъ въ Университетскомъ Благородномъ Пансіонѣ.

Вотъ какъ это было. Въ мое время, дѣтей съ самаго рожденія учили всѣмъ Европейскимъ языкамъ, кромѣ Русскаго. Я, девяти лѣтъ отъ рода, говорила и писала на трехъ иностранныхъ языкахъ, а роднаго языка не умѣла *выговорить*, не то, чтобы читать или писать на немъ. У насъ величайшимъ проступкомъ считалось вымолвить Русское слово, и за этотъ проступокъ насъ строго наказывали. Но время шло, понятія мѣнялись, и матушка, женщина умная, образованная и далеко *не* отсталая, поняла всю нелѣпость нѣкоторыхъ обычаевъ своего вѣка, захотѣла помочь злу и пополнить пробѣлъ въ моемъ воспитаніи.

Стали пріискивать для меня учителя Русской словесности. Надобно было соединить въ немъ столько различныхъ качествъ, что выборъ былъ затруднителенъ. Наконецъ, кажется, Иванъ Ивановичъ Давыдовъ рекомендовалъ матушкѣ молодаго человѣка прекрасной нравственности, недавно женившагося по любви на прелестной дѣвушкѣ и вполнѣ заслуживающаго довѣрія матери семейства. Я уже сказала, что В. А. Золотовъ служилъ преподавателемъ Русскаго языка въ тогдашнемъ Университетскомъ Пансіонѣ, считавшемся лучшимъ въ Москвѣ учебнымъ заведеніемъ; слѣдовательно въ знаніи его не было сомнѣнія. Какъ теперь помню его форменный синій фракъ съ *малиновымъ суконнымъ отложнымъ* воротникомъ и золотыми пуговицами. Съ тѣхъ поръ такой странной формы нигдѣ не видно.

Библиотека "Руниверс"

Золотовъ былъ небольшаго роста, но я, девяти лѣтъ, была такъ мала, что онъ мнѣ казался чуть ли не гигантомъ. Былъ ли онъ хорошъ или дуренъ собой, не помню. На его внѣшность я не обращала никакого вниманія.

Мнѣ было девять лѣтъ, Золотову—двадцать одинъ годъ. Онъ имѣлъ рѣдкое, доброе и благородное сердце; со всѣмъ пыломъ молодости принялся онъ за свое дѣло. Вѣроятно его образъ преподаванія былъ превосходенъ, потому что я пристрастилась къ его урокамъ и не помню какъ прошла всѣ части граматики. Вмѣсто условнаго часа, онъ оставался со мною два-три часа, которые казались мнѣ пріятнѣе всякой игры и прогулки. Онъ познакомилъ меня съ произведеніями нашихъ поэтовъ и заставлялъ говорить наизусть прекрасные стихи Державина и Жуковскаго. Когда, послѣ урока, онъ уходилъ домой, то я, какъ милости, выпрашивала у матушки позволенія, съ своей гувернанткой, проводить его по Московскимъ улицамъ. Тогда онъ, въ угожденіе мнѣ, не бралъ извощика, а шелъ пѣшкомъ, рука объ руку со мной и ободрялъ мою дѣтскую болтовню.

Послѣ шести-мѣсячнаго ученія и разговоровъ, я уже довольно хорошо владѣла Русской рѣчью и придумала сдѣлать сюрпризъ своему учителю. Подходила Пасха, и я, великимъ постомъ, въ свободное между уроками время, написала ему на память весь Русскій синтаксисъ, переписала на бѣло́, перевязала тетрадку розовой ленточкой и, краснѣя, подала ему ее на свѣтлый день, вмѣстѣ съ пёстрымъ яичкомъ, выкрашеннымъ шелками. Мой наивный подарокъ тронулъ его до слезъ.

Я уже говорила въ первыхъ главахъ моихъ воспоминаній о прелестной своей, тогда пятилѣтней сестрёнкѣ, Лизѣ, черноокой, кудрявой красавицѣ, плутовкѣ и шалуньѣ. Всѣ мы ее баловали, да иначе и быть не могло, и всѣмъ, особенно мнѣ, приходилось терпѣть отъ ея «espièglerie» (не пріищу Русскаго слова, въ точности выражающаго этотъ родъ шалости). Съ дерзостью балованнаго ребенка, увѣреннаго въ всеобщей къ ней любви, она издѣвалась надъ моими слабостями. Подмѣтивъ мою привязанность къ Золотову, она всячески меня дразнила.

Ранней весной, въ Москвѣ, Золотовъ принесъ мнѣ прекрасную центифольную розу. Въ это время года цвѣты были еще рѣдкостью: я обрадовалась подарку и, опустивъ розу въ стаканъ свѣжей воды, украсила ею свой письменный столъ.

Вечеромъ въ тотъ же день пришелъ учитель музыки; я, не имѣвшая никогда музыкальныхъ способностей, но присужденная къ фортопьянамъ, какъ всѣ тогда дѣвушки, сидѣла и со скукой твердила

Библиотека "Руниверс"

какую-то сонату. Вдругъ дверь отворяется; маленькая шалунья является съ блестящими глазами и съ розой въ рукѣ.

«Вотъ роза, которую сестра моя нарочно сохранила для *васъ*», говоритъ она учителю музыки и подаетъ ему дорогой моему сердцу цвѣтокъ.

— «Возможно ли?» восклицаетъ учитель, глядя на меня и не вѣря такой несвойственной мнѣ любезности.

Я покраснѣла по плеча, слёзы чуть не брызнули изъ глазъ. Отвѣчать я была не въ силахъ, а молчаніе—знакъ согласія. Съ отчаяніемъ увидѣла я, какъ прекрасная роза перешла въ петлицу ненавистнаго мнѣ г-на Ернста.

Лѣто мы проводили въ селѣ Никольскомъ, прелестной подмосковной, принадлежавшей моей матери. Село лежитъ на берегу Москвырѣки, въ шестидесяти верстахъ отъ города, по Можайскому шоссе. Туда къ намъ лѣтомъ пріѣзжалъ гостить и Золотовъ. Когда онъ пріѣзжалъ, не было границъ ни моей радости, ни шалостямъ моей сестры. Плохо было пришлось моему пріятелю отъ одной изъ придуманныхъ ею шутокъ.

Домъ нашъ стоялъ на утёсѣ, у подошвы котораго растилается обширный заливной лугъ, по которому течетъ извиваясь Москва-рѣка. Возлѣ дома росла развѣсистая береза, въ тѣни которой мы, дѣти, играли послѣ обѣда, пока родители и наставницы сиживали на террассѣ. Золотовъ вмѣшался въ наши игры и неосторожно сталъ около самаго края утеса, обратившись спиной къ обрыву. Рѣзвая дѣвочка, подкарауливъ его, съ разбѣга на него бросилась и толкнула. Отъ неожиданнаго нападенія, онъ пошатнулся, потерялъ равновѣсіе и—полетѣлъ внизъ. Всѣ перепугались и разными дорогами бросились ему на помощь. Но драма кончилась комедіей: мой бѣдный другъ, прокатившись кубаремъ по горѣ, лежалъ невредимъ во рву, на жгучей, но мягкой крапивѣ. Онъ самъ и всѣ смѣялись; я одна осталась неутѣшна.

Съ ранней молодости уже развились въ Василіи Андреевичѣ тѣ рѣдкія способности, тотъ талантъ, скажу ли *геній*, педагогіи, которой такъ неутомимо и успѣшно посвятилъ онъ всю жизнь свою. Для достиженія этой цѣли первыя условія—умъ и доброта. Они помогали ему *понимать дѣтей*, а какъ часто недостаетъ у наставниковъ именно этого *пониманія*, безъ котораго воспитаніе немыслимо. Помню, какъ онъ развивалъ во мнѣ пониманіе природы и всѣхъ ея красотъ, какъ научалъ наслаждаться малѣйшими ея подробностями, любоваться неизмѣримымъ ея величіемъ. И сколько чистоты и задушевности было въ его преподаваніи! Въ лѣтніе дни мы всѣ пѣшкомъ отправлялись въ лѣсъ, который начинался у самой нашей усадьбы. Этотъ лѣсъ раз-

Библиотека "Руниверс"

дѣленъ былъ на двѣ половины оврагомъ, на днѣ котораго текъ свѣтлый ручей по прелестнымъ разноцвѣтнымъ камнямъ. Мы эти камушки собирали. Золотовъ называлъ мнѣ ихъ имена и указывалъ на окаменѣлости, которыя мы часто тамъ находили; толковалъ измѣненія, совершившіяся на нашей планетѣ, или, собирая травы и цвѣты, указывалъ мнѣ ихъ качества и говорилъ о значеніи и разнообразіи растительнаго міра. Я его слушала съ наслажденіемъ, но, признаюсь, болѣе обращала вниманіе на форму, на пластику. Сущность науки не имѣла еще прелести въ глазахъ моихъ.

Развивая во мнѣ прирожденную любовь къ природѣ и искусству, Василій Андреевичъ одновременно научалъ меня правильно выражать свои ощущенія на родномъ языкѣ. Дни, проведенные имъ у насъ въ деревнѣ, проходили для меня въ какомъ-то блаженствѣ. Но время летѣло и мысль объ отъѣздѣ Василія Андреевича вызывала въ дѣтскомъ сердцѣ неутѣшную печаль. Поддерживала меня одна надежда— свидѣться осенью и проводить ежедневно вмѣстѣ по нѣскольку часовъ.

Ничто не могло лишить меня назначеннаго урока. Когда я лежала въ скарлатинѣ, то потребовала, чтобъ уроковъ не отмѣняли, и Золотовъ, съ отцовской нѣжностью, просиживалъ у моего дивана и, не желая утруждать больныхъ моихъ глазъ, самъ читалъ мнѣ вслухъ разныя стихотворенія и повѣсти. Когда онъ уходилъ, я засыпала успокоенная и радостная. Въ то время онъ составилъ и издалъ Русскую Христоматію. Мнѣ онъ поднесъ одинъ экземпляръ ея въ красномъ сафьянномъ переплетѣ, чѣмъ я очень гордилась.

II.

Но судьба готовила мнѣ ужасный, неожиданный ударъ. Василій Андреевичъ получилъ выгодное мѣсто въ Одессѣ, гдѣ жили родственники его жены.

Въ одно несчастное для меня утро онъ пришелъ къ намъ блѣднѣе обыкновеннаго. Долго не рѣшался онъ объявить мнѣ горестное для меня извѣстіе. Наконецъ, собравшись съ духомъ: Я ѣду въ Одессу», сказалъ онъ.

— Какъ? когда?

«На будущей недѣлѣ».

Я остолбенѣла.—На долго? спросила я едва внятно.

«На..... на всегда».

Какъ громомъ пораженная я едва усидѣла на мѣстѣ, вперивъ въ него безсмысленные глаза.... Но вскорѣ взрывъ конвульсивныхъ ры-

Библиотека "Руниверс"

даній и потокъ горючихъ слезъ испугали моего добраго друга. Онъ ожидалъ этого, но, понявъ, что утѣшить меня—невозможно, самъ со мною плакалъ.

Дѣлать было нечего. Пришелъ послѣдній урокъ! Золотовъ сидѣлъ и глоталъ слезы: такъ мое дѣтское горе его тревожило. А я сидѣла, опустя голову и глаза.... Наконецъ онъ всталъ и, молча, подалъ мнѣ руку на прощанье.... на вѣчную разлуку....

Мнѣ было десять лѣтъ, я была старшая изъ дѣтей въ домѣ, меня воспитывали какъ истую пуританку.... Я не посмѣла броситься ему на шею.... А какъ хотѣлось тогда повиснуть на немъ и выплакаться!...

Послѣ отъѣзда Золотова, я прорыдала трое сутокъ день и ночь, не смыкая глазъ. Матушка была умная женщина; она мнѣ ничего не говорила и вѣроятно запретила всѣмъ домашнимъ меня тревожить. Она притворилась, что не замѣчала ни опухшихъ глазъ, ни блѣдности лица, ни отсутствія всякаго аппетита за обѣдомъ. У сестрёнки моей было сердце золотое; она видѣла силу и искренность моего горя, не дразнила меня, а скорѣе старалась развлекать.

Мнѣ позволили писать Золотову; тутъ завязалась горячая переписка, которая продолжалась до самаго моего замужства и даже послѣ него. Я извѣщала Золотова о себѣ, о своихъ занятіяхъ; а онъ былъ такъ добръ, что, не смотря на свою служебную дѣятельность, всегда удѣлялъ время на отвѣты мнѣ: говорилъ мнѣ о своихъ дѣлахъ, о своемъ, любимомъ имъ нѣжно, семействѣ. Онъ мнѣ писалъ, что, разставшись со мною, шелъ по улицѣ и плакалъ, такъ что прохожіе на него оборачивались.

Въ Одессѣ, кажется, если не ошибаюсь, въ 1830 году открылась чума. Письма Золотова ко мнѣ приходили всѣ надрѣзанныя и окуренныя. Опять настали для меня, ребенка, безсонныя ночи, въ продолженіи которыхъ я со слезами молила Бога, чтобъ онъ взялъ мою жизнь въ замѣнъ жизни моего друга. Какъ въ дѣтствѣ, въ юности, легко жертвовать жизнію! Я помню, что тогда мнѣ было бы даже пріятно умереть за своего пріятеля и наставника. Я не сочла бы этого жертвой.

III.

Шестнадцати лѣтъ я была помолвлена, семнадцати вышла замужъ. Прошло семнадцать лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ Золотовъ, уѣзжая, оставилъ такую нѣжную память въ сердцѣ десятилѣтняго ребенка. Мы жили зимой въ Москвѣ съ матушкой, мужемъ моимъ и съ четырьмя старшими моими дѣтьми. Прочихъ еще не было на свѣтѣ.

Библиотека "Руниверс"

Въ одно прекрасное утро, матушка за мной посылаетъ. Вхожу въ гостинную и — останавливаюсь какъ вкопанная. Передо мной стоитъ господинъ и, молча, на меня смотритъ.

‹Василій Андреевичъ!› вскрикнула я и опрометью бросилась къ нему, протягивая ему обѣ руки.

Это былъ онъ, я его сейчасъ узнала, хотя волосы его почти совсѣмъ посѣдѣли. Онъ такъ былъ тронутъ моимъ пріемомъ, что слезы брызнули у него изъ глазъ.

‹Вотъ›, замѣтила матушка, ‹видно, она васъ любила! Послѣ сем‹надцати лѣтъ, сейчасъ узнала; а я-то и не узнала, и имени вашего ‹не вспомнила!›

Золотовъ проѣздомъ былъ въ Москвѣ и какимъ-то чудомъ насъ отыскалъ. Я его не выпустила изъ дома; онъ у насъ обѣдалъ и провелъ весь день. Я ему показала моихъ дѣтей; онъ не могъ на насъ налюбоваться и все время съ радостными слезами не спускалъ съ насъ глазъ своихъ.

Когда возвратился домой мужъ мой, то, знакомя его съ Золотовымъ, я сказала:

‹Представляю тебѣ предметъ *моей первой любви!*›

— ‹Тѣмъ болѣе радъ съ вами познакомиться›, отвѣчалъ онъ кланяясь, ‹что я — мужъ›....

Старушка изъ степи.

Библиотека "Руниверс"

КЪ БІОГРАФІИ ЖУКОВСКАГО.

Жуковскій могъ развить свои природныя дарованія, возвыситься надъ уровнемъ своихъ современниковъ и сдѣлаться радостью и украшеніемъ Русской жизни лишь благодаря той средѣ, гдѣ протекли его младенчество, отрочество и юность. Съ раннихъ поръ окруженъ онъ былъ любовью и попеченіемъ. Поминая нынѣ его любезное и дорогое имя, по поводу столѣтія, истекшаго со дня его рожденія, мы должны благодарно вспомнить про доброе, благородное и просвѣщенное семейство, которое его выростило и воспитало.

Главою этого семейства была Марья Григорьевна Бунина (урожд. Безобразова), вдова Бѣлевскаго воеводы Аѳанасія Ивановича. Она проживала, въ достаткѣ и просторѣ, подъ Бѣлевымъ, въ прекрасномъ помѣстьѣ своемъ Мишенскомъ, а зимніе мѣсяцы проводила въ Москвѣ. Былъ у нея сынъ Иванъ Аѳанасьевичъ, учившійся въ Лейпцигѣ; но онъ скончался юношею, и ей остались четыре дочери: Авдотья за Алымовымъ, Наталья за Николаемъ Ивановичемъ Вельяминовымъ, Варвара за Петромъ Николаевичемъ Юшковымъ (находившимся въ перепискѣ съ славнымъ Лафатеромъ) и Екатерина за Андреемъ Ивановичемъ Протасовымъ. Старшая дочь была бездѣтна; вторая, Вельяминова имѣла нѣсколько дочерей, но эта семья жила отдѣльно. У третьей дочери Варвары было четыре дочери: Анна Петровна извѣстная писательница Зонтагъ; Авдотья Петровна Кирѣевская, во второмъ бракѣ Елагина; Марья Петровна Офросимова, и Екатерина Петровна Азбукина. Наконецъ, у Екатерины Аѳанасьевны Протасовой, рано овдовѣвшей, дочери: Марья Андреевна Мойеръ и Александра Андреевна Воейкова. Зять Юшковъ, овдовѣвъ, жилъ съ тещею и управлялъ ея имѣніемъ.

Марья Григорьевна Бунина была окружена многими внучками; но внука не было ни одного, и вся семья горячо любила даровитаго красавца-мальчика, сына проживавшей въ домѣ (съ 1771 года) плѣнной Турчанки Сальхи, во святомъ крещеніи Елисаветы Дементьевны (она завѣдывала домашнимъ хозяйствомъ у М. Г. Буниной и пользовалась ея дружбою).

Въ настоящее время преставителями этой достопамятной семьи остались: дочь Анны Петровны Зонтагъ, Марья Егоровна Гутманcталь, дочь Марьи Андреевны Мойеръ, Екатерина Ивановна Елагина, двое ея дѣтей (внукъ и внучка А. П. Елагиной) Алексѣй Васильевичъ и Марья Васильевна Елагины, и дочери А. А. Воейковой: Александра Александровна Воейкова и графиня Марья Александровна Бреверnъ-Делагарди.

Библиотека "Руниверс"

Представляемъ выдержки изъ писемъ, которыя молодой Жуковскій получалъ изъ родной ему семьи. Тутъ лучше всего сказывается нравственная его обстановка. П. Б.

ПИСЬМА КЪ ЖУКОВСКОМУ М. Г. БУНИНОЙ.

1.

25 Мая 1801 года.

Другъ мой Василій Андреичъ! Письмо твое я получила. Что ты пишешь, тебѣ денегъ не надо, то еще не получено, опредѣленъ ли ты или нѣтъ? Я къ тебѣ писала, чтобъ сходилъ къ Протасовымъ, къ Марьѣ Ивановнѣ и попросилъ, чтобъ она написала къ Растопчину, и тебѣ такъ скорѣе бы вышло. О деньгахъ, такъ ты подумай: хоть за ученье съ тебя не будетъ брать господинъ Антонской, но ты долженъ платить за столъ. И такъ, мой другъ, ты ему предложи, что̀ онъ возьметъ; остальныя оставь у себя, а ко мнѣ отпиши; можетъ, еще занадобятся. Только береги. Ну прости, люби и не забывай тоё, которая тебя, право, много любитъ и печется о тебѣ. Марья Бунина.

Приписка П. Н. Юшкова

Милый другъ Василій Андреевичъ! Мой тебѣ тотъ же дружеской совѣтъ, чтобъ предложить плату за столъ. П. Юшковъ.

2.

Господинъ Жуковской. Ты я вижу читалъ Езопа, потому что женщинъ сравнялъ съ языками. Ево и зло и добро! Прости, сударь.

3.

Спасибо, милый Василій Андреевичъ, за письмо твое и за стихи, которые я получила. Они очень хороши, но грустны. Также и Катеринѣ Аѳанасьевнѣ послала.

4.

Отъ 20 Ноября 1806.

Я мой другъ читала «Вѣстникъ» и радовалась. Полно, и не думай въ милицію, а дѣлай свое. А у насъ не только все покойно, но и народъ веселъ. Ну прости, Богъ съ тобой. До насъ еще просвѣщенье не дошло, и мужикъ пашетъ и романа не читаетъ.

Библиотека "Руниверс"

5.

Другъ мой, Василій Андреевичъ! Я изъ твоего письма вижу, что ты очень встревоженъ. Но мы напротивъ такъ покойны. Только и слышимъ отъ мужиковъ: мы всѣ ради за церковь и за царя злодѣевъ бить. И съ такимъ усердіемъ говорятъ: какъ батюшку не защитить; вѣдь и я свой домъ защищаю. Вотъ какъ непросвѣщенные поговариваютъ. Лутче отпиши, чтó Кузнецкій мостъ и все. Теперь о себѣ скажу Кирѣевскій въ Калугѣ выбранъ въ милицію, а съ нами еще ничего и не знаю чтó будетъ. Бунинъ ѣдетъ въ Тулу, а мы все ничего. Дуняша нездорова. Вчера Марья Петровна къ ней поѣхала. Ну прости. Пиши что у васъ дѣлается. Матушка твоя здорова и тебя благословляетъ.

6.

Другъ мой В. А. Посылаю тебѣ бюро и Волтеровы кресла, и желаю, чтобъ ты подражалъ имъ только не во всемъ, а полагался бы на волю Божію. Если мой милый будешь на Него полагать свою надежду, то вѣрь Онъ тебя не покинетъ. Ну мой милый прости, и помни любящую тебя Марью Бунину.

7.

Я получила твое письмо 1 Мая, а теперь 4. Нечего мой другъ сказать, а только скажу что мнѣ очень грустно. Ты знаешь мою къ тебѣ любовь, то не порадовалася. А теперь только осталось тебѣ просить отставки хорошей и ко мнѣ пріѣхать. Ужъ дѣло сдѣлано, пособить нечемъ. Я матушкѣ твоей письма не дала. Она очень грустить будетъ, а лучше самъ пріѣдешъ, такъ и она спокойна будетъ, а твое письмо ты писалъ въ горячкѣ самой, то могъ бы её очень убить. Словомъ тебѣ скажу, что всякая служба требуетъ терпѣнія, а ты его не имѣешь. Теперь осталось тебѣ ѣхать ко мнѣ и ранжировать свои дѣла съ господами книжниками. Мадамъ ѣдетъ наша въ Москву, вотъ и лошади готовы. Если и мало, то найми еще и пріѣзжай. Посовѣтовайся съ своими тамъ милостивцами, какъ они тебѣ скажутъ. Я писала къ Авдотьѣ Аѳанасьевнѣ, чтобъ тебя отставить, и паспортъ дали порядочный, а то мнѣ очень больно; у меня никто не знаетъ про это, только Петръ Николаевичъ, да Анюта *). Ну ранжируйся самъ хорошенько. Прости. Пріѣзжай».

---

*) Старшая изъ внучекъ М. Г. Буниной, А. П. Зонтагъ. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

Мои объятія тебѣ, мой другъ отверсты, пріѣзжай и будь увѣренъ, что Петръ Юшковъ всегда тебѣ искренній другъ.

8.

Другъ мой Василій Андреевичъ возми у Марьѣ Николаевны *) 5 р. и подпишись на книги «Три Гишпанца» и перешли ко мнѣ. Въ газетахъ напечатано, что двѣ части выдаются. Пожалуйста утѣшь и подпишись на кого хочешъ, а то на свое не кстати. Ну прости.

9.

23 Сентября.

Письмо твое я получила и рада, что ты нашелъ Ивана Петровича **) лучше. А что пишешь что ты далеко, но для меня ты къ сердцу все близокъ. Я привыкла тебя такъ любить, какъ моего роднаго, и покуда буду на свѣтѣ, то все твой другъ Марья Бунина.

Отпиши, какъ ты бываешь у Карамзина и какъ онъ къ тебѣ ласковъ ли ***).

А что ты ѣдешъ, то хорошо. Посмотри прежде свою сторону, а тамъ и чужую.

10.

4 Мая.

Очень жаль, что ты ушибся; а то хорошо, что не поѣхалъ. Я не знала хвалить ли или нѣтъ твой вояжъ, а теперь рада, что тебя увижу скоро.

Нѣтъ ли новой комедіи? Пожалуйста, привези другъ мой.

11.

7 Іюля.

Что Жуковскій ты заспѣсивился, не пишешь къ деревенскимъ, а я тебя люблю и пишу. Пиши, мой другъ: я хочу знать о тебѣ какъ ты поживаешь. Прощай милый.

12.

5 Января.

Милый дружище, спасибо за вѣсти хорошія, кабы побольше. Пожалуйста пиши, а у насъ такая дѣятельность, что удивительно: куп-

*) Вельяминовой. П. Б.

**) Тургенева. П. Б.

***) Жуковскій собирался путешествовать въ Казань съ другомъ своимъ Д. Н. Блудовымъ П. Б.

Библиотека "Руниверс"

цы ужъ собрали до 80000 тысячъ и еще не все, а будетъ больше, а дворянскій выборъ кончился первый. Князевъ уѣздный начальникъ, тысячный Левшинъ Николай Даниловичъ, а пятисотный Бунинъ Вас. Серг., Желябовской, князь Львовъ а тамъ ужъ сотельные и не знаю: баронъ *), Яковъ Иван. Протасовъ, Новиковъ, Воейковъ въ казначеи, Алексѣй Иван. Желябовскій въ провинцію. А ты мой другъ и не думай ходить и своего не теряй. Вотъ тебѣ вся сказка. Прости, Боже тебя сохрани! Желаетъ тебѣ другъ М. Б.

Письма А. П. Елагиной.

1.

(Еще дѣтскою рукою):

«Et moi, mon cher Basile, je vous assure que je vous aime extrêmement. Nous avons des nouvelles comédies que je traduirai et je vous enverrai; elles sont très-jolies, et je souhaite qu'elles vous plaisent. Adieu, souvenez vous que vous serez toujours le Jupiter de mon coeur.

Eudoxie.

2.

6 Сентября 1805.

J'ai pleuré de joie quand j'ai lue dans votre lettre: *Ma chère cousine Eudoxie.* O mon cher cousin, Eudoxie est bien heureuse de pouvoir faire quelque chose pour vous! Je traduis sans relâche, et le premier tome sera prêt quand vous recevrez cette lettre. Васинька, le fils de la bonne, Cato **) et moi, nous le récopierons, et dans deux semaines on le fera passer chez vous, si vous l'ordonnerez. Écrivez moi, je vous en prie, si je dois traduire la préface et l'épitre dédicatoire. Maman dit, qu'il ne faut rien oublier, que tout ce qu'a fait m-de de Genlis est admirable. Mais cette pauvre m-de de Genlis, que je la plains d'être traduite par moi!

Письма Анны Петровны Зонтагъ.

1.

За прекрасную книгу, какую вы прислали мнѣ переводить, очень, очень много васъ благодарю. Я завтра же зачну ее перево-

*) Баронъ Иванъ Петровичъ Черкасовъ. П. Б.

**) Екатерина Петровна Азбукина. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

дить и всѣми силами буду стараться, только намъ надобно дѣлить деньги пополамъ; я надѣюсь, что вы этого не забыли.—Сейчасъ принесли намъ указъ, по которому велѣно заводить ландъ-милицію, и назначено сколько съ каждой губерніи должно еще взять рекрутъ: съ Тульской 29000, съ Московской 11000, и такъ далѣе. Весь Бѣлевъ въ страшномъ волненіи, особливо Ершовъ и ему подобные. Онъ увѣряетъ, что это ни на что не похоже, и что непремѣнно будетъ бунтъ. Еще за вѣрное сказываютъ, что Бонапартъ издалъ прокламацію, въ которой всѣмъ угрожаютъ Сибирью. Это ихъ слова.—У насъ шумъ страшный въ горницѣ; всѣ толкуютъ о политикѣ, кричатъ изъ всей силы, и мужчины такъ врутъ, что слушать невозможно.

2.

Очень рада, что работа моя вамъ понравилась. Мнѣ только того и хотѣлось. Какихъ ей еще почестей надобно, когда она въ рукахъ вашихъ. C'est le sort le plus beau. И я васъ еще должна благодарить: вы нечаянно сдѣлали мнѣ самое большое удовольствіе, посвятивъ моей милости Едвиновы стишки. Я восхитилась, какъ увидѣла это въ «Вѣстникѣ», и теперь еще внѣ себя отъ радости. Во Вторникъ пошлю къ вамъ еще главу своего перевода. Скажите пожалуйста что̀ мнѣ должно переводить все по порядку или могу выбирать что̀ хочу. Забыла было вамъ сказать новость, коя вѣрно васъ обрадуетъ. Je tends très-sérieusement à la perfection. Могу брать въ руки незаряженный пистолетъ, а когда другіе его держутъ, то я съ очень маленькимъ крикомъ спускаю курокъ. Надѣюсь, что какъ вы лѣтомъ къ намъ пріѣдите, то я вѣрно буду стрѣлять вмѣстѣ съ вами, и мы конечно переведемъ всѣ Фатьяновскіе огурцы. Прощайте, милый добрый Базиль, люблю васъ всѣмъ сердцемъ.

Письмо Марьи Петровны Офросимовой.

Очень рада, что басни ваши такъ Дмитріеву понравились. Правду сказать, и невозможно иначе, только пожалуста будьте увѣрены, что вы не одними ими прославитесь, а точно чѣмъ нибудь лучше. Всенепремѣнно будете извѣстно-великимъ (а не длиннымъ) человѣкомъ. Я это предчувствую и заранѣе уже радуюсь. Вѣдь и на насъ блеснетъ лучъ вашей славы: мы будемъ такъ какъ луна, а вы какъ солнце. Не правда ли, что сравненіе прекрасно? Жаль только, что лунъ такъ много.—Скажу вамъ очень интересное происшествіе. Мы видѣли и слышали

Библиотека "Руниверс"

Растопчина. Вы его знаете, слѣдственно знаете и то, какъ пріятно быть съ нимъ вмѣстѣ. Вспомните комедію m-e de Genlis *le Couvent*, и вы будете имѣть точное понятіе о насъ въ присутствіи графа. Онъ какъ будто игралъ роль *la mère opportune*, а мы при каждомъ его словѣ отъ всего сердца хохотали, не выключая барона.

Письма къ Жуковскому его матери.

1.

Я не могу тебѣ изъяснить моей радости, мой другъ милый Васинька, но также великой моей благодарности къ Бѓгу и къ твоимъ милостивцамъ, а чувствовать, мой другъ, ты знаешь, что я умѣю и молю Бога, чтобъ заплатилъ за насъ твоимъ благодѣтелямъ. Веди себя, мой другъ, какъ возможно лучше; продолжай, мой милый, жизнь мою этимъ. Ты знаешь, что всѣ радости мои, надежда, все отъ тебя зависитъ. Бумаги, о которыхъ ты пишешь, посылаю всѣ. Поручаю тебя въ милость Божію. Многолюбящая твоя мать и вѣрный твой другъ (собственноручно) Лисавета Жуковская. 1799 году 6 Апрѣля.

2.

7 Іюля 1801 года.

Отъѣздъ твой въ Петербургъ не принесъ бы мнѣ утѣшенія: ты, мой другъ, ужъ немаленькой. Я желала бы, если бы ты въ Москвѣ старался себя основать хорошенько, въ нынѣшнемъ твоемъ мѣстѣ найтить линію къ дальнѣйшему счастію. Мнѣ кажется зависитъ больше отъ исканія; можно, мой другъ, въ необходимомъ случаѣ иногда и гибкость употребить: ты видишь, что и знатнѣй тебя не отвергаютъ сего средства.—Посылаю при семъ съ Максимомъ денегъ 50 р., изъ коихъ я приказывала купить мнѣ мѣхъ заячій и ножичекъ, а оставшія тебѣ; да при отъѣздѣ моемъ оставила я тебѣ 15 р., и у тебя было еще столько же, почему и полагаю я достаточно для тебя будетъ для исправленія своихъ нуждъ. А совѣтую и прошу тебя, другъ мой, оставить мундиръ свой дѣлать до пріѣзда нашего. Это прихоть, Васинька, не согласующаяся съ твоимъ состояніемъ. Лучше мой другъ, подумай о шубѣ, какую должно приготовить къ зимѣ; я посылаю мѣха лисьи. Максимъ знаетъ, какъ изъ нихъ сдѣлать для тебя шубу.—Посылаю пару молодыхъ слугъ: люби ихъ да жалуй *).—Не мотай пожалуста. Я по моей запискѣ видѣла, кромѣ нынѣшнихъ издержала для тебя отъ новаго года 90 рублей.

---

*) За Жуковскимъ числились крѣпостные люди, два Максима съ семействомъ. Онъ отпустилъ ихъ на волю. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

Еще посылаю тебѣ, мой другъ, тазъ мѣдный, чернильницу. Пожалуста, Васинька, учись хозяйничать, старайся вникать въ экономію; знать чтó есть у тебя нимало не стыдно, а еще дѣлаетъ честь. Всему своему имѣнію до малѣйшей потребности веди записку, я по пріѣздѣ потребую обо всемъ отъ тебя реестръ. Холстины посконной 30 аршинъ посылаю.

3.

Бѣлевъ, 15 Іюля 1801 г.

Я слышала, мой милый другъ Васинька, изволитъ писать наша благодѣтельница, что Соляная Контора рушилась: то мой другъ желаю тебѣ опредѣлиться въ хорошее мѣсто, и если я буду здорова, то скоро пріѣдимъ. Петръ Ник. говорилъ, чтобъ чрезъ три недѣли выѣхать.

4.

Отъ 8 Августа 1801 года.

А ты, мой другъ, все еще не перестаешь мотать. Вспомни, какъ ты, разчитывая оставленныя у тебя деньги, полагалъ, что будетъ довольно и на книги. А нынѣ принялся за новую трату. На первый разъ я тебя прощаю и позволяю оставленныя на книги 25 рубл. употребить. Но впередъ берегись отъ подобныхъ поступокъ, а особливо безъ позволенія моего.—Не забывай, пиши къ своимъ благодѣтелямъ. Я милостію Петра Николаевича очень довольна. Препоручаю тебя Божію покровительству. Мать твоя Елисавета.

Дѣти и мадамъ тебѣ кланяются.

Рукою Марьи Григорьевны Буниной: «Мать не сердилася и ничего не сказала».

5.

Милый другъ мой Васинька!

Письмы твои, мой другъ, получила. Онѣ меня чрезмѣрно обрадовали, особливо послѣднее, въ которомъ ты говоришь, что безъ позволенія твоихъ благодѣтелей не поѣдешь въ Петербургъ. Это меня чрезвычайно утѣшило, а я еще больше была бы рада, если бы ты года на два отложилъ совсѣмъ намѣреніе ѣхать въ Петербургъ, и остался бы на своемъ мѣстѣ. Съ постомъ тебя поздравляю, мой другъ; желаю

Библиотека "Руниверс"

тебѣ быть здоровымъ, радостно дождаться Свѣтлаго Воскресенія, и исполнить твое обѣщаніе жить такъ какъ писалъ, а особливо не мотать.

6.

20 Ноября 1806 г.

Отъѣздъ твой меня огорчилъ. Однако я не много успокоиваю себя, думая, что это для твоей пользы. Антону Антоновичу скажи мое почтеніе. Знавъ его хорошее къ тебѣ расположеніе, я очень увѣрена, что онъ не оставитъ тебя своими совѣтами.

7.

Въ началѣ 1807 г.

Изъ письма твоего къ Марьѣ Григорьевнѣ я вижу, что ты, мой другъ, собираешься въ милицію. Не совѣтую тебѣ идти; ты совсѣмъ не способенъ къ военной службѣ, и гораздо болѣе можешь быть полезенъ отечеству, избравъ другой родъ службы. Я очень благодарю Бога, что ты уѣхалъ, а то бы вѣрно тебя выбрали, а теперь дѣло и безъ тебя обошлось.

8.

1807 г. 9 Ноября.

Дай Богъ, чтобъ намѣреніе твое записаться въ Иностранную Коллегію удалось, это бы меня много утѣшило, по крайней мѣрѣ ты бы былъ при мѣстѣ.—Дай Богъ тебѣ успѣха въ трудахъ твоихъ. «Вѣстникъ» очень меня безпокоитъ въ разсужденіи твоего здоровья. Я боюсь, что ты слишкомъ будешь прилеженъ. Береги себя.

Библиотека "Руниверс"

ПИСЬМО В. Д. ОЛСУФЬЕВА КЪ МИТРОПОЛИТУ ФИЛАРЕТУ.

С.-Петербургъ, 11 Марта 1855.

Высокопреосвященнѣйшій владыко!

Я имѣлъ счастіе представлять Государынѣ Императрицѣ письмо ваше, и поспѣшаю препроводить при семъ отвѣтъ Ея Императорскаго Величества.

При разговорѣ о васъ, Государыня изволила выразить желаніе, чтобы Господь сохранилъ васъ здоровыми до прибытія Ихъ Величествъ въ Москву, къ священной коронаціи, время коей еще не опредѣлено и зависитъ отъ обстоятельствъ.

Паденіе колокола съ Ивановской колокольни произвело здѣсь какое-то тревожное впечатлѣніе; носятся слухи, что его приказано поднять и повѣсить на прежнее мѣсто. Надежно ли это будетъ? Колоколъ съ поврежденными ушами опять можетъ оборваться; всякое же желѣзное укрѣпленіе, которое потребуетъ сверленія, неизбѣжно измѣнитъ звукъ. Всего лучше разбить его и, вынеся куски въ дверь сѣней, перелить въ новый колоколъ, который чрезъ четыре мѣсяца (много, много) можетъ быть готовъ и поднятъ. Впрочемъ я это пишу вашему высокопреосвященству только какъ собственное мое мнѣніе.

Поручая себя и семейство мое святымъ вашимъ молитвамъ, имѣю честь быть съ глубочайшимъ почтеніемъ и преданностію безпредѣльною

Вашего высокопреосвященства покорнѣйшимъ слугою

В. Олсуфьевъ.

(Сообщено въ спискѣ графомъ М. В. Толстымъ).

Библиотека "Руниверс"

ЗАПИСОЧКИ МИТРОПОЛИТА ФИЛАРЕТА КЪ ЕКАТЕРИНѢ ПАВЛОВНѢ ГЛАЗОВОЙ *).

1.

Миръ вамъ и здравіе.

Просьбъ о пособіи отъ свѣтскихъ я не принимаю. Если вамъ угодно прислать мнѣ отъ вашей знакомой просьбу на имя графа Арсенья Андреевича, я возьмусь передать ему.

Мая 3. 1849.

2.

Возвращаю письмо. Искреннее покаяніе дѣло доброе, но для него есть порядокъ. Отцы говорятъ: открывай свои немощи могущему ихъ врачевать, и для сего собственно; и не нарушай симъ мира другихъ безъ нужды.

Молю Бога, чтобы писавшему простилъ прежнія его погрѣшности, и охранилъ его отъ новыхъ преткновеній.

Такъ иногда бываетъ по устроенію Провидѣнія, что люди молчатъ о томъ, въ чемъ человѣкъ виноватъ, и обвиняютъ его въ томъ, въ чемъ онъ не виноватъ. Въ семъ случаѣ лучше смириться предъ правосудіемъ Божіимъ, нежели жаловаться на людей.

Естьли писавшему благопотребенъ бракъ: да устроитъ ему Провидѣніе Божіе бракъ по разсудку, а не по страсти, и да даруетъ ему помощницу твердую въ вѣрѣ и въ добрыхъ правилахъ жизни.

Апрѣля 25. 1856.

---

*) Съ подлинниковъ, сообщенныхъ въ 1868 году княгинею О. С. Одоевскою. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

3.

Господь да даруетъ миръ душѣ вашей и облегченіе немощному тѣлу.

Старайтесь терпѣливо и тихо переносить трудность болѣзни, помышляя, что Господь скорбь, съ терпѣніемъ перенесенную, обращаетъ во врачество и очищеніе души.

Страхъ и безпокойство душевное не благопріятствуютъ успокоенію тѣла. Миръ души, болѣе или менѣе, приноситъ миръ и тѣлеснымъ силамъ. Господь съ вами!

Ф. м. Московскій.

Августа 8. 1856.

Не смущайтесь, что разрѣшаете постъ. Онъ учрежденъ для укрощенія тѣла сильнаго, а не для изнуренія слабаго. И правило церковное не осуждаетъ разрѣшающаго постъ по болѣзни. Повинуйтесь требованіямъ врачебнаго искусства съ миромъ.

4.

Миръ вамъ отъ Господа!

Вы не виноваты, стараясь о благѣ ближняго, какъ можете. Моя память, ослабѣвшая, виновата въ томъ, что я о письмѣ вашемъ, полученномъ неблаговременно для отвѣта, вспомнилъ только съ помощію втораго вашего письма.

Г. Воицеховичъ-сенаторъ. При назначеніи въ сіе званіе, онъ оставленъ былъ въ нѣкоторомъ сношеніи съ синодскою канцеляріею, не занимая въ ней мѣста (по нѣкоторымъ особеннымъ дѣламъ); но и сіе, сколько знаю, миновалось. Синодская канцелярія полна. И еслибы и не такъ: я не позволяю себѣ быть наименователемъ даже и на духовныя мѣста, внѣ круга моей службы, естьли меня не спросятъ.

Простите, что я заключаюсь въ своихъ предѣлахъ. Довольно и здѣсь отвѣтственности за то, на что дано право.

Ф. м. Московскій.

Октября 20. 1856.

5.

Господь да даруетъ вамъ благодатную Свою помощь къ облегченію болѣзни, а для остающагося ощущенія болѣзни врачевство терпѣнія.

Библиотека "Руниверс"

Сего желаю и Евгенію Александровичу *) Надѣюсь, что Русскій сельскій воздухъ будетъ для него не хуже иностраннаго. Да даруетъ Господь, чтобы и лучше. Жалѣю, что съ нимъ не встрѣтился.

Книгу покойнаго Жуковскаго, просмотрѣвъ немного, возвращаю. Совсѣмъ не имѣю времени читать. И глаза не безъ труда служатъ и для дѣлъ должности.

Особенно посмотрѣлъ я размышленія о духовныхъ предметахъ. Характеръ поэта препятствовалъ ему довольно углубляться въ сіи предметы и выражаться съ точностію.

Случается, что лучше было бы для писателей и для читателей, естьли бы не все написанное было напечатано.

Ф, м. Московскій.

Іюля 13. 1857.

6.

Господь да вспомоществуетъ вамъ душевно и тѣлесно!

Что съ скорбію чувствуете устраненіе отъ церковнаго богослуженія, это чувство справедливое. Но когда Богу угодно симъ лишеніемъ управлять ваше терпѣніе: умѣряйте скорбь терпѣніемъ и послушаніемъ волѣ Божіей, и сіе Господь приметъ вмѣсто жертвы алтаря.

Г. Ханыкова **) я видѣлъ. Жаль, что когда Господь указалъ ему правый путь, онъ не былъ на немъ твердъ. Теперь уврачеваніе его не очень надежно, хотя по благости Божіей не невозможно, естьли довольно смиритъ свой помыслъ.

Ф. м. Московскій.

Октября 10. 1858.

7.

Отъ Господа миръ душѣ вашей и помощь здравію.

Не могу одобрить къ употребленію иконы Божіей Матери, держащей въ рукѣ сердце, въ которомъ видны три Ангела съ крестообразно сложенными руками.

Частныя видѣнія неизвѣстныхъ лицъ не могутъ быть закономъ для другихъ.

---

*) Головину. П. Б.

**) Якова Васильевича, кончившаго жизнь въ помѣшательствѣ. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

Православная церковь имѣетъ многія изображенія Божіей Матери, написанныя по древнему преданію, или по видѣніямъ святыхъ, и прославленныя чудесами. Прилично ли уклонить вниманіе отъ сихъ дознанныхъ святынь, и искать новостей неизвѣстнаго происхожденія?

Да ходимъ съ вѣрою и смиреніемъ въ пути православныя церкви, не развлекаясь посторонними видами.

Ф. м. Московскій.

Января 27. 1860.

8.

Миръ вамъ отъ Господа.

Попещись о успокоеніи нуждающагося человѣка есть обязанность, отъ которой не должно отказываться. Время покажетъ, въ какой степени нужно будетъ исполнить оную.

Какому опровержению книги Ренана приписываете вы успѣхъ? Неужели такъ называемымъ размышленіемъ православнаго о книгѣ Ренана, которыя при семъ возвращаются? Сочинитель, называя себя православнымъ, клевещетъ на себя и оскорбляетъ православіе. Онъ православенъ не больше какъ Ренанъ. Онъ не признаетъ подлинности четырехъ Евангелій, не признаетъ Божества въ лицѣ Іисуса Христа, не признаетъ Его чудесъ. Господь да обратитъ его къ истинному православію отъ антихристіанскаго заблужденія.

Вамъ же да даруетъ Господь утѣшеніе созерцать Христа въ чистомъ Евангельскомъ словѣ, а не въ стихотворныхъ мечтаніяхъ.

Ф. м. Московскій.

Сентября 18. 1863.

Библиотека "Руниверс"

ИЗЪ ПАМЯТНЫХЪ ЗАМѢТОКЪ П. М. ГОЛЕНИЩЕВА-КУТУЗОВА-ТОЛСТАГО.

Третіе Отдѣленіе Канцеляріи Его Величества окончило свое существованіе. Что это было за учрежденіе. Насколько оно отвѣчало государственнымъ и общественнымъ потребностямъ?... Эти и подобные вопросы не мнѣ рѣшать,—я пишу не историческій очеркъ или обозрѣніе административныхъ мѣропріятій, имѣвшихъ въ основѣ своей охрану государства отъ тѣхъ вліяній, которыя могли препятствовать внутренней политикѣ. Я хочу здѣсь припомнить, чего между прочимъ хотѣлъ Императоръ Николай Павловичъ достигнуть, учреждая Третье Отдѣленіе.

Какъ бы то ни было, но учрежденіе корпуса жандармской полиціи было вызвано необходимостью охраны государства, послѣ такого событія, какъ 14-е Декабря. Хотя и говорили, что это учрежденіе просто-на̀-просто повтореніе политики Наполеона I-го и его креатуры Фушэ, но общее убѣжденіе было таково, что оно вызвано необходимостью.

Въ 1825 г. я состоялъ адъютантомъ при ген.-адъют. Бенкендорфѣ, начальникѣ 1-й гвардейской кирасирской дивизіи. Вскорѣ послѣ драмы 14-го Декабря прихожу я къ нему съ докладомъ, какъ старшій адъютантъ этой дивизіи. Первыя его слова были: «здравствуйте, господинъ жандармскій офицеръ!» Я не могъ этого принять иначе, какъ въ шутку, такъ какъ еще не зналъ о назначеніи его шефомъ жандармовъ и, когда я удивленный ему сказалъ, что на мнѣ кавалергардскій мундиръ, а не жандармскій, который виденъ всегда при разъѣздахъ публики, онъ мнѣ сказалъ: «я самъ буду носить этотъ мундиръ и хочу, чтобъ и вы носили его». Я ему отвѣчалъ: «Ваша служба уже извѣстна всей Россіи, и вы можете возстановить и облагородить этотъ мундиръ въ глазахъ націи; мнѣ же, въ моихъ лѣтахъ (мнѣ было 25 лѣтъ) и въ моемъ чинѣ невозможно начинать военной карьеры жандармомъ».—«И такъ мы разстаемся!» сказалъ Бенкендорфъ.

На другой же день я привезъ ему прошеніе объ увольненіи моемъ отъ должности адъютанта при немъ и о поступленіи въ полкъ. Но Бенкендорфъ сказалъ мнѣ, что я могу оставить это прошеніе при себѣ и что я остаюсь при немъ въ прежней должности.

Послѣ я узналъ, что фраза Бенкендорфа «здравствуйте, господинъ жандармскій офицеръ» была выраженіемъ желанія самого Императора. Изъ разговора съ Бенкендорфомъ мнѣ стала ясна цѣль Императора Николая Павловича. Учреждая жандармскую полицію, онъ хотѣлъ прежде всего показать обществу, насколько важна и благородна цѣль этого учрежденія: лучшія фамиліи и приближенныя лица къ Го-

Библиотека "Руниверс"

сударю должны были стоять во главѣ этого учрежденія. Укажу на нѣкоторыхъ, которые были назначены въ помощники Бенкендорфу: ген. Балабинъ, ген. графъ Апраксинъ, ген. Волковъ и многіе другіе.

Для дальнѣйшаго объясненія дѣла нелишнимъ считаю упомянуть о тогдашнемъ судопроизводствѣ. Сколько мытарствъ должно было пройти всякое прошеніе—разныя правленія, палаты, департаменты, столы и Богъ знаетъ, еще что́,—и хорошо, если какое нибудь опредѣленіе по дѣлу состоится черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, а то проходили года до окончательнаго рѣшенія дѣла. При учрежденіи же Третьяго Отдѣленія Бенкендорфъ, чтобы облегчить и упростить ходъ дѣлопроизводства въ важныхъ губернаторскихъ представленіяхъ, предоставилъ право жандармскимъ полковникамъ, находящимся въ губерніяхъ, по просьбѣ губернаторовъ, доносить ему, Бенкендорфу, обо всемъ, для исходатайствованія высочайшей воли Государя. Этимъ значительно сокращалось и упрощалось дѣлопроизводство. Это была главная мысль Императора. Кромѣ того, какъ я уже говорилъ, въ то время, когда вся Россія была полна духомъ возмутительныхъ идей, это учрежденіе нѣкоторымъ образомъ ограждало государство отъ вредныхъ вліяній, подрывавшихъ внутреннюю политику Россіи.

Разскажу одинъ случай, бывшій во время коронаціи Николая I-го.

Изъ моего имѣнія, Московской губерніи, мой управляющій донесъ, что, хотя нѣсколько недѣль тому назадъ и былъ изданъ указъ о томъ, чтобы не переводить изъ одной губерніи въ другую крестьянъ на дороги, но изъ моего имѣнія, находящагося на Калужской дорогѣ, 70-ть человѣкъ крестьянъ перевели на большую Рязанскую дорогу для работъ на ней. Когда я показалъ это донесеніе моего управляющаго генер. Бенкендорфу, онъ немедленно послалъ это донесеніе въ Москву (ген.-губернаторомъ въ Москвѣ тогда былъ кн. Голицынъ) изслѣдовать дѣло. И дѣйствительно, черезъ недѣлю мои крестьяне уже возвращались назадъ.

Подобныя вмѣшательства административной власти не могли, конечно, нравиться чиновному люду всѣхъ вѣдомствъ: для нихъ такія скорыя рѣшенія дѣлъ были крайне невыгодны...

Что̀ потомъ сдѣлали изъ этого учрежденія, имѣвшаго въ принципѣ такія прекрасныя цѣли, я не рѣшаюсь говорить. Мнѣ хотѣлось только представить въ настоящемъ свѣтѣ, какъ благородны и свѣтлы были начинанія Императора Николая Павловича, которыя многими трактуются вкривь и вкось.

Библиотека "Руниверс"

1878 годъ.

КНИГА ПЕРВАЯ 1878. Воспоминанія принца **Евгенія Виртембергскаго о послѣднихъ** дняхъ Павловскаго царствованія и о событіи четырнадцатаго Декабря 1825 г.
Политическія записки и письма **графа Ѳ. В. Ростопчина.**
Записки **Марьи Сергѣевны Мухановой** о временахъ Екатерины Второй, Павла, Александра и Николая Павловичей.
Записки **П. В. Баталина**, доктора **К. К. Зейдлица** и **В. А. Еропкина.**
Приключенія **Лифляндца** въ Петербургѣ.
Письма императрицъ **Елисаветы Петровны, Екатерины Второй,** имп. **Александра Перваго,** князя **Суворова** и проч.

КНИГА ВТОРАЯ 1878. Хивинскій и Акъ-Мечетскій походы **графа В. А. Перовскаго,** по его письмамъ.
Бумаги **С. П. Шевырева.**
Воспоминанія генералъ-адъютанта **С. И. Шипова.**
Приключенія **Лифляндца** въ Петербургѣ.
Воспоминанія о князѣ В. А. Черкаскомъ.
Письма **А. С. Хомякова** къ Гильфердингу.
Записка **В. А. Жуковскаго** объ Англійской политикѣ.
Похожденія монаха **Палладія Лаврова.**

КНИГА ТРЕТЬЯ 1878. Письма **Екатерины Великой** къ барону Гримму. 1774—1796.
Исторія пріобрѣтенія Амура и дипломатическія сношенія съ Китаемъ. Статья **Н. В. Шумахера** (по новымъ документамъ).
Письма **А. С. Пушкина** къ С. А. Соболевскому.
Графъ Моцениго. Разсказъ **графа С. Р. Воронцова.**
Бумаги **графа Н. И. Панина.**
Записки **Саввы Текели.**

1879 годъ.

КНИГА ПЕРВАЯ 1879. Петръ Первый, соч. **М. П. Погодина.**
Разсказъ **графа Н. И. Панина** объ Екатерининскомъ восшествіи.
Біографія гр. С. Р. Воронцова съ его портретомъ.
Письма **Хомякова** къ графинѣ Блудовой.

КНИГА ВТОРАЯ 1879. Наши сношенія съ Китаемъ.—Біографія Зорича съ его портретомъ.—Исторія Яицкаго войска.
Письма князя **Вяземскаго** къ Пушкину и Булгакову.

КНИГА ТРЕТЬЯ 1879. Памятныя Записки Ильинскаго, Андреева и Кольчугина.—Бумаги графа Румянцова-Задунайскаго, князя Потемкина и графа Перовскаго.—Уединенный Пошехонецъ.
Воспоминанія графини Блудовой. — Письма **Хомякова** къ Кошелеву и Самарину, съ портретомъ Хомякова.

1880 годъ.

КНИГА ПЕРВАЯ. Путевыя Записки Стрюйса. — Павелъ Полуботокъ. — Переписка Екатерины съ Іосифомъ. — Кавказскія воспоминанія Венюкова.—Воспоминанія Московскаго кадета.

КНИГА ВТОРАЯ. Петръ Алексѣевъ.— Записки Эйлера.—Записки и бумаги Пушкина.

КНИГА ТРЕТЬЯ. Дидеротъ и Екатерина.— Исторія крестьянства, ст. князя Черкаскаго.—Княгиня Дашкова и ея подлинныя Записки.—Новая глава „Капитанской Дочки“.

1881 годъ.

КНИГА ПЕРВАЯ. Русскій паломникъ Барскій.—Воспоминанія Н. И. Шенига.—Александръ Полежаевъ.—Бумаги А. С. Пушкина. Со снимками.

КНИГА ВТОРАЯ. Воспоминанія графа М. В. Толстаго.—Подымовское дѣло, А. М. Жемчужникова.—Письма Грибоѣдова къ Ахвердовой.—Бумаги А. С. Пушкина.—Воспоминанія барона Ѳ. Ѳ. Торнова.

КНИГА ТРЕТЬЯ. Біографія графа А. П. Шувалова.—Воспоминанія А. С. Норова о 1812 годѣ.—Воспоминанія А. П. Бутенева.—Воспоминанія графа М. В. Толстаго.—Бумаги А. С. Пушкина.

Каждая книга имѣетъ особый азбучный указатель.

Библиотека "Руниверс"

Открыта подписка на РУССКІЙ АРХИВЪ 1883 года.

Выходитъ шестью книгами.

ЦѢНА ГОДОВОМУ ИЗДАНІЮ

РУССКАГО АРХИВА

девять рублей

СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ.

АДРЕСЪ: **Москва,** Ермолаевская Садовая, домъ 175-й. **Въ Петербургѣ:** книжный магазинъ И. И. Глазунова на Большой Садовой.

Цѣна каждой книжкѣ 1883 года въ отдѣльной продажѣ **два** рубля.

РУССКІЙ АРХИВЪ 1881 и 1882 годовъ, по шести книгъ съ приложеніями, продается по 9 рублей каждый.

Библиотека "Руниверс"

Москва, Ермолаевская Садовая, 175.
Петербургъ, кн. маг. И. И. Глазунова.

РУССКІЙ АРХИВЪ

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ.

1883

2.

Стр.

1. Автобіографическія Записки **графа Александра Романовича Воронцова**, съ его портретомъ и съ послѣсловіемъ издателя. 224
2. Изъ памятной книги **Е. И. Раевской** (П. Г. Бибиковъ. — Князь Валерьянъ Голицынъ.—М. М. Нарышкинъ). 291
3. Воспоминаніе о Московскомъ генералъ-губернаторѣ П. А. Тучковѣ. **С. П. Шипова** 303
4. Къ біографіи **Жуковскаго**:
   а) Его переписка о бракѣ съ М. А. Протасовой 308
   б) Разсказъ А. П. Зонтагъ объ его человѣколюбіи 320
   в) Его письма къ А. А. Прокоповичу-Антонскому 324
   г) Его письмо къ Сперанскому о воспитаніи Государя Александра Николаевича 333
   д) Его письма и шуточныя записки къ А. О. Смирновой 335
   е) Его письмо къ графу Д. Н. Шереметеву объ увольненіи изъ крѣпостной зависимости родныхъ профессора Никитенки 347
5. Разсказы и анекдоты про Петра Великаго 349
6. Коронація императрицы Екатерины Первой: 369
   а) Разсказъ очевидца 370
   б) Современное правительственное описаніе 378

Переписка Кристина съ княжной Туркестановой.
(Мартъ и Апрѣль 1817 года).

Приложенъ портретъ государственнаго канцлера графа А. Р. Воронцова.
(Съ оригинальнаго портрета, хранящагося въ Одессѣ).

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (М. Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ.
1883.

Библиотека "Руниверс"

Въ Конторѣ Русскаго Архива (Москва, Ермолаевская Садовая, домъ 175-й) продаются

СОЧИНЕНІЯ А. С. ХОМЯКОВА.

НОВОЕ ИЗДАНІЕ.

Томъ первый: статьи политическаго содержанія.

Томъ второй: статьи богословскаго содержанія, полный безъ пропусковъ текстъ съ предисловіемъ *Ю. Ѳ. Самарина* и съ гравированнымъ портретомъ автора.

Томъ третій: Записки о всемірной исторіи.

Цѣна каждому тому ТРИ рубля съ пересылкою.

Стихотворенія А. С. Хомякова. Новое изданіе. Ц. 30 к.

*

ВЫШЛА XXVII КНИГА

АРХИВА КНЯЗЯ ВОРОНЦОВА.

Цѣна 3 рубля.

XXVIII КНИГА АРХИВА КНЯЗЯ ВОРОНЦОВА ПЕЧАТАЕТСЯ.

Русскій Архивъ 1874 года (два большихъ тома съ гравированными на стали портретами князя Одоевскаго и поэта Тютчева) продается по **6** рублей, съ пересылкою по **7** рублей.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры четырехъ годовыхъ изданій (1877—1880) **Русскаго Архива** (каждый годъ по три книги) можно получать по ПЯТИ рублей за годъ съ пересылкою по ШЕСТИ рублей. Каждая книга отдѣльно по ДВА рубля.

ГЛАВНѢЙШІЯ СТАТЬИ.

1877 годъ.

КНИГА ПЕРВАЯ 1877. Записки **Г. С. Винскаго.**

Біографія канцлера князя Безбородки.

Бумаги контръ-адмирала **Истомина.**

Взятіе Карса въ 1828 году. Изъ Записокъ **Н. Н. Муравьева-Карскаго.**

Очерки и воспоминанія **князя П. А. Вяземскаго.**

Старая Записная Книжка. **Его же.**

Записки оберъ-камергера **графа Рибопьера.**

КНИГА ВТОРАЯ 1877. Записки **графа Гордта** о Россіи при Елисаветѣ Петровнѣ и Петрѣ III-мъ.

Записки **графа А. И. Рибопьера** (царствованія Александра и Николая Павловичей).

Авдотья Петровна Елагина, біографическій очеркъ.

Разсказы объ адмиралѣ Лазаревѣ.

Н. И. Второвъ, біографическая статья **М. Ѳ. Де-Пуле.**

Самаринъ-ополченецъ, воспоминанія **В. Д. Давыдова.**

Историческіе разсказы, анекдоты и мелочи **Толычовой.**

КНИГА ТРЕТЬЯ 1877. Записки Французскаго короля **Людовика XVIII-го** объ его жизни въ Россіи.

Записки декабриста **П. И. Фаленберга.**

Депеши князя **Алексѣя Борисовича Куракина** изъ Парижа въ 1810 году.

Записки **М. А. Дмитріева-Мамонова.**

Записки о Турецкой войнѣ 1828 и 1829 г. **В. М. Еропкина и И. Г. Поливанова.**

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

Фото-Гравюра Шереръ, Набгольцъ и К° въ Москвѣ.

Графъ Александръ Романовичъ Воронцовъ.

(1741 – 1805.)

Библиотека "Руниверс"

ЗАПИСКИ ГРАФА АЛЕКСАНДРА РОМАНОВИЧА ВОРОНЦОВА.

Вмѣсто предисловія.

Письмо графа А. Р. Воронцова къ сестрѣ его княгинѣ Е. Р. Дашковой.

Матренино, 28 Октября 1805 *).

Въ вашемъ послѣднемъ письмѣ, мой милый другъ, вы выразили желаніе знать въ точности время нѣкоторыхъ событій для Записокъ, которыя вы пишете. Мнѣ было очень пріятно узнать отъ васъ, что онѣ уже очень подвинулись впередъ, и я постараюсь исполнить ваше желаніе, какъ только могу.

1) Покойная Императрица вела двѣ войны съ Портой. Первая началась въ 1768. Она кончилась миромъ въ Кайнарджи въ 1774. Вторая началась въ 1787. Предварительныя мирныя условія были подписаны княземъ Репнинымъ въ Іюнѣ или Іюлѣ 1791. Князь Потемкинъ узналъ объ этомъ, когда находился на пути къ арміи. И хотя, послѣ его прибытія въ Яссы, Турецкіе уполномоченные также прибыли туда для заключенія окончательнаго мира, Потемкинъ умеръ, даже не начавши переговоровъ, а только ограничившись назначеніемъ Русскихъ уполномоченныхъ: Самойлова, Рибаса и Лошкарева. Когда не стало этого бича Россіи, Императрица послала въ Яссы для руководительства переговорами графа Безбородку. Подъ его наблюденіемъ миръ былъ подписанъ названными уполномоченными въ концѣ Декабря 1791.

*) Писано съ небольшимъ за мѣсяцъ до кончины, послѣдовавшей (2 Декабря 1805), во Владимирскомъ помѣстьи, Покровскаго уѣзда, Матренино-Андреевское тожъ. Родился графъ А. Р. Воронцовъ въ 1741 году, Сентября 4.

Библиотека "Руниверс"

2) Шведскій король объявилъ намъ войну лѣтомъ 1788. Въ 1790 начаты тайные переговоры съ Швеціей о мирѣ. Въ эту тайну были посвящены только Н. И. Салтыковъ, графъ Остерманъ, Безбородко и я. Марковъ составлялъ инструкціи, посылавшіяся Игельштрому, который и подписалъ мирный договоръ въ концѣ Іюля или началѣ Августа 1790. Со стороны Швеціи уполномоченнымъ былъ любимецъ короля, генералъ Армфельтъ.

3) Что́ касается до отпуска, котораго я просилъ на одинъ годъ, то это было въ Декабрѣ 1792; но вы тогда-же знали отъ меня, что я далъ такой оборотъ дѣлу, чтобъ избѣжать сценъ съ покойной Императрицей, которыя были бы неизбѣжны, если бы я подалъ въ отставку. Но я уже тогда твердо рѣшился болѣе не служить ей. Я выѣхалъ изъ Петербурга въ мое имѣніе въ Февралѣ 1793, а когда въ концѣ того-же года приближался срокъ моего отпуска, я написалъ Императрицѣ, прося увольненія отъ службы, которое я и получилъ въ Январѣ или Февралѣ 1794 *).—Что-же касается того, какимъ образомъ она меня уво-

---

*) Графъ А. Р. Воронцовъ былъ человѣкъ твердый и своеобычливый. Го́лоса его боялись въ Государственномъ Совѣтѣ, такъ какъ онъ не подлаживался къ любимцамъ Государыни и смѣло выражалъ свое мнѣніе, хотя бы явно неугодное Екатеринѣ. Въ Запискахъ Гарновскаго приведено нѣсколько тому примѣровъ. „Я не понимаю, за чѣмъ насъ посадили въ Совѣтъ; что мы—чучелы, что ли?“ Потемкинъ, находившійся у себя на Югѣ, требовалъ денегъ для переселенія Запорожцевъ въ Черноморскую область. Не смотря на возраженія графа Воронцова, Государыня согласилась на это требованіе. „Что́ жъ мы въ Совѣтѣ пѣшки представлять будемъ?“, не обинуясь сказалъ графъ Александръ Романовичъ. Карабановъ разсказываетъ, что въ 1793 г. отправляя князя Волконскаго къ Прусскому двору, Екатерина разговаривала съ нимъ о постороннихъ предметахъ и коснулась графа Воронцова.—„Онъ не имѣетъ настоящаго ума государственнаго“, сказалъ князь Волконскій. „Почему вы такъ заключаете?“ возразила Императрица. „При отличномъ воспитаніи, обширныхъ свѣдѣніяхъ, онъ много читалъ, слышалъ и видѣлъ, но для Русскаго этого недостаточно; потому что онъ не знаетъ ни отечества, ни свойствъ своихъ подчиненныхъ, съ которыми имѣетъ частыя сношенія, и долженъ ошибаться“, отвѣчалъ князь. „Очень справедливо“, довершила Императрица. Это была дворская лесть. Екатерина отлично знала, какъ много было государственныхъ достоинствъ въ графѣ Воронцовѣ, и его удаленіе отъ службы ее тревожило. Это видно изъ слѣдующей ея записки къ графу П. В. Завадовскому. „Заготовьте указъ объ отставкѣ Воронцова. Не спорю, что онъ вамъ дорогъ и что таланты имѣетъ. Всегда знала, а теперь наипаче вѣдаю, что его таланты не

Библиотека "Руниверс"

лила, то она очень обманулась, если думала меня этимъ унизить. Я въ глубинѣ моей совѣсти былъ убѣжденъ, что и государству, и ей я служилъ усердно, безкорыстно и даже, можетъ быть, съ нѣкоторымъ успѣхомъ и во время совѣщаній по поводу войны съ Швеціей, и во время мирныхъ переговоровъ съ Шведскимъ правительствомъ; а по поводу столь неделикатныхъ по отношенію къ намъ настояній со стороны Пруссіи и Англіи и во время пріѣзда г. Фокнера, я былъ изъ числа тѣхъ, кто настойчивѣе отстаивалъ достоинство Имперіи. Даже Императрица въ свое время отдавала мнѣ въ этомъ справедливость. Впрочемъ, я всегда былъ того мнѣнія, что люди имѣютъ соотвѣтственную ихъ достоинствамъ внутреннюю цѣну, которой не въ состояніи отнять у нихъ никакой деспотъ.

*

О службѣ моей, сколько я упомнить могу, скажу слѣдующее.

Въ малолѣтствѣ пожалованъ я покойною императрицею Елисаветою Петровною капраломъ лейбъ-гвардіи въ Измайловскій полкъ, потомъ сержантомъ; а въ 1755 году имяннымъ же ея величества указомъ въ тотъ-же полкъ прапорщикомъ.

Въ 1758 году, по волѣ ея величества, отправленъ во Францію въ школу Французской гвардіи, шеволежеръ *), гдѣ обучался и служилъ полтора года; потомъ въ 1759 году пожалованъ подпоручикомъ въ Измайловскій-же полкъ и продолжалъ, по волѣ ея величества, вояжировать по Гишпаніи, Португаліи и Италіи. Послалъ ко двору описаніе Гишпанскаго и Португальскаго двора, которое канцлеромъ поднесено было ея величеству въ 1760 году и удостоилось ея величества апробаціи.

Въ 1761 году опредѣленъ былъ, по волѣ ея величества, повѣреннымъ въ дѣлахъ при Вѣнскомъ дворѣ, а въ Октябрѣ мѣсяцѣ того же

суть для службы моей и что онъ мнѣ не слуга. Сердце принудить нельзя; права не имѣю принудить быть усерднымъ ко мнѣ. Заставить же и меня нельзя почитать усерднымъ ко мнѣ кого ни на есть. Разведены и развязаны на вѣкъ будемъ. Чортъ его побери! По подписаніи указа я его освобождаю отъ пріѣзда сюда, ибо онъ боленъ. За справедливость, коя требована съ гордостью и отдана по убѣжденію, поклонъ всякой неумѣстенъ“ (Арх. Кн В. XII, 103).

*) Chevaux légers.

Библиотека "Руниверс"

года ея величествомъ пожалованъ въ канцеляріи совѣтники и назначенъ чрезвычайнымъ посланникомъ въ Голландію, о чемъ мнѣ и объявлено письмомъ канцлера, а указы и кредитивная грамота, кои поднесены были, не подписаны ея величествомъ за послѣдовавшею ея болѣзнію и кончиною.

По вступленіи государя императора Петра Ѳеодоровича на престолъ, его величество подтвердить изволилъ назначеніе о мнѣ покойной Императрицы и пожаловать меня ко двору своему въ дѣйствительные камергеры. Въ Февралѣ того-жъ 1762 г. вмѣсто Голландіи опредѣленъ я полномочнымъ министромъ въ Англію, гдѣ и находился по 1764-й годъ. Въ ономъ году ея величество императрица Екатерина II, изъ Англіи меня отозвавъ, опредѣлить изволила въ томъ же качествѣ министромъ въ Голландію. Въ 1768 году по просьбѣ моей отозванъ отъ сего поста и, возвратясь въ С.-Петербургъ, служилъ у двора. Въ 1773 году пожалованъ тайнымъ совѣтникомъ и въ томъ же году коммерцъ-коллегіи президентомъ и членомъ коммиссіи о коммерціи.

Въ 1779 году пожалованъ я сенаторомъ и во многія коммиссіи отъ ея величества употреблялся. Въ 1781 году пожалованъ я орденомъ Александра Невскаго.

Въ 1782 году, за участіе, которое я имѣлъ въ сочиненіи общаго тарифа, ея величество пожаловать мнѣ изволила табакерку съ ея вензелемъ и двадцать тысячъ рублей награжденія.

Въ 1783 году по открытіи Владимирской Думы, въ которой сама я величество присутствовать изволила, ея величествомъ назначенъ я кавалеромъ Владимирскаго ордена, а въ 24 день Ноября и пожалованъ онымъ первой степени.

Въ 1783 же году за труды мои въ коммиссіи, назначенной для пріумноженія государственныхъ доходовъ, пожаловано мнѣ столовыхъ денегъ по триста рублей на мѣсяцъ въ прибавку къ жалованью.

Въ 1784 году пожалованъ я дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ.

Въ 1786 году за разныя мои службы по коммиссіямъ, въ томъ числѣ и банковой, награжденъ крестомъ и звѣздою брилліантовою ордена Святаго Александра Невскаго и пятьюдесятью тысячами рублей.

Въ 1787 году, при открытіи Турецкой войны, пожалованъ я членомъ Совѣта.

Въ Шведское мирное торжество награжденъ я богатою табакеркою съ портретомъ ея величества; въ Турецкое мирное торжество— перстнемъ брилліантовымъ.

Сверхъ того я, по волѣ ея величества, осматривалъ всѣ Московскія присутственныя мѣста и тоже въ двадцати девяти губерніяхъ, въ

Библиотека "Руниверс"

томъ числѣ Рижскую, когда тамъ внутреннее было неустройство между крестьянствомъ, которое въ мою же бытность тамъ прекратилось.

Въ 1794 году, по просьбѣ моей, получилъ я увольненіе отъ службы *).

Записки графа Александра Романовича Воронцова.

Замѣтки о моей жизни и о различныхъ событіяхъ, совершившихся въ теченіе этого времени какъ въ Россіи, такъ и въ Европѣ.

Часть I.

Я давно уже собирался писать нѣчто въ родѣ замѣтокъ о томъ, что́ до меня касается и о событіяхъ, совершившихся въ теченіе моей жизни. Но мнѣ постоянно служили помѣхой различныя занятія и часто посѣщавшія меня болѣзни. Пользуясь нѣкоторымъ облегченіемъ моихъ недуговъ, я начинаю эти Записки въ Іюлѣ 1805, на 64-мъ году отъ рожденія.

Онѣ и не годятся и не пишутся для того, чтобъ ихъ когда-нибудь печатать для всеобщаго свѣдѣнія. Моя цѣль—сообщить моимъ ближайшимъ родственникамъ тѣ факты, которые касаются лично меня. Мой племянникъ Михаилъ, можетъ быть, найдетъ въ нихъ какія нибудь свѣдѣнія и подробности о Россіи, которыя могутъ оказаться полезными для него. Въ нихъ, я не сомнѣваюсь, сыщется много небрежностей слога, но за то онѣ отличаются большой искренностью во всемъ, что́ касается меня и моего образа дѣйствій въ государственныхъ дѣлахъ. Мнѣ нетрудно быть откровеннымъ и искреннимъ въ этомъ отношеніи, потому что я могу сказать, не рискуя навлечь на себя обвиненіе въ пристрастіи или въ самообольщеніи, что на всѣхъ должностяхъ, которыя я занималъ, я не имѣлъ никакой другой цѣли, кромѣ блага той страны, гдѣ я родился. Все, что́ вводитъ въ соблазнъ большинство людей, какъ-то: богатства, почести, отличія, или карьера родственниковъ, имѣло въ моихъ глазахъ мало привлекательности и никогда не повліяло ни на одинъ изъ моихъ поступковъ. Въ этомъ отношеніи мое семейство можетъ быть совершенно спокойно. Оно никогда не подвергнется упрекамъ, основаннымъ на чемъ либо, касающемся моей общественной дѣятельности. Что-же касается тѣхъ личныхъ выгодъ, которыя, какъ я выше замѣтилъ, никогда не привязывали меня къ себѣ,

*) Это обозрѣніе службы написано порусски, остальное пофранцузски. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

то, благодаря силѣ обстоятельствъ, а можетъ быть иногда и справедливости государей, которымъ я служилъ, я получалъ, безъ всякихъ съ моей стороны искательствъ, всѣ эти личныя выгоды, какъ-то: почести, довольство и отличія. Однако изъ дальнѣйшаго содержанія этихъ замѣтокъ будетъ видно, что я не избѣгъ ни клеветы, ни несправедливостей, ни непріятностей. Противъ меня были многіе изъ любимцевъ Екатерины II, которые имѣли большое вліяніе на нее, и которымъ она рѣдко умѣла оказывать сопротивленіе. Нѣкоторые изъ высокопоставленныхъ и вліятельныхъ людей, встрѣчавшіе съ моей стороны противодѣйствіе всякій разъ, когда я находилъ ихъ предположенія несогласными съ общимъ благомъ, наносили мнѣ, и не безъ успѣха, злобные удары, отъ которыхъ я терпѣлъ немало непріятностей. Я выносилъ ихъ, не измѣняя ни моихъ правилъ, ни моего образа дѣйствій. Хотя эти непріятности давно уже внушали мнѣ намѣреніе оставить службу, но я могъ привести его въ исполненіе не прежде какъ въ концѣ 1793; можетъ быть, при дальнѣйшемъ изложеніи моихъ воспоминаній я буду говорить болѣе подробно и о всѣхъ этихъ обстоятельствахъ и о тѣхъ лицахъ, которыхъ я считаю виновными передо мной. Впрочемъ, я не лишнимъ считаю замѣтить, въ особенности для пользы моего племянника Михаила, что если я могъ служить безкорыстно, безпристрастно и сохраняя мою самостоятельность въ той мѣрѣ, въ какой это возможно при абсолютномъ и довольно безнравственномъ правительствѣ и въ такой странѣ, гдѣ почти вовсе нѣтъ общественнаго мнѣнія, то этому много способствовалъ заведенный мною образъ жизни. Такъ какъ я не любилъ ни роскоши, ни легкомысленныхъ издержекъ, то я никогда не находилъ надобности прибѣгать къ тѣмъ просьбамъ и заискиваніямъ, къ которымъ должны были прибѣгать многія высокопоставленныя лица вслѣдствіе своей чрезмѣрной роскоши; а потому я могъ безъ труда сохранять искренность и безпристрастіе въ служебныхъ занятіяхъ, могъ не отказываться отъ моихъ убѣжденій и не искать расположенія ни людей сильныхъ, ни временщиковъ. Вліяніе этихъ послѣднихъ было пагубно при Екатеринѣ II и омрачило блескъ ея царствованія. Я дѣлаю это отступленіе не для того, чтобъ хвалить самого себя, а для того, чтобъ оно служило поученіемъ для моего племянника Михаила и чтобъ онъ убѣдился, что въ своихъ расходахъ не должно выходить изъ предѣловъ, соотвѣтствующихъ тому состоянію, какое имѣешь. Тогда только ему будетъ нетрудно сохранить на государственной службѣ свою самостоятельность, честность и безпристрастіе, а также наслаждаться тѣмъ домашнимъ спокойствіемъ, которое едва-ли возможно при разстройствѣ денежныхъ дѣлъ и при мате-

Библиотека "Руниверс"

ріальныхъ стѣсненіяхъ.—Итакъ я приступаю къ изложенію моихъ воспоминаній.

О годахъ моего дѣтства я не буду много распространяться. Скажу только, что я имѣлъ счастіе родиться на свѣтъ за нѣсколько недѣль до вступленія на престолъ императрицы Елисаветы, царствованіе которой было столь счастливо для Россіи. Мой дядя, бывшій впослѣдствіи канцлеромъ Имперіи, состоялъ при этой царевнѣ камеръ-юнкеромъ, прежде нежели она сдѣлалась Государыней, и принималъ видное участіе въ возведеніи ея на престолъ. Я буду говорить объ этомъ важномъ событіи въ свое время и въ своемъ мѣстѣ, а теперь скажу только, что мой дядя былъ единственный человѣкъ, сопровождавшій царевну Елисавету, когда она поѣхала въ его саняхъ въ гренадерскую роту гвардейскаго Преображенскаго полка, и что онъ былъ единственный человѣкъ, посвященный въ тайну, хотя желаніе возвести царевну Елисавету на тронъ ея отца Петра Великаго было, конечно, общимъ желаніемъ въ Россіи. Другое лице, содѣйствовавшее этому перевороту, г-нъ Лестокъ, находился въ помѣщеніи роты гренадеровъ въ то время, какъ царевна Елисавета пріѣхала туда вмѣстѣ съ моимъ дядей. Моя мать была также очень дружна съ этой царевной до ея вступленія на престолъ *). Она часто пріѣзжала въ нашъ домъ, что́ причиняло немалое стѣсненіе нашему семейству въ столь жестокое и суровое царствованіе императрицы Анны, всегда относившейся къ царевнѣ Елисаветѣ подозрительно и съ недоброжелательствомъ. Мой отецъ говорилъ мнѣ, что его спасала въ ту пору отъ подозрѣній его офицерская служба въ Измайловскомъ полку, въ которомъ также служилъ въ чинѣ подполковника одинъ изъ братьевъ герцога Курляндскаго, любившій моего отца и рекомендовавшій его своему брату-герцогу, который съ своей стороны вступался за него передъ Императрицей.

Наконецъ, 25 Ноября 1741 года царевна Елисавета вступила на отцовскій престолъ. Она послала моего отца въ Ригу, чтобъ находиться тамъ при принцессѣ Аннѣ Мекленбургской и ея семействѣ, а также при принцѣ Іоаннѣ, который былъ въ то время свергнутъ съ престола. По возвращеніи изъ Риги мой отецъ былъ произведенъ въ камеръ-юнкеры. Въ ту пору это званіе не раздавалось, какъ въ наше время, чуть-чуть не дѣтямъ или ничтожнымъ мальчишкамъ. Въ то время

*) Дочь конюшаго Патріаршаго Приказа, Мареа Иванова Сурмина въ ранней молодости выдана была за князя Долгорукова. По воцареніи Анны, мужа ея сослали въ Сибирь; она не захотѣла за нимъ слѣдовать, и по ея прошенію Св. Синодъ разрѣшилъ ей вторичное замужество съ Р. Л. Воронцовымъ. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

было всего-на-всего пять или шесть камеръ-юнкеровъ и семь или восемь камергеровъ, и эти лица составляли обычный кружокъ императрицы Елисаветы. И мой отецъ, и все мое семейство были осыпаны милостями, знаками довѣрія и безцеремонными любезностями этой Государыни. Въ особенности моя мать пользовалась ея расположеніемъ въ такой мѣрѣ, что внушала зависть г-жѣ Шуваловой, жившей при дворѣ и находившейся въ большой милости; однако никакія интриги этой дамы не могли поколебать довѣрія къ моей матери, которая оставалась до самой смерти въ близкихъ отношеніяхъ къ Императрицѣ.

Съ самой минуты своего восшествія на престолъ Елисавета обнаруживала довѣріе и дружбу къ моему дядѣ, который, какъ я выше замѣтилъ, принималъ большое участіе въ ея возведеніи на прародительскій тронъ. Но по причинѣ своей скромности и мягкости характера, мой дядя никогда не старался выдвигаться впередъ, тогда какъ Лестокъ тотчасъ сталъ разыгрывать важную роль и вліять на всѣ дѣла. Единственное важное отличіе, котораго удостоился мой дядя отъ Императрицы въ самомъ началѣ ея царствованія, заключалось въ томъ, что онъ былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты и назначенъ *лейтенантомъ* роты Преображенскихъ гренадеръ, возведенныхъ въ лейбъ-гвардію или *лейбъ-компанію*, и получилъ орденъ Св. Александра Невскаго. Императрица предложила ему вступить въ бракъ, по своему выбору, съ одной изъ ея двухъ двоюродныхъ сестеръ, съ графиней Марьей Симоновной Генриковой или съ графиней Скавронской. Къ счастію для него, графиня Генрикова, любившая другаго и отличавшаяся рѣшительнымъ и очень непріятнымъ характеромъ, отказалась исполнить желаніе Императрицы [1]). Поэтому ея величество женила моего дядю на графинѣ Скавронской, съ которой онъ жилъ въ полномъ согласіи.

Одной изъ первыхъ заботъ Императрицы по восшествіи на престолъ была забота о томъ, привезти въ Россію ея племянника, сына ея сестры, герцога Голштинскаго. Съ этой цѣлію былъ командированъ баронъ Корфъ, и герцогъ немедленно прибылъ въ Петербургъ.

Императрица взяла своего племянника вмѣстѣ съ собой въ Москву, гдѣ она короновалась 25 Апрѣля 1742 г. Впрочемъ я не буду болѣе распространяться объ этомъ предметѣ, такъ какъ намѣреваюсь написать особыя замѣтки касательно царствованія императрицы Елисаветы [2]). Моя мать скончалась въ 1745 году отъ горячки, на 28-мъ году отъ роду, оставивъ малолѣтныхъ дѣтей. Моей старшей сестрѣ

---

[1]) Неизвѣстно, о какой изъ трехъ графинь Генриховыхъ говорится. П. Б.

[2]) Къ сожалѣнію такихъ замѣтокъ мы доселѣ не отыскали и не знаемъ, были-ли они составлены. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

было только шесть лѣтъ, другой сестрѣ было пять лѣтъ, мнѣ было три года съ нѣсколькими, мѣсяцами; моей сестрѣ княгинѣ Дашковой было два года, и сверхъ того у насъ былъ братъ, родившійся лишь за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти моей матери. Мой отецъ, который былъ въ ту пору еще молодъ, былъ крайне огорченъ этой смертью. Мой дядя канцлеръ взялъ къ себѣ въ домъ всѣхъ дѣтей моего отца; тётушка отнеслась къ намъ съ особенной заботливостью, и мы остались тамъ до Сентября того же года. Мой дядя предпринялъ поѣздку за границу частію для своего здоровья, частію изъ любознательности, и его отсутствіе продолжалось около года. Это отсутствіе моего дяди послужило поводомъ ко множеству интригъ. Бестужевъ, котораго мой дядя поддерживалъ съ самаго начала царствованія Императрицы, отплатилъ ему за это самой низкой неблагодарностью: онъ пускалъ въ ходъ клевету и интриги для того, чтобъ внушить Императрицѣ подозрѣнія насчетъ моего дяди, такъ что, когда дядя возвратился изъ-за границы, онъ нашелъ, что Императрица совершенно измѣнилась въ своихъ отношеніяхъ къ нему, хотя и сохраняла въ обхожденіи съ нимъ тотъ дружескій тонъ, который уже обратился въ привычку. Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того, узнавши, что она была обманута, она возвратила моему дядѣ свое довѣріе, которое онъ и сохранилъ до смерти Императрицы.—Я намѣренъ подробно говорить въ другомъ мѣстѣ обо всемъ, чтó касается интригъ и министерской дѣятельности Бестужева, котораго я, впрочемъ, признаю за великаго министра.

Не смотря на молодость моего отца и на то, что онъ велъ разсѣянную жизнь при дворѣ и въ большомъ свѣтѣ, онъ постарался дать намъ такое хорошее воспитаніе, какое было возможно въ то время. Мой дядя прислалъ для насъ изъ Берлина гувернантку, которая составила себѣ тамъ очень хорошую репутацію и, какъ я слышалъ, была лучшая, какую только можно было найти. Дѣйствительно, она много занималась нами. Эту дѣвицу *Ruinau* замѣнила г-жа *Berger*. Мы незамѣтнымъ образомъ научились Французскому языку, и уже съ 5-ти или 6-ти лѣтняго возраста я обнаружилъ рѣшительную наклонность къ чтенію книгъ. Я долженъ сказать, что хотя воспитаніе, которое намъ давали, не отличалось ни блескомъ, ни лишними расходами, употребляемыми на этотъ предметъ въ наше время, однако оно имѣло многія хорошія стороны. Главное его достоинство заключалось въ томъ, что въ то время не пренебрегали изученіемъ Русскаго языка, который въ наше время уже не вносится въ программу воспитанія. Можно сказать, что Россія—единственная страна, гдѣ пренебрегаютъ изученіемъ своего роднаго языка и всего, чтò касается страны, въ которой люди родились на свѣтъ; само собой разумѣется, что я разумѣю здѣсь современное по-

Библиотека "Руниверс"

колѣніе. Тѣ жители Петербурга и Москвы, которые считаютъ себя людьми просвѣщенными, заботятся о томъ, чтобъ ихъ дѣти знали Французскій языкъ, окружаютъ ихъ иностранцами, даютъ имъ дорого стоющихъ учителей танцевъ и музыки, но не учатъ ихъ родному языку, такъ что это прекрасное и дорого стоющее воспитаніе ведетъ къ совершенному незнанію родины, къ равнодушію и даже презрѣнію къ странѣ, съ которой неразрывно связано наше существованіе, и къ привязанности ко всему, что̀ касается нравовъ чужихъ странъ, и въ особенности Франціи. Впрочемъ слѣдуетъ признаться, что дворянство, которое живетъ во внутреннихъ губерніяхъ, не заражено этимъ непростительнымъ заблужденіемъ. Однако возвратимся къ тому, что̀ касается собственнаго воспитанія.—На придворномъ театрѣ давали два раза въ недѣлю Французскія комедіи, и нашъ отецъ бралъ насъ туда съ собою въ свою ложу. Я упоминаю объ этомъ обстоятельствѣ потому, что оно много способствовало тому, что мы съ ранняго дѣтства получили рѣшительную наклонность къ чтенію и къ литературѣ. Мой отецъ выписалъ для насъ изъ Голландіи довольно хорошо составленную библіотеку, въ которой находились лучшіе Французскіе авторы и поэты, а также книги историческаго содержанія, такъ что, когда мнѣ было 12 лѣтъ, я уже былъ хорошо знако́мъ съ произведеніями Вольтера, Расина, Корнеля, Буало и другихъ Французскихъ писателей. Въ числѣ этихъ книгъ находилась состоявшая почти изо ста волюмовъ коллекція нумеровъ журнала: *Ключъ къ знакомству съ кабинетами Европейскихъ государей*, начинавшаяся съ 1700 *). Я упоминаю объ этой коллекціи потому, что изъ нея я узналъ обо всемъ, что̀ случилось въ Россіи самаго интереснаго и самаго замѣчательнаго съ 1700. Это изданіе имѣло великое вліяніе на мою наклонность къ исторіи и политикѣ; оно возбудило во мнѣ желаніе знать все, что̀ касается этихъ предметовъ и въ особенности по отношенію ихъ къ Россіи.

Императрица Елисавета, отличавшаяся благосклонностію и привѣтливостью ко всѣмъ окружающимъ, интересовалась даже дѣтьми лицъ принадлежавшихъ къ ея двору. Она во многомъ сохранила старинные Русскіе нравы, очень походившіе на́ старинные патріархальные нравы. Хотя мы были еще дѣтьми, она позволяла намъ бывать при ея дворѣ въ пріемные дни, и иногда давала, въ своихъ внутреннихъ апартаментахъ, балы для обоего пола дѣтей тѣхъ особъ, которыя состояли при дворѣ. Я сохранилъ воспоминаніе объ одномъ изъ

*) Clef des cabinets des princes de l'Europe.

Библиотека "Руниверс"

этихъ баловъ, на которомъ было отъ 60 до 80 дѣтей. Насъ посадили ужинать, а сопровождавшіе насъ гувернеры и гувернантки ужинали за особымъ столомъ. Императрицу очень занимало смотрѣть, какъ мы танцовали и ужинали, и она сама сѣла ужинать вмѣстѣ съ нашими отцами и матерями. Благодаря этой привычкѣ видѣть дворъ, мы незамѣтно привыкли къ большому свѣту и къ обществу. Существовалъ еще одинъ обычай, много способствовавшій тому, чтобъ сдѣлать насъ развязными,—а именно то, что дѣти лицъ, состоявшихъ при дворѣ, взаимно посѣщали другъ друга по праздникамъ и Воскресеньямъ. Между ними устраивались балы, на которые они отправлялись всегда въ сопровожденіи гувернеровъ и гувернантокъ. Съ этого времени и ведутъ свое начало мои дружескія отношенія къ графу Шувалову и къ графу Строганову.

Такъ какъ у моего дяди была единственная дочь однихъ лѣтъ съ нашей меньшой сестрой княгиней Дашковой, то, по возвращеніи изъ-за границы, онъ выразилъ желаніе, чтобъ онѣ воспитывались вмѣстѣ и попросилъ моего отца, чтобъ онъ отдалъ ему мою сестру. Съ тѣхъ поръ она жила у дяди до своего замужества. Императрица, изъ милостиваго расположенія къ моему отцу и въ память дружбы, которую она питала къ моей матери, произвела моихъ обѣихъ сестеръ во фрейлины, не смотря на то, что старшей изъ нихъ было только одиннадцать лѣтъ, а второй только десять. Она дала имъ помѣщеніе во дворцѣ, оставивъ старшую при себѣ, а вторую назначивъ состоять при великой княгинѣ, которая потомъ была Императрицей подъ именемъ Екатерины Второй. Это назначеніе моей второй сестры въ штатъ великой княгини имѣло въ послѣдствіи большое вліяніе и на ея собственную жизнь и на нѣкоторыя событія, имѣвшія большое значеніе для всего семейства.—Объ этомъ я предполагаю говорить болѣе подробно въ различныхъ замѣткахъ, которыя я намѣренъ писать о Россіи.—Послѣ того, какъ мои сестры были взяты ко двору, а самая младшая переселилась къ моему дядѣ, въ домѣ остались только я да мой братъ. Мой отецъ взялъ для насъ гувернера и, благодаря случайности, всѣ гувернеры, которые у насъ жили, были довольно хороши.

Императрица, по прежнему благоволившая къ нашему семейству, обыкновенно одинъ или два раза въ годъ пріѣзжала ужинать къ моему отцу, а у моего дяди она бывала еще чаще. Я помню, что однажды она пріѣхала къ намъ совершенно неожиданно, узнавши, что у моего отца обѣдали ея фаворитка графиня Шувалова, моя тетка и семейство графа Чернышова, только что возвратившееся изъ Лондона. Дочери этого графа привезли съ собой Англійскіе контредансы и, благодаря

Библиотека "Руниверс"

этому, онѣ попали въ моду при дворѣ. Императрица пообѣдала безцеремонно въ этомъ обществѣ, была въ очень веселомъ расположеніи духа и даже оставалась довольно долго послѣ обѣда, чтобъ видѣть, какъ танцуютъ Англійскіе контредансы.

Въ 1745 Императрица приказала зачислить меня въ гвардію, а въ 1755 произвела меня въ офицеры гвардіи и взяла моего брата къ себѣ въ пажи. Она оказывала ему много милости; въ 1760 она произвела его въ камеръ-пажи, и онъ оставался при ней въ этомъ званіи до самой ея смерти.

Въ 1754 моему отцу посовѣтовали помѣстить насъ въ пансіонъ къ профессору юриспруденціи въ Академіи Наукъ, г-ну Штрубе, который въ тоже время былъ членомъ коммиссіи для составленія законовъ. Сенаторъ графъ Петръ Шуваловъ былъ ея начальникомъ. Этотъ профессоръ былъ чрезвычайно достойный человѣкъ.

Въ 1756 я вступилъ въ отправленіе моихъ офицерскихъ обязанностей, хотя мнѣ еще не было и 15-ти лѣтъ. Тогда мой отецъ взялъ насъ изъ пансіона. Съ тѣхъ поръ я сталъ чаще бывать при дворѣ и въ лучшихъ великосвѣтскихъ домахъ, какъ-то у гетмана графа Разумовскаго, который былъ въ большой дружбѣ съ нашимъ семействомъ, у генералъ-прокурора князя Трубецкаго, у оберъ-камергера графа Шереметева, не говоря уже о домѣ моего дяди, у котораго я бывалъ постоянно. Благодаря этому, я не только свыкся съ обычаями и правилами общества, но также привыкъ слушать разговоры о государственныхъ дѣлахъ и, признаюсь, что уже тогда я чувствовалъ пылкое влеченіе къ дѣловымъ занятіямъ. Въ домѣ моего дяди мнѣ случалось видѣть иностранныхъ посланниковъ; нѣкоторые изъ нихъ обходились со мной очень любезно и приглашали меня къ себѣ обѣдать и бывать у нихъ въ домѣ, на что̀ мой дядя далъ мнѣ разрѣшеніе, не смотря на то, что въ ту пору посѣщеніе иностранныхъ посланниковъ было сопряжено съ нѣкоторыми затрудненіями (въ особенности со времени высылки г-на *de la Chétardie*, о которой я буду говорить въ другомъ мѣстѣ): канцлеръ Бестужевъ нѣкоторымъ образомъ установилъ за правило, чтобъ не было почти никакихъ сношеній между Русскими домами и иностранными посланниками; онъ увѣрилъ Императрицу, что это необходимо. Но эти Азіятскіе принципы уже начинали терять свою силу.

Въ теченіе 1756 и 1757 мой дядя почти непрерывно хворалъ и могъ лишь очень рѣдко выѣзжать изъ дому. Императрица пріѣзжала къ нему за-просто ужинать разъ въ двѣ недѣли, и я имѣлъ случай видѣть вблизи ея красивую наружность. У ней было много ума, здо́роваго смысла, граціи и сердечной доброты.

Библиотека "Руниверс"

Моя старшая сестра была рѣдкой красоты; ей представлялось много блестящихъ партій, и ея руки искали такіе люди какъ графъ Иванъ Чернышовъ, Нарышкинъ, бывшій въ послѣдствіи оберъ-шталмейстромъ, князь Репнинъ и многіе другіе. Но она остановила свой выборъ на сынѣ фельдмаршала графѣ Бутурлинѣ, который влюбился въ нее и искалъ ея руки. Въ этомъ выборѣ не было ничего неприличнаго; однако онъ не пришелся по вкусу ни матери графа, ни моему отцу, потому что вдова фельдмаршала, желавшая для своего сына богатой невѣсты, знала, что приданое моей сестры состоитъ только изъ 30 или 40 тысячъ рублей, а мой отецъ желалъ выдать свою дочь за гр. Строгонова, который въ то время путешествовалъ. Отецъ этого графа былъ близкій пріятель моего отца и желалъ женить своего сына на моей сестрѣ; но непоколебимость двухъ влюбленныхъ заставила родителей согласиться на ихъ бракъ, и моя сестра сдѣлалась супругой гр. Бутурлина. А гр. Строгоновъ, по возвращеніи изъ своего путешествія, женился на моей двоюродной сестрѣ, единственной дочери канцлера. Этотъ брачный союзъ не былъ счастливъ и продолжался лишь нѣсколько лѣтъ, какъ это будетъ видно далѣе.

Я позабылъ сказать въ свое время, что дворъ переѣзжалъ въ 1753 въ Москву и оставался тамъ до Мая 1754, такъ какъ Императрица имѣла обыкновеніе ѣздить въ эту столицу разъ въ каждые три года и оставаться тамъ въ теченіе цѣлаго года. На этотъ разъ ея пріѣздъ въ Москву былъ послѣдній: политическія замѣшательства и вслѣдъ за тѣмъ война съ Пруссіей не позволили ей уѣзжать изъ Петербурга, и она кончила жизнь 25 Декабря 1761 еще до заключенія мира.

Эта Государыня, которую Россія обожала, такъ какъ никогда еще не обожала ни одного Государя, была встрѣчена въ Москвѣ изъявленіями всеобщей радости; изъ внутреннихъ провинцій собралось множество народа, и никогда еще не случалось видѣть въ Москвѣ такое многочисленное сборище. Но если она была любима, за то и она сама любила свой народъ. Всякій разъ во время пребыванія двора въ Москвѣ, по Воскресеньямъ, былъ пріемъ во дворцѣ; всѣ дамы благороднаго происхожденія, безъ различія чиновъ, имѣли право пріѣзжать во дворецъ и принимались съ той благосклонностью и любезностью, которыми отличалась Императрица. Въ *Слободѣ* она приказала выстроить для себя новый огромный дворецъ, вполнѣ соотвѣтствовавшій роскоши, которая господствовала при ея дворѣ.

Этотъ дворецъ сгорѣлъ въ Октябрѣ 1753 и обратился въ груды пепла. Я упоминаю объ этомъ происшествіи потому, что оно ясно доказало, какія необыкновенныя вещи могутъ дѣлаться въ Россіи: менѣе

Библиотека "Руниверс"

чѣмъ черезъ шесть мѣсяцевъ дворецъ былъ снова выстроенъ въ такихъ же широкихъ размѣрахъ, какъ старый и былъ меблированъ съ такою же роскошью. Тысячи рабочихъ трудились надъ этой постройкой, и работы производились при свѣтѣ факеловъ. Императрица переѣхала въ этотъ дворецъ на жительство 18 Декабря того же года, въ день своего рожденія, который тамъ и отпраздновала. Съ этого дня и до великаго поста при дворѣ давались два раза въ недѣлю костюмированные балы, на которые имѣло пріѣздъ все дворянство.

Съ 18 Декабря того же года Императрица стала по прежнему дружески относиться къ моему дядѣ, такъ какъ она узнала, что Бестужевъ клеветалъ на него съ цѣлію уронить его въ ея глазахъ. Она пожаловала ему одно изъ лучшихъ барскихъ имѣній въ Ливоніи, *Маріенбургъ*, гдѣ долго жила императрица Екатерина I. Разстройство дѣлъ и расходы на представительство, неизбѣжные при его должности, принудили моего дядю продать это имѣніе за 120 тыс. рубл. г-ну Фитингофу, который самъ говорилъ мнѣ, что онъ разбогатѣлъ главнымъ образомъ благодаря этой покупкѣ и что онъ не продастъ этого имѣнія даже за 800.000 рублей.

Въ Маѣ дворъ снова переѣхалъ въ Петербургъ. Этотъ переѣздъ въ лѣтнее время года былъ ускоренъ беременностью великой княгини, супруги наслѣдника престола. Послѣ того какъ ихъ бракъ былъ бездѣтенъ въ теченіе 9-ти лѣтъ, великая княгиня родила 20 Сентября 1754 г. сына, который былъ названъ при крещеніи Павломъ. Императрица, понимавшая всю важность этого событія, упрочивавшаго порядокъ престолонаслѣдія, была въ неописанномъ восторгѣ, равно какъ и вся Имперія....

Какъ бы то ни было, но императрица Елисавета взяла къ себѣ новорожденнаго, и онъ оставался при ней до самой ея смерти. Она чрезвычайно любила этого внука; по случаю его рожденія она осыпала и великаго князя, и великую княгиню великолѣпными подарками, состоявшими изъ драгоцѣнностей и денегъ, и въ теченіе слишкомъ цѣлаго года устроивались по этому поводу публичныя празднества. Кромѣ праздниковъ и маскарадовъ, дававшихся при дворѣ, маскарады давались почти всѣми вельможами, и Императрица удостоивала ихъ своимъ присутствіемъ. Между прочими у меня остался въ памяти маскарадъ въ домѣ любимца Императрицы камергера Шувалова, который продолжался 48 часовъ и на которомъ маски смѣнялись однѣ другими. У него въ то время была также устроена зеркальная иллюминація, которою всѣ восхищались. Лейбницъ справедливо замѣтилъ, что настоящее чревато будущимъ. Изъ числа тѣхъ, кто радовался рожденію Павла, развѣ кто-нибудь могъ бы повѣрить, что онъ радовался рожденію *ти-*

Библиотека "Руниверс"

рана,—какъ мы увидимъ это впослѣдствіи, когда я дойду до пагубнаго царствованія этого Государя?

1 Ноября 1755 случилась Лиссабонская катастрофа: почти весь этотъ городъ былъ разрушенъ землетрясеніемъ. Я упоминаю объ этомъ событіи, которое слишкомъ хорошо всѣмъ извѣстно, только потому, что Императрица вознамѣрилась послать королю Португальскому, съ которымъ впрочемъ не имѣла въ ту пору никакихъ сношеній, строевой лѣсъ для возведенія новыхъ городскихъ построекъ, желѣзо, нѣкоторые другіе матеріалы и нѣсколько тысячъ кулей муки. Все это предполагалось послать на транспортныхъ судахъ, конвоируемыхъ военнымъ судномъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ имѣли въ виду отправить какую нибудь высокопоставленную особу, которая передала бы это вспоможеніе королю Португальскому. Въ моемъ семействѣ желали, чтобъ я сопровождалъ ту особу, на которую будетъ возложено это порученіе; но мнѣ совершенно неизвѣстно, что воспрепятствовало исполненію этого великодушнаго намѣренія Императрицы. Можетъ быть, этому помѣшали приготовленія къ войнѣ и вооруженія, поглощавшія въ то время все вниманіе правительства.—Императрица, любившая заниматься постройками, докончила начатую ею постройку Царскосельскаго дворца, который отличался отмѣннымъ великолѣпіемъ, но не особымъ изяществомъ вкуса. Внѣшнія украшенія дворца состояли изъ позолоты и въ первое время придавали ему много блеска. Она также докончила Кронштатскій каналъ, начатый Петромъ Великимъ и предприняла постройку великолѣпнаго зданія для воспитанія дѣвицъ. Это то самое зданіе, гдѣ теперь помѣщается институтъ для благородныхъ дѣвицъ. Затѣмъ она приступила къ постройкѣ Зимняго дворца, который и въ настоящее время служитъ резиденціей для нашихъ государей. Этотъ дворецъ былъ уже готовъ въ то время какъ она скончалась, но она не успѣла переѣхать въ него. Его занялъ Петръ III. Въ то время у насъ былъ недостатокъ въ такихъ хорошихъ архитекторахъ, какихъ мы имѣли впослѣдствіи. Тотъ, которому Императрица поручила эту постройку, былъ Итальянецъ по имени Растрелли. Если у него и не было такого изящнаго вкуса, какой былъ бы желателенъ, за то онъ строилъ чрезвычайно прочно, не такъ какъ послѣ него строили въ Россіи.

При дворѣ великаго князя было много интригъ. Онъ сталъ пить и занимался только военною выправкою солдатъ, которыхъ ему позволили выписать изъ Голштиніи. Императрица, очень любившая своего племянника, была этимъ недовольна. Бестужевъ, еще съ 1746 года и въ эпоху своего всемогущества, старался, изъ своихъ личныхъ расчетовъ, поссорить тетку съ племянникомъ и даже внушить ей подозрѣнія

Библиотека "Руниверс"

на его счетъ; впрочемъ съ 1751 и 1752 годовъ вліяніе Бестужева очень ослабѣло. Императрицѣ, которая была отъ природы добра, онъ очень надоѣлъ своей подозрительностью, насильственными мѣрами и безпрестанными навѣтами на всѣхъ, кто ее окружалъ; но такъ какъ она, и не безъ основанія, имѣла высокое мнѣніе о способностяхъ этого министра, то, не смотря на свое отвращеніе къ нему, не только удержала его на службѣ, но и предоставила ему большое вліяніе на дѣла управленія. Замѣтивъ, что прежнее расположеніе къ нему Императрицы измѣнилось, Бестужевъ вдался въ новыя интриги, сошелся съ великой княгиней, а чрезъ ея посредство и съ ея мужемъ. Мы далѣе увидимъ, къ чему это повело.

Великая княгиня возбудила своими происками неудовольствіе Государыни. Впрочемъ она много занималась чтеніемъ и обогащеніемъ своего ума, и обходилась со всѣми любезно, тогда какъ ея супругъ, напротивъ того, былъ со всѣми грубъ. Можетъ быть, она тогда уже имѣла намѣреніе или надежду со временемъ вступить на престолъ. Покуда она старалась взять въ руки своего мужа.... Онъ постоянно имѣлъ любимицъ, и одна изъ заботъ великой княгини заключалась въ томъ, чтобъ эти любимицы были выбираемы ею и находились въ зависимости отъ нея.

Однако между ними нашлась такая, съ которой ей было трудно справиться; это была дѣвица Шафирова. Великая княгиня до того интриговала и пускала въ ходъ разныя хитрости, пока ей не удалось удалить Шафирову. Я вынужденъ упомянуть по этому поводу объ одномъ обстоятельствѣ, которое очень непріятно для моего семейства и которое имѣло грустныя послѣдствія, какъ это будетъ видно далѣе изъ этихъ Записокъ. Я уже говорилъ о томъ, что Государыня взяла ко двору двухъ моихъ сестеръ и что вторая изъ нихъ, графиня Елисавета, была помѣщена при великой княгинѣ въ качествѣ фрейлины. Великая княгиня, желая избавиться отъ Шафировой, вздумала замѣнить ее моею сестрою, которой было только 14 лѣтъ. Она интриговала до того, что ея мужъ влюбился въ мою сестру. Она поощряла эту связь; но, замѣтивъ въ 1756 году, что связь пускаетъ глубокіе корни, вздумала разорвать ее. Однако, не смотря на всѣ свои происки и интриги, она не достигла цѣли, потому что великій князь серьозно привязался къ моей сестрѣ, и эта связь, которую можно назвать платонической, продолжалась до низверженія Петра III съ престола.

Всѣ эти происки великой княгини очень не нравились ея мужу, поколебали супружеское между ними согласіе и ослабили вліяніе великой княгини на мужа. Однако положительно извѣстно, что моя сестра не принимала непосредственнаго участія въ раздорахъ, а напротивъ того

Библиотека "Руниверс"

дѣлала все что̀ могла, чтобъ угодить великой княгинѣ, которая не останавливалась ни передъ интригами, ни передъ навѣтами, чтобъ удалить ее отъ двора, но безуспѣшно. Впрочемъ великая княгиня нашла въ этомъ случаѣ сильную опору въ моемъ дядѣ, который былъ очень недоволенъ связью моей сестры съ великимъ княземъ, такъ какъ видѣлъ въ этомъ пятно для нашего семейства. Онъ пытался выдать ее за-мужъ, надѣясь этимъ способомъ удалить ее приличнымъ образомъ отъ двора. Но это ему не удалось, а Государыня, будучи недовольна своею племянницей, ея интригами и ея вліяніемъ на великаго князя, въ тайнѣ покровительствовала этой связи между моей сестрой и ея племянникомъ. Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что великая княгиня, противодѣйствуя наклонностямъ своего мужа, нисколько не стѣснялась въ своихъ собственныхъ....

Этой интригѣ много содѣйствовалъ Бестужевъ. Въ 1744 году, когда ему удалось удалить изъ Россіи г-на де-ла-Шетарди, онъ постоянно старался искоренить соединившіяся между собою партіи Французскую, Прусскую и Голштинскую. Въ этомъ случаѣ онъ, безъ сомнѣнія, оказалъ Россіи очень большую услугу, хотя и прибѣгалъ для достиженія этой цѣли къ мѣрамъ весьма суровымъ. Онъ приличнымъ образомъ удалилъ мать великой княгини, принцессу Цербскую, которая поддерживала эту партію и также старалась уронить великаго князя и великую княгиню во мнѣніи ихъ тетки, Императрицы.

Бестужевъ не ограничился тѣмъ, что положилъ конецъ опасному вліянію Французовъ и Пруссаковъ, но довелъ до того, что прекратилъ всякія сношенія сначала съ Франціей, а потомъ и съ Пруссіей. Посланники Русскій и Прусскій были взаимно отозваны. Конечно сношенія съ Пруссіей были прерваны отчасти и потому, что король Прусскій далъ къ этому поводъ своимъ нерасположеніемъ къ намъ и даже недостаточно вѣжливыми отношеніями къ самой Императрицѣ. Все это было поддержано Бестужевымъ и раздуто его интригами до того, что Императрица стала питать личную ненависть къ королю Прусскому, имѣвшую впослѣдствіи большое вліяніе на ходъ событій. Бестужевъ постарался установить для Россіи прочную систему политическихъ отношеній, которую онъ довольно успѣшно согласовалъ съ истинными ея интересами. Онъ заключилъ съ Вѣнскимъ дворомъ оборонительный союзъ, который, благодаря нѣкоторымъ секретнымъ статьямъ, въ сущности былъ наступательнымъ, и возстановилъ дружескія сношенія съ Англіей, такъ что, въ 1747 году, Россія послала 35-ти тысячный корпусъ на Рейнъ и тѣмъ ускорила заключеніе мира въ Ахенѣ.

Библиотека "Руниверс"

Въ то время Европа была раздѣлена на два лагеря. На одной сторонѣ были: Англія, Голландія, Саксонія и значительная часть Германскаго союза, которую императрица Марія Терезія и ея министерство умѣли привлечь на свою сторону, тогда какъ послѣ Іосифъ II съумѣлъ оттолкнуть ее отъ себя своими странными выходками. Сверхъ того Англія была въ союзѣ съ Португаліей и съ королемъ Сардинскимъ, не говоря уже о Даніи, которая, не смотря на неудовольствіе по поводу Голштинскихъ дѣлъ, все таки не примкнула къ Франціи. На другой сторонѣ были: Пруссія, Франція, Швеція и нѣкоторые Нѣмецкіе владѣтельные князья; сюда же можно отнести и Оттоманскую Порту, которая находилась въ ту пору подъ сильнымъ вліяніемъ Франціи. Испанія и Неаполь оставались внѣ этихъ комбинацій, хотя тамъ и царствовали государи изъ дома Бурбоновъ. Между дворами Французскимъ и Мадридскимъ существовала холодность въ теченіе всего царствованія Фердинанда VI, который подчинялся вліянію своей жены, принцессы Португальской, ненавидѣвшей Францію. Напротивъ того, Англія и Австрійскій царствующій домъ, хотя и не были связаны съ Испаніей и съ Неапольскимъ дворомъ никакими союзными трактатами, находились въ очень хорошихъ отношеніяхъ къ этимъ двумъ правительствамъ.

Послѣ заключенія Ахенскаго мира, Прусскій король, опасаясь сближенія между двумя императорскими дворами, не только не уменьшилъ своей арміи, а напротивъ того прибавилъ къ ней нѣсколько полковъ и тѣмъ поставилъ Вѣнскій дворъ въ необходимость также содержать многочисленную армію. Съ своей стороны и Россія увеличила размѣры своихъ военныхъ силъ: къ каждому пѣхотному полку было прибавлено по одному новому батальону, и были сформированы тѣ полки гренадеръ, которые впослѣдствіи такъ отличились. Для того ли, чтобъ наблюдать за королемъ Прусскимъ или для того, чтобъ причинять ему безпокойство, Бестужевъ убѣдилъ Императрицу, что намъ необходимо постоянно держать стотысячную армію въ Лифляндіи, Эстляндіи, Курляндіи и Псковской губерніи. Какъ объ этихъ событіяхъ, такъ и о политикѣ нашего кабинета я буду говорить болѣе подробно въ замѣткахъ, которыя я предполагаю писать о царствованіи императрицы Елисаветы. Поэтому я ограничусь здѣсь замѣчаніемъ, что Россія никогда не имѣла такихъ многочисленныхъ армій, какъ въ началѣ войны съ Пруссіей.

Бестужевъ уже не пользовался прежнимъ довѣріемъ Императрицы и не имѣлъ на нее прежняго вліянія, потому что надоѣлъ ей безпрестанными интригами и навѣтами; но такъ какъ она была высокаго мнѣнія о его способнастяхъ, то и продолжала оказывать ему довѣ-

Библиотека "Руниверс"

ріе въ томъ, что касалось государственныхъ дѣлъ, и можно сказать, что онъ не переставалъ руководить политикой нашего кабинета до той самой минуты, когда онъ впалъ въ немилость, что̀ случилось въ 1758 году. Видя, что онъ утрачиваетъ прежнее милостивое расположеніе Императрицы, онъ присталъ къ великой княгинѣ, а чрезъ нее и къ великому князю.

Въ концѣ 1755 или въ началѣ 1756 гг. Императрица учредила подъ именемъ Конференціи постоянный совѣтъ, собиравшійся во дворцѣ два раза въ недѣлю. Она сама нерѣдко присутствовала на этихъ совѣщаніяхъ и рекомендовала не только не допускать увеличенія Прусскаго могущества, но пользоваться всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобъ его ослабить и ввести въ надлежащія границы, и съ этой цѣлію поддерживать и даже скрѣплять дружескія связи между двумя императорскими дворами и Англіей.

Императрица предоставила этой Конференціи очень большую власть и назначила въ нее докладчикомъ знаменитаго Волкова, который прежде служилъ подъ начальствомъ Бестужева и котораго этотъ министръ осыпалъ благодѣяніями. Утверждаютъ, будто Волковъ впослѣдствіи сталъ на сторону враговъ Бестужева и отплатилъ ему за добро самой низкой неблагодарностью. Членами совѣта были: канцлеръ и вице-канцлеръ, братъ канцлера графъ Бестужевъ, бывшій посланникомъ въ Вѣнѣ, графы Петръ и Александръ Шуваловы, графъ Бутурлинъ, бывшій впослѣдствіи фельдмаршаломъ, генералъ-прокуроръ князь Трубецкой, адмиралъ Голицынъ и генералъ Апраксинъ.

Въ теченіе 1755 г. между Англіей и Франціей произошла размолвка по поводу границъ Канады и возникли опасенія общей войны, которая, дѣйствительно, вспыхнула вскорѣ вслѣдъ за тѣмъ.

Франція, знавшая, какъ Англійскій король Георгъ II привязанъ къ своимъ наслѣдственнымъ владѣніямъ въ Германіи, дала почувствовать, что, въ случаѣ войны, она намѣрена напасть на нихъ и въ этихъ видахъ послала въ Берлинъ герцога Ниверну для переговоровъ съ Прусскимъ королемъ, на дружбу котораго она разсчитывала. Съ своей стороны и Лондонскій дворъ не остался въ бездѣйствіи: онъ завелъ переговоры съ двумя императорскими дворами,—съ Вѣнскимъ о томъ, чтобъ отправленъ былъ значительный отрядъ войскъ въ Нидерланды, а съ Россіей о томъ, чтобъ она обязалась договоромъ за денежное пособіе защищать курфиршество Ганноверское. Съ этой цѣлію пріѣхалъ посланникомъ въ Россію кавалеръ Вильямсъ, и трактатъ былъ подписанъ, не смотря на упорное сопротивленіе со стороны многихъ и въ особенности со стороны моего дяди вице-канцлера. Вліяніе, которое сохранилъ Бестужевъ на государственныя дѣла, одержало верхъ,

Библиотека "Руниверс"

и Императрица приказала подписать этотъ договоръ. Лишь только онъ былъ подписанъ, какъ тотчасъ произошелъ достопамятный переворотъ въ политикѣ Европейскихъ кабинетовъ, котораго Бестужевъ, конечно, не могъ предвидѣть. Этотъ фактъ будетъ изложенъ мною съ бо̀льшими подробностями въ моихъ замѣткахъ о царствованіи императрицы Елисаветы.

Король Прусскій, встревоженный этимъ новымъ договоромъ съ Англіей и въ особенности близостью нашихъ войскъ къ его границамъ, а также хорошо знавшій, что, заключая этотъ договоръ, Англійскій король не имѣлъ иной цѣли кромѣ безопасности своихъ наслѣдственныхъ владѣній въ Германіи, предложилъ Лондонскому двору заключить съ нимъ договоръ, въ силу котораго Берлинскій дворъ обязался бы воспротивиться всякому вступленію иностранныхъ войскъ въ Германію, а слѣдовательно и вступленію Французовъ въ курфиршество Ганноверское. Этимъ способомъ Англійскій король достигалъ своей цѣли касательно безопасности своего курфиршества, а Берлинскій дворъ достигалъ отмѣны нашего трактата съ Лондонскимъ дворомъ касательно субсидій. Переговоры по этому предмету велись въ такой тайнѣ и съ такой быстротой, что другіе кабинеты узнали о нихъ только тогда, когда договоръ уже былъ подписанъ, то есть, сколько могу припомнить, въ началѣ 1756 г. Но эти два короля, надѣявшіеся взаимно обезпечить себя такимъ трактатомъ, не были въ состояніи предусмотрѣть, что неудовольствіе ихъ союзниковъ можетъ привести къ совершенному измѣненію Европейской системы. Дѣйствительно, оба императорскіе двора не скрывали своего неудовольствія по поводу такого двоедушія Лондонскаго правительства, а Франція также не стѣснялась въ выраженіяхъ негодованія по поводу образа дѣйствій короля Прусскаго.

Съ свойственной имъ горячностью и отсутствіемъ мѣры, Французы громко жаловались на неблагодарность Пруссаковъ и считали поступокъ Прусскаго короля за настоящую измѣну. Неудовольствіе Версальскаго кабинета дошло до того, что онъ обнаружилъ готовность вступить въ союзъ съ Австрійскимъ царствующимъ домомъ, считавшимся со временъ кардинала Ришелье за соперника Франціи.

Въ то время въ Вѣнѣ былъ во главѣ управленія одинъ изъ самыхъ великихъ министровъ, какихъ когда либо видала Европа: всякій пойметъ, что я разумѣю князя Кауница. Онъ былъ убѣжденъ, что интересы Австрійскаго Дома уже не тѣ, какими они были во временя кардинала Ришелье и Лудовика XIV и въ то время, когда Испанскій престолъ былъ занятъ боковою вѣтвью Австрійской; онъ находилъ, что

Библиотека "Руниверс"

соперничество между царствующими домами Австріи и Франціи очень ослабѣло, что ихъ взаимные интересы измѣнились, что настоящей соперницей Франціи была Англія, а настоящей соперницей Австріи—образовавшееся внутри самой Германіи могущественное государство, а именно Пруссія, и что хотя Россія и Австрія одинаково должны желать ослабленія Пруссіи, однако онѣ никогда не достигнутъ этой цѣли, если Франція будетъ противъ нихъ. И такъ онъ очень ловко воспользовался неудовольствіемъ Версальскаго кабинета противъ Прусскаго короля и въ особенности добрымъ расположеніемъ г-жи Помпадуръ, чтобъ сблизиться съ Франціей. Вскорѣ вслѣдъ за тѣмъ эти два двора подписали трактатъ о нейтралитетѣ въ Американской войнѣ, а за тѣмъ въ очень непродолжительномъ времени заключили даже договоръ о союзѣ и дружбѣ, къ великому удивленію всѣхъ Европейскихъ кабинетовъ.

Тѣмъ временемъ между Англіей и Франціей вспыхнула война изъ-за спорныхъ вопросовъ касательно границъ ихъ владѣній въ Америкѣ. Сначала Франція имѣла блестящій успѣхъ, она тотчасъ завладѣла островомъ Миноркою, а ея эскадры не уклонялись отъ встрѣчъ съ Англійскими; но это продолжалось не долго, и морская кампанія была очень несчастлива для Франціи.

Послѣ сближенія съ Вѣнскимъ дворомъ, въ Версали стали помышлять и о возобновленіи сношеній съ Россіей, совершенно прерванныхъ съ 1748 года.

Французское министерство сдѣлало попытку въ этомъ направленіи, отправивъ въ Петербургъ тайнаго коммисара для развѣдокъ. Это былъ кавалеръ Дугласъ, потомокъ одного изъ приверженцевъ дома Стюартовъ, семейство котораго поселилось во Франціи; но такъ какъ въ Версалѣ были убѣждены, что этотъ коммисаръ встрѣтитъ сильное противодѣйствіе со стороны канцлера Бестужева, котораго считали приверженцемъ Англійской системы и очень дурно расположеннымъ къ Версальскому двору, то Французское министерство нашло болѣе умѣстнымъ направить его къ вице-канцлеру *) и къ одному поселившемуся въ Петербургѣ Французскому негоціанту, по имени Мишелю, нѣсколько разъ передъ тѣмъ ѣздившему во Францію.

Будучи снабженъ рекомендаціями и вѣрительнымъ письмомъ отъ министра иностранныхъ дѣлъ къ вице-канцлеру, кавалеръ Дугласъ по пріѣздѣ въ Петербургъ явился къ этому послѣднему черезъ посредничество негоціанта Мишеля. Вице-канцлеръ тотчасъ доложилъ объ этомъ Государынѣ, которая съ удовольствіемъ узнала объ этихъ заискива-

*) Т.-е. къ графу М. Л. Воронцову.

Библиотека "Руниверс"

ніяхъ со стороны Франціи и приказала ему вести переговоры съ Дугласомъ, но такъ, чтобъ это дѣлалось втайнѣ отъ Бестужева и безъ его вѣдома. Объ этихъ переговорахъ знали только любимецъ Государыни камергеръ Шуваловъ и членъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ Олсуфьевъ, на котораго была возложена канцелярская работа. Видя, что въ исполненіи своей задачи онъ не встрѣчаетъ никакихъ затрудненій (что́ было натуральнымъ послѣдствіемъ соглашенія, состоявшагося безъ нашего вѣдома между Англіей и Пруссіей), кавалеръ Дугласъ заявилъ, что, для соблюденія взаимной вѣжливости между двумя дворами, Россія должна бы также послать кого нибудь въ Версаль и что такъ какъ самъ онъ снабженъ, въ качествѣ повѣреннаго въ дѣлахъ, вѣрительнымъ письмомъ, то и Русскій уполномоченный долженъ бы отправиться въ Парижъ съ такимъ же письмомъ къ Французскому министерству. Императрица уважила это заявленіе и избрала для такого порученія г-на Бехтеева, состоявшаго при моемъ дядѣ и управлявшаго его канцеляріей. Онъ секретно выѣхалъ изъ Петербурга съ вѣрительнымъ письмомъ отъ вице-канцлера къ Французскому министру иностранныхъ дѣлъ, г-ну Рулье. Такъ какъ переговоры уже значительно подвинулись впередъ и въ публикѣ стали ходить по ихъ поводу различные толки, то Государыня приказала вице-канцлеру сообщить Бестужеву о положеніи переговоровъ для того, чтобъ и онъ съ своей стороны содѣйствовалъ ихъ успѣху. Тогда кавалеръ Дугласъ былъ представленъ Бестужеву, который, какъ разсказываютъ, былъ внѣ себя отъ огорченія: это было первое важное дѣло, затѣянное помимо его.

Вслѣдъ за тѣмъ Русскій и Французскій уполномоченные были оффиціально признаны въ этихъ званіяхъ. Дугласъ былъ представленъ въ этомъ званіи Императрицѣ, а Бехтеевъ Французскому королю въ Версали. Чрезъ нѣсколько времени послѣ того оба двора обмѣнялись деклараціями, въ которыхъ они обязывались назначить въ одинъ и тотъ же день своихъ посланниковъ, и дѣйствительно 5 Сентября 1756 Лопиталь былъ возведенъ Французскимъ королемъ на такой постъ, а графъ Бестужевъ, братъ канцлера, былъ назначенъ посланникомъ во Францію. Этотъ графъ Бестужевъ былъ чрезвычайно опытенъ въ дѣлахъ, такъ какъ онъ вступилъ на политическое поприще еще въ послѣдніе годы царствованія Петра Великаго. Шла рѣчь о томъ, чтобъ отправить и меня въ числѣ тѣхъ, кто долженъ былъ сопровождать графа Бестужева; но мнѣ неизвѣстно, что́ этому помѣшало.

Между тѣмъ я по прежнему бывалъ въ большомъ свѣтѣ и посѣщалъ лучшіе дома. У моего дяди я бывалъ почти каждый день; тамъ я пріобрѣлъ расположеніе къ государственнымъ дѣламъ и незамѣтнымъ

Библиотека "Руниверс"

образомъ привыкалъ къ нимъ. Я также часто бывалъ у любимца Государыни камергера Шувалова, который, будучи въ дружбѣ съ моимъ семействомъ, принималъ меня любезно и позволялъ мнѣ пользоваться книгами изъ его библіотеки, очень хорошей, что̀ въ Россіи было рѣдкостью.

Ожидали, что описанный переворотъ въ политикѣ Европейскихъ кабинетовъ, а также война между Англіей и Франціей вызовутъ войну на континентѣ; это казалось тѣмъ болѣе вѣроятнымъ, что главныя державы уже были къ ней готовы. Прусскій король началъ первый. Будучи убѣжденъ, что два императорскихъ двора и Дрезденскій дворъ составили союзъ съ цѣлію напасть на него въ будущемъ году соединенными силами, онъ счелъ своимъ долгомъ предупредить ихъ: вступилъ въ Августѣ 1756 въ Саксонію, овладѣлъ этимъ курфиршествомъ и въ тоже время объявилъ войну Австріи. Овладѣвъ Дрезденомъ, Прусскій король нашелъ въ тамошнемъ архивѣ иностранныхъ дѣлъ одну бумагу съ объяснительными документами и опубликовалъ ее, съ цѣлью доказать, что дѣйствительно дворы Петербургскій, Вѣнскій и Дрезденскій составили противъ него союзъ и что, начавъ военныя дѣйствія, онъ только предупредилъ своихъ враговъ.

Лишь только Государыня узнала о вторженіи Прусаковъ въ Саксонію, она объявила, что исполнитъ свои обязательства по отношенію къ дворамъ Вѣнскому и Дрезденскому и поможетъ имъ всѣми своими силами. Вскорѣ послѣ того стотысячная армія получила приказаніе готовиться къ выступленію, и главное командованіе надъ нею поручено фельдмаршалу Апраксину.

Французское посольство въ Петербургѣ, съ Лопиталемъ во главѣ, отличалось необыкновеннымъ великолѣпіемъ (я упоминаю объ этомъ обсто̀ятельствѣ потому, что оно имѣло большое вліяніе на многія событія моей жизни). Императрицѣ очень понравился этотъ блескъ, а также манеры и тонъ маркиза Лопиталя. Его свита была очень многочисленна: онъ имѣлъ при себѣ, кромѣ секретаря посольства, четырехъ секретарей, столько же священниковъ, докторовъ, хирурговъ и берейторовъ и сверхъ того шестерыхъ молодыхъ людей изъ аристократическихъ семействъ, въ качествѣ состоящихъ при посольствѣ кавалеровъ. Жилъ онъ очень роскошно и держалъ въ нѣкоторомъ родѣ открытый столъ. Онъ часто бывалъ у моего дяди вице-канцлера, встрѣчался тамъ со мной и пригласилъ меня посѣщать его, на что мой дядя далъ мнѣ позволеніе. Послѣ того какъ я побывалъ у него нѣсколько разъ и много разговаривалъ съ нимъ, онъ сталъ хвалить меня моему дядѣ и предложилъ ему послать меня во Францію. Онъ сказалъ дядѣ, что недавно открыто въ Версали отличное заведеніе, находящее-

Библиотека "Руниверс"

ся подъ особымъ покровительствомъ короля, а именно школа *chevaux légers*, что тамъ воспитываются сыновья самыхъ знатныхъ Французскихъ вельможъ и высшаго дворянства, что хотя туда и не принимаются иностранцы, но онъ нисколько не сомнѣвается въ томъ, что король дозволитъ мнѣ поступить туда, а потому предлагалъ написать объ этомъ своему двору, если мой дядя захочетъ. Черезъ два мѣсяца Лопиталь получилъ въ отвѣтъ на свое письмо увѣдомленіе отъ Французскаго министра иностранныхъ дѣлъ аббата де-Берни, что король съ удовольствіемъ дастъ приказаніе принять въ школу *chevaux légers* племянника Русскаго вице-канцлера.

Это предложеніе пришлось моему дядѣ очень по вкусу; онъ доложилъ объ этомъ Императрицѣ и получилъ отъ нея разрѣшеніе послать меня туда. Въ эту пору Императрица часто пріѣзжала запросто ужинать къ моему дядѣ и почти каждый разъ встрѣчалась тамъ съ посланниками Вѣнскимъ и Французскимъ. Лопиталь, какъ сама Императрица разсказывала моему дядѣ, говорилъ ей о моемъ помѣщеніи въ школу *chevaux légers* и вмѣстѣ съ тѣмъ отзывался обо мнѣ съ похвалой. Мой дядя и мой отецъ занялись приготовленіями къ моему отъѣзду, а Императрица была такъ добра, что приказала дать мнѣ рескриптъ къ нашему посланнику во Франціи Бестужеву съ порученіемъ устроить мое вступленіе въ помянутую школу и пещись обо мнѣ.

Я могу сказать, что этотъ отъѣздъ во Францію имѣлъ большое вліяніе на складъ моего ума, такъ какъ онъ способствовалъ моему умственному развитію и еще усилилъ мою склонность къ дѣловымъ занятіямъ. Мой дядя очень интересовался мною и всѣмъ, что́ касалось моего образованія, и я могу сказать, что въ этомъ отношеніи онъ былъ для меня настоящимъ отцемъ.

Въ концѣ Августа 1757, было получено въ Царскомъ Селѣ, гдѣ жила Императрица, извѣстіе о побѣдѣ, одержанной Апраксинымъ надъ Пруссаками, предводимыми фельдмаршаломъ Левальдомъ. Императрица была чрезвычайно огорчена понесенными потерями въ людяхъ. Ея искреннее, а не поддѣльное человѣколюбіе было глубоко затронуто, и это повторялось впослѣдствіи при каждомъ извѣстіи о новой побѣдѣ. Она очень сожалѣла о генералѣ Лопухинѣ, погибшемъ въ помянутомъ сраженіи геройскою смертью. Вслѣдствіе ли упадка силъ, вызваннаго этими душевными потрясеніями или вслѣдствіе сильнаго истерическаго припадка, съ ней случился за обѣдней въ Царскосельской церкви довольно сильный обморокъ, продолжавшійся нѣсколько минутъ. Сначала думали, что это апоплексическій ударъ, но это была

Библиотека "Руниверс"

падучая болѣзнь *) или истерическій припадокъ, вызванный ея чрезмѣрной чувствительностью. Какъ бы то ни было, но это горестное происшествіе имѣло большое вліяніе на ея остальную жизнь; оно много повредило ея здоровью, а изъ опасенія, чтобъ оно не повторилось при публикѣ, она стала рѣже показываться въ пріемные дни при дворѣ, хотя, по возвращеніи въ Петербургъ въ Октябрѣ, она вела прежній образъ жизни и ложилась очень поздно. Она также по прежнему ѣздила къ моему дядѣ, и часто встрѣчалась тамъ съ Эстергази и съ Лопиталемъ.

Этотъ несчастный обморокъ Императрицы вызвалъ при дворѣ много тревогъ и интригъ. Между придворными нашлись перебѣжчики, которые увѣдомили о случившемся великаго князя и великую княгиню, жившихъ въ то время въ Ораніенбаумѣ. Эта послѣдняя стала сильно интриговать сообща съ Бестужевымъ. Ихъ происки дошли до того, что министръ, связавшій свои интересы съ интересами великой княгини, какъ утверждаютъ, задумалъ, въ случаѣ смерти Императрицы, лишить ея племянника наслѣдственнаго права на престолъ, провозгласить императоромъ его сына великаго князя Павла, которому было только три года, учредить совѣтъ регентства и назначить великую княгиню правительницей. Увѣряютъ даже, будто онъ приготовилъ бумагу, которую онъ хотѣлъ обманнымъ образомъ подать къ подписи Императрицы вмѣстѣ съ другими бумагами. Увѣряютъ также, будто его пріятель фельдмаршалъ Апраксинъ участвовалъ въ заговорѣ и частію по этой причинѣ отступилъ съ своей арміей изъ Пруссіи, гдѣ она въ то время находилась, въ Курляндію.

Какъ бы то ни было, но Императрица скоро узнала и объ этой интригѣ, и объ участіи въ ней великой княгини; многіе даже увѣряли, будто въ то время былъ поднятъ вопросъ объ отсылкѣ великой княгини въ Германію, на что великій князь вѣроятно согласился бы, такъ какъ онъ также зналъ о заговорѣ, составленномъ его супругою вмѣстѣ съ Бестужевымъ съ цѣлію лишить его Русскаго престола. Что касается Бестужева, то, какъ мы увидимъ далѣе, онъ очень скоро впалъ въ немилость, разразившуюся надъ нимъ въ самой рѣзкой формѣ.

Въ концѣ 1757 года, великая княгиня разрѣшилась отъ бремени принцессой, которой было дано имя Анны. По этому поводу не было ни праздниковъ, ни увеселеній...... Новорожденная прожила только одинъ годъ. Можно сказать, что ея кончина предотвратила большой скандалъ......

---

*) Эту болѣзнь имѣлъ и Петръ Великій. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

Я готовился къ отъѣзду во Францію; но мой дядя и мой отецъ желали, чтобъ я не уѣзжалъ до свадьбы моей сестры и моей двоюродной сестры; первая изъ этихъ свадебъ дѣйствительно состоялась 14 или 15 Февраля 1758 года. Наканунѣ того дня, Бестужева постигла немилость. Императрица приказала созвать совѣтъ или конференцію, и канцлеръ былъ приглашенъ явиться туда. Когда онъ прибылъ, въ одной изъ сосѣднихъ комнатъ уже былъ на-готовѣ капитанъ гвардіи съ отрядомъ гвардейцевъ. Непримиримый врагъ графа Бестужева, фельдмаршалъ князь Трубецкой взялся возвѣстить ему о его немилости и исполнилъ это съ чрезвычайной грубостью: онъ собственными руками сорвалъ съ Бестужева Андреевскую ленту. Это крайне оскорбило другихъ членовъ совѣта и въ особенности моего дядю, который не принималъ никакого участія во всемъ, что̀ касалось этой немилости. Послѣ того было дано гвардейскому капитану приказаніе отвезти Бестужева домой, окруживъ его карету отрядомъ гвардейцевъ; а въ домѣ Бестужева уже находилась стража, которая должна была содержать его подъ арестомъ. Гвардейскій маіоръ Нащокинъ, который пользовался довѣріемъ Императрицы и былъ креатурой фельдмаршала Трубецкаго, получилъ приказаніе оставаться при разжалованномъ министрѣ; между тѣмъ на всѣ бумаги Бестужева были наложены печати. Императрица назначила трехъ коммиссаровъ, которые должны были разслѣдовать всѣ поступки Бестужева и представить ей о томъ донесеніе. Этими коммиссарами были: фельдмаршалъ Трубецкой, фельдмаршалъ Бутурлинъ и великій государственный инквизиторъ графъ Александръ Шуваловъ.

Вскорѣ вслѣдъ за тѣмъ состоялась свадьба моей двоюродной сестры, дочери вице-канцлера, съ графомъ Строгоновымъ. Согласно съ установленнымъ обычаемъ, родственники и нѣкоторыя высокопоставленныя особы собрались наканунѣ дня свадьбы въ домѣ моего дяди, гдѣ было выставлено приданое невѣсты. Тутъ были также посланники Вѣнскій и Французскій, а потомъ неожиданно пожаловала сама Императрица и благосклонно объявила, что она пріѣхала на эту церемонію въ качествѣ родственницы. Ея величество была очень весела, и не только осталась ужинать, но и провела тамъ весь вечеръ до трехъ часовъ утра.

Послѣ свадьбы моей двоюродной сестры занялись моимъ отъѣздомъ; но онъ замедлился на нѣсколько дней по той причинѣ, что мнѣ приходилось ожидать пріема при дворѣ для того, чтобъ откланяться Императрицѣ. Любимецъ Государыни камергеръ Шуваловъ доложилъ ей объ этомъ, и она приказала ему ввести меня въ ея внутренніе покои для того, чтобъ я могъ откланяться ей.

Библиотека "Руниверс"

Мой дядя, очень заботившійся обо всемъ, что̀ касалось моего отъѣзда, снабдилъ меня отеческими наставленіями, какъ я долженъ себя вести, далъ мнѣ рекомендательныя письма съ нашимъ посланникамъ въ Варшавѣ и Вѣнѣ, которыя я долженъ былъ проѣзжать, и въ особенности горячо рекомендовалъ своему другу Русскому посланнику въ Парижѣ графу Бестужеву, попеченію котораго онъ меня всецѣло поручалъ. Онъ также далъ мнѣ письма въ Ригу и къ нашимъ генераламъ въ Пруссію, черезъ которую лежалъ мой путь.

Здѣсь кончается первая часть замѣтокъ о моей жизни.

Часть вторая.

Простившись съ моими родными, я выѣхалъ изъ Петербурга, сколько могу припомнить, 27 или 28 Февраля 1758 года. Мое семейство имѣло ко мнѣ достаточно довѣрія, чтобъ не назначать никакого ко мнѣ гувернёра для сопровожденія меня до Парижа. Мнѣ шелъ тогда семнадцатый годъ; но я могу сказать, что мое поведеніе во время пути оправдало довѣріе моихъ родныхъ, такъ какъ я ни разу не впалъ въ тѣ увлеченія, которыя такъ свойственны молодымъ людямъ моихъ лѣтъ.

Въ ту минуту, какъ я прощался съ батюшкой, онъ выразилъ мнѣ желаніе, чтобъ, проѣзжая черезъ Нарву, я побывалъ у фельдмаршала Апраксина, задержаннаго въ этомъ городѣ по именному повелѣнію Императрицы.

Батюшка прибавилъ къ этому, что хотя онъ никогда не былъ въ близкихъ сношеніяхъ съ фельдмаршаломъ, дружба котораго съ Бестужевымъ всѣмъ была извѣстна, однако онъ всегда былъ доволенъ его обхожденіемъ; а такъ какъ Апраксинъ находился въ немилости, то мой отецъ находилъ, что приличіе требуетъ, чтобъ я навѣстилъ его и передалъ ему привѣтствіе отъ моего отца. Названный фельдмаршалъ, какъ я узналъ, хотя и не находился подъ арестомъ, но состоялъ подъ надзоромъ одного лица, присланнаго по выбору и по приказанію Императрицы. Этимъ надзирателемъ былъ Суворовъ, ординарецъ ея величества, служившій въ лейбъ-кампаніи. Фельдмаршалъ былъ нѣсколько разъ подвергаемъ допросу великимъ инквизиторомъ графомъ Александромъ Шуваловымъ, нарочно пріѣзжавшимъ для этого изъ Петербурга. Обвиненія, которыя возводились на него и по поводу которыхъ его допрашивали, заключались между прочимъ въ томъ, что онъ отступилъ послѣ одержанной имъ побѣды и затѣмъ совершенно очистилъ Пруссію, кромѣ города Мемеля; его допрашивали также о связи, ко-

Библиотека "Руниверс"

торая могла существовать между такимъ образомъ дѣйствій и проектами канцлера Бестужева.—Я прибылъ въ Нарву на другой день послѣ моего отъѣзда изъ Петербурга и остановился у одного изъ главныхъ мѣстныхъ негоціантовъ по имени Гетта, который былъ знакомъ съ моими родными и который приготовилъ для меня помѣщеніе въ своемъ домѣ. Этотъ маленькій городокъ произвелъ на меня впечатлѣніе тѣмъ, что онъ весь выстроенъ изъ камня. Отдохнувъ немного, я отправился къ фельдмаршалу Апраксину, жившему въ самомъ большомъ домѣ, какой тогда былъ въ городѣ. Онъ удержалъ при себѣ свой штабъ, и сверхъ того съ нимъ жили его жена и его дочь, вышедшая впослѣдствіи за мужъ за Талызина. Понятно, что Суворовъ также находился при немъ и жилъ въ одномъ съ нимъ домѣ. Фельдмаршалъ очень хорошо принялъ меня, много распрашивалъ о моемъ отцѣ и моемъ дядѣ и оставилъ меня ужинать. Хотя всѣмъ были извѣстны его близкія отношенія къ бывшему канцлеру Бестужеву; но онъ, по свойственной придворнымъ и свѣтскимъ людямъ слабости, очень дурно отзывался, во время ужина, о впавшемъ въ немилость министрѣ, и даже жаловался, что въ послѣднее время выносилъ отъ него притѣсненія.

На другой день я выѣхалъ изъ Нарвы и, послѣ нѣсколькихъ дней путешествія, прибылъ въ Ригу, имѣя при себѣ рекомендательныя письма отъ моего дяди къ исправлявшему должность Рижскаго губернатора Воейкову и къ главнымъ членамъ мѣстнаго правленія, какъ то къ Кампенгаузену и Фитингофу. Всѣ они приняли меня очень хорошо, и я часто бывалъ у нихъ. Кампенгаузенъ былъ очень уменъ, очень образованъ и хорошо знакомъ съ дѣлами мѣстнаго управленія. Его бесѣда была очень поучительна. Я былъ очень доволенъ и моимъ пребываніемъ въ Ригѣ и тономъ, который тамъ господствовалъ, и порядкомъ, который я замѣтилъ въ городѣ. Я также сдѣлалъ визитъ начальнику города, имѣвшему очень величественную наружность. Однако я долженъ былъ покинуть этотъ городъ, хотя проводилъ тамъ время очень пріятно.

На другой день я прибылъ въ Митаву, гдѣ было много нашихъ войскъ и множество офицеровъ генеральнаго штаба. И тамъ я былъ очень хорошо принятъ высшими мѣстными властями. Митава очень похожа на нашъ Васильевскій островъ; въ ней, но такъ какъ въ Ригѣ, много деревянныхъ домовъ. Я засталъ въ Митавѣ Самарина и его жену; онъ состоялъ при моемъ дядѣ и былъ прикомандированъ къ нему Императрицей при самомъ вступленіи ея на престолъ для исполненія какихъ-то обязанностей, похожихъ на обязанности адъютанта. Въ Курляндію Самаринъ былъ посланъ Императрицей съ порученіемъ касательно заготовленія припасовъ для арміи, которая должна была дѣйствовать

Библиотека "Руниверс"

противъ Прусскаго короля. Г-нъ и г-жа Самарины пригласили меня остаться нѣсколько лишнихъ дней въ Митавѣ и возили меня на вечера, гдѣ я могъ видѣть цвѣтъ Курляндскаго дворянства.

Послѣ отъѣзда изъ Митавы я останавливался въ имѣніи г-жи Кейзерлингъ, супруги нашего посланника при Вѣнскомъ дворѣ. Я встрѣтился тамъ съ третьимъ сыномъ Польскаго короля, принцемъ Карломъ Саксонскимъ. Онъ отправлялся съ очень многочисленной свитой въ Петербургъ, чтобъ представиться Императрицѣ. Въ его свитѣ было много Польскихъ вельможъ, и въ томъ числѣ Браницкій, который впослѣдствіи женился на племянницѣ князя Потемкина. Принцъ Карлъ принялъ меня очень хорошо и, если не ошибаюсь, далъ мнѣ письмо къ королю, своему отцу.

Выѣхавши изъ имѣнія г-жи Кейзерлингъ, я прибылъ въ Либаву, портовой городъ въ Курляндіи, гдѣ теперь ведется обширная торговля, и переночевалъ у тайнаго совѣтника Мирбаха, который очень хорошо меня принялъ. Онъ пользовался большимъ вліяніемъ въ Курляндіи и въ то время былъ, повидимому, преданъ нашему двору. Потомъ онъ интриговалъ противъ насъ и сталъ во главѣ партіи враждебной къ герцогу Бирону, котораго мы поддерживали. Этотъ Мирбахъ былъ очень умный и очень образованный четовѣкъ, а Ховенъ, услугами котораго мы въ послѣднее время часто пользовались въ Курляндскихъ дѣлахъ и который обладалъ способностями и знаніями, былъ его племянникъ и ученикъ.

Разставшись съ Мирбахомъ, я прибылъ въ Мемель, гдѣ находился Русскій гарнизонъ. Оттуда я черезъ три дня прибылъ въ столицу Пруссіи Кенигсбергъ. Дорога, идущая вдоль морскаго берега, очень песчана, такъ что пришлось ѣхать шагомъ; на разстояніи 18 нескончаемыхъ Нѣмецкихъ миль было только три пристанища для путешественниковъ, и тѣ очень плохія. На берегу моря находятъ въ большомъ количествѣ янтарь.

Пруссія была въ ту пору вся занята нашими войсками. Императрица, желая загладить прискорбныя послѣдствія кампаніи фельдмаршала Апраксина, приказала арміи выступить въ походъ зимой, и занять Пруссію, для того чтобъ наши войска, находясь уже на берегахъ Вислы и вблизи отъ Данцига, могли вступить въ началѣ весны 1758 въ Мархію и въ Прусскую Померанію. Эти предначертанія Императрицы были приведены въ исполненіе съ полнымъ успѣхомъ. Главный начальникъ нашей арміи гр. Ферморъ овладѣлъ Пруссіей, не встрѣтивъ ни малѣйшаго сопротивленія и былъ назначенъ ея генералъ-губернаторомъ. Изъ чувства человѣколюбія Императрица приказала дать всѣмъ солдатамъ, на время этой зимней кампаніи, шубы и мѣховыя

Библиотека "Руниверс"

шапки, такъ что, не смотря на холодъ, мы потеряли во время переходовъ очень мало людей.

Графъ Ферморъ, вступивъ въ управленіе Пруссіей, принялъ мѣры для соблюденія строгой дисциплины и сдѣлалъ очень разумныя распоряженія касательно внутренняго управленія этой провинціи, такъ что, когда я прибылъ въ Пруссію, я могъ замѣтить, что жители очень довольны тѣмъ, что находятся подъ нашимъ владычествомъ. Жители, покинувшіе страну вслѣдствіе плохой дисциплины въ арміи, находившейся подъ начальствомъ фельдмаршала Апраксина, возвращались теперь назадъ; точно также возвращалось и дворянство, укрывшееся въ Помераніи и въ Данцигѣ.

Столица Пруссіи Кенигсбергъ, куда я прибылъ вслѣдъ за тѣмъ, очень большой городъ, довольно густо населенный, не дурно обстроенный и занимавшійся обширною торговлею мачтовымъ лѣсомъ и пенькою. Я былъ вынужденъ пробыть тамъ двѣ недѣли по причинѣ оттепели, не позволявшей мнѣ продолжать мой путь на Варшаву. Тамъ былъ значительный Русскій гарнизонъ, и было много офицеровъ, принадлежавшихъ частію къ главному штабу, частію къ провіантскому и коммиссаріатскому вѣдомствамъ, такъ какъ этотъ городъ былъ центромъ, откуда доставлялось все нужное для арміи, уже находившейся на берегахъ Вислы.

Въ Кенигсбергѣ много дворянъ, живущихъ открыто, какъ напр. Финки, Денгофы и др. Всѣ они казались спокойными и довольными нашимъ владычествомъ. Тамъ также постоянно жили нѣкоторые принцы и принцессы Голштинскаго дома, и между прочими супруга того принца Георга, который прибылъ въ Россію въ царствованіе Петра III и былъ назначенъ при Екатеринѣ II намѣстникомъ части Голштиніи, которая принадлежала великому герцогу. Это былъ отецъ теперешняго герцога Ольденбургскаго.

Старикъ графъ Станиславскій, бывшій главнымъ начальникомъ почтъ въ Польской Пруссіи и женатый на принцессѣ Голштейнъ-Бекской, также жилъ въ Кенигсбергѣ, и его домъ былъ изъ лучшихъ. Я часто бывалъ у него. Въ другихъ дворянскихъ домахъ часто давались балы, и я могу сказать, что проводилъ мое время въ Кенигсбергѣ очень пріятно.

Когда погода и дороги поправились, я снова пустился въ путь по направленію къ Варшавѣ. Кенигсбергскій комендантъ далъ мнѣ одного сержанта изъ гренадеръ, который долженъ былъ сопровождать меня для большей безопасности.

Я позабылъ сказать, что Кенигсбергъ былъ наполненъ Евреями, занимавшимися торговлей. Они принесли ко мнѣ множество обдѣлан-

Библиотека "Руниверс"

ныхъ янтарей для продажи; я купилъ нѣсколько штукъ, чтобъ послать въ подарокъ роднымъ.

Послѣ нѣсколькихъ дней путешествія я прибылъ въ Варшаву и остановился у нашего посланника кн. Волконскаго, которому я былъ рекомендованъ моимъ дядей. Это тотъ самый кн. Волконскій, который впослѣдствіи отличился въ нашихъ кампаніяхъ противъ Пруссіи и даже командовалъ отдѣльными военными отрядами. Потомъ, при Екатеринѣ II, онъ былъ посланникомъ въ Польшѣ, а за тѣмъ былъ главнокомандующимъ въ Москвѣ, гдѣ держалъ себя прекрасно и гдѣ всѣ были имъ довольны. Немногіе были такъ хорошо какъ онъ знакомы съ внутренними провинціями Россіи, и немногіе имѣли такія здравыя понятія о томъ, какую слѣдуетъ тамъ ввести администрацію. Онъ очень расположился ко мнѣ, и это доброе расположеніе продолжалось до его смерти въ 1787 или 1788. Этотъ кн. Волконскій былъ родной племянникъ канцлера Бестужева, но не принималъ никакого участія въ интригахъ этого министра, такъ что паденіе этого послѣдняго нисколько не подѣйствовало на его судьбу. Императрица Елисавета уважала его, а мой дядя также любилъ и уважалъ его.

У насъ былъ въ Варшавѣ еще другой полномочный министръ— г. Гроссъ, которому рекомендовалъ меня мой дядя. Это былъ человѣкъ чрезвычайно опытный въ дѣлахъ, но съ отвратительной физіономіей и съ манерами, свойственными людямъ низкаго происхожденія. Онъ былъ секретаремъ при нашемъ бывшемъ посланникѣ въ Парижѣ, покойномъ кн. Кантемирѣ, а послѣ его смерти былъ назначенъ повѣреннымъ въ дѣлахъ и потомъ посланникомъ въ томъ же городѣ. Чтобъ скорѣй подвинуться по службѣ, онъ вполнѣ подчинился канцлеру Бестужеву, помогалъ ему ссорить насъ сначала съ Франціей, а потомъ съ Пруссіей и писалъ депеши и донесенія въ такомъ смыслѣ, въ какомъ было угодно Бестужеву. Прусскій король съ своей стороны не высказывалъ большаго вниманія къ Императрицѣ и къ лицамъ состоявшимъ у ней на службѣ и этимъ подалъ поводъ къ совершенному прекращенію переписки между двумя дворами. На одномъ публичномъ празднествѣ онъ оскорбилъ Гросса, не пригласивъ его на ужинъ, который былъ данъ при дворѣ по случаю бракосочетанія одного изъ членовъ королевскаго дома, тогда какъ всѣ другіе иностранные посланники были приглашены на этотъ ужинъ, послѣдовавшій за баломъ, даннымъ въ Шарлотенбургѣ; такимъ образомъ Гроссъ былъ принужденъ возвратиться въ городъ. Въ своемъ донесеніи объ этой обидѣ онъ постарался придать ей еще болѣе рѣзкій характеръ, а Бестужевъ убѣдилъ Императрицу вызвать своего посланника изъ Берлина и прекратить всякія письменныя сношенія съ Берлинскимъ дворомъ. Подробно-

Библиотека "Руниверс"

сти этой исторіи были въ свое время изложены печатно и въ Россіи, и въ Берлинѣ, и при этомъ каждая сторона нисколько не щадила другую. Великій Фридрихъ питалъ такую сильную ненависть къ Гроссу, что не разъ упоминалъ о ней впослѣдствіи и считалъ этого дипломата главнымъ виновникомъ ссоры, происшедшей между нимъ и Россіей. Онъ очень часто высказывался въ этомъ смыслѣ въ 1762 году, когда я находился въ его лагерѣ.

Гроссъ, съ самаго вступленія своего на службу, какъ я выше замѣтилъ, искалъ расположенія и покровительства канцлера Бестужева, а потому поддѣлывался подъ всѣ его взгляды и писалъ въ пріятномъ для него тонѣ всѣ свои донесенія изъ Парижа, Берлина и Дрездена. Онъ также участвовалъ во всѣхъ интригахъ и навѣтахъ, направленныхъ противъ моего дяди и въ своихъ донесеніяхъ писалъ о немъ въ такомъ смыслѣ, какой могъ быть пріятенъ Бестужеву. Мой дядя зналъ это, но относился съ презрѣніемъ къ этимъ проискамъ и смотрѣлъ на Гросса какъ на способнаго дѣловаго человѣка. А когда онъ завѣдывалъ Коллегіею Иностранныхъ Дѣлъ послѣ паденія Бестужева, то всячески дѣлалъ добро Гроссу, который наконецъ сталъ преданнымъ ему человѣкомъ. Мой дядя вызвалъ его въ Петербургъ, доставилъ ему повышеніе по службѣ, исходатайствовалъ для него у Императрицы значительное содержаніе и сдѣлалъ его членомъ Коллегіи, гдѣ чрезвычайно много пользовались его трудомъ. Это было настоящее для него мѣсто, такъ какъ онъ работалъ съ большой легкостью, голова у него была очень способная, и сверхъ того онъ обладалъ большими познаніями. Онъ продолжалъ работать подъ начальствомъ моего дяди до 1761; въ это время его здоровье стало замѣтно портиться вслѣдствіе суроваго Петербургскаго климата, и потому онъ обратился къ моему дядѣ съ просьбой доставить ему по прежнему дипломатическій постъ за границей. Такъ какъ вслѣдствіе смерти гр. Головкина сдѣлался вакантнымъ постъ посланника въ Голландіи, то мой дядя предложилъ Императрицѣ назначить его на это мѣсто, на чтò она и согласилась. Послѣ того онъ занималъ дипломатическій постъ въ Лондонѣ, гдѣ и умеръ, какъ кажется, въ 1766. Во время моего пребыванія въ Варшавѣ, я часто посѣщалъ его и старался чему нибудь научиться отъ него.

Кн. Волконскій, у котораго, какъ было выше замѣчено, я остановился, сказалъ мнѣ, что приготовилъ для меня помѣщеніе въ своемъ домѣ, но что онъ былъ вынужденъ уступить настояніямъ перваго министра графа Брюля, который приготовилъ для меня приличное помѣщеніе и свой экипажъ на все время моего пребыванія въ

Библиотека "Руниверс"

Варшавѣ. Черезъ нѣсколько часовъ пріѣхалъ за мной адъютантъ графа Брюля, чтобъ отвезти меня въ отведенное мнѣ помѣщеніе.

Согласно условію, состоявшемуся между кн. Волконскимъ и мной, я отправился къ нему на другой день утромъ. Онъ повезъ меня къ гр. Брюлю и затѣмъ представилъ меня Польскому королю, который принялъ меня очень хорошо. Этотъ государь былъ крайне разстроенъ утратой своихъ наслѣдственныхъ владѣній и необходимостью жить въ Варшавѣ, гдѣ онъ не имѣлъ привычныхъ удобствъ, такъ какъ онъ любилъ охоту, а Варшавскія окрестности не годились для этого. Онъ любилъ искусства и въ особенности живопись, въ которой былъ даже знатокомъ. Незадолго до начала войны, онъ, какъ извѣстно, пріобрѣлъ великолѣпную Моденскую картинную галлерею, которая находится теперь въ Дрезденѣ и въ которой можно видѣть самыя лучшія картины Корреджіо. У него были великолѣпные брилліанты, которые ему удалось увезти изъ Дрездена, и въ томъ числѣ находился знаменитый зеленый брилліантъ, извѣстный по всей Европѣ.

Варшава, хотя и неправильно обстроенная, однако уже тогда была довольно красивымъ городомъ. Въ ней было множество огромныхъ дворцовъ, принадлежавшихъ вельможамъ; но рядомъ съ этими дворцами — лачужки, нѣсколько похожія на тѣ, которыя встрѣчаются въ Москвѣ, но выстроенныя съ большею правильностью.

Послѣ аудіенціи у короля, наши министры повезли меня къ нѣкоторымъ Польскимъ вельможамъ и членамъ дипломатическаго корпуса, между прочимъ къ Русскому палатину кн. Чарторижскому и къ Краковскому кастеляну гр. Понятовскому, который въ то время былъ уже очень старъ. Меня рекомендовалъ ему его сынъ, который былъ Польскимъ посланникомъ въ Россіи. Этотъ престарѣлый гр. Понятовскій былъ извѣстенъ преданностью Карлу XII-му и довѣріемъ, которое питалъ къ нему этотъ послѣдній. Онъ оставался при этомъ королѣ все время его пребыванія въ Турціи. Вслѣдствіе этихъ сношеній, онъ былъ привязанъ къ королю Станиславу Лещинскому и къ его партіи. Но, послѣ избранія курфирста Саксонскаго Августа королемъ Польскимъ, онъ вступилъ въ родство съ семействомъ Чарторижскаго, на сестрѣ котораго онъ женился, привязался вмѣстѣ съ Чарторижскими къ Саксонской партіи и находился также во главѣ партіи, которая называлась Русскою и была въ союзѣ съ партіей Саксонской. Примасъ, канцлеръ Малаховскій и множество другихъ вельможъ составляли эту Русскую партію, которая была очень значительна и находилась въ оппозиціи съ партіей Французской, имѣвшей у себя во главѣ великаго гетмана Браницкаго, пользовавшагося большимъ кредитомъ въ Польшѣ и, благодаря своей должности, имѣвшаго сношенія

Библиотека "Руниверс"

съ Турціей. Къ этой же партіи принадлежали почтенный 80-ти-лѣтній старецъ маршалъ Бѣлинскій и все семейство Потоцкаго. Наши министры свезли меня безразлично ко всѣмъ этимъ вельможамъ. Казалось бы, что послѣ соглашенія, состоявшагося между дворами Петербургскимъ и Версальскимъ, эти партіи должны были или исчезнуть, или соединиться между собою; но Французскіе дипломаты, имѣвшіе постоянно пребываніе въ Польшѣ, постарались, изъ особыхъ расчетовъ, сдѣлать такъ, чтобъ эти двѣ партіи оставались по прежнему разъединенными, точно будто прежняя система отношеній между Россіей и Франціей осталась безъ перемѣны. Версальскій дворъ тратилъ на этотъ предметъ много денегъ. Французскій посланникъ въ Польшѣ гр. Брольи, отличавшійся горячностью и заносчивостью, вносилъ такъ мало сдержанности въ Польскія дѣла, что едва не разстроилъ хорошихъ отношеній между кабинетами Петербургскимъ и Версальскимъ. Мы жаловались на это и даже имѣли довольно горячія объясненія съ Франціей. Брольи былъ отозванъ; онъ съумѣлъ сильно не расположить къ себѣ и короля Польскаго, и графа Брюля. Дочь Польскаго короля, супруга дофина, также способствовала его отозванію, и я уже не засталъ его въ Варшавѣ. Въ то время постъ Французскаго посланника занималъ Дюранъ, человѣкъ благоразумный и чрезвычайно опытный въ дѣлахъ. Австрійскимъ посланникомъ въ Варшавѣ былъ графъ Штарембергъ, жена котораго была фавориткой императрицы-королевы, а Англійскимъ посланникомъ былъ милордъ Стормондъ, который былъ впослѣдствіи посланникомъ во Франціи, а затѣмъ министромъ и государственнымъ секретаремъ. Онъ былъ племянникъ знаменитаго лорда Мансфильда, одного изъ самыхъ выдающихся Англійскихъ государственныхъ людей по своимъ замѣчательнымъ дарованіямъ и по своимъ глубокимъ познаніямъ. Я имѣлъ случай познакомиться съ нимъ и бывать у него, во время моего пребыванія въ Лондонѣ. Такъ какъ Польская республика не принимала участія въ войнѣ, то Прусскій король также имѣлъ въ Варшавѣ своего представителя; это былъ г-нъ Бенуа, человѣкъ очень ловкій, занимавшійся въ Варшавскомъ обществѣ интригами.

Мнѣ очень нравилась жизнь въ этомъ городѣ. Не было дня, чтобъ я не былъ приглашенъ на какой нибудь большой обѣдъ и на какой нибудь вечеръ. Я также познакомился съ знаменитымъ Солтыкомъ, который въ то время былъ епископомъ Кіевскимъ, потомъ епископомъ Краковскимъ и впослѣдствіи прославился своей фанатической ненавистью къ диссидентамъ, послѣдствіемъ которой была его ссылка въ Калугу, гдѣ онъ прожилъ нѣсколько лѣтъ.

Библиотека "Руниверс"

Мнѣ было всего пріятнѣе бывать у Русскаго палатина князя Чарторижскаго, гдѣ меня принимали чрезвычайно хорошо, и въ особенности у супруги маршала г-жи Мнишекъ, дочери гр. Брюля, отличавшейся большимъ умомъ и очень пріятной въ обществѣ. Она имѣла большое значеніе, благодаря своему вліянію на умъ своего отца гр. Брюля, который, будучи первымъ министромъ, руководилъ всѣми дѣйствіями Польскаго короля. Эта г-жа Мнишекъ играла впослѣдствіи очень видную роль въ конфедераціяхъ, составившихся противъ короля Станислава Понятовскаго и особенности въ конфедераціи Барской.

Въ Варшавѣ былъ въ то время придворнымъ банкиромъ Ріакуръ, очень богатый человѣкъ, у котораго былъ великолѣпный домъ рядомъ съ Саксонскимъ дворцомъ и который жилъ очень роскошно; у него также собиралось высшее общество, любившее прогуливаться въ его прекрасномъ саду.

Жизнь въ Варшавѣ мнѣ чрезвычайно нравилась. И образъ жизни Польскихъ магнатовъ, и ихъ роскошь, и уваженіе, которымъ они пользовались,—все поражало меня и заставляло думать, что нѣтъ болѣе завиднаго положенія, чѣмъ положеніе Польскаго вельможи. Въ ту пору эта республика была могущественна и вліятельна въ Европѣ. Хотя, въ силу своей конституціи, она не могла играть дѣятельной роли въ Европейскихъ дѣлахъ, однако я не замѣчаю, чтобъ отъ этого уменьшалось благополучіе націи. Она наслаждалась совершенной безопасностью не только благодаря своимъ военнымъ силамъ, но и потому, что ея сосѣди находили свой интересъ въ поддержаніи этого государства и въ неприкосновенности его территоріи.

Чтобъ ниспровергнуть этотъ порядокъ вещей, надо было, чтобъ въ Россіи воцарилась иностранная принцесса, отнявшая престолъ у своего мужа. Она не довольствовалась тѣмъ, что повелѣвала несмѣтнымъ народомъ,—чего, конечно, никакъ не могла ожидать, — но захотѣла, чтобъ и ея другъ, графъ Понятовскій, также царствовалъ. Король Августъ умеръ въ 1764. Она не жалѣла ни денегъ, ни войскъ, чтобъ отстранить отъ престола Саксонскаго принца, котораго хотѣли выбрать Поляки и избраніе котораго было бы согласно съ настоящими интересами Россіи, но все принесла въ жертву тщеславію и страсти. Императрица заставила волей-неволей выбрать Понятовскаго въ короли. Если бы дѣло шло о томъ, чтобъ посадить на Польскій престолъ короля изъ дома Піастовъ, то между Поляками были люди, имѣвшіе болѣе на это правъ, какъ напримѣръ Чарторижскіе. Фамиліи Чарторижскихъ, Потоцкихъ, Радзивиловъ и Сапѣгъ были самые знатные въ Польшѣ. Это желаніе добиться выбора своего друга имѣло важныя послѣдствія для политической системы Россіи, потому что оно

Библиотека "Руниверс"

отдалило отъ насъ дворы Вѣнскій и Дрезденскій и заставило насъ искать союза съ Берлинскимъ дворомъ для того, чтобъ онъ содѣйствовалъ избранію Понятовскаго; отсюда и зародилась та уродливая и нелѣпая политическая система, которую такъ превозносилъ ея изобрѣтатель гр. Панинъ и которая принесла пользу одному Прусскому королю, потому что способствовала расширенію Прусской монархіи, вовсе не соотвѣтствующему истиннымъ выгодамъ Россіи.

Для Польши избраніе Станислава было еще болѣе гибельно. Хотя онъ былъ уменъ, свѣдущъ въ дѣлахъ и очень привѣтливъ, но отличался склонностью къ экзальтаціи и къ романтизму. Онъ полагалъ, что для него недостаточно быть такимъ же Польскимъ королемъ, какимъ были курфирсты Саксонскіе. Сеймы, собиравшіеся для созыва избирателей, потомъ для избранія короля и наконецъ для коронованія, уже присвоили ему болѣе власти и доходовъ, чѣмъ сколько имѣлъ его предшественникъ; стало быть, будучи увѣренъ въ покровительствѣ Россіи, онъ могъ бы спокойно наслаждаться своимъ положеніемъ. Но онъ не имѣлъ для этого достаточно здраваго смысла; онъ захотѣлъ играть въ Европѣ роль, принимать участіе въ Европейскихъ дѣлахъ и дать Польшѣ дѣятельное правительство, при которомъ всѣ вопросы рѣшались бы большинствомъ голосовъ. Эту форму правленія хотѣли, какъ кажется, учредить по Англійскому образцу. Но ни самъ король, ни его совѣтники не имѣли достаточно здраваго смысла, чтобъ понимать, что такой порядокъ вещей будетъ вовсе не по вкусу сосѣдямъ Польши, и что они не допустятъ, чтобъ онъ упрочился. Однако, вслѣдствіе небрежности перваго министра гр. Панина и нашего посланника кн. Репнина, находившагося въ то время въ дружескихъ отношеніяхъ къ Польскому королю, этотъ послѣдній могъ безъ всякихъ препятствій съ нашей стороны принимать такія мѣры, которыя вели къ задуманной имъ цѣли. Прусскій король замѣтилъ это прежде всѣхъ и постарался обратить на это наше вниманіе. Только черезъ два года послѣ того какъ Польскій король открылъ намъ глаза, нарушивъ свои обязанности по отношенію къ своей благодѣтельницѣ и попытавшись обходиться съ ней какъ съ равной, Россія созвала конфедерацію диссидентовъ, а потомъ союзный сеймъ *), который и уничтожилъ все то, что́ Польскій король уже считалъ прочно установленнымъ. Съ тѣхъ поръ эта республика уже никогда не наслаждалась внутреннимъ спокойствіемъ; въ ней безпрестанно возникали разныя конфедераціи и внутренніе раздоры, а эта неурядица и привела сначала къ первому раз-

*) Une diète confédérée.

Библиотека "Руниверс"

дѣлу Польши, потомъ ко второму и, наконецъ, къ совершенному уничтоженію ея политическаго существованія.

Я возвращаюсь къ тому, что̀ касалось лично меня, во время моего пребыванія въ Варшавѣ.

Я часто писалъ моему дядѣ, чтобъ сообщить ему обо всемъ, что̀ я видѣлъ и что̀ мнѣ казалось интереснымъ. Онъ повидимому былъ доволенъ моими письмами; однако замѣтилъ мнѣ, что мнѣ пора направиться къ мѣсту моего назначенія и по пути остановиться на нѣкоторое время въ Вѣнѣ. Я, конечно, поспѣшилъ подчиниться его волѣ. Наши министры представили меня королю для того, чтобъ проститься съ нимъ. Онъ подарилъ мнѣ по этому случаю ящикъ, украшенный бриллiантами и стоившій не менѣе тысячи пятисотъ рублей. Простившись со всѣми, у кого я находилъ любезный пріемъ во время моей жизни въ Варшавѣ, я выѣхалъ по дорогѣ въ Вѣну.

Обычный путь въ Вѣну, шедшій черезъ Моравію, въ ту пору не былъ безопасенъ, такъ какъ Прусскій король находился въ этой провинціи съ частію своей арміи и занимался осадою Ольмюца. Чтобъ добраться изъ Кракова до Вѣны, мнѣ пришлось сдѣлать большой объѣздъ и проѣхать черезъ Венгрію. По пути было много горъ, и дорога до Пресбурга была вообще плоха. Эта страна красива; жилища тамъ вообще нѣсколько похожи на наши деревенскіе дома, съ той только разницей, что тамъ въ каждомъ селеніи есть порядочная гостинница, гдѣ можно поѣсть и спокойно уснуть. Эти гостинницы содержатся Нѣмцами, поселившимися въ Венгріи, такъ какъ императрица-королева завела тамъ нѣсколько Нѣмецкихъ колоній, затративъ на этотъ предметъ значительныя суммы денегъ и устроивъ это дѣло очень толково (а не такъ, какъ это дѣлается у насъ); впрочемъ все это сто̀ило ей едвали болѣе того, что сто̀ятъ намъ наши колоніи, потому что ея чиновники не совершали постыдныхъ и скандальныхъ грабежей и потому что все было во-время заготовлено для колонистовъ: и земледѣльческія орудія, и сѣмена для посѣва, и хижины, и необходимые на первое время съѣстные припасы, и рабочій скотъ.

Послѣ десятидневнаго путешествія я прибылъ въ Пресбургъ, довольно красивый городъ, расположенный на возвышенности и служащій мѣстомъ пребыванія для членовъ Венгерскаго правительства. Я остановился тамъ на одинъ день, сдѣлалъ визиты мѣстнымъ властямъ, которыя приняли меня вѣжливо и, осмотрѣвъ достопримѣчательности города, выѣхалъ въ Вѣну. Мнѣ предстояло проѣхать только десять миль, и дорога была очень хороша, какъ вообще во всѣхъ Нѣмецкихъ провинціяхъ, принадлежащихъ Австріи. Въ ту пору Венгрія была еще, такъ сказать, дѣвственной страной и сильной опорой для Австрійскаго

Библиотека "Руниверс"

дома. Императрица Марія Терезія, которая была тамъ боготворима, начала уже извлекать для себя большую пользу изъ преданности къ ней Венгерцевъ. Извѣстно, какія геройскія усилія дѣлала Венгерская нація во время войны 1741 года, когда почти вся Европа была въ заговорѣ противъ Австрійскаго дома. Марія Терезія сама явилась въ Венгерскій сеймъ, обратилась къ присутствующимъ съ Латинской рѣчью (она была въ ту пору молода и хороша собой), принесла имъ своего сына эрцгерцога Іосифа, который былъ еще въ колыбели и сказала имъ, что поручаетъ и себя, и своего преемника преданности и вѣрности Венгерской націи. Этотъ образъ дѣйствій растрогалъ членовъ сейма. Они подали голоса за то, чтобъ оборонять ее и оставались преданными ей во все ея царствованіе. Но ея преемникъ императоръ Іосифъ предпринялъ въ своихъ владѣніяхъ пагубныя нововведенія, не щадилъ ни предразсудковъ, ни обычаевъ Венгерцевъ и нарушалъ безъ малѣйшей для себя пользы нѣкоторыя изъ ихъ привиллегій; этимъ онъ довелъ ихъ до мятежа и до возстанія, которое готово было вспыхнуть и въ другихъ наслѣдственныхъ владѣніяхъ Австрійскаго дома. Можно сказать, что время Іосифа II было пагубно для этой прекрасной и огромной монархіи, которая еще до сихъ поръ чувствуетъ на себѣ слѣды этого несчастнаго царствованія.

Пріѣхавъ въ Вѣну, я тотчасъ отправился къ нашему послу графу Кейзерлингу, который принялъ меня очень хорошо и пригласилъ меня остановиться въ его домѣ, гдѣ онъ уже заранѣе приготовилъ для меня комнаты. Этому послу было тогда болѣе 60-ти лѣтъ отъ роду. Онъ былъ очень способный и даже ученый человѣкъ и имѣлъ большую опытность въ дѣлахъ. Его можно было заслушаться, когда онъ говорилъ о дѣлахъ; онъ въ теченіе долгаго времени придерживался настоящей политической системы, какая выгодна для Россіи и вслѣдствіе того желалъ союза съ Вѣнскимъ дворомъ и съ морскими державами. Онъ даже всегда дѣйствовалъ въ этихъ видахъ и пользовался довѣріемъ канцлера Бестужева; но за годъ или за два до моего пріѣзда въ Варшаву съ нимъ случился апоплексическій ударъ, который хотя и не разстроилъ его умственныхъ способностей, но превратилъ его изъ вольнодумца въ чрезмѣрнаго святошу; а такъ какъ онъ былъ протестантъ, то совершенно предался убѣжденію, будто поддержаніе протестантской религіи въ Германіи связано съ поддержаніемъ Прусскаго могущества и что иначе эта религія будетъ задавлена Римскими католиками, во главѣ которыхъ находился Австрійскій домъ. Само собой разумѣется, что этотъ предразсудокъ повліялъ на его политическія правила и сдѣлался извѣстнымъ Вѣнскому двору, который, до этого несчастія, случившагося съ Кейзерлингомъ,

Библиотека "Руниверс"

всегда былъ очень имъ доволенъ. Тѣмъ не менѣе императрица-королева не только по прежнему обходилась съ нимъ хорошо, какъ съ Русскимъ посломъ, но и оказывала ему личныя услуги.

Такъ какъ нашъ посолъ уже не посѣщалъ общественныхъ собранiй по причинѣ часто возобновлявшихся недуговъ, и такъ какъ онъ не ѣздилъ даже къ Австрiйскимъ министрамъ иначе какъ по очень важнымъ дѣламъ, то онъ поручилъ своему сыну, служившему въ званiи камергера при Вѣнскомъ дворѣ и состоявшему членомъ придворнаго совѣта, представить меня отъ его имени министрамъ, членамъ дипломатическаго корпуса и значительнымъ лицамъ Вѣнскаго общества. На другой день послѣ того, какъ я былъ у придворнаго и государственнаго канцлера гр. Кауница, у имперскаго вице-канцлера гр. Коллоредо и у оберъ-камергера гр. Кевенгюллера, я получилъ отъ нихъ приглашенiя на обѣды и на вечера. Въ то время въ Вѣнѣ жили очень роскошно; нигдѣ не подавали такихъ вкусныхъ и роскошныхъ обѣдовъ. Такiе обѣды, дававшiеся лишь для лицъ особо приглашенныхъ, повторялись очень часто. Вечера давались поочередно то въ одномъ домѣ, то въ другомъ, и на нихъ съѣзжались высшее дворянство и дипломатическiй корпусъ. Независимо отъ этихъ вечеровъ, у канцлеровъ Кауница и Коллоредо были ежедневные прiемы по вечерамъ. Кауницъ появлялся на своихъ вечерахъ лишь на мгновенiе, и его прибытiя ожидали точно такъ, какъ ожидаютъ прибытiя государя. Его сестра г-жа Квестенбергъ исполняла обязанности хозяйки дома, и при этомъ она въ обхожденiи съ гостями была столько же вѣжлива и привѣтлива, сколько ея братъ былъ высокомѣренъ и сухъ. Вообще во время этого моего перваго пребыванiя въ Вѣнѣ я не видѣлъ въ гр. Кауницѣ такого великаго министра, какимъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ, а видѣлъ въ немъ лишь человѣка тщеславнаго, надменнаго и полнаго мелочныхъ странностей въ способѣ себя держать. Въ числѣ этихъ странностей были и такiя, которыя были не совсѣмъ приличны; такъ напримѣръ, онъ имѣлъ обыкновенiе полоскать ротъ во время обѣда и иногда проводилъ въ этомъ довольно много времени, или же приказывалъ принести щеточку и занимался чисткою бриллiантовъ на своемъ орденѣ Золотаго Руна. У него столъ не былъ сервированъ по-вѣнски, и былъ очень хорошъ, но безъ всякой роскоши и изысканности. Онъ не давалъ большихъ обѣдовъ, но у него каждый день накрывался столъ на 14 приборовъ, и къ обѣду приглашались поочередно нѣкоторыя дамы, знатные иностранцы, члены дипломатическаго корпуса и мѣстные жители. Я бывалъ довольно часто въ числѣ приглашенныхъ. Въ гостиной, гдѣ собирались гости, роль хозяйки дома исполнялась его сестрой, г-жой Квестенбергъ, а самъ онъ появлялся

Библиотека "Руниверс"

только тогда, когда обѣдъ былъ поданъ; самый часъ обѣда зависѣлъ отъ его прихоти: иногда обѣдали въ 2 часа, иногда въ 3, а иногда и въ 4, такъ какъ передъ обѣдомъ онъ всегда или прогуливался пѣшкомъ или ѣздилъ верхомъ въ манежѣ; но гости всегда собирались къ 2 часамъ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ моего прибытія въ Вѣну, нашъ посолъ испросилъ аудіенціи у императора и у императрицы, равно какъ у членовъ императорскаго семейства. Его желаніе было тотчасъ исполнено, и по этому случаю я былъ представленъ императору, который обошелся со мной очень любезно, а также императрицѣ-королевѣ, которая говорила мнѣ о своей любви и привязанности къ нашей Государынѣ и много распрашивала меня о моемъ дядѣ и о моей теткѣ, которыхъ она лично знала во время ихъ пребыванія въ Вѣнѣ въ 1745. Дворъ жилъ въ Шёнбруннѣ, загородномъ дворцѣ, который очень красивъ, находится въ полумилѣ разстоянія отъ Вѣны и былъ построенъ императрицей-королевой. Тамъ былъ прелестный садъ, очень большой звѣринецъ и ботаническое заведеніе, которымъ императоръ Францъ I очень занимался. Этотъ государь любилъ искусства и литературу, жилъ какъ частный человѣкъ, былъ простъ въ обхожденіи и ненавидѣлъ церемоніи и этикетъ. Онъ былъ очень склоненъ къ бережливости и даже, какъ утверждаютъ, былъ свѣдущъ въ финансовыхъ дѣлахъ. Кромѣ небольшихъ доходовъ, которые онъ получалъ въ качествѣ Германскаго императора, онъ пользовался доходами отъ великаго герцогства Тосканскаго, которое принадлежало къ его владѣніямъ; а такъ какъ всѣ его расходы и содержаніе его двора оплачивались императрицей, его супругой, то онъ сберегалъ свои собственные доходы, употребляя ихъ на покупку барскихъ имѣній въ Венгріи или давая ихъ въ займы министерству финансовъ Австрійской монархіи за такіе же проценты, какіе уплачивались банкирамъ. Говорятъ, что онъ уже въ то время накопилъ нѣсколько милліоновъ; а послѣ его смерти, приключившейся въ 1764 или 1765, осталось, какъ всѣмъ извѣстно, огромное богатство. Императрица жила съ мужемъ совершенно просто и обходилась съ нимъ съ большой нѣжностью, но въ государственныхъ дѣлахъ она сохраняла весь свой авторитетъ, ничего не удѣляя изъ него своему мужу. Онъ не любилъ гр Кауница, пользовавшагося очень большимъ кредитомъ. Въ ту пору у императора была одна страсть, о которой знала вся Вѣна. Это была страсть къ молодой принцессѣ Аугсбергской, одной изъ самыхъ красивыхъ женщинъ, какихъ мнѣ случалось видать въ теченіе всей моей жизни и къ тому же чрезвычайно любезной. Говорили, что императрицѣ-королевѣ это извѣстно, но что она дѣлаетъ видъ, будто ни-

Библиотека "Руниверс"

чего не знаетъ. Я считаю излишнимъ входить въ подробности касательно этой государыни, столь прославившейся въ Европѣ своимъ блестящимъ царствованіемъ. Я только замѣчу, что эта женщина отличалась величіемъ характера, что ея управленіе велось мудро и что она дала Австрійской монархіи совершенно новый видъ, такъ что Австрійскій домъ никогда не былъ такъ могущественъ какъ въ ея царствованіе, даже не смотря на потерю Силезіи, герцогства Пармскаго, Піаченцы и нѣкоторой части Миланскаго герцогства, которую она была вынуждена уступить королю Сардинскому и о которой всегда сожалѣли въ Вѣнѣ. У ней были прекрасныя арміи, ея финансы были въ порядкѣ и ея доходы значительно увеличивались. Она умѣла воспользоваться Нидерландами для денежныхъ оборотовъ, тогда какъ до ея царствованія эти провинціи считались обузой для монархіи. Она вообще была любима своими подданными. Только такой безпорядочный человѣкъ какъ ея преемникъ Іосифъ былъ способенъ все перепортить и почти окончательно разорить. Если можно въ чемъ нибудь упрекнуть эту государыню, то развѣ только въ чрезмѣрномъ благочестіи, благодаря которому ея управленіе отличалось нетерпимостью ко всѣмъ другимъ вѣроисповѣданіямъ. Но въ послѣднія 15 лѣтъ ея царствованія даже притѣсненія этого рода смягчились. Она была очень строга въ томъ, что́ касалось охраненія общественной нравственности; это, конечно, очень похвальная черта, если только она не выходитъ изъ извѣстныхъ границъ. Но въ Вѣнѣ было учреждено для этой цѣли нѣчто въ родѣ полицейскаго надзора, который доходилъ до крайностей, вызывалъ насмѣшки и былъ очень стѣснителенъ для городскихъ жителей.

Во время моего пребыванія въ Вѣнѣ, положеніе двора и даже столицы было довольно опасное: Прусскій король осаждалъ Ольмюцъ. Вѣнское правительство успѣло собрать подъ начальствомъ фельдмаршала Дауна только такую армію, которая могла прикрывать Вѣну и Прагу. Ожидали приближенія Русской арміи, какъ спасительницы. Такое положеніе было послѣдствіемъ несчастной битвы при Лиссѣ, проигранной Австрійцами 5 или 6 Декабря 1757. Это неудачное сраженіе сто́ило Австрійскому дому болѣе 55 тысячъ человѣкъ убитыми и ранеными, и сверхъ того его послѣдствіемъ было то, что Прусаки снова завладѣли Бреславлемъ и Швейдницемъ. Въ первомъ изъ этихъ городовъ былъ гарнизонъ изъ 17.000 человѣкъ, а въ Швейдницѣ — изъ 7.000. Оба эти гарнизона были взяты въ плѣнъ Прусскимъ королемъ. А въ упомянутомъ сраженіи этотъ король взялъ въ плѣнъ 10.000 человѣкъ. Причиной такого пораженія была неспособность принца Карла Лотарингскаго, губернатора Нидерландовъ и брата императора Франца I.

Библиотека "Руниверс"

У него была страсть командовать арміями. Снисходительность императрицы-королевы къ желаніямъ деверя обошлась монархіи очень дорого.

Когда подумаешь, что послѣ такой несчастной кампаніи, какою была кампанія 1757, послѣ стольнихъ сраженій и послѣ потери 55 тысячъ человѣкъ, уже въ Маѣ 1758 была готова значительная армія, способная охранять наслѣдственныя владѣнія Австрійскаго дома и спокойно ожидать исхода осады Ольмюца: то невольно изумляешься энергіи и твердости Австрійскаго кабинета, а также огромнымъ средствамъ этой монархіи. Между тѣмъ ежедневно пребывали значительныя подкрѣпленія изъ внутреннихъ провинцій и въ особенности изъ Венгріи. Благодаря этимъ подкрѣпленіямъ, фельдмаршалъ Даунъ скоро получилъ возможность перейти изъ оборонительнаго положенія въ наступательное и напасть на Прусскую армію. Успѣхъ всѣхъ принятыхъ мѣръ былъ плодомъ непоколебимой твердости императрицы-королевы и неутомимой заботливости ея министра графа Кауница.

За нѣсколько дней до моего отъѣзда изъ Вѣны, дѣла приняли болѣе счастливый оборотъ. Знаменитый Лаудонъ напалъ на Прусскій обозъ, состоявшій изъ нѣсколькихъ тысячъ повозокъ и направлявшійся къ Ольмюцу съ боевыми запасами и провіантомъ для Прусской арміи, осаждавшей этотъ городъ; онъ овладѣлъ обозомъ и взялъ въ плѣнъ бо́льшую часть Прусскихъ войскъ, конвоировавшихъ его. Эта неудача въ соединеніи съ извѣстіемъ, что Русская армія вступила въ Померанію и Мархію и приближается къ Одеру, заставила Прусскаго короля снять осаду Ольмюца и поспѣшно отступить въ Моравію для защиты своихъ собственныхъ владѣній. Армія фельдмаршала Дауана двинулась вслѣдъ за нимъ.

Вѣна, какъ извѣстно, имѣетъ крѣпость и была въ состояніи выдерживать осады; поэтому такъ называемый старый городъ не очень обширенъ. Впрочемъ въ немъ есть площади, очень красивыя улицы и прекрасныя зданія. Въ улицѣ, гдѣ живетъ знать, много большихъ барскихъ домовъ. Императрица много сдѣлала для украшенія города, выстроивши для каждаго министра и для каждаго министерства очень большіе дворцы въ близкомъ разстояніи одинъ отъ другаго, что́ очень облегчаетъ веденіе дѣлъ. Дворецъ, въ которомъ живетъ дворъ, хотя и великъ, но старинной архитектуры. Сверхъ того при дворѣ есть великолѣпная публичная библіотека, очень обширный кабинетъ рѣдкостей и прекрасная картинная галлерея. Казнохранилище, гдѣ находятся всѣ коронныя драгоцѣнности, также очень интересно. Сверхъ того въ Вѣнѣ много церквей, воспитательныхъ заведеній и училищъ, изъ которыхъ нѣкоторыя были выстроены императрицей-королевой.

Библиотека "Руниверс"

Если Вѣна и недостаточно обширна для столицы великой монархіи, за то этотъ недостатокъ восполняется предмѣстіями; они громадны, и въ нихъ много общественныхъ зданій и частныхъ отелей, между прочими отель покойнаго принца Евгенія Савойскаго, называемый Бельведеромъ. Въ этихъ предмѣстіяхъ есть сады, принадлежащіе вельможамъ, какъ напримѣръ князю Шварценбергу, графу Гараху, Кауницу и многимъ другимъ.

Въ то время въ Вѣнѣ было два театра и очень хорошая Французская комедія. Зала, въ которой давались представленія, сообщалась посредствомъ галлереи съ дворцомъ и часто посѣщалась дворомъ. Нѣмецкій театръ славился великолѣпными балетами, и я долженъ признаться, что мнѣ до той поры еще не случалось видѣть ничего подобнаго. Австрійская аристократія очень высокомѣрна, любитъ церемоніи и этикетъ, и очень чванится роскошью своихъ обѣдовъ. Признаюсь, что, въ мое первое пребываніе въ этомъ городѣ, не смотря на оказанный мнѣ повсюду хорошій пріемъ, мнѣ не понравился господствующій тамъ тонъ. Впрочемъ женщины тамъ довольно любезны и красивы; но мущины показались мнѣ непріятными. Я разумѣю Вѣнскую молодежъ; что́ же касается людей состоящихъ на государственной службѣ, то едвали найдется другая страна, гдѣ было бы столько способныхъ должностныхъ лицъ, какъ въ Вѣнѣ. Достаточно назвать Кауница, графа Кобенцеля, сынъ котораго былъ позднѣе у насъ посломъ, и правителя Миланской области Фирміани: эти два послѣднихъ государственныхъ человѣка могли бы, въ случаѣ надобности, замѣнить Кауница. По части финансовъ были два брата Хотекъ и Цинцендорфъ. По части дипломатической Розенбергъ, состоявшій посланникомъ въ Испаніи, и графъ де-Мерси; этихъ двухъ дипломатовъ Кауницъ цѣнилъ очень высоко.

Изъ всѣхъ Вѣнскихъ домовъ, принимавшихъ общество, я находилъ всего болѣе удовольствія въ домѣ г-жи Гарахъ. Ея мужъ былъ кавалеръ ордена Золотаго Руна и президентъ придворнаго совѣта. Эта дама отличалась очень пріятнымъ тономъ въ обхожденіи и охотно принимала иностранцевъ, въ особенности Англичанъ, общество которыхъ она очень любила. Дипломатическій корпусъ въ Вѣнѣ состоялъ изъ очень большаго числа лицъ, какъ изъ пословъ, такъ и изъ второстепенныхъ министровъ, а также изъ множества агентовъ, резидентовъ и повѣренныхъ въ дѣлахъ. Почти всѣ имперскіе владѣтельные князья имѣли тамъ своихъ повѣренныхъ. Вообще въ ту пору уже ослабѣли какъ кредитъ, могущество и вліяніе Австрійскаго дома въ Германіи, такъ и уваженіе, которымъ онъ прежде тамъ пользовался. Причиною тому было усиленіе Прусскаго могущества; затѣмъ

Библиотека "Руниверс"

поведеніе императора Іосифа II и, наконецъ, Французская революція, равно какъ состоявшіяся въ послѣднее время въ Германіи сдѣлки касательно вознагражденій. На вечера и на большіе обѣды приглашались только послы и второстепенные иностранные министры, а также знатные путешественники; а резиденты и прочіе иностранные агенты вращались въ кружкахъ того дворянства, которое называютъ въ Вѣнѣ второклассным. Я буду говорить въ другомъ мѣстѣ о главныхъ членахъ тамошняго дипломатическаго корпуса, а покуда только замѣчу, что Французскимъ посломъ въ Вѣнѣ въ ту пору былъ Стэнвиль, сдѣлавшійся въ послѣдствіи извѣстнымъ подъ именемъ герцога Шаузеля и игравшій столь видную роль во Франціи. Нашъ посолъ самъ привезъ меня къ нему, и я впослѣдствіи бывалъ у него не разъ. Г-жа Стэнвиль была женщина очень интересная, чрезвычайно кроткая и очень любившая литературу и искусства; она была очень свѣдуща въ живописи и въ рѣзьбѣ на камняхъ. Знаменитый аббатъ Бартелеми былъ очень привязанъ къ этой дамѣ, и литераторы вообще любили ее, хотя и не питали такихъ же чувствъ къ ея мужу въ его бытность министромъ.

Я также видѣлся въ Вѣнѣ съ барономъ Бретлахомъ, который былъ извѣстенъ своими двумя поѣздками въ Россію въ качествѣ посла, своими близкими связями съ канцлеромъ Бестужевымъ и участіемъ въ интригахъ, которыя велись съ цѣлію поссорить насъ съ Пруссіей; онъ былъ въ ту пору старъ, дряхлъ и уже считался непригоднымъ для какой либо дѣятельности.

Частое нездоровье и преклонныя лѣта нашего посла, какъ я уже замѣтилъ выше, не позволяли ему бывать въ обществѣ или на вечерахъ; онъ былъ постоянно дóма, но жилъ очень хорошо и имѣлъ очень хорошій столъ. Такъ какъ я не могъ часто обѣдать у него по причинѣ безпрестанныхъ приглашеній въ другіе дома, а между тѣмъ желалъ воспользоваться его наставленіями, то я видался съ нимъ по утрамъ въ его кабинетѣ, гдѣ дѣйствительно было чему поучиться. Съ большой ученостью онъ соединялъ самыя глубокія познанія по части дипломатіи. Приключившійся съ нимъ апоплексическій ударъ не ослабилъ его умственныхъ способностей, но, какъ я уже замѣтилъ ранѣе, сдѣлалъ изъ него ханжу, чтó не могло не отразиться и на его взглядахъ на государственныя дѣла. Въ одномъ только онъ никогда не мѣнялся,—это въ своей ненависти къ Франціи: онъ постоянно указывалъ на кардинала Ришелье и на честолюбивые замыслы Версальскаго кабинета, не вѣрилъ въ прочность союза Франціи съ Вѣнскимъ дворомъ и увѣрялъ, что этотъ послѣдній будетъ обманутъ. Однако этотъ союзъ продолжался съ 1756 до Французской революціи, и лов-

Библиотека "Руниверс"

кость Кауница умѣла извлечь изъ него большую пользу для Австріи. Онъ былъ выгоденъ и для Франціи, не смотря на то, что противъ него много кричали, такъ какъ Версальскій дворъ, будучи увѣренъ въ дружбѣ самой сильной изъ континентальныхъ державъ и потому не имѣя основанія опасаться войны въ Германіи и въ Нидерландахъ, могъ сосредоточить все свое вниманіе на своей дѣйствительной соперницѣ, Англіи, и даже былъ въ состояніи вступить съ ней въ войну для защиты независимости Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ.

Кейзерлингъ принадлежалъ къ одной изъ лучшихъ Курляндскихъ фамилій; онъ состоялъ на Русской службѣ со времени вступленія на престолъ императрицы Анны. Онъ долго былъ президентомъ Петербургской Академіи Наукъ, которою онъ управлялъ очень хорошо, а потомъ служилъ по дипломатической части и пріобрѣлъ очень хорошую репутацію. Онъ умеръ, сколько могу припомнить, въ 1765 году въ Варшавѣ, гдѣ онъ былъ посломъ и пользовался большимъ вліяніемъ.

Во время моего пребыванія въ Вѣнѣ дворъ жилъ въ Шёнбруннѣ, и въ этомъ дворцѣ было два или три вечера, на которые приглашались всѣ знатныя лица обоего пола и члены дипломатическаго корпуса. Императрица-королева и императорское семейство обходили всѣ залы, что̀ продолжалось не болѣе часа. Всякій разъ, когда я тамъ бывалъ, эта государыня дѣлала мнѣ честь разговаривать со мной, а когда графъ Кейзерлингъ повезъ меня къ ней, чтобъ я откланялся передъ отъѣздомъ, она поручила мнѣ передать отъ нея много любезностей моему дядѣ и моей теткѣ, и затѣмъ сказала мнѣ нѣчто чрезвычайно лестное для самого меня: она сказала мнѣ, что ей извѣстно, какъ я, не смотря на мою молодость, хорошо велъ себя въ Вѣнѣ, что пребываніе въ Парижѣ очень опасно для молодыхъ людей и что она надѣется, что я тамъ не испорчусь.

Такъ какъ я предполагалъ, на моемъ пути въ Парижъ, посѣтить Баварскій дворъ и дворъ курфирста-палатина, то я запасся рекомендательными письмами къ министрамъ этихъ владѣтельныхъ государей.

Отъ Вѣны до Линца дорога очень хороша, шоссе очень удобно, жилища встрѣчаются часто, и почты хорошо содержатся; мнѣ было нетрудно замѣтить, что населеніе этой части владѣній Австрійскаго дома пользуется большимъ достаткомъ и что тамъ много занимаются промышленностью. При такихъ удобствахъ сообщеній я очень скоро очутился въ Баварскихъ владѣніяхъ. При въѣздѣ въ Баварію мнѣ представилась совершенно иная картина. Дороги плохи, почты дурно содержатся, и незамѣтно ни того достатка, ни той промышленной дѣятельности, которыя я видѣлъ въ Австріи. Эта страна довольно густо

Библиотека "Руниверс"

населена, и почва въ ней плодородна; но она точно будто находится въ младенчествѣ. Впрочемъ она еще не успѣла совершенно оправиться отъ бѣдствій, испытанныхъ ею во время войны 1741 г., въ царствованіе императора Карла VII; въ то время она терпѣла какъ отъ союзныхъ съ Баваріей армій и отъ пришедшихъ защищать ее Французовъ, такъ и отъ Австрійцевъ, съ которыми Карлъ VII велъ войну; и до самаго заключенія мира Вѣнскій дворъ почти непрерывно держалъ это курфиршество въ своей власти и, само собой понятно, облагалъ его тяжелыми контрибуціями.

Наконецъ я прибылъ въ столицу Баваріи—Мюнхенъ. Этотъ городъ обширенъ и недурно обстроенъ; въ немъ есть довольно красивые дома, принадлежащіе дворянству, въ средѣ котораго есть очень древнія фамиліи, занимавшія различныя должности при дворѣ или въ администраціи. Курфирстъ былъ сынъ императора Карла VII; онъ былъ женатъ на дочери Польскаго короля, курфирста Саксонскаго. Его жена была въ ту пору молода и находилась въ замужествѣ уже нѣсколько лѣтъ, но у нея не было дѣтей. Наслѣдникомъ престола былъ жившій въ Мюнхенѣ Баварскій герцогъ, дядя курфирста, гораздо болѣе старый чѣмъ его племянникъ, слѣпой и также бездѣтный; поэтому можно было предвидѣть, что престолъ перейдетъ къ наслѣдникамъ въ боковой линіи и что когда-нибудь оба курфиршества, палатинатъ и Баварія, соединятся подъ властію одного государя.

Въ то время въ Мюнхенѣ жили посланники Вѣнскій, Французскій и Саксонскій. Они жили хорошо и открыто; также открыто жили и нѣкоторые изъ знатныхъ Баварцевъ. Въ обществѣ часто играли въ азартныя игры и въ особенности въ ландскнехтъ. Курфирстъ жилъ въ то время въ деревнѣ, не въ далекѣ отъ города; Вѣнскій посланникъ свезъ меня къ нему. Зáмокъ Нимфенбургъ, гдѣ живетъ дворъ, очень красивъ, величественъ и окруженъ прекрасными садами. Я былъ представленъ курфирсту и его супругѣ и былъ приглашенъ къ обѣду. Тамъ находился въ гостяхъ герцогъ Цвейбрюкенскій. Этотъ герцогъ, проводившій зимы въ Парижѣ, совершенно походилъ и манерами, и тономъ на Французскаго царедворца или вельможу; впослѣдствіи ему достались по наслѣдству оба курфиршества, такъ какъ ни у курфирста Баварскаго, ни у курфирста-палатина не было дѣтей; онъ также былъ бездѣтенъ, но имѣлъ нѣсколько незаконныхъ дѣтей отъ своей любовницы графини Форбахъ, къ которой онъ былъ очень привязанъ и которая также проводила зимы въ Парижѣ.

Возвратившись въ Мюнхенъ, я осмотрѣлъ дворецъ, картинную галлерею и библіотеку и затѣмъ пустился въ дальнѣйшій путь. Я останавливался на нѣкоторое время въ Аугсбургѣ, вольномъ импер-

Библиотека "Руниверс"

скомъ городѣ, очень населенномъ, богатомъ и торговомъ; тамъ много занимались выдѣлкой серебряной посуды и этимъ доставляли занятіе множеству рабочихъ; вся Германія, Польша и сѣверныя государства снабжались оттуда посудой.

Затѣмъ я проѣхалъ черезъ область герцогства Виртембергскаго; почва земли такъ хороша, а жители трудолюбивы и много занимаются винодѣліемъ; тамъ выдѣлываютъ очень хорошія вина и между прочими вино извѣстное подъ именемъ Некервейна. Вообще я нашелъ, что тамошнее населеніе пользуется довольствомъ, не смотря на дурную администрацію. Владѣтельный герцогъ разорялъ страну тѣмъ, что содержалъ слишкомъ большую армію, красивую для глазъ, но которая въ сущности была кукольной комедіей. Въ Семилѣтнюю войну эта армія состояла на Французскомъ жалованьи и лишь только показывалась на полѣ сраженія, тотчасъ была обращаема Пруссаками въ бѣгство. Сверхъ того у герцога была страсть къ празднествамъ, къ театральнымъ зрѣлищамъ и къ балету, и онъ каждый годъ выписывалъ изъ Парижа знаменитаго Сервандони, а при себѣ держалъ балетмейстеромъ Новéра, который былъ извѣстенъ своимъ искусствомъ по этой части. Наконецъ, эта чрезмѣрная роскошь втянула страну въ долги и вынудила Виртембергскіе штаты обратиться за помощью къ императору и къ Прусскому королю. Эти два двора, по взаимному соглашенію, положили конецъ вымогательствамъ, которымъ герцогъ подвергалъ страну и декретомъ, подписаннымъ въ Регенбургѣ, учредили надъ государственными доходами опеку.

Изъ Виртемберга я прибылъ въ Мангеймъ, столицу курфирстовъ-палатиновъ. Это была правильная крѣпость, построенная по системѣ Когорна. Прежде резиденціей для курфирстовъ-палатиновъ служилъ Гейдельбергъ, но они покинули этотъ городъ съ тѣхъ поръ, какъ Французы, въ министерство Лувуа, сожгли все, чтó составляло личную собственность курфирста и опустошили часть курфиршества. Мангеймъ построенъ очень правильно, и его улицы точно будто вытянуты по веревкѣ; тамъ есть большой дворецъ, гдѣ живетъ курфирстъ, и прекрасная театральная зала.

Дворъ находился въ то время въ загородномъ замкѣ Швейцингерѣ, находящемся не подалеку отъ города; туда вела аллея, которая содержалась въ большомъ порядкѣ. Я отправился туда съ рекомендательными письмами къ главному министру курфирста, который, испросивъ разрѣшеніе у своего государя, повезъ меня въ зáмокъ и представилъ меня курфирсту и его супругѣ, и они пригласили меня на обѣдъ. При этомъ дворѣ былъ большой порядокъ, много великолѣпія и довольно всякаго этикета. Курфирстъ имѣлъ репутацію человѣка свѣду-

Библиотека "Руниверс"

щаго и образованнаго, любящаго литературу и искусства. Впослѣдствіи онъ былъ курфирстомъ Баварскимъ, однако въ этомъ санѣ не съумѣлъ поддержать той репутаціи, которою пользовался прежде. Изъ-за наслѣдственныхъ правъ на это курфиршество возгорѣлась было въ 1778 война между Вѣнскимъ дворомъ и королемъ Фридрихомъ II, къ которому присоединилась и Саксонія, заявлявшая притязанія на аллодіальныя владѣнія, входившія въ составъ Баварскаго наслѣдства. Великій Фридрихъ выказалъ по этому случаю большое безкорыстіе и сильное желаніе уладить это дѣло мирнымъ путемъ. Тешенскій миръ положилъ конецъ этой непродолжительной войнѣ, при посредничествѣ и ручательствѣ Россіи. — Главный министръ курфирста, которому я былъ рекомендованъ, пригласилъ меня войти въ столовую, гдѣ ожидали прибытія самого курфирста; я засталъ тамъ многочисленное общество и увидѣлъ накрытый большой столъ. До прибытія курфирста я замѣтилъ, что всѣ очень ухаживаютъ за однимъ пожилымъ человѣкомъ; я спросилъ имя этого старика и къ великому моему удивленію узналъ, что это Вольтеръ. Такъ какъ я всегда восхищался произведеніями Вольтера, то и былъ въ неописанномъ восторгѣ отъ того, что имѣлъ случай его видѣть. Я пожелалъ, чтобъ меня представили этому знаменитому человѣку и просилъ у него позволенія посѣтить его послѣ обѣда (онъ жилъ въ за̀мкѣ). Лишь только вошли въ залу курфирстъ и его супруга, и лишь только они обмѣнялись нѣсколькими словами съ нѣкоторыми изъ гостей, мы сѣли за столъ; мнѣ пришлось сѣсть недалеко отъ курфирста, что̀ мнѣ было очень пріятно, потому что это давало мнѣ возможность не проронить ни одного слова изъ того, что̀ говорилъ Вольтеръ.

Курфирстъ былъ очень любезенъ ко мнѣ, завелъ рѣчь о Россіи и сказалъ мнѣ, что въ своей ранней молодости онъ видѣлъ отрядъ Русскихъ войскъ, проходившій черезъ его палатинатъ. Я полагаю, что это были вспомогательныя войска, посланныя императрицей Анной императору Карлу VI въ 1735 или 1736 г., во время войны, которую Франція объявила Австріи вслѣдствіе избранія короля Августа на Польскій престолъ.

Чтобъ не безпокоить Вольтера тотчасъ послѣ обѣда, я пошелъ прогуливаться въ садъ курфирста, а за тѣмъ отправился въ апартаменты этого писателя и приказалъ доложить о себѣ. Онъ тотчасъ принялъ меня, много говорилъ объ императрицѣ Елисаветѣ, о ея человѣколюбіи и объ изданномъ ею при вступленіи на престолъ законѣ, уничтожавшемъ смертную казнь; онъ также говорилъ мнѣ съ восторгомъ о Петрѣ Великомъ. Онъ въ то время писалъ исторію этого великаго государя; это было мнѣ извѣстно еще до моего отъѣзда изъ

Библиотека "Руниверс"

Петербурга. Мнѣ было также извѣстно, что камергеръ Шуваловъ, находившійся съ нимъ въ перепискѣ, собиралъ для отсылки къ нему матеріалы и свѣдѣнія о Петрѣ Великомъ. Этотъ знаменитый писатель много говорилъ мнѣ о необъятности Россіи и о нашихъ сосѣдяхъ Китайцахъ.

Такъ какъ въ этотъ вечеръ былъ назначенъ спектакль въ замкѣ, куда онъ конечно намѣренъ былъ отправиться, то я не счелъ вѣжливымъ долго его задерживать и попросилъ у него позволенія посѣщать его во время моего пребыванія въ Мангеймѣ. Курфирстъ содержалъ на свой счетъ цѣлую труппу Французскихъ комическихъ актеровъ. Я отправился въ театръ; давали *Магомета*, и я замѣтилъ, что Вольтеръ волновался, когда онъ находилъ, что кто нибудь изъ актеровъ придавалъ иной фразѣ не тотъ смыслъ, какого желалъ авторъ.

Желаніе видаться съ Вольтеромъ заставило меня провести нѣсколько лишнихъ дней въ Мангеймѣ. Каждые два дня я отправлялся на дачу курфирста въ театръ, на которомъ давали однѣ трагедіи Вольтера, а послѣ обѣда посѣщалъ этого знаменитаго писателя, съ которымъ проводилъ одинъ или два часа. Во время моего втораго посѣщенія онъ говорилъ мнѣ о войнѣ, которую ведутъ два императорскіе двора и Франція съ Прусскимъ королемъ; было не трудно замѣтить, что онъ чрезвычайно желалъ униженія короля. Онъ сказалъ мнѣ, что Фридрихъ хитеръ, что онъ обладаетъ большими военными дарованіями и что онъ имѣетъ искусныхъ генераловъ, не смотря на то, что потерялъ многихъ изъ нихъ въ битвахъ 1757 года. Вольтеръ еще такъ недавно вынесъ большія непріятности во время своего пребыванія въ Потсдамѣ, за тѣмъ подвергся во Франкфуртѣ аресту по распоряженію Прусскаго короля и былъ жертвою самаго грубаго обхожденія, и эти непріятныя воспоминанія натурально отзывались въ его разговорѣ. Онъ вообще много говорилъ о Фридрихѣ и передавалъ мнѣ, что въ своихъ бесѣдахъ, въ особенности за ужиномъ, Фридрихъ позволялъ себѣ дурно отзываться объ императрицѣ Елисаветѣ. Я слышалъ отъ Вольтера про оскорбленія, которыя Фридрихъ нанесъ нашему Гроссу и которыхъ свидѣтелемъ былъ самъ Вольтеръ. Позднѣе вѣнценосный поэтъ помирился съ первымъ изъ поэтовъ, и Вольтеръ до своей смерти поддерживалъ переписку съ Прусскимъ королемъ. Когда я былъ у него въ послѣдній разъ, чтобъ проститься съ нимъ, онъ говорилъ мнѣ о моемъ будущемъ пребываніи во Франціи, хвалилъ заведеніе *chevaux légers*, въ которое я намѣревался поступить, далъ мнѣ очень хорошіе совѣты касательно моихъ будущихъ занятій и въ заключеніе посовѣтовалъ мнѣ, чтобъ, проѣзжая че-

Библиотека "Руниверс"

резъ Страсбургъ, я повидался тамъ съ однимъ почтеннымъ ученымъ, который можетъ быть очень мнѣ полезенъ своими познаніями. Это былъ г. Шепфингъ, къ которому онъ далъ мнѣ рекомендательное письмо. Черезъ два мѣсяца послѣ того я узналъ отъ камергера Шувалова, съ которымъ я былъ въ перепискѣ, что Вольтеръ сообщилъ ему о нашихъ неоднократныхъ свиданіяхъ въ Мангеймѣ и отзывался обо мнѣ съ похвалой.

Я очень скоро доѣхалъ отъ Мангейма до Страсбурга, но не нашелъ тамъ ученаго, къ которому имѣлъ рекомендательное письмо: онъ предпринялъ поѣздку по Германіи. Однако я все-таки остановился въ Страсбургѣ на одинъ или два дня, чтобъ осмотрѣть городъ, который показался мнѣ большимъ и очень населеннымъ. Это одна изъ самыхъ значительныхъ Французскихъ крѣпостей, обыкновенно охраняемая 10-ти или 12-ти тысячнымъ гарнизономъ; но тамъ лишь было тогда нѣсколько Французскихъ баталіоновъ и остатки Саксонскихъ войскъ, непопавшіе въ руки Прусскаго короля въ сраженіи при Пирнѣ и взятые на содержаніе Франціей. Тамъ было особенно много Саксонскихъ офицеровъ. Въ Страсбургѣ есть муниципальное правленіе, похожее на то, которое существуетъ въ большихъ и богатыхъ имперскихъ городахъ. Тамъ былъ хорошій театръ и довольно многочисленное общество. Страсбургъ, какъ извѣстно, принадлежалъ къ Имперіи въ числѣ имперскихъ городовъ, и сверхъ того составлялъ очень значительное епископство, приносившее большіе доходы. Епископы сохранили этотъ порядокъ вещей, и Страсбургскими епископами всегда назначается какой нибудь князь изъ дома де-Рогановъ. Тотъ, который былъ въ ту пору епископомъ, былъ кардиналъ и дядя князя Субиза, старикъ, жившій въ великолѣпной деревнѣ, называвшейся Савернъ, не подалеку отъ города. Когда Германія была вынуждена Вестфальскимъ миромъ уступить Франціи всю провинцію Альзасъ, Страсбургъ не былъ включенъ въ эту уступку и остался вольнымъ городомъ. Но черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того Лудовикъ XIV, дозволявшій себѣ въ ту пору всякія насилія, овладѣлъ, среди полнаго мира, этимъ городомъ, который и былъ ему уступленъ Германской имперіей въ силу подписанныхъ вслѣдъ за тѣмъ мирныхъ договоровъ.

На пути отъ Страсбурга до Парижа я останавливался во всѣхъ сколько нибудь замѣчательныхъ городахъ и между прочимъ въ Нанси и Люневилѣ. Я осмотрѣлъ всѣ заведенія и улучшенія, которыми обязаны эти два города королю Станиславу Лещинскому. Онъ обыкновенно жилъ въ Лотарингіи; кромѣ выстроеннаго имъ въ городѣ дворца, онъ имѣлъ нѣсколько прекрасныхъ помѣстій, въ которыхъ проводилъ лѣто; онъ держалъ дворъ, при которомъ царствовалъ большой поря-

Библиотека "Руниверс"

докъ и въ средѣ котораго можно было очень пріятно проводить время. При этомъ дворѣ, какъ извѣстно, долго жили Вольтеръ, знаменитая маркиза дю-Шатле, Мопертюи и нѣкоторые другіе литераторы. Польскій король Лещинскій ежегодно получалъ доходовъ съ Лотарингіи два милліона четыреста тысячъ Турскихъ франковъ; благодаря своей бережливости и своему управляющему Алліоту, очень опытному въ денежныхъ дѣлахъ, онъ былъ въ состояніи на эти скромные доходы не только содержать свой дворъ, но также возводить новыя постройки и основывать много богоугодныхъ заведеній. Его обожали жители Лотарингіи. Разъ въ годъ онъ ѣздилъ на одинъ мѣсяцъ въ Версаль, чтобъ повидаться съ королевой, своей дочерью.

Я прибылъ во Францію черезъ 15 или 16 мѣсяцевъ послѣ того, какъ Даміень попытался, въ началѣ 1757 года, убить Людовика XV. Это преступленіе было послѣдствіемъ общаго настроенія умовъ въ пользу парламентовъ, уже начинавшихъ довольно открыто вступать въ борьбу съ дворомъ. Къ этому присоединялись съ одной стороны преувеличенное религіозное усердіе Янсенистовъ, а съ другой фанатизмъ Парижскаго архіепископа Бомона. Дворъ оказывался неспособнымъ рѣшительно стать на чью либо сторону: онъ иногда изгонялъ парламентъ изъ Парижа, а потомъ призывалъ его снова и изгонялъ архіепископа Бомона куда нибудь въ деревню или въ аббатство Конфланъ. Не трудно было замѣтить, что это броженіе и разгоряченіе умовъ охватило всѣ провинціи. Въ гостинницахъ, въ которыхъ мнѣ приходилось останавливаться и которыя очень хороши, хотя довольно дороги, даже жены трактирщиковъ не говорили мнѣ ни о чемъ другомъ, какъ объ ихъ уваженіи къ парламенту, о принцѣ Конти, который, по ихъ словамъ, былъ другъ народа и защитникъ привилегій ихъ парламента, и о томъ, что ихъ добраго короля, который въ ту пору еще былъ любимъ, всѣ обманываютъ.

Я слушалъ ихъ, но не противорѣчилъ имъ. Если обратить должное вниманіе на тогдашнюю склонность въ умахъ разгорячаться и увлекаться, нетрудно будетъ открыть въ ней зародышъ того, что̀ случилось впослѣдствіи. Однако въ ту пору еще не было рѣчи о чемъ-либо враждебномъ къ престолу и церкви; монархія еще считалась неизмѣнной формой правленія во Франціи и неразрывно связанной съ царствующимъ домомъ Бурбоновъ. Это были истины, запечатлѣвшіяся во всѣхъ сердцахъ. Жалобы и неудовольствіе народа были направлены противъ налоговъ, которыми онъ былъ обремененъ, а также противъ г-жи Помпадуръ и противъ министровъ, которыхъ считали виновниками разстройства финансовъ.

Библиотека "Руниверс"

Однако парламенты, и въ особенности Парижскій парламентъ, пріобрѣтали съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе довѣрія и уваженія въ глазахъ народа. Даже изгнанія, которыми ихъ иногда наказывали, были имъ благопріятны, потому что усиливали народное къ нимъ расположеніе. Изгнанія парламентовъ, къ которымъ дворъ прибѣгалъ, когда былъ выводимъ изъ терпѣнія оказаннымъ ему сопротивленіемъ, были непродолжительны, потому что законники, адвокаты и прокуроры отказывались отъ веденія тяжебныхъ дѣлъ, такъ что отправленіе правосудія пріостанавливалось, и король въ концѣ концовъ снова призывалъ парламентъ и даже дѣлалъ ему въ нѣкоторыхъ статьяхъ уступки. Вотъ въ какомъ положеніи находилось внутреннее управленіе Франціи во время моего прибытія туда. За нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, парламенты начали переписываться другъ съ другомъ; въ своихъ дѣловыхъ бумагахъ и въ своихъ протестахъ они ввели слово *чины* (classes) на которое не было обращено правительствомъ вниманія, но которое имѣло тотъ смыслъ, что всѣ эти парламенты, и въ томъ числѣ Парижскій, составляютъ одно цѣлое и нѣкоторымъ образомъ замѣняютъ государственные чины и служатъ ихъ представителями, тогда какъ на самомъ дѣлѣ парламенты были ничто иное, какъ судебныя палаты, учрежденныя королемъ.

Впрочемъ слѣдуетъ замѣтить, что всѣ эти парламенты, въ особенности Парижскій, состояли изъ самыхъ выдающихся людей судебнаго званія; въ нихъ засѣдали между прочимъ такіе предсѣдатели судовъ, какъ Ламуаньонъ, Дагессо, Молэ, фамиліи которыхъ пользовались въ теченіи многихъ столѣтій общимъ уваженіемъ во Франціи. Эти люди, сверхъ того, имѣли большія имѣнія, нажитыя благодаря ихъ правильной жизни и бережливости, и отличались большимъ безкорыстіемъ, чистотою нравовъ и твердостью правилъ, немало способствовавшими утвержденію ихъ вліянія, тогда какъ два другихъ сословія, высшее дворянство, примыкавшее ко двору, и духовенство оскорбляли общественную нравственность своимъ образомъ жизни и роскошью. Уваженіе и вліяніе, которыми пользовались парламенты, усиливались съ каждымъ днемъ и становились очень стѣснительными для двора. Почти ни одинъ королевскій эдиктъ не проходилъ безъ протестовъ и безъ того, чтобъ король Франціи не былъ вынужденъ прибѣгать къ такъ называемымъ *lits de justice*, которые снова служили поводомъ для разгоряченія умовъ. Увѣряютъ даже, что Шуазёль, сдѣлавшійся всемогущимъ въ министерствѣ по кончинѣ госпожи Помпадуръ, пользовался парламентами, когда ему нужно было удалить кого нибудь изъ неудобныхъ для него сотоварищей по министерству, и что между нимъ,

Библиотека "Руниверс"

герцогомъ де-Праленомъ и парламентами существовало тайное соглашеніе.

Однако, партія, враждебная Шуазёлямъ, усиливалась при дворѣ въ особенности по причинѣ высокомѣрія сестры герцога Шуазёля, герцогини де-Граммонъ, имѣвшей большое вліяніе на своего брата. Въ то время Людовикъ XV публично взялъ въ любовницы дѣвицу Ажъ, которая впослѣдствіи была извѣстна подъ именемъ г-жи Дю-Барри, и которая, прежде чѣмъ достигнуть своего величія, была достояніемъ всѣхъ и каждаго. Г. Шуазёль не обращалъ на нее никакого вниманія, а его сестра относилась къ ней съ презрѣніемъ и съ насмѣшками, можетъ быть полагая, что этимъ способомъ она заставитъ короля отослать ее; но случилось совершенно противоположное: были сосланы въ свои помѣстья герцогъ Шуазёль и герцогъ Праленъ. Партія, враждебная Шуазёлямъ, состояла изъ принца Субиза, герцоговъ Ришельё и д Эгильона и знаменитаго канцлера Мопу. Всѣ они присоединились къ г-жѣ Дю-Барри. Лудовика XV увѣрили, что Шуазёли перешли на сторону парламентовъ, что, безъ ихъ поощренія и тайнаго содѣйствія, парламенты никогда не дерзнули-бы на поступки, становящіеся съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе непріятными для двора и что при этомъ имѣется въ виду установить нѣчто въ родѣ опеки надъ самимъ королемъ: тогда Шуазёль управлялъ-бы вмѣстѣ съ парламентами Франціей, какъ настоящій палатный меръ.

Канцлеръ Мопу, человѣкъ чрезвычайно умный, близко знакомый съ внутреннимъ положеніемъ Франціи и хорошо знавшій, къ чему способны и къ чему неспособны парламенты, но при этомъ склонный къ насильственнымъ мѣрамъ, объяснялъ Лудовику XV, что отъ парламентовъ можно избавиться, что достигнуть этого гораздо легче чѣмъ кажется, если только король рѣшительно захочетъ этого, и что необходимо начать удаленіемъ герцога Шуазёля и его двоюроднаго брата герцога Пралена изъ министерства. Касательно изгнанія герцога Шуазёля (который былъ сосланъ въ свое помѣстье Шантелу) можно сказать, что оно было скорѣе торжествомъ для него, нежели паденіемъ. Въ день его отъѣзда изъ Парижа выѣхало изъ различныхъ Парижскихъ заставъ около 800 каретъ, въ которыхъ находились самые выдающіеся люди Франціи, спѣшившіе засвидѣтельствовать ему о своемъ соболѣзнованіи и о питаемомъ къ нему сочувствіи. Такова была въ ту пору сила общественнаго мнѣнія во Франціи, и таковою она выказала себя много разъ впослѣдствіи. Абсолютная верховная власть не была въ состояніи ни подавить ее, ни сдерживать въ теченіе всего времени изгнанія Шуазёля и, потому считалось хорошимъ тономъ посѣщать его и выражать ему свое уваженіе; но герцогъ принималъ

Библиотека "Руниверс"

только тѣхъ, съ кѣмъ былъ въ дружбѣ или близко знакомъ. Онъ, какъ извѣстно, проводилъ въ Шантелу время очень пріятно въ обществѣ своей сестры и своей жены. Онъ отличался веселымъ настроеніемъ ума и потому смѣялся надъ всѣмъ, что̀ сдѣлалось, и въ особенности надъ замѣнившими его министрами. Наконецъ, было рѣшено изгнать и совсѣмъ уничтожить парламенты; канцлеръ Мопу взялся за это столько же трудное сколько опасное дѣло и довелъ его до конца съ величайшимъ искусствомъ и въ совершенномъ секретѣ: мушкатеры, снабженные предписаніями отъ двора, сообщили каждому изъ парламентскихъ членовъ приказаніе выѣхать изъ Парижа съ указаніемъ обозначеннаго въ томъ же предписаніи мѣста, куда они должны удалиться. Почти въ тоже время военные начальники въ провинціяхъ исполнили точно такія же приказанія относительно другихъ парламентовъ. Опубликованный вслѣдъ за тѣмъ королевскій эдиктъ упразднялъ всѣ эти парламенты, назначая денежное вознагражденіе за упраздняемыя должности, и въ замѣну ихъ учреждалъ новые парламенты, въ которыхъ мѣста уже раздавались правительствомъ, а не пріобрѣтались покупкою.

Сначала было нелегко найти достаточное число лицъ для наполненія этихъ новыхъ трибуналовъ, тѣмъ болѣе, что всякій опасался возбудить противъ себя общественное негодованіе, если приметъ участіе въ этой новой администраціи; но канцлеръ Мопу успѣлъ преодолѣть всѣ эти затрудненія. Прокуроры и адвокаты, сначала отказывавшіеся отъ веденія дѣлъ въ этихъ новыхъ парламентахъ, наконецъ подчинились новому закону, и все уладилось. Броженіе умовъ было въ ту пору очень сильно во Франціи; но такъ какъ въ то время не было такихъ злодѣевъ, какъ послѣдній герцогъ Орлеанскій, и не было такихъ людей, какъ Мирабо, Сіэсъ и Робеспьеръ, то все мало-помалу успокоилось. Правда, нѣкоторые изъ принцевъ крови, а также нѣкоторые герцоги и пэры, высказались въ пользу парламентовъ; но всѣ они мало-по-малу снова перешли на сторону двора. Можно положительно утверждать, что Лудовикъ XV провелъ очень спокойно два послѣдніе года своей жизни и могъ считать эту новую администрацію вполнѣ установившеюся. Онъ умеръ въ 1774 жертвою разврата, заразившись оспой отъ одной молодой дѣвушки, съ которой онъ былъ въ связи и о которой не знали, что она носитъ въ себѣ зародышъ этой болѣзни.

Многіе были того мнѣнія, что его преемникъ Лудовикъ XVI могъ бы сохранить этотъ порядокъ вещей и спокойно пользоваться плодами перемѣны, въ которой его предшественникъ взялъ на себя все, что̀ въ ней было самаго гнуснаго. Но этотъ государь, которому только

Библиотека "Руниверс"

что минуло 20 лѣтъ и который былъ полонъ добродѣтелей и хорошихъ намѣреній, вступилъ на иной путь. Онъ снова призвалъ бывшаго министра Лудовика XV Морепа, находившагося въ ссылкѣ съ 1749 и пользовавшагося уваженіемъ покойнаго дофина (отца Лудовика XVI) и поручилъ ему дѣла управленія. Этотъ министръ былъ старъ, отличался привѣтливостью, но былъ очень легкомысленъ. Такъ какъ онъ принадлежалъ къ одной изъ самыхъ старинныхъ фамилій, занимавшихъ высшія судейскія должности, то и началъ съ того, что посовѣтовалъ новому королю отмѣнить вновь учрежденные парламенты и возстановить старые, что́, по его словамъ, доставило бы королю большую популярность.

Лудовикъ XVI послѣдовалъ этому совѣту, и, конечно, это не привело къ добру; можетъ быть, это и было одною изъ причинъ паденія трона и пережитой Франціею революціи. Мнѣ помнится, что я видѣлъ письмо отъ Фридриха II къ Вольтеру или къ д'Аламберу, изъ котораго ясно, что онъ не одобрялъ этой мѣры. Увѣряютъ, что когда Лудовикъ XVI велѣлъ объявить канцлеру Мопу о его ссылкѣ и о возстановленіи старыхъ парламентовъ, Мопу отвѣчалъ посланному: «Конечно, король вправѣ, если это ему угодно, возобновить борьбу, которая долго велась между королями Франціи и ихъ парламентами, и которую я покончилъ въ пользу его дѣда. Я желаю только, чтобъ его величество не имѣлъ повода въ этомъ раскаяваться». Впрочемъ, нелишнимъ будетъ замѣтить, что всѣ эти парламенты, присвоившіе себѣ такую большую власть, въ особенности при правительствахъ слабыхъ и во время малолѣтства королей, были по своему происхожденію ничѣмъ инымъ какъ высшими судебными учрежденіями для разбирательства гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ. Такъ смотрѣлъ на парламенты Лудовикъ XIV, когда вводилъ ихъ въ завоеванныхъ провинціяхъ и учредилъ Лильскій парламентъ во Фландріи и Безансонскій въ Франшъ-Контэ; а Лудовикъ XV даже учредилъ парламентъ въ Нанси, во время присоединенія Лотарингскаго герцогства къ Франціи.

Наконецъ, черезъ шесть или семь дней путешествія, я добрался до послѣдней станціи передъ Парижемъ. Мой экипажъ изломался, и мнѣ приходилось ночевать на этой послѣдней станціи. Такъ какъ мнѣ хотѣлось скорѣе быть въ Парижѣ, а главное скорѣе получить письма изъ Петербурга, которыхъ я не имѣлъ со времени моего отъѣзда изъ Вѣны, то я рѣшился оставить мой экипажъ и мою прислугу и отправиться въ Парижъ одному. Съ этой цѣлію я попросилъ почтмейстера дать мнѣ легонькую телѣжку; онъ далъ мнѣ очень плохую, но я все таки рѣшился ѣхать и приказалъ ямщику

Библиотека "Руниверс"

везти меня въ какую-нибудь гостиницу или въ меблированныя комнаты. Экипажъ, который я оставилъ на станціи, внушилъ моему ямщику убѣжденіе, что я въ состояніи платить за хорошее помѣщеніе; поэтому онъ привезъ меня въ Сенъ-Жерменское предмѣстіе, въ отель Люинь, одинъ изъ лучшихъ меблированныхъ домовъ, какіе только можно найти въ Парижѣ. Мой плохой экипажъ не внушилъ хозяину до́ма высокаго обо мнѣ мнѣнія, и мнѣ было объявлено, что всѣ комнаты заняты; но когда мой ямщикъ сказалъ ему что-то на ухо, вѣроятно объясняя ему, что мой собственный экипажъ остался на станціи, тогда хозяинъ измѣнилъ обращеніе и сказалъ мнѣ, что онъ позабылъ, что у него есть свободное помѣщеніе, которое я могу занять. Онъ провелъ меня туда; это были довольно красивыя комнаты.

Уже было около 8 часовъ вечера, когда я прибылъ въ Парижъ; однако я все таки рѣшился тотчасъ отправиться къ нашему послу и съ этою цѣлію попросилъ хозяина доставить мнѣ наемную карету и наемнаго лакея. Затѣмъ онъ спросилъ у меня, не нуженъ-ли мнѣ портной, чтобъ одѣть меня такъ, какъ одѣваются въ Парижѣ, на что я согласился. Онъ тотчасъ привелъ ко мнѣ одного изъ самыхъ извѣстныхъ портныхъ, у котораго я спросилъ, можетъ-ли онъ сдѣлать мнѣ въ самомъ скоромъ времени платье, какое носятъ въ этотъ сезонъ; онъ отвѣчалъ мнѣ, что доставитъ мнѣ такое платье непремѣнно завтра утромъ въ одиннадцать часовъ. Я сѣлъ въ карету и отправился къ послу, котораго засталъ уже удалившимся въ свой кабинетъ. Онъ тотчасъ пригласилъ меня войти и принялъ меня родственно, по дружбѣ своей съ моимъ дядюшкою. Этотъ почтенный старикъ передалъ мнѣ много писемъ, которыя были адресованы къ нему на мое имя, и сказалъ мнѣ, что у него приготовлено для меня помѣщеніе, о чемъ онъ уже извѣстилъ дядюшку, и что я сейчасъ-же могу занять его. Я поблагодарилъ его и, сообщивъ ему, что я оставилъ мой багажъ на послѣдней станціи и остановился въ меблированныхъ комнатахъ, просилъ его позволить мнѣ переночевать тамъ и воспользоваться его любезнымъ предложеніемъ съ завтрашняго дня; онъ согласился на это съ тѣмъ, чтобъ я переѣхалъ къ нему на другой день и оставался у него обѣдать. Пробывъ нѣсколько времени у гр. Бестужева, я возвратился въ мое помѣщеніе и поспѣшилъ лечь въ постель, такъ какъ я былъ очень утомленъ отъ дороги. Утромъ, лишь только я проснулся, я узналъ, что мой экипажъ и мои люди уже тутъ: ямщикъ, который везъ меня, указалъ имъ туда дорогу. Они сказали мнѣ, что на заставахъ ихъ немилосердно обыскивали и осматривали, но при этомъ не было найдено ничего такого, что̀ могло бы подлежать уплатѣ пошлинъ или конфискаціи. Утромъ я узналъ отъ моего

Библиотека "Руниверс"

хозяина, что въ числѣ знатныхъ лицъ, остановившихся въ его домѣ находятся: мать нашей великой княгини, принцесса Ангальтъ-Цербская, уже жившая тамъ двѣ недѣли, и г. Салтыковъ. Это тотъ самый графъ Иванъ Петровичъ Салтыковъ, который состоитъ теперь фельдмаршаломъ. Мой портной Лесажъ принесъ мнѣ заказанное платье въ назначенный часъ; затѣмъ я простился съ моимъ хозяиномъ, что́ было ему очень непріятно, заплатилъ ему все что̀ слѣдовало и отправился въ отель нашего посла, приказавъ моимъ людямъ перевезти туда и мой экипажъ.

Графъ Бестужевъ занималъ отель очень красивый, но въ отдаленномъ кварталѣ, на *Place Royale*. Этотъ домъ построенъ знаменитымъ кардиналомъ Ришелье; о немъ даже упоминается въ комедіи Корнеля *Le Menteur*. Въ этотъ день обѣдали у посла только чиновники его канцеляріи, Черневъ и Хотинскій. Столъ былъ очень хорошъ и сервированъ съ большимъ порядкомъ и чистотой. Мое помѣщеніе также было очень хорошо. Узнавъ изъ афишъ, что въ этотъ день давали *Заиру*, я попросилъ у гр. Бестужева позволенія отправиться въ театръ, сказавъ ему, что я горю нетерпѣніемъ увидѣть, какъ играютъ на Парижской сценѣ. Онъ согласился на это и приказалъ Хотинскому сопровождать меня. Я былъ удивленъ и пораженъ этимъ представленіемъ и въ особенности игрой Лекена и Саразена, исполнявшаго роль Люзиньяна. Этотъ актеръ былъ уже очень старъ и игралъ на театрѣ въ послѣдній разъ. Дѣвица Госсенъ, хотя и немолодая женщина, очень хорошо исполнила роль Заиры, внесла въ нее много чувствительности и вызывала аплодисменты. Зала, въ которой давалось представленіе, некрасива, находится въ узенькой улицѣ и недостойна такого большаго города. Кромѣ *Французской Комедіи*, въ Парижѣ былъ еще Итальянскій театръ, на которомъ давались пьесы съ арлекинами и даже Французскія пьесы безъ арлекиновъ, а также комическія оперы. Тамъ были очень хорошіе актеры, въ особенности знаменитый Карленъ. Была еще *Большая Опера* или, какъ ее называли, *Академія Музыки*; тамъ давались спектакли, производившіе впечатлѣніе балетами, декораціями, хорами, увертюрой оркестра и множествомъ дѣйствующихъ лицъ, появлявшихся на сценѣ. Актеры исполняли свои роли въ совершенствѣ, точно будто они разыгрывали какую нибудь трагедію, а либретто было всегда составлено съ большимъ тщаніемъ, не такъ какъ въ большихъ Итальянскихъ операхъ. Тѣмъ не менѣе этотъ спектакль мнѣ не понравился: и Французская музыка, и вскрикиванья пѣвцовъ драли мнѣ уши; я сталъ ходить туда только тогда, когда давали оперу Ж. Ж. Руссо *Le Devin du Village*. Французы очень горячо отстаивали достоинство своей музыки; за нѣ-

Библиотека "Руниверс"

сколько лѣтъ до моего пріѣзда въ Парижъ, тамъ даже возникло нѣчто въ родѣ раскола вслѣдствіе того, что нѣкоторые Французскіе литераторы, побывавшіе за границей, превозносили прелести Итальянской музыки. Именно въ то время и вышла въ свѣтъ знаменитая брошюра, носившая заглавіе *Le Petit Prophête de Boemisch-Broda*, которая была написана въ пользу Итальянцевъ, которую приписывали Гримму и которая доставила извѣстность этому писателю. Опера находилась вблизи отъ Пале-Рояля, такъ что по выходѣ изъ театра многіе прогуливались въ прекрасномъ саду, примыкающемъ къ этому дворцу. Въ Парижѣ былъ еще театръ, называвшійся *Spectacle de la Foire*, для комическихъ оперъ, но на немъ давались представленія только въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ въ году. Г. Хотинскій былъ такъ любезенъ, что свезъ меня во всѣ эти театры.

Кромѣ чиновниковъ канцеляріи, жившихъ въ домѣ посла, при немъ состояло еще четыре кавалера посольства, а именно графъ Остерманъ, который былъ въ послѣдствіи канцлеромъ, князь Голицынъ и двое князей Долгорукихъ. Посолъ очень цѣнилъ графа Остермана, который могъ приходить къ нему обѣдать, когда хотѣлъ; другіе же кавалеры посольства приходили къ нему обѣдать только по Воскресеньямъ и Четвергамъ, когда столъ накрывался на 16 или 18 кувертовъ. Въ его домѣ была Греческая церковь, а священникомъ въ ней былъ одинъ монахъ, бывшій въ послѣдствіи архіереемъ; это былъ самый большой фанатикъ, какого мнѣ когда-либо случалось встрѣчать. Онъ ставилъ въ неловкое положеніе посла, а также всѣхъ находившихся въ Парижѣ Русскихъ, обращаясь къ нимъ съ наставленіями въ своихъ проповѣдяхъ. Онъ хотѣлъ, чтобъ всѣ эти путешественники и свѣтскіе люди жили монахами. Сверхъ того, при Бестужевѣ состоялъ еще графъ Ефимовскій, имѣвшій честь находиться въ родствѣ съ Императрицей черезъ Скавронскихъ. Она сама рекомендовала его нашему послу и назначила ему три тысячи рублей жалованья въ годъ. Это былъ прекрасный молодой человѣкъ, подававшій большія надежды, но къ сожалѣнію онъ умеръ въ слѣдующемъ году вслѣдствіе простуды. Я былъ очень друженъ съ нимъ.

Сверхъ того, въ Парижѣ находились въ ту пору нѣкоторые Русскіе путешественники, какъ-то два или три Измайлова, князья Голицыны и Долгорукіе, два брата Карръ, г. Нелединскій и нѣсколько другихъ, имена которыхъ я не припомню. Посолъ не былъ доволенъ ихъ поведеніемъ и не принималъ ихъ къ себѣ; дѣйствительно, всѣ эти господа дѣлали долги, и въ этомъ числѣ былъ графъ Иванъ Салтыковъ, который былъ заключенъ въ 1759 году за долги въ фортъ Левекъ. По этому поводу Бестужевъ имѣлъ очень горячее объясненіе

Библиотека "Руниверс"

съ министромъ иностранныхъ дѣлъ, герцогомъ Шуазёлемъ. Герцогъ Шуазёль очень возвысилъ тонъ, но нашъ посолъ отвѣчалъ тѣмъ же; наконецъ, герцогъ понялъ, что въ письмахъ, которыя онъ писалъ по этому поводу къ послу, онъ былъ слишкомъ заносчивъ, и чрезъ посредство Австрійскаго посла просилъ графа Бестужева позабыть о случившемся и ничего не сообщать своему двору, а Салтыкова онъ тотчасъ приказалъ выпустить на свободу.

Графъ Бестужевъ, давшій обѣщаніе, что семейство Салтыкова заплатитъ всѣ его долги, написалъ объ этомъ дядѣ Салтыкова, фельдмаршалу князю Трубецкому; деньги скоро были присланы вмѣстѣ съ просьбою отослать Салтыкова въ Россію. Слѣдуетъ замѣтить, что эти безразсудства графа Салтыкова случайнымъ образомъ обратились ему въ пользу. Прибывъ въ Варшаву, онъ узналъ, что его отецъ замѣнилъ графа Фермора въ командованіи арміей. Поэтому, вмѣсто того чтобъ ѣхать въ Петербургъ, онъ отправился къ отцу, къ которому и пріѣхалъ за нѣсколько дней до побѣды, одержанной имъ при Пальцигѣ надъ Пруссаками. Отецъ отправилъ его въ Петербургъ съ этимъ извѣстіемъ, и Императрица произвела его въ камеръ-юнкеры, что̀ считалось въ ту пору большимъ отличіемъ. А когда его отецъ одержалъ при Франкфуртѣ-на-Одерѣ рѣшительную побѣду надъ Прусской арміей, предводимой самимъ королемъ, былъ произведенъ въ фельдмаршалы, и по окончаніи кампаніи былъ вызванъ въ Петербургъ для того чтобъ условиться съ министрами касательно операцій будущей кампаніи, онъ просилъ у Императрицы позволенія опредѣлить сына при себѣ въ армію; тогда молодой Салтыковъ произведенъ въ бригадиры, продолжалъ военную службу и, наконецъ, достигъ самъ званія фельдмаршала.

Послы обыкновенно ѣздили по Вторникамъ въ Версаль, чтобъ представляться королевскому семейству и совѣщаться съ министромъ иностранныхъ дѣлъ, у котораго они обѣдали. Нашъ посолъ намѣревался свезти меня туда, чтобъ представить меня аббату Берни и переговорить съ нимъ касательно моего поступленія въ школу *chevaux légers*; но въ первые два Вторника моего пребыванія въ Парижѣ король ѣздилъ на охоту, и потому пріемъ пословъ былъ отложенъ до другаго времени. Тѣмъ временемъ я старался познакомиться съ Парижемъ, много ходилъ пѣшкомъ, посѣщалъ лавки и книжные магазины. Огромное число этихъ послѣднихъ поразило меня. Кромѣ улицы Сенъ-Жакъ, которая вся наполнена книжными магазинами, нѣтъ почти ни одной большой улицы, гдѣ-бы ихъ не было. Бестужевъ представилъ меня принцессѣ Ангальтъ-Цербской, къ которой онъ самъ повезъ меня. Эта принцесса покинула городъ Цербстъ, когда отрядъ

Библиотека "Руниверс"

Прусскихъ гусаръ вошелъ туда и на всѣхъ наложилъ контрибуцію, что́ и заставило ее искать убѣжища въ Парижѣ. Она пріѣхала туда лишь недѣли за двѣ до́ меня и занимала еще апартаменты въ отелѣ Люинь, гдѣ я останавливался. Въ послѣдствіи она наняла большой домъ, учредила его на большую ногу и очень разстроила свои денежныя дѣла. Посолъ свезъ меня также къ нѣкоторымъ изъ своихъ знакомыхъ, между прочимъ къ богатому главному откупщику г-ну де-ла-Попелиньеръ, который давалъ каждую Субботу концерты, балы и ужины. Онъ также свезъ меня къ тестю маркиза Лопиталя, г-ну де-Булоню, которому этотъ посолъ рекомендовалъ меня; г. де-Булонь занималъ въ то время постъ главнаго контролёра финансовъ и жилъ побарски.—Бульвары были въ то время въ большой модѣ; по Четвергамъ и Воскресеньямъ тамъ прогуливались въ экипажахъ. Посолъ взялъ меня въ свою карету, чтобъ показать мнѣ это гулянье. Оно поразило меня и многолюдствомъ, и красотою экипажей.

Кромѣ вышеупомянутыхъ Русскихъ, жившихъ въ Парижѣ, во Франціи находилась еще одна очень выдающаяся личность—князь Дмитрій Голицынъ, бывшій въ послѣдствіи посломъ въ Вѣнѣ; съ нимъ и его супруга, дочь Валашскаго господаря Кантемира. Императрица позволила имъ провести нѣсколько лѣтъ за границей для поправленія здоровья. Съ ними былъ и знаменитый генералъ Бецкій, игравшій важную роль въ царствованіе Екатерины II. Во время моего прибытія въ Парижъ, всѣ они находились на водахъ въ Пломбьерѣ, откуда возвратились только осенью. Княгиня, владѣвшая большими помѣстьями, жила очень открыто въ Парижѣ; у ней-то я и познакомился съ знаменитой дѣвицей Клеронъ, часто посѣщавшей ее. Княгиня питала къ ней дружбу и заказала живописцу Карлу Ванлоо сдѣлать портретъ г-жи Клеронъ въ роли Медеи; этотъ прекрасный портретъ княгиня подарила актрисѣ. Пресловутая Анастасія, въ послѣдствіи сдѣлавшаяся извѣстною подъ именемъ г-жи Рибасъ, служила горничной у княгини, которая потомъ помѣстила ее къ г-жѣ Клеронъ для того, чтобъ сія послѣдняя развила ея талантъ. Въ числѣ Русскихъ, находившихся въ Парижѣ, былъ также г. Бреверпъ, человѣкъ очень почтенный, братъ тайнаго совѣтника Бреверна, который занималъ видныя должности при императрицѣ Аннѣ, во времена регентства и даже въ началѣ царствованія императрицы Елисаветы, питавшей къ нему большое довѣріе; онъ умеръ, состоя на службѣ, въ 1743 году. Что же касается брата этого Бреверна, то это былъ очень порядочный человѣкъ; графъ Бестужевъ уважалъ его и часто приглашалъ къ себѣ. Нашему послу было въ то время лѣтъ за 70; онъ отличался лучшимъ тономъ, большой любезностью и большимъ знаніемъ свѣта. Повсюду, гдѣ

Библиотека "Руниверс"

онъ исполнялъ дипломатическія миссіи, онъ умѣлъ внушить къ себѣ уваженіе. Онъ не былъ богатъ, потому что никогда не получалъ, какъ онъ самъ говорилъ мнѣ, никакихъ подарковъ отъ нашихъ государей. Хотя онъ постоянно состоялъ на службѣ съ послѣднихъ годовъ царствованія Петра Великаго, все его состояніе заключалось въ 8 или 9 стахъ душахъ; но, благодаря порядку и бережливости, онъ составилъ себѣ капиталъ въ 60 или 70 тысячъ рублей и имѣлъ богатую движимость; его жалованье заключалось въ 20,000 рубл. съ выгодами промѣна, что́ составляло около 100,000 франковъ. Онъ имѣлъ прекрасный отель, одинъ изъ лучшихъ экипажей въ Парижѣ и соотвѣтствующую экипажу ливрейную прислугу. Мнѣ рѣдко случалось видѣть домъ лучше устроенный и содержимый въ лучшемъ порядкѣ; когда онъ давалъ большіе обѣды дипломатическому корпусу или мѣстной аристократіи, у него все было прилично и какъ слѣдуетъ. Даже его ежедневный столъ былъ очень хорошъ. Такъ какъ онъ былъ очень друженъ съ дядюшкою, то я пользовался въ его домѣ всѣми возможными удобствами. Нерѣдко онъ бесѣдовалъ со мною о дѣлахъ съ цѣлію сообщить мнѣ полезныя свѣдѣнія. Онъ разсказывалъ мнѣ много анекдотовъ о Швеціи, гдѣ онъ долго жилъ и даже оставался въ 1741 году, когда Шведы объявили намъ войну. Я узналъ отъ него много подробностей о знаменитомъ дѣлѣ полковника Синклера, множество анекдотовъ о Петрѣ Великомъ, объ императрицѣ Аннѣ и о министерствѣ графа Остермана, а также много интереснаго объ интригахъ Французской партіи въ началѣ царствованія Елисаветы, о г-нѣ де-ла-Шетарди, о приверженцахъ Пруссіи, о Голштинской партіи и о нѣкоторыхъ Русскихъ, которые присоединились къ ней. Эти послѣдніе старались добиться мира съ Швеціей съ нѣкоторыми уступками въ ея пользу и увѣряли Императрицу, что будто Швеція объявила войну Россіи во времена регентства принцессы Анны Мекленбургской единственно для того, чтобъ способствовать возведенію на престолъ Елисаветы. Эта Государыня была очень расположена къ заключенію мира; она соглашалась на него безъ всякихъ вознагражденій и безъ всякихъ уступокъ съ ея стороны, на основаніи Нейштадскаго мирнаго договора. Шведы упорно отказывались отъ заключенія мира на такихъ основаніяхъ, разсчитывая на своихъ приверженцевъ въ Россіи. Они за это дорого поплатились: у нихъ отняли всю Финляндію, ихъ армія была принуждена фельдмаршаломъ Ласси положить оружіе и была отослана назадъ въ Швецію съ паспортами отъ фельдмаршала. Финляндскіе полки были распущены и солдаты разосланы по своимъ домамъ въ Финляндіи. Послѣ этого униженія Шведы были вынуждены заключить миръ, признать наслѣдникомъ престола рекомендованнаго имъ Императрицею

Библиотека "Руниверс"

принца Голштинскаго, двоюроднаго брата Петра III, и уступить намъ часть Финляндіи до Кюмени, а также города Фридрихсгамъ, Нейшлотъ и Вильманштрандъ. Алексѣй Бестужевъ, бывшій въ ту пору вице-канцлеромъ, выказалъ по этому случаю большую твердость и долженъ былъ бороться со всей Французской партіей, которая была очень сильна. Его братъ-посолъ, будучи приглашенъ по этому случаю въ засѣданіе комитета, на которомъ присутствовала Императрица, сказалъ ей, что ее обманывали, что онъ находился въ Швеціи въ то время, когда тамъ велись интриги съ цѣлію объявить намъ войну, что Шведы никогда не имѣли въ виду доставить Императрицѣ Россійской престолъ, а напротивъ хотѣли пользоваться ею какъ орудіемъ для возбужденія безпорядковъ и междоусобной войны въ Россіи, и для того, чтобъ отнять у насъ провинціи, уступленныя намъ Швеціей по Нейштадскому мирному договору.

Нѣтъ другой страны въ Европѣ, гдѣ дипломатическій корпусъ былъ бы такъ многочисленъ, какъ во Франціи. Тамъ было отъ 8 до 9-ти пословъ, множество полномочныхъ министровъ втораго разряда и повѣренныхъ въ дѣлахъ, такъ какъ тамъ имѣли своихъ представителей не только всѣ имперскіе владѣтельные князья, но и всѣ имперскіе вольные города, и даже Женева. Гриммъ былъ въ то время акредитованъ представителемъ города Франкфурта. Между послами существовало обыкновеніе поочередно давать по Воскресеньямъ вечера, которые назывались дипломатическими вечерами: на нихъ собирались послы и другіе иностранные представители, ихъ свита и знатные иностранцы. Съѣзжались обыкновенно около пяти часовъ послѣ обѣда и оставались до 8 часовъ; тамъ говорили о разныхъ новостяхъ, а если случалось какое-нибудь событіе, требовавшее соглашенія между всѣми членами дипломатическаго корпуса, или же нужно было сговориться по какому-нибудь вопросу, касавшемуся ихъ привилегій и льготъ, то все это тамъ и улаживалось. Когда дошла очередь до нашего посла, я присутствовалъ на этомъ собраніи и нашелъ, что это обыкновеніе очень полезно.

Меня, натурально, очень поразили и громадность Парижа, и многочисленность его населенія, и предпріимчивая дѣятельность жителей. Въ немъ есть очень красивые кварталы или по меньшей мѣрѣ цѣлыя улицы, гдѣ нѣтъ другихъ зданій кромѣ большихъ отелей. Въ Сенъ-Жерменскомъ предмѣстіи большая часть домовъ имѣетъ съ одной стороны дворъ, а съ другой садъ. Въ старомъ городѣ улицы узки, однако есть также большія и красивыя, какъ напримѣръ улицы Сентъ-Оноре, Сентъ-Антуанъ и нѣкоторыя другія. Городскія площади и сады, какъ напримѣръ Тюильрійскій, Пале-Рояля, Люксамбургскій и при Ар-

Библиотека "Руниверс"

сеналѣ, чрезвычайно хороши. Садъ князя Субиза, примыкающій къ его отелю, также открытъ для публики. Нѣкоторыя набережныя вдоль Сены красивы; тамъ много большихъ отелей, точно также и на бульварахъ, гдѣ къ отелямъ примыкаютъ сады; таковъ, напримѣръ, отель маршала Ришельё. Владѣлецъ этого отеля построилъ у себя великолѣпный павильонъ, который Парижане прозвали Гановерскимъ Павильономъ, намекая этимъ на то, что павильонъ выстроенъ на деньги, собранныя этимъ маршаломъ съ Гановерскаго курфиршества, во время его командованія Французской арміей въ 1757 году.

Такъ какъ король находился въ Версали, то члены дипломатическаго корпуса ѣздили туда. Нашъ посолъ взялъ меня съ собою для того, чтобъ представить меня двору и министру иностранныхъ дѣлъ. Мы выѣхали изъ Парижа по великолѣпной аллеѣ, которая носитъ названіе *Cours de la Reine;* за тѣмъ мы проѣхали двѣ мили по великолѣпной набережной, идущей вдоль Сены; вся эта дорога до самаго Севра окружена непрерывнымъ рядомъ хорошенькихъ деревенскихъ домиковъ и другихъ жилищъ. За тѣмъ становятся издали видны дворецъ и часть садовъ Сенъ-Клу. Отъ Севра остается еще двѣ мили до Версали по очень хорошему шоссе, но эта дорога печальна и монотонна. Пріѣхавши въ Версаль, мы остановились у министра иностранныхъ дѣлъ. Посолъ представилъ меня аббату Берни, который тотчасъ послалъ записку къ первому камеръ-юнкеру касательно моего представленія королю. Члены дипломатическаго корпуса отправились во дворецъ въ комнату, которую называютъ залой пословъ, и въ которой они обыкновенно отдыхаютъ въ ожиданіи пріема у короля. Въ это время придворная прислуга подаетъ имъ довольно плохой кофе и шоколадъ, который однако стòитъ королю недешево. Церемоніймейстеръ, на которомъ лежала обязанность вводить пословъ, находился тамъ вмѣстѣ съ своимъ помощникомъ для того, чтобъ принимать пріѣзжихъ и сопровождать ихъ. Скоро пришли увѣдомить, что пора идти въ королевскіе апартаменты. Послы остановились въ очень большой комнатѣ, называемой *Oeil-de-Boeuf*. Очень скоро вслѣдъ за тѣмъ отворилась настежъ дверь, и дипломатическій корпусъ вошелъ въ спальню короля, гдѣ также находилось множество Французскихъ вельможъ. Лица, ожидавшія чести быть представленными, стали у дверей. Это та самая спальня, которую занималъ Лудовикъ XIV; въ ней оставалась вся его мебель, равно какъ и въ большихъ дворцовыхъ апартаментахъ. Но король Франціи обыкновенно жилъ въ маленькихъ апартаментахъ, которые были меблированы со вкусомъ и изяществомъ.

Библиотека "Руниверс"

Члены дипломатическаго корпуса, войдя въ спальню, составили кружокъ вокругъ короля. Его величество говорилъ съ ними, но изъ нихъ онъ бо́льшею частію разговаривалъ только съ послами. Этотъ государь имѣлъ очень красивую наружность; ему было въ ту пору 48 лѣтъ. По окончаніи разговоровъ, продолжавшихся не болѣе 15 или 20 минутъ, король отправился къ обѣднѣ, такъ какъ этикетъ требуетъ, чтобъ короли Франціи слушали каждый день обѣдню. У дверей комнаты, гдѣ мы выстроились въ рядъ, герцогъ Дюра представилъ насъ, и король почтилъ меня нѣсколькими словами. Затѣмъ всѣ члены дипломатическаго корпуса, сопровождаемые тѣмъ же церемоніймейстеромъ, отправились къ королевѣ, къ дофину, къ его супругѣ, и къ *дѣтямъ Франціи*, то есть къ сыновьямъ дофина, а потомъ къ дочерямъ короля; дипломатическій корпусъ обыкновенно отправлялся во всемъ своемъ составѣ также къ г-жѣ Помпадуръ, но на этотъ разъ церемоніймейстеръ объявилъ, что она не принимаетъ. Послѣ всѣхъ этихъ визитовъ, которые были довольно утомительны, всѣ отправились къ аббату Берни обѣдать, а нѣкоторые для того, чтобъ поговорить съ нимъ о дѣлахъ. Аббатъ Берни былъ очень вѣжливый и очень свѣтскій человѣкъ; сверхъ того онъ, какъ извѣстно, былъ писатель. Онъ принялъ меня очень хорошо и говорилъ мнѣ о моемъ дядѣ.

Послѣ обѣда мы возвратились въ Парижъ. Въ каретѣ Бестужевъ сказалъ мнѣ, что онъ говорилъ г-ну Берни о томъ, что я посланъ во Францію для поступленія въ школу *chevaux légers*. Берни отвѣчалъ, что король былъ въ свое время увѣдомленъ объ этомъ отъ своего посла въ Россіи, что онъ испроситъ приказаній у его величества и увѣдомитъ о томъ. Когда я заговорилъ о всей этой Версальской сценѣ и о всѣхъ этихъ разъѣздахъ, Бестужевъ признался мнѣ, что все это надоѣдало ему и даже было утомительно для его лѣтъ и что онъ очень желалъ бы окончить свои дни на какомъ-нибудь болѣе спокойномъ посольскомъ мѣстѣ.

Черезъ двѣ недѣли послѣ поѣздки Бестужева въ Версаль, онъ получилъ отъ аббата Берни письменное увѣдомленіе, что г-жа Помпадуръ писала по приказанію короля директору школы *chevaux légers* герцогу Шольнесу, что все готово для моего поступленія туда и что я могу поступить, когда захочу.

Сдѣлавъ всѣ нужныя приготовленія, я, дней черезъ 8 или 9, отправился въ одинъ изъ Вторниковъ въ Версаль вмѣстѣ съ графомъ Бестужевымъ; мы обѣдали у аббата Берни, которому посолъ сказалъ, что самъ отвезетъ меня въ этотъ день въ школу. Этотъ аббатъ былъ чрезвычайно любезенъ со мной и сказалъ мнѣ, что мы оба будемъ теперь жителями Версаля, и потому онъ проситъ меня считать

Библиотека "Руниверс"

его домъ за мой собственный и приходить къ нему обѣдать всегда, когда захочу. По выходѣ отъ министра иностранныхъ дѣлъ, нашъ посолъ самъ свезъ меня въ школу, отрекомендовалъ меня и сдалъ на руки полковнику Лаберзаку, который былъ инспекторомъ школы подъ начальствомъ герцога Шольнеса; затѣмъ Бестужевъ пошелъ осмотрѣть назначенное мнѣ помѣщеніе. Онъ нашелъ его удобнымъ, такъ какъ оно состояло изъ двухъ комнатъ, небольшой прихожей и антресолей для прислуги; все это было очень чисто. Посолъ пробылъ нѣсколько минутъ въ этомъ помѣщеніи, сказалъ мнѣ, что по праздникамъ и во время вакацій я могу иногда пріѣзжать къ нему въ Парижъ, и затѣмъ простился со мной очень ласково.

Нетрудно себѣ представить, какъ мнѣ было неловко, когда я очутился въ средѣ почти 120 молодыхъ людей и многихъ офицеровъ генеральнаго штаба и инспекторовъ, совершенно мнѣ незнакомыхъ. Но я долженъ отдать справедливость любезности всей этой Французской знатной молодежи, которая была такъ предупредительна ко мнѣ, что черезъ два дня я уже былъ тамъ какъ дóма, точно будто я прожилъ тамъ нѣсколько мѣсяцевъ. Помѣщеніе, занимаемое школой *chevaux légers*, было обширно; оно находилось въ одной изъ Версальскихъ улицъ, неподалеку отъ дворца. Король велѣлъ скупить для оного много домовъ и павильоновъ, которые и были обнесены одной оградой. Дѣйствительно, нужно было много мѣста, чтобъ помѣстить 120 воспитанниковъ, офицеровъ, инспекторовъ, учителей, директора школы, его помощника, одного майора, и около 50-ти легкихъ кавалеристовъ, принадлежавшихъ полку, но не входившихъ въ составъ школы; сверхъ того, тамъ были очень большія комнаты для классовъ, столовыя, больница, манежъ и большой прудъ, въ которомъ учились плавать.

Школа была наполнена молодежью, принадлежавшей къ высшему Французскому дворянству; не было во Франціи ни одной провинціи, которая не прислала бы туда воспитаниковъ, такъ что, живя тамъ, можно было составить себѣ понятіе о духѣ различныхъ провинцій. Нѣкоторые изъ воспитанниковъ сохраняли свой провинціальный характеръ и въ школѣ, какъ напримѣръ Бретонцы, которые были большею частію горячія головы. Годовая плата была въ 4000 ливровъ; за эти деньги мы имѣли помѣщеніе, освѣщеніе, учителей, ежегодно новый мундиръ, сюртукъ и мытье бѣлья. Столъ былъ приличный, чистый и хорошій; по Пятницамъ и Субботамъ ѣли постное. Что касается учителей, то у насъ были лучшіе преподаватели математики и фортификаціи; инженерное искусство преподавалъ очень искусный инженерный офицеръ Тринкано́, который даже укрѣплялъ и перестраивалъ

Библиотека "Руниверс"

крѣпости. Учителемъ рисованья былъ знаменитый Эйзенъ, извѣстный своими прекрасными рисунками къ баснямъ Лафонтена; преподавателемъ словесности былъ Арну, состоявшій прежде того секретаремъ при Вольтерѣ. Всѣ другіе преподаватели были такого же высокаго достоинства. Въ школу не только не принимали иначе какъ молодыхъ людей, принадлежавшихъ къ высшему дворянству, но туда поступали также сыновья вельможъ. Герцогъ Пекиньи, сынъ герцога Шольнеса, только что вышелъ изъ школы; а г-нъ де-Винтимиль, считавшійся за незаконнаго сына короля, родственники Субиза, Шуазёли и родные племянники князя Бово воспитывались тамъ въ одно время со мной. Вскорѣ послѣ моего вступленія, туда былъ помѣщенъ сынъ герцога Айена, бывшій впослѣдствіи посломъ въ Вѣнѣ.

На другой день я отправился въ классы. Барабанный бой извѣщалъ воспитанниковъ, что насталъ часъ занятій. Классы начинались въ 7 часовъ утра; въ 10 часовъ былъ небольшой перерывъ для завтрака, послѣ котораго занятія продолжались до половины 1-го; это былъ часъ обѣда, послѣ котораго возобновлялись занятія въ классахъ и продолжались до 7 часовъ вечера; въ 8 часовъ ужинали. Каждый столъ накрывался какъ для обѣда, такъ и для ужина, на двѣнадцать приборовъ, и сверхъ того ставили тринадцатый приборъ для офицера или инспектора, наблюдавшаго надъ тѣмъ, чтобъ все было прилично и въ порядкѣ. Въ праздничные и воскресные дни, а также по Субботамъ послѣ обѣда, занятій въ классахъ не было. Тогда можно было, съ разрѣшенія дежурнаго офицера, отправляться гулять по парку и по окрестностямъ Версаля, или посѣщать живущихъ въ городѣ знакомыхъ. Но тотъ, кто желалъ отправиться въ праздничный день въ Парижъ, долженъ былъ просить на это разрѣшенія у директора школы, г-на Лаберзака.

По прошествіи одной недѣли моего пребыванія въ этой школѣ, я уже понялъ, что она хороша и можетъ быть полезна для меня, а потому сталъ заниматься очень усердно. Я сошелся съ нѣкоторыми изъ моихъ товарищей, общество которыхъ мнѣ всего болѣе нравилось, и нисколько не тяготился моимъ пребываніемъ въ школѣ. Я пригласилъ упомянутаго выше г-на Арну посѣщать меня въ промежуткахъ между классами и давать мнѣ уроки словесности и литературы, за что́, конечно, я платилъ ему особо. Онъ мнѣ разсказывалъ много анекдотовъ о литераторахъ и въ особенности о Вольтерѣ, при которомъ онъ состоялъ въ то время, когда этотъ писатель жилъ въ Лотарингіи, у г-жи дю-Шатле, и очень смѣшилъ меня, описывая различныя сцены, очень часто происходившія между Вольтеромъ и названной маркизой. По Субботамъ послѣ обѣда, а также въ празднич-

Библиотека "Руниверс"

ные дни, я иногда ходилъ слушать Французскія комедіи, дававшіяся на городскомъ театрѣ, которыя были не совсѣмъ плохи; а когда погода была хороша, я отправлялся гулять въ паркъ съ тѣми изъ моихъ товарищей, съ которыми я всего болѣе былъ друженъ; тамъ мы заказывали у швейцара аранжереи ужинъ. Иногда мы отправлялись въ Тріанонъ и обѣдали тамъ у швейцара и чисто, и дешево. Съ цѣлію поддержать школу, которой интересовались и Лудовикъ XV, и г-жа Помпадуръ, было дозволено тѣмъ старшимъ *chevaux légers*, которые входили въ составъ гвардіи, оставаться въ своихъ провинціяхъ, если того пожелаютъ. Сберегавшіяся такимъ способомъ деньги употреблялись на поддержаніе школы. Воспитанники исполняли за отсутствующихъ служебныя обязанности, заключавшіяся въ томъ, что одинъ изъ этихъ *легкихъ кавалеристовъ* долженъ былъ являться во дворецъ, прежде нежели король отправится къ обѣднѣ. Тамъ должны были находиться одинъ жандармъ, одинъ легкій кавалеристъ, одинъ мушкетеръ сѣрый и одинъ черный: это называлось испрашивать приказаній короля. Эти четыре ординарца выстраивались въ рядъ при проходѣ короля. Король говорилъ имъ: «нѣтъ ничего новаго», и этимъ кончалось ихъ дежурство. Я попросилъ г-на Лаберзака, чтобъ и меня назначили въ мою очередь на такое дежурство, что́ чрезвычайно понравилось моимъ товарищамъ; мнѣ нѣсколько разъ приходилось такимъ образомъ дежурить, и король былъ такъ добръ, что всякій разъ говорилъ мнѣ нѣсколько словъ.

*

Тутъ обрываются Записки графа А. Р. Воронцова (Французскій подлинникъ которыхъ помѣщенъ въ V-й книгѣ „Архива Князя Воронцова"). Смерть не дала ему кончить ихъ, и въ этомъ важная утрата для Русской исторіографіи; потому что въ дальнѣйшемъ изложеніи его службы и дѣятельности мы, безъ сомнѣнія, получили бы множество любопытныхъ свѣдѣній о царствованіяхъ Петра III-го, Екатерины, Павла и Александра. Екатерининское правленіе было бы описано съ точки зрѣнія человѣка, на котораго не простиралось обаяніе необыкновенной женщины: онъ относился къ ней критически, не прощая ей иноземства ея и храня въ понятіяхъ своихъ преданія государственной мудрости Петра Великаго, тѣ преданія, которыми жили люди Елисаветинскаго времени. Покойный А. С. Хомяковъ разсказывалъ, что въ молодости своей онъ знавалъ стариковъ, которые помнили еще Елисавету Петровну. Бывало, начинаютъ они разсказывать про *мудрую* Государыню.—„Такъ вотъ какая была матушка-Екатерина!"—„Какая Екатерина! Та *мудреная*", съ негодованіемъ отзывались старички. Графъ А. Р. Воронцовъ выросъ и воспитался подъ

Библиотека "Руниверс"

вліяніемъ своего дяди, Елисаветинскаго великаго канцлера, графа М. Л. Воронцова, одного изъ главныхъ участниковъ переворота 1741 года, освободившаго Россію отъ Нѣмецкаго управленія. Довершивъ свое образованіе во Франціи, графъ А. Р. Воронцовъ усвоилъ себѣ лучшія стороны Французскаго быта и гражданственности. Онъ писалъ пофранцузски едва ли не легче, чѣмъ на Русскомъ языкѣ, и это впослѣдствіи очень пригодилось ему, когда другъ его Безбородко сдѣлался главнымъ дѣятелемъ по управленію нашею Иностранною Коллегіею: Безбородкинскія депеши писались при непосредственномъ участіи графа Александра Романовича. Но Французское чтеніе и переписка съ Французскими учеными не помѣшали ему быть вполнѣ самостоятельнымъ Русскимъ человѣкомъ. Онъ объѣхалъ почти всю Европейскую Россію; у него были преданныя лица не только по всѣмъ вѣдомствамъ, но почти во всѣхъ Русскихъ городахъ, что происходило отчасти и отъ того, что онъ всегда отвѣчалъ на полученныя письма. За границею были у него также прочныя связи. Когда онъ управлялъ Коммерцъ-Коллегіею, Русская торговля процвѣтала, наши произведенія обильно вывозились за границу, наши торговыя суда появлялись въ отдаленнѣйшихъ моряхъ; заводились непосредственныя связи даже съ Индіею. У себя въ Муринѣ подъ Петербургомъ, во Владимирскомъ родовомъ помѣстьѣ Андреевскомъ, графъ Воронцовъ оставилъ по себѣ до сихъ поръ память умнымъ хозяйствомъ, прочнымъ сооруженіемъ, подъемомъ всякой производительности. Московскій домъ его (въ Нѣмецкой Слободѣ, нынѣ Гольцгауера) отличался умною роскошью: главными сокровищами были тутъ библіотека, картины, собраніе историческихъ рукописей.

Книгохранилище, кумиры и картины
И стройные сады свидѣтельствуютъ мнѣ,
Что благосклонствовалъ онъ Музамъ въ тишинѣ...

Сдѣлавшись, послѣ осьмилѣтней отставки, государственнымъ канцлеромъ при Александрѣ Павловичѣ, графъ Воронцовъ съ достоинствомъ руководилъ нашими иностранными сношеніями. Основною мыслію его было, чтобы министры не докладывали поодиночкѣ. Мысль эта о необходимости общихъ или покрайней мѣрѣ совмѣстныхъ докладовъ начала было осуществляться; дальнѣйшее ея неисполненіе заставило графа Воронцова устраниться отъ дѣлъ.

Въ новой Русской исторіи немного людей, кто бы такъ близко зналъ Россію и одаренъ былъ такою широтою европейски-просвѣщеннаго государственнаго ума, какъ графъ А. Р. Воронцовъ.

П. Б.

Библиотека "Руниверс"

ИЗЪ ПАМЯТНОЙ КНИГИ.

14-ое Декабря 1825-го года, этотъ ужасный день, ознаменовавшій восшествіе на престолъ Государя Николая I, этотъ день, навсегда упрочившій молодому Царю славу мужественнаго, энергичнаго, стойкаго дѣятеля, какимъ онъ и былъ въ продолженіе всей своей жизни, этотъ день вѣчно памятный Россіи и всему дворянству Русскому гибелью лучшаго цвѣта образованнаго юношества, этотъ день, за который болѣе четверти вѣка томились въ агоніи ссылки лучшія, благороднѣйшія личности молодежи, увлеченной несбыточными утопіями,— 14-ое Декабря застало меня еще ребенкомъ.

Мы жили тогда въ Москвѣ, и матушка съ нами проводила всѣ дни въ домѣ матери своей, моей бабушки, Екатерины Александровны Бибиковой *). Не смотря на свой семилѣтній возрастъ, я не могла не замѣтить всеобщей въ домѣ тревоги и страха. Огромныя залы и гостиныя стояли пустыя: никого не принимали, кромѣ самыхъ близкихъ родственниковъ. Бабушка, всегда важно и неподвижно сидѣвшая въ своемъ креслѣ, теперь, нечесанная, въ ночной кофтѣ, съ накинутымъ наскоро большимъ платкомъ и даже безъ онаго, тревожно ходила по комнатамъ. Съ лица матушки не сходило выраженіе заботы и страха, а она всегда такъ хорошо умѣла владѣть собой! Чтожъ это значило? Любимый всѣми нами дядя Илья Гавриловичъ Бибиковъ, пріѣхавшій еще осенью изъ Петербурга въ отпускъ къ матери, безъ эполетъ и жилета, въ растегнутомъ мундирѣ (чего прежде у бабушки не допускалось) сидѣлъ съ бабушкой и матерью моей (его старшей сестрой и лучшимъ другомъ), въ большомъ кабинетѣ, у стола, на которомъ лежали приносимые ежедневно какіе-то листы, которые они съ какимъ-

*) Урожденной Чебышовой. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

то страхомъ читали весь день, перечитывали и вмѣстѣ шептались. Насъ, дѣтей, высылали въ залы, чтобъ мы не мѣшали; но и это обстоятельство—изгнаніе изъ комнаты матерью, которая всегда любила держать меня при себѣ—меня смущало и заставляло задумываться о важности веденныхъ въ кабинетѣ переговоровъ. Да и весь домъ какъ-то затихъ въ мертвомъ молчаніи. Гувернантки перешептывались и усмиряли наши дѣтскія слишкомъ шумныя игры. Люди ходили на цыпочкахъ, молча, съ блѣдными лицами. Важная Аксинья Яковлевна, старая бабушкина горничная и наперсница, растерянно покачивала головой въ бѣломъ высокомъ тюлевомъ чепцѣ, сжимала губы, а вѣчный чулокъ ея лежалъ у нея на колѣняхъ: безостановочно-движущіяся до того спицы теперь будто замерли въ неподвижныхъ рукахъ.

Въ то время я, конечно, все это видѣла, впечатлѣніе это врѣзалось въ моей памяти; но я не могла себѣ дать отчета въ томъ что̀ видѣла: матушка и всѣ старшіе молчали. Уже взрослая, я стала матери напоминать объ этомъ времени, и тогда она открыла мнѣ всю правду.

Дядя Илья Гавриловичъ *), тогда адъютантъ великаго князя Михаила Павловича, умный, благородный и энергичный, былъ другомъ всѣхъ лучшихъ своихъ сверстниковъ. Онъ зналъ объ ихъ намѣреніяхъ, но не зналъ именно, когда готовилось вспыхнуть задуманное дѣло. Дядя поѣхалъ въ отпускъ къ матери и занемогъ въ Москвѣ, въ ея домѣ. Тогда не было ни желѣзныхъ дорогъ, ни телеграфовъ; по почтѣ опасно было переписываться. Между тѣмъ такъ называемые декабристы спѣшили воспользоваться случаемъ междуцарствія, когда колебался царскій вѣнецъ между Константиномъ и Николаемъ.

Какъ громомъ былъ пораженъ дядя Илья, а съ нимъ и вся Москва при извѣстіи о событіи 14-го Декабря. Листы, лежавшіе на столѣ у бабушки, были списки всѣхъ замѣшанныхъ и арестованныхъ по этому несчастному дѣлу. Въ нихъ-то родные искали имени дяди. Ежеминутно ожидали—вотъ, вотъ нагрянетъ полиція и арестуетъ его. Но онъ спасся какимъ-то чудомъ, если назвать чудомъ благородную твердость друзей его: никто его не выдалъ ни словомъ, ни даже неосторожнымъ намёкомъ.

Въ послѣдствіи князь Валерьянъ Михайловичъ Голицынъ, нашъ другъ и родственникъ, разсказывалъ мнѣ, что когда великій князь Михаилъ Павловичъ, въ сопровожденіи своихъ адъютантовъ, дѣлалъ смотръ осужденнымъ на ссылку въ Сибирь, то, при видѣ девятнадцатилѣтняго

---

*) И. Г. Бибиковъ, генералъ отъ артиллеріи, въ послѣдствіи Виленскій генералъ-губернаторъ, скончался въ 60-хъ годахъ.

Библиотека "Руниверс"

красавца-друга Валерьяна въ острожномъ платьѣ, у дяди Ильи навернулись слезы на глазахъ, и онъ, не смотря на присутствіе начальства, подалъ ему свой шелковый фуляръ.

«Этотъ фуляръ», говорилъ Валерьянъ, «я храню какъ святыню».

Дядя Илья употребилъ все свое вліяніе на любившаго его великаго князя и ходатайствовалъ за друзей; но что̀ могъ онъ сдѣлать? Тогда царило вообщее ожесточеніе противъ этихъ заблуждавшихся молодыхъ людей. Многіе изъ нихъ были намъ родственниками, многіе, въ послѣдствіи—друзьями. А именно: Михаилъ Михайловичъ Нарышкинъ, кн. Валерьянъ Михайловичъ Голицынъ, кн. Евгеній Петровичъ Оболенскій, кн. Волконскій, женатый на М. Н. Раевской, дочери знаменитаго героя 12-го года, Николая Николаевича Раевскаго, дяди моего мужа. Она и сестра ея Екатерина Николаевна, вышедшая замужъ за Михаила Өедоровича Орлова, жили, послѣ смерти отца своего, въ Петербургѣ, въ домѣ моего свекра Артемія Ивановича Раевскаго.

Не могу не прибавить, что удивляюсь, какимъ чудомъ спасся отъ ссылки Михаилъ Өедоровичъ Орловъ. Все же онъ пострадалъ болѣе дяди, потому что оставался всю жизнь въ какой-то опалѣ, отдаленъ былъ отъ дѣлъ и службы, гдѣ его свѣтлый умъ, блестящія способности и высокое образованіе могли бы доставить ему одно изъ высшихъ положеній въ государствѣ.

Мнѣ давала одна близкая родственница князей Шаховскихъ дневникъ, писанный, конечно по французски, княжной Елисаветой Михайловной Шаховской въ 1818-мъ году. Этотъ дневникъ, къ сожалѣнію, затерялся. Въ немъ говорилось о многихъ личностяхъ, въ послѣдствіи участвовавшихъ въ событіи 14-го Декабря, особенно объ Александрѣ Муравьевѣ, женившемся въ послѣдствіи на княжнѣ Варварѣ Михайловнѣ Шаховской, а послѣ ея кончины, на родной сестрѣ ея, княжнѣ Марөѣ Михайловнѣ Шаховской, сопутствовавшей сестрѣ и зятю въ Сибирь, гдѣ А. Муравьевъ сначала жилъ въ ссылкѣ, а позднѣе поступилъ на службу. Тамъ скончалась его первая жена Варвара Михайловна, тамъ же онъ женился на Марөѣ Михайловнѣ. Я лично была знакома съ почтенными княжнами Шаховскими и со вдовой А. Муравьева, Марөой Михайловной. Болѣе свѣтлыхъ личностей во всѣхъ отношеніяхъ трудно было сыскать. До глубокой старости онѣ сохранили ясный умъ, безконечную доброту и образованную любознательность. Марөа Михайловна Муравьева на семидесятомъ году обучилась въ совершенствѣ Англійскому языку и ознакомилась со всей Англійской литературой въ подлинникахъ.

Библиотека "Руниверс"

Къ сожалѣнію, я мало помню изъ прочитаннаго въ дневникѣ старшей изъ княженъ Шаховскихъ, Елисаветы Михайловны. Писанъ онъ былъ чистымъ Французскимъ языкомъ. Тамъ часто говорилось о прогулкахъ на Прѣсненскихъ прудахъ *), про одно изъ тамошнихъ деревьевъ, прозванное Patrie (родина); о томъ, какъ А. Н. Муравьевъ обхватывалъ желѣзные обручи этого дерева и пробовалъ разорвать эти оковы. Были восторженные отзывы про М. Ѳ. Орлова и пр.

Со многими изъ декабристовъ я познакомилась уже по возвращеніи ихъ изъ ссылки. Лучшимъ другомъ моего мужа и насъ всѣхъ былъ князь Валерьянъ Михайловичъ Голицынъ. Онъ былъ второй сынъ княгини Натальи Ивановны Голицыной, рожденной Толстой, двоюродной сестры моей матери **). Княгиня Наталья Ивановна была, въ своемъ родѣ, замѣчательная женщина по уму, самостоятельному характеру и оригинальному обращенію въ обществѣ.

Князь Валерьянъ Голицынъ попалъ въ заговоръ девятнадцати лѣтъ; хотя онъ былъ уменъ и энергиченъ, но врядъ ли по молодости своей былъ онъ посвященъ во всѣ тайны общества. Его арестовали немедленно, и онъ провелъ семь мѣсяцевъ въ Петропавловской крѣпости. Вотъ что онъ разсказывалъ.

«Мой день былъ раздѣленъ на двѣ равныя половины. До полу«дня я лежалъ въ постели. Съ полудня до полуночи я *ходилъ* безоста«новочно по своей крошечной тюрьмѣ и курилъ. Ни книгъ, ни бумаги, «ни чернилъ, ни перьевъ, ни карандашей мнѣ не давали. Табакъ да«вали; картузъ табаку лежалъ у меня на столѣ у окна, и когда онъ «былъ *запечатанный*, то отъ сырости тюрьмы всегда лопалась бумага. «Въ полночь я ложился и до полудня слѣдующаго дня уже не вста«валъ съ постели. Что я передумалъ во время ежедневнаго двѣнадца«ти-часоваго хожденія взадъ и впередъ по пространству въ нѣсколько «шаговъ, разсказать невозможно»!

Изъ крѣпости князь Голицынъ, лишенный всѣхъ правъ состоянія, отправленъ въ Сибирь на поселеніе, гдѣ пробылъ, если не ошибаюсь, десять лѣтъ. Ежегодно посылала мать къ нему въ Сибирь довѣрен-

---

*) На Прѣсненскихъ прудахъ росла, кажется, липа, которой считалось, по преданію, нѣсколько сотъ лѣтъ. Чтобъ сохранить ее, стволъ ея окованъ былъ желѣзными толстыми обручами, которые вросли въ дерево такъ, что съ годами наплывъ дерева, вмѣстѣ съ корою, во многихъ мѣстахъ ихъ совершенно скрылъ. Я въ дѣтствѣ видала это замѣчательное дерево, которое въ послѣдствіи вѣроятно срубили, потому что я его искала, и не нашла болѣе.

**) Мать княгини Н. И Голицыной была сестра моего дѣда Гавріила Ильича Бибикова; у нея было двое дѣтей—Н. И. Голицына и сынъ—Александръ Ивановичъ графъ Остерманъ-Толстой.

Библиотека "Руниверс"

наго своего управляющаго Лозова *) съ деньгами, книгами и разной провизiей.

Каждую недѣлю, въ означенный день, мать писала Валерьяну письма. Когда же его перевели, по милостивому разрѣшенiю, рядовымъ на Кавказъ, гдѣ онъ прослужилъ восемь лѣтъ, мать его каждый годъ ѣздила въ Пятигорскъ, или въ Астрахань, чтобъ провести съ нимъ нѣсколько недѣль.

Валерьянъ Голицынъ съ благодарностью вспоминалъ о Кавказскихъ своихъ начальникахъ, особенно о гуманномъ обращенiи генерала Николая Николаевича Раевскаго, сына героя 12-го года, также Николая Николаевича. Раевскiй съ нимъ обращался подружески, приглашалъ всегда за просто у него обѣдать и проводить вечера, избавлялъ его отъ карауловъ и фронтовой службы.

В. Голицынъ былъ въ Пятигорскѣ во время несчастной дуэли между Лермонтовымъ и Н. С. Мортыновымъ. Онъ зналъ въ подробности всѣ причины этой грустной драмы, лишившей Россiю лучшей красы ея литературы. Эти причины слишкомъ интимны и переданы мнѣ не для того, чтобъ быть обнародованными; поэтому считаю долгомъ о нихъ умолчать. Пусть память поэта останется незапятнанною.

Когда кн. Наталья Ивановна ѣзжала къ сыну въ Пятигорскъ, она брала съ собой двадцатилѣтнюю двоюродную племянницу, княжну Дарью Андреевну Ухтомскую, которую воспитывала у себя какъ родную дочь и даже гораздо болѣе любила родной своей дочери, графини Е. М. Салтыковой. Валерьянъ и многiе изъ его товарищей влюбились въ молодую княжну, въ томъ числѣ и Бестужевъ-Марлинскiй, который

---

*) Лозовъ былъ замѣчательно умный человѣкъ и разсказывалъ много интереснаго о своемъ ежегодномъ путешествiи, особенно о нравахъ *тогдашнихъ* коренныхъ Сибиряковъ. „Разъ, говорилъ онъ, ѣду съ ямщикомъ и вижу на дорогѣ лежитъ большой узелъ. До кормёжки было еще далеко, нѣсколько верстъ. Ямщикъ продолжаетъ погонять лошадей. „Стой! кричу ему, „Развѣ не видишь, на дорогѣ узелъ лежитъ?“

— „Вижу. Ну чтожъ?“—Почему же ты его не подымешь?—„Да развѣ онъ мой? Кто потерялъ, тотъ и возьметъ“.

„Я очень удивился, ничего не сказалъ, но, прiѣхавъ въ деревню, гдѣ долженъ былъ кормить лошадей, сталъ съ крестьяниномъ-хозяиномъ говорить о видѣнномъ мною узлѣ и о странномъ поведенiи ямщика.

— „Чтожъ тутъ страннаго?“ сказалъ хозяинъ. „Кто потерялъ узелъ, вѣроятно его хватится, вернется и найдетъ его тамъ, гдѣ потерялъ“.

— Ну, а если кто другой найдетъ узелъ и *украдетъ* его?

— „Тсс“! сказалъ хозяинъ, кивая на ту сторону, гдѣ сидѣли его дѣти. „Тсс! не говорите *такъ при дѣтяхъ. Они у насъ даже этого слова не знаютъ!*“ Многое съ того времени измѣнилось въ Сибири, многое, съ тѣхъ поръ какъ ее насильственно населили подонками нашего Европейскаго разврата.

Библиотека "Руниверс"

въ послѣдствіи искалъ смерти въ бою: онъ не могъ пережить холодности любимой имъ женщины. Княжна Dolly (какъ звала ее тётка) полюбила троюроднаго брата своего Валерьяна; но княгиня Наталья Ивановна ни подъ какимъ видомъ не хотѣла дать своего согласія на этотъ бракъ. Матушка моя, по праву родства, часто ее уговаривала не препятствовать союзу двухъ молодыхъ людей.

«Тебѣ они *равно* дороги, говаривала матушка: почему же не хо«чешь ты ихъ счастія? Ты племянницѣ отдаешь *свое* богатое имѣнье, «Валерьянъ получитъ свою часть отцовскаго: бракъ вполнѣ прилич«ный во всѣхъ отношеніяхъ».

Но старая княгиня была неумолима. Разъ матушка такъ къ ней пристала своимъ уговариваніемъ, что кн. Наталья Ивановна вся покраснѣла отъ гнѣва и, въ порывѣ его, высказалась:

«Je ne veux pas de cette race de Galitzine, qui ne *seront pas* «*princes*» *).

Валерьянъ былъ лишенъ судомъ своего титула!

Послѣ этого объясненія, матушка уже болѣе не настаивала, зная упрямую и неукротимую гордость своей родственницы.

Между тѣмъ княжна Д. А. У., вѣрная своей любви къ ссыльному, отказывала всѣмъ женихамъ, а, по словамъ ея сестры, у нея ихъ было четырнадцать изъ среды лучшаго общества. Помню, какъ въ концѣ 30-хъ годовъ, она, будучи все еще дѣвушкой, съ особеннымъ чувствомъ пѣвала романсъ, бывшій тогда въ модѣ:

„Jeune fille aux yeux noirs, tu règnes sur mon âme!
„Tiens, voilà des croix d'or, des anneaux, des colliers!"
Des chevaliers ainsi m'ont exprimé leur flamme,
Et moi j'ai refusé l'offre des chevaliers.
A son tour un *proscrit* m'a parlé de tendresse,
Et j'ai dit au proscrit: „Moi, je suivrai tes pas!"

Только годъ спустя послѣ смерти матери, въ 1843-мъ году, Валерьянъ Голицынъ женился на давно любимой имъ дѣвушкѣ: ему было тридцать семь лѣтъ, ей около тридцати. Тотчасъ послѣ свадьбы поселились они въ нашемъ уѣздѣ, Тульской губерніи, въ селѣ Архангельскомъ, въ пятнадцати верстахъ отъ насъ. Валерьяну былъ запрещенъ въѣздъ въ столицы: онъ жилъ и зиму, и лѣто въ деревнѣ. Мужъ мой ненавидѣлъ городскую жизнь: дѣти наши были еще маленькія, особеннаго ученія имъ еще не требовалось, мы могли безпрепятственно слѣдовать своему вкусу и наслаждаться спокойной и свободной деревен-

*) Не хочу потомства Голицыныхъ не-князей.

Библиотека "Руниверс"

ской жизнью. Тѣсная дружба не замедлила соединить наше и Валерьяново семейства.

Валерьянъ Голицынъ былъ средняго роста, хорошо сложенъ. Лице его было смуглое, носъ орлиный, волоса черные какъ смоль; бороду брилъ, усы носилъ немного подстриженными. Большіе его черные глаза (какъ тогда говорили «Бибиковскіе») глядѣли прямо и строго, но любовь его къ семьѣ смягчала иногда до нѣжности эту обычную строгость. Въ молодости онъ вѣроятно былъ очень хорошъ собой. Вообще онъ поразительно походилъ на роднаго дядю своего графа Александра Ивановича Остермана-Толстаго *).

В. Голицынъ, какъ и всѣ вернувшіеся изъ Сибири декабристы, отличался высокой нравственностью и искреннимъ благочестіемъ. Онъ постился всѣ посты, выстроилъ въ селѣ Архангельскомъ, имѣніи жены, большой каменный храмъ, посѣщалъ всѣ церковныя службы. Характера онъ былъ прямаго, правдиваго, высказывалъ свое мнѣніе безъ утайки. На его дружбу можно было положиться. Онъ жилъ въ деревнѣ открыто; получалъ всѣ возможныя Русскія и иностранныя періодическія изданія и книги; библіотека у него была богатая, обильная всякими, особенно богословскими сочиненіями. Къ нему часто собирались люди его уважавшіе и знавшіе ему цѣну.

Въ 40-хъ годахъ князь Владимиръ Александровичъ Черкаскій (его имя принадлежитъ исторіи), мужъ мой и Александръ Владимировичъ Новосильцовъ, возмущенные безобразіемъ крѣпостнаго права, написали проектъ освобожденія крестьянъ. Этотъ проектъ обсуждался и писался большею частью въ домѣ Валерьяна Голицына, гдѣ они проспоривали и писали на пролетъ цѣлыя ночи. Голицынъ, какъ не получившій еще полнаго помилованія, не имѣлъ права подписаться подъ проектомъ, но обсуждался онъ при немъ и при его содѣйствіи **).

Писать проекты освобожденія крестьянъ въ 40-хъ годахъ *не* запрещалось правительствомъ; были даже отъ него назначены дни, когда въ нашемъ губернскомъ городѣ, Тулѣ, собирались князь В. А. Чер-

---

*) Графъ А. И. Остерманъ-Толстой, герой Кульмской битвы, гдѣ ядро оторвало ему лѣвую руку. Я въ дѣтствѣ видала его уже старикомъ, у моихъ родныхъ; увидавъ Валерьяна, я была поражена его сходствомъ съ дядей. Разница между ними была только та, что графъ Остерманъ былъ гораздо выше ростомъ и стройнѣе своего племянника. Матушка мнѣ говаривала, что двоюродный ея братъ Остерманъ былъ однимъ изъ красивѣйшихъ людей своего времени.

**) Покойный мужъ мой, съ молодыхъ лѣтъ сгоравшій страстнымъ желаніемъ законно-упроченнаго освобожденія крестьянъ, спросилъ у Валерьяна, былъ ли въ конституціи Кюхельбекера пунктъ, относящійся къ прекращенію крѣпостнаго права?—Тотъ отчалъ, что *таковаго пункта не было.*

Библиотека "Руниверс"

каскій, мужъ мой, А. В. Новосильцовъ и другіе, для обсужденія ихъ проекта. Эти съѣзды открывались въ присутствіи начальника губерніи. Наконецъ, проектъ былъ оконченъ и подписанъ. Онъ хранится у меня въ подлинникѣ. Но желанію нашихъ друзей не суждено было такъ скоро осуществиться. Время еще не пришло. Государь Николай Павловичъ не принялъ поданнаго ему проекта.

По восшествіи на престолъ Александра II, милостивый манифестъ возвратилъ изъ ссылки всѣхъ декабристовъ, оставшихся въ живыхъ. Валерьяну Голицыну былъ возвращенъ княжескій титулъ и дозволено жить въ столицахъ, чѣмъ онъ поспѣшилъ воспользоваться. У него была тогда двѣнадцатилѣтняя дочь, Леонилла, и одиннадцатилѣтній сынъ, Мстиславъ.

По кончинѣ роднаго дяди графа А. И. Остермана, князю В. М. Голицыну перешелъ по завѣщанію покойника титулъ графа, и огромное его наслѣдство, въ томъ числѣ и маіоратъ канцлера графа Остермана. Но—съ этимъ наслѣдствомъ рушилось то счастье, которымъ наслаждался Валерьянъ......

Князь Валерьянъ Голицынъ былъ разумный хозяинъ, велъ дѣла свои аккуратно, жилъ по средствамъ, даже на сбереженія свои прикупалъ земли въ сосѣдствѣ. Послѣ гр. Остермана наслѣдовалъ онъ до 70,000 десятинъ земли въ разныхъ губерніяхъ; но вездѣ царилъ страшный безпорядокъ, дѣла были запутаны. При такомъ громадномъ имѣніи, тяготившіе на немъ долги, конечно, были сравнительно ничтожны и могли бы со временемъ легко уплатиться.

Бездѣтный гр. Александръ Ивановичъ жилъ постоянно за границей, а имѣнія свои оставлялъ на волю Божью, или скорѣй на волю управлявшихъ ими. Валерьянъ, при своемъ строгомъ характерѣ, при своей аккуратности во всемъ, не могъ вынести этого безпорядка, этой распущенности. Онъ, со всей энергіей своего характера, сталъ все разбирать, все распутывать и—не вынесъ непосильнаго труда!

Я увидала опять Валерьяна нѣсколько мѣсяцевъ послѣ полученія имъ этого наслѣдства.... Онъ похудѣлъ, постарѣлъ, казался утомленнымъ, озабоченнымъ. Куда дѣвались его радушіе, его веселость, его увлекательная бесѣда? Онъ былъ угрюмъ, сравнительно молчаливъ и говорилъ только о непріятностяхъ по поводу дѣлъ наслѣдства. Наконецъ онъ предпринялъ путешествіе по разнымъ доставшимся ему имѣніямъ и гдѣ-то, въ Новогородской или Псковской губерніи, въ какой-то деревушкѣ, среди болотъ, съ нимъ сдѣлался припадокъ холеры. Онъ, хорошій семьянинъ, обожаемый женой и дѣтьми, всегда, бывало, окруженный любящими друзьями, скончался гдѣ-то въ

Библиотека "Руниверс"

глуши, одинъ, безо всякой медицинской помощи, въ присутствіи одного наемнаго слуги!

Его кончина была не только большимъ несчастіемъ для семьи его, но и большимъ горемъ для насъ всѣхъ, его любившихъ и высоко цѣнившихъ его благородную душу.

Въ числѣ ссыльныхъ, вернувшихся въ 1857-мъ году, были князь Волконскій, женатый на М. Н. Раевской, Михаилъ Михайловичъ Нарышкинъ, князь Евгеній Петровичъ Оболенскій. Послѣдній женился въ Сибири; жены первыхъ сопутствовали мужьямъ въ ссылкѣ и вернулись съ ними.

Князь Волконскій въ молодости былъ друженъ съ моимъ отцомъ; когда онъ вернулся изъ ссылки, моего отца уже не было въ живыхъ, а кн. Волконскій уже былъ старикомъ увѣнчаннымъ сѣдинами. Онъ пріѣхалъ ко мнѣ и, увидавъ у меня поразительно-схожій большой масляный портретъ моего отца, прослезился:

«Добрый другъ, Иванъ Петровичъ!» сказалъ онъ.

У кн. Волконскаго было только двое дѣтей: сынъ и прелестная дочь; прелестная *не* правильностью лица, а неизъяснимою граціей всего стройнаго существа, освѣщеннаго выразительными большими черными глазами. Она обладала чуднымъ голосомъ и пѣвала съ братомъ очаровательные дуэты. Замѣчательно то, что дѣти, рожденныя и воспитанныя въ глуши Сибири, были въ высшей степени образованныя, даже въ отношеніи искусствъ, обладали вполнѣ свѣтскимъ лоскомъ, держали себя свободно и съ достоинствомъ въ средѣ высшаго общества, будто вѣкъ въ немъ вращались. Немудрено: они были воспитаны своими родителями!

Михаилъ Михайловичъ Нарышкинъ и прелестная старушка жена его, рожденная граф. Коновницына, были, если возможно, самыми симпатичными личностями изо всего кружка декабристовъ. Что за прелесть была эта чета, доживающая свой бездѣтный вѣкъ въ святой любви другъ къ другу!

Михаилъ Михайловичъ Нарышкинъ былъ высокаго роста, худощавъ, держался немного наклонно, будто тяжесть вынесеннаго горя погнула его плечи; русые его волосы были съ сильной просѣдью, глаза добрые, ласкающіе; всѣ черты лица дышали кротостью и спокойствіемъ духа.

Всѣ бывшіе ссыльные были между собой дружны. Нарышкины, поселившіеся въ своей отчинѣ, близъ Тулы, пріѣзжали гостить въ деревню къ Валерьяну Голицыну, ѣздили и къ намъ. Сидишь, бывало, слушаешь съ благоговѣніемъ разсказы Михаила Михайловича о прош-

Библиотека "Руниверс"

лыхъ его страданіяхъ и дивишься, какъ все это разсказывалось *просто*, съ улыбкой.

«Сижу я въ Петропавловской крѣпости, разсказывалъ Нарышкинъ, и болитъ сердце по женѣ. Вотъ дали мнѣ знать, что въ такой-«то вечеръ, въ сумерки, она придетъ на тотъ берегъ Невы, чтобъ «хоть издали, въ окошко, меня увидать. Условнымъ знакомъ была игра «въ рожокъ. Сижу у окна съ рѣшеткой желѣзной, жду. Вотъ слышу «рожокъ играетъ, напрягаю зрѣніе, вижу—далеко, на противополож-«номъ берегу, жена, одѣтая Охтенкой, стоитъ и машетъ мнѣ плат-«комъ».

— Какъ? спросила я почтенную, съ бѣлыми какъ снѣгъ волосами, старушку Нарышкину, вы—были одѣты Охтенкой?

—Да, отвѣчала она улыбаясь, и каждый вечеръ потомъ приходила я хоть издали на него посмотрѣть.

«Когда мы жили въ *острожкѣ*, въ Сибири, на каторжной ра-«ботѣ», продолжалъ Нарышкинъ, «на насъ на всѣхъ были надѣты «кандалы; мы въ кандалахъ работали въ рудникахъ, подъ присмотромъ «солдатъ».

— Какъ обходились съ вами эти надсмотрщики?

«Большею частью гуманно; рѣдко встрѣчались грубые. Просто-«людинъ жалѣетъ преступниковъ, называетъ ихъ *несчастными*».

— А ваши жены, гдѣ были?

«Нашимъ женамъ позволили жить за версту отъ острóжка и при-«ходить къ намъ каждый день къ тому времени, когда работа въ руд-«никахъ кончалась. Приносили онѣ намъ чего-нибудь съѣстнаго, бѣлья, «а главное, приносили съ собой отраду и утѣшеніе».

— Что же вы работали въ рудникахъ?

«Копали землю, возили ее на тачкахъ; *очень* тяжелой работы не «было, но мѣшали намъ очень кандалы, ноги натирали. Но замѣча-«тельно то, что мы *не* болѣли; напротивъ стали здоровѣе, свѣжѣе чѣмъ «бывали въ Россіи, не смотря на грубую пищу, къ которой въ моло-«дости не привыкли, а теперь *должны* были привыкать».

— Очень вы скучали?

— «Конечно, были минуты тяжелыя, но, когда вечеромъ всѣ со-«беремся вмѣстѣ и приходили наши жены, то бывало иногда такое «искреннее веселье, о которомъ мы въ Россіи не имѣли понятія. За-«велась у насъ гитара, пѣли мы хоромъ или въ одинъ голосъ пѣсни, «музыку и словà которыхъ иногда сами сочиняли; писали экспромпомъ «стихи; шутки и остроты такъ и сыпались».

«Разъ, въ Воскресенье, пришли наши жены съ утра; откуда-то «онѣ добыли кофе, сливокъ и бѣлаго хлѣба. То-то былъ праздникъ!

Библиотека "Руниверс"

«Кто кофе жегъ, кто мололъ его, кто варилъ: и съ какимъ наслажде«ніемъ мы всѣ напились этого кофе!»

«Такъ прошло два года. Подходила Святая. Этотъ праздникъ былъ «для насъ очень грустенъ и тяжелъ: слишкомъ много ужъ онъ напо«миналъ намъ утраченныхъ радостей. Вдругъ приходитъ приказъ отъ «генерала губернатора *), чтобъ мы всѣ явились въ Соборъ. Прихо«димъ, таща за собой кандалы».

«Генералъ губернаторъ намъ объявляетъ, что онъ получилъ отъ «Государя приказъ снять кандалы съ тѣхъ изъ политическихъ пре«ступниковъ, поведеніемъ которыхъ онъ, ген. губернаторъ, будетъ до«воленъ. А такъ какъ я, господа, всѣми вами очень доволенъ, то со «всѣхъ васъ пусть снимутъ кандалы».

«Съ насъ тутъ же въ Соборѣ сняли позорное ярмо, и мы со сле«зами радости бросились обнимать другъ друга. Тутъ же отслужили «Спасителю благодарственный молебенъ.

«Съ тѣхъ поръ кандаловъ на насъ болѣе не надѣвали. Когда «мы поступили на поселеніе, то комфорта у насъ было больше, но «намъ горько было разставаться съ дорогими друзьями, товарищами «нашими въ несчастіи».

«Насъ разселили по разнымъ мѣстамъ, и немногимъ досталось «утѣшеніе жить въ одномъ и томъ же городѣ. Поселенцами мы могли «получать вспомоществованіе отъ родныхъ, имѣть книги, газеты, жур«налы, словомъ жить болѣе или менѣе Европейскою жизнію».

Къ характеристикѣ Михайла Михайловича Нарышкина прибавлю, что, хотя у него никогда не было своихъ дѣтей, но онъ любовался чужими малютками, ласкалъ ихъ, радовался ихъ радостямъ. Онъ былъ у насъ разъ вечеромъ, въ деревнѣ, когда у насъ устроился дѣтскій костюмированный балъ. Какъ онъ кротко улыбался, глядя на танцующихъ дѣтей, подзывалъ ихъ къ себѣ, разговаривалъ съ ними такъ ласково, что дѣти его, старика, не дичились и отвѣчали незастѣнчиво на его вопросы.

Какой долженъ былъ быть запасъ сердечной теплоты, чтобъ въ продолженіи тридцатилѣтнихъ испытаній сохранилась способность радоваться дѣтскому веселью!

Князя Евгенія Петровича Оболенскаго я не знавала лично, но читала прелестныя, симпатичныя письма (на Французскомъ языкѣ), писанныя имъ сестрѣ моей, которая, послѣ смерти перваго мужа своего, князя Д. Н. Оболенскаго, считала долгомъ посылать ежегодно посильное вспомоществованіе дядѣ покойнаго мужа своего.

*) Кажется, Броневскаго.

Библиотека "Руниверс"

По возвращеніи въ Россію князь Е. П. Оболенскій поселился въ Калугѣ у почтенной всѣми уважаемой сестры своей княгини Натальи Петровны Оболенской, гдѣ и скончался.

Матушка мнѣ разсказывала, что она знавала одну изъ Московскихъ красавицъ, графиню Чернышеву, мужъ которой Муравьевъ также сосланъ былъ въ Сибирь. Она испросила позволеніе слѣдовать за нимъ. Матушка поѣхала къ старой матери, чтобъ проститься съ ея дочерью, которая у нея жила, передъ отъѣздомъ своимъ въ Сибирь.

«Вхожу, разсказывала матушка, и вижу: сидитъ въ гостинной «какая-то женщина въ грубомъ шерстяномъ платьѣ, повязанная на «головѣ темнымъ бумажнымъ платкомъ. Въ первую минуту я ея не «узнала, но потомъ узнавъ сдѣлала невольное движеніе изумленія».

Это была молодая Муравьева!

—«Не удивляйтесь», сказала она кротко, грустно улыбаясь, «я привыкаю къ тому, чтó меня ожидаетъ».

Пока она ждала дозволенія ѣхать къ мужу въ Сибирь, она обучилась стряпать щи, кашу, разныя простыя блюда, печь черный и бѣлый хлѣбъ, затирать квасъ, квасить капусту, солить огурцы, мыть бѣлье. Когда она пріѣхала къ мужу въ Сибирь, то была для него истиннымъ кладомъ.

«Все дѣлаю сама», писала она своей матери, «и мужъ на меня «не нарадуется. Онъ сталъ меня любить такъ нѣжно, какъ никогда «не любилъ прежде, когда я блистала красотой и нарядами».

Въ Сибири у ней родился ребенокъ, котораго она сама кормила. Вотъ что писала она матери:

«Лежу въ избѣ; за ребенкомъ ходитъ Бурятка. Вчера она его «понесла ко мнѣ и уронила на полъ. Еслибъ это случилось въ Мо-«сквѣ, при уходѣ за мной двухъ-трехъ докторовъ, у меня бы навѣр-«ное отъ испуга разлилось молоко. Здѣсь-же—ничего! Даже лихорадки «не было».

Такъ переносили со Спартанской твердостью всѣ нужды и лишенія эти люди, изнѣженные воспитаніемъ, но твердые духомъ, поддерживаемые взаимной любовью и несокрушаемой *вѣрой* въ *Того*, Кто сказалъ:

«Блаженны плачущіе, ибо они утѣшатся!»

Е. Раевская.

Библиотека "Руниверс"

ВОСПОМИНАНІЕ ГЕНЕРАЛЪ-АДЪЮТАНТА С. П. ШИПОВА О МОСКОВСКОМЪ ГЕНЕРАЛЪ-ГУБЕРНАТОРѢ П. А. ТУЧКОВѢ.

Въ теченіи многихъ лѣтъ, нѣкоторыя лица, приближенныя къ покойному Государю Николаю Павловичу не переставали внушать ему, что все населеніе Москвы находится въ отношеніяхъ враждебныхъ къ правительству, что высшее сословіе, т. е. дворянство, напитано идеями либеральными и духомъ оппозиціи; купечество предано своимъ корыстнымъ цѣлямъ, домогаясь только для себя отъ правительства какихъ либо новыхъ выгодъ; низшій классъ народа, особенно многочисленное фабричное, всегда буйное населеніе, готово къ мятежу при первомъ удобномъ случаѣ, и что спокойствіе въ Москвѣ удерживается только принимаемыми правительствомъ строгими мѣрами. А потому естественно, что покойный Государь не жаловалъ Москвы и не италъ къ ней довѣрія. Такія же внушенія, по кончинѣ императора Николая Павловича, дѣлаемы были и новому Государю; почему и онъ былъ расположенъ къ Москвѣ не особенно благосклонно.

Въ 1862 году, послѣ бывшихъ въ Петербургѣ пожаровъ и смятеній, Государь прибылъ въ Москву въ тревожномъ состояніи духа; но тогда мѣсто Московскаго генералъ-губернатора занималъ человѣкъ умный, добродушный и благонамѣренный, П. А. Тучковъ. Когда онъ увидѣлъ Государя блѣднымъ и грустнымъ, то спросилъ его о причинахъ такого его расположенія. Государь объяснилъ Тучкову причины своего тревожнаго состоянія и опасеній.—«По крайней мѣрѣ здѣсь, въ «Москвѣ, Государь, Вы можете быть покойны. Здѣсь всѣ классы на«рода отъ высшихъ до низшихъ Вамъ душею преданы, благодарны за «многія благодѣянія Вами государству оказанныя и за безпрерывное «Ваше на пользу его стремленіе; просто сказать: Васъ здѣсь, въ Мо«сквѣ, любятъ».—«Какъ бы это такъ было!» отозвался Государь.

Библиотека "Руниверс"

— «Я Вамъ говорю сущую правду, Государь; я въ томъ увѣ«ренъ, и Вы сами это увидите». Государь по видимому успокоился, лицо его просіяло. Онъ сѣлъ въ коляску вмѣстѣ съ Тучковымъ и поѣхалъ медленно въ Кремль. На пути ему предлежащемъ собрались несмѣтныя толпы народа всѣхъ классовъ; восторгъ былъ неописанный. Государь ѣхалъ большею частію шагомъ, и даже иногда стѣсняемый народомъ останавливался. Изъ толпы подходили къ коляскѣ его лица знакомыя Государю, а болѣе и незнакомыя, и говорили ему: «Мы, Государь, счастливы тѣмъ, что Вы насъ посѣтили; мы отъ души благодарны Вамъ за все, что̀ Вы для насъ дѣлаете; мы желаемъ Вамъ здоровья и счастія». Произносимы были кой-гдѣ и другія, хотя не весьма складныя, но пріятныя для Государя рѣчи. Вмѣстѣ съ тѣмъ восторгъ народа и громкія восклицанія не прекращались. Тогда Тучковъ сказалъ Государю: «Конечно я не могъ приказать или какимъ-либо обра«зомъ устроить такой общій восторгъ. Вы изволите видѣть, что онъ идетъ «отъ души тѣхъ лицъ, которыя Вамъ его выказываютъ». Государь былъ видимо тронутъ; слезы показались на глазахъ его, и онъ сказалъ: «Теперь я вижу это ясно и въ томъ увѣренъ». Съ пріѣздомъ во дворецъ, Тучковъ сказалъ Государю: «Я получилъ приказаніе Ваше «усилить во многихъ мѣстахъ караулы, при дворцѣ и Кремлѣ находя«щіеся; повелѣніе Ваше исполнено, но осмѣливаюсь сказать Вамъ, «что эти караулы теперь вовсе не нужны, безопасность Вашу огра«ждаетъ любовь народа; позвольте мнѣ снять, по крайней мѣрѣ, посты «вновь прибавленные».—«Дѣлай, какъ ты знаешь», сказалъ Государь, «я на тебя полагаюсь». Тучковъ имѣлъ разговоръ съ Императрицей и совершенно ее успокоилъ. На другой день она сказала ему: «По«слѣ двухмѣсячной тревоги мы только въ первый разъ нынѣшнюю «ночь спали спокойно». Послѣ того Государь вышелъ въ залы дворца, гдѣ собраны были сенаторы и другіе государственные сановники, лица служащія, военныя и гражданскія, какъ и купечество, изъ разныхъ концовъ государства сюда съѣхавшіяся. Государь по нѣскольку разъ останавливался въ каждой залѣ, подходилъ и разговаривалъ со многими, находившимися тамъ лицами и получалъ отъ нихъ такіе отзывы, которые показывали преданность и любовь къ нему гражданъ всѣхъ состояній. По окончаніи пріема, Государь сказалъ Тучкову: «Это одинъ изъ счастливѣйшихъ дней моей жизни».

Вообще Тучковъ старался внушить Государю любовь къ народу и дѣйствовалъ съ успѣхомъ; а вмѣстѣ съ тѣмъ возрастала и любовь народа къ его Государю. Особенно Тучковъ старался дѣйствовать къ тому, чтобы онъ полюбилъ Москву, какъ центръ государства, въ которомъ соединяются не только интересы народа, но и его чувства

Библиотека "Руниверс"

іатріотическія. Тучковъ желалъ возвысить Москву и увеличить значеніе ея въ государствѣ. Онъ намѣренъ былъ дѣйствовать къ тому, чтобы Государь помѣстилъ туда на постоянныя квартиры часть своей гвардіи, чтобы высшія правительственныя мѣста не уменьшались въ ней, но увеличивались переводомъ туда изъ Петербурга тѣхъ государственныхъ учрежденій, которыя бы могли быть съ пользою для государства перемѣщаемы. Тучковъ полагалъ нужнымъ учредить нѣкоторыя новыя образовательныя заведенія преимущественно въ Москвѣ, имѣя въ виду, что здѣсь эти заведенія наполняются дѣтьми и юношами чисто-Русскими; съ учрежденіемъ же оныхъ въ Петербургѣ, эти училища служатъ мало въ пользу Русскаго люда: въ нихъ наплываютъ немедленно Нѣмцы и Поляки. По мнѣнію Павла Алексѣевича было бы существенно потребно учредить въ Москвѣ центральный банкъ для всего государства. Театры и другія мѣста для народныхъ зрѣлищъ должны бы, по его убѣжденію, быть въ Москвѣ усовершенствованы, распространены и устроены на такихъ началахъ, чтобы могли служить съ пользою для умственнаго образованія народа и усовершенствованія его нравственности. Онъ справедливо полагалъ, что древней столицѣ, въ средѣ Русскаго народа находящейся, слѣдовало бы предоставить отъ правительства всѣ тѣ пособія и выгоды, которыя дарованы Петербургу. Такія мысли и убѣжденія свои Тучковъ передавалъ Государю, по своему искреннему къ нему усердію.

Къ несчастію, П. А. Тучковъ скончался внезапно и преждевременно, когда и малая часть его полезныхъ мыслей и предначертаній не могла быть исполнена.

Онъ былъ человѣкъ высокаго ума, весьма основательнаго образованія и дѣйствовалъ всегда безкорыстно, одушевленъ будучи безпредѣльною къ Государю своему преданностію и горячею любовью къ отечеству. Государь цѣнилъ Тучкова по его достоинству и полную имѣлъ къ нему довѣренность. Онъ видѣлъ въ немъ на случай войны будущаго главнокомандующаго, въ мирное время надежнаго совѣтника. Государь рѣшился было назначить его намѣстникомъ въ Царствѣ Польскомъ, но Тучковъ отказался отъ такого назначенія, почитая себя недостаточно для того приготовленнымъ. Государь въ теченіи трехъ дней настаивалъ на исполненіи своего намѣренія отправить его въ Варшаву и, наконецъ, уступилъ. Павелъ Алексѣевичъ почиталъ мѣсто Московскаго генералъ-губернатора весьма важнымъ для всего государства и желалъ на немъ остаться.

Для меня собственно кончина Тучкова была весьма прискорбна. Въ послѣднее время мы такъ сблизились, что онъ съ откровенностію

Библиотека "Руниверс"

сообщалъ мнѣ свои мысли и предположенія, какъ и я не имѣлъ отъ него тайны.

Съ кончиною П. А. Тучкова возобновились отъ лицъ окружавшихъ Государя внушенія для Москвы неблагопріятныя. Государь видимо охладѣлъ къ ней. Нынѣ сдѣланы или дѣлаются многія распоряженія правительства, уменьшающія ея значеніе. Четыре департамента Сената, въ Москвѣ находящіеся, закрываются, и дѣла поступающія изъ остающихся еще въ дѣйствіи старыхъ судебныхъ мѣстъ посылаются уже не въ Московскіе, но въ Петербургскіе департаменты Сената. Новые кассаціонные департаменты учреждены не въ Москвѣ, а въ Петербургѣ. Находившееся въ Москвѣ главное для всей Россіи кредитное установленіе, Сохранная Казна Опекунскаго Совѣта, закрыта; упраздненъ также Коммерческій Банкъ, и вмѣсто всего этого учреждена въ Москвѣ Контора Государственнаго Банка. Существовавшее въ Москвѣ Архитектурное Училище закрыто, и въ тоже время основано въ Петербургѣ Строительное Училище. Приняты и другія менѣе важныя, неблагопріятныя для Москвы мѣропріятія, клонящіяся повидимому къ тому, чтобы низвести древнюю столицу на степень провинціальнаго города.

Какія же должны отъ того произойти послѣдствія?

Болѣе ста семействъ почтенныхъ сенаторовъ, оберъ-прокуроровъ и другихъ сановниковъ при исполненіи этой реформы должны оставить Москву. Еще большее число второстепенныхъ чиновниковъ, людей просвѣщенныхъ, также съ семействами, выбудутъ изъ Москвы для пріисканія себѣ мѣстъ въ разныхъ концахъ Россіи. Молодые люди, оканчивая въ здѣшнемъ университетѣ курсъ ученія, принадлежащіе къ хорошимъ фамиліямъ, начинали службу свою въ Москвѣ въ Сенатѣ и въ другихъ находившихся здѣсь высшихъ учрежденіяхъ, возвышались чинами и чрезъ нѣсколько лѣтъ, по пріобрѣтеніи опытности, получали высшія служебныя мѣста въ другихъ краяхъ Россіи. Нынѣ такіе молодые люди, по окончаніи курса ученія, должны будутъ отсюда удалиться съ семействами, которыя для нихъ собственно здѣсь проживали, и помѣщаться на службу въ Петербургѣ, или въ другихъ мѣстахъ государства. Многіе люди почтенные привлекаемы были въ Москву многоразличными интересами съ разныхъ концовъ государства, пріѣзжали сюда на зиму и даже переселялись въ Москву, представлявшую имъ удобства и удовольствіе находиться въ самомъ просвѣщенномъ въ Россіи обществѣ.

Такимъ образомъ Москва представляла въ себѣ соединеніе людей просвѣщенныхъ отъ всѣхъ областей Россіи, и Государь, посѣщая свою Москву, видѣлъ въ ней не только мѣстныхъ Московскихъ жите-

Библиотека "Руниверс"

лей, но слышалъ здѣсь голосъ всего Русскаго народа. Слова, Государемъ здѣсь сказанныя, переносились во всѣ концы государства. Онъ получалъ здѣсь отъ многихъ лицъ свѣдѣнія о состояніи народа и его потребностяхъ и, такъ сказать, сливался здѣсь съ своимъ народомъ.

Принятыми нынѣ правительствомъ мѣрами такое значеніе Москвы должно совсѣмъ уничтожиться. Можетъ ли прекращеніе между Государемъ и его народомъ связи быть безвредно для государства и самого Государя? Могутъ придти времена тяжкія, когда Государь, удаленный отъ народа постояннымъ пребываніемъ на краю, почти внѣ Россіи, пожелалъ бы пожить по прежнему въ Москвѣ, среди избранниковъ своего народа и отвести душу свою въ ихъ сообществѣ, передать имъ своё горе и получить отъ нихъ утѣшеніе; но этого центра, гдѣ онъ слышалъ голосъ своего народа, уже существовать не будетъ, и возстановить его будетъ весьма трудно, почти невозможно.

Осмѣливаюсь думать, что совершающіяся нынѣ горестныя для всего государства и вредныя для самого Государя событія, при жизни П. А. Тучкова и высокомъ къ нему довѣріи Государя, не могли бы послѣдовать.

*

Павелъ Алексѣевичъ Тучковъ (краткія автобіографическія Записки котораго напечатаны въ XI книжкѣ Русской Старины 1881 года), родился 7 Апрѣля 1803 и неожиданно скончался 21 Января 1864 г., къ великому горю Москвы, гдѣ онъ находился генералъ-губернаторомъ. Въ Запискахъ своихъ онъ повѣствуетъ о себѣ съ отмѣнною скромностью; но въ историческихъ преданіяхъ и въ изложеніи событій, въ которыхъ онъ участвовалъ, долго и часто будетъ поминаться его свѣтлое имя. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

КЪ БІОГРАФІИ ЖУКОВСКАГО.

У Марьи Григорьевны Буниной, въ домѣ которой выросъ Жуковскій, было отъ второй ея дочери Натальи Аѳанасьевны Вельяминовой, три внуки: Авдотья Николаевна Арбенева, Марья Николаевна Свѣчина и дѣвица Анна Николаевна. Жуковскій любилъ и этихъ подругъ своего дѣтства. Нижеслѣдующія письма важны для его біографіи: они новыми чертами изображаютъ намъ центральное событіе его жизни—попытку вступить въ бракъ съ Марьей Андреевною Протасовой. П. Б.

I. Письмо Жуковскаго къ А. Н. Арбеневой.

(Въ Москву).

15 Декабря (1813).

Не могу изъяснить вамъ, моя милая и истинный другъ, какъ мнѣ жаль, что я—бѣдная, безденежная тварь; а какимъ бы было для меня наслажденіемъ отдать вамъ послѣднюю копѣйку! Для чего черти нынче не то, что́ были въ старину; я заложилъ бы первому чорту, по примѣру моего пріятеля Громобоя, душу, взялъ бы у него неистощимый кошелекъ и посыпалъ бы изъ него червонцами во имя ваше до тѣхъ поръ, пока бы вы не закричали: стой, довольно! И увѣренъ, что причина, для которой погубилъ бы душу, была бы спасеніемъ: кто жертвуетъ собою для дружбы, тому никогда райская дверь закрыта не будетъ. Шутки въ сторону. Вотъ вамъ положеніе дѣлъ моихъ in naturalibus. Капиталу у меня вѣрнаго всего на все есть 2.500, и тѣ отданы. Есть у меня еще деревнишка; я ее продаю и долженъ получить за нее 12.000. Для чего продаю, спросите вы. Вотъ для чего. Тетушка Екатерина Аѳанасьевна продала деревню свою Меньково за 33.500, изъ коихъ 1.000 уже употреблены на уплату казеннаго долга; слѣдовательно ей остается 32.500; въ тоже время купила она другую деревню за 50.000; прибавьте къ этому 1.000 на пошлинные расходы, на купчую, выйдетъ 51.000. Вотъ на ней долгу 8.500; да еще собственнаго долгу имѣетъ она 9.000, всего 17.500. Это побудило меня раздѣлаться съ своею деревнею и отдать ей свои 12.000; почему видите, милая, что изъ этой суммы не могу вамъ дать ничего. Мнѣ быть должною для нея нетяжело; напротивъ, всякому другому долгъ былъ бы для нея отяготителенъ. Въ иныя минуты ничего бы такъ не желалъ, какъ всемогущества (бездѣлица!) Но я изъ него сдѣлалъ бы

Библиотека "Руниверс"

прекрасное употребленіе: я употребилъ бы его на счастіе моихъ друзей. И какъ бы вы были счастливы тогда! Говорю это отъ полноты сердца и признаюсь съ горемъ, воображая, какъ я бѣденъ и какъ ничтожны одни желанія. А люблю васъ болѣе нежели когда нибудь, люблю какъ сестру, которой мое счастье дорого и, думая объ васъ, всегда сердце у меня разгорячается. Еще о многомъ надобно мнѣ говорить съ вами; я намѣренъ вамъ открыть свою душу и, можетъ быть, вамъ назначено имѣть величайшее вліяніе на судьбу цѣлой моей жизни. Теперь скажу только одно, что я, при всей возможности пользоваться истинными благами жизни, чувствую одну только тяготу жизни, что большая часть ея проходитъ для меня въ желаніи ея прекращенія; все бы могло для меня перемѣниться, и ничто не мѣняется. Все это для васъ загадки или, можетъ быть, полузагадки. Погодите, милый другъ, милая сестра; я съ вами объясняться теперь еще не могу, но скоро получите отъ меня предлинное письмо. Увѣренъ только въ томъ, что въ вашемъ сердцѣ найду сильнѣйшаго моего заступника; ваше сердце богато истинною чувствительностію и выше всѣхъ ничтожныхъ предубѣжденій, разрушителей всякой чувствительности. En attendant, любите меня. Объ *нашихъ* скажу, что онѣ теперь всѣ здоровы. Не пишутъ къ вамъ, потому что теперь нѣтъ времени. Мы говоримъ объ васъ часто, и тотъ, кто говоритъ, у того сверкаютъ глаза и радъ бы прижать къ сердцу тѣхъ, кто его слушаетъ и понимаетъ. Но прошу васъ, милая, въ вашихъ письмахъ къ нимъ не упоминать объ моемъ и не говорить со мною ни объ какихъ объясненіяхъ. То, чтó теперь я къ вамъ писалъ, принадлежитъ вамъ однимъ. У меня еще сидитъ въ головѣ и стихотворное къ вамъ посланіе; но стихи пишутся тогда только, когда на душѣ ясно; а на моей душѣ часто и очень часто сумерки. Перецѣлуйте за меня дѣтей, а вихря-атамана дважды.

II. Письмо Жуковскаго къ Марьѣ Николаевнѣ Свѣчиной.

(Изъ Орловской деревни Муратова въ Москву).

2 Марта (1814).

Я получилъ, наконецъ, отъ васъ письмецо, короткое, но очень милое. Я увѣренъ теперь, что мое письмо у васъ. Этого съ меня довольно. Знаю, что вы принимаете во мнѣ живое участіе; остальное оставляю вашему сердцу, которому наше счастіе дорого. Вы не сказали мнѣ ничего; но я и не ожидалъ, чтобы вы мнѣ что нибудь сказали. Въ этомъ случаѣ вамъ никому не должно открывать своего мнѣнія кромѣ тетушки. Мнѣ нужно было имѣть одно ваше участіе;

Библиотека "Руниверс"

для этого стоило только вамъ открыться: я увѣренъ въ вашемъ участіи и спокоенъ. Когда вы будете съ нею говорить, подумайте, что вы, можетъ быть, рѣшите судьбу всей жизни моей; вы безъ сомнѣнія тотъ человѣкъ, который наиболѣе можетъ на нее подѣйствовать. Не откажитесь говорить съ нею рѣшительно. Не опасайтесь этимъ потерять ея дружбы. Если вамъ удастся согласить ее, то вы будете причиною и ея счастія: спокойствіе души, семейственное согласіе, радость видѣть вокругъ себя довольныя лица—все это заключено въ ея согласіи. Нѣсколько твердости съ вашей стороны будетъ намъ благодѣяніемъ. Благодѣяніемъ? Жизнію! Вамъ непремѣнно должно сюда пріѣхать. Вещи не могутъ остаться въ томъ положеніи, въ какомъ онѣ теперь: намъ или должно быть навсегда вмѣстѣ, или разстаться навсегда. Быть нарушителемъ спокойствія милыхъ людей безъ надежды на счастіе и не видѣть впереди ничего лучшаго: такая жизнь ужасна. Вашъ пріѣздъ рѣшитъ. Доведите до того, чтобы тетушка сама обо всемъ вамъ сказала. Она готова сдѣлать эту довѣренность; она часто говоритъ объ васъ, и говоритъ, я увѣренъ, съ этою мыслію. У меня готово къ ней письмо. Я написалъ его въ такое время, когда думалъ, что она хочетъ со мною объясниться. Признаюсь, безъ васъ, боюсь этого объясненія: некому будетъ насъ поддержать. Но не понимаю, какъ по сію пору она могла молчать. Она видитъ Машу и *знаетъ* уже ея ко мнѣ привязанность — и ни слова. Какъ это объяснить? Я увѣренъ, что она сама рада будетъ, если увѣрится въ возможности, и даже думаю, что она въ нерѣшимости. Въ противномъ случаѣ какъ бы молчать? Однимъ словомъ, милая сестра, *нашъ добрый геній,* жду васъ, какъ своего счастія. О, еслибы можно было пожертвовать только однимъ собою! Еслибы съ этимъ пожертвованіемъ не было соединено и ея горе! Какъ бы тогда можно было поколебаться? Но я не могу не быть привязаннымъ всѣми силами души къ тому счастію, которое есть и ея счастіе. Жизнь, отъ которой надобно добровольно отказаться, представляется для меня прелестною, лучшею, какую только могу вообразить! Какъ же разрушить все это добровольно? Не думайте, милая, чтобы могла для меня въ жизни быть какая нибудь замѣна. Какъ думать о своемъ счастіи, воображая, что ея счастіе разрушено, и мною разрушено? Не низко ли *даже думать* о своемъ отдѣльномъ счастіи? Не надобно ли будетъ презирать себя, если будешь способенъ желать такого счастія? Въ будущемъ для меня или самая ясная, спокойная жизнь, посвященная тихому добру въ глазахъ Ангела, или одно скучное, безполезное, ничтожное, механическое существованіе.

Простите, милые друзья.

Библиотека "Руниверс"

P. S. Отсюда поѣхалъ Гаврила Петровичъ Апухтинъ въ Петербургъ. Я поручилъ ему отдать вамъ въ Москвѣ тетрадь своихъ стиховъ: бѣдный подарокъ въ день вашего Ангела. Вчера я выпилъ полный стаканъ малаги; мы стукнулись съ Машею рюмками, и я сказалъ вамъ тостъ, Шиллеровъ Нѣмецкій стихъ: Dieser Glas dem guten Geist— *Доброму Генію*!

Сложено и написано: „Его всбл. м. г. Василію Степановичу Аѳанасьеву, въ Москвѣ въ Почтамтѣ. А васъ покорно прошу доставить это письмо *Марьѣ Николаевнѣ Свѣчиной* на Покровкѣ, въ домѣ сенатора Мясоѣдова, бывшемъ Заборовскаго. Въ небытность же Марьи Николаевны вручить сіе письмо ея прев. *Авдотьѣ Николаевнѣ Арбеневой*." На письмѣ штемпель: „Болховъ".

III. Письмо Жуковскаго къ А. Н. Арбеневой и М. Н. Свѣчиной.

7 Марта 1814 (Муратово).

По несчастію, ваше письмо получилъ я поздно, милая Марья Николаевна (это письмо для васъ обѣихъ, мои добрыя сестры). Я отвѣчалъ къ вамъ на ваше послѣднее маленькое, которое написали вы вмѣстѣ. Но это, на которое теперь отвѣчаю, получено мною гораздо послѣ. О, почта, почта! Очень досадно мнѣ такое замедленіе. Не смотря на то, что вы говорите мнѣ въ своемъ письмѣ о томъ человѣкѣ *), котораго не знаю и котораго мнѣніе должно быть такъ для меня рѣшительно, я все боюсь. Боюсь его образа мыслей; боюсь предразсудка, которымъ могутъ быть опредѣлены эти мысли; боюсь вліянія, которое могутъ онѣ имѣть на ваши собственныя, которыхъ согласіе съ моими такъ для меня важно, потому что на васъ болѣе нежели на комъ нибудь основаны мои надежды. По всему вижу, что никто не можетъ принять съ такимъ жаромъ мое счастіе, *наше* счастіе къ сердцу, какъ вы. Что же, если и ваше мнѣніе сдѣлается ему противнымъ? Для меня самаго сомнѣнія нѣтъ; но что же я? Бѣдный, безсильный невольникъ, которому оставлена свобода только бѣситься на свой жребій. Все мое лучшее въ чужихъ рукахъ. Жаль очень, что ваше письмо получено поздно. Я бы васъ предупредилъ и представилъ вамъ другой способъ, такой же точно какъ и вашъ, но мнѣ кажется болѣе успѣшный. Впрочемъ и теперь еще время не ушло. Вотъ въ чемъ дѣло. Удивляюсь только, какъ это средство не пришло мнѣ въ голову гораздо прежде. Все бы можетъ быть давно уже было рѣшено. Я самъ имѣю здѣсь человѣка, который съ самой нѣжной молодости мною любимъ, который былъ благодѣтелемъ лучшихъ моихъ друзей, уважавшихъ его какъ отца и теперь къ нему привязанныхъ, который былъ другомъ лучшихъ людей нашего времени, истиннаго

*) Кто это, не можемъ догадаться; вѣроятно лицо духовное, такъ какъ А. Н. Арбенева водила близкое знакомство съ монашествомъ. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

христіанина, но христіанина не-суевѣра. Я говорилъ съ нимъ искренно, говорилъ съ нимъ какъ съ отцемъ, — это имя останется ему теперь навсегда. Онъ меня одобрилъ, онъ меня благословилъ, онъ сказалъ мнѣ, что на мѣстѣ тетушки ни минуты не поколебался бы сдѣлать наше счастіе. Такое одобреніе меня ободрило. Тетушка его знаетъ, имѣетъ величайшую довѣренность къ его правиламъ и большое уваженіе къ его характеру,—этому имѣю несомнѣнное доказательство. Мнѣніе такого человѣка было бы рѣшительно, еслибы оно было поддержано вашимъ, милая Авдотья Николаевна. Сколько для нея убѣжденія! Съ одной стороны одобреніе человѣка, котораго христіанство несомнительно; съ другой стороны ваше согласіе и, что̀ всего важнѣе—счастіе ея дѣтей, и съ нимъ собственное ея счастіе. Положимъ, что тотъ, съ кѣмъ вы совѣтовались, противорѣчитъ намъ своимъ образомъ мыслей. Я съ своей стороны представляю вамъ другаго, котораго правила съ этой стороны тверды, котораго жизнь и мнѣнія всегда были основаны на чистомъ христіанствѣ. Вотъ два разныхъ мнѣнія. Которое же изъ этихъ двухъ мнѣній справедливо? Но какъ же сомнѣваться? Конечно то мнѣніе, которое дѣлаетъ счастіе, а не то, которое его разрушаетъ. Здѣсь могу напомнить вамъ, милая Марья Николаевна, еще о томъ, что я отъ васъ же самихъ слышалъ. Вашъ отецъ былъ истинный христіанинъ, но какія же были его намѣренія? Кого готовилъ онъ вашимъ мужемъ? И что, еслибы его планы исполнились, — не были ли бы вы сто разъ счастливѣе? Нѣтъ, никогда не могу оскорбить Создателя своего мыслію, чтобы то, что́ производитъ настоящее счастіе — *спокойствіе души, привязанность къ жизни, дѣятельность, даже вѣру,* было противно Его закону. Согласенъ: тетушка съ одной стороны права. Не разбирая справедливости ея мнѣнія, она слѣпо считала его сообразнымъ съ закономъ Божіимъ и на немъ основывалась. Теперь дѣло въ томъ, чтобы рѣшить, что́ важнѣе: мнѣніе или счастіе милыхъ ей людей? Не должно ли это счастіе быть побужденіемъ, чтобы разобрать: нѣтъ ли ошибки во мнѣніи, ибо здѣсь ошибка ужасна. Можно ли имѣть привязанность ко мнѣнію, слѣпую и даже жестокую? Если это мнѣніе уничтожаетъ истинное счастіе—не есть ли уже это почти доказательствомъ, что оно ложное? Бояться смерти одного изъ насъ, какъ наказанія свыше за преступленіе! Кто далъ ей право на такую боязнь, и на чемъ можетъ быть она основана? Есть суевѣры, которые отъ просыпанной солонки ожидаютъ несчастія. И такъ мнѣ стоитъ вообразить себѣ всякую нелѣпицу и на этой нелѣпицѣ основать свои поступки, и потомъ освятить ихъ еще именемъ закона. Гдѣ же понятіе о Богѣ? Бояться нашей смерти и, чтобы избавить себя отъ этого несчастія, самой готовить ее и давать

Библиотека "Руниверс"

преждевременную, настоящую смерть счастія, уничтожающую не физическую, но моральную жизнь! Прежде нежели она увѣрена, что Богъ накажетъ преступленіе, она уже заступаетъ Его мѣсто, и наказаніе предупреждаетъ преступленіе. А преступленія нѣтъ и не будетъ.

Если тебѣ надобно будетъ принести великую жертву, пишите вы, *ты принесешь ее Отцу Небесному.* Правда, принесу великую жертву; но совсѣмъ не Отцу Небесному; не хочу и оскорблять Его такою жертвою. Она Ему противна. Я въ этомъ увѣренъ. Буду увѣренъ до конца жизни. Я принесу жертву какому-то чудовищу, которое называютъ Богомъ, а не моему Богу, Который въ моемъ сердцѣ. Принесу жертву какъ связанный человѣкъ, который *соглашается,* чтобъ его зарѣзали и въ глазахъ его зарѣзали лучшаго его друга; соглашается, потому что не можетъ перервать цѣпей своихъ. Тутъ нѣтъ покорности, и я не считаю такого несчастія ни для кого нужнымъ. *Великодушія, оставить всякое земное чувство, быть ей братомъ, быть тетушкѣ сыномъ,* какъ пишите вы, я имѣть не могу, потому что здѣсь и имѣть его будетъ не можно. Это могло бы сдѣлаться прежде, еслибы съ одной стороны была довѣренность; но я не имѣлъ и того, на что имѣлъ право. Теперь этого имѣть и не надѣюсь. Я не предполагаю себѣ никакого счастія возможнымъ въ домѣ тетушки. Увѣренъ, что она была бы мною истинно-счастлива съ однимъ только условіемъ; безъ этого условія мы должны *навсегда* разстаться, и на это я готовъ. Прошедшее есть для меня образецъ будущаго: что̀ было прежде, то будетъ и впередъ. Какъ же снесть такую жизнь? Прежде по крайней мѣрѣ оставалась у меня надежда на перемѣну; она давала мнѣ силу; счастіе будущее (и то счастіе было бы истиннымъ) украшало для меня все печальное въ настоящемъ; но безъ этой надежды я не могу сносить того, что̀ было сносить довольно легко. Быть только *терпимымъ,* имѣть только *пріютъ* отъ холоду и голоду тамъ, гдѣ я хотѣлъ бы *жить.* Можно ли на это согласиться? Быть разрушителемъ спокойствія Маши, сносить подозрѣнія и даже пренебреженія безъ всякой надежды, чтобы это было во что нибудь вмѣнено,—это все выше меня. Да это же было бы противно и счастію Маши. Ея спокойствіе должно быть правиломъ моихъ поступковъ. Если не буду имѣть возможности дать ей счастіе, то по крайней мѣрѣ хотя не отнимать того, что̀ ей останется. Когда нибудь и тетушка будетъ жалѣть; но такое сожалѣніе ужасно! Оно будетъ и позднее, и безполезное.

12 Февраля, день, въ который я поѣхалъ къ Ивану Владимировичу*), если уже надобно его назвать, былъ для меня однимъ изъ

*) Лопухину. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

счастливѣйшихъ въ жизни. Неужели надежда, которая тогда наполнила мою душу, есть обманъ! Эта надежда была чистая; могу ли не почитать ее тайнымъ голосомъ одобряющаго Божества? Я въ эту минуту живо и ясно чувствовалъ, что *можно быть счастливымъ въ жизни*. Такого сильнаго чувства еще и не помню. Я не молился, то есть никакимъ выраженіемъ не объяснялъ то, чтó стѣснялось въ моей душѣ; но то чтó было въ моей душѣ,—была клятва, которую давалъ я Богу *удостоиться* того счастія, которое мнѣ въ этой надеждѣ изображалось. Къ этому присоединялась для меня еще другая, лучшая мысль: я видѣлъ въ будущемъ не одно счастіе, не одно исполненіе надежды; нѣтъ, я видѣлъ тамъ самаго себя, не такимъ, каковъ я теперь, но лучшимъ, новымъ, живымъ, а не мертвымъ. Вдали, какъ будто сквозь тѣнь, представлялось мнѣ совсѣмъ новое существованіе: спокойствіе, душевная тишина, довѣренность къ Провидѣнію, словомъ все, чтó составляетъ настоящее бытіе человѣка. До этого времени, признаюсь, я замѣчалъ какую-то холодность къ религіи—предразсудки ея слишкомъ для меня были убійственны; но въ эту минуту, съ живою надеждою, оживилось во мнѣ и живѣйшее чувство ея необходимости. О, какъ она нужна для того, чтобы счастіе было просто и чисто! Я еще не могу себѣ представить этого счастія ясно; все это есть не иное что какъ предчувствіе чего-то необыкновенно пріятнаго. Вижу тихую и вмѣстѣ самую дѣятельную жизнь: тихую, потому что она ограничится самымъ тѣснымъ кругомъ, изъ котораго ни шагу; дѣятельную, потому что вся обратится на *себя*. Столько чувствъ, которыя во мнѣ погибали даромъ, вдругъ получили бы свободу! Вдругъ имѣть всѣ святѣйшія связи, о которыхъ я имѣлъ одно только понятіе, но понятіе грустное, потому что оно только давало мнѣ чувствовать ихъ недостатокъ; и, сверхъ всего этого, вѣра живая, идущая изъ сердца вѣра, не на словахъ, не на обрядахъ основанная, но вѣра, радость души, ея счастіе, ея необходимая подпора, ея жизнь: чувство доселѣ совсѣмъ почти незнакомое мнѣ, убитое одиночествомъ, заглушенное не-привязанностію къ жизни. Чтò сравнится съ такимъ пріобрѣтеніемъ, и какъ не быть привязаннымъ болѣе чѣмъ къ жизни къ тому, кому былъ бы имъ обязанъ? А это—она! Вѣрить вмѣстѣ съ нею благому Провидѣнію и Ему вручить съ ней всю жизнь свою и всѣ свои надежды! Повторяю опять: я чувствовалъ до сихъ поръ одно только отдаленіе отъ религіи; она казалась мнѣ убійцею моей жизни; уважать ее значило для меня—соглашаться съ предразсудкомъ, разрушителемъ моей надежды. Но теперь въ какомъ новомъ свѣтѣ она представляется моему сердцу и какъ считаю ее нужною для истиннаго счастія! Вмѣстѣ съ такимъ милымъ товарищемъ искать въ вѣрѣ пря-

Библиотека "Руниверс"

маго блага—это было бы для меня новою наукою, которой бы скоро я выучился, ибо она необходима для жизни. Вмѣстѣ съ нею готовиться здѣшнею жизнію для будущей и въ этомъ одномъ заключить свою жизнь: имѣть одну эту цѣль, не заботясь о постороннемъ. Здѣсь, право, не вмѣшивается никакая мечтательность. Все это для меня въ будущемъ, и все это возможно! Такое счастіе было бы твердо, ибо оно было бы нашею пищею; мы имѣли бы его въ глазахъ нашей матери, имъ счастливой. Такая жизнь, непонятная для большей части претендентовъ на счастіе, была бы нашею безъ раздѣла, тихою, скрытою отъ ненужныхъ свидѣтелей; она не призракъ, но она только внутри сердца существовать можетъ. И цѣлая прошедшая жизнь меня къ ней приготовила. Я даже радъ бы былъ благодарить Провидѣніе за всѣ прошедшія потери и горести; они—достойная цѣна за такое счастіе. Безъ нихъ можно бы было его страшиться. Но оно будетъ купленное, и дорого.

Я точно теперь похожъ на такого человѣка, который видѣлъ одинъ только сонъ жизни, прекрасный, восхитительный, но зналъ, что это сонъ и что онъ только видѣлъ его въ горячкѣ и имъ не наслаждается, и вдругъ чувствуетъ, что къ нему приближается Ангелъ, чтобы его разбудить и говоритъ: *проснись, чтобъ жить*. И онъ готовъ встать съ полнымъ понятіемъ о жизни, съ полною готовностію ею воспользоваться, какъ человѣкъ слѣпой отъ рожденія, знавшій только по слуху о красотахъ міра и вдругъ получающій зрѣніе. Для меня въ жизни все еще будетъ *новымъ*, но я приготовленъ къ нему *лишеніями*. Довольно!

Скажу вамъ въ заключеніе, милые мои друзья: сдѣлайте съ своей стороны *все*, что можете, чтобы дать намъ это счастіе. Въ Иванѣ Владимировичѣ будете имѣть сильнаго помощника; только не откажитесь съ нимъ вмѣстѣ дѣйствовать. Я увѣренъ, что всѣ вмѣстѣ вы перемѣните образъ мыслей тетушки. Я увѣренъ, что она сама обрадуется случаю отъ него отказаться. Сдѣлаемъ все, что отъ насъ зависитъ; остальное предоставимъ Провидѣнію. Простите.

IV. Отвѣтное письмо Авдотьи Николаевны Арбеневой къ Жуковскому.

22 Марта (1814).

Не знаю, съ чего начну.... и можетъ ли человѣкъ, столь сильно влекомый страстью, внимать голосу дружбы... вѣрить истинѣ и безпристрастію? Съ самаго младенчества любила тебя какъ брата; проживши столько лѣтъ съ тобою, сердце мое утвердилось въ этомъ чув-

Библиотека "Руниверс"

ствѣ; но дружба не слѣпа, и вижу всю бездну твоего несчастія. О, Жуковскій, прошу тебя, выслушай меня, отложи страсти, призови только доброту сердца, откинь хоть на минуту проклятыя разсужденія и вѣрь, что желаю твоего счастія столь сильно, сколько сильно чувствовать умѣю...... Но что содѣлываетъ счастіе: удовлетвореніе страстей или вѣра? Бѣдной, подлинно бѣдной... Но почему? Взгляни на свое заблужденіе, несчастный: какой ты сочиняешь законъ?.. Кому ты вѣришь?.. И. В. *) Если онъ добродѣтеленъ, какъ же онъ тебя губитъ? Но можно ли вѣрить тому, коего жизнь одно лицемѣрство, и дѣла съ словами такъ различны? Если ты можешь сносить еще совѣты, если ты не погибъ уже совершенно (эта и мысль ужасна), то взгляни что́ ты дѣлаешь. Ты полагаешь, что тетушку надобно только *рѣшить сдѣлать счастье дочери своей, сердце ея готово.* Вообрази всю слѣпоту страстей. Женщина, которая 20 лѣтъ не имѣла инаго предмета въ жизни, какъ счастье дѣтей, которая всѣ минуты для нихъ посвятила и отдалась бы теперь на страданія для ихъ спокойствія... Полагаешь ее довольно безумной, чтобъ жертвовать ими *предразсудку*, и думаешь, что еслибы она не твердое имѣла въ семъ увѣреніе, или скажу яснѣе, еслибы точно это не было противно закону истинному христіанскому, то она бы дожидалась чьего нибудь совѣта, чтобъ сдѣлать счастье любимой ея дочери. *Она готовитъ смерть преждевременную*... вотъ твои слова. О, какъ страшно попустить свои страсти, если онѣ могутъ насъ вовлечь въ столь тяжкія неправды. И такъ, человѣкъ, котораго *почитаешь какъ мать*, обвиненъ тобою!... Но кто тебѣ *далъ право заступать мѣсто Божіе*? Ты обвиняешь законъ или *перетолкованіе онаго*; но знаешь ли его? О, какъ далекъ ты отъ вѣры христіанской. Гдѣ ты взялъ понятія свои? Взгляни на страшное твое письмо; это ли слѣды ученія Христова, чтобъ оправдывать самоубійство? И еслибы всѣ слѣдовали пагубнымъ симъ правиламъ, что́ бы было на землѣ?... Сравни, несчастный слѣпецъ: вѣра даетъ материнскому сердцу силу выносить несчастье дѣтское (правда — временное, ибо Богъ открываетъ истину); а тебѣ правила твои не дали даже довольно силъ, чтобы стараться удостовѣриться, *предразсудку* ли добро-

---

*) Ивану Владимировичу Лопухину, извѣстному сенатору-Мартинисту, который проживалъ тогда въ своемъ Орловскомъ помѣстьи Кромскаго уѣзда. Онъ былъ крестнымъ отцомъ И. В. Кирѣевскаго и пользовался уваженіемъ во всей этой семьѣ. Жуковскій ѣздилъ къ нему и думалъ его благопріятнымъ мнѣніемъ подѣйствовать на Екатерину Аѳанасьевну. Памятникомъ этихъ сношеній остался экземпляръ его Записокъ, подаренный имъ Жуковскому. Въ Синодѣ въ то время сильнымъ лицомъ былъ другъ Жуковскаго А. И. Тургеневъ, отецъ котораго былъ товарищемъ Лопухина какъ по мартинизму, такъ и по невзгодѣ, которая постигла Мартинистовъ при Екатеринѣ. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

дѣтельная женщина слѣдуетъ или истинѣ. И если ты истинно любишь, если ты и тетушкѣ не вѣришь, то неужели одна угроза смерти милаго намъ предмета недостаточна устрашить тебя, и неужели сіе не побудило тебя искать себѣ человѣка достойнѣе вѣроятія, нежели извѣстный Мартинистъ, и неужели твоя религія не стоитъ твоего вниманія, что ты хочешь слѣдовать въ столь важномъ случаѣ мнѣнію одного человѣка? И почему увѣренъ ты въ немъ? Онъ ласкалъ твоей страсти. Ты тутъ почувствовалъ *сладость религіи*. Нѣтъ, ты не хочешь понимать ее; ты тогда считаешь Бога отцемъ своимъ, когда думаешь, что Онъ даетъ тебѣ чего ты даже не просишь, но самовластно хочешь взять, не заботясь, угодно ли это твоему Создателю. Да и когда все удостовѣряетъ въ противномъ, то ты, отвергая съ гордостью законъ Создавшаго тебя, отвергаешь волю Его и, сочиня угодныя страсти твоей правила, приписываешь ихъ *справедливости* Божіей. Приводишь въ доказательство *Вѣтхій Завѣтъ*; да развѣ жившіе тогда—во святыхъ? Да и для тебя развѣ не было Христа? Развѣ ты не искупленъ Его кровію? Развѣ твоя душа смертная? О, Жуковскій, прошу тебя, умоляю тебя, обратись къ истинному Богу, къ истинной вѣрѣ и взгляни, что́ есть добродѣтель не основанная на правилахъ Христа. Тридцать лѣтъ чистой жизни потонули въ волнѣ страсти. Открой глаза; ты губишь сестру родную, друга и благодѣтельницу. Кого хочешь имѣть женой? Родную племянницу. И такъ, братъ мой родной могъ бы жениться на моей Наташѣ; дочь Александры Андреевны вышла бы за Проташинскаго, или и самъ бы Василій Ивановичъ *) могъ жениться на Марьѣ Андреевнѣ! Ты ужасаешься, вѣрно.

Да, Жуковскій, я тебѣ говорю правду безъ закрышки такъ, какъ другъ сказать долженъ. Мнѣ скажутъ: «ты убиваешь его» тѣ, кои не истинно тебя любятъ; но я желаю тебѣ счастья какъ бы брату, какъ бы сыну своему, то-есть счастья истиннаго, спасенія души твоей, а не гибели. Чтобъ удостовѣриться въ этомъ, потребуй доказательствъ; но не тѣхъ, которыя бы тебя низвергли въ бездны несчастій временныхъ и вѣчныхъ. Можетъ быть теперь и ко мнѣ потерялъ довѣріе, меня обвинишь; но надѣюсь, что Іисусъ Христосъ, по человѣколюбивому Своему милосердію, не попуститъ тебя погибнуть и тогда тѣ останутся друзьями, кои не попускали тебя гибнуть, а не тѣ, кои разрушали спокойствіе семейства, ведущаго богоугодную жизнь. Можешь вѣрить дружбѣ, не ласкающей страстямъ. Старайся самъ узнать, что̀ твой законъ требуетъ истинно. Еслибы имѣла счастіе, отдала бы за тебя. Болѣе всѣхъ люблю тебя **).

---

*) Протасовъ, а не Кирѣевскій (тогда уже умершій). П. Б.

**) Это письмо печатается съ современнаго списка. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

Прошли года. Слава Жуковскаго засіяла блескомъ на всю Россію, и онъ остался къ А. Н. Арбеневой все тѣмъ же любящимъ, преданнымъ, какъ и въ то время, когда обращался къ ея дружбѣ для рѣшенія своей участи. Онъ благодѣтельствовалъ и ея дѣтямъ. П. Б.

V. Письмо Жуковскаго къ Авдотьѣ Николаевнѣ Арбеневой.

(Весна 1818).

Знаете ли, что вы лишили меня большаго наслажденія и разрушили одну изъ пріятнѣйшихъ надеждъ, веселившихъ меня въ Москвѣ, не пріѣхавъ сюда, какъ обѣщали. Я ждалъ въ васъ всю свою родню; вы бы населили для меня пустую, осиротѣвшую для меня Москву. Былъ большой праздникъ для моего воображенія ждать васъ. Каково жъ не дождаться? Я здѣсь велъ скучную, разсѣянную жизнь, которая раздробила и мысли, и чувства и сдѣлала изъ меня самое глупое и невкусное крошево. Такъ и быть: надобно отказаться не морщась. Я приготовилъ было для васъ подарокъ, который надѣялся отдать изъ рукъ въ руки; пришлось посылать черезъ почту. Это журналъ, выдаваемый мною Для Немногихъ, и въ особенности для моей ученицы. Посылаю вамъ первыя четыре книжки; что̀ выйдетъ послѣ, буду доставлять порядочно.—Скажу о себѣ въ нѣсколькихъ словахъ. Своимъ положеніемъ я доволенъ: *старое* молчитъ, въ *настоящемъ* работа, а о будущемъ не думаю. Вотъ все. При свиданіи съ вами я хотѣлъ поговорить съ вами о вашихъ дѣтёнкахъ: сообщить вамъ планъ Маши насчетъ ихъ воспитанія. Вамъ бы хорошо было ей ввѣрить трехъ старшихъ. Ея выгода требуетъ имѣть у себя пансіонеровъ; но вашихъ дѣтей имѣть въ своемъ домѣ была бы выгода и для ея сердца. Но объ этомъ говорить заочно нельзя. На всякій случай скажу вамъ, что она расположилась имѣть у себя нѣсколькихъ пансіонеровъ, кажется не болѣе десяти, съ платою по 1000 за каждаго на содержаніе; при этомъ надобно платить за ученіе учителямъ; нигдѣ лучшихъ нельзя найти какъ въ Дерптѣ. Подумайте объ этомъ и напишите къ ней. Вашимъ дѣтямъ уже нельзя теперь довольствоваться воспитаніемъ домашнимъ, а въ вашихъ краяхъ не будетъ на это и способовъ. Разочтите свои средства и напишите къ Машѣ на что̀ вы рѣшитесь. Я теперь ѣду въ Бѣлевъ, подышать воздухомъ родины и отдохнуть отъ пыльной городской жизни. Увижу Авдотью Петровну, Марью Николаевну и Сашу, всѣхъ вмѣстѣ.

VI. Жуковскій къ ней же (1818).

Я пишу запоемъ, а не ради почты; самъ бѣшусь на себя; жаль иногда: много присыплетъ къ душѣ, что̀ радъ бы ссыпать въ родную душу (слѣдовательно у васъ есть для меня закромъ); но лѣнь тутъ какъ тутъ! Отложишь написать то, что̀ чувствуешь, и смо-

Библиотека "Руниверс"

тришь, пройдутъ въ откладываніи мѣсяцы. Вотъ, наконецъ, поздній отвѣтъ милому товарищу старины. Промежутокъ времени, въ который наша съ вами дружба ходила въ дурацкой маскѣ досады, долженъ быть причисленъ къ тѣмъ эпохамъ жизни, въ которыя болѣли у насъ зубы, была лихорадка и прочее; слѣдовательно ни къ чему: ибо въ такое время не живешь, а только барахтаешься или пьешь хину. Сердце мое по старому ваше, и въ немъ таже благодарность на милую вашу дружбу, какая была и прежде. Скажу вамъ доказательство: я, пріѣхавъ въ Москву, не надѣялся въ ней найти никого изъ своихъ, кромѣ васъ; я думалъ, что вы въ Москвѣ; радовался нашимъ свиданіемъ и, узнавъ, что васъ нѣтъ, точно осиротѣлъ. Первые дни Московской моей жизни были тяжелы чрезвычайно: я гулялъ по гробамъ, и пустота меня окружала. Теперь это сиротство миновалось. Работаю; мѣсто, данное мнѣ Богомъ—прекрасное; всѣ хорошія мысли и чувства въ движеніи: это значитъ жить. Не бойтесь моего прошедшаго; оно разсталось со мною не злодѣемъ, а другомъ. Нѣсколько времени жестокой пустоты, вотъ и только; но я дурнаго не получилъ отъ него въ наслѣдство; напротивъ, всѣмъ хорошимъ ему обязанъ, хотя часто и былъ на порогѣ дурнаго. Богъ помогъ! Все дурное само собою наказано и погибло въ этомъ благодѣтельномъ наказаніи. Хорошее живо и не умретъ. Tout est conséquent dans la vie humaine. On a tort d'imaginer qu'il y a un sort *). Нѣтъ, въ мірѣ два жильца — Богъ да человѣкъ. Ученикъ и Учитель. Жизнь есть воспитаніе; мы только учимся. Для чего? Знаетъ Учитель. Наше дѣло только въ томъ, чтобы вытвердить хорошенько урокъ и не устыдиться передъ этимъ справедливымъ Учителемъ. Само по себѣ разумѣется, что воспитаніе имѣетъ свою цѣль; но пока оно длится, по тѣхъ поръ вы должны принимать только за урокъ и средства къ цѣли—жизнь, воспитаніе; слѣдовательно все въ ней только средства, а цѣль въ другомъ мѣстѣ, гдѣ перемѣны уже существовать не можетъ. Вотъ вамъ моя исповѣдь, итогъ прошлыхъ лѣтъ. Надобно только твердить: *жизнь великое дѣло*. Тогда спокойно откажешься отъ счастія постояннаго, ибо не счастіе есть цѣль наша, а только дѣйствіе. Прошу это знать и не плакать, глядя на мой плаксивый портретъ. Онъ угрюмъ только отъ того, что такъ несчастно выгравированъ.

Эти письма Жуковскаго доставлены намъ въ подлинникахъ Владиміромъ Андреевичемъ Норовымъ, который былъ зятемъ А. Н. Арбеневой. П. Б.

*) Все въ человѣческой жизни имѣетъ свое основаніе. Напрасно думать, чтобы въ ней дѣйствовалъ случай. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

РАЗСКАЗЪ АННЫ ПЕТРОВНЫ ЗОНТАГЪ О ЖУКОВСКОМЪ *).

Исполняя желаніе твое, милый другъ Анна Михайловна, посылаю тебѣ анекдотъ о спасеніи, въ Дерптѣ, молодаго человѣка отъ нищеты и тяжкой болѣзни, которая неминуемо привела бы его къ преждевременной смерти. За достовѣрность этого происшествія могу ручаться. Вотъ оно.

Это было, кажется, подъ исходъ зимы 1815 года. Тогда стихотворенія Василья Андреевича Жуковскаго печатались первымъ изданіемъ; онъ скоро надѣялся получить за нихъ деньги, которыхъ у него оставалось мало для Петербургской жизни, потому что онъ не занималъ еще той должности, которую получилъ скоро послѣ того. Въ ожиданіи денегъ онъ поѣхалъ въ Дерптъ, къ Екатеринѣ Аѳанасьевнѣ Протасовой, которая, выдавъ старшую дочь свою за профессора Дерптскаго университета Ивана Филиповича Мойера, жила у него. Мойеръ очень былъ извѣстенъ глубокою своею ученостью вообще и въ особенности славился какъ искуснѣйшій хирургъ и медикъ. Всѣ теперешнія знаменитости по этой части были его учениками, какъ-то: Пироговъ, Иноземцевъ, Филомафитскій и другіе; всѣ они чтятъ память его. А что́ еще было превосходнѣйшаго въ Мойерѣ, это его прекрасная, благородная душа и добрѣйшее сердце. Могъ ли онъ не быть друженъ съ Жуковскимъ? И Жуковскій поѣхалъ къ нему, зная, что будетъ принятъ радостно всѣмъ семействомъ, какъ другъ и близкій родственникъ **).

---

*) Изложенъ въ письмѣ къ пріятельницѣ А. М. Павловой (урожд. Сонцовиной). Печатается съ подлинника. П. Б.

**) И. Ф. Мойеръ женился на Марьѣ Андреевнѣ Протасовой лѣтомъ 1817 года. Жуковскій нѣсколько разъ ѣзжалъ въ Дерптъ еще до свадьбы Мойера. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

Одинъ профессоръ того же университета, въ прекрасный день, прогуливался съ толпою студентовъ по улицамъ Дерпта и на большой улицѣ увидѣлъ молодаго человѣка окутаннаго шинелью, сидѣвшаго на землѣ и просившаго милостыни. Господинъ профессоръ пришелъ въ страшное негодованіе! Онъ объяснилъ, въ самой умной, краснорѣчивой рѣчи, какъ стыдно просить милостыню такому молодому человѣку, прибавя, что гораздо лучше работать и жить своими трудами, нежели мірскимъ подаяніемъ. Молодой человѣкъ слушалъ, въ молчаніи, и только спряталъ протянутую руку.

Послѣ этого и Жуковскій, прогуливаясь, проходилъ также мимо молодаго нищаго, который съ робостью и у него попросилъ подаянія. Жуковскій, доставъ изъ кошелька какую-то монету, подалъ ее нищему и потомъ сказалъ: «Ты такъ молодъ, почему бы тебѣ не заняться какимъ-нибудь дѣломъ или не искать мѣста?» Молодой человѣкъ залился слезами и, развернувъ шинель, сказалъ: «Взгляните, сударь, могу ли я быть годенъ на что бы то ни было? Я не могу ни стоять, ни ходить!» Ноги его были покрыты ужаснѣйшими ранами. Жуковскій съ участіемъ сталъ его расспрашивать и узналъ, что онъ въ Петербургѣ нанимался у одного господина-Нѣмца, который взялъ его потому, что онъ говорилъ понѣмецки и что ему нуженъ былъ слуга знающій Русскій и Нѣмецкій языки. Ѣздивши по дорогамъ съ Нѣмецкимъ путешественникомъ, въ холодную зиму, онъ отморозилъ ноги. Далѣе Дерпта онъ не могъ ѣхать, а господинъ его, не имѣя болѣе нужды въ Русскомъ слугѣ, въ такомъ краѣ, гдѣ всѣ говорятъ понѣмецки, разсчелъ его и отпустилъ. Молодой человѣкъ ожидая, что ноги его заживутъ, жилъ на квартирѣ. Но раны на ногахъ становились хуже и хуже; онъ прожилъ все что́ у него было, и когда уже не осталось болѣе ничего, онъ кое-какъ вышелъ на костыляхъ и въ первый разъ рѣшился просить милостыни.

Жуковскій былъ растроганъ этимъ разсказомъ, досталъ пятирублевую ассигнацію (тогда счетъ былъ не на серебро) и подалъ ее больному, который былъ удивленъ такою щедростью. Но Жуковскій не былъ доволенъ собою. Удаляясь тихими шагами отъ больнаго, онъ думалъ: «Я живу теперь у Мойера, гдѣ ничего не трачу и скоро ожидаю денегъ изъ Петербурга за свои сочиненія, а этотъ бѣднякъ скоро истратитъ пять рублей, и тогда что́ будетъ онъ дѣлать?» И поспѣшилъ воротиться къ больному.—«Послушай, любезный», сказалъ Жуковскій: «здѣсь очень хорошіе доктора; попроси котораго нибудь изъ нихъ, чтобъ взялся лѣчить тебя; а вотъ и деньги на лѣченье!» И отдалъ все что́ было въ его бумажникѣ; тамъ было двѣсти рублей. Онъ убѣжалъ, не слушая благословеній и благодарности молодаго человѣка.

Библиотека "Руниверс"

Такихъ случаевъ въ жизни Жуковскаго было много, но о большей части изъ нихъ знаетъ Одинъ только Богъ и знала его прекрасная душа, только въ минуту благодѣянія: онъ скоро забывалъ совершенно о сдѣланномъ имъ добромъ дѣлѣ. Но вотъ какъ этотъ случай сдѣлался извѣстенъ.

Мимо самаго того же мѣста, гдѣ сидѣлъ больной, ѣхала карета: въ этой каретѣ сидѣлъ профессоръ Мойеръ, докторъ медицины и хирургіи и начальникъ университетской клиники. Увидя карету, больной сталъ кричать изъ всѣхъ силъ: «стой! стой! остановитесь!» Кучеръ остановилъ лошадей. Мойеръ возвращался съ дачи, отъ больной; съ нимъ не было лакея. Онъ выглянулъ въ окно и спросилъ у больнаго: «чтó тебѣ надобно?» «Я не нищій», поспѣшилъ сказать больной: «я не прошу милостины; но я очень болѣнъ и имѣю чѣмъ заплатить за свое лѣченіе. Милостивый государь! Будьте такъ добры, рекомендуйте меня доктору, который взялся бы вылѣчить мои больныя отмороженныя ноги!»

Это было по части Мойера. Онъ вышелъ изъ кареты, осмотрѣлъ больныя ноги и сказалъ больному: «я самъ докторъ и буду лѣчить тебя». «Я вамъ заплачу!» говорилъ молодой человѣкъ. «Ненадобны мнѣ твои деньги!» отвѣчалъ Мойеръ: «ступай со мной! И, поднявъ больнаго на руки, посадилъ къ себѣ въ карету. Дорогою больной все говорилъ объ уплатѣ за лѣченье и показалъ Мойеру всѣ свои деньги. «Хорошо», сказалъ Мойеръ, «береги ихъ! Я везу тебя въ клинику, гдѣ лечатъ безъ платы, но откуда ты взялъ столько денегъ?» Больной разсказалъ ему, какъ выслушалъ рѣчь перваго господина, и какъ второй облагодѣтельствовалъ его; но онъ не зналъ ни того, ни другаго. Мойеръ привезъ молодаго человѣка прямо въ клинику и, помѣстя его тамъ, воротился домой.

Ни Жуковскій, ни Мойеръ не говорили о случившемся. Какъ Жуковскому ни разъ случалось опорожнять свои карманы въ руки бѣдныхъ, такъ и Мойеру часто приходилось подбирать среди улицъ и дорогъ несчастныхъ больныхъ и помогать имъ. Для обоихъ было дѣло привычное: такъ не о чемъ было и толковать.

Спустя нѣсколько времени, Мойеръ сказалъ Жуковскому: «Вотъ ты скоро уѣзжаешь! Какъ это ты ни разу не полюбопытствовалъ побывать у меня въ клиникѣ? Пойдемъ теперь со мною». И они пошли вмѣстѣ. Когда они подошли къ одной кровати, больной всталъ и бросился въ ноги Жуковскому; потомъ сказалъ: «Господинъ Мойеръ! Вотъ тотъ баринъ, который отдалъ мнѣ всѣ свои деньги! Вы два мои благодѣтели! Вѣчно буду за васъ молить Бога!»

Библиотека "Руниверс"

Больной былъ вылѣченъ. Отъ находившихся тутъ студентовъ, пришедшихъ на лекцію, узнали имя и краснорѣчиваго профессора, не давшаго больному ничего, кромѣ благихъ совѣтовъ.

Все это я написала однимъ духомъ и не имѣю силы перечитывать; поправьте и слогъ и ошибки сами. Желаю Аннѣ Васильевнѣ *) полнаго успѣха въ ея предпріятіи, а тебя, милый другъ, обнимаю и прошу сказать много хорошаго всѣмъ своимъ.

Удивляюсь только, что Анна Васильевна, такъ мало будучи знакома съ Жуковскимъ, берется писать жизнь его. Ты, другъ мой, которая знала его гораздо больше, конечно за это не взялась бы. Да и я, до 1815 года жившая вмѣстѣ съ нимъ, никакъ не рѣшаюсь за это взяться, не смотря на всѣ просьбы князя Петра Андреевича Вяземскаго. Почему бы Аннѣ Васильевнѣ не взяться за работу гораздо легче, и которую тотъ же Тургеневъ Ив. Серг. могъ бы ей доставить: переводить для журналовъ? Ея переводы, вѣрно, были бы хороши; тогда какъ въ нашихъ журналахъ печатаютъ предурные переводы, особливо съ Англійскаго.

Прощай, моя душа. Да сохранитъ тебя Господь! Отъ всей души твоя

Анна Зонтагъ.

11 Февраля 1860 г.
Село Мишенское.

Этотъ разсказъ, но въ другомъ видѣ, былъ уже напечатанъ въ Русскомъ Архивѣ 1878 года (I, 207). П. Б.

Библиотека "Руниверс"

ПИСЬМА В. А. ЖУКОВСКАГО КЪ А. А. ПРОКОПОВИЧУ-АНТОНСКОМУ.

Антонъ Антоновичъ Прокоповичъ-Антонскій (род. около 1780 г., умеръ 6 Іюля 1848 г.) памятенъ своею воспитательною дѣятельностію. Питомецъ (съ 1782 г. по 1784), а потомъ профессоръ и въ теченіи восьми лѣтъ (1818—1826 гг.) ректоръ Московскаго университета, онъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ директоромъ Московскаго Университетскаго Благороднаго Пансіона и, занимая эту должность, воспиталъ не одно поколѣніе молодыхъ людей, изъ числа которыхъ вышло много замѣчательныхъ дѣятелей на поприщѣ государственной службѣ и литературы. Всѣ питомцы Антонскаго сохранили въ отношеніи къ нему чувства глубокой признательности.

1.

30 Марта (1814).

Христосъ воскресе, почтенный мой благодѣтель Антонъ Антоновичъ. Здоровы ли вы? Еще не имѣю отъ васъ отвѣта на мое письмо, писанное изъ Орла; но смѣю надѣяться, что вы простили *своего* Жуковскаго, который почитаетъ васъ душевно и во всю жизнь почитать не перестанетъ. Это письмо пишу для того, чтобы представить вашему покровительству молодаго человѣка, желающаго быть моимъ потомкомъ, т. е. воспитанникомъ вашего пансіона. Представляю вамъ новаго кандидата для полученія вашихъ благодѣяній, и для платежа за нихъ благодарностію и привязанностію. Прошу васъ принять его. Онъ не имѣетъ ни отца, ни матери. Его единственная покровительница—молодая двадцатилѣтняя сестра, которая одна безпокоится и за самоё себя и еще должна пристроивать своихъ братьевъ. Ваше къ ней благодѣяніе будетъ милостію, а сиротѣ благотвореніемъ. Не откажите.

Библиотека "Руниверс"

На одной изъ слѣдующихъ почтъ доставлю вамъ должныя мною вамъ деньги, тысячу рублей. Проценты за 1813 вамъ не заплачены— это вѣрно. Но заплачены ли за 1812? Право этого не помню. Увѣдомьте. Да я и еще сверхъ тысячи останусь сколько-то вамъ долженъ. И объ этомъ прошу меня извѣстить.

Будьте здоровы, почтенный мой благодѣтель. Пишу къ вамъ мало отъ того, что мнѣ еще очень много писать надобно. Прошу васъ не замедлить увѣдомленіемъ меня о себѣ.

Подательница этого письма есть сама дѣвица Голофѣева; будьте къ просьбѣ ея благосклонны.

Честь имѣю быть вашимъ вѣчнопреданнымъ

Жуковскій.

2.

20 Мая, С.-Петербургъ (1815).

Я дней десять какъ въ Петербургѣ, почтеннѣйшій Антонъ Антоновичъ. Простите, что по отъѣздѣ изъ Москвы не писалъ къ вамъ ни слова о Дерптскихъ моихъ похожденіяхъ. Писать было нечего, а здѣсь я слишкомъ закружился. Это обыкновенно бываетъ со всѣми, кто пріѣзжаетъ въ Петербургъ. Со мною однако это круженіе не продолжится: прошу за меня не трепетать. Скоро начну вести порядочную, авторскую жизнь. Весьма вѣроятно, что я здѣсь останусь; но какъ останусь, объ этомъ ничего не умѣю сказать. Если не повезетъ, то, бросивъ все, уѣду опять въ свою Бѣлевскую берлогу и на вѣки посвящу себя перу. И здѣсь другаго ничего не имѣю въ предметѣ кромѣ пера; но говорятъ опытные люди: надобно подумать о фортунѣ. Но если фортуна сама не подумаетъ обо мнѣ, то я не намѣренъ ей жертвовать спокойствіемъ. Однимъ словомъ, жду у моря погоды и мало забочусь о томъ, дождусь ли ея. Здѣсь мнѣ весело тѣмъ, что встрѣтилъ многихъ старыхъ своихъ друзей. Между первыми Тургеневъ, Блудовъ, Кавелинъ и Дашковъ. Дней пять тому назадъ былъ я представленъ ея величеству вдовствующей Императрицѣ и великимъ князьямъ, и они приняли меня весьма милостиво. Сдѣлалъ нѣкоторыя новыя знакомства.

Теперь о важнѣйшемъ. При отъѣздѣ моемъ изъ Москвы, вы говорили мнѣ о вашихъ прожектахъ на Лицей. Мѣсто, желаемое вами, не занято. Прикажите ли здѣсь объ немъ хлопотать? Дайте мнѣ надлежащее наставленіе, дабы можно было дѣйствовать сообразно съ вашими мыслями. Тургеневъ обѣщаетъ употребить всѣ свои старанія; а

Библиотека "Руниверс"

я, съ своей стороны, буду дѣйствовать частыми напоминаніями. Прошу васъ скорѣй на это отвѣчать. Мой адресъ на имя Тургенева, противъ Михайловскаго зѧмка, въ домѣ князя А. Н. Голицына. Простите, почтеннѣйшій Антонъ Антоновичъ; любите и помните вашего

Жуковскаго.

3.

Здравствуйте, почтеннѣйшій Антонъ Антоновичъ. Я давно не получалъ отъ васъ писемъ. Здоровы ли вы, и чтó дѣлаете. Въ послѣднемъ письмѣ моемъ къ вамъ я говорилъ о томъ, чтò здѣсь сдѣлано по общему нашему дѣлу касательно Лицея. То-есть я говорилъ съ Мартыновымъ и говорилъ съ Уваровымъ. Первый требовалъ, чтобы я послѣдняго заставилъ сдѣлать объ васъ предложеніе министру. Уваровъ говорилъ министру, и Разумовскій отвѣчалъ, что онъ самъ согласенъ, что нѣтъ въ Россіи человѣка, которому бы можно было лучше васъ поручить Лицей, но что это именно его и останавливаетъ. Вы нужны Пансіону, который безъ васъ погибнетъ. Лицей уже устроенъ, а Пансіонъ долженъ быть приведенъ въ устройство. Признаюсь, это и меня самаго поразило. Чтò же будетъ съ Пансіономъ, если вы отклоните отъ него свою руку? И едва ли когда нибудь Лицей будетъ для Россіи то чтó Пансіонъ Университетскій? Мѣсто болѣе видно— не спорю; но гдѣ вамъ можно болѣе бы быть полезнымъ: тамъ или здѣсь? Внѣ сомнѣнія, въ Пансіонѣ. Къ тому же, едвали и вамъ самимъ не будетъ безпокойнѣе. Ожидаю на этотъ счетъ вашего разрѣшенія? Прикажете ли мнѣ продолжать хлопотать съ Мартыновымъ. Ему нужно было, чтобы кто нибудь прежде его поговорилъ съ министромъ. Уваровъ это сдѣлалъ. Теперь ему самому говорить будетъ. По возвращеніи моемъ изъ Дерпта въ Петербургъ (я опять въ Дерптѣ) опять буду говорить съ Мартыновымъ, естьли только вы прикажете. Но прошу васъ объ этомъ предварительно меня увѣдомить; также и о томъ, чтó нужно для Виктора Антоновича *). Я буду въ Дерптѣ въ началѣ Октября, тогда же приступлю и къ печатанію своихъ стиховъ.

Простите, почтеннѣйшій Антонъ Антоновичъ; не забывайте и любите по прежнему

вашего Жуковскаго.

18 Іюля (1815).

*) Братъ Антонскаго, архимандритъ Донскаго монастыря? П. Б.

Библиотека "Руниверс"

P. S. Прошу васъ адресовать письма свои въ С.-Петербургъ на имя его выс. Романа Гавриловича Соколовича въ почтамтъ для доставленія В. А. Ж.

4.

Милостивый государь Антонъ Антоновичъ!

Давно я не писалъ къ вамъ; но прошу васъ на меня не сердиться: я такъ отвыкъ отъ всякаго рода переписки, что эта лѣнь сдѣлалась почти непобѣдимою. Прошу васъ только не смѣшивать съ лѣнью чего нибудь другаго. Естьли бы можно было съ вами разговаривать, не принимаясь за перо: то я надоѣлъ бы вамъ своимъ болтаніемъ. Тотъ, отъ кого вы получите это письмо, есть директоръ Тверскихъ училищъ господинъ Покровскій. Онъ нѣкогда былъ моимъ учителемъ, и отъ него я достался вамъ. Онъ очень бѣденъ; до сихъ поръ находился въ Тулѣ, откуда переведенъ въ Тверь. Но въ Тулѣ у него есть свой домишко. Онъ желалъ бы опять туда возвратиться, услышавъ, что Нечаевъ, директоръ Тульскихъ училищъ, желаетъ оставить это мѣсто. Естьли это правда, то прошу васъ сдѣлать ему это благодѣяніе изъ благосклонности къ его и вашему воспитаннику. Мнѣ будетъ очень дорого услужить ему, а еще дороже услужить черезъ васъ. Не откажите принять его подъ свое покровительство. Онъ его заслуживаетъ и по личнымъ достоинствамъ, и по долговременной службѣ своей. Я увѣренъ, что вы не откажетесь ходатайствовать объ его пенсіонѣ, естьли онъ потребуетъ отставки: на этотъ пенсіонъ имѣетъ онъ полное право; а я увѣренъ, что вы за *право* будете стоять твердо. Я далъ ему надежду на ваше покровительство, основываясь на вашей ко мнѣ благосклонности. Прошу васъ потрудиться мнѣ отвѣчать на это письмо и еще болѣе прошу не отказать мнѣ въ своемъ пособіи.

О себѣ сказать вамъ ничего новаго не могу; продолжаю свои занятія. Не воображайте, чтобы я не доставилъ вамъ остальныхъ *Немногихъ:* новыхъ не было; какъ скоро выйдутъ, доставлю. Теперь ѣду въ Павловскъ на лѣто. Обнимаю васъ отъ всего сердца. Будьте здоровы; а меня часто здѣшній климатъ тормошитъ, и здоровье иногда шатается.

Честь имѣю быть съ совершеннымъ почтеніемъ вашимъ покорнѣйшимъ слугою

Жуковскій.

1819. Мая 13.

Библиотека "Руниверс"

5.

26 Ноября 1819.

Здоровы ли вы, почтеннѣйшій Антонъ Антоновичъ! Давно вы не имѣете отъ меня вѣсти, ни прозаической, ни стихотворной. Прозаическая одна и та же: люблю и почитаю васъ по старому. Стихотворная могла бы быть разнообразнѣе; но Муза моя очень стала скупа на стихи; кое-что она прошептала мнѣ въ послѣднее время; но новый свѣтъ, въ который попалъ я, закружилъ ей нѣсколько голову. Я стараюсь унять ее и, можетъ быть, это мнѣ удастся. Хотя и не имѣю и не хочу никогда имѣть титула придворнаго, но близость двора опасна и для поэта: съ непривычки угарно. И такъ, сколько можете, извините меня предъ собою. Буду стараться оправдать себя на дѣлѣ.

Нынче Ноябрь, и я бы долженъ былъ доставить вамъ за слѣдующій годъ проценты по моему векселю; но мнѣ бы хотѣлось заплатить этотъ долгъ: хотя быть должнымъ вамъ не тяжело, но все долгъ. Я писалъ къ Александру Михайловичу Офросимову и просилъ его сдѣлать на этотъ счетъ нѣкоторыя распоряженія. Онъ васъ увѣдомитъ о томъ что́ я бы желалъ по этому обстоятельству сдѣлать. А теперь хочу васъ обезпокоить своею просьбою въ надеждѣ, что вы примете ее благосклонно. Знакомецъ мой, Василій Ивановичъ Кондыревъ, въ 1814, 15, 16 и 17 годахъ слушалъ университетскія лекціи, но не взялъ аттестата; онъ теперь находится здѣсь, въ службѣ. Аттестатъ необходимо для него нуженъ. Прошу васъ оказать ему и мнѣ важное одолженіе и дать этотъ аттестатъ; объ немъ будетъ васъ просить Николай Михайловичъ Офросимовъ, и отъ него вы объ немъ узнаете подробнѣе; я же прошу васъ и отъ своего имени и отъ имени Александра Ивановича Тургенева. Кажется, здѣсь не можетъ быть никакого затрудненія; для службы же такой аттестатъ есть первая необходимость. О Васильѣ Ивановичѣ Кондыревѣ можете спросить у Алексѣя Өедоровича Мерзлякова; онъ его знаетъ и будетъ вамъ за него свидѣтелемъ.

Прошу васъ порадовать меня нѣсколькими строчками: хочу видѣть въ нихъ, что вы меня помните и сберегли мнѣ свою прежнюю драгоцѣнную благосклонность. Я же не перемѣнюсь въ моей искренней къ вамъ привязанности, съ которою на всегда честь имѣю быть вашимъ покорнѣйшимъ слугою

Жуковскій.

Мой адресъ: въ Аничковскомъ дворцѣ, отдать швейцару для доставленія.

Библиотека "Руниверс"

6.

Декабря 26-го 1819.

Я получилъ ваше любезное письмо, почтеннѣйшій Антонъ Антоновичъ. Благодарю васъ за ваши пѣни на счетъ моего стихотворства; я и лѣнился и былъ разсѣянъ своимъ новымъ образомъ жизни. Однако не разстался со своею Музой и по немногу пишу. Было бы великое для меня несчастіе, если бы Муза моя, ближняя мнѣ родня, меня покинула; я бы жестоко осиротѣлъ.

Благодарю васъ за желаніе оказать добро моему Кондыреву; я просилъ васъ не о томъ, что̀ не соотвѣтствуетъ постановленію, но о томъ, что̀ можно дѣлать, согласуясь съ нимъ. Я увѣренъ совершенно, что вы по дружбѣ вашей ко мнѣ сдѣлаете то, что̀ зависитъ отъ вашей воли; свидѣтельство, данное отъ университета, кажется, можетъ пойдти въ случаѣ нужды и за аттестатъ; надобно только чтобъ оно было благопріятно, а Кондыревъ слушалъ свои лекціи усердно и постоянно, и ему по совѣсти можно дать такое свидѣтельство.

Прошу васъ удостоить меня отвѣта. Я просилъ Александра Михайловича Офросимова переговорить съ вами на счетъ моего долга. Отъ этого не пишу ничего объ этомъ дѣлѣ.

Съ истиннымъ почтеніемъ по старинному честь имѣю быть вашимъ покорнѣйшимъ слугою

Жуковскій.

7.

Января 31 (1824).

Вы скажете, почтеннѣйшій Антонъ Антоновичъ, что я только тогда и пишу къ вамъ, когда у меня до васъ нужда. Это почти и правда. Но это значитъ только то, что я болѣнъ неизлѣчимою лѣнью, благодаря которой не веду никакой переписки. Въ болѣзни не извиняютъ. Но моя болѣзнь не коснулась моей къ вамъ привязанности: люблю васъ и почитаю по старому, а при нуждѣ и пишу къ вамъ. Какая жъ теперешняя нужда? Вотъ какая. Мое новое, полное изданіе на сихъ дняхъ совсѣмъ будетъ отпечатано. Оно на мой счетъ и стоитъ мнѣ довольно дорого. Надобно послать экземпляровъ 500 въ Москву. Но я не имѣю сношеній съ Московскими книгопродавцами. Могу ли прислать эти экземпляры къ вамъ, а вы можете ли сдѣлать мнѣ милость, взять на себя негоціацію съ книгопродавцами? У васъ въ

Библиотека "Руниверс"

Пансіонѣ, вѣроятно найдется мѣсто, въ которомъ можно будетъ сложить всю кипу присланныхъ экземпляровъ. Или если это затруднительно для васъ, то не возмется ли за это почтенный Иванъ Ивановичъ Давыдовъ? Прошу васъ взять на себя трудъ спросить его объ этомъ отъ моего имени. Не откажитесь помочь вашему питомцу. Если отдать экземпляры всѣ на коммиссію въ лавки, то это будетъ—сдѣлаться рабомъ книгопродавцевъ, которые возмутъ за коммиссію дорого, а денегъ не заплатятъ или заплатятъ поздно. Если же будетъ мѣсто гдѣ сложить экземпляры, то можно будетъ продавать книгопродавцамъ, но бывши отъ нихъ зависимымъ на чистыя деньги, съ уступкою смотря по числу взятыхъ экземпляровъ. И я на первый случай прошу у васъ только *пріюта* для моего товара. Увѣдомьте, можете ли сдѣлать для меня это одолженіе. Объ остальномъ буду имѣть честь писать къ вамъ, получивъ вашъ отзывъ и при отправленіи экземпляровъ. Я былъ бы очень радъ когда бы Иванъ Ивановичъ не отказался мнѣ пособить: онъ человѣкъ аккуратный и это дѣло знаетъ. Я поручилъ князю Вяземскому доставить вамъ экземпляръ гравированныхъ видовъ Павловска: оригиналъ ихъ у васъ уже есть. Эти же виды изданы мною въ пользу одного несчастнаго семейства. Хорошо бы, когда бы и вы взяли нѣсколько экземпляровъ для пансіона. Эти виды можно бы раздавать вмѣсто награжденія на публичныхъ актахъ. Они прекрасно выгравированы. Если вамъ понадобятся экземпляры, то потребуйте отъ Вяземскаго. Я послалъ къ нему 50. Онъ вѣроятно скоро раздастъ ихъ. Всѣ деньги будутъ отданы мнѣ извѣстному бѣдняку. Это предпріятіе довольно было удачно.

Простите, почтеннѣйшій Антонъ Антоновичъ; поручаю себя вашей благосклонности. Увѣрять же васъ въ моей неизмѣнной привязанности къ вамъ право излишнее: вамъ нельзя въ ней сомнѣваться. Сохранить же ее можно и не писавши писемъ. Это я знаю по опыту. Душевно вамъ преданный

Жуковскій.

8.

(1824).

Я еще не получилъ отъ васъ отвѣта на письмо мое, почтеннѣйшій Антонъ Антоновичъ. Замѣчаю изъ этого, что вамъ не хочется рѣшительно отказать мнѣ, но что просьба моя для васъ обременительна. Чтобы избавить васъ отъ всѣхъ скучныхъ хлопотъ, я адресовалъ всѣ экземпляры, назначенные для продажи въ Москвѣ, на имя почтъ-директора Рушковскаго, который передастъ ихъ Вяземскому, а

Библиотека "Руниверс"

Вяземскій уже ихъ отдастъ прямо въ лавку на коммиссію. Прошу васъ только объ одномъ: позаботиться о моихъ книгахъ на случай отлучки Вяземскаго. Забота будетъ состоять въ томъ, чтобы требовать денегъ съ книгопродавца за распроданные экземпляры. Не можетъ ли сдѣлать мнѣ этого одолженія И. И. Давыдовъ? Вмѣсто просьбы посылаю ему экземпляръ моей книги: пускай онъ самъ за себя хлопочетъ. Посылаю еще одинъ экземпляръ А. Ѳ. Мерзлякову; хотя знаю, что онъ на лекціяхъ приводилъ стихи мои въ примѣръ галиматьи, но это не мѣшаетъ мнѣ подарить ему ихъ на память о прежней, искренней нашей дружбѣ; этотъ же подарокъ избавитъ его отъ труда пмѣть экземпляръ, нужный для доказательства того, въ чемъ онъ обвиняетъ мою Музу. Хотѣлъ было и М. Т. Каченовскому, по старой привычкѣ, послать экземпляръ, но остановился. Онъ издатель журнала, въ которомъ объявилъ мнѣ войну: можетъ подумать, что хочу его задобрить. Я былъ бы ему благодаренъ за его замѣчанія критическія, когда бы тонъ ихъ былъ нѣсколько приличнѣе и ему, и мнѣ. Въ послѣднемъ его разборѣ моего перевода изъ Энеиды есть справедливое; но его правда весьма непріятная, не потому что она правда, но потому, что она иногда сказана грубо, иногда язвительно. Повторяю: такой тонъ приличенъ только дѣтямъ. Я же, кажется, никогда не подалъ ему повода къ колкостямъ, и теперь не подамъ: онъ не оскорбитъ меня и не разсердитъ! Скажу только одно: неужели учтивость перестаетъ быть должностію, какъ скоро говоришь передъ публикою и съ перомъ въ рукѣ? Я же, кажется, могъ ожидать отъ него не только учтивости, но и доброжелательства.

Прошу васъ покорнѣйше увѣдомить меня о полученіи экземпляровъ. Въ заключеніе усердно поздравляю васъ съ праздникомъ.

Честь имѣю быть съ совершеннымъ почтеніемъ вамъ душевно преданный

Жуковскій.

9.

Апрѣля 27-го 1838.

Благословите, почтеннѣйшій Антонъ Антоновичъ вашего стараго питомца, уже старика, на новый путь. Ѣду за границу съ Великимъ Княземъ, проскакавъ около 18.000 верстъ по Россіи. Мы пробудемъ вѣроятно до начала будущаго года внѣ отечества. Вотъ уже въ пятый разъ покидаю Россію. Первая моя поѣздка была чисто для удо-

Библиотека "Руниверс"

вольствія, двѣ были по болѣзни; одна еще коротенькая *); теперешная, интересная, вѣроятно послѣдняя. Послѣ надобно будетъ уже начинать подумывать о дорогѣ другаго рода. Пока однако поживемъ. Возвратясь, надѣюсь опять увидѣть Москву и васъ въ вашемъ философическомъ пріютѣ. Простите же до свиданья. Благодарю за Дмитрія Михайловича **). Теперь удалось видѣть его мало. По возвращеніи надѣюсь видѣть его чаще. Простите. Съ совершеннымъ почтеніемъ преданный

Жуковскій.

Библиотека "Руниверс"

ПИСЬМО ЖУКОВСКАГО КЪ СПЕРАНСКОМУ

о воспитаніи Государя Александра Николаевича.

Не могу отказать себѣ въ удовольствіи изъявить предъ вашимъ высокопревосходительствомъ чувства живѣйшей благодарности. Сейчасъ оставилъ меня Арсеньевъ *). Онъ въ восхищеніи отъ пріема, который в. в. благоволили ему сдѣлать. Вы ободрили его; онъ исполненъ теперь живѣйшаго рвенія къ предпринимаемому имъ дѣлу и полонъ надеждою совершить его съ успѣхомъ. Имѣть такого помощника, какъ вы, есть для него величайшее счастіе. Какъ министръ, вы дадите ему безчисленные способы; какъ опытный, ученый, государственный человѣкъ, вы наставите его какъ наилучше воспользоваться вами же данными матеріалами. Одна изъ важнѣйшихъ частей образованія Великаго Князя состоитъ въ томъ, чтобы онъ зналъ свою Россію, но зналъ ее такъ, чтобы это знаніе возбудило въ немъ энтузіазмъ къ великому дѣлу царствованія. Не безплодными фактами и числами, ужасающими вниманіе и обременяющими умъ, хотимъ мы нагрузить его голову; мы хотимъ представить ему всѣ силы, таящіяся въ его отечествѣ, и въ нихъ всѣ способы дѣйствовать для общаго блага. Чѣмъ болѣе будетъ знать подробностей преподаватель, тѣмъ легче ему будетъ стѣснить все въ немногое главное и зажечь въ душѣ воспитанника то поэтическое пламя, о которомъ мы стараемся. Будьте намъ помощникомъ и наставникомъ. То, что̀ вы мнѣ сказали на счетъ будущаго, останется для меня прекрасною надеждою. Дай Богъ, чтобы наступило то время, въ которое вы сами, столь богатые знаніями общими, столь знакомые съ Россіею, могли положить печать государственныхъ мыслей на тѣ свѣдѣнія, которыя пріобрѣтетъ онъ отъ своихъ учителей въ учебной горницѣ. Съ этою надеждою я не разстанусь; а вы помните, что ее мнѣ дали. Между тѣмъ будемъ го-

*) Константинъ Ивановичъ Арсеньевъ былъ однимъ изъ преподавателей наукъ покойному Государю Александру Николаевичу. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

товить его къ пріобрѣтенію сихъ важныхъ государственныхъ понятій. Естьли вы благоволите позволить, то Арсеньевъ иногда будетъ сообщать вашему высокопревосходительству о томъ, какъ будетъ идти его работа и будетъ прибѣгать къ вамъ для разрѣшенія нѣкоторыхъ недоумѣній.

Въ заключеніе прибавлю одно: не вѣрьте слухамъ! Ваше мнѣніе о ходѣ воспитанія Великаго Князя мнѣ дорого. Вы знаете лучше меня, какъ судитъ нашъ свѣтъ, какъ мало въ немъ доброжелательства. Воспитаніе Великаго Князя идетъ хорошимъ порядкомъ. Время не теряется. Со стороны Императора нѣтъ и не будетъ помѣхи. Онъ желаетъ ему здраваго просвѣщенія. Русскій Государь долженъ быть предпочтительно Русскимъ. Но это не значитъ, что онъ долженъ все Русское почитать хорошимъ, потому единственно, что оно Русское. Такое чувство, само по себѣ похвальное (ибо происходило бы отъ любви къ тому, что̀ онъ любитъ болѣе всего обязанъ) было бы предразсудокъ, вредный для самаго отечества. Быть Русскимъ есть уважать народъ Русскій, помнить, что его благо въ особенности ввѣрено Государю Провидѣніемъ, что Русскіе составляютъ прямую силу Русскаго Монарха, что ихъ кровію или любовію утвержденъ и хранится тронъ ихъ царя, что безъ нихъ и онъ ничто, что они одни могутъ ему помогать дѣйствовать съ любовію къ отечеству. Иностранецъ можетъ быть полезенъ Россіи, и даже болѣе Русскаго, естьли онъ просвѣщенный; но онъ будетъ дѣйствовать для одной чести, для одной корысти, рѣдко изъ любви къ Россіи. Русскій, при честолюбіи, будетъ имѣть и любовь къ Россіи. И Русскій съ талантомъ и просвѣщеніемъ всегда будетъ полезнѣе Россіи, нежели иностранецъ съ талантомъ и просвѣщеніемъ. Естьли Русскихъ просвѣщенныхъ менѣе, нежели иностранцевъ, то не ихъ вина: вина правительства. Оно само лишаетъ ихъ способовъ стать наряду съ иностранцами, и потому не въ правѣ обвинять ихъ въ томъ, что они уступаютъ послѣднимъ. Безъ увѣренности народа, что Государь его имѣетъ къ нему довѣренность, уваженіе и предпочтеніе, не будетъ привязанности народа къ Государю. Замѣченное предпочтеніе Государя иностранцамъ оскорбляетъ народную гордость; а оскорбленная народная гордость не прощается: она производитъ ненависть, можетъ произвести и мятежи. Кого тогда обвинять?

Государь Русскій! Помни, что ты Русскій! Помни Куликовскую битву, помни Минина и Пожарскаго, помни 1812 годъ!

(*Съ черноваго подлинника, сообщеннаго К. С. Сербиновичемъ*).

Библиотека "Руниверс"

ПИСЬМА И ШУТОЧНЫЯ ЗАПИСОЧКИ ЖУКОВСКАГО КЪ А. О. СМИРНОВОЙ.

Въ Русскомъ Архивѣ 1871 года А. О. Смирнова помѣстила нѣсколько писемъ къ ней Жуковскаго и сопроводила ихъ, въ особой статьѣ, воспоминаніями объ немъ, изъ которыхъ приводимъ здѣсь заключительныя слова:

«Жуковскій былъ въ полномъ значеніи слова добродѣтельный человѣкъ, чистоты душевной совершенно-дѣтской, кроткій, щедрый до расточительности, довѣрчивый до крайности, потому что не понималъ, чтобы кто былъ умышленно золъ. Онъ какъ-то зналъ, что есть зло en gros *), но не видалъ его en détail **), когда и случалось ему столкнуться съ чѣмъ-нибудь дурнымъ. Онъ втунѣ принялъ и втунѣ давалъ: и деньги, и протекцію, и дружбу, и любовь. Разговоръ его былъ простой, часто наивно-ребяческій, шуточный, и всегда примѣшивалось какое-нибудь размышленіе, исполненное чувства, при чемъ его большіе черные глаза становились необыкновенно-выразительны и глубоки».

Эти черные, глубокіе глаза, выразители восточной, задумчивой созерцательности, были у него отъ его матери. Кстати сообщить, что мать Жуковскаго, Елисавета Дементьевна, скончалась въ Москвѣ 25 Мая 1811 года (черезъ 12 дней послѣ своей благодѣтельницы М. Г. Буниной и, говорятъ, съ горя по ней). Она похоронена въ Московскомъ Новодѣвичьемъ монастырѣ, гдѣ Жуковскій поставилъ надъ нею памятникъ. Ее нельзя считать крѣпостною женщиной, и въ домѣ Буниной она пользовалась дружбою и уваженіемъ. Она выучилась писать порусски, какъ свидѣтельствуютъ напечатанныя нами ея письма къ сыну, и любила чтеніе, въ особенности Фенелона. Отецъ Жуковскаго скончался въ Мартѣ 1791 года, въ Тулѣ. Впослѣдствіи Жуковскій срисовалъ себѣ видъ той комнаты, гдѣ провелъ его отецъ послѣдніе свои дни. Онъ конечно его хорошо помнилъ. Покойная А. П. Елагина передавала намъ, что разъ

*) Огуломъ.

**) По мелочамъ.

Библиотека "Руниверс"

только случилось ей услышать что либо отъ Жуковскаго про его отца. Въ одной бесѣдѣ полковникъ Свѣчинъ (мужъ Марьи Николаевны, урож. Вельяминовой) рѣзко отозвался о своемъ отцѣ. Слыша это, Жуковскій закрылъ себѣ глаза руками и воскликнулъ: si j'avais un père! (Если бы у меня былъ отецъ!)

Возвратимся къ А. О. Смирновой, урожденной Россети.

Эта необыкновенная женщина († въ Парижѣ, 7 Іюля 1882), біографія которой могла бы наполнить собою цѣлую занимательную книгу, подружилась съ Жуковскимъ, будучи (съ Декабря 1825 года) фрейльною при императрицахъ Маріи и Александрѣ Θеодоровнахъ. Нѣсколько лѣтъ она была не только украшеніемъ, но и оживленіемъ нашего двора, и не столько по красотѣ своей, какъ по уму быстрому, ясному и твердому и по высокой художественности всего существа своего. Жуковскій звалъ ее, между прочимъ, *дѣвушкой-чернавушкой* (въ нашихъ старинныхъ сказкахъ такая дѣвушка, своею смышленностію, выручаетъ царей изъ затрудненій), а она прозвала его почему-то *быкомъ,* какъ онъ и подписывается подъ нѣкоторыми письмами къ ней. Оба они безпрестанно служили проводниками царской милости, повинуясь собственной сердечной участливости и вѣрные мысли, что эта милость могущественно связуетъ подданныхъ съ государемъ. Можно составить большой списокъ лицъ, облагодѣтельствованныхъ А. О. Смирновою и въ особенности Жуковскимъ, когда они жили при дворѣ. Пушкинъ сказалъ про эту черноокую Россети: „И какъ дитя была добра". Ея имя не умретъ въ потомствѣ, и строго опредѣленный, художественный образъ ея такъ и просится въ историческую картину. Умъ ея былъ гораздо многостороннѣе, чѣмъ у Жуковскаго; но столько же умомъ, какъ и вдохновеніемъ сердца она вѣрно постигла поэта и сдѣлалась ему другомъ.

Мы благодарны дочери ея, Ольгѣ Николаевнѣ Смирновой, за сообщеніе нижеслѣдующихъ писемъ Жуковскаго. Изъ нихъ особенно замѣчательно письмо пятое; въ немъ выражена духота тогдашняго общества, которая вскорѣ за тѣмъ повела и къ взрыву, выразившемуся кончиною Пушкина. П. Б.

*

Библиотека "Руниверс"

Письма къ А. О. Смирновой.

1.

Скажите мнѣ, прелестный ангелъ мой съ черными глазами, которые такъ милы, когда сіяетъ въ нихъ нѣжная привѣтливость, соединенная съ нѣкоторымъ канальствомъ (malignité), когда они сверкаютъ гнѣвомъ на неуклюжаго истопника, когда наполняются неизъяснимою темнотою подъ очаровательными, нѣсколько приподымающимися бровями, когда бѣгаютъ туда и сюда, подобно оному сумасшедшему скворцу, повторяющему *Христосъ востесквосъ*; когда они ярки, какъ хрусталь и въ тоже время темны, какъ черный Венеціанскій бархатъ; когда, уступая сну, они становятся прелестно-неподвижны, огромны и ярко отдѣляются отъ свѣтло-голубой бѣлизны, ихъ окружающей, когда на нихъ падаетъ темная полоса отъ черныхъ рѣсницъ, когда.... когда.... когда....—скажите мнѣ, какъ называютъ madame Crempine и какъ надписать къ ней адресъ? *)

Жуковскій.

2.

Вчера я возвратился домой съ благимъ намѣреніемъ быть сегодня къ вамъ на вечеръ; но, ложась спать, какъ-то хватилъ себя за носъ, а на носу и сидитъ прыщъ. Господи помилуй, что̀ это такое? За что̀ отъ Тебя такое наказаніе? Нынче по утру, проснувшись, подымаю правую руку свою и прикасаюсь ею къ тому же носу... Нѣтъ, братъ! Это не носъ, а поношеніе: прыщъ знай себѣ сидитъ, каналья, колбасникъ! Сидитъ бестія! Вотъ я и не знаю, что̀ мнѣ дѣлать; если этотъ подлецъ-прыщъ останется на носу моемъ, то я къ вамъ не приду; если же онъ уйдетъ (чтобъ его прорвало!), то и меня увидите вы у себя. А ему разбойнику и не скучно: вѣдь у меня на носу давно есть маленькая бородавочка; вотъ онъ волокита и вздумалъ ей строить куры, да и сѣлъ близехонько подлѣ нея, такъ что они вмѣстѣ составляютъ родъ просфоры. Да что же это такое! Развѣ носъ мой какая просвирня! Вотъ тебѣ еще какая выдумка! Смотри пожалуй! Э! э! э!

---

*) Этой Кремпиной, вѣрно, нужно было чѣмъ нибудь помочь или услужить. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

3.

Думалъ, думалъ, посылать ли? Наконецъ рѣшился, и посылаю вашему херувимскому личику мое гипсовое рыло. Вѣдь вамъ хотѣлось моего портрета—почему же не имѣть бюста? Вотъ и бюстъ. А собака Вихманъ хотѣлъ мнѣ вмѣстѣ съ нимъ прислать и вашъ бюстъ; да забылъ, чертова морда!—Въ Воскресенье буду къ вамъ обѣдать. Но вотъ предложеніе: вамъ хотѣлось слышать Гоголеву комедію. Хотите, чтобъ я къ вамъ привезъ Гоголя? Онъ бы прочиталъ послѣ обѣда: а я бы такъ устроился, чтобы не заснуть подъ чтеніе. Отвѣчайте на это.

Быкъ.

(1836).

4.

Милостивая государыня Александра Іосифовна.

Изъ вашего особенно пріятнаго письма я заключаю, что употребленіе Англійскаго языка становится всеобщимъ въ Россійскомъ государствѣ, и граціи, подобныя вамъ, занимаются симъ высокопарнымъ діалектомъ. Это для меня пріятно. Съ особенною ловкостію въ записочкѣ своей выразили вы то обстоятельство, въ которомъ заключается цѣлованіе розовыхъ моихъ щекъ—очень, очень хорошо сказано! А я такъ позавидовалъ моимъ щекамъ въ приключившемся имъ особенно-неожиданномъ счастіи, что призвалъ своего камердинера Сергѣя и приказалъ ему выколотить меня по щекамъ: иначе мои щеки могли бы возгордиться своею фортуною, могли бы раздуться въ порывѣ гордости и... Это было бы не хорошо. Теперь онѣ вошли въ надлежащій порядокъ и смиренно отвисли, какъ обыкновенныя брылй у лягавой собаки.—Приглашеніе ваше къ обѣденному столу на завтрашній день взъерошило желудокъ души моей; но, увы, этотъ желудокъ, который смиреннымъ отшельникомъ таится въ мѣстностяхъ моего пуза, не можетъ воспользоваться сею бонфортуною: потому не можетъ, что ему назначила судьба въ этотъ завтрашній день набиваться различными съѣстными обстоятельствами у госпожи Потемкиной, которая впрочемъ еще и имянинница. Варлашка, о которомъ вы знаете *), Александра Іосифовна, этотъ почтенный мужъ, ходившій въ жениной юпкѣ, потому что не умѣлъ обходиться съ мужскою юпкой, говаривалъ въ старые

*) Шутъ и разсказчикъ сказокъ въ Мишенскомъ, въ домѣ у М. Г. Буниной. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

годы, когда хотѣлось выразить особенное къ кому нибудь уваженіе: у тебя на носу три имянинника сидятъ. Конечно, онъ могъ это говорить; но мнѣ очень жаль, что теперь у меня сидитъ на носу одна имянинница; я снесъ бы и трехъ, да только не завтра. Нечего дѣлать, Александра Іосифовна; вы сами философически расположены употреблять бытіе, дарованное намъ Господомъ Богомъ, и конечно всегда будете назидательнымъ примѣромъ терпѣнія во всѣхъ житейскихъ колыханіяхъ и ранконтрахъ [1]). Вотъ хоть бы и теперь, вы иногда и очень усердно поплевываете и даже бываете одержимы маль-о-кёрами [2]) разнаго фасона, а все же пребываете въ непоколебимомъ спокойствіи душевныхъ вашихъ способностей. Я бы попросилъ васъ вмѣсто Пятницы употребить въ дѣло субботнюю часть недѣли. Но и тутъ закорючка: я собственно-персонально провозгласилъ желаніе пріобрѣсть въ этотъ день обѣденственныя удовольствія за столомъ графа Михаила Юрьевича Вьельгорскаго, у котораго будутъ особенныя макаронныя утѣхи на бульонѣ. Воскресенье, какъ вамъ извѣстно, посвящено мною интересному семейству Карамзиныхъ. Остается мнѣ одинъ только Вторникъ; ибо и Понедѣльничкомъ не могу свободно владѣть въ пользу любви и дружбы, кои вамъ навсегда принадлежатъ въ моемъ сердцѣ.

При семъ имѣю счастіе препроводить къ вамъ сто пятьдесятъ рублей, употребленныхъ вами на покупку тѣхъ елочныхъ радостей, которыми хотѣлъ я угостить мою институтскую дѣвицу [3]) и которыми ее угостила ваша горничная дѣвица къ великому преткновенію моего сердца. Простите, любезная Александра Іосифовна. I love you [4]).

Быкъ.

5.

Му... му... му, му... у... у! Это быкъ реветъ; хрю... хрю... хрю..! Это свинья хрюкаетъ; быкъ + свинья=В. А. Жуковскій, дѣйствительный статскій совѣтникъ и кавалеръ разныхъ орденовъ. Эта ариеметическая выкладка слѣдуетъ изъ того, что В. А. Жуковскій по сію пору не собрался ёще написать къ вамъ, милая изъ милыхъ, умная изъ умныхъ и прелестная изъ прелестныхъ Александра Іосифовна. Одинъ только страхъ могъ побѣдить его лѣнь, и какой страхъ! Ви-

---

[1]) Французское rencontre, встрѣча.

[2]) Французское mal au coeur, тошнота.

[3]) Вѣроятно одну изъ дочерей А. А. Воейковой.

[4]) Поанглійски: я люблю васъ.

Библиотека "Руниверс"

дѣть портретъ вашъ въ рукахъ Булгарина и Сенковскаго! Быть виною такого святотатства было бы нестерпимымъ бѣдствіемъ, и я бросился къ перу, чтобы избавить васъ отъ такого мщенія, слишкомъ чувствительнаго для моей къ вамъ дружбы. Пришлите мнѣ свой портретъ; я, право, заслуживаю его имѣть. Вылѣчиться отъ эпистолярной лѣни не могу, это—чахотка. Виноватъ ли я теперь, что она у меня? Не надобно бы было въ нее попадать. Да кто же это зналъ? Теперь мнѣ и жаль себя, да дѣлать нечего; а какъ было бы мнѣ весело и писать къ вамъ, и получать ваши письма, и становиться отъ нихъ и умнѣе, и живущѣе душею. А весьма было бы хорошо, когда бы васъ какъ-нибудь получить назадъ. Жизнь часъ отъ часу становится пустыннѣе и душа деревяннѣе; тонешь въ какомъ-то безгрѣшномъ эгоизмѣ, который у насъ происходитъ не отъ того, что посреди кипящей вокругъ тебя дѣятельности все относишь къ самому себѣ и во всемъ видишь себя одного; а напротивъ, отъ совершеннаго недостатка этой увлекательной дѣятельности, почему поневолѣ самъ дѣлаешься главнымъ для себя предметомъ и цѣпляешься за себя не отъ того, чтобы себя всему предпочиталъ, а только отъ того, что не за что уцѣпиться. Этотъ эгоизмъ безгрѣшный, но все эгоизмъ, и его дѣйствіе убійственно. Онъ не поведетъ ко злу положительному или къ явному отступничеству отъ добра, но дѣлаетъ негоднымъ для добра. Этотъ эгоизмъ кажется мнѣ душнымъ характеромъ нашего общества. Каково же въ этой духотѣ не имѣть еще и бывалой радости освѣжиться подлѣ васъ! Теперь вы отправитесь въ Парижъ, поживете тамъ, оправитесь отъ Берлинской скуки, выздоровѣете. Потомъ куда? Къ намъ ли, или еще далѣе отъ насъ?.. А мы по обыкновенному сбираемся теперь въ Царское Село, гдѣ согрѣемъ мѣсто не надолго, какъ то бывало въ ваше время. Съ отъѣзда вашего и нашей Аѳинской пташки *) я посреди нашего двора сдѣлался совсѣмъ одинокимъ: прильнуть не къ кому. Появилась у насъ теперь заря, то-есть Аврора **); но я еще только въ перспективѣ любовался ея блескомъ; еще ни разу не погрѣлся имъ вблизи, и еще не знаю, какое солнце сидитъ за этою зарею. Посмотримъ, что̀ скажетъ лѣто.—На будущій годъ назначено

---

*) Кто это?

**) Аврора Карловна Шернваль, впослѣдствіи супруга П. Н. Демидова, нынѣ вдова Андрея Николаевича Карамзина. Баратынскій писалъ ей:

Выдь, дохни намъ упованьемъ,
Соименница зари;
Всѣхъ румянымъ появленьемъ
Освѣжи и озари.

Библиотека "Руниверс"

для Великаго Князя путешествіе по Россіи; если поѣду съ нимъ, въ чемъ еще не увѣренъ, то это расшевелитъ нѣсколько жизнь мою. Теперь же живу болѣе у себя; видаю только Карамзиныхъ, Вьельгорскихъ и Вяземскаго. Да у меня завелись Субботы, на которыхъ столпляются авторы и не-авторы, между прочими и ваши воинственные братцы взбираются на чердакъ мой; я ихъ пою жженкою, бульономъ и кормлю поросятиною съ хрѣномъ. Вотъ всѣ мои подвиги. Поэзіи какъ будто не бывало. Подробности нашего свѣтскаго быту вѣрно сообщаютъ вамъ Клементій *) и Вяземскій; у меня для описанія ихъ рука не подымается.

Пришлите же мнѣ свой портретъ, да подарите хотя страницею; будетъ безбожно-жестоко, если вы отъ меня откажетесь. Мое рукожатіе вашему мужу и поцѣлуй вашимъ близнецамъ.

Жуковскій.

1836 года,
1 (13) Мая.

6.

Милая Александра Іосифовна, всегдашняя принцесса моего сердца, вотъ вы какъ поступаете: преисполнивъ душу мою, собственно мою душу и собственную душу жены моей надеждою вцѣпиться въ васъ жадными когтями свиданія, вы вдругъ обрѣзали эти когти, остригли щипчиками вашего зикзагочнаго путешествія въ Баденъ-Баденъ, какъ о томъ извѣщаетъ меня извѣстный мнѣ и вамъ дворянинъ Сергѣй Алексѣевичъ Викулинъ. Это не хорошо, очень не хорошо. Вѣдь могутъ отъ перваго зикзага произойти многіе другіе зикзаги, и можетъ случиться, что на пути въ Эмсъ вы козырнете въ Константинополь. А мы, то-есть я самъ и я сама, прождали всю нашу душу, и это ожиданіе сдѣлалось для души нашей мучительною душею нетерпѣнія, которая ободрала всю интеллектуальную спину сей безсмертной кандидатки неба, ниспосланной на землю для отысканія возможнаго совершенства посреди навозу эгоизма и хвороста суеты. Увѣдомляю васъ, почтенная дама, что мы пробудемъ въ Эмсѣ только до 18 (30) Іюня сего мѣсяца; что 1-го числа Іюля мы будемъ въ Кобленцѣ, что тамъ я съ женою разстанусь и поѣду черезъ Майнцъ, Мангеймъ, Гейдельбергъ въ Каншатъ (близь Штутгарда) для говѣнія и причащенія и что я не прежде отыщусь въ Дюссельдорфѣ какъ около 10—

*) Климентій Осиповичъ Россети, одинъ изъ братьевъ Смирновой, человѣкъ отлично образованный.

Библиотека "Руниверс"

12 Іюля новаго стиля. Можетъ случиться, что мы разъѣдемся. Это ужъ было бы не только не хорошо, но даже непристойно. И если это со мною случится, то я непремѣнно найду четырехъ ословъ и заставлю ихъ публично съ четырехъ сторонъ брыкать въ меня задними ногами и буду посреди этой бури стоять какъ гордый утесъ, напрасно поражаемый пѣнными морскими волнами. Избавьте меня отъ такой бѣды, милая госпожа. Вы еще успѣете написать мнѣ изъ Бадена словечка два въ отвѣтъ на сіи страницы, воспоминающія вамъ обо мнѣ, каковъ я былъ въ старину и убѣждающія васъ, что еще во мнѣ живъ-живъ курилка. Простите жъ, милка. Жена вамъ всѣмъ сердцемъ кланяется; нельзя ли вамъ такъ устроить, чтобы вамъ проѣхать черезъ Дюссельдорфъ не прежде какъ около 10-го или 12-го Іюля?

Жуковскій.

1843 г. 12 (24) Іюля. Эмсъ.

7.

Вы вѣрно теперь въ Петербургѣ, милая Александра Іосифовна. Мы ждали отъ васъ вѣсти изъ Дюссельдорфа, да не дождались. Худо, что вы насъ такъ жестоко забыли; а въ моей семьѣ всѣ полюбили васъ, начиная съ моего тестя (который и какъ живописецъ-поэтъ нашелъ въ васъ много отличнаго) и оканчивая мною. Но мнѣ теперь не до того; я пишу вамъ единственно потому, что теперь мнѣ нужно перо ваше. Прошу васъ, милая, напишите мнѣ о послѣднихъ дняхъ нашей несравненной Великой Княгини *) и обо всемъ, что́ было послѣ ея кончины; напишите все, все, что́ видѣли и что́ слышали. Я желаю имѣть всѣ подробности; всякая мелочь мнѣ будетъ дорога̀. Здѣсь ничего не слышу; что́ слышу, то невѣрно; въ офиціальныхъ извѣстіяхъ мало проку; а вы дайте мнѣ живыхъ вѣстей. Во всемъ этомъ такъ много прекраснаго, трогательнаго. Письмо Государя къ Кавелину несравненно; я увѣренъ, оно писано имъ самимъ, въ первую минуту по возвращеніи съ проводовъ дочери къ могилѣ. Грустно, грустно, что я въ такія минуты былъ отъ нихъ далеко; эти минуты сердечнаго страданія суть главныя въ жизни; въ нихъ ея прямое сокровище. Прошу васъ написать мнѣ поболѣ о Императорѣ и Императрицѣ: простое человѣческое горе, когда оно такъ живо и чисто, какъ въ нихъ, даетъ особенное сіяніе царской коронѣ. Мнѣ недавно попалось въ руки письмо, писанное матерью Императрицы къ ея отцу, изъ Мемеля, куда она

*) Александры Николаевны, любимой дочери Государя Николая Павловича. Прекрасное письмо ея къ Жуковскому напечатано въ Р. Архивѣ 1868 (стр. 107).

Библиотека "Руниверс"

бѣжала отъ Наполеона. Прочитавъ его, я какъ будто увидѣлъ передъ собою ея дочь въ борьбѣ съ теперешнимъ ея бѣдствіемъ. Такъ мать похожа на дочь своею чистотою сердца, своимъ непринужденнымъ младенческимъ величіемъ въ минуты, требующія силы и твердости. Въ слогѣ этого письма мнѣ слышался голосъ Императрицы. Какъ бы я желалъ ее теперь слышать самоё: она бы немного сказала; но я знаю, что̀ бы было въ этомъ немногомъ. Прошу васъ по крайней мѣрѣ разсказать мнѣ все объ ней и объ нихъ. О, дай Богъ, чтобъ это все не слишкомъ потрясло ея тѣла. Жизнь ея намъ нужна, нужна, нужна несказанно. Жду вашего письма; оно для меня будетъ знакомъ дружбы. Слѣдственно вы мнѣ въ немъ не откажете. Жена васъ обнимаетъ. Съ какимъ трепетомъ я вижу на ней черное платье! По комъ этотъ трауръ? Прелесть, молодость, полная свѣжая жизнь — все.... хотѣлъ написать: вдругъ исчезло! Нѣтъ, все преобразилось въ лучшее! Благословеніе Богу, создавшему человѣка для вѣры въ Него!

Прощайте, милая.

Вашъ Жуковскій.

11 (23) Августа.
Франкфуртъ на Майнѣ (1844).

*

Вотъ это письмо Николая Павловича, о которомъ говоритъ Жуковскій. Приводимъ его съ современнаго печатнаго листка. П. Б.

Санктпетербургскій военный генералъ-губернаторъ, удостоясь получить, сегодня *въ два часа пополуночи, собственноручный* высочайшій рескриптъ, поспѣшаетъ сообщить оный жителямъ столицы.

Александръ Александровичъ!

Проводивъ тѣло покойной моей дочери до послѣдняго ея жилища, первою потребностію моего сердца поручить вамъ возвѣстить жителей столицы, сколь глубоко, душевно тронуты мы всѣ, всеобщимъ участіемъ, оказаннымъ намъ, какъ во время продолжительной смертельной болѣзни усопшей нашей любезной дочери, такъ и при кончинѣ ея и наконецъ въ сію же ночь. Не новы для меня подобныя изъявленія всеобщихъ чувствъ; доселѣ они сказывались въ дни радостей; когда же Богу угодно было испытать насъ самымъ чувствительнымъ ударомъ, смирясь предъ неисповѣдимой волей, что̀ можетъ быть утѣшительнѣе для нашихъ родительскихъ сердецъ, какъ видѣть столь разительно, столь умилительно, что горе наше — горе общее, горе всей семьи народной, Богомъ мнѣ врученной; благодаримъ отцовски за сыновнюю любовь. Въ сей любви намъ утѣшеніе, мнѣ—сила-подвизаться на тяжеломъ поприщѣ.

Да будутъ сіи взаимныя чувства залогомъ и впредь счастія Россіи.

Пребываю вамъ всегда благосклоннымъ

НИКОЛАЙ.

Елагинъ Островъ.
2 Августа 1845 г., во 2-мъ часу утра.

Библиотека "Руниверс"

8.

13 (25) Мая.

Милая Александра Осиповна, ваше письмо огорчило мою душу: я совсѣмъ не такого ожидалъ отъ васъ; я ждалъ, что вы опишете мнѣ свою радость, по воскресеніи изъ гроба вашей болѣзни, ибо мнѣ многіе говорили, и между прочими писалъ Булгаковъ, что вы совсѣмъ исцѣлились; на повѣрку выходитъ, что это еще не такъ. Надѣюсь однако, что весна вамъ помогаетъ. Но эта помощь будетъ только временная, если вы не рѣшитесь на какой нибудь героическій поступокъ, и именно на то, чтобы, все кинувъ, на нѣсколько лѣтъ, т.-е. на два или на три года, переселиться въ такой климатъ, въ которомъ бы могли отдохнуть ваши нервы и въ такое мѣсто, гдѣ бы вы были ни однѣ, ни въ толпѣ, гдѣ были бы вокругъ васъ люди съ раздѣломъ мыслей и чувствъ, а не свѣтъ большой съ своими комеражами и не свѣтъ Калужскій *) съ своимъ свинствомъ; гдѣ бы вы были въ сношеніи со всѣмъ и въ независимости отъ всего, гдѣ бы наконецъ мало-помалу могли бы построить около сердца свою ту скинію, въ которой могло бы оно жить одиноко съ собою и куда былъ бы доступъ только немногимъ и, наконецъ, гдѣ, безъ вреднаго внѣшняго вліянія, могли вы заняться своими дѣтьми и въ этомъ занятіи найти развлеченіе и лѣкарство и свой жизненный главный Beruf **): однимъ словомъ, уѣзжайте на три года во Франкфуртъ, который въ центрѣ Европы; поселитесь не вдали отъ... хотѣлъ сказать отъ насъ. Но гдѣ мы будемъ сами? На этотъ годъ еще тамъ, гдѣ вы у насъ были; а на слѣдующій будемъ въ это время уже въ Россіи. Таковъ приговоръ Коппа: онъ на нынѣшнюю зиму никакъ не отпускаетъ жену въ Россію, угрожая ей рецедивомъ болѣзни; на слѣдующій же обѣщаетъ ей полное выздоровленіе. Но я одинъ поѣду въ Россію, и въ первыхъ числахъ Августа (н. ст.) увидите вы меня въ своемъ Калужскомъ салонѣ, если только не соберетесь съ умомъ, не сядете на первый пароходъ, который поѣдетъ изъ Кронштата по полученіи вами письма моего и не поселитесь сами на берегу Майна, поручивъ себя напередъ заботливому лѣченію Коппа, который вѣрно поставитъ васъ на ноги, если только вы отдадитесь ему на руки съ полнымъ убѣжденіемъ въ его всемогуществѣ. Онъ во все послѣднее время много помогалъ женѣ мо-

*) Мужъ Смирновой, Николай Михайловичъ (о которомъ см. Р. Архивъ 1882 г. кн. I, стр. 227), былъ тогда губернаторомъ въ Калугѣ.

**) По нѣмецки—призваніе.

Библиотека "Руниверс"

ей и теперь помогаетъ и обѣщаетъ вѣрное излеченіе, чему и я вполнѣ вѣрю. И такъ рѣшитесь. Прочитайте мое письмо Николаю Михайловичу, т.-е. вашему мужу, который вѣрно со мною согласится и пошлетъ васъ насильно, если вы, какъ истинная жена, начнете упрямиться и спорить. При сей вѣрной оказіи поклонитесь ему дружески отъ меня и попросите его, чтобы не слушалъ никакихъ вашихъ софизмовъ, употребилъ власть, данную ему надъ вами Богомъ и прогналъ васъ изъ Калуги во Франкфуртъ (хотя бы плетью, если ужъ на то пойдетъ: это отечественный способъ). Я бы желалъ не найти уже васъ въ Калугѣ въ Августѣ мѣсяцѣ; желалъ бы, напротивъ, найти васъ въ началѣ Октября въ Саксенгаузенѣ, за чаемъ у жены моей и за пріятнымъ разговоромъ о прошедшихъ нервныхъ припадкахъ, отъ которыхъ спаси Боже всякое тѣло и всякую душу. И такъ до свиданія въ обоихъ случаяхъ. Смотрите же: если не поѣдете за границу, то въ началѣ Августа (нов. стиля) будьте въ Калугѣ. Я это время пріѣду васъ ревизовать.

Жена дружески васъ обнимаетъ; но вашего письма она не читала: оно было бы ей въ теперешнемъ ея положеніи (которое однако уже гораздо стало легче) тяжелымъ испытаніемъ. Жду съ одной стороны Великаго Князя Наслѣдника, онъ будетъ въ половинѣ Іюня (стараго стиля); съ другой стороны жду Гоголя, который ѣдетъ не въ Палестину, а въ Остенду.

9.

4 (16) Августа 1846. Франкфуртъ.

Никогда не надобно поручать писемъ пріятелямъ для доставленія, даже хотя бы эти пріятели были Нѣмцы. Я послалъ къ вамъ мое послѣднее письмо съ Анрепомъ, менѣе потому что онъ мой пріятель, а потому что онъ Нѣмецъ, и былъ увѣренъ, что письмо дойдетъ; письмо дошло, потому что Анрепъ Нѣмецъ, но дошло поздно, потому что Анрепъ пріятель, а не почта. Еслибы Анрепъ былъ Русскій, то письмо совсѣмъ не дошло бы; это бы и не бѣда, да вмѣстѣ съ письмомъ не дошелъ и Лувиньи, и была бы бѣда, ибо тогда бы вы не познакомились съ такою душею, съ которой ваша способна и достойна быть коротко знакомою. Дай Богъ вамъ поскорѣе завести разговоръ съ этимъ благодатнымъ собесѣдникомъ, котораго темная жизнь, отъ всѣхъ сокровенная по сю сторону гроба, сдѣлалась явною для всѣхъ, когда онъ самъ перешелъ на ту сторону и можетъ безпрестанно во многихъ душахъ ему родныхъ возобновляться и быть въ ихъ оче-

Библиотека "Руниверс"

редь ихъ тайною. Милая, ваше письмо огорчило меня, жену и все наше семейство. Богъ послалъ вамъ жестокое испытаніе: вы страдаете и физически, и морально; болѣзнь моральная есть произведеніе болѣзни физической и въ тоже время обстоятельствъ. Для первой надобно прибѣгнуть къ средствамъ матеріальнымъ; мы всѣ думаемъ, что вы поступили бы весьма благоразумно, еслибы, не имѣвъ помощи отъ докторовъ Московскихъ, обратились къ нашимъ и на зиму переселились бы во Франкфуртъ въ наше сосѣдство и въ сосѣдство къ Коппу, на время бы вырвались изъ окружающихъ васъ обстоятельствъ, провели бы весну также во Франкфуртѣ самымъ спокойнымъ образомъ и потомъ (еслибы то оказалось нужнымъ) воспользовались бы водами. Я знаю, что вамъ весьма нелюбо странствовать по дорогамъ и вести жизнь трактирную; но это былъ бы только переѣздъ; въ нашемъ Саксенгаузенѣ было бы вамъ *больной* покойно. Не знаю, удовольствовались ли бы вы имъ при полномъ живомъ здоровьѣ; но теперь вамъ нужно *леченіе* при *покоѣ* душевномъ, а для этого покоя и *разсѣянность* и *полное* уединеніе равно вредны; напротивъ, такое уединеніе, какое вы бы нашли у насъ, не безлюдное, но и не разлучающее души съ собою. Подумайте объ этомъ. Противъ вашихъ черныхъ мыслей, которыя суть родныя дѣти вашихъ встревоженныхъ мыслей, надобно дѣйствовать механически, какъ противъ мухъ, не давать имъ воли своею волею: сядетъ муха на носъ — смахни, опять сядетъ — опять смахни, но не бери въ руки булыжника, какъ косолапый Михайла Ивановичъ (извѣстный медвѣдь, сынъ Ивана Андреевича Крылова). Впрочемъ есть на этихъ мухъ и камень, который бьетъ только *ихъ*, а носа, на который онѣ садятся, не трогаетъ; займите этотъ камень у Лувиньи. Въ нервическихъ припадкахъ воля великое дѣло. Надобно говорить имъ, какъ Званкина Честону: *такъ что же что ты Честонъ; хоть знаю, да не вѣрю.*

Прошу васъ написать намъ поскорѣе на это письмо отвѣтъ. Да пріѣзжайте въ Сансенгаузенъ. У насъ воздухъ здоровый.

Впрочемъ весь прошлый годъ для меня былъ не очень удаченъ: я прохворалъ до нынѣшней весны. Теперь и я и жена возвратились только изъ Швальбаха, гдѣ, кажется, запаслись здоровьемъ. Но у насъ больна Лотти *). Она на послѣдніе дни нашего пребыванія въ Ш. пріѣхала къ намъ, взяла нѣсколько ваннъ и занемогла: у нея нервическая горячка; но, слава Богу, по сію пору все идетъ хорошо. Помоги Богъ! Отецъ въ Остендѣ. Добрая мать въ тревогѣ; тяжко на это

---

*) Сестра супруги Жуковскаго. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

смотрѣть, но должно терпѣть съ надеждою. Простите, милая; жена васъ обнимаетъ. Дѣтёнки мои здоровы и очень милы; сохрани ихъ Богъ. Павелъ Васильевичъ начинаетъ уже и повирать. Онъ настоящій Русскій мужикъ. У меня въ Швальбахѣ гостилъ двѣ недѣли Гоголь; онъ сталъ здоровъ; теперь и онъ въ Остендѣ, оттуда заѣдетъ во Франкфуртъ и потомъ надолго со мною простится.

Намъ неизвѣстно, чтò это за книга Лувиньи. П. Б.

10.

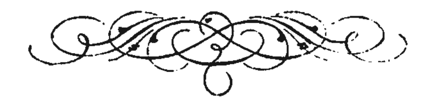
Эмсъ, 7 Августа 1847, н. ст.

Благодарствуйте, благодарствуйте и еще разъ благодарствуйте за скорое увѣдомленіе о прибытіи къ намъ Михаила Николаевича; благодарю за это вашего любезнаго секретаря m-lle Owerbeck (которой всѣ мои дружески кланяются); потомъ опять нѣжно благодарю васъ самихъ за то, что сами ко мнѣ написали. Поздравьте отъ меня Николая Михаиловича съ наслѣдникомъ, который весьма хорошее дополненіе къ вашимъ тремъ граціямъ. Жена вмѣстѣ со мною благодаритъ васъ за извѣщеніе, которое такъ насъ порадовало и поздравляетъ съ сыномъ, отъ котораго черезъ нѣсколько времени утроится визгъ, крикъ и стукъ во всѣхъ вашихъ горницахъ. Въ этомъ мой Павелъ Васильевичъ великій виртуозъ: какъ закричитъ, весь домъ дрожитъ; здѣсь, въ Эмсѣ, когда онъ вздумаетъ крикнуть на свою няню въ саду, сигары выпадаютъ изъ устъ у всѣхъ купальниковъ, сидящихъ за столомъ подъ деревьями, и ослы откликаются своему другу изъ-за Ланы. Но какъ мы въ Эмсѣ, спросите вы. А вотъ какъ. Нашъ добрый Коппъ сперва хотѣлъ, чтобы мы поѣхали въ Швейцарію, дабы жена отдохнула отъ болѣзни и отдышала ее отъ себя горнымъ воздухомъ; потомъ увидѣлъ, что болѣзнь еще упрямится и что надобно прежде съ нею сладить, почему и послалъ насъ въ Эмсъ. Вотъ уже мы здѣсь три недѣли, изъ которыхъ двѣ были употреблены на питье, купанье. Дѣйствія добраго еще нѣтъ; но его здѣсь, какъ говоритъ докторъ, и быть не можетъ: послѣ окажется. Нѣкоторая эпоха была означена сильными судорожными болями: жена должна была цѣлую почти недѣлю не выходить изъ горницы и дни четыре пролежала въ постели; теперь ей лучше, и со вчерашняго дня опять начала пить и купаться. Погода до сихъ поръ стоитъ прекрасная, весьма благопріятная всякимъ курамъ (cures). Здѣсь, въ Эмсѣ, мы объ васъ всѣмъ сердцемъ вспомнили; тогда съ нами была Балашова, ее свѣяло уже съ лица земли; это было прекрасное явленіе; тогда была и графиня Луиза Фоссъ, эта еще на свѣтѣ, но и ее судьба одѣла въ трауръ.

Библиотека "Руниверс"

Все послѣднее время было для насъ мрачно и погребально. Въ Эмсѣ пробудемъ мы еще дней двѣнадцать; но уже въ Швейцарію на житье въ горахъ будетъ поздно ѣхать; вѣроятно проведемъ Сентябрь гдѣ нибудь на скатахъ Таунуса; зиму же во Франкфуртѣ. Весною, то-есть въ Маѣ мѣсяцѣ, во всякомъ случаѣ я буду въ Россіи съ женою или одинъ, и съ вами непремѣнно увижусь въ Калугѣ. Здѣсь, въ Эмсѣ, нѣтъ никого почти изъ извѣстныхъ или интересныхъ вамъ Русскихъ. Нессельродъ съ своею кругленькою женкою *); графиня Бобринская (Бѣлинская) съ дочерьми. Былъ Хомяковъ съ женою; вы конечно его знаете: этотъ стоитъ двадцати; но онъ недолго съ нами остался; женѣ же не до людей. Самое интересное для насъ явленіе Варвара Ивановна Дубенская-Лагрене съ своимъ мужемъ, пэромъ Франціи. Она точнехонько таже, какъ была: немного потолстѣла, но не растолстѣла, какъ были объ ней слухи; при ней двѣ дочки и старшая Ольга, вся въ мать. И онъ все тотъ же: умный, любезный, умничающій и любезничающій Французъ, восхищающійся рѣчами и исторіею Жирондистовъ Ламартина, осыпающій всѣхъ готовыми Французскими фразами, но въ этихъ фразахъ есть и собственный умъ **). Участь всѣхъ Французовъ: ихъ языкъ уменъ самъ по себѣ, но этотъ умъ всего языка въ массѣ мѣшаетъ уму каждаго въ особенности. За симъ простите; будьте здоровы; поклонитесь Николаю Михайловичу; поцѣлуйте трехъ грацій и передайте выраженія моего сердечнаго уваженія Михаилу Николаевичу, не забывъ пожать руку отъ меня всѣмъ его дядюшкамъ Россеткамъ. Гоголь (онъ теперь въ Остендѣ) читалъ мнѣ прекрасное письмо Аркадія ***) о его книгѣ. Въ вашей семьѣ, надобно признаться, умъ свилъ себѣ гнѣздо и сидитъ на немъ безъ слета; сидитъ, да и высиживаетъ. Прощайте.

Вашъ Ж.

---

*) Лидія Арсеньевна, урожденная графиня Закревская, нынѣ княгиня Друцкая-Соколинская. П. Б.

**) Лагрене состоялъ нѣкогда при Французскомъ посольствѣ въ Россіи и впослѣдствіи былъ Французскимъ посланникомъ въ Китаѣ. Сынъ его нынѣ Французскимъ консуломъ въ Москвѣ. П. Б.

***) Второй братъ Смирновой, Аркадій Осиповичъ Россетъ, впослѣдствіи Виленскій гражданскій губернаторъ, товарищъ министра государственныхъ имуществъ и сенаторъ, недавно скончавшійся въ Москвѣ. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

ПИСЬМО ЖУКОВСКАГО КЪ ГРАФУ ДМИТРІЮ НИКОЛАЕВИЧУ ШЕРЕМЕТЕВУ.

(О матери и братѣ профессора А. В. Никитенки).

Милостивый государь графъ Дмитрій Николаевичъ.

Очень сожалѣю, что не могу имѣть чести лично увидѣть ваше сіятельство: мнѣ было бы пріятно изъявить вамъ мою благодарность за обязательный отвѣтъ мною, отъ васъ полученный. Пользуясь вашимъ позволеніемъ, спѣшу объясниться съ вашимъ сіятельствомъ письменно. Я бы желалъ знать положительно что̀ угодно вашему сіятельству сдѣлать по просьбѣ моей, которую сообщила вамъ отъ меня графиня? *) Вы болѣе нежели кто нибудь въ состояніи войти въ положеніе Никитенки, заслуженнаго профессора, пользующагося всеобщимъ уваженіемъ и уже имѣющаго имя въ литтературѣ. Вы лучше другихъ поймете, какъ должно быть для него тягостно знать, что старая 70-ти лѣтняя мать его и его братъ находятся въ крѣпостномъ состояніи. И для васъ, конечно, не только не будетъ затруднительно, но будетъ пріятно однимъ словомъ исправить это, можно сказать, бѣдственное отношеніе. Чтобы выразиться яснѣе, прошу ваше сіятельство о дарованіи свободы и матери и брату профессора Никитенки: вотъ предметъ, о которомъ я желалъ имѣть честь переговорить съ вами лично. Простите, что вмѣшивался въ дѣло до меня не принадлежащее; но, будучи пріятелемъ съ профессоромъ Никитенко и узнавъ недавно о его странномъ и тягостномъ положеніи (о коемъ самому ему весьма затруднительно говорить съ кѣмъ бы то ни было), я самъ рѣшился говорить за него, въ полномъ убѣжденіи, что мое участіе въ въ этомъ дѣлѣ, свидѣтельствующее личное мое уваженіе къ вашему сіятельству, можетъ быть для васъ пріятно и что вы, будучи, какъ

---

*) Первая супруга графа Д. Н. Шереметева, графиня Анна Сергѣевна. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

то всѣмъ извѣстно, всегда готовы на добро, не откажетесь и въ семъ случаѣ сдѣлать добро истинное, долженствующее имѣть сильное вліяніе на цѣлую жизнь человѣка, достойнаго уваженія и полезнаго Отечеству.

Изъяснивъ все, прошу ваше сіятельство благоволить удостоить меня на это письмо отвѣтомъ: я былъ бы весьма счастливъ еслибы этотъ случай далъ мнѣ право къ искреннему моему къ вамъ уваженію присоединить и чувство благодарности.

Вашего сіятельства покорный слуга

В. Жуковскій.

5 Апрѣля (1841).

На это письмо графъ Д. Н. Шереметевъ немедленно отвѣчалъ (какъ видно изъ сохранившагося черноваго его письма, отъ 7 Апрѣля 1841 года): «Съ удовольствіемъ исполню желаніе ваше».

(*Сообщено графомъ С. Д. Шереметевымъ*).

Библиотека "Руниверс"

РАЗСКАЗЫ И АНЕКДОТЫ ПРО ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

Князь Өедоръ Юрьевичъ Ромодановскій, извѣстный подъ названіемъ князя-кесаря, завѣдывалъ Преображенскимъ Приказомъ. При своей страшной жестокости, изумлявшей самого Петра, этотъ человѣкъ былъ набоженъ и особенно почиталъ Николая Угодника. Разъ, наканунѣ Николина дня, одинъ колодникъ, содержавшійся въ Приказѣ за убійство, объявилъ, что имѣетъ сообщить князю нѣчто очень важное. Ромодановскій велѣлъ привести къ себѣ арестанта. Тотъ бросился въ ноги и сталъ просить, чтобы его отпустили въ деревню къ роднымъ, провести съ ними въ послѣдній разъ праздникъ и проститься, такъ какъ его, вѣроятно, скоро казнятъ. Кесарь былъ озадаченъ такою неслыханною дерзостью.

„Да какъ ты смѣешь просить объ этомъ, злодѣй"! закричалъ, наконецъ, князь, придя въ себя отъ изумленія.

— „Помилуй, отецъ мой! Святой Никола-Чудотворецъ воздастъ тебѣ за это сторицею".

„Кто же будетъ за тебя порукою"? спросилъ, уже смягчившись, князь Ромодановскій.

— „Самъ Святой Угодникъ. Онъ не попуститъ мнѣ солгать".

Начальникъ Приказа задумался, потомъ заставилъ разбойника поклясться въ томъ, что онъ непремѣнно вернется, и затѣмъ отпустилъ его въ деревню, которая находилась гдѣ-то недалеко отъ Москвы.

Враги князя тотчасъ же донесли объ этомъ Государю. Петръ пріѣхалъ къ его кесарскому величеству и спрашиваетъ:

„Правдали, что ты отпустилъ разбойника?"

— „Отпустилъ, но только на пять дней, чтобы онъ простился съ родными".

„Да какъ же ты могъ это сдѣлать и повѣрить злодѣю, что онъ вернется?"

Библиотека "Руниверс"

— „Онъ далъ мнѣ въ томъ порукою великаго Угодника Божія, который не попуститъ ему солгать“.

„Но когда онъ могъ убить человѣка, то что̀ сто́итъ ему солгать святому, и тѣмъ болѣе, что онъ уличенъ въ убійствѣ и знаетъ, что будетъ казненъ“.

Но князь стоялъ на своемъ.

„Ну, дядя, чтобъ не отвѣчать за него тебѣ, если онъ не будетъ въ срокъ“, сказалъ Государь.

Въ назначенный день преступникъ явился въ Приказъ, благодарилъ князя и сказалъ, что теперь готовъ съ радостью принять заслуженную казнь.

Обрадованный князь поѣхалъ къ Государю и доложилъ объ этомъ. Петръ удивился и потребовалъ къ себѣ арестанта.

„Знаешь ли ты, что за убійство, совершенное тобою, ты долженъ быть казненъ?“

— „Вѣдаю, надежа-Царь“.

„Какъ же, вѣдая, возвратился ты на вѣрную смерть?“

— „Я далъ въ томъ порукою Св. Чудотворца Николая. Къ тому же я заслужилъ смертную казнь и приготовился къ ней покаяніемъ. Да еслибъ я и вздумалъ бѣжать, то Св. Николай не попустилъ бы мнѣ того, и я рано или поздно былъ бы пойманъ и еще бо́льшую потерпѣлъ бы муку“.

Петръ всегда оказывалъ снисхожденіе, когда видѣлъ чистосердечное раскаяніе, и прощалъ всѣхъ кромѣ убійцъ; но на этотъ разъ онъ такъ былъ тронутъ, что приказалъ замѣнить смертную казнь для этого преступника солдатскою службою въ одномъ изъ Сибирскихъ полковъ.

*

Петръ Великій любилъ появляться внезапно, гдѣ его совершенно не ожидали. Въ такихъ случаяхъ онъ ѣздилъ попросту и съ немногими. Такъ однажды онъ прибылъ въ Олонецкъ и прямо отправился въ воеводскую канцелярію. Тамъ встрѣтилъ онъ воеводу, почтеннаго сѣдаго старика.

— „Какія есть въ канцеляріи челобитныя дѣла?“ спросилъ Государь.

„Виноватъ, всемилостивѣйшій Государь, никакихъ нѣтъ“.

— „Какъ никакихъ?“

„Никакихъ, надежа-Государь“, со слезами повторяетъ воевода. „Виноватъ, Государь, я никакихъ челобитенъ не принимаю и до канцеляріи не допускаю, а всѣхъ таковыхъ соглашаю на миръ и слѣдовъ ссоры не оставляю въ канцеляріи“.

Удивился Государь такой винѣ, поднялъ воеводу, поцѣловалъ въ голову и сказалъ: „Я бы желалъ, чтобы и всѣ воеводы были такіе виноватые, какъ ты. Оставайся такимъ: Богъ тебя не оставитъ, и я не забуду“.

Библиотека "Руниверс"

Впослѣдствіи, когда между чинами Адмиралтейсъ-Коллегіи, Чернышевымъ и Крейцомъ, возникла вражда, Петръ вызвалъ Олонецкаго воеводу въ Петербургъ и опредѣлилъ прокуроромъ въ эту коллегію. При этомъ Государь сказалъ: „Старикъ! Я желаю, чтобъ ты и здѣсь былъ такъ же виноватъ, какъ въ Олонцѣ и, не принимая никакихъ жалобъ отъ членовъ, мирилъ ихъ. Ты ничѣмъ столько не услужишь мнѣ, какъ водворяя между ними миръ и согласіе“.

*

Возвращаясь изъ Олонецка въ Петербургъ, Петръ Великій встрѣтилъ священника, ѣхавшаго верхомъ, съ сумкою на груди и ружьемъ за плечами. Государь остановилъ его и спросилъ, кто онъ и куда ѣдетъ. Священникъ, не подозрѣвая, что говоритъ съ самимъ Царемъ, отвѣчалъ, что онъ попъ изъ такого-то села и ѣдетъ въ деревню своего прихода съ запасными Св. Дарами пріобщить больнаго. Государь поклонился Св. Дарамъ и спросилъ опять:

„На чтоже ты взялъ съ собою ружье?“

— „Здѣсь не очень смирно, баринъ“, отвѣчалъ священникъ. „Иногда нападаютъ злые люди на проѣзжихъ, убиваютъ и грабятъ“.

„Ну если ты кого изъ нихъ застрѣлишь, такъ вѣдь не будешь тогда попомъ?“

— „Это правда, баринъ; да какъ и меня убьютъ, такъ я не буду ужъ и человѣкомъ, а живой оставшись куда-нибудь да гожусь“.

Отвѣтъ этотъ очень понравился Государю. Онъ похвалилъ священника, записалъ его имя и пожелалъ, чтобы ему никогда не пришлось встрѣтиться съ разбойниками.

*

Петръ Великій разгнѣвался однажды за что-то на фельдмаршала Шереметева и запретилъ ему выѣзжать изъ дому. Графъ былъ такимъ образомъ лишенъ даже возможности видѣться лично съ Государемъ и испросить себѣ прощенія. Онъ прибѣгнулъ къ любимцу государеву Ивану Михайловичу Головину съ просьбою доставить ему случай увидѣться съ Царемъ. Головинъ обѣщалъ устроить такъ, что Государь самъ пріѣдетъ къ Шереметеву.

Однажды зимою, въ сильнѣйшій морозъ, Петръ поѣхалъ изъ Москвы въ Преображенское, взявъ съ собою Головина. Пришлось ѣхать по Никольской улицѣ, мимо Шереметевскаго дома *). Поравнявшись съ нимъ, Головинъ вдругъ сталъ жалобно стонать и, отговариваясь внезапною болѣзнью, побѣжалъ въ

---

*) До сихъ поръ принадлежитъ праправнуку фельдмаршала, графу С. Д. Шереметеву. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

домъ. Государь остался ожидать, но Головина нѣтъ какъ нѣтъ. Наконецъ, морозъ заставилъ Государя тоже зайти въ домъ къ Шереметеву. Фельдмаршалъ не замедлилъ воспользоваться удобнымъ случаемъ, упалъ Петру въ ноги и со слезами умолялъ о прощеніи. Тронутый Государь склонился на милость. Между тѣмъ явился и Головинъ.

„Кстати приключилась тебѣ болѣзнь", весело сказалъ ему Петръ. „Я черезъ нее избавился отъ досады, которую имѣлъ на хозяина".

— „Прости же и меня, Государь, что я изъ жалости къ хозяину притворился больнымъ, чтобы только завести ваше величество къ нему".

„Счастливъ ты, замѣтилъ Петръ, что плутовство твое удалось; но берегись впередъ такъ шутить надо мною!"

*

Живучи въ Голландіи, Петръ Великій приглашалъ въ Россію художниковъ, фабрикантовъ, ремесленниковъ и купцовъ, давая имъ разныя привилегіи. Амстердамскіе Жиды хотѣли воспользоваться удобнымъ случаемъ. Хотя они знали, что Іоаннъ Грозный выгналъ Жидовъ изъ Россіи, и послѣдующіе государи также не позволяли имъ у себя селиться, но они надѣялись, что Петръ, преобразовывая Россію и отмѣняя старые порядки, отмѣнитъ, быть можетъ, и это узаконеніе своихъ предшественниковъ. Жиды обратились къ любимцу Государя, извѣстному Витзену и просили его, чтобы онъ исходатайствовалъ имъ позволеніе селиться въ Россіи, заводить купеческія конторы и вести торговлю наравнѣ съ другими иностранцами. Они сулили громадныя выгоды Россіи отъ своего посредничества въ торговлѣ и обѣщали въ благодарность поднести Государю на первый случай сто тысячъ гульденовъ.

Витзенъ согласился и передалъ Государю просьбу Жидовъ. Петръ выслушалъ ее и отвѣчалъ улыбаясь: „Вы знаете Жидовъ, знаете и Русскихъ. Я также хорошо знаю тѣхъ и другихъ. Что касается первыхъ, то еще не время позволить Жидамъ селиться въ моемъ государствѣ. Скажите имъ отъ моего имени, что я благодарю ихъ за предложеніе, но мнѣ пришлось бы жалѣть ихъ, еслибы они поселились въ Россіи: потому что хоть и говорятъ, что Жиды въ торговлѣ всѣхъ надуваютъ, но не думаю, чтобъ они провели моихъ Русскихъ".

*

На двадцать пятомъ году своей жизни Петръ Великій захворалъ горячкою и былъ уже при смерти. Въ церквахъ день и ночь пѣлись молебны. По старому Московскому обычаю, больному Государю предложили освободить изъ тюремъ нѣсколько человѣкъ преступниковъ, приговоренныхъ къ смертной

Библиотека "Руниверс"

казни, чтобы они молились о царскомъ выздоровленіи. Петръ не только не согласился на это, но приказалъ на слѣдующій же день казнить ихъ. Приговоръ былъ исполненъ, а Государь съ того же дня сталъ поправляться.

*

Въ Лѣтнемъ саду *) былъ дубъ, посаженный Петромъ Великимъ. У этого дерева былъ сдѣланъ столъ, на которомъ, когда позволяла погода, ставили чернильницу и клали бумагу. Государь любилъ сидѣть здѣсь, размышляя и записывая свои мысли. Близъ этого мѣста ставился часовой. Однажды Царь, окончивъ писать, откинулся въ кресло и съ довольнымъ видомъ произнесъ: „Слава Богу! Кажется, теперь будетъ правда".

— „Всѣ правосудны кромѣ тебя", раздался вдругъ голосъ. Это сказалъ часовой. Государь подозвалъ его и переспросилъ. Солдатъ повторилъ свои слова.

„Какъ ты смѣешь говорить это обо мнѣ?" спросилъ Петръ.

— „Ты, государь, самъ рѣшилъ мое дѣло и, лиша меня послѣдней деревнишки, которая мнѣ досталась отъ прадѣда моего, отдалъ ее обидчику моему, человѣку знатному и богатому."

„Правду ли ты говоришь?"

— „Я не смѣлъ бы сказать неправду, твердо отвѣчалъ гренадеръ.

Государь призвалъ караульнаго офицера и приказалъ, чтобы онъ напомнилъ о Преображенскомъ гренадерѣ, когда придетъ съ рапортомъ, а при смѣнѣ передалъ бы тотъ же приказъ офицеру, который его смѣнитъ. Поутру офицеръ, отрапортовавъ Государю о состояніи караула, прибавилъ: „изволите-ли помнить о преображенскомъ гренадерѣ?"

— „Помню, братъ, помню", торопливо отвѣчалъ Петръ. На другой день офицеръ опять напоминаетъ. Отвѣтъ былъ тотъ же. Между тѣмъ Государь приказалъ подать себѣ изъ Сената дѣло, занялся имъ и, проработавъ съ утра до самаго обѣда, убѣдился, наконецъ, что противникъ гренадера съ помощью ловкаго стряпчаго такъ умѣлъ представить дѣло, что Сенатъ и самъ Государь сочли его законнымъ. Пріѣхавъ на другой день въ Сенатъ, Петръ сказалъ: „Намъ всѣмъ, особливо мнѣ, должно быть стыдно, что мы такъ грубо обмануты хитростью коварнаго ябедника. А ты, бездѣльникъ", съ гнѣвомъ сказалъ онъ обращаясь къ оберъ-секретарю, „и не думалъ предостеречь насъ. Я тебя научу, какъ вникать лучше въ дѣла. Свести его въ тюрьму на мѣсяцъ!"

Послѣ этого Государь далъ указъ отмѣнить прежнее рѣшеніе, стряпчаго сослать въ Сибирь, отнятое у солдата имѣніе возвратить ему, увеличивъ вдвое на счетъ обидчика, и сверхъ того взыскать съ послѣдняго тысячу рублей на больницы.

*

---

*) Въ Петербургѣ.

Библиотека "Руниверс"

Въ Шведскую войну Петръ Великій пріѣхалъ однажды въ Кіево-Печерскую Лавру и, отслушавъ обѣдню, посѣтилъ тамошняго архимандрита. Тотъ вздумалъ угостить посѣтителей виномъ, и одинъ изъ монаховъ съ большимъ подносомъ, уставленнымъ рюмками, подошелъ къ Государю. Государь, разговаривая съ кѣмъ-то, не замѣтилъ подошедшаго и, махнувъ рукой, опрокинулъ на себя подносъ. Всѣ рюмки разбились въ дребезги. Присутствующіе приняли это за дурное предзнаменованіе, но умный монахъ не смутился и, указывая на разбитыя стекла, сказалъ: „Такъ сокрушатся, великій Государь, силы супостатовъ твоихъ".

— „Дай Богъ, чтобы пророчество твое сбылось", отвѣчалъ весело Петръ. Между тѣмъ поданъ другой подносъ, всѣ выпили, и Государь тогоже числа отправился къ арміи.

Послѣ Полтавской битвы Петръ былъ въ Лаврѣ и послѣ обѣдни снова зашелъ къ архимандриту. Государь вспомнилъ о томъ монахѣ, который опрокинулъ на него подносъ, и приказалъ позвать его.

„Пророчество твое сбылось", сказалъ онъ ему: „супостатъ сокрушенъ, какъ тѣ рюмки, которыя ты уронилъ". И, похваливъ монаха за находчивость, тогда же далъ повелѣніе посвятить его въ архимандриты въ одинъ изъ значительныхъ монастырей.

*

Петръ Великій не разъ устраивалъ свиданія съ королями Польскимъ и Датскимъ. Въ одно изъ такихъ свиданій ихъ величества, послѣ веселаго обѣда, заспорили о томъ, чьи солдаты оказываютъ больше храбрости и безпрекословнаго повиновенія. Всякій хвалилъ своихъ. „Я бы совѣтовалъ тебѣ молчать про твоихъ Саксонцевъ", сказалъ Петръ королю Польскому, „я ихъ отлично знаю: они не многимъ лучше трусовъ-Поляковъ, а ваши (продолжалъ онъ, обращаясь къ Датскому), какъ ни стары, но противъ моихъ новыхъ не годятся". Такъ какъ собесѣдники не уступали, то рѣшено было произвести опытъ.

„Прикажите призвать сюда по одному изъ вашихъ солдатъ", сказалъ Петръ, „самаго храбраго и вѣрнаго, по вашему мнѣнію, и велите броситься изъ окна. Посмотримъ, окажутъ ли они безпрекословную готовность исполнить ваше повелѣніе, а я въ своихъ увѣренъ, и еслибы хотѣлъ изъ тщеславія обезчестить себя, пожертвовавъ человѣкомъ, то каждый безпрекословно исполнилъ бы приказаніе". Начали съ Датчанъ. Призвали одного изъ самыхъ неустрашимыхъ и преданнѣйшихъ королю гренадеръ. Король приказываетъ ему броситься изъ окна. Надо знать, что дѣло происходило въ третьемъ этажѣ. Гренадеръ падаетъ предъ своимъ государемъ на колѣни и умоляетъ о пощадѣ. Но король непреклоненъ и повторяетъ приказаніе. Солдатъ плачетъ и проситъ по крайней мѣрѣ сказать ему его вину и дать время на

Библиотека "Руниверс"

покаяніе. Петръ засмѣялся и сказалъ королю: „Полно, братъ, дай ему время на покаяніе. А съ твоими Саксонцами и пробы дѣлать не стоитъ: только осрамишься“. Затѣмъ Петръ призываетъ своего офицера и приказываетъ ему ввести какого-нибудь солдата, перваго попавшагося. Входитъ Русскій солдатъ. Государь приказываетъ ему броситься изъ окна. Тотъ идетъ къ окну и, перекрестясь, заноситъ ногу на подоконникъ. „Остановись“, кричитъ ему Государь, и выди вонъ: мнѣ тебя жаль“. Собесѣдники Петра были поражены и просили Царя наградить солдата офицерскимъ чиномъ. Русскій Царь отвѣчалъ, что у него всѣ солдаты таковы, такъ что пришлось бы всѣхъ произвести въ офицеры. „Не хотите ли“, продолжалъ онъ, „испытать другихъ? Выбирайте сами, самаго храбраго, по вашему мнѣнію, и я увѣренъ, что онъ поступитъ также“. Но государи не хотѣли продолжать опыта, а настаивали на пожалованіи солдата офицерскимъ чиномъ. Петръ согласился на ихъ просьбу, призвалъ гренадера и поздравилъ его офицеромъ, а короли пожаловали ему отъ себя по сту червонныхъ.

*

У царицы Прасковьи Ѳедоровны, невѣстки Петра Великаго, супруги царя Ивана Алексѣевича, отличавшейся древнимъ благочестіемъ, всегда было много юродивыхъ, ханжей и всякихъ чудаковъ, которые пользовались большимъ уваженіемъ. Нѣкоторые изъ нихъ считались за пророковъ. Имъ цѣловали руки и воздавали честь, какъ истиннымъ угодникамъ Божіимъ. Особеннымъ почетомъ пользовался одинъ юродивый, Архипъ Тимоѳеевичъ, отставной подъячій. Петръ Великій презиралъ этихъ тунеядцевъ, негодовалъ на тѣхъ, кто считалъ ихъ за святыхъ, и называлъ дворъ царицы Прасковьи гошпиталемъ уродовъ, ханжей и лицемѣровъ. Когда молодой Государь посѣщалъ невѣстку, то всѣ эти дармоѣды прятались и не смѣли показываться ему на глаза.

*

Однажды Петръ Великій, на пути изъ Москвы въ Петербургъ, заѣхалъ въ Иверскій монастырь и послѣ обѣдни, по просьбѣ архимандрита, зашелъ къ нему въ келью со всею свитою. Пристально посмотрѣвъ на архимандрита, Государь сказалъ ему: „Лицо твое мнѣ знакомо. Кажется я видѣлъ тебя еще міряниномъ въ Москвѣ?“ Монахъ отвѣчалъ, что онъ впервыя еще имѣетъ счастіе видѣть его величество. Но Петръ настаиваетъ на своемъ и, удалившись въ другую комнату, наединѣ допрашиваетъ монаха, не былъ ли онъ прежде въ Москвѣ. „Скажи мнѣ всю правду и не бойся ничего: я даю тебѣ въ этомъ вѣрное мое слово“.

Монахъ повалился Царю въ ноги.

Библиотека "Руниверс"

— „Я давно уже“, сказалъ онъ, „прибылъ въ Москву и сдѣлался затворникомъ въ палаткѣ подъ папертью Василія Блаженнаго“.

„Такъ это ты выставлялъ въ окно образъ Богоматери, плачущей о грѣхахъ человѣческихъ?“

— „Такъ, всемилостивѣйшій Государь“, отвѣчалъ въ страхѣ архимандритъ.

Петръ Великій былъ доволенъ признаніемъ и тѣмъ, что черезъ столько лѣтъ узналъ этого человѣка. Возвратясь въ гостиную, Государь заставилъ при всѣхъ разсказать, какъ обманщикъ устроилъ, что изъ образа текли слезы. Дѣлать было нечего. Потупивъ глаза въ землю, архимандритъ сталъ разсказывать.

— „Я вымѣнялъ образъ Знаменія Пресвятой Богородицы и на задней сторонѣ, противъ самыхъ глазъ, сдѣлалъ двѣ луночки, въ которыя клалъ по губкѣ, напитанной водою. Затѣмъ тщательно обилъ обратную сторону китайкою. Въ глазахъ прокололъ двѣ небольшія скважины, и когда приходили къ образу люди, то я, держа его обѣими руками, большими пальцами надавливалъ на тѣ мѣста, гдѣ лежали губки, и изъ скважинъ текли капли воды. Набравъ отъ усердія богомольцевъ большія деньги, я удалился въ пустынь, въ которой сдѣлался строителемъ, потомъ былъ повышенъ въ игумены и, наконецъ, сталъ архимандритомъ“.

Во время разсказа Петръ припомнилъ одинъ случай изъ своего дѣтства. Однажды онъ ѣздилъ, по приглашенію сестеръ, вмѣстѣ съ ними помолиться плачущему образу Богоматери. Въ душѣ Петра уже тогда родилось сомнѣніе, и онъ пристально смотрѣлъ на лицо человѣка, державшаго икону. Вотъ чѣмъ и объясняется, что онъ узналъ его черезъ столько лѣтъ. Исполняя данное слово, Государь оставилъ архимандрита безъ наказанія, а образъ, находившійся въ пустыни, приказалъ взять въ Синодъ, чтобы икона не была на будущее время орудіемъ корыстолюбія и суевѣрія.

*

Въ 1720 году Петръ уѣзжалъ на нѣсколько времени изъ Петербурга осматривать работы по устройству Ладожскаго канала. Въ это время въ столицѣ разнесся слухъ, что въ церкви Троицы, что на Петербургской сторонѣ, большой образъ Богоматери проливаетъ слезы. Народъ сталъ собираться толпами. Говорили, что Богородица недовольна мѣстомъ, избраннымъ для столицы, и своими слезами предвѣщаетъ гибель и новому городу, и всему государству. Тогдашній канцлеръ, графъ Гаврила Ивановичъ Головкинъ, жившій близъ церкви, отправился туда, но не былъ въ состояніи разогнать толпу и едва могъ пробраться назадъ. Онъ тотчасъ же отправилъ гонца къ Государю. Петръ немедленно бросилъ все, ѣхалъ не останавливаясь всю ночь и на

Библиотека "Руниверс"

другой день поутру былъ уже въ Петербургѣ. Онъ явился прямо въ церковь. Икона при немъ не плакала, но очевидцы подтверждали разсказы о слезахъ. Государь нѣсколько времени внимательно разсматривалъ образъ и замѣтилъ что-то подозрительное въ глазахъ иконы, но, не подавъ виду, приказалъ ее снять и отнести къ себѣ во дворецъ. Здѣсь онъ сталъ изслѣдовать икону въ присутствіи канцлера, вельможъ, высшаго духовенства и священниковъ Троицкой церкви. Когда была снята задняя доска, то въ ней, противъ глазъ, оказались углубленія, наполнявшіяся масломъ. Въ глазахъ были проколоты небольшія, едва примѣтныя, отверстія. Государь объяснилъ присутствующимъ, что углубленія наполнялись холоднымъ густымъ масломъ, которое отъ теплоты зажженныхъ предъ образомъ свѣчей растоплялось и вытекало изъ глазныхъ отверстій. Петръ, казалось, былъ очень доволенъ своимъ открытіемъ и, повидимому, не заботился объ отысканіи виновныхъ. Онъ ограничился тѣмъ, что сказалъ: „Теперь вы всѣ видѣли причину мнимыхъ слезъ. Я не сомнѣваюсь, что вы вездѣ будете разсказывать о томъ, въ чемъ увѣрились своими глазами. Это послужитъ къ опроверженію глупаго и, можетъ быть, злостнаго толкованія. Образъ же останется у меня: я поставлю его въ моей кунсткамерѣ“. А втайнѣ были употреблены всякія мѣры для отысканія виновныхъ. Черезъ нѣсколько времени ихъ открыли; они сознались во всемъ и были жестоко наказаны.

*

Недалеко отъ церкви Троицы, на Петербургской сторонѣ, на берегу Невы, росла старая высокая ольха. Однажды въ Петербургѣ разнесся слухъ, что въ наступающемъ Сентябрѣ будетъ наводненіе, и вода поднимется выше этого дерева. Слухъ этотъ встревожилъ жителей новой столицы, особенно простой народъ. Многіе дѣлали уже приготовленія, чтобы спастись въ случаѣ потопа, другіе заблаговременно переѣхали на болѣе возвышенныя мѣста около Петербурга: въ Павловскъ, Красное Село, Дудергофъ и др. Дошло объ этомъ до Петра Великаго. Онъ тотчасъ же догадался, что слухъ пущенъ былъ кѣмъ-нибудь изъ недовольныхъ и насильно переселенныхъ въ Петербургъ. Первымъ дѣломъ было срубить ольху, а затѣмъ отыскать виновнаго. Начались аресты. Нѣсколько сотъ человѣкъ допрошено, отъ кого они слышали о наводненіи. Наконецъ, оказалось, что первый сталъ распускать этотъ слухъ крестьянинъ, изъ числа тѣхъ, которыхъ Петръ перевелъ изъ внутреннихъ губерній въ окрестности Петербурга. Мужика посадили въ крѣпость и продержали тамъ до исхода Сентября. Прошелъ назначенный срокъ, а наводненія не было. Государь приказалъ объявить по городу, чтобы въ извѣстный день и часъ изъ каждаго дома явилось по одному человѣку на мѣсто, гдѣ была срубленная ольха. Здѣсь предъ собравшимся народомъ дано было предсказателю пятьсотъ ударовъ кнутомъ и прочтено увѣщаніе остерегаться на будущее время и не вѣрить нелѣпымъ слухамъ.

*

Библиотека "Руниверс"

Петръ Великій съ молодыхъ лѣтъ до конца жизни страдалъ спазмотическими припадками, послѣ которыхъ нѣкоторое время находился въ мрачномъ настроеніи. Тогда лучше было не попадаться ему на глаза. Во время припадка, неизмѣнно слѣдовавшаго за всякимъ сильнымъ волненіемъ, шея искривлялась на лѣвую сторону и лицо дергало. Говорятъ, что это стало дѣлаться съ Государемъ послѣ того, какъ онъ натерпѣлся смертнаго страху въ Троицкомъ монастырѣ во время Стрѣлецкаго бунта. Другіе считаютъ это слѣдствіемъ яда, даннаго Петру по приказанію царевны Софьи. Графъ Павелъ Ивановичъ Ягужинскій разсказывалъ однажды за столомъ у Саксонскаго посланника графа Линара о томъ средствѣ, которое самъ онъ въ бытность свою царскимъ денщикомъ употреблялъ съ успѣхомъ въ такихъ случаяхъ. Найдя Государя въ мрачномъ расположеніи духа, Ягужинскій убѣгалъ и возвращался съ Екатериною, или, если ея не находилъ, съ какою-нибудь изъ молодыхъ и красивыхъ придворныхъ дамъ, вводилъ ее безъ доклада къ Государю и оставлялъ ихъ наединѣ. Присутствіе особы прекраснаго пола, до котораго Петръ былъ большой охотникъ, оказывало благотворное вліяніе на Государя, и онъ выходилъ потомъ въ самомъ пріятномъ расположеніи духа и съ веселымъ лицомъ.

Впослѣдствіи, когда Ягужинскій оставилъ должность денщика, Балакиревъ съумѣлъ однажды вывести Царя изъ омраченія, которое продолжалось на этотъ разъ очень долго. Уже цѣлые сутки сидѣлъ Государь одинъ, опершись руками на столикъ. Никто не смѣлъ войти къ нему. Шутъ взялъ двухъ гвардейскихъ солдатъ и рано утромъ отправился съ ними къ одной женщинѣ, отличавшейся безобразною наружностью. Онъ засталъ эту бабу еще въ постели, но, въ силу будто бы царскаго указа, велѣлъ солдатамъ взять ее, и, какъ была, неумытую, растрепанную и неодѣтую, вести во дворецъ. Прибывъ туда, Балакиревъ ввелъ ее къ Государю, который сидѣлъ въ глубокой задумчивости и не замѣчалъ вошедшихъ. Шутъ бросилъ на столъ деньги и громко сказалъ, указывая на бабу: „Вотъ тебѣ, Петръ Алексѣевичъ, сто рублей: полюби ее!“ Государь, взглянувъ на бабу, разсмѣялся и позвалъ Екатерину, которая того только и ожидала. „Посмотри, Катенька“, сказалъ онъ ей: „какую чертовку привелъ ко мнѣ плутъ Балакиревъ, да еще даетъ сто рублей, чтобъ я полюбилъ ее!“

*

Петръ Великій питалъ глубокое уваженіе къ Ивану Грозному и въ разговорахъ объ этомъ Царѣ всегда доказывалъ, что онъ заслуживаетъ названіе великаго. Вотъ что̀ передавалъ по этому поводу графъ Брюммеръ, оберъмаршалъ герцога Голштинскаго.

Москва праздновала заключеніе Ништадскаго міра. Весь городъ былъ иллюминованъ. Герцогъ приказалъ поставить предъ своимъ домомъ въ Нѣ-

Библиотека "Руниверс"

мецкой слободѣ тріумфальные ворота, на которыхъ съ одной стороны былъ изображенъ Грозный ѣдущій на колесницѣ по гербамъ Россійскихъ княжествъ, а на другой Петръ Великій, также стоящій на колесницѣ, катящейся по гербамъ завоеванныхъ имъ земель и городовъ. Такое сопоставленіе показалось нѣкоторымъ неумѣстнымъ. Но герцогъ, какъ видно, лучше ихъ зналъ, чѣмъ угодить Петру *). Государь, объѣзжая въ этотъ день городъ и осматривая разныя изображенія иллюминаціи, заѣхалъ и въ Нѣмецкую Слободу. Остановившись у дома герцога Голштинскаго, онъ любовался тріумфальными воротами. Герцогъ вышелъ на улицу и извинялся, что по недостатку времени и средствъ не могъ сдѣлать иллюминацію лучше и достойнѣе его величества. Но Петру изображенія на воротахъ такъ понравились, что онъ, обнявъ герцога, поцѣловалъ его и сказалъ: „Это лучшее изъ изображеній, которыя я сегодня видѣлъ въ Москвѣ. Ваша свѣтлость выразили мою мысль. Этотъ Государь мой предшественникъ и образецъ. Я всегда считалъ его для себя примѣромъ, но не могъ еще съ нимъ сравняться. Только глупцы, незнающіе обстоятельствъ того времени, свойствъ народа и великихъ заслугъ Царя, называютъ его тираномъ“. Эту же мысль Петръ развивалъ и въ продолжительномъ разговорѣ съ герцогомъ, войдя съ нимъ въ домъ и пробывъ у него до глубокой ночи.

*

Однажды Петру Великому пришлось выслушать въ Сенатѣ нѣсколько докладовъ о хищеніяхъ, случившихся въ самое короткое время. Государь вышелъ изъ себя. „Клянусь Богомъ, что я прекращу это проклятое воровство“, воскликнулъ Петръ въ сильномъ гнѣвѣ. „Павелъ Ивановичъ“, продолжалъ онъ, обращаясь къ генералъ-прокурору Ягужинскому, „пиши тотчасъ отъ моего имени указъ по всему государству, что всякій, кто украдетъ хоть на столько, что̀ стоитъ веревка, немедленно будетъ повѣшенъ“.

Генералъ-прокуроръ взялся уже за перо, но, выслушавъ это строгое повелѣніе, сказалъ: „Петръ Алексѣевичъ! Подумай о слѣдствіяхъ такого указа!“

— „Пиши“, отвѣчалъ Государь, „что̀ я тебѣ приказалъ!“

Но Ягужинскій не начиналъ еще писать и улыбаясь замѣтилъ: „Однакожъ, всемилостивѣйшій Государь, развѣ хочешь ты остаться Императоромъ одинъ безъ подданныхъ? Мы всѣ воруемъ, только одинъ больше и примѣтнѣе другаго“.

Государь выслушалъ, засмѣялся и оставилъ приказаніе безъ подтвержденія.

*

*) Нѣмцы очень хорошо помнили про Ивана Грознаго. Его память въ Ревелѣ еще до сихъ поръ свѣжа. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

Штелинъ сообщаетъ, что между Нарвою и Ревелемъ, верстъ за сто отъ послѣдняго города, находится каменная Гальяльская церковь. Здѣсь были погребены въ 1632 году двѣ дѣвицы фонъ-Гротъ, тѣла которыхъ были нетлѣнны въ 1752 году, когда Штелинъ, проѣзжая мимо этого мѣста, приказалъ поднять надгробія и осматривалъ трупы: они были совершенно нагія, высохшія, желтоватаго цвѣта и безъ всякаго запаху. Кожа была очень похожа на выдѣланную и натянутую свиную кожу, отличалась большою упругостью и отскакивала при давленіи пальцемъ или палкою. Внутренности такъ высохли, что нельзя было ихъ ощупать. Церковникъ Шнабель разсказывалъ Штелину, что Петръ Великій, въ Шведскую войну, находясь тутъ съ войскомъ, не хотѣлъ вѣрить, что тѣла эти оставались такъ долго неповрежденными. Чтобы узнать истину, онъ приказалъ привезти тѣла къ себѣ въ лагерь и тамъ долго и внимательно разсматривалъ, объясняя своимъ приближеннымъ естественныя причины этого явленія. Потомъ онъ велѣлъ отнести ихъ обратно въ церковь и не считать этого за чудо.

*

Петръ Великій очень любилъ бывать при операціяхъ и приказывалъ извѣщать себя, если въ гошпиталяхъ или въ другомъ мѣстѣ надо было анатомировать тѣло или дѣлать операцію. Онъ любилъ и самъ производить ее и съ этою цѣлію всегда носилъ при себѣ ящикъ съ необходимыми хирургическими инструментами.

Этою страстью Государя воспользовался его камердинеръ Полубояровъ, чтобы наказать свою молоденькую и хорошенькую жену, которая слишкомъ часто нарушала супружескую вѣрность. Однажды Петръ засталъ у себя въ прихожей Полубоярова очень печальнаго. Оказалось, что у него жена давно уже мучается сильною зубною болью, но онъ никакъ не можетъ ее уговорить вырвать зубъ.

„Я тотчасъ ее уговорю", сказалъ Государь, „и скоро вылѣчу".

Они оба отправились къ больной и, не смотря ни на какія увѣренія и даже слезы, Петръ велѣлъ мужу подержать ей голову и руки и выдернулъ тотъ зубъ, который казался ему больнымъ.

Чрезъ нѣсколько дней Государь узналъ, что и въ самомъ дѣлѣ у Полубояровой никогда зубы не болѣли, и что мужъ ея сдѣлалъ это по злобѣ. Петръ призвалъ его къ себѣ, заставилъ признаться и строго наказалъ.

*

Библиотека "Руниверс"

Петръ Великій ужасно боялся таракановъ. Увидѣвъ, бывало, таракана, онъ уходилъ изъ той комнаты и даже изъ дому. Во время своихъ частыхъ путешествій Петръ не иначе входилъ въ домъ, какъ пославъ кого-нибудь изъ приближенныхъ удостовѣриться, что тамъ нѣтъ таракановъ. Разъ Государю случилось остановиться пообѣдать въ домѣ одного офицера. Все шло хорошо. Государь былъ веселъ и, уже сидя за столомъ спросилъ, нѣтъ ли въ домѣ таракановъ. Хозяинъ имѣлъ неосторожность сказать: „очень мало, а чтобы вовсе избавиться отъ нихъ, я прикололъ одного къ стѣнѣ.“ Съ этими словами онъ показалъ на стѣну, гдѣ на гвоздикѣ шевелился еще живой тараканъ. Государь вскочилъ изъ-за стола, далъ хозяину звонкую пощечину и уѣхалъ.

*

Въ 1721 году, послѣ заключенія мира со Швеціей, Петръ возымѣлъ намѣреніе воспользоваться смутами, наступившими тогда въ Персіи и предпринять походъ въ эту страну. Онъ открылъ свою мысль императрицѣ Екатеринѣ и князю Меншикову. Разговоръ происходилъ въ покояхъ императрицы, и никого изъ постороннихъ при этомъ не было. Подъ конецъ бесѣды, Государь замѣтилъ, что о намѣреніяхъ его относительно Персіи еще никто не знаетъ и потому слѣдуетъ держать это въ глубочайшей тайнѣ.

Чрезъ нѣсколько дней Петръ спросилъ какъ-то у своего денщика, не слыхать ли чего новаго.

— „Говорятъ, что мы пойдемъ въ Персію“, отвѣчалъ денщикъ.

„Какъ! вскричалъ Государь, въ Персію пойдемъ! Говори сейчасъ, отъ кого ты слышалъ про это?

— „Отъ царицына попугая. Вчера, дожидаясь вашего величества въ ея комнатахъ, слышалъ я, какъ онъ нѣсколько разъ очень ясно сказалъ: „въ Персію пойдемъ!“

Государь тотчасъ приказалъ позвать Меншикова и, отправившись съ нимъ къ Екатеринѣ, сталъ допрашивать, кто изъ нихъ разболталъ тайну. Императрица и Меншиковъ клялись, что никому не говорили. Тогда Петръ, указывая на попугая, сказалъ: „Вотъ сидитъ измѣнникъ“. Затѣмъ Государь разсказалъ, что слышалъ отъ денщика, и просилъ Екатерину, чтобы она приказала вынести отъ себя клѣтку съ попугаемъ. „Я не хочу, чтобы при мнѣ или при тебѣ были измѣнники“, прибавилъ при этомъ Петръ.

*

Однажды до Петра Великаго дошли жалобы на взяточничество судей. Государь разгнѣвался, а Ив. Ив. Бутурлинъ, бывшій при этомъ, еще подлилъ масла въ огонь, сказавъ: „Пока самъ ты не перестанешь брать взятки, не

Библиотека "Руниверс"

истребишь ихъ въ своихъ подданныхъ. Твой примѣръ дѣйствуетъ на нихъ лучше всякаго указа".

— „Какъ ты смѣешь взводить на меня такую небылицу?" кричитъ Государь на дерзкаго.

„Говорю правду", перебилъ Бутурлинъ. „Въ проѣздъ нашъ черезъ Тверь я остановится въ домѣ у купца. Самого хозяина не было; онъ уѣхалъ куда-то, а въ домѣ оставалась жена его, Ивановна, съ дѣтьми. Въ тотъ день были ея имянины, и собрались на обѣдъ гости. Пригласили и меня. Только мы сѣли за столъ, какъ приходитъ городской староста и требуетъ денегъ, говоря, что Магистратъ опредѣлилъ поднести Государю поутру въ гостинецъ большія деньги, и что по раскладкѣ на ихъ домъ пришлось сто рублей. Встревоженная имянинница проситъ обождать ея мужа, который-де завтра вернется. Ей отвѣчаютъ, что время не терпитъ. Она клянется, что у нея нѣтъ денегъ. Староста говоритъ, что безъ денегъ ему не велѣно выходить ни отъ кого изъ дому, и что если она тотъ же часъ не сыщетъ денегъ, то онъ долженъ будетъ взять ее подъ караулъ. Общее веселье превращается въ плачъ. Бѣдная Ивановна со слезами снимаетъ съ себя жемчужный уборъ и отдаетъ старостѣ. Но тотъ не беретъ его, а требуетъ денегъ. Имянинница взвыла, а гости стали расходиться, озабоченные тѣмъ, что и имъ придется платить. Я уговаривалъ старосту, чтобы онъ подождалъ до утра пріѣзда ея мужа. „Вѣдь не такая бѣда, говорилъ я, чтобы нельзя было обождать".—„Бояринъ", отвѣчалъ староста, я человѣкъ невольный, и мнѣ отсрочивать не велѣно даже до вечера". Мнѣ стало жаль хозяйку, я далъ ей свои деньги. Она такъ обрадовалась, что бросилась мнѣ въ ноги и наговорила Богъ знаетъ какихъ благодарностей. Такъ вотъ, закончилъ Бутурлинъ, каковы добровольные-то, какъ тебѣ говорятъ, подарки. Ты, я думаю, принимая ихъ, и не представляешь себѣ такихъ бѣдъ. Такъ разсуди же, Петръ Алексѣевичъ, можно ли требовать отъ подданныхъ, чтобъ они взятокъ не брали, когда видятъ, что и самъ ты берешь ихъ?"

Петръ, выслушавъ это, обнялъ Бутурлина, благодарилъ его и не только не принялъ того подарка, но велѣлъ возвратить и другимъ городамъ поднесенные ими подарки, и положилъ съ этихъ поръ за правило никогда не принимать ихъ.

*

Иванъ Михайловичъ Орловъ, денщикъ Петра Великаго, подалъ ему доносъ объ одномъ тайномъ обществѣ. Государь, прочитавъ бумагу, сунулъ ее въ карманъ, но такъ какъ карманъ распоролся, то бумага попала между сукномъ и подкладкою. Ложась спать, Государь обыкновенно приказывалъ класть кафтанъ себѣ подъ подушку, или на стулъ, возлѣ кровати.

Библиотека "Руниверс"

Когда Государь уснулъ, Орловъ, окончивши свое дежурство, отправился на всю ночь кутить съ пріятелями. Петръ, проснувшись, захотѣлъ снова прочесть записку, но не найдя ее въ карманѣ, подумалъ, что она украдена, и крайне разгнѣвался. Онъ посылаетъ за Орловымъ, который его раздѣвалъ. Того не могутъ найти. Государь посылаетъ снова и велитъ сыскать его непремѣнно и какъ можно скорѣе. Орлова ищутъ вездѣ, но найти не могутъ, а Государь пуще гнѣвается. Наконецъ, нашли Орлова. Тотъ, узнавъ, что Государь на него гнѣвается, и не зная за собою ничего, подумалъ, наконецъ, что Петръ вѣрно узналъ объ его связи съ фрейлиной Гамильтонъ, любимицею Государыни. Войдя въ комнату и увидя всѣ признаки страшнаго гнѣва, Орловъ упалъ въ ноги:

„Виноватъ, Государь, люблю Марьюшку".

Петръ сразу догадался, что не Орловъ укралъ бумагу. Въ это же время другой денщикъ, Поспѣловъ, отыскалъ ее и подалъ Царю, объявивъ, гдѣ ее нашелъ. Между тѣмъ Государь заинтересовался внезапнымъ признаніемъ Орлова.

— „Давно ли же ты ее любишь?"

„Третій годъ".

— „Бывала ли она беременна?"

„Бывала".

— „Слѣдовательно и рожала?"

„Рожала, по мертвыхъ".

— „Видѣлъ ли ты ихъ мертвыхъ?"

„Нѣтъ, не видалъ, а знаю про это отъ нея".

Между тѣмъ, незадолго до этого времени, при чисткѣ дворцовыхъ выгребныхъ ямъ, былъ найденъ мертвый младенецъ, завернутый въ дворцовую салфетку. Тогда не могли узнать виноватаго. Теперь Петру стало все ясно. Онъ тотчасъ послалъ за дѣвицею Гамильтонъ и при Орловѣ начинаетъ ее допрашивать. Къ несчастію, она вздумала запираться, клялась и божилась, но въ концѣ концовъ была уличена и повинилась, что заморила двухъ младенцевъ.

„Зналъ ли объ этомъ Орловъ?" спросилъ Государь.

Хотя Гамильтонъ дала отрицательный отвѣтъ, но Петръ приказалъ отвести Орлова въ крѣпость, а фрейлину отдать подъ судъ. Ее приговорили къ смертной казни.

Между тѣмъ Екатерина хлопотала всячески, чтобы спасти свою любимицу. Но все было напрасно. Наконецъ, императрица рѣшилась прибѣгнуть къ послѣднему средству. Она уговорила царицу Прасковью Ѳедоровну, просьбы которой Петръ всегда уважалъ, чтобы она, наканунѣ казни Гамильтонъ, пригласила къ себѣ Государя, государыню, Апраксина, Брюса и Толстова. Когда всѣ собрались, Прасковья Ѳедоровна свела рѣчь на дѣло Гамильтонъ, извиняла ея преступленіе слабостью человѣческою и стыдомъ, превозносила

Библиотека "Руниверс"

милосердіе Царя, предъ которымъ, какъ предъ Богомъ, всѣ виноваты и т. п. Апраксинъ, Брюсъ и Толстой поддерживали царицу и приводили слова Псалма: „Аще беззаконія назриши, Господи, кто постоитъ?“ Петръ все это терпѣливо слушалъ и въ заключеніе сказалъ: „Я не хочу быть ни Сауломъ, ни Аравомъ, которые, неразсудною милостію законъ Божій преступя, погибли и тѣломъ, и душою. Если вы имѣете смѣлость, то возьмите на души свои дѣло и рѣшите, какъ хотите: я спорить не буду“. Никто не посмѣлъ взять на себя рѣшеніе, и участь несчастной Гамильтонъ была рѣшена.

Наступилъ день казни. Преступница, въ бѣломъ шелковомъ платьѣ съ черными лентами, взошла на подмостки. Государь пріѣхалъ проститься съ нею; онъ поцѣловалъ ее въ голову и сказалъ: „Безъ нарушенія божественныхъ и государственныхъ законовъ не могу я спасти тебя отъ смерти; и такъ прими казнь и вѣрь, что Богъ проститъ тебя въ грѣхахъ твоихъ; помолись только Ему съ раскаяніемъ и вѣрою“. Она стала на колѣни и начала молиться. Государь отвернулся, и палачъ отрубилъ ей голову.

А Орловъ, цѣлый годъ просидѣлъ въ крѣпости: Государь все подозрѣвалъ его въ соучастіи съ Гамильтонъ. Наконецъ, однажды на ассамблеѣ, Петръ приказалъ представить себѣ Орлова и снова увѣщевалъ сознаться. „Согрѣшить есть дѣло человѣческое, говорилъ онъ, а не признаваться въ грѣхѣ, есть дѣло дьявольское“. Но такъ какъ Орловъ и на сей разъ не сознался, то Государь сказалъ: „Ну, ежели ты виноватъ, то судить тебя будетъ Богъ; потому что нѣтъ никакихъ доказательствъ, а я долженъ, наконецъ, положиться на твои клятвы“. Онъ приказалъ Орлову сбрить отросшую во время заточенія бороду, одѣться въ новый мундиръ и пожаловалъ поручикомъ гвардіи.

*

Корабельный мастеръ Гуръ Гурьевъ, котораго Петръ Великій любилъ за усердіе и исполнительность, подалъ однажды бумагу Государю, когда тотъ былъ на работахъ въ Адмиралтействѣ. Петръ думая, что она касается до работъ, принялъ ее, развернулъ и сталъ читать, но увидя, что это челобитная на Сенатъ, торопливо спросилъ:

„Это челобитная на Сенатъ?“

— „Да, Государь“, отвѣчалъ Гурьевъ.

„Да вѣдаешь ли ты, что̀ опредѣлено по законамъ тому, кто на Сенатъ бьетъ челомъ“?

— „Вѣдаю, что подвергается тотъ смертной казни, кто несправедливо на него бьетъ челомъ“.

„И ты, вѣдая сіе, просишь на него?“

— „Вѣдаю и бью челомъ“, твердо отвѣчаетъ Гурьевъ.

Библиотека "Руниверс"

„Пожалуй, Гуръ, возьми назадъ свою челобитную. Покажи ее людямъ болѣе тебя знающимъ законы и потолкуй съ ними гораздо, на чтò даю тебѣ сроку три дня. Мнѣ весьма жаль разстаться съ тобою".

Чрезъ три дня Гуръ снова подаетъ бумагу.

„Это та-же бумага?" спрашиваетъ Петръ.

— „Та-же."

„И ты показывалъ ее юристамъ?"

— „Показывалъ, Государь, и они меня оправдываютъ".

„Боюсь я, Гуръ, чтобъ ты не былъ виноватъ, и для того, пожалуйста, поищи лучшихъ юристовъ и потолкуй съ ними поприлежнѣе, разсказавъ имъ чистосердечно все дѣло, и черезъ три дня скажи мнѣ".

— „Хорошо, Государь", отвѣчаетъ Гурьевъ.

Чрезъ три дня онъ снова подаетъ свою просьбу, и снова Государь спрашиваетъ:

„Подлинно-ль ты удостовѣрился въ своей справедливости?"

— „Удостовѣрился".

„Дай Богъ, чтобъ ты былъ правъ!"

Дѣло же Гурьева состояло вотъ въ чемъ.

Сосѣдъ его по деревнѣ, человѣкъ знатный и богатый, надѣясь на свои связи съ сенаторами, завладѣлъ частію его земли. Дѣло изъ нисшихъ инстанцій дошло до Сената. Захватчикъ былъ тутъ оправданъ.

Между тѣмъ Петръ, прочитавъ челобитную, приказалъ сенатскому оберъ-секретарю въ тотъ же вечеръ быть къ себѣ съ дѣломъ Гурьева, внимательно пересмотрѣлъ его и нашелъ рѣшеніе несправедливымъ. Оберъ-секретарь не нашелъ, чтò сказать себѣ въ оправданіе.

„Чего же ты смотрѣлъ?" спрашиваетъ Государь.

— „Виноватъ, всемилостивѣйшій Государь, недоразумѣлъ".

„Недоразумѣлъ! Такъ я тебя вразумлю", сказалъ Петръ и вразумилъ оберъ-секретаря своею дубинкою. Потомъ отдалъ дѣло и приказалъ снова приготовить его на завтра къ докладу.

„Я самъ буду въ Сенатѣ", рѣшилъ Государь.

Оберъ-секретарь, возвращаясь изъ дворца, зашелъ къ старшему изъ сенаторовъ князю Якову Ѳедоровичу Долгорукому, который тоже подписалъ опредѣленіе по дѣлу Гурьева. Князь всю ночь сидѣлъ за дѣломъ и, разсмотрѣвъ его, нашелъ рѣшеніе дѣйствительно неправымъ. Рано поутру онъ отправился въ Сенатъ, захватя съ собою бумаги. Скоро пріѣхалъ и Государь. Гуръ Гурьевъ дожидался уже на крыльцѣ и своимъ поклономъ напомнилъ о своемъ дѣлѣ.

Первымъ словомъ Государя, по прибытіи въ Сенатъ, было:

„Подайте дѣло Гурьева!"

Князь Долгорукій всталъ съ мѣста, подошелъ къ Государю и сказалъ:

Библиотека "Руниверс"

„Великій Государь! Признаюсь предъ Вашимъ Величествомъ, яко предъ Самимъ Богомъ, что никогда не подписывалъ ни одного дѣла, не разсмотрѣвъ и не прочитавъ его, а это подписалъ впервыя не читая. Когда его рѣшали, я по болѣзни не могъ быть въ Сенатѣ и подписалъ дома, будучи въ постели, не читая и положась на сотоварищей моихъ, подписавшихъ оное. Но какъ узналъ я, что ты, Государь, бралъ къ себѣ сіе дѣло, то взялъ и я, разсмотрѣлъ и увидѣлъ, что Сенатъ, не вникнувъ въ дѣло, въ рѣшеніи своемъ погрѣшилъ. Чего ради и прошу простить неумышленное погрѣшеніе рабу твоему".

Петръ, ничего не сказавъ на это, далъ приказъ дѣло перерѣшить, отнятое у Гурьева возвратить, съ соперника его, за коварство, отписать столько же земли и пятьдесятъ душъ крестьянъ и отдать это Гурьеву, съ оберъ-секретаря и сенаторовъ взять по 200 рублей штрафу на гошпитали. Въ заключеніе своей резолюціи Петръ прибавилъ: „Поелику же по законамъ положена смерть тому, кто неправо бьетъ челомъ на Сенатъ, то разумѣется, что и сенаторы за неправое рѣшеніе подвергаются той-же казни, отъ которой не могу ихъ избавить, если не проститъ ихъ Гуръ Гурьевъ." Послѣ этого Государь вышелъ изъ Сената. Увидя на крыльцѣ Гурьева, онъ ударилъ его по плечу и сказалъ:

„Поди домой и ѣшь щи съ чеснокомъ".

Гурьевъ обрадовался, побѣжалъ домой и дѣйствительно расположился пообѣдать.

Между тѣмъ, по выходѣ Государя, въ Сенатѣ поднялся шумъ. Князь Яковъ упрекалъ товарищей за ихъ неосмотрительность и, можетъ быть, за пристрастіе; клялъ и свое легкомысліе, что, положась на нихъ, подписалъ неправое рѣшеніе и въ концѣ концовъ сказалъ, что нѣтъ другого исхода, какъ просить у Гурьева прощенія.

Сенаторы, пораженные приговоромъ Государя, просили Долгорукова, чтобы онъ позвалъ Гурьева къ себѣ въ домъ, куда и они всѣ пріѣдутъ. Князь послалъ за Гурьевымъ своего адъютанта, заботливо научивъ его какъ вести себя.

„Поклонись ему и скажи, что князь Долгоруковъ приказалъ его высокоблагородіе просить пожаловать теперь же къ нему въ домъ, для чего прислалъ онъ одноколку свою; онъ бы и самъ былъ къ вамъ, но старость его и недосуги мѣшаютъ.

Гурьевъ тотчасъ пріѣхалъ и едва вошелъ, какъ всѣ сенаторы окружили его и стали упрашивать простить ихъ. Гурьевъ смущенно кланялся каждому изъ нихъ, повторяя: „Богъ проститъ, ваши сіятельства и ваши превосходительства." Каждый изъ нихъ подарилъ, чѣмъ могъ, Гурьева. Послѣ этого князь Долгоруковъ поѣхалъ къ Государю и донесъ, что Гуръ Гурьевъ ихъ простилъ.

Библиотека "Руниверс"

— „Хорошо!“ сказалъ Государь, „счастливы вы, что попали на добраго человѣка, а то бы я показалъ вамъ, какъ поступаю съ тѣми, которые должны быть примѣромъ правосудія, а сами его нарушаютъ.“

Отпустивъ князя, Петръ послалъ за Гурьевымъ, съ приказаніемъ немедленно явиться. Тотъ испугался, вообразилъ себѣ, что Государь прогнѣвался на него за то, что безъ его воли простилъ сенаторовъ, и потому какъ только вошелъ къ Государю, прямо упалъ въ ноги со словами:

„Виноватъ, Государь, я ихъ простилъ!“

— „Не о томъ рѣчь, дуракъ!“ сказалъ Государь, что ты ихъ простилъ, да какъ простилъ? Не угрожали ли они чѣмъ тебѣ, буде ты ихъ не простишь?“

Гурьевъ разсказалъ подробно, какъ они его упрашивали, и кто его чѣмъ наградилъ. Петръ усмѣхнулся и отпустилъ его.

*

Кумъ и денщикъ Петра Великаго, Аѳанасій Даниловичъ Татищевъ неисполненіемъ какого-то приказанія сильно прогнѣвалъ Государя. Онъ велѣлъ наказать его за это батожьемъ передъ окнами своего дворца. Офицеръ, которому поручено было исполненіе экзекуціи, приготовилъ барабанщиковъ, и виноватый долженъ былъ самъ явиться къ нимъ. Но Татищевъ медлилъ идти и думалъ авось гнѣвъ Государя пройдетъ. Поэтому онъ тихонько пошелъ вокругъ дворца. На дорогѣ ему встрѣтился писарь кабинета Его Величества, нѣкто Замятинъ. У Татищева мелькнула блестящая мысль подставить вмѣсто себя Замятина.

„Куда ты запропастился?“ сказалъ онъ ему, „Государь тебя нѣсколько разъ уже спрашивалъ и страшно на тебя гнѣвается. Мнѣ велѣно тебя сыскать. Пойдемъ скорѣе!“ И повелъ его къ барабанщикамъ. Въ это время Государь взглянулъ въ окно и сказавъ: „Раздѣвайте!“ отошелъ прочь.

Татищевъ, будто исполняя повелѣніе Государя, закричалъ солдатамъ, указывая на Замятина:

„Чтожъ вы стали? Принимайтесь!“

Бѣднягу раздѣли, положили и начали исполнять приказаніе, а Татищевъ спрятался за уголъ.

Скоро Государю стало жаль Татищева. Выглянувъ изъ окна, онъ закричалъ: „Полно!“ и поѣхалъ въ Адмиралтейство.

А проказникъ между тѣмъ отправился къ Екатеринѣ. Государыня выразила ему свое сожалѣніе по поводу наказанія и сказала: „Какъ ты дерзокъ!“ Забываешь исполнить то, что̀ приказываютъ“.

Татищевъ, не входя въ дальнѣйшее разсужденіе, бросился ей въ ноги: „Помилуй, матушка государыня! Заступи и спаси. Вѣдь сѣкли то не меня, а подъячаго Замятина“.

— „Какъ Замятина“? спросила государыня съ безпокойствомъ.

Библиотека "Руниверс"

„Такъ, Замятина! Я, грѣшникъ, вмѣсто себя подвелъ его“.

„Что ты это надѣлалъ! Вѣдь нельзя, чтобъ Государь твоего обмана не узналъ: онъ тебя засѣчетъ“.

„О томъ-то я тебя и молю, всемилостивѣйшая государыня! Вступись за меня и отврати гнѣвъ его“.

— „Да какъ это случилось?“

„Вѣдь подъ батожье-то ложиться не весело“, отвѣчалъ Татищевъ, стоя на колѣнахъ, и разсказалъ все, какъ было.

Государыня, пожуря его, обѣщалась похлопотать.

Къ счастію, Государь пріѣхалъ съ работъ очень веселый. За обѣдомъ Екатерина заговорила о Татищевѣ и просила простить его.

„Дѣло ужъ кончено. Онъ наказанъ, и гнѣву моему конецъ“, сказалъ Государь. Надо замѣтить, что если Петръ Великій говорилъ кому-нибудь: „Богъ тебя проститъ“, то уже все забывалось, будто ничего и не было. Этихъ-то словъ и добивалась Государыня.

Немного погодя, она опять попросила, чтобъ Государь не гнѣвался болѣе на Татищева. Петръ промолчалъ.

Она въ третій разъ заговариваетъ о томъ же.

— „Да отвяжись, пожалуйста, отъ меня!“ сказалъ, наконецъ, Государь: „Ну Богъ его проститъ“. Едва были произнесены эти слова, какъ Татищевъ уже обнималъ колѣни Монарха, который подтвердилъ свое прощеніе. Тогда Татищевъ признался, что сѣченъ былъ не онъ, а Замятинъ, и въ заключеніе прибавилъ: „и ничто ему, подъячему-крючку“. Шутка эта однако не понравилась Государю.

„Я тебѣ покажу, какъ надобно поступать съ такими плутами, какъ ты“! сказалъ онъ, берясь за дубинку. Но тутъ Екатерина напомнила, что онъ уже именемъ Божіимъ простилъ виновнаго.

„Ну быть такъ“, сказалъ Государь, останавливаясь, и приказалъ разсказать, какъ было дѣло. Татищевъ чистосердечно, не утаивая ничего, все разсказалъ. Призвали Замятина, и онъ подтвердилъ, что все это правда.

„Ну, братъ, сказалъ ему Государь, прости меня, пожалуйста! Мнѣ тебя очень жаль, а что̀ дѣлать? Пеняй на плута Татищева. Однакожъ я сего не забуду и зачту побои тебѣ впередъ“.

Впослѣдствіи Петру Великому пришлось сдержать свое слово. Замятинъ попался въ какомъ-то преступленіи, за которое слѣдовало жестокое наказаніе; но Государь рѣшилъ такъ, что-де подсудимый и заслуживаетъ казни, но такъ какъ нѣкогда онъ невинно понесъ наказаніе, то и замѣнить ему оное за нынѣшнее преступленіе.

Библиотека "Руниверс"

КОРОНАЦІЯ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ ПЕРВОЙ.

7 Мая 1724 года.

Первую на Руси коронацію, съ многолюдными съѣздами, народными празднествами и пышною обстановкою, устроилъ Петръ Великій. Его собственное вѣнчаніе на царство, во время его малолѣтства, совершилось тихо; да и самое понятіе о такомъ торжествѣ было почти что незнакомо древней Руси. Оно развилось у насъ съ введеніемъ императорства по образцу Византійскому. Къ сожалѣнію, исторія Петра Великаго мало разработана, и такое безпримѣрное явленіе, какъ императорское коронованіе Екатерины до сихъ поръ не разъяснено. Слышно, что Петръ готовился къ этому торжеству въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, собиралъ справки въ Византійскихъ лѣтописяхъ, выписалъ иностранца-ювелира, которому, подъ клятвами, велѣно было готовить корону собственноручно, никому не сказывая и пр. Въ тоже время есть извѣстіе, что, уже по кончинѣ царевича Алексѣя, Государь ѣздилъ въ монастырь къ его заточенной матери, но что Меншиковъ помѣшалъ ихъ примиренію. Какія разыгрывались тутъ страсти, какая происходила страшная драмма, можно только догадываться. Ноября 16-го того же 1724 года послѣдовала казнь Монса, и великій человѣкъ не осилилъ этого нравственнаго потрясенія. Послѣдніе три мѣсяца его жизни достойны тщательнаго изученія.

Приводимъ современный разсказъ о коронаціи Екатерины и тогдашнее правительственное повѣствованіе объ этомъ торжествѣ. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

1. Разсказъ Верхгольца о коронаціи Екатерины Первой *).

Послѣ девяти часовъ мы пошли въ соборъ или каѳедральную церковь Успенія Пресвятыя Богородицы, гдѣ должно было совершиться коронованіе, и когда отдали тамъ полученные нами билеты, младшій церемоніймейстеръ провелъ насъ на мѣсто, которое мы должны были занимать, а именно на балконъ, гдѣ стояли иностранные министры. Они въ церкви хотя и присутствовали при коронованіи, но ихъ, во избѣжаніе споровъ о мѣстахъ, не пригласили ни на процессію, ни въ залу къ столу. Балконъ этотъ въ серединѣ, между ними и нами, раздѣлялся проходомъ, такъ что тронъ мы могли видѣть почти прямо передъ собою. Онъ стоялъ посрединѣ церкви, въ среднемъ ея проходѣ, между большими столбами и прямо противъ алтаря или хора и находящихся въ немъ, такъ называемыхъ, святыхъ вратъ. Это было очень широкое возвышеніе, окруженное вызолоченными перилами, на которое вели 8 или 10 ступеней такой же ширины, какъ и верхняя площадка и съ баллюстрадой по обѣимъ сторонамъ. Ступени были въ серединѣ съ уступомъ. Надъ всѣмъ этимъ висѣлъ большой великолѣпный, четыреугольный, богато обложенный золотомъ балдахинъ, который въ серединѣ свода былъ прикрѣпленъ веревкою въ руку толщины, обвитою парчей, и четырьмя золотыми шнурами, протянутыми отъ его угловъ. Возвышеніе это, сдѣланное въ формѣ четыреугольника, занимало средній проходъ церкви во всю ширину. Подъ балдахиномъ стояли для ихъ Императорскихъ Величествъ два стула (изъ которыхъ помѣщенный съ лѣвой стороны, именно для императрицы, былъ съ ручками), оба богато отдѣланные драгоцѣнными камнями. Одинъ изъ нихъ когда-то привезенъ былъ въ подарокъ изъ Персіи. Направо отъ нихъ стоялъ четыреугольный столъ, на которомъ потомъ лежали императорскія регаліи и который накрытъ былъ великолѣпной золотой ширинкой съ вышитыми по ней коронами. Какъ самый тронъ, такъ и ступени были кругомъ обиты краснымъ бархатомъ съ золотыми галунами по краямъ. У уступа, съ правой стороны, помѣщались обѣ императорскія принцессы и обѣ герцогини**), въ особой ложѣ, обтянутой золотыми и серебряными матеріями. Съ этой же стороны, немного ближе ко входнымъ дверямъ, позади обыкновеннаго императорскаго кресла, устроено было отдѣльное мѣсто для его ко-

---

*) По переводу И. Ѳ. Аммона. М. 1862, IV, 48—60.

**) Т. е. Курляндская и Мекленбургская, племянницы Петра Великаго. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

ролевскаго высочества, нашего герцога *), а по обѣимъ сторонамъ церкви тянулись балконы для дамъ, которыя не были въ робахъ.

Въ параллель съ нами, нѣсколько наискось и противъ алтаря, находился балконъ для дамъ въ робахъ, участвовавшихъ въ процессіи, также для депутатовъ, генераловъ и прочихъ здѣшнихъ вельможъ, не имѣвшихъ никакой особой должности при церемоніи коронованія. Балконъ этотъ, какъ и нашъ, въ серединѣ былъ раздѣленъ на двѣ половины. Внизу размѣщены были вокругъ всѣ прочія лица, имѣвшія билеты для входа въ церковь.

Внутренность церкви была освѣщена множествомъ восковыхъ свѣчей, и великолѣпная большая серебряная люстра особенно сильно бросалась въ глаза. Около 10-ти часовъ прибыли въ церковь обѣ старшія императорскія принцессы и обѣ герцогини; но сестры послѣднихъ, Прасковіи, не было по причинѣ нездоровья. Наконецъ, часовъ въ одиннадцать, началось шествіе Ихъ Императорскихъ Величествъ, при звонѣ всѣхъ колоколовъ и музыкѣ всѣхъ полковъ, расположенныхъ на дворцовой площади. Ихъ Величества шли пѣшкомъ отъ дворца до церкви, и не только весь этотъ путь, но и большая дворцовая терасса (Красное Крыльцо), по которой шла процессія, были устланы краснымъ сукномъ. Передъ входомъ въ церковь Государь и Государыня были встрѣчены и привѣтствованы всѣмъ духовенствомъ въ богатѣйшихъ облаченіяхъ. Шествіе изъ дворца въ церковь открывала половина отряда сформированной недавно лейбъ-гвардіи, въ сапогахъ со шпорами и съ карабинами въ рукахъ. Составляющіе этотъ отрядъ 68 человѣкъ имѣютъ всѣ офицерскіе чины; самъ Императоръ состоитъ въ немъ капитаномъ, генералъ-прокуроръ и генералъ-лейтенантъ Ягужинскій капитанъ-поручикомъ, генералъ-маіоръ Мамоновъ старшимъ поручикомъ, и т. д. Послѣ того шли, подъ предводительствомъ своего гофмейстера, 12 пажей Императрицы, всѣ въ зеленыхъ бархатныхъ кафтанахъ, парчевыхъ камзолахъ и проч., въ бѣлокурыхъ парикахъ и съ бѣлыми перьями на шляпахъ. За ними слѣдовали четыре взрослыхъ пажа или денщика Императора. Затѣмъ шелъ церемоніймейстеръ Шуваловъ **) во главѣ Лифляндскихъ, Эстляндскихъ и прочихъ депутатовъ отъ провинцій, также бригадировъ, генералъ-маіоровъ, всего генералитета и другихъ должностныхъ лицъ; потомъ—теперешній государственный маршалъ Толстой съ своимъ большимъ серебрянымъ маршальскимъ жезломъ (на верхнемъ концѣ котораго красовался двуглавый Россійскій орелъ, осыпанный драго-

*) Голштинскаго герцога, при которомъ описатель былъ камеръ-юнкеромъ. П. Б.
**) Иванъ Максимовичъ, родоначальникъ нынѣшнихъ графовъ Шуваловыхъ. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

цѣнными камнями) и въ сопровожденіи двухъ герольдовъ—оберъ-герольдмейстера Плещеева и графа Санти. Далѣе слѣдовали господа, которые несли регаліи, а именно прежде всего тайный совѣтникъ баронъ Остерманъ, тайный совѣтникъ и сенаторъ князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ, и еще двое несли на большой подушкѣ коронаціонную мантію Императрицы. Мантія эта была изъ парчи, съ вышитыми по ней двуглавыми орлами и коронами, подбитая горностаемъ и вѣсомъ, какъ говорили, въ 150 фунтовъ. Одинъ аграфъ, которымъ она застегивалась спереди, стоилъ будто бы около 100,000 рублей (вещь эта была та самая, которую недавно похищалъ въ С.-Петербургѣ несчастный ювелиръ Рокентинъ). Потомъ несены были на богатыхъ подушкахъ три собственно такъ-называемыя регаліи: держава—княземъ Долгорукимъ, бывшимъ Россійскимъ посломъ въ Даніи и Франціи, скипетръ—старымъ сенаторомъ графомъ Мусинымъ-Пушкинымъ, и новая великолѣпная императорская корона—генералъ-фельдцейхмейстеромъ графомъ Брюсомъ. За ними шелъ его величество Императоръ, въ лѣтнемъ кафтанѣ небесно-голубаго цвѣта, богато вышитомъ серебромъ, въ красныхъ шелковыхъ чулкахъ и въ шляпѣ съ бѣлымъ перомъ. Подлѣ него шли генералъ-фельдмаршалъ князь Меншиковъ и князь Репнинъ, который, какъ старшій генералъ, былъ въ этотъ день произведенъ въ фельдмаршалы. Вслѣдъ за Государемъ шествовала Ея Величество Императрица, въ богатѣйшей робѣ, сдѣланной по Испанской модѣ, и въ головномъ уборѣ, осыпанномъ драгоцѣнными камнями и жемчугомъ. Платье на ней было изъ пурпуровой штофной матеріи съ богатымъ и великолѣпнымъ золотымъ шитьемъ, и шлейфъ его несли 5 статсъ-дамъ, а именно княгиня Меншикова, супруга великаго канцлера Головкина, супруга генералъ-фельдцейхмейстера Брюса, генеральша Бутурлина и княгиня Трубецкая. Его королевское высочество, нашъ герцогъ, велъ Государыню за руку; возлѣ нихъ, въ качествѣ ассистентовъ, шли еще великій адмиралъ Апраксинъ и великій канцлеръ графъ Головкинъ, а немного позади—генералъ-лейтенантъ и генералъ-прокуроръ Ягужинскій и генералъ-маіоръ Мамоновъ, какъ капитанъ-поручикъ и поручикъ лейбъ-гвардіи ея величества. Непосредственно за ними слѣдовали 6 статсъ-дамъ Императрицы: г-жи Олсуфьева *), Кампенгаузенъ, Вильбуа, сестра княгини Меншиковой, Волынская и сестра ея—дѣвица Нарышкина, всѣ въ богатыхъ робахъ. Затѣмъ шли попарно прочія дамы, принадлежащія къ свитѣ Императрицы, именно 13 замужнихъ и 12 незамужнихъ, за ними—нѣкоторые

---

*) Урожд. Сенявина, супруга оберъ-гофмейстера. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

придворные кавалеры, и наконецъ, въ заключенiе,—другая половина лейбъ-гвардiи.

Все духовенство шло въ церковь впереди процессiи, и его высочество, нашъ герцогъ, велъ Императрицу за руку до самаго трона. Здѣсь Императоръ принялъ ее и взвелъ по ступенямъ на возвышенiе; его же высочество послѣ того прошелъ въ особо устроенную для него ложу, въ сопровожденiи лишь оберъ-камергера графа Бонде и Русскаго камергера Измайлова. Когда Императоръ взвелъ Императрицу на тронъ, и оба весьма милостиво поклонились всѣмъ присутствовавшимъ, онъ взялъ скипетръ, лежавшiй вмѣстѣ съ другими регалiями на упомянутомъ выше столѣ, отдалъ свою шляпу князю Меншикову, стоявшему позади его, и подалъ знакъ Императрицѣ сѣсть на приготовленный для нея стулъ; но она не хотѣла исполнить этого до тѣхъ поръ, пока Его Величество напередъ самъ не сѣлъ на свой стулъ по правую сторону. На тронѣ остались и всѣ тѣ, которые несли государственныя регалiи, также 5 статсъ-дамъ и 3 знатнѣйшiя придворныя дамы. На верхней ступени стояли по сторонамъ капитанъ-поручикъ и поручикъ лейбъ-гвардiи, на серединѣ—два вахмистра той же лейбъ-гвардiи, а на нижней ступени—оба герольда. Послѣ того на тронъ приглашено было духовенство, къ которому Императоръ обратился съ краткою рѣчью, и архiепископъ Новгородскiй, какъ знатнѣйшее духовное лицо, послѣ отвѣта отъ имени всего духовенства, обратился къ Императрицѣ съ благословенiемъ, которое она приняла, преклонивъ колѣна на положенную передъ ней подушку. Затѣмъ онъ взялъ императорскую корону и передалъ ее Императору, который самъ возложилъ ее на главу стоявшей на колѣняхъ Императрицы; послѣ чего придворныя дамы прикрѣпили корону какъ слѣдовало. У Ея Величества въ это время по лицу скатилось нѣсколько слезъ. Когда она, уже съ короною на головѣ, опять встала, вышеупомянутыя три дамы надѣли на нее большую императорскую мантiю, въ чемъ и самъ Императоръ усердно имъ помогалъ. Послѣ того архiепископъ вручилъ Ея Величеству державу и нѣсколько времени читалъ что-то изъ книги. Государыня вслѣдъ затѣмъ обратилась къ Его Величеству Императору и, преклонивъ правое колѣно, хотѣла какъ бы поцѣловать его ноги; но онъ, съ ласковою улыбкою, тотчасъ же поднялъ ее. Во все время коронованiя звонъ колоколовъ не умолкалъ, а когда Императоръ возложилъ на Императрицу корону, по сигнальному выстрѣлу изъ пушки, поставленной передъ церковью, раздался генеральный залпъ изъ всѣхъ орудiй, находившихся въ городѣ, и загремѣлъ бѣглый огонь всѣхъ полковъ, расположенныхъ на дворцовой площади, что́ послѣ обѣдни повторилось еще разъ, когда Императрица прiобщилась Св. Тайнъ и

Библиотека "Руниверс"

приняла мѵропомазаніе. По окончаніи обряда коронованія, духовенство сошло внизъ и удалилось въ алтарь (in das Chor), а Ихъ Величества, Императоръ и Императрица, отдавъ обратно скипетръ и державу, спустились съ трона и прошли къ своимъ отдѣльнымъ сѣдалищамъ, между которыми до сихъ поръ находится старое патріаршее мѣсто, и которыя устроены передъ иконостасомъ, по обѣ его стороны. Тамъ пробыли они во все продолженіе обѣдни. Между тѣмъ у трона не оставалось никого, кромѣ стараго сенатора графа Пушкина при регаліяхъ и 6-ти офицеровъ лейбъ-гвардіи по обѣимъ сторонамъ ступеней. Послѣ обѣдни великій адмиралъ Апраксинъ и великій канцлеръ графъ Головкинъ провели Императрицу отъ ея великолѣпнаго сѣдалища къ алтарю, гдѣ она, передъ такъ-называемыми святыми (царскими) дверьми, стала на колѣни на парчевую подушку и приняла святое причастіе, а потомъ была помазана архіепископомъ Новгородскимъ. Когда, послѣ этого священнодѣйствія, тѣ же господа отвели Ея Величество на прежнее мѣсто, архіепископъ Псковскій, тамъ же передъ алтаремъ, гдѣ совершилось мѵропомазаніе Государыни, началъ говорить проповѣдь, которая продолжалась добрыхъ полчаса. Онъ превозносилъ необыкновенныя добродѣтели Императрицы и доказывалъ, какъ справедливо Богъ и Государь даровали ей Россійскую корону. Проповѣдь свою архипастырь заключилъ поздравленіемъ отъ имени всѣхъ сословій Россійскаго государства. По окончаніи литургіи и всего вообще богослуженія, оберъ-маршалъ Толстой и церемоніймейстеръ объявили приказаніе, чтобы всѣ участвовавшіе въ процессіи шли въ другую соборную церковь. Тогда его королевское высочество подошелъ опять къ Императрицѣ и повелъ ее къ другой церкви, находящейся напротивъ, на той же дворцовой площади, и извѣстной подъ названіемъ собора Архангела Михаила, гдѣ погребены всѣ цари и гдѣ гробницы ихъ видны за рѣшетками вдоль стѣнъ. Тамъ, по здѣшнему обыкновенію, Императрица должна была еще выслушать краткій молебенъ. Лейбъ-гвардія между тѣмъ прошла впередъ и заняла дорогу туда, которая также была выложена досками и обита краснымъ сукномъ. Государыня шла по ней съ короной на головѣ и въ тяжелой императорской мантіи и ведена была его королевскимъ высочествомъ подъ богатымъ балдахиномъ съ золотымъ шитьемъ и такою же бахрамою, который держался на шести серебряныхъ столбикахъ и несенъ былъ шестью генералъ-маіорами. Четыре флотскихъ лейтенанта придерживали его еще съ боковъ, чтобъ онъ не подавался ни въ какую сторону. За Ея Величествомъ слѣдовали здѣсь только 5 статсъ-дамъ, обязанныхъ нести шлейфъ, 6 придворныхъ дамъ и наконецъ—всѣ прочія дамы, которыя были въ робахъ, 12 пажей и придворные кавалеры Императрицы (ко-

Библиотека "Руниверс"

торые, впрочемъ, шли впереди), да еще великій адмиралъ Апраксинъ и великій канцлеръ Головкинъ, шедшіе вмѣстѣ съ обоими старшими офицерами лейбъ-гвардіи, по сторонамъ возлѣ Государыни. Императоръ же во время этой процессіи прошелъ изъ большой церкви, гдѣ совершилось коронованіе, во дворецъ, гдѣ назначался коронаціонный обѣдъ.

Князь Меншиковъ бросалъ въ народъ маленькія золотыя и серебряныя медали и ходилъ въ сопровожденіи статсъ-коммиссаровъ Принценштіерна и еще другаго, по фамиліи Плещеева, носившихъ эти монеты въ большихъ красныхъ бархатныхъ мѣшкахъ, на которыхъ вышитъ былъ императорскій орелъ. Обѣ императорскія принцессы, вмѣстѣ съ обѣими герцогинями, Курляндской и Мекленбургской, отправились еще прежде Императрицы изъ церкви во дворецъ, и оттуда смотрѣли изъ своей галереи на шествіе въ другую церковь. Послѣ того какъ и тамъ нѣсколько духовныхъ лицъ въ богатыхъ облаченіяхъ встрѣтило Императрицу и провело ее во внутренность храма, его высочество съ дамами остался внѣ церкви и ждалъ окончанія молебна. Въ это время, по данному сигналу, въ третій и послѣдній разъ раздался генеральный залпъ изъ орудій съ городскихъ стѣнъ, смѣшанный съ батальнымъ огнемъ полковъ, стоявшихъ на дворцовой площади. Послѣ краткаго молебна его высочество повелъ Императрицу изъ церкви къ великолѣпной парадной каретѣ, которая между тѣмъ подъѣхала туда. Это была огромная машина съ богатой позолотой и живописью. Дѣлали ее, говорятъ, въ Парижѣ, и она въ серединѣ, на верху кузова, украшалась серебряною вызолоченною императорскою короною. Императрица своею большою мантіею заняла почти всю внутренность этой машины и поѣхала еще въ третью церковь, находящуюся у самаго въѣзда въ Кремль, въ одномъ знаменитомъ женскомъ монастырѣ, гдѣ похоронены всѣ царицы и царевны и куда во время коронаціи цари и царицы, изъ благочестія, всегда имѣли обыкновеніе также заѣзжать *). Карету везли 8 прекрасныхъ лошадей, и составился опять великолѣпный поѣздъ. За Императрицею слѣдовала другая карета въ 6 лошадей, въ которой сидѣли великій адмиралъ и великій канцлеръ, долженствовавшіе вести Императрицу въ монастырскую церковь вмѣсто его высочества. Генералъ-лейтенантъ Ласси ѣхалъ верхомъ возлѣ императорской кареты и бросалъ въ народъ и въ войско золотыя и серебряныя медали, въ чемъ ему помогали, въ качествѣ ассистентовъ, еще двое—маіоръ и капитанъ. Черезъ пол-

*) Здѣсь говорится о Вознесенскомъ монастырѣ.

Библиотека "Руниверс"

часа Государыня въ томъ же порядкѣ возвратилась во дворецъ, гдѣ его высочество, нашъ герцогъ, высадилъ ее изъ кареты у большаго крыльца (Краснаго); тутъ же стояли опять на-готовѣ и 5 статсъ-дамъ, чтобы нести шлейфъ императорской мантіи. Отсюда Ея Величество, подъ тѣмъ же балдахиномъ и въ сопровожденіи всѣхъ дамъ, пошла вверхъ по широкому дворцовому крыльцу, и шествіе это подвигалось впередъ очень медленно; потому что она, вслѣдствіе тяжести своего одѣянія, нѣсколько разъ останавливалась отдыхать. Его высочество, проводивъ ее до комнаты, гдѣ она должна была снять корону и мантію, отправился опять въ большую залу, и остановился тамъ до тѣхъ поръ, пока церемоніймейстеръ не пригласилъ его вести Императрицу къ столу, куда Ея Величество шла уже только въ робѣ. Какъ скоро герцогъ провелъ ее подъ балдахинъ, подъ которымъ стоялъ императорскій столъ, Ихъ Величества сѣли за послѣдній,—Императоръ съ правой, а Императрица съ лѣвой стороны; его же высочество сѣлъ одинъ за поставленный близъ трона маленькій столъ, за которымъ ему прислуживали офицеры императорской гвардіи. Прочіе столы были также заняты, а именно: ближайшій къ герцогу духовенствомъ въ числѣ только 19-ти знатнѣйшихъ пастырей; другой, ближайшій къ Императору, сенаторами, генералами и прочими знатными должностными лицами, въ числѣ которыхъ находился и младшій принцъ Гессенъ-Гомбургскій, третій—дамами, наконецъ четвертый и послѣдній, ближайшій къ духовенству, депутатами и офицерами. Передъ императорскимъ столомъ стояли съ правой стороны—оберъ-маршалъ, съ лѣвой—гофъ-маршалъ, а по обѣимъ сторонамъ возлѣ трона—генералъ-лейтенантъ Ягужинскій и генералъ-маіоръ Мамоновъ. Оберъ-шенкъ Апраксинъ разрѣзывалъ кушанья при императорскомъ столѣ; два генералъ-адъютанта, Нарышкинъ и Волынскій, прислуживали Императору, а оба каммеръ-юнкера, Монсъ и Балкъ, Императрицѣ. Большой оркестръ, состоявшій изъ сорока слишкомъ музыкантовъ подъ управленіемъ герцогскаго перваго скрипача Гюбнера, тотчасъ же началъ играть. Столы были два раза уставляемы кушаньями. Послѣ первой подачи князь Меншиковъ всталъ съ своего мѣста и изъ краснаго бархатнаго мѣшка, который несъ за нимъ статсъ-коммиссаръ Принценштіернъ, началъ раздавать всѣмъ сидѣвшимъ за столами золотыя медали, вѣсомъ отъ 10-ти до 12-ти червонцевъ. Въ это время обѣ принцессы и обѣ герцогини вышли изъ своей ложи и отправились, безъ сомнѣнія, также кушать. Послѣ того за всѣми столами пили первый тостъ—за здоровье Императора. Во второй разъ на столы поданы были одни сласти, причемъ на столахъ Императора и его высочества перемѣнили ска-

Библиотека "Руниверс"

терти (которыхъ накрыто было двѣ, одна на другую), салфетки, ножи и вилки.

Въ тоже время отданъ былъ народу большой жареный быкъ, стоявшій передъ дворцомъ среди площади, на высокомъ, обитомъ краснымъ холстомъ, помостѣ, на который со всѣхъ сторонъ вели ступени. По обѣимъ сторонамъ его стояли два фонтана, которые били вверхъ краснымъ и бѣлымъ виномъ, нарочно проведеннымъ, посредствомъ трубъ, съ высокой колокольни Ивана Великаго подъ землю и потомъ прямо въ фонтаны, для сообщенія имъ бо́льшей силы. Народъ и солдаты веселились при этомъ на славу, и Его Величество Императоръ самъ нѣсколько времени съ большимъ удовольствіемъ смотрѣлъ на нихъ изъ оконъ, радуясь въ тоже время случаю, который позволилъ ему, наконецъ, встать на нѣсколько минутъ и освободиться отъ долгаго сидѣнья. Онъ самъ обнаружилъ это, сказавъ, что продолжительное и недвижное сидѣнье за обѣдомъ, должно быть, выдумано въ наказаніе большимъ господамъ. Когда Государь сѣлъ опять въ свое кресло, начали пить и за здоровье Императрицы. Послѣ того Ихъ Величества встали, и всѣ сидѣвшіе за столами послѣдовали ихъ примѣру. Весь обѣдъ продолжался около двухъ часовъ. Черезъ полчаса Ихъ Величества въ прежнемъ порядкѣ вышли изъ обѣденной залы, и герцогъ провелъ Императрицу до ея комнаты. Его высочество, поговоривъ послѣ того нѣсколько времени съ нѣкоторыми изъ Русскихъ господъ, воротился въ залу и затѣмъ въ описанномъ уже мною порядкѣ отправился съ своею свитою домой въ Слободу. Вечеромъ весь городъ былъ иллюминованъ.

8. Мая въ часъ пополудни, его высочество поѣхалъ въ Кремль на торжественную аудіенцію, назначенную для принесенія оффиціальнаго поздравленія Императрицѣ по поводу совершившагося коронованія. Кромѣ герцога, поздравляли ее, со многими церемоніями, и многіе другіе. Государыня сидѣла на тронѣ, окруженная съ одной стороны сенаторами, генералами и другими знатными лицами, а съ другой—дамами. Послѣ его высочества и его свиты подводимы были къ трону и цѣловали руку Ея Величеству сначала всѣ иностранные министры, потомъ принцессы, за ними всѣ знатныя дамы и кавалеры, и наконецъ также нѣкоторые иностранные купцы. Въ числѣ поздравителей находился и самъ Императоръ. Онъ, какъ генералъ и полковникъ гвардіи, по порядку старшинства, принесъ свое поздравленіе Императрицѣ, поцѣловалъ ее въ руку и въ губы. По окончаніи этой церемоніи, Ея Величество оставила Кремль и проѣхала черезъ весь городъ назадъ въ занимаемый ею загородный домъ, который не-

Библиотека "Руниверс"

далеко отъ Нѣмецкой Слободы. Она провела въ Кремлѣ двѣ ночи; но Императоръ уѣхалъ оттуда еще вечеромъ, въ день коронаціи.

10-го, вечеромъ, происходило большое торжество позади Кремля, на площади, называемой *Царицынъ Лугъ* (Zaritzalu) гдѣ въ заключеніе, въ честь коронаціи, сожженъ былъ великолѣпный фейерверкъ [1]. Передъ тѣмъ въ Кремлевскомъ дворцѣ Императрица принимала поздравленія отъ лицъ, не успѣвшихъ исполнить это въ первый день; потомъ былъ обѣдъ, и упомянутый фейерверкъ, который продолжался болѣе двухъ часовъ. Не думаю, чтобъ бывало на свѣтѣ много подобныхъ ему. Глядя на совершившееся коронованіе, нельзя было не дивиться Промыслу Божію, возведшему Императрицу изъ низкаго состоянія, въ которомъ она родилась и прежде пребывала, на вершину человѣческихъ почестей.

11-го, по утру, повѣщено было съ барабаннымъ боемъ, чтобы къ полудню всѣ верейки и боты собрались на назначенномъ мѣстѣ, потому что Императору хотѣлось со всѣмъ дворомъ и нѣкоторыми вельможами повеселиться за городомъ и предпринять поѣздку водою вплоть до стараго царскаго увеселительнаго дворца въ селѣ Коломенскомъ, до котораго, если ѣхать по рѣкѣ, считается верстъ двадцать.

II. Описаніе коронаціи Ея Величества Императрицы Екатерины Алексіевны, торжественно отправленной въ царствующемъ градѣ Москвѣ, 7 Маія 1724 года [2].

Его Императорское Величество Всероссійскій, будучи по примѣру обычаевъ во всѣхъ христіанскихъ государствахъ установленныхъ, всемилостивѣйше намѣренъ свою любезнѣйшую супругу, Ея Императрицыно Величество торжественно короновать, о семъ своемъ высокомъ намѣреніи и о причинахъ къ тому онаго побуждающихъ, чрезъ выданной въ 15 день Ноября 1723 году манифестъ [3]), всѣмъ своимъ вѣрнымъ подданнымъ объявилъ.

---

[1]) Это мѣсто, близъ нынѣшней Болотной площади. П. Б.

[2]) Перепечатывается съ современнаго изданія, изданнаго въ Петербургѣ въ томъ же году, при Сенатѣ, Сентября 5 дня, въ листъ. П. Б.

[3]) Въ этомъ манифестѣ Петръ Великій ссылается на Византійскихъ императоровъ: „Василискъ супругу свою Зиновію, Юстиніанъ супругу свою Люпицію, Ираклій — Мартинію, Левъ Премудрый—Марію императорскимъ вѣнцемъ короновали. Про Екатерину сказано, что она во время войны великою помощницею была и, „отложа немощь женскую, мужески, а не женски поступала“. „Того ради, данною намъ отъ Бога самовластію, за такіе супруги нашея труды коронаціею короны почтить, еже нынѣшнія зимы въ Москвѣ имѣетъ совершено быть“.

Библиотека "Руниверс"

И посему Его Величество высокому намѣренію, отправлены были изъ Санктпетербурга въ томъ же Ноябрѣ мѣсяцѣ 1723 году, въ Москву для пріуготовленія къ помянутой коронаціи всѣхъ потребностей, Св. Правительствующаго Синода первый архіепископъ Новгородскій и дѣйствительный тайный совѣтникъ и кавалеръ графъ Петръ Андреевичъ Толстой *).

И потомъ въ Февралѣ мѣсяцѣ 1724 года, Его Императорское Величество, купно съ Ея Величествомъ Государынею Императрицею, изъ Санктпетербурга походъ свой воспріяли къ Олонецкимъ марціальнымъ водамъ. И по употребленіи оныхъ прибыли Ихъ Величества въ Москву Марта 22 дня.

И когда къ сему торжественному случаю потребныя пріуготовленія къ окончанію пришли, тогда отъ Его Императорскаго Величества ко отправленію сего торжества назначенъ былъ день 7 Маія, и о томъ во всей Москвѣ за два дни, со обыкновенными церемоніями, съ трубачами и съ литаврами, публичное объявленіе учинено было.

Ради той торжественной церемоніи въ Кремлѣ (то есть зáмокъ въ срединѣ города Москвы, въ которомъ прежніе Императоры Всероссійскіе, предки Его нынѣ владѣющаго Его Императорскаго Величества, обыкновенную свою резиденцію имѣли), на площади предъ императорскими палатами, построены были два мѣста широтою 15 футовъ, покрытые краснымъ сукномъ, одинъ отъ такъ называемаго Краснаго Крыльца (то есть большой лѣстницы къ императорскимъ палатамъ) даже до дверей соборной церкви, а другой отъ соборной церкви даже до церкви Михаила Архангела.

Соборная церковь, гдѣ коронаціи церемонія отправлена быть имѣла, украшена была всякимъ дражайшимъ уборомъ, сколько по Греческому закону позволяется (ибо по Греческому закону не позволено образà святыхъ какими шпалерами или иными украшеніями покрывать).

Между многими въ церкви висящими паникадилами особливо украшено было большое между алтаремъ и престоломъ, въ среди той соборной церкви висящее, изъ литаго серебра сдѣланное, которое ради чрезвычайной вышины и величины и дивной работы, весьма за наидивнѣйшее во всей Европѣ почтено быть можетъ, и въ немъ поставлены были золотыя свѣчи.

Вдоль предъ алтаремъ сущія три степени, такожде и полъ церковной отъ алтаря до трона и до мѣста церковнаго, Ея Величества Государыни Императрицы, послано было богатыми коврами золотыми.

---

*) Одинъ изъ поимщиковъ царевича Алексѣя Петровича. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

По обѣимъ сторонамъ среди церкви отъ алтаря даже до трона внизу на полу церковномъ, поставлены были скамьи, кармазиннымъ сукномъ обитыя, для архіереевъ и властей духовныхъ.

Въ среди церкви, супротивъ алтаря, висѣлъ балдахинъ изъ кармазиннаго бархата, и на немъ, внутри того балдахина, вышитъ былъ гербъ Всероссійскій, Орелъ Черной, у котораго на грудяхъ Святой Георгій, вкругъ его кавалерія съ крестомъ Святаго Андрея; а по сторонамъ того Всероссійскаго герба шесть гербовъ: Кіевской, Владимирской, Новгородской, Казанской, Астраханской и Сибирской, каждый своимъ надлежащимъ колеромъ вышитъ.

Оной балдахинъ вышитъ былъ весь золотомъ, высокою работою чисто, и убранъ богатыми бахрамами, яблоками, кистьми, снурами золотыми, и протчее все зѣло богато убрано было; а утверженъ былъ оной балдахинъ къ висящей цѣпи, отъ своду церковнаго позументомъ золотнымъ обшитой, и тремя кистьми золотыми же украшенной. А отъ четырехъ краевъ до верху, толстая изъ золота съ краснымъ шелкомъ сдѣланная вервь пирамидою привязана.

Подъ помянутымъ балдахиномъ утвержденъ былъ тронъ, весь позолоченой и живописною работою украшенный, вышиною въ 3 аршина, а шириною со всѣхъ сторонъ 6 аршинъ, и полъ, не считая двѣнадцати его степеней и между степенями оставленныхъ двухъ простыхъ мѣстъ.

Въ кругѣ трона, по обѣимъ сторонамъ степеней до самаго низу, сдѣлано было перило 3 фута вышиною, изъ различныхъ іероглифическихъ фигуръ и рѣзьбы, а для способнаго доступу ради отправленія церемоніи, оное перило по обоимъ концамъ къ низу, къ алтарю, расширилося въ формѣ циркуля.

Полъ того трона и степени обиты были кармазиннымъ бархатомъ съ золотымъ позументомъ, весьма богато обшитымъ.

На самомъ тронѣ, подъ вышеозначеннымъ балдахиномъ, поставлены были въ размѣрномъ разстояніи между собою Ихъ Императорскихъ Величествъ двои креслы, драгоцѣнными каменьями украшенныя, древней работы, одни на правой для Императора, а другія на лѣвой сторонѣ для Императрицы.

Тутъ же, немного вправо отъ креслъ Его Императорскаго Величества, стоялъ длинной столъ, покрытый богатою золотою парчею до самаго пола, на которомъ положены были императорскія регаліи.

Ординарныя императорскія въ той церкви два мѣста убиты были, какъ внутри, такъ и снаружи, золотою парчею съ золотыми богатыми подушками, и обиты подъ ногами алымъ бархатомъ съ позу ментами золотыми.

Библиотека "Руниверс"

Между двумя середними большими столпами, по правой сторонѣ, вдоль подлѣ степеней отъ трона, построено было мѣсто изрядными шпалерами, и золотою парчею (на которой золотые орлы чисто вышиты) обитое, съ котораго ихъ императорскія высочества государыни цесаревны, такожде и герцогини Мекленбургская, да Курляндская, всю церемонію смотрѣть изволили.

Позади того мѣста построено было мѣсто жъ особливое для его королевскаго высочества герцога Голштинскаго, убито богатыми золотыми шпалерами и золотыми жъ коврами.

По лѣвой сторонѣ ординарнаго мѣста Ея Величества Государыни Императрицы такожде сдѣлано было малое мѣсто въ формѣ амфитеатра, гдѣ стояли тѣ пять дамъ, которыя послѣ церемоніи за Императрицею идти имѣли до Вознесенскаго монастыря, дабы имъ по выходѣ Ея Величества Императрицы изъ кареты у Вознесенскаго монастыря, нести конецъ императорской мантіи. А именно: генераловъ-лейтенантовъ, господина Ягушинского и господина Матюшкина, да генераловъ-маэоровъ, господина Гинтера, господина Балка *), господина князя Трубецкого, жены.

По правой сторонѣ большихъ дверей соборной церкви, гдѣ входъ Ея Величества Императрицы быть имѣлъ, построено было мѣсто-жъ вышиною футъ, а 12 футовъ длиною и 8 футовъ шириною, на которомъ шестеро генералы-маэоры, а именно господа: Чекинъ, Волковъ, Ушаковъ, князь Юсуповъ, Салтыковъ и контра-адмиралъ Синявинъ держали другій весьма богатый балдахинъ на шести литыхъ серебрянныхъ штангахъ, на которыхъ было по 8 орловъ съ коронами и по 4 цвѣтка вызолоченые, а подлѣ каждаго штанга съ верху привѣшено было по одной кистѣ золотой массивной, на снурахъ золотныхъ же, подъ которымъ балдахиномъ Ея Величество Императрица, по окончаніи коронаціи, изъ соборной церкви до церкви-жъ Михаила Архангела итить изволила.

У западной стѣны соборной церкви, супротивъ алтаря, позади престола, построены были двѣ галереи въ формѣ амфитеатра съ перилами, красными шпалерами обиты и перегорожены. Въ первой галереѣ, въ первомъ перегородкѣ по правой сторонѣ отъ алтаря, стояли генералы и прочія знатныя особы, при оной церемоніи присутствующія, а въ другомъ перегородкѣ ближе трона, по правой же рукѣ, знатнѣйшія дамы и дѣвицы. Въ другой галереѣ, по лѣвой сторонѣ отъ алтаря, такимъ же образомъ убранной, въ первомъ перегородкѣ

*) 16 Ноября того же года этой „генералъ-маіоршѣ Балкиной", какъ она названа въ Камерфурьерскомъ журналѣ, на Троицкой площади въ Петербургѣ, отрублена голова. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

стояли чужестранные министры, а въ другомъ прочіе господа и кавалеры иностранные, которые ту славную церемонію смотрѣть желали.

Такія жъ галереи построены были вдоль по обѣимъ сторонамъ церкви, на которыхъ стояли знатнѣйшаго женскаго полу особы, которымъ для входу въ церковь даны были билеты.

На нижнемъ полу, кругъ церкви, между престоломъ и помянутыми галереями, сдѣланъ мостъ изъ досокъ въ формѣ жъ амфитеатра, на которомъ стояли кавалеры Россійской націи, которые не были въ чину при церемоніи.

Дамы и дѣвицы, которыя призваны были къ сей церемоніи, одѣты были въ придворномъ платьѣ, въ робахъ изъ золотыхъ и серебряныхъ парчей и золотомъ и серебромъ шитыхъ и убраны премногими алмазами; господа и другіе кавалеры такожъ пребогато убраны были.

Наканунѣ дня коронованія Ея Величества, Ихъ Императорскія Величества, со всею своею Августѣйшею фамиліею, изволили поитить изъ своего лѣтняго дворца въ императорскую резиденцію Кремль (которой стараніемъ верховнаго маршала графа Толстаго, гдѣ надлежало, недавно поправленъ былъ, ибо больше 20 лѣтъ Ихъ Императорскія Величества во ономъ не резидовали), и въ императорскихъ покояхъ того замка ночевать изволили [1]).

При наступленіи тоя ночи въ вечеру, какъ въ главномъ Успенскомъ, такъ и въ прочихъ соборахъ, монастыряхъ и приходскихъ церквахъ, по всей Москвѣ учиненъ былъ благовѣстъ и звонъ во всѣ колокола, и отправлена во оныхъ служба Божія обыкновенная предъ коронаціею.

7-го Мая поутру, обѣ гвардіи Его Императорскаго Величества и прочіе баталіоны пришли въ Кремль и поставлены были на площади Ивановской подъ командою и управленіемъ господина брегадира и отъ лейбъ-гвардіи маэора Румянцова. А отъ самыхъ апартаментовъ императорскихъ, какъ въ верху и по большому крыльцу, называемому Красному и по мосту, который отъ того крыльца до церкви соборной сдѣланъ былъ, поставлены были по обѣимъ сторонамъ гранодеры отъ гвардіи съ ихъ гранодерскими шапками, плюмажами убранными.

А между тѣмъ знатнѣйшія персоны и прочіе чины, опредѣленные къ церемоніи коронаціи, какъ мужскаго полу, такъ и женскаго, всѣ убранные въ галлѣ [2]), съ превеликимъ богатствомъ собирались въ

[1]) Древній Кремлевскій дворецъ, мѣсто рожденія Петра Великаго, къ концу его царствованія, стоялъ въ совершенномъ запустѣніи. Намъ случилось читать рукописное описаніе его за то время: въ каждомъ почти покоѣ кучи навозу, разбитыя печи и пр. Къ коронаціи Екатерины кое-какъ поправили нѣкоторыя части дворца, но жить въ немъ все таки было нельзя. П. Б.

[2]) Французское gala—большой пиръ.

Библиотека "Руниверс"

большой салѣ, называемой столовой, нарочно для того пристойнымъ образомъ убранной, куда и его королевское высочество герцогъ Голштинской, со всѣмъ своимъ дворомъ, въ пребогатомъ нарядѣ прибыть изволилъ.

Въ началѣ 9-го часу по полуночи, въ Успенскомъ соборѣ начали въ одинъ большой колоколъ благовѣстить и, собрався въ оной соборъ архiереи и власти духовныя, отправили молебное пѣнiе о многолѣтномъ здравiи Ихъ Императорскихъ Величествъ, по окончанiи же молебна и часовъ литургiйныхъ помянутые архiереи и власти, во священномъ одѣянiи, ожидали въ той соборной церкви пришествiя Ихъ Императорскихъ Величествъ. Его Императорское Величество, между тѣмъ, изъ своихъ апартаментовъ вышелъ въ помянутую салу собранiя.

И когда Ея Императрицыно Величество, во своихъ апартементахъ, во одежды убралась, и всѣ чины и потребности къ коронацiи предуготовились, тогда, о 10-мъ часу предъ полуднемъ, учинено изъ апартаментовъ императорскихъ шествiе Ихъ Величествъ въ соборъ Успенской публично, слѣдующимъ образомъ.

1. Маршъ начался половиною кавалеръ-гвардiи императорской съ офицерами оной напереди.

2. Слѣдовали пажи Ея Величества Императрицы съ своимъ губернаторомъ.

3. За ними шелъ первый церемонiймейстеръ брегадиръ Шуваловъ, имѣя въ рукахъ посохъ своего достоинства; товарищи же его полковникъ Андрей Вельяминовъ и совѣтникъ камеръ-колегiи Наумовъ были въ церкви, чтобъ уставить тѣ персоны, которыя для смотрѣнiя во оную пришли, такожъ и тѣ, которыя при церемонiи и въ процессiи были, какъ они въ помянутую церковь вошли.

4. Слѣдовали господа депутаты изъ провинцiй, брегадиры и которые въ рангѣ бригадирскомъ, за ними господа генералы-маiоры и другiе того рангу.

Потомъ господа генералъ-лейтенанты и за ними господа генералы.

5. За ними шли оба герольдмейстеры Имперiи, господинъ Плещеевъ и господинъ графъ Сантiй со знаками своего достоинства въ рукахъ, одѣты въ герольдское платье изъ кармазиннаго бархата золотомъ вышито, на которыхъ былъ императорской орелъ.

6. Слѣдовали регалiи императорскiя (которыя по утру зѣло рано принесены были изъ казенной палаты на зѣло богатыхъ золотоглавыхъ подушкахъ и поставлены были на столѣ въ одной салѣ тѣхъ палатъ противъ покоевъ Ихъ Величествъ), а именно императорская

25*

Библиотека "Руниверс"

епанча, которую несли на дву подушкахъ господа тайные совѣтники принцъ Голицынъ и баронъ Остерманъ.

За ними слѣдовали господинъ тайный совѣтникъ князь Долгорукой, который несъ державу на подушкѣ и господинъ тайный дѣйствительный совѣтникъ графъ Мусинъ-Пушкинъ, который несъ скипертъ на подушкѣ жъ.

За ними шелъ генералъ графъ Брюсъ, который несъ карону императорскую на подушкѣ жъ.

7. Слѣдовалъ господинъ графъ Толстой, верховной маршалъ съ своимъ маршалъ-штабомъ, на которомъ на верхнемъ концѣ сдѣланъ былъ императорскій орелъ золотой, а надъ орломъ былъ изумрудъ съ яйцо величиною.

8. Его Императорское Величество, а по обѣ стороны немного позади шли два Его Величества ассистента, господа генералы фельтмаршалы князь Меншиковъ и князь Репнинъ.

9. За Его Императорскимъ Величествомъ слѣдовала Ея Величество Императрица, которую велъ его королевское высочество герцогъ Шлезвикъ-Голштинскій.

Два господа ассистенты, генералъ-адмиралъ графъ Апраксинъ и канцлеръ графъ Головкинъ, шли немного по озадь, по обѣимъ сторонамъ Ея Величества.

Княгиня Меншикова и графиня Головкина, генеральша графиня Брюсова, генеральша Бутурлина и генеральша княгиня Трубецкая конецъ поддерживали императорской епанчи.

Господа камергеры и кавалеры двора Ея Величества Императрицы шли другъ за другомъ по обѣимъ сторонамъ тѣхъ госпожъ, которыя конецъ императорской епанчи несли.

10. Послѣ оныхъ слѣдовали госпожи и дѣвицы перваго достоинства, Ея Величества штатсъ-дамы и прочія.

11. Потомъ шли полковники, офицеры и прочая шляхта національная, которыя опредѣлены были къ сей церемоніи.

12. Другая половина компаніи кавалеръ-гвардіи императорской заключила сей маршъ.

Егда началось шествіе Ихъ Величествъ изъ палатъ императорскихъ, тогда былъ звонъ во вся соборные колокола.

И во время шествія Ихъ Величествъ, всѣ въ строю стоящіе полки ружьемъ на караулъ подняли съ играющею музыкою и съ барабаннымъ боемъ.

И когда императорскія регаліи приближались къ дверямъ соборной церкви, тогда всѣ архіереи и прочія власти въ священномъ одѣяніи выступили изъ церкви на рундукъ, и изъ пер-

Библиотека "Руниверс"

выхъ архіереевъ—Новгородской и Псковской почтили оныя регаліи кажденіемъ и воды священной кропленіемъ.

А егда Ихъ Величества сами изволили приближаться къ помянутому рундуку, тогда архіерей Новгородской поднесъ благословящій крестъ къ цѣлованію, а Псковской кропилъ Ихъ Величества священною водою, и предшли архіереи и власти внутрь церкви, а пѣвчіе запѣли псаломъ 100: «милость и судъ воспою Тебѣ, Господи», и вшедши въ церкви становились архіереи и власти на своихъ мѣстахъ по обѣ стороны постепенно, подлѣ скамей, стоящихъ на полу церковномъ.

Ожидая, пока Ихъ Императорскія Величества на тронъ взошли, господинъ генералъ-поручикъ Ягушинской, яко капитанъ императорской кавалеръ-гвардіи, такожъ и господинъ генералъ-маэоръ Дмитріевъ-Мамоновъ, той же кавалеръ-гвардіи поручикъ, стали по обѣимъ сторонамъ входа большаго приступа на тронѣ для обереженія онаго; другіе два господина командующіе офицеры той кавалеръ-гвардіи, брегадиръ Леонтьевъ и полковникъ Мещерскій, стали по обѣимъ сторонамъ средняго приступа между всходомъ на тронъ, всѣ четыре съ посохами команды своей въ рукахъ.

Оба герольдъ-мейстера шли на тронъ передъ императорскими регаліи, которыя вышереченные господа положили съ ихъ подушками на столъ, который на то тамъ поставленъ былъ.

Потомъ оба герольдъ-мейстеры сошли съ трона и стали по обѣимъ сторонамъ первыхъ степеней снизу перваго приступа, и какъ который изъ пяти господъ императорскую регалію на помянутой столъ положитъ, то становились они слѣдующимъ образомъ:

Графъ Брюсъ стоялъ на первой степени сходя съ трона.

Графъ Мусинъ-Пушкинъ стоялъ на второй степени.

На третьей степени князь Долгорукой.

На четвертой баронъ Остерманъ.

На пятой князь Голицынъ.

Его королевское высочество герцогъ Шлезвикъ-Голштинскій велъ Ея Императрицыно Величество до низу трона и потомъ пошелъ на опредѣленное ему мѣсто, а Его Величество Императоръ, подавъ руку Императрицѣ, пошли на тронъ.

Князь Меншиковъ и князь Репнинъ также взошли немного по зади по сторонь Императора.

Графы же Апраксинъ и Головкинъ взошли такожъ на тронъ, съ стороны императрицыной.

Сіи четверо господъ ассистентовъ стали прямо противъ балясъ по обѣимъ сторонамъ и по обоимъ флапкамъ Ихъ Императорскихъ Величествъ, для услуженія яко ассистенты.

Библиотека "Руниверс"

Пять дамъ, опредѣленныя для несенія конца мантіи императорской, стали противъ балясъ, позади кресловъ Ихъ Императорскихъ Величествъ, дабы, такожъ какъ и четыремъ господамъ ассистентамъ, быть въ близости ко вступленію въ свою должность, когда Ихъ Императорскія Величества назадъ сойдутъ съ трона.

Верховной маршалъ, держа свой маршалоской штабъ ввысь и идучи всегда прямо передъ Ихъ Императорскими Величествами, провожалъ ихъ даже до верху трона, а потомъ съ трона сходилъ и становился на приступѣ внизу трона, на которомъ онъ одинъ стоялъ.

Господа генералы и прочія знатнѣйшія особы, такожъ и прочія знатнѣйшія дамы и дѣвицы, пошли во опредѣленныя имъ галлереи, гдѣ они во все время коронаціи стояли.

А господа полковники и прочее шляхетство Россійское, къ сей церемоніи опредѣленные, стояли между двумя большими столпами по лѣвой сторонѣ трона.

А камергеры и прочіе офицеры и кавалеры Ея Величества Императрицы имѣли свои мѣста противъ большаго приступа, по лѣвую сторону въ низу у трона.

И когда Ихъ Величества на тронъ взошли и на своихъ императорскихъ креслахъ сѣли (Императорское Величество на правомъ, а Государыня Императрица на лѣвомъ), тогда и архіереи и сvнодальные архимандриты сѣли же на вышепомянутыхъ (на полу церковномъ, на низу, для нихъ поставленныхъ) скамьяхъ, а прочіе стояли. И тогда звонъ пересталъ, и пѣвчіе умолчали.

По престаніи же звона и умолчаніи пѣвчихъ, изволилъ Императорское Величество встать и съ стола близъ стоящаго взять скипетръ въ руку, и чрезъ верховнаго маршала, господина графа Толстаго повелѣлъ къ себѣ призвать архіереевъ и прочихъ властей, и когда оные по повелѣнію приступили, тогда Его Величество стоя изволилъ сказать краткую рѣчь слѣдующаго содержанія:

«Понеже всѣмъ извѣстно есть, какъ прежде объявили мы манифестомъ о намѣреніи своемъ, для коронованія любезнѣйшей нашей супруги, которое нынѣ изволите по чину церковному совершить».

Что слышавъ, архіереи приступили, изъ которыхъ Новгородскій Ѳеодосій до Ея Императрицына Величества говорилъ:

«Благочестивѣйшая Великая Государыня наша Императрица, надлежитъ нынѣ Вашему Величеству, вслухъ вѣрноподданныхъ Вашихъ Величествъ, исповѣдать Православно-Каѳолическую вѣру».

И изволила Ея Величество прочитать Символъ Вѣры, по которому сказалъ тойже архіерей вслухъ: «Благодать Пресвятаго Духа да будетъ съ тобою». А протчіе тожъ тайно говорили.

Библиотека "Руниверс"

По семъ началось дѣйство священія.

И по прочтеніи отъ Ея Величества Сѵмвола Православныя Вѣры, Ея Величество изволила на уготованной подушкѣ стать на колѣни; архіерей же, осѣня верхъ главы ея крестообразно и положа руку на главу ея, прочиталъ молитву сію во услышаніе, безъ шапки:

«Господи Боже нашъ, Царю царствующихъ и Господи господствующихъ, иже чрезъ Самуила пророка избравый раба твоего Давида и помазавый его во царя надъ людомъ твоимъ Израилемъ, Самъ и нынѣ услыши моленіе насъ недостойныхъ, и призри отъ святаго жилища Твоего, и вѣрную Твою рабу, благочестивѣйшую Великую Государыню нашу Императрицу Екатерину Алексіевну, юже благоволилъ еси поставити повелительницу надъ языкомъ Твоимъ, его же притяжалъ еси честною кровію Единороднаго Твоего Сына, святымъ помазати удостой елеемъ радованія, одѣй ю силою съ высоты, наложи на главу ея вѣнецъ отъ камене честнаго, и даруй имъ долготу дній. Даждь въ десницу ея скипетръ спасенія, посади ю на престолѣ правды, огради ихъ всеоружіемъ Святаго Твоего Духа, укрѣпи ихъ мышцу, подчини имъ вся варварскіе языки; всѣй въ сердце ея страхъ Твой и къ послушнымъ состраданіе, соблюди ихъ въ непорочной вѣрѣ, покажи ихъ извѣстны хранители святыя Твоя Каѳолическія церкве догматовъ, да судятъ люди Твоя въ правдѣ, и нищіе Твоя въ судѣ, спасутъ сыны убогихъ, и наслѣдники будутъ небеснаго Твоего царствія».

По прочтеніи молитвы изволила Ея Величество встать, архіереи же приняли хламиду, то-есть короновательную мантію, и подали оную Императорскому Величеству, а Императорское Величество, держа скипетръ въ рукѣ своей, возложилъ оную на Ея Величество.

Тогда Ея Величество паки изволила стать на колѣни, на прежней подушкѣ.

И тогда архіерей прочиталъ молитву, во услышаніе всѣмъ:

«Тебѣ Единому Царю человѣковъ, яже земному царству отъ Тебя ввѣренная подклони выю съ нами, молимся убо Тебѣ, Владыко всѣхъ, сохрани ихъ подъ кровомъ Твоимъ, укрѣпи ихъ царство, богоугодная тебѣ дѣяти всегда ихъ удостой, возсіяй во днѣхъ ихъ правду, и множество мира, да въ тихости ихъ кроткое и молчаливое житіе преживемъ, во всякомъ благочестіи и честности».

Потомъ Ея Величество паки изволила встать. И тогда отъ тѣхъ же архіереевъ поднесена Императорскому Величеству корона, которую изволилъ самъ Его Величество, такожде держа скипертъ, возложить на главу вѣнчаемой Государыни, осѣнившимъ архіереемъ крестообразно съ приглашеніемъ: «Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа».

Библиотека "Руниверс"

Императорское же Величество пребылъ, держа скипетръ въ рукѣ своей, а первый архіерей поднесъ Ея Величеству державный глобусъ.

И потомъ изволили постоять мало при своихъ престолѣхъ, въ которое время какъ духовные, такъ мірскіе поздравленіе отдали, и отъ пѣвчихъ многолѣтіе пѣто было.

И былъ первый залфъ изъ пушекъ и изъ ружья мелкаго отъ солдатъ, стоящихъ въ парадѣ на Ивановской площади, и звонъ во вся колокола, обыкновенный къ литургіи.

Потомъ изволили Ихъ Величества скипетръ и державу тѣмъ господамъ, которые оное носили, отдать, отъ которыхъ оные на вышеупомянутомъ столѣ положены были, и Его Императорское Величество и Ея Величество Государыня Императрица, съ императорскою короною на главѣ и въ императорской мантіи, изволили вмѣстѣ съ трона сойти, такимъ же образомъ и съ тою же свитою, съ которыми всходили до степени къ алтарю, и оттуда разошлись на свои церковныя мѣста, и слушали литургію.

Князь Меншиковъ и князь Репнинъ слѣдовали за Императоромъ и стали прямо противъ его мѣста, а графы Апраксинъ и Головкинъ, которые тогда Ея Величество вели, стали по лѣвую сторону Ея Величества.

А пять дамъ, которыя императорскую мантію несли, стали въ вышеупомянутомъ же меньшемъ амфитеатрѣ, по лѣвую сторону императорскаго мѣста.

Верховный маршалъ графъ Толстой, проводя Ихъ Величества до ихъ церковныхъ мѣстъ, сталъ на первой степени, которая вдоль алтаря, противъ Императрицы.

А протчіе господа, которые регаліи несли, такожде и господа командиры отъ императорской кавалеръ-гвардіи, и оба герольдъ-мейстеры Имперіи остались на прежнихъ своихъ мѣстахъ.

Ея Величество Государыня Императрица, пока на своемъ церковномъ мѣстѣ литургію слушала, изволила для облегченія временемъ отдать корону императорскую, которая тогда держана была отъ господина тайнаго кабинетъ-секретаря Макарова.

Когда начали пѣть каноникъ, тогда посланъ бархатъ кармазиновой двоеморхой, отъ церковнаго Ея Величества мѣста до святыхъ дверей, къ шествію Ея Величества къ мѵропомазанію и причащенію, и близъ самыхъ святыхъ дверей такожде посланъ былъ золотой коверъ.

По окончаніи каноника, когда отворились святыя двери, тогда Императорское Величество изволилъ съ своего церковнаго мѣста прійти на преждепомянутой бархатъ, также и Ея Величество въ коронѣ и въ императорской мантіи съ своего церковнаго мѣста, и взявшись

Библиотека "Руниверс"

за руку изволили пойти по тому бархату къ святымъ дверямъ на помянутой коверъ, на которомъ въ самыхъ святыхъ дверяхъ положена была золотая богатая подушка, на которой Ея Величество изволила стать на колѣнахъ, и принесено было на блюдѣ въ собственномъ сосудѣ отъ двухъ второй степени архіереевъ святое мvро; изъ первыхъ же единъ, веемъ стручецъ, но то уготованный, омоча во святое мvро, помазалъ Ея Величество крестообразно на челѣ, на персѣхъ и на обѣихъ рукахъ, на коеждо помазаніе глаголя: «Во имя Отца, и Сына и Святаго Духа». Другій же архіерей, изъ первыхъ, отеръ помазанныя мѣста хлопчатою бумагою и положилъ оную въ горнъ алтарный.

Потомъ Ея Величество, ставши, изволила уступить мало къ лѣвой сторонѣ, а когда протодіаконъ съ пречистыми тайнами возгласилъ: »Со страхомъ Божіимъ и вѣрою приступите», тогда изволила паки стать на прежнемъ близъ святыхъ дверей мѣстѣ, и причастилась обыкновенно пречистыхъ тайнъ отъ перваго изъ служащихъ литургію архіерея, и на томъ же мѣстѣ отъ втораго архіерея изволила принять антидоръ, а отъ третьяго теплаго вина мало. Потомъ отъ протопоповъ соборныхъ, Успенскаго и Благовѣщенскаго, поднесена была золотая ко умовенію лахань. Архимандритъ Троицкой изъ рукомойника золотогожъ возливалъ воду Ея Величеству на руки ко умыванію устъ, архимандриты жъ Чудовскій и Симоновскій подали полотенце.

По совершеніи же всего, изволили оба Ихъ Величества возвратиться на свое церковное мѣсто, въ которое время былъ другой залфъ изъ пушекъ и изъ ружья, подобно первому.

Въ церкви, во время отправленія церемоніи коронаціи, когда оба Ихъ Величества вмѣстѣ не шли, то Ея Величество всегда вели господа графы Апраксинъ и Головкинъ. А конецъ императорской мантіи всегда носили вышеупомянутыя дамы первѣйшаго рангу.

При окончаніи литургіи было отъ проповѣдника Слова Божія, преосвященнаго Ѳеофана архіепископа Псковскаго и изъ первыхъ члена синодальнаго, непродолжительное слово, въ которомъ, воспоминая многія Ея Величества добродѣтели, показывалъ, коль праведно корону Россійскую отъ Бога и супруга своего получила, и именемъ всѣхъ чиновъ Отечества поздравлялъ Ихъ Величества.

Какъ скоро служба Божія совершилася, тогда верховный маршалъ приказалъ церемоній-мейстеру, чтобъ всѣмъ изъ церкви паки дефилировать къ церквѣ Михаила Архангела, еже все такимъ-же порядкомъ происходило какъ и въ приходѣ, кромѣ что Его Императорское Величество другими дверми прямо изъ церкви въ свои апартаменты пошелъ.

Библиотека "Руниверс"

По окончаніи службы Божіи, его королевское высочество герцогъ Голштинской вышелъ изъ своего мѣста, и пришелъ къ мѣсту Императрицы Государыни, чтобъ Ея Величество проводить по прежнему.

Ея Величество Императрица изъ церкви шла въ коронѣ и императорской мантіи подъ балдахиномъ, которой несли вышеупомянутые шесть генераловъ-маэоровъ, а скипетръ и держава передъ Ея Величествомъ до церкви Святаго Михаила Архангела, по прежнему, на подушкахъ несены были.

Передъ самою Ея Величествомъ шелъ верховной маршалъ графъ Толстой, а по обѣимъ сторонамъ Ея Величества, немного позадь, графъ Апраксинъ и графъ Головкинъ, ассистенты Ея Величества. Конецъ мантіи императорской несли попрежнему вышеупомянутыя пять дамъ первѣйшаго рангу.

При выходѣ изъ той соборной церкви былъ третій залфъ изъ пушекъ и мелкаго ружья, и звонъ во всѣ колокола, съ играющими трубами, литаврами, барабанами, и при радостномъ восклицаніи множества собраннаго народу.

Господинъ генералъ-фельдъ-маршалъ князь Меншиковъ шелъ позади Ея Величества, и по сторонамъ его шли господинъ камеръ-президентъ Алексѣй Плещеевъ и статсъ-конторы совѣтникъ фонъ Принценстернъ, имѣя въ рукахъ мѣшки изъ кармазиннаго бархата, вышитые золотомъ и съ золотыми орлы, съ золотыми и серебреными медалями, которыя князь Меншиковъ во время пѣшаго шествія Ея Величества изъ соборной церкви до церкви Святаго Михаила Архангела въ народъ бросалъ.

А рота кавалеръ-гвардіи императорской тогда стояла вдоль мосту по обѣимъ сторонамъ отъ соборной церкви даже до церкви Михаила Архангела. И какъ скоро вся процессія въ помянутую церковь вошла, то оная кавалеръ-гвардія сѣла на лошади и ожидала, пока Ея Величество сядетъ въ карету.

У дверей церкви Святаго Михаила Архангела, на паперти церковной, Ея Величество встрѣтилъ архіерей со крестомъ и, вшедши-же въ церковь прочиталась отъ діакона ектенія, отъ архіерея же возгласъ и отпускъ; а потомъ изволила Ея Величество отправить свою девоцію у мощей святаго Царевича Димитрія и у гробовъ предковъ, блаженной памяти, Его Императорскаго Величества.

По отправленіи девоціи изволила Ея Величество, по выходѣ изъ той церкви, сѣсть въ императорскую карету о 8-ми возникахъ для посѣщенія монастыря Вознесенскаго, въ которомъ гробы предковъ Императорскаго Величества женскаго полу, нижеписаннымъ порядкомъ, а

Библиотека "Руниверс"

протчіе того конвоя съ церемоніймейстеромъ остались въ той церкви для ожиданія возвращенія Ея Величества изъ того монастыря.

1. Господинъ генералъ-лейтенантъ Ягушинской, съ половиною роты кавалеръ-гвардіи императорской, на лошадяхъ, съ литаврами, трубами и другими своими офицеры, началъ сей маршъ.

Мундиръ на той кавалеръ-гвардіи былъ: кафтаны сукна зеленаго, супервестъ сукна краснаго, обложены позументы золотными, и на супервестѣ на грудяхъ и плечахъ гербы императорскіе вышитые, перевязи бархатныя красныя, золотными позументами обложеныя, а на лядункахъ бархатныхъ же вышиты вензели подъ короною императорскою; портупеи бархатныя съ позументами, и пряжки и погоны всѣ вызолочены, у палашей ефесы золоченые и грифы серебреные, перуки бѣлые, шляпы съ позументы и съ бѣлою лентою, сапоги, рукавицы, шпоры мѣдные, у всѣхъ одного фасона. На лошадяхъ чепраки и чушки красные, на которыхъ вензели подъ коронами, и вкругъ золотными позументы окладены, а по край бахрамою золотною обложены; муштуки, паперси и пахви *) съ наборы золотными, уздечки малыя шелковыя, стремена мѣдныя, и сѣдла одногожъ фасона.

Литавры у той кавалеръ-гвардіи были серебреныя, на завѣсахъ оныхъ вышиты гербы императорскіе, и вокругъ по серебру травы золотныя и на снурахъ золотныхъ по 6 кистей масивныхъ у тѣхъ завѣсовъ привѣшено было.

2. 24 человѣка лакеевъ Ея Величества Государыни Императрицы пѣшкомъ по четыре человѣка врядъ, на которыхъ ливрея была: суконные кафтаны и штаны зеленые, а камзолы и обшлага красные, выкладеные весьма богато позументы золотными, шляпы съ позументами жъ, чулки красные и шпаги золоченыя, всѣ одного фасона.

3. 12 человѣкъ пажей съ своимъ губернаторомъ. На пажахъ были кафтаны и штаны изъ бархату темнозеленаго, камзолы и обшлаги штофные золотные, съ золотными широкими и узкими позументы выкладены, шляпы съ позументы и съ бѣлыми плюмажи, чулки шелковые красные шитые золотомъ, шпаги ефесы серебреные вызолоченые.

4. Слѣдовалъ верховной маршалъ графъ Толстой, въ одной изъ Его Императорскаго Величествъ каретѣ шестернею, имѣя одного пажа на сторонѣ правой, да одного Арапа на лѣвой.

5. Слѣдовала Ея Величество Императрица въ своей каретѣ о 8-ми лошадяхъ, а передъ каретою шли 4 скорохода Ея Величества, изъ ко-

---

*) Паперсь—нагрудникъ. Пахва́—ремень съ дырою, въ которую продѣвается хвостъ лошади, чтобы сѣдло лучше держалось. Сбить кого-нибудь съ пахвы—сбить съ толку. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

торыхъ на одномъ платье краснаго золотнаго штофа, а юбка бѣлаго серебрянаго штофа, вкругъ шито золотомъ, и по юбкѣ бахрама золотная, шапка бархатная шитая и кушакъ бѣлой съ бахрамою золотною; а на другихъ платье было такоежъ, только что вмѣсто шитья позументы золотные положены были.

6. Камергеры и первые офицеры, придворные Ея Величества Императрицы, шли по обѣимъ сторонамъ кареты.

7. 16 гайдуковъ Ея Величества Императрицы раздѣлены были по обоимъ крыламъ Ея Величества кареты, въ дистанціи препорціональной отъ вышереченныхъ господъ камергеровъ и офицеровъ придворныхъ. На тѣхъ гайдукахъ были кафтаны зеленые, вкругъ шитые золотомъ, на грудяхъ гербы императорскіе, а на обоихъ рукавахъ вензели подъ коронами шитые жъ, камзолы краснаго сукна, а рукава краснаго бархату съ кондырки *) малыми, на которыхъ такожде вышиты вензели подъ коронами, и вкругъ по краямъ снурками и бахрамою золотною обшиты. Шапки на нихъ бархатныя красныя, снурками золотными прошиты, на верху звѣзда вышита золотомъ, околыши зеленаго бархату, шиты золотомъ же, на томъ околышѣ съ обѣихъ сторонъ по орлу серебреному, а спереди подъ околышемъ два пера себреныя жъ, а сзади плюмажи красной и бѣлой; на самомъ верху той шапки въ звѣздѣ яблочко серебреное, а въ немъ кисть золотная. Перевязи у нихъ гайдуковъ черезъ плечо двѣ цѣпи серебреныя, нашиты на бархатѣ и утвержены на кожѣ, обложены вкругъ позументомъ золотнымъ; на тѣхъ цѣпяхъ палаши великіе, ефесы золоченые, штивлеты сафьянные, на нихъ личины и застежки серебреныя, на башмакахъ такожде по двѣ личины серебреныя, одна на посу башмака, другая поверхъ пряжки.

8. Позади кареты Ея Величества Императрицы слѣдовалъ верхомъ генералъ-лейтенантъ Лессій междо обоими герольдъ-мейстерами Имперіи, продолжая бросаніемъ медалей до возвращенія Ея Величества Императрицы до палатъ императорскихъ; къ нему приставлены были офицеры, которые мѣшки съ монетами возли.

9. Слѣдовали 6 Арапов Ея Величества Императрицы. На нихъ кафтаны и штаны черного бархату съ позументомъ золотнымъ, сверхъ того кафтана юбка изъ двухъ тафтъ: изъ красной пунцовой, да изъ бѣлой какъ изъ лентъ сшита. По кафтану вкругъ шеи и рукавовъ и по юбкѣ поясъ изъ перья краснаго и бѣлаго, шапки у нихъ изъ крас-

*) Кондырь, кондырекъ—старинное слово, значитъ отворотъ рукава, его широкая оторочка. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

наго бархату, околышъ изъ кисеи, а надъ тѣмъ околышемъ вкругъ всей шапки перья жъ краснаго и бѣлаго цвѣту, а на переди плюмажи бѣлые, на верху кисти золотныя; у нихъ же Араповъ ошейники серебреные, спереди вензель подъ короною императорскою.

10. Послѣ помянутыхъ Араповъ слѣдовала карета Ея Величества Императрицы о шести коняхъ, въ которой сидѣли графы Апраксинъ и Головкинъ, ассистенты Ея Величества Императрицы, и при дверѣхъ каретныхъ были по обѣимъ сторонамъ по одному пажу и по одному Арапу.

11. Другая половина кавалеръ-гвардіи заключила оной маршъ.

Въ воротахъ того монастыря встрѣтили Ея Величество одинъ архіерей съ крестомъ и монахини того монастыря.

Въ ономъ монастырѣ вели Ея Величество господа графы Апраксинъ и Головкинъ. А конецъ мантіи императорской несли вышепомянутыя другія пять дамъ, и по отправленіи своей девоціи у гробовъ предковъ Его Императорскаго Величества женскаго полу, изволила Ея Величество въ каретѣ такимъ же порядкомъ идти назадъ къ императорскимъ палатамъ.

И когда Ея Величество къ тѣмъ палатамъ стала приближаться, и тогда церемоніймейстеръ съ оставшимся при немъ въ церкви Михаила Архангела конвоемъ, такимъ же порядкомъ какъ и прежде, пошелъ до большой лѣстницы тѣхъ палатъ, и потомъ на верхъ помянутой лѣстницы до самой салы торжества апартаментовъ Ихъ Величествъ.

Его королевское высочество герцогъ Голштинской принялъ Ея Величество у самой кареты и велъ Ея Величество до ея апартаментовъ.

Ихъ Величества въ своихъ апартаментахъ пробыть изволили, пока въ салѣ торжества все къ императорскому столу готово было.

Опредѣленная къ тому императорскому торжеству сала величиною и красотою изъ лучшихъ есть во всей Европѣ. Окна въ оной размѣрою сходны съ величиною салы и потому весьма свѣтла; своды той салы въ срединѣ поддержаны однимъ токмо столпомъ, какъ у карнизы, такъ и у педестала сдѣланнымъ наилутчею штукатурною работою, а сала отъ карнизы до деревянныхъ панеловъ (которые отъ полу 3 фута вышиною и живописью украшены) вкругъ убита была шпалерами; а именно: по одной полосѣ кармазиннаго бархата, а между тѣми по одной же Китайской золотой парчи съ различными травами и безмѣрно преизрядной и богатой работы, которымъ весьма новымъ украшеніемъ оная сала еще толь наивящше смотрѣнія и удивленія достойна была *).

*) Это описаніе обновленной тогда Грановитой Палаты. Древняя живопись на ея стѣнахъ была уничтожена, и сдѣланное въ то время убранство ея, безъ всякаго худо-

Библиотека "Руниверс"

Полы въ той салѣ вездѣ усланы были Персидскими чрезвычайно широкими коврами.

Въ той салѣ, по правой сторонѣ отъ дверей, которыя о дву щитахъ и зѣло высокія, супротивъ помянутаго столпа, построено было мѣсто высоко, въ самой стѣнѣ внутри убито богатыми золотыми парчами, отъ которымъ висѣло множество кистей и бахрамъ золотныхъ, съ котораго мѣста ихъ императорскія высочества цесаревны, такожде и ихъ высочества герцогини Мекленбургская и Курляндская, торжество императорскаго стола смотрѣли.

Вышеупомянутый столпъ по всѣмъ четыремъ сторонамъ обдѣланъ былъ многими пóлками, на которыхъ императорскіе золотые и серебреные сосуды разставлены были отъ самого полу даже до карнизы, и тѣ сосуды чрезвычайнаго и несравнительнаго древняго Греческаго, Римскаго и протчаго мастерства, со многими драгими каменьями и жемчугами оріентальными украшены.

На правой же странѣ салы, супротивъ помянутыхъ дверей, поставленъ былъ бархатный балдахинъ кармазиннаго цвѣту, съ богатыми золотыми позументами, кистьми и бахрамою, подъ которымъ подмощено было досками, по верху тѣмъ же краснымъ бархатомъ и золотыми позументами покрыто, гдѣ поставленъ былъ императорской столъ, за которымъ Ихъ Императорскія Величества въ тотъ день обѣдать изволили, сидя на двухъ драгоцѣнныхъ креслахъ вмѣстѣ, и такимъ же образомъ какъ на тронѣ въ соборной церкви.

На лѣвой сторонѣ, отступя отъ рундука, гдѣ былъ императорскій столъ, поставленъ былъ особливый столъ для его высочества герцога Голштинскаго, за которымъ онъ токмо одинъ кушалъ.

Въ нѣкоторомъ же разстояніи отъ того стола, поставленъ былъ столъ для первыхъ духовныхъ чиновъ, которые при той торжественной церемоніи служили.

Въ довольномъ разстояніи отъ императорскаго стола, на правой сторонѣ, стоялъ столъ для знатнѣйшихъ мірскихъ членовъ, которые при коронаціи въ чинахъ были; а супротивъ стола духовныхъ чиновъ, на другой сторонѣ былъ также столъ для знатнѣйшихъ дамъ и дѣвицъ, въ чинахъ же бывшихъ; а на лѣвой сторонѣ у дверей, построенъ былъ великой амфитеатръ, въ которомъ былъ оркестръ и музыка императорская.

Когда къ императорскому столу все готово было, и тогда верховной маршалъ пошелъ Ихъ Величествамъ о томъ донесть.

жественнаго вкуса, поддерживалось до самыхъ нашихъ дней. Нынѣ живописное убранство Грановитой Палаты возстановлено, какъ было до Петра Великаго. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

И потомъ Ихъ Величества изъ своихъ апартаментовъ въ салу торжества пришли слѣдующимъ порядкомъ:

Первый церемоніимейстеръ съ своими товарищами шелъ напереди.

За нимъ Ея Императрицына Величества оберъ-шенкъ господинъ Салтыковъ вмѣстѣ съ оберъ-шенкомъ Его Императорскаго Величества господиномъ графомъ Андреемъ Апраксинымъ, который при семъ торжествѣ отправилъ чинъ кравчего.

За ними Его Императорскаго Величества оберъ-гофъ-мейстеръ господинъ Алсуфьевъ съ жезломъ своего достоинства въ рукахъ, нося оный опустя.

А за ними верховной маршалъ графъ Толстой.

И потомъ Его Императорское Величество съ своими ассистентами.

Ея Величество Императрица, которую велъ его королевское высочество герцогъ Голштинской, и по обѣимъ сторонамъ немного позади шли Ея Величества ассистенты, господа графы Апраксинъ и Головкинъ.

Конецъ мантіи Ея Величества несли вышеупомянутыя пять дамъ перваго рангу.

А за ними шли Ея Величества штатсъ и придворныя дамы и дѣвицы.

А протчіе, какъ духовнаго, такъ и мірскаго чина господа и дамы въ салѣ торжества, при приходѣ Ихъ Величествъ, стояли въ дву линіяхъ по рангамъ ранжированы.

Какъ скоро Ихъ Величества на пріуготовленное свое мѣсто взошли, тогда изъ первыхъ архіереевъ столъ императорской благословилъ.

И потомъ Ихъ Величества сѣли за столомъ.

И когда Ихъ Величества засѣли, то и его королевское высочество садился за столомъ для него пріуготовленномъ.

И нѣкоторое время обождавъ, протчія духовныя и мірскія мужескаго и женскаго полу чиновныя особы сѣли за пріуготовленными особливыми столами.

За креслами Его Императорскаго Величества стояли камергеръ и генералъ-адъютантъ Его Величества господинъ Нарышкинъ и генералъ-адъютантъ и Астраханской губернаторъ господинъ Волынской, для перемѣны каденаса *), когда Его Величество того востребовалъ.

А за креслами Ея Величества Императрицы стояли господа камергеры: фонъ-Монсъ и фонъ-Балкъ **). Вышеупомянутые верховные придворные офиціалы во все время стола сами чинъ свой отправляли.

---

*) ?

**) Съ небольшимъ черезъ полгода, 16 Ноября 1724 года, Монсъ былъ казненъ. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

Кушанье носили на столъ императорской подполковники, и то учинилось слѣдующимъ порядкомъ:

Когда Ихъ Величества повелятъ кушанье перемѣнять, то верховный маршалъ прикажетъ церемоніимейстеру выходить офицерамъ, опредѣленнымъ кушанье носить.

Оной церемоніимейстеръ потомъ шелъ напередъ.

За ними офицеры, опредѣленные кушанье носить.

За ними кравчей.

И потомъ оберъ-гофъ-мейстеръ.

За нимъ верховной маршалъ.

Вышепомянутой церемоніймейстеръ со всѣми протчими кромѣ верховнаго маршала изъ салы выходили для принятія блюдъ съ кушаньемъ, а верховной маршалъ оставался у дверей въ салѣ.

А назадъ съ кушаньемъ до императорскаго стола шли слѣдующимъ образомъ.

Сперва великой маршалъ, за нимъ оберъ-гофъ-мейстеръ, потомъ кравчей, за нимъ офицеры съ кушаньемъ, а по сторонамъ тѣхъ офицеровъ подлѣ каждаго по два человѣка отъ кавалеръ-гвардіи съ карабинами на рукахъ для береженія кушанья.

А церемоніимейстеръ позади ихъ.

И оберъ-гофъ-мейстеръ по чину своему кушанье съ императорскаго стола сымалъ и другое поставлялъ съ обыкновенными колѣнопоклоненіями, еже и отъ протчихъ, какъ при поданіи кушанья, такъ и питья, всегда остережено было.

Столъ Императорскаго Величества съ превеликою магнифиценціею отправленъ былъ: посуды и протчіе столовые уборы были всѣ золотые старинные, дивной работы, и конфекты поставлены были на такихъ же сосудахъ, перемидами сдѣланныхъ и для куріознаго мастерства удивленія весьма достойныхъ.

За столомъ его королевскаго высочества герцога Голштинскаго служили особливые знатные придворные офиціалы, и оный столъ такожде какъ и всѣ протчіе съ надлежащею магнифиценціею отправлены были.

Во время того стола поставленъ былъ на площади, близъ салы, на приготовленномъ рундукѣ, для народу быкъ жареной, начиненной многими разныхъ родовъ птицами; а по сторонамъ того быка пускано, изъ двухъ сдѣланныхъ фонтановъ, вино красное и бѣлое во удовольство всему предстоящему народу.

Прежде окончанія стола отъ господина генерала-фельдъ-маршала князя Меншикова всѣмъ при коронаціи въ чину бывшимъ знатнымъ особамъ, какъ мужескаго, такъ и женскаго полу, розданы были по

Библиотека "Руниверс"

золотой большой медалліи, для того торжества дѣланной, которой обрисъ ниже сего находится.

А по окончаніи стола оба Ихъ Величества изволили такимъ же порядкомъ возвратиться въ свои покоевые апартаменты.

На другой день, то есть 8 Мая, изволила Ея Величество Императрица пополудни принять поздравленіе его королевскаго высочества герцога Голштинскаго, которой въ зѣло богатомъ нарядѣ и съ достойною его высочества свитою съ двора своего въ Кремль въѣзжалъ, и съ достойною отличностію и честію принятъ и паки назадъ провожденъ былъ.

Потомъ обрѣтающіеся при дворѣ Его Императорскаго Величества чужестранные министры имѣли честь Ея Величеству поздравить.

По отшествіи тѣхъ министровъ, Ея Величество изволила къ себѣ допустить всѣхъ чиновъ, какъ духовныхъ, такъ и мірскихъ, для отданія всеподданнѣйшей своей суммисіи.

А въ вечеру того дня Ея Величество изъ Кремля возвратилась назадъ въ лѣтній дворецъ, будучи провожаема отъ императорской кавалеръ-гвардіи.

Въ 10-й день Маія, на Царицынѣ лугу отправленъ былъ торжественный фестенъ, къ которому какъ его королевское высочество герцогъ Голштинской, такъ и чужестранные министры призваны были.

До начатія того фестена изволила Ея Величество изъ своего лѣтняго дворца пріѣзжать въ Кремль публично, и съ такимъ же нарядомъ какъ въ день коронаціи изъ церкви Михаила Архангела до Вознесенскаго монастыря ѣздила, и тамо приняла суммисіи отъ всѣхъ дамъ и протчаго знатнѣйшаго женскаго полу, которыя при коронаціи въ чину не были. И потомъ тѣмъ же порядкомъ поѣхали на Царицынъ Лугъ, гдѣ оный фестенъ съ великимъ торжествомъ, магнифиценціею и ботатствомъ отправлялся и напослѣди, въ глубокой ночи, сожженіемъ преизряднаго и весьма искуснаго феерверка окончаніе свое имѣлъ.

Въ 10-й день Маія, на Царицыномъ Лугу отправленъ былъ торжественный фестенъ, къ которому какъ его королевское высочество герцогъ Голштинской, такъ и чужестранные министры призваны были.

Описаніе регалій императорскихъ.

Корона императорская сочинена была вся изъ алмазовъ, брилліантовъ, между которыми было великое число удивительной величины. Діадемы были кромѣ того украшены оріентальными перлами, рядомъ поставленными, всѣ равной воды и чрезвычайной величины. У всей

Библиотека "Руниверс"

оной короны виденъ былъ только одинъ цвѣтной камень, сирѣчь прямой оріентальной рубинъ или яхантъ весьма чистой, величиною больше голубинаго яйца, и потому, знатно, наидрагоцѣннѣйшій изъ рубиновъ, о которыхъ донынѣ извѣстно. Онъ поставленъ былъ на верху діадимы о рединѣ короны вмѣсто глобуса, и на ономъ поставленъ былъ крестъ изъ бриліантовъ. Императорскій скипетръ былъ золотой весь, обложенъ алмазами и рубинами, на финифтѣ. На концѣ онаго былъ императорскій двоеглавный орелъ. Оной же скипетръ есть тотъ же, которой издревле всегда употребленъ при коронованіи и помазаніи императоровъ Всероссійскихъ.

Глобусъ такожде былъ древній императорскій. Оной изъ золота дѣланной, и на верху на ономъ крестъ поставленъ, и вездѣ алмазами, рубинами, сафирами и изумрудами украшенный, и въ такого фасона, какъ Глаберъ въ своихъ исторіяхъ о древнихъ императорскихъ глобусахъ упоминаетъ. Дѣло того глобуса есть древнее Римское и весьма удивленія достойное.

Императорская мантія была изъ златаго штофа, по которому якобы разсѣяны были орлы, высокимъ швомъ вышитые. Оная мантія подбита была горностаями предивной бѣлости; аграфіи на оной были изъ множества большихъ бриліантовъ, чепочкою поставленныхъ.

Библиотека "Руниверс"

FERDINAND CHRISTIN

ET

LA PRINCESSE TOURKESTANOW.

LETTRES ÉCRITES DE PÉTERSBOURG ET DE MOSCOU.

1817—1819.

„Archives Russes".

MOSCOU.
Imprimerie de l'Université Impériale (M. Katkow).
1883.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

1817.

I.

Moscou, le 4 janvier 1817.

Il me semble qu'il y a un an que je ne vous ai écrit, et pourtant je n'ai passé qu'une poste, celle de Lundy. Ce n'est pas que ce jour là, qui était le premier de l'an, je n'eusse tout le tems nécessaire; car je ne sortis pas de chez-moi ni même de mon lit, non plus que le lendemain. J'avais passé le Dimanche soir chez Virginie où il y avait du monde à souper et où il faisait une chaleur intolérable; je me disais que certainement la mascarade de la princesse Boris ne pouvait être plus étouffante. A ce souper de minuit on servit du vin de Champagne; j'en bus un verre à la santé de la dame du logis et des convives, et j'en pris un second que j'avalai in petto à la vôtre. Cet excès inusité redoubla ma chaleur; je me retirai en traîneau et j'eprouvai un frisson qui la nuit se convertit en fièvre, et la fièvre en un torticolis si bien conditionné que j'en aurais volontiers jetté les hauts cris si je n'avais eu peur qu'on se moquât de moi. Cela m'a duré trois jours et j'en suis encore tout sur le côté. Votre lettre 59 du 24 X-bre est charmante: il y régne un ton de gayété et de contentement qui me fait grand plaisir. Les nouvelles que vous me donnez d'Italie sont parfaites et me rendent un peu d'espoir. Je suppose qu'à ce moment la connaissance de votre soeur et du comte Markow est faite, et je ne doute pas qu'il ne la prenne en amitié pour l'amour de vous, dès qu'il saura qu'elle vous touche de si près. Je pense que ses premieres lettres m'en parleront. Mais qu'est ce donc que cette manière de courir la poste sans s'arrêter dans chaque ville le tems nécessaire pour tout voir? Je parie que la dépense des auberges aura rétréci les idées de Potemkine. Il faut avoir une certaine grandeur d'âme pour faire *bien* ce qu'on doit faire; entre le *bien* faire et le *mal* faire la différence est petite pécuniairement, mais elle est immense pour l'agrément et les procédés. Tel qui sauve un écu en rechignant perd peut-être un ami qui adoucirait sa vie. Madame de Noiseville entend bien cette morale, et il serait à souhaiter qu'elle le fît goûter au jeune homme.

En vérité, chère princesse, ce qu'on fait avec Lise Troubetzkoy n'a pas le sens commun; on l'accorde à Potemkine aujourd'hui, et

Библиотека "Руниверс"

demain on lui promet que Dolgorouky ne se désistera jamais. Il y a de quoi faire tourner la tête à une pauvre fille et faire manquer gratuitement un parti sûr, pour un monsieur qui n'osera jamais heurter de front l'humeur impérieuse de sa mère. Où est-il donc allé ce Nicolas? Vous dites qu'il reviendra. Et moi je dis qu'il reviendra comme il est allé, c'est un pauvre sire. C'est au dernier bal de madame Apraxine que le prince Khawansky demandait tout haut s'il y avait des Troubetzkoy pour leur lire la lettre de la princesse Dolgorouky et leur prouver que jamais Nicolas n'avait pensé à Lise. Madame Apraxine vous dira tous ces détails mieux que personne si elle veut; mais ce qu'elle ne vous dira point, parce que vous passez ici pour la protectrice de la princesse Boris, c'est tout ce que cette lettre a fait débiter de sottises contre cette pauvre princesse. On n'a pas manqué de se venger des faveurs de la famille et l'on a agi en vrais anti-chrétiens; on pouvait s'y attendre.

Le comte Langéron est ici; il va à Pétersbourg. On prétend qu'il a quelqu'envie d'épouser mad-lle Mamonow. Vous croirez peut-être que c'est la tante: pas du tout, c'est la nièce. C'est un conte, je le parie, et il n'épousera pas plus l'une que l'autre.

On s'attendait ici à la mort du grand-maréchal Tolstoï; je vais aller tout de suite chez sa belle-soeur où je devais dîner le jour de l'an si je fusse sorti. A mon avis l'amour du plaisir emporte trop loin la princesse Boris. Elle est cousine du comte Pierre, et la bienséance voulait qu'elle remît ce bal d'une 15-aine de jours. On relèvera cela comme le reste. Cette fête n'eut-elle pas été aussi bonne au carnaval qu'au jour de l'an? Mandez-moi si mad. Apraxine était arrivée pour ce jour là et si elle y a mené ses filles; je ne le suppose pas. La cour, en remettant la soirée de Mardy, avait donné un bel exemple à suivre, mais le goût du plaisir l'emporte. La princesse a tort de vouloir marier ses filles: elle n'aura plus de prétexte pour donner des bals quand elle sera seule. Serge Galitzine est parti pour Kiew, je ne lui dirai donc rien. Que faites-vous de Théodore? Le bruit court ici que Borinka Youssoupow a perdu 900 mille roubles à m-r Kisselew; cela at-il quelque fondement? Son père est bien malade, il a une attaque de goutte, des playes aux jambes, et il se fait vieux tout-à-fait; je le vois souvent. Vous ai-je envoyé les vers qu'il a fait composer pour la mort de sa belle et qui commencent par ces mots: *comme un petit oiseau que sa mère abandonne?*.... C'est lui qui à 70 ans et tout cacochyme est ce petit oiseau abandonné. On en ferait une comédie. Mad. Ostermann est sûrement fort embarrassée vis-à-vis de vous, d'abord parce qu'elle a tort, et ensuite parce qu'elle a échoué envers le public qui

Библиотека "Руниверс"

n'a pas daigné faire attention à ses emportements. Rien ne déconcerte les gens impérieux comme des contretems de ce genre. Vous me demandez des nouvelles de *Jaquinet la Treille;* que vous dirai-je? Comme Robin, *il est toujours, il est toujours le même.* Cependant il tranche, dogmatise, étonne les sôts et fait lever les épaules aux autres. Il voit son monde à lui, ne paraît jamais au salon de sa mère; l'autre soir j'y passai à 10 heures, il y avait du monde, entr'autres m-r Tormassow, Alexis ne se montra pas. Je demandai: où il était? Il soupait dans sa chambre. Il ne veut se gêner pour personne. On le trouve bien comme il est: qui a le droit d'en dire son avis! Que va faire le père? Mandez-moi ce qu'on en dit. Vous ne me parlez plus de m-r le Grand, il me tarde que vous ayez à m'apprendre que vous l'avez vu. Qui donc a fait notre prince André Obolensky curateur de l'universté de Moscou? Bon Dieu, quel savant! Les sciences vont faire des pas de géant sous une curatelle semblable. Je suis pourtant bien aise d'avoir fini mes études avant cette nomination. Ce sera Hume Karamsine qui aura fait choisir ce Fontaine moscovite, je pense.

II.

Moscou, le 8 janvier 1817.

Je vous dois la nouvelle du jour de Moscou; elle est assez ridicule pour être contée. Un prince Wassili Petrowitch Chakawskoï, viellard de 65 ans pour le moins, long, maigre, ridé, barbu, et d'ailleurs fort bon homme, a le malheur, malgré sa qualité de père de famille, d'entretenir une fille, dont je ne sais trop ce qu'on fait à son âge, et qui pis est, d'en être jaloux. Il y a quelques jours que cette belle fut à la comédie, annonçant au prince qu'elle y allait avec une amie. Le pauvre vieux craint que cette amie ne soit un ami, et tourmenté de cette jalouse idée, il prend le parti d'en juger par lui-même; mais son imagination peu fertile en expédients ne lui fournit d'autre moyen que celui de se déguiser en femme. Voilà donc mon Chakawskoï qui se met du blanc, du rouge, qui se coiffe d'un bonnet de gage en turban et s'affuble d'une robe de Levantine et d'une salope noire. Dans cet équipage il se présente à l'entrée du parterre; quelques jeunes gens, trouvant cette figure grotesque et peu imposante, lui rient au nez, lui demandent où elle demeure et si elle a de jolies nymphes à leur service? Vous voyez de quoi le pauvre homme avait l'air. Au lieu d'embourser en silence cette petite humiliation et de passer son chemin

Библиотека "Руниверс"

paisiblement, le prince, choqué de la méprise et oubliant ce qu'il devait à son costume, se met à riposter par un torrent d'injures les plus énergiques; la voix qui les proferait, les gestes qui les accompagnaient et la démarche un peu masculine du héros redoublent la foule autour de lui; les jeunes gens lui barrent l'entrée du parterre, le bruit augmente, la police arrive et se saisit à l'instant de l'étrange femelle qui causait tout ce tapage, voulant la mener au corps de garde. Alors le pauvre prince, ne voyant plus d'espoir de remplir le but de son déguisement, se trouve contraint de se nommer, et il n'a pas plus tôt dit son nom que toute cette jeunesse se met à battre des mains et à l'applaudir avec le plus grand éclat. Le major de police, doutant de la vérité de l'aveu, conduit le prince au comptoir du théâtre chez Maïkow, et là, au moyen d'une éponge, on rend au pauvre jaloux sa figure ordinaire en le forçant d'avouer le pourquoi de cette mascarade. Il rentra chez lui convert de ridicule, et dès le soir même son aventure fut connue au Club Anglais, et le lendemain dans toute la ville. Cependant le comte Tormassow, en homme d'esprit, a fait de son mieux pour étouffer la chose: il a mandé le major de police, lui a interdit tout rapport sur cette affaire et lui a défendu d'en parler; mais la scène avait eu trop de témoins pour pouvoir demeurer ignorée.

Une dame polonaise (sans doute quelqu'avanturière) écrivit hier au prince Youssoupow: „Je me trouve à Moscou manquant de moyens „suffisants pour aller rejoindre ma mère à Pétersbourg. Je suis jeune „et assez jolie, je demeure chez Cantu; si votre excellence voulait bien „venir me voir à l'heure que vous m'indiqueriez, j'aurais le plaisir de „vous expliquer les circonstances dans lesquelles je me trouve; si v. e. „ne pouvait pas venir, je me rendrais chez elle au moment qu'elle me „fixerait etc. etc.“ Le prince, malade et hors d'état d'aller comme de recevoir, sentant bien qu'il ne pourrait tirer aucun parti de la circonstance, a proposé à Titow de faire une visite à la dame. Titow a répondu en brave: *Et pourquoi pas*? Et le voilà qui part pour l'auberge de Cantu. Il se fait annoncer comme général, est admis aussitôt et en abordant la Polonaise il lui prend la main et lui dit: *bon jour, ma chère*. On le regarde avec un air de dignité qui le déconcerte un peu.—Que me veut monsieur le général?—Comment ce que je veux, réplique Titow, je viens de lire la lettre que vous avez écrite au prince Youssoupow et....—Eh bien, monsieur, est-ce que le prince me fixe une heure?—Quoi, vous fixer une heure; il est malade, il ne vous répondra seulement pas; mais moi, ma chère....—Vous, monsieur le général, je ne vous connaîs pas ni n'ai envie de vous connaître; j'ai à faire au prince Youssoupow et non à vous, je vous prie de vouloir bien vous retirer:

Библиотека "Руниверс"

j'ai besoin d'être seule. Le tout avec le ton d'une duchesse. Et le pauvre Titow est revenu furieux.—Eh bien, lui dit le prince: comment cela s'est-il passé?—Comment, c'est une coquine fieffée.—Je m'en doutais bien; vous en avez donc eu bon marché?—Quoi bon marché: elle n'a pas voulu m'entendre et m'a tout de suite montré la porte. Vous jugez quel riche texte chez le prince pour se moquer du pauvre Titow; il en aura pour six semaines.

Le comte Potemkine dit que la maison de la princesse Boris est si bruyante, sa société si éblouissante et sa promise si ravissante qu'il ne peut se résoudre à la voir ainsi au milieu d'un public si nombreux. Il retournera pour la noce, mais en attendant il achéte les plus magnifiques châles qu'ait produits la province de Cachemire, les plus riches fourrures de la Sybérie, et l'on n'aura jamais rien vu de si beau en ce genre.

III.

St.-Pétersbourg, le 3 janvier 1817.

Nous autres, habitantes des corridors du château, nous ne sommes pas gâtées par les postillons qui le plus souvent ne nous apportent nos lettres que 24 heures après l'arrivée de la poste; mais pourvu que rien ne manque qu'importe que cela soit ainsi? Si vous croyez qu'on s'amuse à les ouvrir, vous êtes encore dans l'erreur: il est impossible de les recevoir mieux conditionnées, propres et bien cachetées, ce qui prouve bien qui personne n'y met la main.

Ne vous étonnez ni ne vous effrayez de la mesure prise pour doubler la paye des officiers de l'armée; soyez sûr qu'on peut le faire sans charger le trésor, j'ai les données les plus positives sur ce que je vous dis là. Je me suis permise votre réflexion avec qui vous savez, et il m'a expliqué que des six millions que coûte cette augmentation un seul sortira de la caisse militaire, les cinq autres proviennent de la réforme d'objets qui ne servaient qu'en tems de guerre. Une soirée qu'on a passée chez moi Vendredy dernier m'a mise fort au courant sur cette partie. On m'a témoigné la plus grande satisfaction aussi de m-r Gouriew, en sorte que je n'ai pas été surprise du cordon bleu qu'il a reçu le jour de l'an, mais cela m'a fait grand plaisir; car j'aime beaucoup cette famille qui est toujours très-aimable pour moi. Cette soirée de Vendredy a été charmante, la conversation très-animée. C'est, je vous le répète, un homme adorable; il est impossible de réunir plus

Библиотека "Руниверс"

d'avantages à la fois, et il est difficile de vous rendre le charme qu'il a quand il cause! Mais n'êtes-vous pas bien ridicule vous de vouloir que je vous parle encore d'une polonaise qu'on aura pu danser, après ce que je vous conte de ses aimables visites? Allez donc, vous n'avez pas le sens commun.

Il y a longtems que, dînant chez le prince Serge Soltikow, on me parla de la bulle du pape contre la société biblique. Comme je n'ignore pas qu'il est défendu aux Catholiques de lire la Bible, j'ai trouvé très-simple que le S-t Père témoignât à Sestrentziewicz son mécontentement d'avoir acquiescé à être membre de cette société. Mais comme j'en parlai quelques jours après au prince Galitzine, ministre des cultes, il m'assura que jamais il n'en avait été question et il ajouta même que le métropolitain catholique n'aurait pu recevoir cette bulle que par lui Galitzine, et qu'il était bien certain que rien ne lui était arrivé, à telles enseignes que Sestrentziewicz, le matin du même jour, avait été à la séance de la dite société. Tourguéniew m'a dit encore la même chose, de sorte que l'histoire de la bulle me semble tout-à-fait singulière, et que je ne sais pas trop si ce que vous avez lu à Moscou est bien du pape, ou est controuvé. Au reste, je ne m'en inquiète pas: il en sera ce que vous voudrez. Quant à ce que vous me contez pour la bible géorgienne, il me paraît extraordinaire qu'on veuille envoyer à des églises grecques des bibles réformées tandis que la société nous donne l'année dernière une bible slavonne parfaitement exacte; je l'ai suivie de point en point, et c'est absolument celle de Sacy qui sans contredit est fort bonne. Enfin, il faudrait savoir si le fait est aussi positif que vous semblez le croire. M-r Pinkerton n'oserait pas, j'imagine, répandre parmi les Orthodoxes des bibles calvinistes. Au reste, voulez-vous encore que je vous fasse ma confession de foi sur cet article: tous les Catholiques sont furieux contre la société biblique et lui prêtent des intentions qu'elle n'a sûrement pas relativement à notre pays, vu la tolérence qui y existe. Ils inventent mille histoires sur Galitzine et sur Tourguéniew et sur tous ceux qui ont quelqu'affinité avec ces messieurs. Entendez m-r de Maistre, entendez la princesse Alexis et ces autres dames.... ils nous croyent tous à la veille de devenir Protestants. Je crois moi que ce n'est pas par la Bible que nous nous sauverons, mais bien par l'Évangile et la sainte morale qui s'y trouve. Or, le Nouveau Testament est le même dans toutes les églises, et pourvu qu'on s'en pénètre bien, qu'importe qu'une Bible soit plus ou moins complète! Ce que je vous dis là n'a peut-être pas votre approbation, mais voilà ce que je pense, et si par hasard cela vous déplaît, ne traitons pas plus ce chapitre à l'avenir que celui des émigrés ou

Библиотека "Руниверс"

royalistes sur lesquels j'ai des notions fausses, comme vous dites, ce qui en effet est très-possible. La traduction des petits livres anglais me paraît assez inutile, quoiqu'on y trouve une excellente morale; mais sans ces livres-là nous avons assez de bonnes choses à lire et à méditer.

Ah, si vous saviez comme je suis en disgrâce auprès de la p-sse Boris, je vous ferais peine! Elle m'a avoué qu'elle a porté des plaintes à mad. de Noiseville; elle lui a écrit que j'ai entièrement changé, que je ne la voyais plus que par procédé, que dans le monde j'avais l'air de ne pas la connaître, enfin, Dieu sait quoi. Cet aveu elle me le fit hier pendant un moment où nous nous trouvâmes tête-à-tête. Je l'écoutai avec la patience la plus chrétienne; puis je me mis à lui compter sur le bout des doigts les personnes que je voyais et en moins de cinq minutes je lui prouvai qu'elle était cependant celle chez qui je venais le plus souvent. Elle a été jalouse de vous; à présent elle l'est de Czernichew que je ne vois jamais qu'à la cour; comment trouvez-vous cette folie? Pour me faire de la peine, elle dit pis que pendre des Gouriew, et moi, pour ne pas déroger à mon calme, je la laisse dire, et quand elle a fini, je lui représente doucement combien il est peu honnête de dire du mal de gens qui ne lui en ont jamais fait. Alors elle m'avoue que c'est parce qu'elle en est jalouse. Je vous assure que ce sont tous les transports d'Hermionne, mais pourquoi faut-il que je sois le Pirrhus à qui tout cela s'adresse? Nous nous sommes séparées cependant en nous embrassant du meilleur coeur du monde. Je rends justice au sentiment qu'elle me porte, je sais qu'elle voudrait m'en donner souvent des preuves, et malgré cela je ne puis y répondre comme elle le voudrait à cause de l'extrême différence qu'il y a tant dans notre manière de voir que dans notre manière d'aimer. Une femme, *quelque distinguée* qu'elle puisse être, ne saurait être mon amie. Un je ne sais quoi m'a toujours tenu en garde vis-à-vis de toutes celles avec qui j'ai eu les relations les plus intimes. Il m'a été impossible de leur faire part de ma secrète pensée, tandis qu'il m'est arrivé de la dire à un homme, à Ribeaupierre par exemple; et tenez, je la dirais à vous beaucoup plus facilement qu'à Sophie (vous voyez que je n'excepte pas même mes soeurs). Après cela comment voulez-vous que je puisse contenter ma chère princesse?

Je ne lui ai pas soufflé le mot sur la visite de Vendredy pour ne pas être dans le cas de lui conter ce qui s'était dit: j'aime mieux me taire que de mentir ou de compromettre quelqu'un. Son bal masqué la veille de l'an a été, dit-on, fort joli; il y a eu des costumes charmants. A minuit on vit arriver l'écuyer du chevalier de la triste

Библиотека "Руниверс"

figure, il donna du cor, et la maîtresse de la maison s'étant présentée, il lui remit une lettre du seigneur Don Quichotte qui demandait la permission de comparaître avec la dame de ses pensées afin de souhaiter la bonne année à l'illustre compagnie. On les invita avec empressement, et aussitôt on vit entrer une douzaine de masques qui jouerent une scène entière de ce roman, ce qui eut un succès complet. Personne ne fut reconnu, et ce n'est qu'hier qu'on a reconnu le héros de la Manche dans la personne de blondasse, Sancho Pansa dans celle de Rodolphe de Maistre; la princesse Scherbatow, nièce de Kosadawlew, était Dulcinée, et je ne sais plus qui étaient les personnages secondaires. Mais blondasse sous le masque était charmant, à ce qu'on prétend. J'ai envie de l'envoyer comme cela à ma soeur pour qu'elle prenne part à ses succès. Toutes les affaires de ce pauvre blondasse ont manqué; on veut bien le recevoir avec le rang de conseiller de collège, mais il fait le difficile et veut être conseiller d'état. Je lui dis qu'il fait très-mal, qu'il ne s'agit que de mettre le pied dans l'étrier pour ensuite aller bon train. Potemkine vient d'envoyer des étrennes magnifiques: une pélerine à Lise, des fourrures aux princesses et une boîte d'or très-belle à la tante. La vue de tant de belles choses n'a pas laissé de produire un certain effet, je l'ai remarqué à ce que Lise a remis au doigt une petite bague qu'il lui avait donnée en partant et qu'elle avait dédaigneusement rejettée. Si donc les pélerines, les châles et les fourrures peuvent toucher son coeur, Potemkine est bien son homme.

Adieu, soyez persuadé de toute mon amitié. Vous savez, je pense, qu'Alexis Tolstoï est passé dans l'état-major des gardes; c'était pour y faire entrer son cousin, le fils du maréchal, et qui se trouve plus jeune que lui.

IV.

Moscou, le 11 janvier 1817.

Vous saurez qu'avant-hier Titow, me trouvant au Club Anglais, me mena mystérieusement dans une chambre particulière où il n'y avait personne, et cela pour me dire à l'oreille, que mad. Ostermann venait de lui écrire que l'Empereur dans les soirées de la cour avait pris l'habitude, après avoir fait le tour des dames et causé avec chacun d'elles, de s'asseoir à côté de la princesse Barbe Tourkistanow et d'y rester tout le reste de la soirée. Imaginez quel honneur, me disait

Библиотека "Руниверс"

Titow, et comme cela est remarqué et comme à présent mad. Ostermann doit se repentir de sa vivacité. Dites-moi, mon cher, vous écrit-elle tout cela, notre aimable princesse?—Ah, mon Dieu, pas un mot: ce sont de ces choses dont on ne parle point, on laisse *aux amis* le soin de les relever, comme fait votre petite comtesse. A propos, vous mande-t-elle aussi le repentir dont vous me parlez, ou bien est-ce une supposition judicieuse de votre part?—Oh, vous sentez bien qu'elle ne m'en dit rien; mais je crois qu'il y a longtems qu'elle en est aux regrets; *qui est ce qui pouvait prévoir que les choses tourneraient ainsi!*—Surtout après avoir cherché, comme l'a fait votre comtesse, à écraser des femmes qui ne lui avaient jamais rendu que des services; après avoir employé le verd et le sec pour nuire à Catherine en la perdant dans l'esprit de ses amis et en donnant contre elle à Tatiana toutes les impressions qui pouvaient servir à faire manquer le voyage arrangé.—Vous savez donc cela?—Oui, je le sais très-positivement.—C'est vrai qu'elle a fait cela, je le sais aussi; mais vous ne savez pas comme elle est jalouse et emportée, et que quand elle est en colère, rien n'est capable de l'arrêter.—Convenez aussi, mon cher général, que si le repentir ne lui vient que quand elle croit remarquer de la faveur, ce doit être un sentiment bien suspect.—Oui, mon cher, vous avez raison; mais on craint aussi que la p-sse Turkestanow ne parle de tout ce qui s'est passé, et cela pourrait faire bien du mal....—Je l'ai interrompu là pour lui dire que vous êtiez incapable de faire *du mal* à qui que ce soit; mais que la crainte qu'on en pouvait avoir était une juste punition de la *méchanceté* avec laquelle on en avait usé envers votre soeur et vous. Je vous avoue, chère princesse, que j'ai cru déjà remarquer cette crainte chez des gens qui touchent de plus près la c-sse Ostermann. Il n'y a pas de mal que des circonstances imprévues donnent parfois des leçons de prudence et de modération.

Vous faites très-bien de ne pas parler à la princesse Boris de la visite de Vendredy, à elle ni à personne. Cette pauvre princesse est folle avec ses jalousies et ses plaintes, mais elle serait bien aise et bien douce, si les contes qu'on fait ici sur elle avaient la moindre apparence de réalité: on débite (et même en très-bon lieu) que l'Empereur va journellement chez elle et qu'elle le reçoit avec la plus grande familiarité; que dernièrement S. M., la trouvant occupée à écrire lui dit: Où écrivez-vous?—Sire, c'est à Moscou.—Eh bien, mandez leur que je tiendrai ma promesse et que j'irai passer l'hyver prochain chez ces bons Moscovites. Avez-vous rien entendu de plus absurde? et cela se débite de bonne foi. Pour moi qui sais à quoi m'en tenir, je laisse dire et fais semblant de tout croire.

Библиотека "Руниверс"

Votre sentiment sur les femmes est juste et bien fondé: on ne peut avec prudence avoir de confience illimitée en elles quand on est de leur sexe. Elles peuvent être l'amie sûre et fidèle d'un homme; mais il y a toujours un petit coin de *perfidie* dans la plus intime amitié entre deux femmes; j'ai vu cela toute ma vie. Or, ce qui est vrai en thèse générale le devient cent fois davantage encore dans votre situation actuelle. Vous ne sauriez trop user de réserve, et malgré toute la prudence humaine, vous essuyerez encore quelques sourdes attaques que vous apprendrez tôt ou tard et qui achèveront de vous confirmer dans votre système. J'ai trouvé fort joli votre récit de Don Quichotte au bal masqué, jusqu'au moment où vous m'avez nommé le masque principal; son nom m'a désenchanté, et bien sûrement le dernier homme que j'eusse deviné sous ce déguisement eût été le fadasse blondasse, sans énergie comme sans vivacité pour un rôle qui demande exaltation et présence d'esprit; car Don Quichotte en est rempli. Enfin s'il a réellement réussi sous le masque, je lui conseillerais de ne le jamais quitter tant pour faire sa cour aux dames que pour aller en ambassade au nom de son souverain, si jamais il parvient à ce comble de ses voeux. N'épousera-t-il point Sophie Galitzine; fera-t-il toujours le difficile?

Dites-moi, avez-vous jamais lu le conte de la Fontaine intiluté: Le Petit Chien qui secoue de l'argent et des pierreries? Lise Troubetzkoy me le rappelle tout-à-fait et me prouve la vérité de ce qu'avançait la Fée Manto, qu'avec de l'or et des présents on vient à bout de toutes les femmes. Au reste, tant mieux pour Lise si quelque chose l'attache à celui qui doit être son mari. Mais à propos, que devient la pauvre princesse Kourakine pendant ces bals et ces mascarades? Y parait-elle? Reste-t-elle dans sa chambre? Comment va sa raison?

Je ne conçois rien à l'ignorance du ministre des cultes au sujet du bref du pape, car ce bref est très-réel et a été remis à l'archévêque Sestrentczewiecz par la voye du ministère, le paquet étant venu de Rome dans les dépêches du ministre de Russie, aussi bien que la copie que le pape en a adressée au prélat Badossi, copie envoyée de Pétersbourg à m-r Tormassow qui l'a remise en mains propres au prélat. Tout cela est positif, et le bref est ici publié en russe même, l'archévêque Augustin en ayant donné des copies de la traduction faite à Pétersbourg. On le lisait l'autre jour en pleine société et on prétendait que m-r Balachow irait à Rome, quoique sans caractère diplomatique, pour arranger cette affaire avec le pape. Si vous apprenez quelque chose sur ce sujet, mandez-le moi, et n'en dissentons plus; instruisons-nous mutuellement des faits sans nous communiquer notre

Библиотека "Руниверс"

opinion, parce qu'en effet ce sont des matières sur lesquelles on ne change point d'avis quand on en a adopté un par conviction et même par circonstance. C'est comme si nous allions traiter des sujets de controverse, sans nous souvenir que Bossuet et Leibnitz, les deux plus grands hommes de leur siècle, y ont perdu leur tems et leurs peines. Mais tout en demeurant chacun dans leur sentiment, ils n'en ont pas moins conservé l'un pour l'autre toute l'estime que méritaient leur caractère et leur savoir. A propos de ces grands hommes, avez vous lu la vie de Bossuet par m-r de Beausset, évêque d'Alais, le même qui a écrit il y a dix ans la vie de Fénélon? Je viens de lire cet ouvrage avec le plus extrême plaisir et intérêt, et si une lecture de ce genre ne vous semble pas trop sérieuse, donnez-vous ce plaisir-là; vous en serez bien contente, croyez-moi sur parole.

Je veux vous dire encore, avant de fermer ma lettre, que le mariage de votre cousine Mamonow avec le comte Langéron marche assez bien et que l'affaire sera probablement décidée sous peu de jours. Les parents le désirent, la tante surtout; la jeune personne ne s'est pas encore prononcée, mais paraît favorablement disposée. On s'est déjà vu plusieurs fois, mais Langéron ne fera de proposition directe que quand il aura une certitude absolue de n'être pas refusé. Si l'on ne vous écrit rien à ce sujet de chez votre tante, n'en parlez à personne, parce que tous ces détails je les tiens de confiance; c'est Langéron lui-même qui les a contés à Virginie en lui disant tout le désir qu'il a que la chose réussisse. Sous peu de jours elle sera *bâclée* ou manquée, à ce qu'il assure.

Je savais qu'Alexis était passé aux gardes; on s'est fort étendu sur la grâce et la bonté avec lesquelles la chose a été faite. Le père revient ici commander le corps d'armée: voilà qui est décidé. Je trouvai hier au soir chez mad. T. madame Swetchine, l'Italienne, revenant de Torjok où elle a passé des années. On lui faisait conter Palerme et la Sicile, et le couvent, la maison paternelle, et les habitudes del signor padre et della signora madre et d'il primo genito qui donnait des bals à l'insu de ses parents, et cent mille autres détails que j'avais déjà entendu dix fois de la même bouche, mais qui n'en font pas moins pâmer de rire madame T., comme si c'était la première fois qu'elle en entend parler. Cette pauvre Italienne se livre avec une bonne foi et débite son chapelet croyant qu'on prend grand intérêt à sa famille et sans s'apercevoir qu'on ne veut que rire de son accent, de sa naïveté, de ses gestes, et surtout de l'abandon avec lequel elle entre dans des particularités qu'on garde ordinairement pour soi. Et quand elle

Библиотека "Руниверс"

part, on se moque d'elle à plaisir. Voilà le monde! Vous l'avouerai-je, chère princesse, cela ne m'amuse point, surtout quand je vois que ce genre de plaisir est prémédité.

V.

St.-Pétersbourg, le 11 janvier 1817.

Depuis ma dernière lettre je ne suis presque pas sortie: un rhume affreux et un mal de gorge m'ont fait appeler Chrighton qui trouve que j'ai trop négligé cette incomodité et qui m'a ordonné un traitement, en sorte que je suis restée chez moi. Cependant Mardy soir je fus chez la princesse Boris: elle m'avait écrit un billet si tendre qu'il n'y avait pas moyen de lui refuser. Je m'enveloppai beaucoup et j'allai. Ce fut une soirée fort jolie par le choix des femmes qui s'y trouvaient: Catiche Soltikow, la comtesse Potocka, madame Gérébzow, toutes les trois charmantes chacune dans son genre. En hommes tous les mirliflores. Au lieu de danser ou de bavarder on a fait des charades en action; il y en eut quatre dans la soirée qui réussirent à merveille. Si vous ne connaissez pas ce genre d'amusement, faites-le-vous expliquer par Sophie qui l'a vu chez les Apraxine. On a donné d'abord *Vautour*, sans ortographe, car pour veau on représenta l'adoration du veau d'or. Les trois autres furent en règle, *Mercure*, *Prêtresse*, *Murmure*. L'enlèvement d'Europe à qui l'on fait passer la *mer* faisait la première syllabe de Mercure; ensuite venait la scène de Stratonice, pour faire *cure;* et le mot entier a été figure par l'Olympe où l'on voyait *Mercure*. *Murmure* a aussi été fort joli; pour la première syllabe on a fait voir le cheval de Troye qui introduit les Grecs et fait jetter à bas un *mur* de la ville; la seconde syllabe était la fable du Renard et du Raisin dont on voyait une grappe; et pour le mot entier où a fait voir le camp de Germanicus au moment où la dissension s'y met et où le *murmure* éclate. Vous conviendrez au moins que voilà de l'érudition et que pour s'amuser de cette manière il faut faire preuve de science en histoire et en mythologie. Je vous avoue que j'aime mieux cela que les violons, pourvu toutefois qu'on n'en fasse pas abus, ce qui pourrait bien arriver; car hier au soir chez Théodore les charades recommencèrent. Celle de *Théâtre* a eu beaucoup de succès; les trois actions ont suivi immédiatement sans interruption, car on avait partagé l'appartement en trois pièces; sur le devant de la scène on voyait la princesse Soltikow donnant un *thé*, plus loin un bivouac de militaires éta-

Библиотека "Руниверс"

blir autour d'un *âtre*; dans le fond un trône sur lequel se trouvait Sémiramis et pour coup de *théâtre* le moment où l'ombre de Ninus lui apparaît. Je ne vous conterai pas les autres, car toute ma lettre ne serait que charade.

Ce que vous m'apprenez de l'histoire de Lise Troubetzkoy et de Nicolas Dolgorouky ne peut être répandu à Moscou que par le seul Potemkine; je ne croirai jamais que la princesse Dolgorouky en ait écrit quoi que ce soit, et je parie ma tête que c'est un fagot qu'on aura fait à Moscou. La princesse Boris n'avait pas pensé à Dolgorouky, c'est lui qui s'est présenté, et la chose s'est passée absolument comme je vous l'ai écrite dans le tems.

Potemkine a écrit à Lise la lettre du monde la plus bête: il lui parle d'un amour qu'il ne sent pas et s'exprime dans le langage d'un prince de théâtre; il ne s'est même pas gêné du tout pour lui glisser toute une tirade d'Hyppolite à Aricie. C'est vraiment si ridicule que Lise, quoiqu'elle ne soit pas un aigle, en a rougi jusqu'au blanc des yeux; je n'imagine pas comment elle fera pour aimer un mari de la sorte, et je prévois combien il se trouvera de ces faiseurs de charades qui auront soin d'en tirer parti à leur profit. La grand'maman de Géorgie est dans l'enchantement que la chose soit arrangée; elle détaille à Lise tous les avantages de cette alliance; puisse-t-elle ne pas se tromper et puisse la jeune personne être aussi heureuse qu'elle le mérite par son excellent naturel!

Sophie et Alexandrine n'ont pas le moindre prétendant: on les trouve charmantes, et personne ne se présente. La noce d'Alexandre avec m-lle Lanskoy est fixée au 22. Le prince Boris donne 25 mille roubles de rente à son fils, m-lle Lanskoy en apporte 10 mille de rente aussi; Alexandre en a 6 mille du grand-duc Constantin outre un beau logement à Varsovie et l'entretien de ses chevaux. Ils seront à leur aise pour commencer. Alexandre n'est ni joueur ni dépensier, et ils pourront vivre le mieux du monde. Annette Lanskoy est une excellente personne; c'est elle qui depuis deux ans mène la maison de son père, par conséquent elle ne sera point novice à la tête de la sienne. Ma bonne princesse avait une extrême envie de faire faire la noce à la cour: vous sentez que cela nous donnait l'occasion d'avoir et l'Empereur, et les Impératrices à la cérémonie. Mais Alexandre, qui apparemment veut faire sa cour à monseigneur Constantin (ce que au reste est très à sa place) a obtenu que m-lle Lanskoy, quoique d-elle l'honneur, serait mariée à la chapelle du palais de marbre, et cela est ainsi décidé. Il est fort sage Alexandre et en général très en mesure; ce n'est pas comme mon ami André qui les trois quart du tems ne sait

Библиотека "Руниверс"

ce qu'il dit. Grâce à mon incommodité j'ai évité un bal chez l'ambassadeur d'Angleterre où je devais suivre l'Impératrice Élisabeth; j'ai également échappé à la Vilanella Rapita, qu'on a donné chez l'Impératrice-mère, mais Samedy 13 je n'échapperai pas au grand bal de la salle blanche pour le jour de naissance de S. M. l'Impératrice Élisabeth, et Mercredy prochain chez m-r de Noailles qui à l'instar de lord Cathcart veut aussi avoir la cour. A propos de ce bal de lord Cathcart, comme il le donnait à l'occasion de la fête de la reine, l'Empereur y a paru avec l'ordre de la Jarretière, et ce jour-là n'en portait aucun autre. Cela a fait un bel effet. Il est impossible d'être plus aimable et de mettre plus de grâce à ce qu'il fait.

Le prince Menschikow m'a dit hier qu'on avait écrit à Tormassow de faire délivrer l'argent de mes soeurs sans hypothèques et qu'au lieu de six mille roubles il était question de douze mille. Que dites-vous de cette mémoire qui a tant à s'exercer et qui n'a pas oublié une conversation de cinq minutes et fort insignifiante! N'est ce pas une preuve évidente de la manière dont il est disposé pour moi? Et après cela vous voulez que je vous dise s'il a dansé une polonaise. Il ne la danserait jamais que je n'en serais pas plus inquiète; je ne veux rien pour la galerie, mais dans ma chambre c'est autrement. Les 12 mille roubles (si tant est que ce soit vrai) feront jaser Moscou sans aucun doute; mais je m'en bats l'oeil, comme dit Titow, et je sais très-bien que je peux marcher tête levée en ce cas comme en bien d'autres.

VI.

Moscou, le 16 janvier 1817.

Il faut que je vous parle un peu de la nouvelle du jour dont l'héroïne est malade au lit et le héros chevauche par monts et par vaux depuis ce matin pour aller se consoler à Pétersbourg de la disgrâce qu'il a essuyée à Moscou. Vous comprenez que je parle de Langéron et de votre cousine Mamonow: leur mariage est au diable. Cela ne serait rien si cette affaire ne fût devenue la fable de la ville; mais elle a été si mal entamée, si mal conduite, qu'il n'en pouvait guère arriver autre chose. Dès Odessa le c-te Langéron avait fait son plan; jusques là c'était bien. Mais il en confia l'exécution à m-r Apraxine qui de confidence en confidence en instruisit la ville et les fauxbourgs en faisant jurer à chacun de ses intimes amis qu'il garderait le secret que lui-même gardait si mal. Il en est résulté que huit jours avant l'arri-

Библиотека "Руниверс"

vée de Langéron chacun se disait: on l'attend et il vient pour épouser mad-lle Mamonow. Cela a donné le tems et l'occasion à mille officieux de mettre à la chose tous les empêchements que l'âge du prétendant, son peu de fortune, sa qualité d'étranger et sa conduite avec sa dernière femme pouvaient fournir. Cependant la d-lle n'a point mal reçu les premieres avances; la tante a invité Langéron chez elle, et la nièce est allée consulter le prince Stcherbatow son oncle que le seul mot de Français fait frissonner; il a jetté feu et flamme contre le *maudit Français*, en représentant à sa nièce qu'elle allait devenir une des plus riches héritières de l'Empire par la mort de son frère qui doit *crêver* un de ces quatre matins vu la vie qu'il mène; qu'elle allait être le second tome de mad-lle Orlow, qu'elle pourrait choisir à la cour qui elle voudrait, et enfin il a si bien fait que la belle, après avoir accordé plus que des espérances, s'est retractée tout-à-coup mal adroitement et presque mal honnêtement, parce qu'il n'appartient pas aux sôts de savoir mettre de la mesure dans les choses. Votre oncle a été chez elle pour lui conseiller d'user de formes plus polies après avoir reçu et invité Langéron; mais votre oncle a trouvé la d-elle malade et ne voulant point le recevoir. Il est le seul parent dont Langéron se loue. Voilà la vérité; mais vous connaissez assez notre bonne ville pour deviner les broderies absurdes et ridicules qu'on fait à qui mieux mieux sur ce fond-là. C'èst la seule chose qui me déplaise pour Langéron, car pour la chose en elle-même c'est, je crois, un bonheur pour lui qu'elle soit manquée. On assure que la belle a un tendre dans le coeur pour Constantin Rjewsky, frère de mad. Swistounow, et si cela est vrai le cordon bleu n'eût point sauvé Langéron des accidents qui arrivent aux maris qui ont quarante ans de plus que leurs femmes.

Vous avez grande raison, c'est un vrai plaisir de penser que dans le même moment deux amis à une grande distance s'occupent l'un de l'autre; j'y ai pensé bien souvent les Lundy et les Jeudy qui sont ordinairement les jours où vous écrivez et moi aussi. Cette petite remarque de votre part m'est très-chère. Vos charades en action m'ont empêché de dormir cette nuit; j'ai voulu me représenter comment dans un salon on faisait voir l'enlèvement d'Europe; qui donc faisait le taureau, et quelle belle montait sur le dos de ce taureau? Et puis ce taureau avec sa charge, nageant sur un parquet devait avoir la plus mauvaise grâce du monde; et tout cela voulait dire *mer*; je veux qu'on me pende si je l'eusse deviné. Et le cheval de Troye qui signifie *mur*, c'est encore plus fort. Mais encore une fois, qui faisait le cheval; il n'y a que le ventre du prince Théodore qui puisse un peu prêter à l'illusion, car il est de capacité à renfermer bien des Grecs, si l'imagination aide

Библиотека "Руниверс"

à la lettre. Je crois qu'en effet l'imagination doit prodigieusement travailler pour trouver le mot de la charade, mais les déguisements peuvent amuser, quoiqu'à tout prendre j'aimerais mieux la plus petite comédie parlée que ces pantomimes dont le sens est furieusement tiré par les cheveux.

Vous devez savoir à présent que la princesse Dolgorouky a très positivement écrit à son cousin Khawansky pour qu'il déclarât ici à tous les Troubetzkoy que Nicolas et Lise n'auraient jamais rien de commun; le prince Khawansky le dit tout haut au dernier bal de mad. Apraxine, votre soeur y était, elle me l'a affirmé. Vous sentez que cela n'a pas manqué d'être relevé non plus que le bal du nouvel an au moment de la mort d'un parent. C'est cette dernière circonstance qui probablement est cause de la froideur du c-te Tolstoï. A propos de celui-ci il ne viendra à Moscou que Dieu sait quand: on le renvoye à Mohilew présider un conseil de guerre ce qui afflige sa femme. Cela passe même dans l'esprit des amis de la maison pour une marque de défaveur, parce qu'on sait que Tolstoï désire fort d'être ici, et qu'il a des ennemis qui travaillent à ce qu'il n'y soit pas, lesquels ne pouvant pas encore changer cette destination réussissent au moins à retarder son arrivée. On paraît craindre qu'on ne lui destine un autre séjour pendant celui que la cour fera ici, ce qui serait un déboire du grand genre. J'en serais bien fâché, car j'aime le c-te Tolstoï de tout mon coeur.

Cette pauvre Lise Troubetzkoy va se dégoûter à jamais de son promis s'il continue la correspondence aux dépends d'Hyppolite. Il est bien maladroit à lui de se faire comparer aux héros de Racine qui sait si bien peindre l'amour. Conçoit-on la sottise poussée à ce point? Conçoit-on aussi la fortune d'aller se jetter sur un sujet de ce genre et de laisser tant d'honnêtes gens se morfondre devant sa roue? C'est une divinité qui n'a pas le sens commun.

Jeudy, 18 janvier.

Eh bien oui, rien n'est plus sûr: la commission a l'ordre de donner sans hypothèques douze mille au lieu de six mille, ce qui ne laisse pas d'être très-agréable, et mille fois plus pour vous qui n'en profiterez pas que pour vos soeurs à qui, au reste, cela vient très à propos. J'ai vu m-r Arséniew dans la plus belle robe de chambre de gros de Naple quadrillé, tout poudré, en cravate bien élégante, mangeant des *ierchis* et faisant des *hélas*! sur sa santé à chaque petit poisson qu'il avalait, ne laissant pourtant pas d'en dévorer un bon nombre. Je lui

Библиотека "Руниверс"

ai dit qu'il faisait le vieux avec ses plaintes et ses soupirs; il m'a répondu que c'était une honnêteté de ma part et une preuve de ma politesse, qu'il ne jouait rien et se sentait tout cassé et brisé. Au fait, il avait très-bonne mine, mais il avait eu un bon petit accès de fièvre. Langéron a été malade aussi; je le croyais en route, il ne part qu'aujourd'hui. J'ai vu des amis de sa défunte femme qui ne plaignent pas la comtesse Mamonow d'échapper à ce mari-là. Il est assez probable qu'il y avait fort à dire des deux côtés; c'est un homme à facettes, comme disait mad. de Sévigné de Villebrune.

Nous avons ici depuis deux mois la princesse Serge Galitzine née Ismaïlow, qui fait tout ce qu'elle peut pour conserver sa réputation d'originalité: elle se coiffe comme personne, ne se montre qu'aux lumières, paraît au bal de l'assemblée à minuit avec un laurier sur sa tête, parce qu'elle a l'honneur d'être Russe, dit-elle. Au bal du 13 chez m-r Tormassow elle arriva fort tard, et chacun remarqua avec surprise que le gouverneur la reçut avec des distinctions qu'on ne sait à quoi attribuer: il fit aussitôt suspendre les écossaises pour danser une polonaise avec la princesse, et cette polonaise unique une fois finie les écossaises reprirent leur trains. On ne sait à quoi attribuer cette galanterie si non à ce que tout qui fait un bruit quelconque en impose à m-r Tormassow. La princesse Serge fait du bruit à la vérité, mais à tout prendre jette un triste coton; elle rassemble chez elle Alexis et Basile Pouchkine: ce sont les coryphées de sa société. Nous ne comptons pas Michel Orlow qui est le *cavaliere-servente,* en tout bien et tout honneur, à ce qu'on assure. Elle ne va que dans les lieux publics; chez elle, elle magnétise avec ardeur; elle a une d-lle Allemande, espèce de femme de chambre renforcée et qui est le sujet qu'elle manipule à la manière de Mesmer; je ne vous dirai pas jusqu'où va la crise, parce que je ne l'ai pas vu et que souvent ce qu'on entend est si ridicule, absurde et peu vraisemblable qu'il y aurait de la sottise ou tout au moins de la niaiserie à le répéter.

A propos, un mot de votre lettre m'a fait rire. Vous prévoyez, dites-vous, que bien des faiseurs de charades tireront parti à leur profit du peu d'amour que Lise aura pour son mari. Or, ces faiseurs de charades ne me paraissent pas avoir la moindre analogie avec ces charades en action dont il est question au commencement de votre lettre; mais ils rappellent, au contraire, une scène fort plaisante du roman de Faublas que probablement vous connaissez. Un certain comte de Lignolles, fort sot, comme Potemkine, et fou de charades, était persuadé que sa femme en faisait avec Faublas et pendant qu'elle était enfermée avec ce jeune homme il la questionnait à travers la porte.—

Библиотека "Руниверс"

Que faites-vous donc, madame?—Monsieur, nous faisons un enfant dont on vous croira le père.—Comment un enfant?—Eh oui, monsieur, c'est-à-dire une charade. Dites moi si vous avez fait allusion à cette folie en me parlant de Lise? Et si par hasard vous n'avez jamais lu Faublas, je vous conseille bien de ne le point lire, car c'est un roman fort croustilleux, quoiqu'il fut à la mode chez toutes les dames de Pétersbourg il y a 20 ans, quand Pétersbourg ressemblait à Babylone. Aujourd'hui que c'est une nouvelle Jérusalem, je pense qu'on n'y lit plus Faublas, ou qu'on le lit si fort en cachette que personne ne s'en vante.

VII.

S-t Pétersbourg, le 15 janvier 1817.

Hélas, cher Christin, il n'est que trop vrai: la lettre de la princesse Dolgorouky existe, et on vient d'en envoyer une copie exacte à la pauvre princesse Boris qui est justement indignée d'un procédé aussi méprisable. C'est une menteuse insigne que cette p-sse Dolgorouky, elle a forgé son histoire pour Moscou, car ici jamais elle n'eût osé se la permettre. Et savez-vous ce qui pourrait en résulter? Tout uniment la mort de quelqu'un, car hier le prince Boris et sa femme avaient décidé qu'André écrivait à Nicolas à Paris pour lui demander raison de sa conduite. Tout ce que j'ai pu dire pour calmer les esprits a été inutile. C'est la vieille princesse de Géorgie qui vient de nous jetter ce brandon, elle l'a reçu de Moscou de la p-sse Troubetzkoy la borgne, tante de Lise. Imaginez ma surprise hier en arrivant là pour dîner de ne trouver que des figures renversées: on venait justement de recevoir cette fameuse lettre. Schoulépow qui connaît l'histoire telle qu'elle s'est passée ne revient pas de tant d'effronterie; il faut avoir l'âme bien noire pour se résoudre à inventer de la sorte. Eh bien, le tout ne vient pourtant que de la confidence faite à Tufiakine; si la princesse Boris fut demeurée tranquille, comme nous le lui avions conseillé, la p-sse Youssoupow et moi, tout le beau jeu serait demeuré de son côté. Mais dès qu'elle a bavardé à contre sens, l'affaire a été gâtée, et une fois tombée entre les mains de cette mégère, il n'était pas difficile de deviner qu'elle en porterait encore toute la peine. Au nom du ciel n'ouvrez pas la bouche sur tout ceci, laissez dire ce qu'on voudra, et voyons comment cela finira.

Библиотека "Руниверс"

Je parierais que son fils ne se doute même pas de cette intrigue, car la lettre n'a été écrite que depuis qu'il est retourné à son poste à la mission de Paris. Il est parti désespéré et en suppliant Schoulépow de le tenir au courant des affaires de Lise, et de l'informer surtout si le mariage de Potemkine venait à manquer, par ce qu'alors il reviendrait à l'instant pour reprendre son projet. Schoulépow me conta tout cela le jour même du départ de Nicolas, et nous convînmes de ne jamais dire une syllabe de cette intention dans la maison Galitzine, quelque parti qu'on prit avec Potemkine. Après cela comment la p-sse Dolgorouky peut-elle affirmer que jamais son fils n'ait pensé à Lise et qu'on ait séduit et surpris ce jeune homme? Il faut être bien impudente pour en agir ainsi. Mais si André écrit à Nicolas, il faudra bien que la chose soit tirée au clair cependant, et alors où sera le moyen d'en imposer? Ah que de vilaines choses se passent dans le monde!

La petite Gagarine de Moscou a écrit à Lise tout ce que Potemkine achette pour elle; ce n'est ni plus ni moins que seize châles tous plus beaux les uns que les autres; une parure en émeraudes comme on n'en trouve que dans les Mille et Une Nuits, enfin tant et tant que la jeune personne commence un peu à revenir de ses préventions.

L'histoire de mes soeurs est très vraye; Menschikow est venu me la conter en détail. Je meurs de peur seulement qu'au lieu de 12 mille roubles on n'en donne 18 mille, car la réquete de 1813 avait été présentée au nom de nous trois, parce que la maison brûlée était en commun. M-r Tormassow, d'après la manière dont l'ordre est rédigé, pourrait croire qu'il revient six mille à chacune des soeurs, et je vous assure que cela me chagrinerait fort. Le bal du 13 m'a fourni l'occasion de remercier l'Empereur. Comme ce jour-là j'avais été le matin chez l'Impératrice Élisabeth, j'y avais vu l'Empereur, mais sachant qu'il n'aime pas les remerciements de cérémonie, j'ai remis les miens au soir, et c'est pendant qu'il dansait une polonaise avec moi que je les lui fis. Il parut surpris que je fusse informée et me demanda de qui je le savais; il me fut impossible de nier le fait et je nommai Menschikow. „Je suis fâché, me dit-il, qu'on vous l'ait appris ici: je désirais „que la première nouvelle vous en vint de Moscou par votre soeur „Sophie“. Vous conviendrez que c'est charmant.

Jeudy, 18 janvier.

Je viens d'expédier deux journées assez fatigantes. Avant-hier le bal de l'ambassadeur de France, et hier un autre chez la p-sse Woldemar dont c'était le jour de naissance. Mais j'ai trouvé moyen de ne

Библиотека "Руниверс"

veiller ni à l'un ni à l'autre. Mad. Gouriew avec qui j'allais s'était arrangée à s'en aller à minuit juste, ce qui nous a réussi à merveille. M-r de Noailles a fort bien fait. Il aura jetté les yeux sur les archives de Caulincourt; car il a suivi de point en point tout ce qui se pratiquait aux fêtes que ce dernier donnait. J'ai retrouvé exactement le même ordre de choses, avec la différence d'un heureux changement dans les circonstances. Je n'ai pu m'empêcher d'en faire l'observation à l'Empereur; et je vous assure que tout en marchant une longue polonaise, nous n'avons pas laissé que de faire de bonnes réflexions tant sur le passé que sur le présent. Quant à l'avenir, il l'abandonne si fort à Dieu que j'ai tout lieu d'espérer qu'il en sera protégé spécialement. Hier il m'a donné encore un témoignage de ses bontés qui m'a fait grand plaisir. Il m'a envoyé un charmant déjeuner, deux tasses, avec théière, caffetière, pot au lait, sucrier, et une jatte pour rincer; le tout en porcelaine de la fabrique de Pétersbourg, et sur un beau plateau en malaquite d'une seule pièce avec un entourage en bronse. C'est fort beau. Remerciez-moi, je vous prie, de n'avoir pas accepté ce que vous vouliez me donner, car s'il m'eût vue bien fournie en choses de ce genre, il ne m'eût point fait ce joli présent. Au lieu qu'en prenant son thé la dernière fois qu'il vint chez-moi, il remarqua le modeste service que j'avais et me demanda la permission de m'offrir quelque chose de mieux. Mais voulez-vous que je vous dise ce qui m'a fait plaisir dans cet envoy? Vous allez me trouver bien romanesque! Eh bien, ce sont les deux tasses; s'il y en avait eu douze, l'effet n'eût pas été le même; mais *deux*! Oh, c'est tout-à-fait autre chose. Vous pensez bien que je n'étrennerai pas ces deux tasses autrement qu'avec celui de qui je les tiens. Quand sera ce? Je n'en sais rien. Aujourd'hui il va à Czarskoé-Célo pour y passer deux jours; peut-être donc dans le courant de la semaine prochaine; au reste, ce sera quand il voudra: je n'y toucherai sûrement pas avant.

La princesse Boris m'a appris que la lettre pour Dolgorouky est partie; je l'ai vue extrêmement triste chez l'ambassadeur et encore plus hier chez la p-sse Woldemar; elle avait pleuré, car ses yeux étaient rouges; je suis restée auprès d'elle une bonne demi - heure et nous avons parlé de nouveau de cette fatale lettre et des funestes conséquences qu'elle pouvait avoir. La princesse comprend la singulière position de Nicolas qui doit désavouer des projets qu'il a clairement exprimés ou vuider sa querelle avec André; et l'un et l'autre de ces partis est fort ambarrassant. Mais à tout prendre, les Galitzine ne pouvaient pas agir autrement.

Библиотека "Руниверс"

J'ai eu hier la visite de mon excellent Czernichew qui est venu me faire ses adieux partant ce soir pour Varsovie, dans l'intention d'y fixer sa destinée: il va se marier à une femme qui est bien loin de le mériter, dont la conduite jusqu'ici a été des plus extravagantes, et qui encore dans ce moment abuse peut-être d'un homme plein d'honneur et dont l'imagination est exaltée pour elle. C'est cette princesse Dominique Radziville qui a été l'hyver dernier ici, qui était en liaison avec Arthur Potocky qu'elle a planté là pour Czernichew, et celui-ci croit *de son devoir* de l'épouser. Le coeur me tourna la première fois qu'il me parla de cette affaire. Mais comme il ne me consultait point et se bornait à me faire part d'une décision arrêtée, il ne me resta qu'à faire des voeux pour son bonheur. Il fait profession d'avoir pour moi beaucoup d'estime et d'amitié, et je prévois que s'il ramène sa femme à Pétersbourg il voudra absolument que je la voye.

Ce prince Chakhawskoy qui s'en va ainsi tout déguisé pour épier sa belle, et Titow allant à la découverte d'une autre, tout cela est digne de figurer dans l'Hermite de la Chaussée d'Autin. Ce sont deux vieux fous qui mériteraient qu'on leur donnât une de ces leçons qu'on donne aux gens de leur sorte dans certaines pièces de théâtre. Et ce prince, tout perclus, tout couvert de playes, qui reçoit encore de semblables invitations....! Ah bon Dieu, cela fait fremir! Il a oublié, je crois qu'il va mourir un de ces quatre matins. Notre vieux Kourakine qui ne vaut pas grand chose non plus est cependant plus en régle, car on dit qu'il n'a conservé qu'une seule Dulcinée de quatre qu'il en avait. Cet automne à Gatchina je lui fis lire le Nouveau Testament, après quoi il a demandé des sermons à Galitzine; qui sait s'il n'aura pas mis le pied à l'étrier?

Ce n'est pas vrai que B. ait perdu, il est d'une avarice sordide et ne joue que pour attraper quelque chose: dès qu'il gagne une vingtaine de ducats il est content et quitte la table; s'il lui arrive d'en perdre dix, vite vite il les paye et ne touche plus une carte, de toute la soirée. C'est le quinze qui se joue en société; on ne voit plus de Pharaon si ce n'est tout-à-fait à huis clos. On m'a assuré toute fois que depuis longtems on couche au joue B., et peut-être finira t-on par le happer, mais assurément ce ne sera pas Kisselew: il est trop comme il faut pour se permettre une pareille conduite.

Ce n'est pas non plus Hume Karamsine qui a protégé Obolensky le curateur. Ce choix, hélas, vient de quelques amis à moi dont vous me permettrez de taire le nom. Vous aurez su que les d-lles Apraxine ont reçu le chiffre le 13, et je vous apprends que malgré ce qu'on en disait, grand-mère, mère et filles sont fort contentes d'une distinction qui est venue purement de l'Empereur.

Библиотека "Руниверс"

VIII.

Moscou, le 24 janvier 1817.

Vous êtes en vérité admirable avec vos craintes de recevoir six mille roubles aussi bien que vos soeurs! Eh bon Dieu, celui qui les donne n'est-il pas la source de toute grâce et jamais se fit-on un scrupule d'accepter ce qu'il offre d'une façon si aimable et si délicate. Allez, vous êtes bien peu de votre pays! Prenez, prenez, sans crainte ni regret, et pour vous consoler, sachez que le coeur humain a cela de particulier qu'il s'attache par le bien qu'il fait plus encore que par celui qu'il reçoit. Cette vérité ne dissipe-t-elle point vos craintes? Hein, qu'en dites-vous? Vous aimerez un peu plus qu'avant, on vous aimera beaucoup davantage. Cela vous dédommagera bien du petit chagrin d'avoir six mille roubles sur lesquels vous ne comptiez pas.

En vous envoyant ce joli déjeuner, l'Empereur m'a fait un présent à peu près pareil; on vous faisait ici quelque chose de semblable bien simple, bien uni, bien modeste, mais moins fragile que la porcelaine.... A tout seigneur tout honneur, la préférence lui serait due par droit de primauté, quand il n'y aurait pas encore quelqu'autre petite raison de le faire passer avant moi. Eh bien, je veux garder pour mon usage ce que je vous destinais, et je me persuaderai que cela me vient de bien haut. N'est ce pas une heureuse tournure que prend là mon imagination? Vous avez raison, les deux tasses disent beaucoup plus que ne fairait la douzaine; c'est très-galant, de très-bon goût, et sûrement on ne tardera pas à venir étrenner le cadeau.

Ce pauvre Czernichew épouse donc la Dominique! Il sera richissime, mais ces richesses lui coûteront le bonheur de sa vie. Ne sait-il pas la conduite de cette belle (qui n'est point belle au demeurant); ne sait-il pas que l'envie d'obtenir la tutelle de l'enfant Radziville est le motif qui l'engage à épouser un favori qui lui fasse obtenir cette tutelle si désirée! Voilà donc un héros qui finit par une chute et qui ne sera plus le même homme. Pourquoi faut-il que chacun fasse au moins une fois dans sa vie une sottisse de nature à fonder d'éternels regrets! C'est le cachet de l'humanité. Nos plus grands malheurs nous viennent par notre faute.

Ce vieux brûlé de Kourakine, vous croyez en faire un prosélyte, parce qu'il ne lui reste plus qu'une Dulcinée; mais combien lui en voulez-vous donc? Trop heureux celui qui à 65 ans conserve encore le besoin de *l'unique*. Je sais bien que si j'en avais jamais eu et que par malheur il m'en restât encore, j'en ferais bon marché. Quand je vois

Библиотека "Руниверс"

ces vieillards avec des maîtresses, il me semble toujours voir Quinze-Vingts porter lunettes. Je vous quitte pour aller dans un grandissime bal masqué, chez mad. Kologriwow. C'est le premier de l'année pour moi; encore n'y vais-je que par un excès de complaisance, et je vous garantis qu'il sera bien le dernier aussi. Savez-vous que je deviens joueur; je fais au Club Anglais un whist à 50 roubles le rober, qui m'amuse et ne me ruine pas; au contraire, il me traite fort bien. Quand je gagne, je songe à vos poules du macao, et je vous voudrais mon bonheur. En général je vous souhaite toujours tout ce qui est bon et avantageux; il me semble que je sais fort bien vous aimer et que je ne me trompe point sur le sentiment de préférence que vous m'inspirez. Heureusement que j'ai fait ma profession de foi à cet égard avant que vous connussiez m-r Le Grand et que je peux la répéter tête levée. Je vous répète aussi ce que je vous ai prédit dès l'origine de cette connaissance: *elle prospèrera.* Sur cet adieu, chère et bonne princesse, il faut donner deux heures à ces diables de violons qui vont m'assourdir et que je déteste.—Je rentre, il est deux heures du matin, j'ai laissé cette cohue sautante; je suis harassé de bruit de la musique, du caquet insipide des masques et de la chaleur étouffante qu'il fait là. J'ai joué et gagné 150 roubles; c'est en vérité un trop leger dédommagement pour tant de peines.

IX.

Moscou, Dimanche soir, 28 janvier 1817.

Je ne sais si cette lettre partira demain ou Jeudy, j'ai un moment à moi, j'en profite pour vous conter la conduite scandaleuse de votre soeur Sophie. Je fus la voir l'autre jour, je la trouvai ayant un gros rhume; le lendemain je fus lui demander des nouvelles de sa santé, et ce rhume était devenu une extinction de voix complète avec de la chaleur et de la fièvre: me voilà à m'allarmer, à la prier de faire venir Pfeller, et elle à se moquer de moi et me dire qu'elle ne veut point de médecin, qu'elle n'a besoin que de repos et de sommeil, et tout cela en riant à se pâmer. Pourquoi donc n'avez-vous pas dormi? lui demandai-je.—Parce-que j'ai passé la nuit entière avec un jeune homme, me répondit-elle.—Vous jugez de ma surprise; mais elle ne se fit pas presser pour me conter que le cousin Mamonow, qu'elle n'avait pas vu depuis une année, lui avait écrit la veille pour lui demander la permission de venir lui dire adieu avant de se mettre en route pour l'Al-

Библиотека "Руниверс"

lemagne; elle répondit, qu'il serait le bien venu, et la voilà à l'attendre jusqu'à minuit sans rien voir paraître. Enfin elle va faire ses prières et se coucher; pendant qu'elle se déshabillait voilà le grand cousin qui arrivé; elle envoye sa femme de chambre le prier de remettre sa visite au lendemain.—C'est impossible, dit-il, je pars dans demi-heure pour Danzig, on ne peut pas me refuser une minute. Sophie se rhabille, vient au salon, le gronde de venir si tard, et s'appaise quand elle apprend que réellement il est en route déjà.—J'ai ordonné que ma dormeuse soit ici dans un moment, je ne veux point rentrer chez moi, permettez qu'on apporte les paquets qui sont dans mon traîneau. Aussitôt paraît la cassette et 10 paquets, et des pelisses, et des bonnets et mille choses pour la route. Pendant ce tems on cause, on fait des reproches, on s'excuse, et le cousin ne voulait point regarder en face et se tournait toujours à l'ombre. Sophie veut en savoir la raison, il est obligé d'avouer que se trouvant enlaidi il n'aime pas à se faire voir; on le plaisante, mais on découvre qu'il est en effet très-changé, très-vieilli, et le visage bouffi (suite de son beau genre de vie). Deux heures sonnent; paraît un valet de chambre français qui lui dit: *Monseigneur*, on ne peut pas avoir de chevaux à la poste jusqu'à demain matin. Sophie alors veut sérieusement le renvoyer, jamais elle n'en peut venir à bout; il jure qu'il ne rentrera point chez lui, qu'il partira de-là. Il jette un paquet d'assignats au valet de chambre en disant: des chevaux de louage à tout prix! Ces chevaux ne sont arrivés qu'à 8 heures, et le cousin n'a pu partir qu'au grand jour. Sophie en était furieuse, mais enfin elle prend le parti d'en rire. Quand les matines ont sonné, elle lui a proposé d'aller à l'église prier Dieu pour son bon voyage; il s'est moqué d'elle en disant que depuis plus d'une année il n'avait pas mis le pied dans un saint lieu. Il s'en va à Danzig, Hambourg et Londres; c'est un jeune homme très-bizarre et qui fait tout ce qu'il peut pour se perdre et se ruiner de toute façon.

Il est un autre cousin à vous, beaucoup meilleur sujet et beaucoup plus gentil, dont votre soeur prétend que vous avez une médiocre opinion; c'est le petit prince Michel Galitzine, fils de la princesse Marie Adamowna. Vous le croyez, dit-on, gauche et sauvage; il n'est, je vous assure, ni l'un ni l'autre, mais il est très-enfant, très-naïf, et l'amour développe sa figure et son maintien aussi bien que son esprit. Il est amoureux fou de la princesse Gagarine (aînée), fille de mad. Kologriwow qui, entre nous, le paye, je crois, d'un tendre retour. Il ne bouge plus de-là, la mère le traite en enfant et a l'air de ne croire à rien de ce qu'il dit, mais au fond elle serait enchantée d'en faire gendre. Le petit homme dit: ah, si maman n'aimait pas l'argent par dessus tout!...

Библиотека "Руниверс"

Il croit bien que cette maman ne se contenterait pas d'une belle-fille de 900 paysans, qui pourtant sont quelque chose. Au reste, tout cela est d'une enfance extrême et pourrait bien se dissiper en mûrissant. Votre soeur dit qu'il est fort drôle à entendre sur ce sujet Pour moi je vous garantis que dans cette maison-là il est sémillant, a une bonne tenue, une tournure heureuse: c'est tout ce que j'en ai vu dans le bal de l'autre jour.

Lundy, 29 janvier.

Je dînai hier chez mad. Tolstoi: c'était la naissance de Zachou. M-r Apraxine nous lut les lettres de sa fille Nathalie, je sais donc bien des détails sur les bals de la cour et celui de Noailles; mais m-r Miatlew m'écrit que ce dernier a manqué à beaucoup de choses: 1°, il a ouvert le bal avec l'Impératrice-Mère au lieu de l'Impératrice Élisabeth, ce qui fait que celle-ci n'a pas pu danser la première polonaise; on prétend que Noailles aurait dû prendre l'Impératrice régnante, parce que l'Empereur, qui ne peut pas danser avec sa femme, aurait conduit sa Mère. 2°, Il a oublié de demander la police qui ne peut se présenter chez un ambassadeur sans en être requise. 3°, Il ne s'est pas trouvé au moment où le souper a été annoncé, et les Impératrices ont dû demander à un valet de chambre par où il fallait passer. Voilà de grandes incongruités, si elles sont véritables. M-r Miatlew m'apprend aussi le mariage de Czernichew avec la Dominique, mais de Lise pas un mot; en attendant les circulaires de Nijni vont leur train. Miatlew, enfin, m'apprend que Lundy passé il y a été témoin *oriculaire* de la noce d'Alexandre Galitzine avec m-me Lanskoy, et qu'il y avait tant de cors pour sonner les fanfares et accompagner ceux qui entraient et sortaient que jamais rien n'avait été si bruyant. Je vais ce soir au spectacle chez mad. Annénkow; n'enviez-vous pas mon sort?

Je lis depuis hier la vie du prince Potemkine en français; je ne connaissais point ce livre; il est intéressant: on y retrouve tant de gens qu'on a connu et tant d'autres qu'on connaît encore que cela se laisse lire avec facilité. C'est une histoire bien moderne si on ne compte que les années, mais bien ancienne si on envisage la face des choses et les changements inimaginables opérés depuis 25 ans dans la manière de penser et de faire de ceux qui gouvernent l'état. Tout cela est fort curieux à voir, à suivre, à observer; il n'y a qu'une chose fâcheuse, c'est que la vie est trop courte pour pouvoir espérer de bien juger les résultats de la nouvelle école; nos neveux nous en rendront compte quand ils nous rejoindront au royaume des cieux. Avez-vous lu, chère prin-

Библиотека "Руниверс"

cesse, le récit du médecin Anglais qui a accompagné Bonaparte à S-t Helène? Il y en a un extrait dans la *Poste du Nord*, il faut donc que m-r Kosadawlew ait la brochure anglaise. S'il y a un moyen de s'en procurer un exemplaire, je vous demande en grâce de me l'envoyer, car je serais très-curieux de lire l'original. Si on le vend, le prix n'y fera rien, donnez-en ce qu'on en demandera; si on le prête, je vous le renverrai par la poste tout aussitôt. Si on ne le prête ni ne le vend, faites-moi le plaisir *de le voler*, je vous le renverrai avant Pâques, vous le remettrez à sa place et n'aurez pas ce péché à confesser. Vous voyez que j'ai une volonté ferme d'obtenir, et on assure que qui veut *bien*, obtient.

X.

S-t Pétersbourg, le 25 janvier 1817.

Titow vous a fait un tas de fagots, cher Christin: il est impossible que mad. Ostermann ait écrit ce qu'il vous a conté à moins qu' elle n'ait eu l'intention de se moquer de lui. Il n'y a pas un mot de vrai sur ces conversations prétendues avec l'Empereur, parce qu'il ne vient jamais à aucune soirée de la cour; on ne le voit qu'aux grands bals, et alors il ne s'assied auprès de qui que ce soit; tant que durent les polonaises, il les danse toutes; lors que les valses sont en train, il va causer avec les ministres étrangers, ou bien avec nos messieurs à nous; s'il approche une femme, il lui parle debout, et cela jamais plus de cinq minutes; lors qu'on est à souper, il fait le tour des tables et vient encore dire quelques mots aux personnes à qui il a coutume de parler. Je ne l'ai jamais vu qu'une seule fois assis; je me souviens que c'était à Péterhof à un bal chez l'Impératrice: pendant qu'on valsait, je le vis prendre une chaise et s'asseoir auprès d'une fenêtre avec son frère Constantin et causer ainsi fort longtems; depuis il ne m'est jamais arrivé de le voir en public autrement que debout. D'ailleurs, persuadez vous bien qu'il ne me témoigne à ces bals aucune distinction particulière; s'il me prend pour une polonaise, s'il me fait l'honneur de m'approcher, c'est absolument comme tout le monde; vous pouvez le dire à Titow, si bon vous semble. Il y a des gens qui veulent en faire accroire sur leur faveur, et moi, je vous répète encore, que la mienne n'existe que dans ma chambre et que je n'en veux pas d'autre; je ne veux rien pour la galerie, et je vous assure que si cet homme eût été un simple particulier, j'aurais fait tout au monde pour en être comme

Библиотека "Руниверс"

de façon, à ce qu'il pût s'établir entre nous les mêmes relations d'amitié qui existent par exemple entre vous et moi.

J'attends des nouvelles de Sophie au sujet de l'argent du comité; il me tarde d'apprendre comment cette affaire aura été faite, et surtout de savoir que ce n'est que 12 mille et non pas 18, ce qui serait désespérant. Au reste, telle somme que ce soit, j'imagine que ce sera encore un beau sujet pour clabauder; Titow l'aura su de la première main, puisqu'il est des intimes de Tormassow, et c'est là qu'il aura fait l'étonné; mais croiriez vous qu'ici il y a quelqu'un qui m'a demandé s'il était vrai que l'Empereur m'eût donné cent mille roubles! Comment trouvez vous cette supposition? J'ai bien vite conté le fait pour faire revenir de la haute idée qu'on avait de ma faveur. — Je pense que la princesse Boris ne serait pas fâchée dutout si je lui faisais part des bêtises qu'on débite sur la sienne à Moscou, mais je ne lui en dirai rien. Toute la famille est dans les joyes de la noce; Alexandre a été marié, Lundy à la chapelle du palais de marbre; il y avait 15 Lanskoy d'un côté et 15 Galitzine d'un autre, et puis la princesse Youssoupow et Menschikow avec sa femme. On a été en sortant de l'Église souper chez les mariés qui sont logés dans la maison Orlow sur le quai; le lendemain on a dîné chez les parents de la jeune personne; le soir elle est venue chez sa belle-mère où il n'y avait personne que moi. Annette est très-bien, elle fait beaucoup de fraix pour tout ce qui tient à la princesse Boris, et il est impossible de ne pas la trouver très-agréable; j'approuve beaucoup le choix d'Alexandre qui de son côté est un excellent garçon. Mais savez vous ce qu'il en a coûté au prince-*fermier* pour marier ce fils? Ni plus ni moins que 90 mille roubles, c'est-à-dire en y comprenant les diamants donnés à la demoiselle, les châles, le loyer de la maison, les voitures, la livrée et la pension de 6 mois payée d'avance. Il m'a prouvé tout cela article par article, et tout cela a été fait argent comptant. Vous conviendrez que les brasseries d'eau de vie doivent rapporter considérablement pour pouvoir en agir de la sorte.

M-r Balachow est parti pour Stoutgardt pour féliciter le nouveau roi sur son avènement au trône; il n'a pas été question qu'il dût aller ailleurs, mais si on venait à le savoir à Rome, vous pourriez avoir raison. En attendant on ne parle pas plus ici du bref que de l'an 40. Mais on m'a dit hier une chose qui m'a extrêmement surprise et que j'ai encore de la peine à croire, c'est que madame Krudener s'est faite catholique à Rome où elle se trouve depuis peu. Nous avons eu des lettres de nos voyageures de Naples. Tatiana à son arrivée a été souffrante des nerfs, mad. de Noiseville prétend que cela tenait à une cer-

Библиотека "Руниверс"

taine époque, car du moment où cela a été passé elle s'est trouvé mieux. Catherine écrit à la princesse Boris que mad. Potemkine observe le plus strict régime, ne mangeant, ne buvant que d'après les ordres de Lavalée, se couchant à dix heures, ce qui l'empêche d'être d'aucune société, car on ne se rassemble qu'à onze. C'est donc avec mad. de Noiseville que ma soeur compte se présenter dans le monde. Déjà elles ont fait des visites à toutes les compatriotes: madame Narichkine, la comtesse Orlow, mad. *Mocenigo*, la femme de notre ministre, et je ne sais qui encore. M-r Markow est venu tout de suite voir Tatiana et s'est emparé de son mari pour le conduire où il fallait; il paraît qu'on fera bon menage avec lui et qu'il ne sera pas question du passé. Mad. de Noiseville a aussi eu le plaisir de trouver à Naples le jeune Vaudreuil attaché à l'ambassade du duc de Narbonne. Elle dit que c'est un jeune homme charmant et elle espère le voir souvent. Lady Douglas est aussi là; vous avez sûrement entendu parler de sa beauté; eh bien, on fait déjà la comparaison avec Tatiana, et quoique la belle Anglaise ait six mille compatriotes pour soutenir sa cause, mad. de Noiseville paraît ne pas la redouter dutout. Cet article de sa lettre est traité d'une manière très-plaisante et s'adresse particulièrement à Schoulépow, admirateur passionné de mad. Potemkine.

Il vient de paraître un nouveau roman de mad. de Genlis, intitulé les *Battuécas*; le premier volume est parfaitement intéressant, et le second ne se fait lire que par procédé: il est chargé d'événements et offre souvent des rapports de circonstances qui me déplaisent; on s'arrache ce livre, c'est à qui l'aura. M-r de Bray qui a toutes les nouveautés me l'a prêté, et j'ai reçu 15 billets déjà pour me le demander. Enfin, je viens de l'envoyer à la duchesse de Wurtemberg. Avez-vous été près de Salamanque lors que vous étiez en Espagne, et y avez-vous jamais ouï parler de la vallée des Battuécas? Si vous allez me dire non, je croirai qu'elle n'existe que dans le seul abbé Moreri cité par mad. de Genlis, et alors mon héros Placide en deviendrait bien moins intéressant.

Vous êtes venu trop tard pour me recommander le silence sur les projets de Langéron: ils étaient connus ici, et déjà m'avait-on demandé s'il était vrai que ma cousine l'épousait. J'ai dit que je n'en savais pas le mot. Aujourd'hui il m'a été assuré qu'il avait été refusé, et lui-même est arrivé de hier. Je pense que je le verrai ce soir au spectacle chez l'Impératrice. Je le connais très-peu ce Langéron, je me souviens seulement qu'il avait une voix glapissante. Nous avons depuis huit jours le maréchal Barclaï, et avec lui Wladimir Galitzine qui est venu me voir plusieurs fois; je lui ai parlé de son mariage, il me paraît qu'il y pense assez légèrement; mais il m'a fait l'aveu de bien des sottises:

Библиотека "Руниверс"

il a joué comme un fou et a considérablement dérangé sa fortune; je l'ai grondé, il est convenu que j'avais raison, et cependant je frémis qu'il ne joue encore. Tous ces Galitzine joueraient les pieds dans l'eau.

XI.

Moscou, Jeudy, 1-er février 1817.

Quand aux 18 milles ou 12 milles, si vous voulez, m-r Tormassow ne sait comment s'y prendre et demande de nouvelles instructions. Nous sommes, je crois, un excellent général et nous nous entendons à merveille à conduire une armée; mais à la tête d'un gouvernement nous sommes plus neufs et plus embarrassé qu'un enfant de 20 ans, et arrêté à chaque pas par la peur de faire mal, sans aucune confiance en qui que ce soit et sans rien vouloir déterminer par soi-même; il en résulte une stagnation fâcheuse dans les affaires, et celles qui s'achèvent après mille retards vont justement au gré des impulsions que les plus intrigants réussissent à donner à force de revenir à la charge. Cela, chère princesse, compose un gouverneur plus mené qu'un autre, sans croire l'être, et qui ne contente personne. Vous sentez bien que je vous transmets ici la voix publique; car, Dieu merci, n'ayant nulle affaire, je ne suis jamais dans le cas de le juger par ma propre expérience.

Je ne suis pas moins surpris que vous de la conversion de madame de Krudener à la religion catholique. Si elle en comprend bien l'esprit, il faudra qu'elle rabatte furieusement de cette exaltation de tête pour se soumettre aux dogmes obligés et aux pratiques ordonnées. Un bon catholique croit sa religion fixée par l'Évangile et l'Évangile suffisamment expliqué par les conciles et les pères de l'église; sur la foi de ces autorités respectables il va droit son chemin et ne se croit pas appelé à devenir une nouvelle lumière de l'église au premier mouvement d'amour sensible pour le Createur. L'humilité lui fera cacher entre Dieu et lui les consolations que Dieu lui envoye au fond de son coeur; et si Dieu en veut faire quelque chose de plus, Il saura bien lui en préparer la route sans qu'elle soit embarrassée de ces singularités et innovations qui le plus souvent sont des occasions de scandale plutôt que d'édification. Jusqu'ici madame de Krudener m'avait paru être un membre de cette nouvelle église qui s'établit dans l'église, sans que tous ces apôtres de mysticité nous donnent aucune preuve de

Библиотека "Руниверс"

leur mission, si ce n'est des idées singulières d'une perfection qui n'est qu'en paroles et qui ne les soustrait à aucun intérêt mondain, à aucune vanité du siècle. Cela ne durera pas et n'ira pas loin; la vérité simple et sublime reprendra ses droits, j'en ai la ferme confiance. Depuis les premiers siècles du christianisme, l'église n'a cessé de combattre ces erreurs naissantes avec plus ou moins de peine, mais toujours avec un succès complet; en sorte qu'elle est demeurée *une* et que tout ce qui n'a pas voulu se soumettre à ces décisions en est demeuré séparé, comme les sectaires de Luther, dont les divisions et subdivisions de croyance, allant jusqu'à l'infini, prouvent à quoi on s'expose en secouant l'autorité légitime. Les catholiques d'aujourd'hui sont absolument les mêmes que ceux du tems de Léon X, et parmi les Luthériens vous n'en trouverez pas un seul qui croye ce que croyait Luther. Une fois séparés du *tronc de l'arbre*, il leur est arrivé ce qui devait arriver, c'est que chacun s'est cru en droit de décider pour soi en matière de croyance, comme l'avait fait le prétendu réformateur; et que, de variation en variation, d'erreur en erreur, on en est venu au socinianisme tout pur, ou si vous voulez à une espèce de déisme, qui reconnaît encore l'utilité de la morale de Christ, sans croire à Sa divinité ni à Sa mission pour racheter les hommes par Sa mort. Voilà où en viendra immanquablement toute secte qui, sous le voile d'une perfection idéale, refusera de se soumettre à l'autorité de l'église.

XII.

St.-Pétersbourg, le 1-er février 1817.

Je suis d'une telle paresse aujourd'hui que si je m'écoutais, je ne prendrais pas la plume.

Savez-vous ce qui me met dans cet état d'inactivité? Un mécontentement décidé contre moi-même. Depuis quelque tems cela va très-mal pour l'intérieur; c'est une lutte tellement violente entre l'esprit et les mouvements de la chair que j'en demeure toute fatiguée et harrassée. Dieu sait si je veux dévier de la marche que je me suis tracée, et cependant je ne puis me dissimuler que *j'ai donné du nez à terre* et fait bien des pas retrogrades. Tout cela me jette dans un trouble extrême et me fait bien regretter de n'être pas sous une certaine autorité visible *qui m'ordonnerait*, et à laquelle je serais forcé *d'obéir*. J'aimerais toujours que dans la disposition d'esprit où je me trouve en ce moment, il y eût quelqu'un qui pût me mener *haut à la main*,

Библиотека "Руниверс"

comme on le fait pour des vilains enfans bien indociles; il me semble que je serais bien aise qu'on me mît à genoux, au pain et à l'eau! Cher Christin, combien nous nous abusons quelque fois sur nos forces! Enfin, j'espère que Celui Qui lit jusqu'au fond de ma pensée aura pitié de moi et me regardera d'un oeil de miséricorde. Ne me répondez pas sur cet article, mais souffrez que si à l'avenir je sens le besoin de parler sur ce sujet, ce soit à vous encore que je m'adresse.

Notre héros Langéron se promène ici tout consolé de sa mésaventure; il a même pris le parti de la conter lui-même à plusieurs personnes. Il m'a dit qu'il avait été chez ma tante et m'a donné des nouvelles de l'oncle dont en effet il paraît content. En le regardant l'autre jour au bal chez l'Impératrice, j'ai trouvé qu'il était encore très-bien, et qu'à tout prendre il a pu sans trop de présomption prétendre à la main de la cousine; ce n'est pas la première jeune fille qui aurait épousé un homme âgé, surtout quand cet homme est en passe de lui donner une fort-belle existence; car il n'est pas douteux que la promise de Langéron recevrait le chiffre avant la noce et la cocarde de S-te Catherine après le mariage. D'ailleurs je ne pense pas que m-lle Mamonow eût été malheureuse comme a pu l'être mad. Kachintzow, la défunte femme de Langéron, qui ne tenait à aucune famille et dégageait par là, comme par bien d'autres choses, Langéron des égards qu'on doit aux entours de sa femme si ce n'est à elle-même. Sous ce rapport la cousine était parfaitement à l'abri, ayant, pour parler le langage de madame T., l'inappréciable avantage de tenir à une parentée illustre: des Scherbatow d'un côté, des Galitzine de l'autre; et puis la fortune y aurait aussi fait quelque chose. En somme, je l'aimerais mieux madame de Langéron que madame Constantin Rjewsky. Je ne savais pas que le frère Mamonow fût en si mauvais état de santé qu'on s'attende à le voir *crêver* un de ces quatre matins. Sophie ne m'en parle jamais; n'est-il donc pas en ville? Pauvre jeune homme, comme il a abîmé son existence!

XIII.

Moscou, Mardy, 6 février 1817.

Je veux vous conter une histoire tragique qui est venue affliger nos jours gras. Un jeune Maslow de Rezan avait quitté une jeune épouse enceinte pour venir achever une affaire à Moscou. Se promenant Samedy sur le quai avec des chevaux fringants dont il venait de faire l'acquisition, ces animaux effrayés de la foule se sont emportés pré-

Библиотека "Руниверс"

cisément en un lieu où le quai manquait de balustrade et ont sauté du haut du quai sur la rivière gelée; un des chevaux est mort sur la place; Masslow a eu les deux jambes cassées et tout le corps abîmé; on l'a rapporté à son auberge où il est expiré au bout de 36 heures des plus épouvantables souffrances, appelant sa femme qui, hélas, n'arrivera que pour l'enterrer. Je n'ai jamais vu ce jeune homme, mais toutes les circonstances de cet accident m'ont extrêmemeut frappé. Il se préparait à revenir chez lui, à ramener de beaux chevaux à sa femme, il faisait peut-être, comme tous les jeunes gens, mille projets plus agréables les uns que les autres, peut-être dans cette même promenade calculait-il l'avenir le plus éloigné et ne pensait-il à rien moins qu'à la mort qui l'a surpris d'une manière si terrible et si imprévue! J'en frissonne en y songeant. Cette histoire a duré 24 heures ici et a été remplacée par celle de m-r de Rostopchine qui scandalise toute notre noblesse et surtout m-r Swetchine qui la tient de première main, car c'est la comtesse Rostopchine qui lui a conté la lettre qu'elle vient de recevoir de son mari. Cette lettre porte, que le comte Rostopchine, voulant faire la connaissance du duc de Wellington, pria m-r Pozzo-di-Borgo, notre ministre, de l'y conduire. Celui-ci s'empresse de l'accompagner. En arrivant il dit au duc: „Mylord, j'ai l'honneur de vous présenter m-r le comte de Rostopchine, qui a la plus juste envie de connaître un homme aussi célèbre que l'est votre excellence". Wellington répond à cela par un air goguenard et un *ah! ah!* Pozzo, étonné, reprend: „Mylord, c'est le comte Rostopchine, général russe et gouverneur militaire de Moscou en 1812". Wellington, du même ton, ne dit que ces mots: *oh, oh!*, et on n'en put tirer autre chose. Pendant toute la visite il n'adressa pas la parole à Rostopchine qui en est furieux. Ses amies d'ici traitent le brave Wellington de *bête, d'animal* et autres gentillesses du même genre. Je leur réponds froidement en leur montrant un numéro du Courrier de Londres qui parut il y a trois semaines, dans lequel se lit l'article suivant. „Une dame célèbre demandant l'au„tre jour au comte Rostopchine ce qui l'avait principalement engagé „à venir à Paris, ce général russe répondit: *J'ai voulu voir les trois „plus grands farceurs de l'Europe: Potier, Talleyrand et Wellington*". Vous conviendrez que cette mauvaise et plus que mauvaise plaisanterie qui n'a pas pu être ignorée du duc de Wellington, puisqu'elle était publiée dans la gazette de Londres, était plus que suffisante pour autoriser la réception que lui a faite Wellington, lequel fort naturellement a du se croire insulté en se voyant comparé à Talleyrand et à plus forte raison à l'histrion Potier. Personne ici n'avait lu cette gazette, attendu que personne ne lit rien. Et quand je la mets sur la

Библиотека "Руниверс"

table du club, ces messieurs disent que c'était une simple plaisanterie de Rostopchine. Eh messieurs, les *ah*, *ah* et les *oh*, *oh*, étaient aussi une plaisanterie de Wellington. On apprend à tout âge, et m-r de Rostopchine apprend que s'il peut se permettre des sarcasmes en Russie, cette manière ne réussit pas en tout pays et que les convenances et les bienséances doivent être observées envers les autres quand on les exige pour soi.

Mecredy, 7 février.

Voici votre lettre 5 du 1-er. Elle m'intéresse infiniment. Quoique je ne comprenne pas ce qui vous afflige, mais je comprends parfaitement l'humiliation que vous avez soufferte intérieurement, n'importe le sujet ou l'occasion. Vous vous êtes crue dans un chemin d'avancement et, qui plus est, vous vous y êtes complue.... La chair est venue vous donner un soufflet pour vous rappeler que vous êtes chair....! Ah, mon Dieu, rien n'est si commun; cela arrive aux saints, cela arrivait à S-t Paul; et sans cela nous pécherions par l'orgeuil, ce qui est bien d'une autre conséquence. Humilions-nous, défions-nous de nous-mêmes; reprenons courage, recommençons sur nouveaux fraix et surtout disons-nous bien que notre vie entière n'est et ne sera qu'un combat et que c'est une illusion dangereuse de se croire un moment victorieux ou à l'abri d'une rechute. Non, non, jamais, jamais, Dieu l'a voulu ainsi; notre vie est un tems d'épreuve et de travaux: ce n'est qu'à ce prix qu'on obtient le bonheur éternel. Cependant rien n'est si facile que de se débarrasser de cette lutte pénible; il ne faut que succomber et se retirer du champ de bataille; alors il n'est plus question de rien, on vit avec les vivants sans se soucier de l'avenir et des conséquences; mais on meurt et l'on paye tout cela. Voilà j'en ai bien peur de ce qui m'attend; car, chère princesse, Dieu m'a fait la grâce de me faire voir et comprendre le chemin avec une clarté qui me rend cent mille fois plus coupable qu'un autre, quand je m'en écarte; et pourtant je ne le suis ce chemin-là que par instant et je remets à un avenir incertain ce qui devrait faire mon unique soin de tous les jours. Oui, sans doute, adressez-vous à moi en toute occasion, je vous comprendrai à merveille et je vous plaindrai mieux qu'un autre; car je ne verrai chez vous qu'un grain de ce qui pèse lourdement chez moi. *Humilité et défiance* doit être la devise des hommes.

Comment n'envoye-t-on pas le comte Strogonow passer l'hyver à Lisbonne, c'est un climat qui ressussite les mourants; j'ai connue des Anglais qui y avaient des maisons et y allaient passer régulière-

Библиотека "Руниверс"

ment depuis la fin d'octobre au commencement d'avril, puis revenaient l'été en Angleterre; et sans ce changement ils n'auraient pu vivre. C'étaient des poitrines ruinées, c'étaient des hommes usés pour avoir trop vécu, et ils poussaient ainsi leur carrière jusqu'à un âge avancé. Il est vrai que d'Angleterre, grâce à la mer, ce voyage est une bagatelle. Si le comte Strogonow passe l'été, conseillez-lui cela pour l'hyver prochain, il ne faut pas hésiter. Lisbonne vaut bien mieux que Naples pour le climat, c'est une espèce de paradis terrestre; je m'y suis promené en janvier dans une forêt d'orangers grands comme des chênes et chargés de fruits, n'ayant d'autre souci que de choisir les lieux où l'ombre était la plus épaisse: tant la chaleur du soleil était forte; et cette forêt est aux portes de Lisbonne.

Je croyais le comte Schouvalow si riche que 500 mille roubles à payer eussent été pour lui une bagatelle. Je ne suis nullement étonné des dettes de sa mère. Cette bonne comtesse ne vivait pas si elle ne donnait des fêtes; or, en tout pays c'est une chose fort coûteuse.

Tréodore a raison au sujet de Laval; il vous regarde comme un astre qui s'élève sur l'horizon et il vous encense. Hélas! C'est de la faiblesse humaine! Il a agi avec moi en contre sens; j'avais eu le bonheur de lui rendre quelques services avant son mariage. Quand je revins de Paris et du Temple, il sut que je n'étais pas en odeur de sainteté et me ferma sa porte *tout net*. Ce fut alors que le comte Tolstoï, gouverneur militaire de Pétersbourg, me rendit un si grand service en éclairant l'Empereur sur l'injustice qu'on me faisait. Je ne puis ni ne dois oublier que j'ai fait sa connaissance en contractant avec lui une obligation sacrée, car c'est à lui que je dois d'être en Russie. J'appris hier au soir au club que son fils Alexis est malade; j'y vais à l'instant.

Jeudy, 8 février.

Alexis a eu une fausse pleurésie de 3 ou 4 jours dont il est parfaitement remis. On attend S-t Priest sous peu de jours, et quand au comte Tolstoï, rien ne paraît encore décidé sur son sort. Que dit-on d'Eudoxie chez sa belle-mère? Ici on en chante merveillle, son mari l'adore et en a des soins infinis et touchants.

Библиотека "Руниверс"

XII.

St.-Pétersbourg, le 8 février 1817.

Vous saurez que j'ai fait mon carnaval tout aussi bruyamment que si j'avais suivi les bals qui ont eu lieu dans la semaine. Samedy j'ai été à celui de l'Impératrice; Dimanche à un déjeuner dansant chez les nouveaux mariés Galitzine; j'ai trouvé là si bonne compagnie et tant de gayeté qu'il m'a fallu, je dois l'avouer, un effort de raison pour en sortir à 9 heures afin d'aller achever ma soirée chez mad. Gouriew que je savais malade. Alexandre avait réuni les plus jolies femmes de la ville, en homme toute la troupe dorée (comme on appelle la maison de l'Empereur). Tout le monde était venu avec l'intention de s'amuser, de sorte que le bal a été charmant. Il y avait longtems que je n'avais vu un déjeuner dansant, cela m'a paru tout-à-fait joli. On a dîné à sept heures passées, après quoi on s'est remis à danser; gavottes, quadrilles françaises, tout a été en train. Catiche Soltikow et la petite Lapouchine ont fait merveille dans la gavotte. Pendant que tout ceci avait lieu chez Galitzine, le voisin Miatlew s'en donnait aussi à coeur joye; plusieurs personnes allaient et venaient d'une maison à l'autre; on a été même sur le point d'ouvrir une porte du salon Galitzine qui communique à celui de Miatlew, pour réunir par ce moyen les deux bals; je ne sais ce qui a mis empêchement à cette idée qui eût été très-plaisante à exécuter et qui certainement eût diverti tout le monde. Madame Apraxine riait aux anges à ce déjeuner; un air de jubilation qu'elle cherchait en vain à déguiser, m'a rendue certaine d'une chose que je soupçonnais: le Scherbatow est pris, il a demandé Sophie Apraxine dont il est devenu amoureux, et vous pensez bien qu'on n'a pas dit non. Ce qui fait garder le silence, c'est qu'on attend une réponse de m-r Apraxine à qui on a écrit de suite. Mad. Apraxine m'a fait une demi-confidence qui en vaut une toute entière. Je l'ai félicitée de tout mon coeur, et sûrement dans les tems difficiles où nous vivons, on peut se réjouir avec une mère si elle a l'occasion de bien marier sa fille. Scherbatow a 42 ans, il est vrai, et Sophie n'en a que 19, mais il est encore très-bien pour la figure.

Lise Troubetzkoy partira dans quinze jours pour Nijni; son père et la vieille princesse de Géorgie désirent que le mariage se fasse chez eux, ce qui est fort naturel: le prince Troubetzkoy qui est très-souffrant ne peut pas se rendre à Pétersbourg, la grand'maman est trop vieille pour courir la poste, et la princesse Boris est enchantée que

Библиотека "Руниверс"

cela s'arrange ainsi, et elle a fort approuvé les intentions de sa mère et de son beau-frère.

Tolstoï retourne à Moscou, il a fini ses affaires et ne veut plus entendre parler de Witebsk; il est très-content de sa nouvelle destination.

XV.

Moscou, le 15 février 1817.

Je savais depuis 6 jours le mariage de m-lle Apraxine; le père est à comprendre pourquoi, en lui demandant le consentement qu'il a envoyé avec tant de plaisir, on lui recommande le secret; le fait est que la princesse Woldemar ne veut pas qu'on en parle encore, même à la jeune personne. J'ignore les raisons de cette réserve, mais je sais bien qu'elles ne serviront à rien, car le papa est dans une joye qui ne lui permet pas de garder le silence: il confie son bonheur sous le sceau de la discrétion à tant d'intimes amis que cela est devenu le secret de la comédie. Il heurte à toutes les portes pour trouver de l'argent pour le trousseau à faire, et si Pétersbourg n'est pas au fait de ce mariage il l'apprendra par la poste de Moscou et pas plus tard qu'aujourd'hui, car tout le monde en parle. Je vous avoue que je ne conçois pas le goût du prince Scherbatow d'avoir préféré Sophie à Nathalie qui est bien plus à mon gré et bien plus jolie et au goût de tout le monde. Les trois *plaques* du prince le rendent un parti de conséquence, et je ne suis point étonné du bonheur qu'en ressentent les parents et de la jalousie des autres mères.

Le divorce de Talleyrand est impossible; le pape, en le relevant de ses voeux de prêtrise, exigea qu'il épousa sa femme à l'église et non sous la cheminée, comme il avait fait jusques là; le pape exigea la même chose de Napoléon pour Joséphine qui, comme beaucoup de gens de cette époque, n'avait jamais reçu la bénédiction nuptiale. Le couronnement fut précédé de tous ces mariages en forme, et si bien en forme que le Saint Père n'a pas pu divorcer Napoléon, ni rendre valide le mariage de Marie-Louise qui, à l'heure qu'il est, n'est aux yeux de l'église qu'une concubine. Vous sentez bien que Talleyrand ne demandera pas un divorce à 65 ans pour épouser sa nièce; c'est un conte qu'on fait à plaisir. Ce qui n'en est point un, c'est le livre du docteur anglais, car je l'ai lu en original, bien imprimé à Londres: Boulgakow vient de me le prêter. Il est clair que dans les conversa-

Библиотека "Руниверс"

tions que Napoléon a eues avec ce médecin il avait le projet de lui faire écrire ce livre; il l'a cajolé de toutes manières, et lui a parlé précisément sur tous les sujets qui le rendent odieux à l'Europe entière; l'affaire de S-t Jean d'Acre, celle du duc d'Enghien, celle de Pichegru, la mort du capitaine Wright; et sur tout cela il a menti fort à son aise, n'ayant personne pour le contredire. Pour moi qui ai vu ce pauvre capitaine Wright au Temple plus de six mois après l'exécution de Georges et la mort de Pichegru, je sais bien que ce que Napoléon dit à son sujet n'a pas l'ombre de vérité, et je juge du reste par ce fait-là.

Je veux vous dire à présent, que je n'aime ni n'approuve ces dîners diplomatiques auxquels vous êtes invitée je ne sais pourquoi; ou plutôt je sais bien pourquoi. Songez à ce que le prince Théodore vous a dit des Laval; rien n'est plus juste. Mais cette étoile prétendue, croyez que ce n'est pas des Laval seuls dont elle éveille l'attention; soyez sûre que tout s'observe par les gens qui sont observateurs d'office et qui rendent compte non-seulement de ce qu'ils voyent, mais encore de ce qu'ils conjecturent, et tenez-vous pour dit, que cet homme *parfaitement aimable* à côté de qui vous avez dîné chez Laval, aura regardé sa place auprès de vous comme une bonne fortune pour fournir matière à sa dépêche du lendemain. Au milieu des éloges les plus flatteurs, il aura probablement amené la conversation sur le sujet qu'il lui est intéressant de traiter, et chacune de vos paroles aura peut-être été citée à l'appui de *telle supposition* ou *contraire à telle autre*. J'ai été trop longtems dans la bouteille à l'encre pour ne pas connaître le fond de tout cela, et vous pouvez vous en rapporter à moi pour être bien persuadée que les trois quarts du tems il y a plus de commérages sous le chiffre que d'affaires d'état. Cela vous est bien égal, direz-vous; mais peut-être dois-je vous apprendre aussi que la contre-épreuve de tout ce qui s'écrit d'une cour dans l'autre revient à sa source par les mêmes moyens, de manière qu'il arrive fort souvent que l'Empereur Alexandre par exemple apprend, par les dépêches de Vienne ou de Berlin, ce qui se passe dans son propre palais et autour de sa personne. Tous les souverains sans exception sont très-curieux de ces détails, et cela est fort simple vu le peu de moyens qu'ils ont de connaître la vérité. Mais je ne voudrais pas qu'un mot de vous, chère princesse, revint de cette manière; cela peut être rendu de travers et à contre-sens et effaroucher une confiance naissante à laquelle l'habitude ne peut qu'ajouter beaucoup de charme et de prix. Je ne prétends pas décider si ma réflexion, toute juste qu'elle est, peut prêter à l'application dans ce cas particulier; mais je n'en conclus pas moins

Библиотека "Руниверс"

en thèse générale que je n'aime point pour vous ces dîners diplomatiques. Je vous parle en vieux routier qui a sur les tripotages ministeriels une longue et triste expérience.

On ne parle plus à Moscou que de la proclamation du marquis Paulucci aux Courlandais, et des conséquences qu'on en tire pour le reste de la Russie. Ce qu'on dit tout haut à ce sujet fait frémir, et j'espère qu'on est bien instruit de la disposition générale des esprits et qu'on n'achèvera rien sans y avoir mûrement réfléchi et sans avoir pesé scrupuleusement les suites qu'une détermination de ce genre pourrait avoir. On assure que la noblesse de Courlande a répondu, que si la civilisation est assez avancée pour permettre la liberté des paysans, elle l'est donc assez à plus forte raison pour autoriser la classe noble à demander pour elle une constitution écrite et conforme aux idées libérales du siècle.

Soit que cette réponse soit vraie ou supposée, il est certain qu'elle fait ici l'opinion générale des modérés; celle des autres est bien plus dangereuse. Je ne vous parlerais point de tout cela si la proclamation n'avait été imprimée dans toutes les gazettes et n'était devenue par la même un sujet *légitime* de conversation. Cette publicité prématurée fait que personne ne se gêne. Dieu veuille dans Sa miséricorde inspirer notre Souverain et lui donner la prudence dont il a besoin! Dieu veuille surtout lui donner connaissance de *la vérité* dans un moment où les passions agitent tous les esprits et où le désir du bien peut même faire illusion aux mieux intentionnés.

XXX.

St.-Pétersbourg, le 13 févrir 1817.

On assure que m-r Decazes fait un très-beau mariage: il épouse la fille de la duchesse de Duras; voilà qui va l'illustrer et le ranger peut-être d'un autre parti. On parle beaucoup aussi du mariage de Talleyrand, mais on ne sait pas s'il épouse la mère ou la fille. La duchesse de Courlande est à Paris depuis longtemps et très-bien, dit-on, avec ce Bénévent, mais d'un autre côté il vient de donner presque toute sa fortune à madame de Périgord, ayant érigé pour elle sa terre de Valençay en majorat; si bien qu'on ne sait sur laquelle il a jetté son dévolu.

Passant de m-r de Talleyrand à notre héros Langéron, je vous apprendrai qu'il a aussi la rage du mariage. Est-ce qu'il n'a pas dé-

Библиотека "Руниверс"

puté la comtesse Diane de Polignac pour le proposer à la princesse Boris sans même désigner laquelle de ses filles il demande; il semble déterminé à prendre tout ce qu'on voudra lui donner pourvu qu'on lui donne. La comtesse Diane arrive l'autre jour avec un petit air de mystère qui mit en alerte toute la jeunesse. Au bout d'une demi-heure *d'aparte* on sut ce dont il était question, et vous imaginez les foux rire de Sophie et d'Alexandrine qui avaient eu connaissance de l'histoire de m-lle Mamonow. Toutes deux l'ont envoyé promener, et comme la c-sse Diane a dit qu'elle reviendrait dans trois jours chercher une réponse, elle ne trouvera qu'un refus honnête et poli. Il est fou ce pauvre Langéron, et qui pis est, ennuyeux à crêver; la cousine fardée aurait fort bien fait de le prendre, mais dans la position de nos jeunes princesses elles font encore mieux de le refuser; et puis elles ne sont pas assez riches pour épouser un homme qui n'a rien que son cordon bleu et ses grades avec la soixantaine. Entre nous, je vous prie la députation d'Hécate, n'en dites rien à Virginie.

Mad. Apraxine a reçu la réponse de son cher époux, et hier comme elle dînait à la cour elle a fait part aux Impératrices de la demande du prince Scherbatow. Le soir je vis chez sa la mère, toujours riant aux anges; la jeune personne a une tenue charmante, elle est reservée sans être sottement embarrassée, et lorsque je lui ai fait compliment à l'oreille, elle m'a remercié en disant qu'elle espérait être heureuse, puisque c'était le choix de sa mère qui entendait cela bien mieux qu'elle.

XXVI.

Moscou, le 19 février 1817.

Hécate m'a fait rire de bon coeur. Hécate est fort bien nommée. Ah, bon Dieu, c'est vraiment Hécate et faisant errer sa propre ombre depuis cent ans. Mais comment avec l'expérience de cet âge fait-on l'école de se charger d'une sembable ambassade?

Que dites-vous de l'attaque faite à Londres contre le prince-régent? Voilà les inconvénients de ce gouvernement si libre! Excès partout est un défaut. L'Angteterre est plus voisine peut-être d'un bouleversement par la division de ses pouvoirs et par les *droits du peuple* que tout autre pays où ces mêmes pouvoirs sont concentrés dans une seule main. C'est cette réunion qui rend la Russie si forte et si prépondérante en Europe; et c'est cette force et cette prépondérance que les cabinets redoutent et jalousent. Ils ne négligent sûrement aucun moyen de changer un état de chose qui fait notre sûreté et qui fonde leur crainte. De-là tant de jeunes Russes revenant chez eux séduits par les idées prétendues libérales et nourrissant cette opinion qui se forme parmi les esprits exaltés

Библиотека "Руниверс"

et sans expérience, trompés par le désir du bien; opinion qui proclame d'avance une liberté difficile à établir dans la mesure de la justice et de la prudence, et fort dangereuse à faire entrevoir dans un avenir prochain comme vient de le faire la proclamation de Paulucci à la noblesse de Courlande, imprimée dans toutes les gazettes. Je suppose que les gouverneurs de provinces ne tardent pas à rendre compte de l'effet que produit la lecture de cette proclamation dans l'intérieur. Une personne arrivant de Rezan assure que les symptomes n'y sont pas équivoques. Je ne puis me persuader qu'on ait publié ces gazettes sans intention, et pourtant je ne puis croire que cette crise si redoutable ait lieu avant qu'on ait bien pris toutes les mesures pour prévenir les mouvements séditieux qu'elle pourra entraîner. En vous parlant de tout cela, chère princesse, je ne fais que vous occuper de ce qui absorbe ici toutes les idées. La gazette, en rendant cette conversation *légitime*, a lâché la bonde aux passions diverses, et chacun ose aujourd'hui se communiquer avec liberté, ce dont on ne parlait que très-bas avant la publication, et ce à quoi même on évitait de penser. Je me doute bien qu'il n'est presque pas question de tout cela à Pétersbourg: on y est occupé de la cour presqu' exclusivement; de plus, on est aux extrémités, et nous sommes au centre. Mais vous, chère princesse, dites-moi ce que vous en pensez et ce que vous prévoyez sur l'évènement que tant d'avant-coureurs nous annoncent? Dites-moi aussi s'il est bien certain que la cour arrive en septembre et si les noces du grand-duc Nicolas se feront ici ou chez vous? Il me tarde que l'Empereur soit à Moscou: il me semble qu'il pourra mieux juger l'état de la Russie et combiner les raports divers. Je ne mets pas en doute sa haute sagesse et son désir du bien; mais le véritable état des choses est-il mis sous ses yeux par des esprits mûrs qui n'agissent et ne parlent pas d'après un système fixe auquel ils font cadrer tous les rapports? Je redoute l'esprit de système, parce qu'il est inflexible et ennemi de la vérité; ce ne sera jamais celui d'un homme d'état qui doit envisager un projet sous toutes ses faces et ne se décider que d'après la probabilité du plus grand bien. Nous avons ici beaucoup de têtes chaudes, beaucoup de complaisants prêts à tout ce qui plaira au gouvernement tant que leurs intérêts n'en souffriront pas; ce sont les deux extrêmes. Mais au milieu de cela je ne vois aucun esprit calme, reposé, méditant avec attention et suivant une idée avec quelque profondeur, de ces hommes à consulter dans le silence du cabinet. J'espère que vous en avez dans le Conseil Suprême. Pour ici je ne vois que des éléments de désordre ou d'une aveugle soumission pourvu que l'obrok continue à venir avec régularité; mais si cet article manque, adieu leur patriotisme: il est au fond

Библиотека "Руниверс"

de leur bourse. Cependant il ne faut pas perdre le souvenir des sacrifices immenses que ces mêmes esprits apathiques ont fait de si bonne grâce en 1812, quand ils en ont vu la nécessité, pour le salut de la patrie. On peut répondre qu'ils en feraient tout autant si le malheur des tems l'exigeait encore, mais ils sont loin d'envisager un changement de constitution comme une nécessité; surtout après l'épreuve glorieuse et à jamais mémorable par laquelle cette constitution prétendue illibérale vient de passer et à laquelle elle a résisté d'une manière à la rendre chère autant que respectable.

XXV.

St.-Pétersbourg, le 19 février 1817.

Il faut que je vous dise que j'eus hier la très-agréable surprise de l'arrivée de Ribeaupierre; j'avais eu de ses nouvelles dans la semaine, il ne songeait même pas à quitter sa terre; imaginez mon étonnement en apprenant chez la princesse Boris qu'il venait d'arriver chez sa soeur Paliansky; je lui écrivis un mot pour l'engager à venir chez la p-sse Boris après dîner, mais il était fatigué, et comme de mon côté j'étais obligé d'aller à la cour, ce ne fut qu'après la soirée de l'Impératrice que je pus l'aller voir. Nous sommes demeurés à causer jusqu'à une heure du matin et aujourd'hui nous avons eu déjà une conférence de deux heures. L'affaire qui l'amène ici est celle des terres qu'il a données en hypothèque à Mechersky qui ne payent point, la couronne le met par conséquent fort à la gêne. Quel homme que ce Ribeaupierre, comme il est noble, comme il est droit. Avec les moyens que le Ciel lui a donné combien ne serait-on pas heureux de l'employer, tandis qu'on le laisse de côté pour mettre en avant des individus de rien ou qui n'ont qu'une réputation usurpée. Je gémis de voir les choses aller de cette manière, et malgré le désir extrême que j'aurais de voir rendre justice à Ribeaupierre je conçois parfaitement la répugnance qu'il a à reprendre du service qui jusqu'ici ne lui a valu que désagréments et dégoûts de toute espèce; aussi me gardé-je bien de lui conseiller quoique ce soit. Il est vraiment fâcheux qu'un tel homme reste dans l'oubli avec un Souverain si bien fait pour l'apprécier; mais voilà de ces bizarreries du sort.

Langéron en a fini avec Sophie Galitzine. Hécate vint il y a trois jours chercher une réponse définitive; elle voulut traiter l'affaire avec Sophie tête-à-tête, et après avoir dit tout ce qu'il y avait à dire sur son

Библиотека "Руниверс"

protégé elle a interpellé la jeune personne, qui bien poliment a remercié en disant *non*, et Diane est partie. Ce qu'il y a de fort singulier, c'est que le lendemain ces dames eurent la visite de Langéron à qui on remarqua un air si gai et si dégagé que l'idée nous vint que la comtesse Diane avait pris toute cette négociation sous son bonnet. A vrai dire, il est difficile pourtant de supposer qu'elle ait pu faire une telle démarche sans consulter au moins le personnage; mais au reste, comme on n'en veut pas, cela est assez égal. En attendant il parle de s'en aller en France, n'ayant pas de quoi vivre à Odessa comme gouverneur-général.

M-r Miatlew m'avait parlé de tout ce que vous me dites sur Rostopchine; la réception de Wellington est originale tout-à-fait, mais je vous avoue que j'ai peine à croire à l'histoire des *trois farceurs*; il me paraît impossible que Rostopchine ait pu se permettre une pareille insolence non-seulement à l'égard du héros anglais, mais même à l'égard de Talleyrand. Au contraire, une gazette française disait dernièrement que Rostopchine voyait beaucoup ce dernier, et que quelqu'un lui ayant demandé pourquoi il fréquentait si souvent un disgracié, Rostopchine avait répondu: je ne regarde pas dans m-r de Talleyrand l'homme du jour, mais bien *l'homme du siècle*. Voilà qui serait en parfaite opposition avec les *trois farceurs*.

J'ai passé deux soirées de suite chez la princesse Woldemar; je m'y suis amusée beaucoup; on est si content dans cette maison qu'il y a plaisir à voir toutes ces figures épanouies. Le promis a donné un beau châle, des perles, deux robes dont l'une en dentelle et l'autre en tulle, et moyenant ces beaux cadeaux la grand' maman a permis qu'il baise la main de sa future. On ne voit point là les caresses usitées entre promis, mais la meilleure harmonie n'y règne pas moins. Madame Apraxine, ne voulant pas que son gendre s'épuise en dépenses inutiles, lui cède sa maison pour la noce et va occuper le rez-de-chaussée où elle sera d'ailleurs très-bien.

XXI.

Moscou, Vendredy, 23 février 1817.

Les nouvelles de Moscou sont: l'assassinat d'un marchand dans sa boutique, par un jeune homme de 18 ans qui voulait le voler, et un suicide d'un horloger anglais par désespoir de ne pouvoir épouser sa maîtresse. M-r Papkow, directeur de la banque et beau-frère de Balachow, vient de mourir subitement. Sa veuve, bonne femme, est au désespoir; au moment de prendre congé du corps en présence de cent

Библиотека "Руниверс"

personnes elle a jeté de tels cris qu'elle s'en est démis la mâchoire, et qu'elle est restée la bouche ouverte, criant sans pouvoir articuler un mot; le médecin qui était présent m'a conté qu'il avait cru qu'elle était frappée d'apoplexie. On l'a emportée dans sa chambre où le docteur lui a fait une opération qui lui a remis cette pauvre mâchoire; mais la frayeur qu'elle a eue pour elle-même l'a un peu détournée de son chagrin, car elle a paru sensible encore au plaisir de guérir. Voilà bien des balivernes, chère princesse; j'aurais des choses d'un tout autre genre à vous dire; mais ce n'est ni le moment ni le lieu.

Dimanche, 25 février.

Je savais que m-r de Ribeaupierre était à Pétersbourg; il n'est plus Suisse du tout, je ne le suis guère non plus; malgré cela il y a toujours un petit lien de suisserie entre nous; son vacher est venu me prier de lui trouver une place, m-r de Ribeaupierre l'ayant congédié en lui conseillant de s'adresser à moi pour la place. Je ne doute pas que cette dernière circonstance ne soit une invention du bon montagnard, mais elle ne m'a point déplu, et je fairai pour lui ce que je pourrai. Vous êtes étonnée qu'on n'employe pas Ribeaupierre. Eh bon Dieu, je le serais bien davantage si on appréciait un homme pour son mérite intrinsèque, un homme modeste et droit qui ne sait ce que c'est qu'intriguer pour parvenir et cabaler pour se soutenir. Il faudrait pour qu'il fût apprécié que l'Empereur le connût personnellement, le connût à fond et le soutint *haut la main* contre l'intrigue qui est si habile à écarter le vrai mérite et qui tendrait tous ses ressorts pour perdre un homme qui contrasterait si fort avec les intrigants. Les souverains sont tous trompés par leurs entours; Louis XIV l'a été en dépit de sa fermeté; il faut un homme rare comme Frédérik-le-Grand pour mettre les hommes à leur place et les y maintenir; mais c'était là une des principales occupations de son régne: il avait des tablettes sur lesquelles il inscrivait de sa main tout ce qui caractérisait les sujets propres à être employés; il les traçait depuis leur entrée dans le monde et mettait avec impartialité tout ce qui était à leur charge ou à leur louange, et quand il avait besoin d'un sujet pour tel ou tel emploi, il savait toujours où le prendre, et fort rarement il se trompait. Il ne pardonnait jamais à ceux qui osaient lui mentir sur le compte des gens dont il cherchait à connaître les faits et gestes. Je vous répète que tout cela faisait un travail essentiel. Que m-r de Ribeaupierre s'applaudisse d'avoir une retraite à Viasma, une femme charmante, des enfans ché-

Библиотека "Руниверс"

ris dont il fera des hommes (nous en avons fort peu). Cette occupation lui procurera une vie douce et utile à son pays par la suite. Mais si je ne me trompe, il n'a plus que des filles; eh bien, il sait à merveille comment on fait des garçons, et c'est encore un passe-tems de campagne fort agréable.

Ne croyez pas que la comtesse Diane ait fait un pas sans y être poussée par Langéron. Bon Dieu, que vous le connaissez peu si vous croyez qu'il hésite à mettre tout le monde en campagne: il ferait marcher le diable pour arriver à son but. Je crois que l'Empereur n'est pas fort content de lui à ce moment, mais je doute qu'il retourne en France malgré cela; il s'arrangera ici et trouvera enfin une **матушка** avec des **души**, comme il le cherche si fort, puis s'en ira régner à Odessa.

XVI.

St.-Pétersbourg, le 23 février 1817.

Je vous avais parlé d'une visite que j'attendais, eh bien elle a eu lieu Mardy. La séance s'est prolongée jusqu'à onze heures sonnées, c'était pour réparer le longtems qui s'était écoulé depuis la dernière. J'ai retrouvé la même grâce, la même bonté, la même disposition en général; j'en ai profité pour servir deux personnes que je savais dans l'embarras. L'une est madame Thomon, veuve de l'architecte; cette pauvre femme, très-gênée par les créanciers de son mari, avait pris la résolution de vendre deux portefeuilles de plans et dessins que lui avait laissé le défunt. Il y a près de deux mois, qu'elle avait fait offrir tout cela à l'Empereur qui à son tour les fit remettre à Betencourt pour les examiner; celui-ci, après les avoir gardé un tems infini, les donne à Wolkonsky au moment où l'on partait pour Moscou. La chose tomba ainsi dans l'oubli. Depuis le retour de S. M. personne n'avait parlé de ces plans; les portefeuilles gisaient dans je ne sais quel coin du cabinet de Wolkonsky, et la pauvre mad. Thomon était assommée par ses impitoyables créanciers. Un Dimanche que je dînai avec elle chez la princesse Boris, elle me conta toute cette affaire et me pria de rappeler à Wolkonsky ce dont il avait été question; je le lui promis, mais à part moi je me décidai à en parler plutôt à l'Empereur lui-même. Je lui demandai le prix qu'elle mettait à ces portefeuilles, et une fois cela fixé je n'eus pas de peine à traiter le sujet. Il vient de les lui acheter pour cinq mille roubles qu'elle désirait, et Dimanche prochain

Библиотека "Руниверс"

je lui en porterai la nouvelle. La seconde personne est un seigneur polonais qui a un procès qu'il s'agit de faire marcher un peu plus vite. Cette soirée n'a donc pas été infructueuse, et j'en rends grâces à Dieu. Ah, tant qu'il Lui plaira de m'envoyer ainsi l'occasion de servir le prochain, je ne m'en croirai pas oublié; il n'y a que ces oeuvres-là qui peuvent encore me tirer d'affaire, parce que d'ailleurs cela ne va pas bien du tout: la chair fatale fait de cruels ravages.

Après deux jours de calme, je me suis de nouveau lancée. Mercredy j'ai dîné chez Nesselrode au lieu de le faire chez Pachkow; nous avons eu une société charmante et un repas vraiment délicieux; j'ai fini ma soirée chez Théodore dans l'espoir d'y voir les Ribeaupierre, mais ils n'y vinrent point et pour ne pas causer je fis une partie de cassino avec le prince Soltikow. Hier était le jour de mon dîner chez Laval, mais l'ennui d'aller faire l'agréable avec *Hume* Karamsine et autres littérateurs m'avait gagné dès la veille, si bien qu'un beau billet d'excuse me mit à l'abri de cette corvée; je dînai chez mad. Potocka et je donnai la soirée à mes chers Ribeaupierre. Aujourd'hui nous sommes toute une carrossée de filles d'honneur qui allons chez la comtesse Orlow et le soir encore chez Ribeaupierre. Vous voilà donc bien informé de mes faits et gestes.

XVI.

Moscou, le 1-er mars 1817.

Ce qui a été dit à votre soeur Sophie en dernier lieu, est d'une sottise et d'un ridicule achevé; elle ne l'a confié qu'à moi, j'en ai jeté les hauts cris; elle avait fait de même. Je ne pense pas qu'elle vous l'ecrive, car cela n'est pas de nature à être mis sur le papier; mais je trouverai pourtant moyen de vous le faire savoir, parce que cela vous servira à juger l'esprit de certains gens. Je vous écrirai par quelque bonne occasion au sujet de certaines choses que j'ai sur le coeur, peut-être par Kriwtzow que vous avez vu chez la comtesse Litta. Je le vois souvent, et vous allez-vous le rappeler quand je vous dirai qu'il a eu la cuisse emportée à Kulm et qu'il a une jambe à ressort faite en Angleterre, comme une merveille. C'est un jeune homme que l'Empereur protège et appelle. Jamais on ne différa au point où nous le faisons, lui et moi, sur les opinions politiques. Il est dans une hérésie épouvantable, et Fitzthum est un royaliste enragé à côté de Kriwtzow. Mais il est de si bonne foi dans ces faux et pernicieux sentiments

Библиотека "Руниверс"

qu'on ne peut que le plaindre et non lui en vouloir. Je lui prédis que ces principes se dissiperont devant la raison ou l'expérience ou bien que nous verrons des révolutions nouvelles, et il n'est point éloigné de croire à cette dernière supposition et semble persuadé que le monde ne peut-être régénéré sans des désastres semblables. Je me moque de lui et je lui cite la France comme un pays bien régénéré, bien heureux, bien digne d'envie surtout, et à cela il répond qu'il faut espérer qu'on fera mieux que les Français. Tout cela se dit en plaisantant, comme vous le jugez bien; mais enfin on le dit, cela est autorisé, applaudi, et la liberté des opinions est telle qu'on trouve tout simple des propos qui eussent été sévérement réprimés il y a 25 ans. Voilà déjà une révolution préparatoire bien complète. Pour peu que cela gagne d'une classe à l'autre (et cela gagnera), nous en verrons de tristes résultats. Je me souviens combien les idées libérales étaient à la mode en France en 1788; on y disait tout ce qu'on voulait du gouvernement, on y applaudissait les écrits qui traînaient la noblesse dans la boue et censuraient les ministres, et cependant la cour et la ville riaient en ayant l'air d'être persuadés que cela n'irait jamais au de-là des propos et ne tirerait à aucune conséquence. Mais les meneurs poussaient aux états généraux, et ces états généraux assemblés se déclarèrent *souverains* dès leur seconde séance.

Nous n'aurons pas d'états généraux ici; les meneurs visent à autre chose; s'ils atteignent leur but, le bouleversement sera opéré sans que plus rien puisse le retenir. Louis XVI a été souvent cité comme le premier révolutionnaire de son royaume; hélas! rien n'est plus vrai.... Il était dans la persuasion qu'on voulait le bien et que *l'étendue* de son pouvoir était un abus; il a donné les mains à l'abolition de quelques privilèges de sa couronne, et ce premier chaînon brisé tout a croulé de conséquence en conséquence, et le pauvre *saint roi* y a perdu la vie entraînant après lui des milliers de ses sujets à l'échafaud. Cet exemple devrait servir de leçon, et l'histoire de Louis XVI être le bréviaire des rois; mais j'ai bien peur que la Providence n'en ait disposé autrement et ne leur envoye

...cet esprit de vertige et d'erreur,
De la chute des rois funeste avant-coureur.

Voilà où m'a mené Kriwtzow que j'appelle *mon cher Jacobin*. Cela me fait souvenir qu'un des assassins du roi de Suède, Lilienhorn, je crois, qui s'était échappé et réfugié à Coppet, y fut reçu, caressé, choyé, logé, hébergé, etc. etc. etc. et que mad. de Staël l'appelait *mon*

Библиотека "Руниверс"

beau régicide, et Benjamin Constant—*notre cher régicide*. Cela était connu et faisait horreur aux Suisses bons républicains; mais cela n'a épouvanté aucun souverain: ils ont tous reçu et flatté à l'envi mad. de Staël et son Benjamin.

XXX.

S-t Pétersbourg, le 26 février 1817.

Mais vraiment, cher Christin, vous avez l'air de me prendre pour quelque chose d'important lorsque vous me faites ainsi la guerre sur mes dîners diplomatiques. Vous vous moquez de moi, je crois, d'imaginer que je suis un personnage assez marquant pour avoir place dans une dépêche quelconque; pouvez-vous de bonne foi supposer que m-r de Lebzeltern, m-r de Verstolk, m-r de Bray ou m-r de Blome, me fassent l'honneur de me nommer à leurs souverains? Ah, mon Dieu, qu'ils en sont éloignés et combien vous-même, si vous pouviez seulement me voir de là où vous êtes, reviendriez de cette idée! A la cour, dans la société, chez moi, vous retrouveriez absolument la même princesse Turkestanow que vous-avez connue à Moscou. Je n'ai pas changé d'une ligne, et si vous en doutez, je vous permets de vous adresser à qui vous voudrez pour vous convaincre de cette vérité. Vous me direz que ces messieurs savent parfaitement que mes actions ont haussé; d'accord; mais ils me voyent, m'entendent, et partant de-là, je les défie de faire la moindre observation qui puisse tourner à mon désavantage. Jamais il ne m'arrive d'énoncer une opinion qui puisse être mal interprétée; je suis extrêmement en mesure, je ne risque rien, et avec une extrême apparence de franchise je vous réponds que je sais dissimuler bien des choses. Je n'oublie point qu'en nous prescrivant d'être simple comme une colombe, il nous a été ordonné aussi d'être prudent comme le serpent. Laissez-moi donc en toute sûreté dîner chez mon aimable comte de Bray, ou chez mon cher baron Blome que je connais depuis très-longtems et que j'envisage comme aux trois quart Russe. Quant au voisinage de Lebzeltern, il n'est pas autrement dangereux; si on l'a à main gauche, il devient difficile de lui parler, car il est sourd de l'oreille droite. Si au contraire on l'a à main droite, on peut être sûre alors qu'il ne vous entretiendra que d'amour et de tout le délire de la passion: c'est un sujet sur lequel il s'étend avec complaisance en divaguant d'une manière très-aimable et très-originale. Vous pensez bien que ce que je puis lui dire là-dessus n'est pas de

Библиотека "Руниверс"

nature à être couché dans une dépêche; ainsi, encore une fois, soyez tranquile sur mon compte.—Cette proclamation du marquis Paulucci dont vous vous occupez si fort à Moscou, semble n'avoir pas existé ici; je veux mourir si j'en ai entendu parler plus d'une fois. Je crois bien qu'il y a des gens qui en ont rabâché aussi; mais ce n'est point dans le cercle où je vis. D'ailleurs, quelque chose qu'on dise, soyez bien certain que ce qui peut regarder les Esthoniens ou les Courlandais, ne regardera ni Twer, ni Kalouga, et qu'en général on est très-éloigné d'adopter une mesure de ce genre pour l'ancienne Russie. Il m'est arrivé de toucher cette corde, et je puis vous assurer que j'ai trouvé des idées qui ne sont nullement différentes des vôtres. On serait peut-être bien aise de marcher avec le siécle, mais on sent parfaitement que la chose n'est pas encore faisable, et qu'il faut du tems, et beaucoup de tems, pour la rendre telle. Eh bien, cela vous suffit-il? Et voudrez-vous encore vous tracasser de gayeté de coeur? Mon cher Christin, c'est une manie que vous-avez à Moscou, d'abord de couler à fond toute chose et puis de faire d'une mouche un élephant. Vous ne le sentez pas, voyez-vous; et pourtant rien n'est plus vrai, et tel a toujours été l'esprit de cette bonne ville.

Avant-hier je me donnai l'Institut pour toute la matinée; il y avait examen, et l'Impératrice qui aime qu'on y aille, m'en avait parlé dès la veille. J'y fus donc avec nos autres dames; les petites filles furent réellement très-intéressantes, j'en ai vu de fort jolies, la c-sse Schouwalow entr'autres. Elles ont chanté d'une manière surprenante, ensuite dansé un ballet que madame Didelot dirigeait à merveille. Mathilde de Choiseul y était gentille à manger, la fille d'Aglaé Dawidow, également une charmante enfant, dansait avec Mathilde, et cela faisait vraiment tableau. Chaque fois qu'il m'arrive d'être à l'Institut, je ne puis m'empêcher de penser à S-t Cyr; il me semble toujours que j'y suis et je me rappelle de tout ce que disait là-dessus mad. de Sévigné. La comtesse Schouwalow a eu le second chiffre; elle reste encore dans la maison, car sa mère n'est point ici; on croit cependant qu'elle va arriver, et on assure qu'elle à déjà quitté Paris, ce que je ne crois pas moi.

Avez-vous lu dans la gazette d'Angleterre un plaisant article sur une armée d'ours qu'on suppose être arrivée aux portes de Moscou, et que la vaillance du général Tormasow a repoussée et mise en déroute? C'est du Morning Chronicle que cela est traduit déjà en allemand et en français; et Dieu sait à quel propos on a été inventer cette histoire. Au reste, peut-être avez-vous eu une expédition aussi terrible sans que j'en sache rien.

Библиотека "Руниверс"

XXIII.

Moscou, le 3 mars 1817.

Les plaintes que vous faites de vous-même m'affligent, m'intéressent et me laissent dans la perplexité sur la nature du mal que je voudrais bien deviner et que mon amitié adoucirait peut-être. Dans tous les cas soyez fermement déterminée à combattre, à resister de toutes vos forces; implorez celles qui sont plus efficaces que les vôtres, remportez le plus de victoires que vous pourrez, mais ne tombez ni dans le désespoir ni dans le découragement s'il vous arrive de n'être pas toujours la plus forte. La nature a un empire qu'on ne parvient pas à surmonter dans tous les instans. Il y aura bien des saints dans le paradis; mais il ne sera donné qu'à un bien petit nombre *de suivre l'agneau* aux conditions qu'impose S-t Jean. Aspirons à nous sauver dussions nous avoir la dernière place parmi les élus; je m'y abonnerais bien volontiers dès aujourd'hui, n'ayant pas plus d'ambition pour l'autre monde que pour celui-ci. Peut-être, ce que je vous dis là n'a t-il aucun rapport avec votre position, et dans ce cas il vous sera facile de me le faire entendre; car on convient plus facilement de toute espèce de faiblesse que de celle qui tient à la tendresse du coeur et à l'inflammation des sens. Hélas, combien nous nous devons d'indulgence mutuelle, tous tant que nous sommes ici bas! Et pourtant nous nous jugeons avec une rigueur impitoyable, nous nous déchirons, nous nous rendons le fardeau de la vie le plus pésant que nous pouvons les uns aux autres, au lieu de nous l'alléger par cette douce et adorable charité qui, si elle était pratiquée selon le précepte de l'Évangile, ferait de cette terre un paradis anticipé. Nous sommes bien nos propres ennemis assurément, et quand nous analysons l'employ de notre tems et le pouvoir que nous laissons prendre à nos passions dans les circonstances les plus ordinaires de la vie, nous devons nous abymer en humilité. Je suis souvent rempli de toutes ces vérités le matin chez moi: je sors pénétré de l'importance de les mettre en pratique, et à peine ai-je été une heure dans le monde que j'y ai manqué en 20 façons; médisence, convoitise, malignité etc. etc. je rapporte mon sac plein d'ordures.... Et pourtant j'aurai tout à l'heure 54 ans. Il y a de quoi mourir de honte!

Le second article de votre № 9 que je n'ai pas traité, c'est l'arrivée de la cour à Moscou. On en parle ici comme d'une chose absulument arrê-

Библиотека "Руниверс"

tée; on bâtit au Kremlin avec rapidité. Malgré cela je doute qu'il puisse y avoir place pour la suite dans ce petit palais. Je trouve même que ce sera un tour de force d'y loger toutes les personnes impériales et je vous déclare que le service indispensable y sera fort peu commodement. Cette arrivée fera un prodigieux *remue-ménage* ici; mais je n'y vois que le plaisir de vous avoir parmi nous, et vous serez bien sûrement la seule personne de la cour que je fréquenterai. Je soyhaite fort que vous soyez logée au Kremlin, car c'est à deux pas de moi et ce serait bien plus commode que la maison de l'oncle.

Dimanche, 4 mars.

Voici votre № 10 qui bat à plate couture toutes mes imaginations sur votre personne et sur les craintes que m'ont inspiré la proclamation de Paulucci et les propos qui l'ont suivi. Je ne réponds à ce moment qu'à cette dernière affaire; j'ai sous les yeux la proclamation et j'y lis les phrases suivantes: *L'Empereur notre maître m'envoye au milieu de vous &.* — c'est donc au nom de l'Empereur que le marquis de Paulucci parle......—*pour coopérer à une oeuvre que sa grande âme regarde comme inséparable du bonheur de ses sujets...* Il n'est pas dit sujets de Courlande, mais bien ses sujets en général.—*L'élevation de vos sentiments vous portera facilement à céder le pouvoir dont vous avez joui jusqu'à présent et à vaincre le préjugé qu'il faut attendre la maturité du tems pour améliorer l'état civil du paysan auquel la condition de serfs s'oppose ouvertement.*

Il est donc clair que l'idée généralement reçue qu'il faut attendre du tems l'époque où l'on pourra affranchir le paysan est un préjugé à vaincre. Paulucci le dit en toute lettre, et la phrase qui suit commence ainsi: *Je me crois très-heureux d'être auprès de vous l'organe de la suprême volonté du Monarque....* etc.

Ces choses-là, imprimées dans la gazette allemande de Riga, ont fait déjà une assez vive sensation, et il faut convenir que la chose la méritait bien; mais quand au bout d'un mois on se flattait que l'intention du gouvernement n'était point que de tels écrits se propageassent dans le reste du pays et que cette idée de sécurité fût renversée par la traduction de ce discours dans la gazette de m-r Kosadawlew, dans l'Invalide et le Fils de la Patrie et enfin dans le Conservateur, gazette française imprimée à Pétersbourg d'où cela ira incessamment dans tous

Библиотека "Руниверс"

les papiers publics de l'Europe et donnera lieu à des compliments adressés à l'Empereur de la part de toutes les cours qui jalousent sa puissance; quand, dis-je, on voit une publicité de ce genre, vous voudriez qu'on n'y fît nulle attention, et vous appelez les craintes que cela cause *faire d'une mouche un éléphant.* Je vous en demande pardon, mais je ne suis pas de votre avis; les articles officiels des gazettes du gouvernement ne sont pas des chansons et ils sont faits pour être lus, médités, et peut-être aussi pour sonder l'esprit public, qui certes dans cette circonstance se développe avec énergie, je vous en réponds. Si à Moscou nous coulons tout à fond, peut-être aussi envisagez-vous les choses trop superficiellement à Pétersbourg où le mouvement de la cour et les intérêts personnels et présents absorbent toute prévoyance éloignée. Un juste milieu serait peut-être le vrai point de vue. Quant à la liberté en question, la proclamation a dû y faire croire, et cela a si bien produit cet effet que les gouverneurs de province ont été dans le cas de réprimer plus d'un mouvement de désobéissance de la part des paysans qui, la gazette en main, annonçaient un prochain changement d'état et commençaient par rejetter la subordination due à leurs seigneurs. M-r Spéransky à Penza a été un des premiers à agir de rigueur, et par-là il s'est fait adorer de la noblesse. Tout cela est vrai à la lettre. Vous me faites un vrai plaisir en m'assurant que vous avez vu des dispositions différentes. Dieu les maintienne pour la tranquillité du pays et pour le bonheur de celui qui le gouverne.

Je suis persuadé que vous êtes la prudence même, et je crois sur parole que vos dîners diplomatiques ne donneront lieu à aucun article de dépêche. Je n'ai pas prétendu dire qu'on vous nommerait pour parler de vous seulement, mais je crois très-possible qu'on cite de vous tel ou tel mot à l'appui de telle ou telle opinion, et qu'on le cite comme venant d'une personne qui parle familièrement avec l'Empereur. Si vous aviez vu autant de dépêches que j'en ai chiffrées et déchiffrées dans ma vie, vous seriez convaincue qu'il faut souvent être bien moins que vous n'êtes pour y être couché tout au long. Quand les sans-culottes appelaient les ambassadeurs des espions privilégiés, ils disaient une insultante vérité, mais enfin une vérité qu'on ne peut nier et qui n'est que trop souvent mise à l'épreuve.

Au reste, je trouverai l'occasion, j'espère, de vous dire ce qu'on pense de votre situation; il n'est pas possible de l'écrire par la poste, car cela pourrait compromettre les sots qui se font ici les échos des faux amis que vous avez autour de vous. Quand je vous manderai ces détails, vous jugerez si les gens qui exagèrent à ce point peuvent s'inté-

Библиотека "Руниверс"

resser véritablement à vous, tout en vous portant aux nues. Vous allez dire encore que je rêve, mais je vous répète que je vois clair et que votre sûreté et l'agrément solide de toute votre existence future dépendent en grande partie d'une vie un peu retirée à l'époque présente. Je vous voudrais pour ainsi dire oubliée de tout le monde excepté de l'intime intérieur de l'Impératrice. Vous avez mille gens qui font profession de vous aimer et qui seraient prêts à vous faire une bonne noirceur si l'occasion s'en présentait; non pas qu'on ait aucun sujet de vous vouloir le moindre mal, ni qu'on vous reproche la plus petite chose, ni le plus petit changement dans votre ton ou dans vos manières: mais c'est que l'esprit des hommes est envieux, jaloux, méchant, et que l'esprit des courtisans est tout cela au suprême degré, sous le masque de la simplicité, de l'amitié et de l'intérêt le plus tendre. Vous êtes au centre de ce tourbillon, il vous entraîne, vous éblouit et pourrait bien vous fasciner la vue. Si mes craintes sont hyperboliques à vos yeux, si vous les traitez de chymère, regardez les du moins comme la preuve d'une amitié qui veut tout prévoir et voudrait tout prévenir. En conséquence relisez ce que je vous dis aujourd'hui et ce que je pourrai vous dire encore à l'avenir avec l'intention d'observer si par hasard je ne pourrais point avoir raison.

Lundy, 5 mars.

J'en reviens à présent à l'oncle. Vous vous souvenez que quand vous me demandâtes si je savais ce qui pourrait lui convenir, je vous répondis qu'une place qui lui donnerait logement, bois, appointements etc. etc. me semblerait être à sa convenance plus que toute autre chose. Eh bien, il est assez probable aujourd'hui qu'il y aura sous peu une vacance. M-r Chrouchtchow, président du Lombard (poste qui réunit tous les avantages sus-mentionnés) parle depuis longtemps de prendre son congé; mais sa santé selon toute apparence l'y forcera plus tôt encore qu'il ne le voulait. Ce que j'ai à vous dire sur cette santé est assez remarquable pour être cité, et ces détails aussi singuliers que véritables vous donneront la facilité de parler de sa place et de la demander à l'Impératrice-Mère, si vous vous croyez en mesure de le faire, ou plus directement encore à l'Empereur, qui pour la forme en fera un compliment à sa mère, à laquelle il laisse toutes les nominations des établissements sous son inspection.

Библиотека "Руниверс"

Il y a six semaines que ce m-r Хрущовъ rencontra un homme qui avais l'oeil gauche poché et fort malade; il le fixa avec attention et surprise, et aussitôt après cela il s'aperçut que toutes les personnes qu'il regardait lui semblaient avoir le même oeil poché. Cela l'effraya et après avoir réitéré cette épreuve pendant une heure il fit chercher le d-r Schnaubert qui le saigna à l'instant et lui fit garder la chambre pendant huit jours. Quand il se crut bien rétabli, il reprit son genre de vie accoutumé; au bout de 15 jours, soupant en compagnie et voulant choisir du raisin, il fixa sa vue sur les grappes, et en relevant les yeux il ne vit que raisins sur tous les visages et le dit à l'instant. Schnaubert le saigna de nouveau et appela cet accident une demi-apopléxie. Quinse jours après, même effet après avoir regardé la croix d'une église; cette croix se trouvait selon lui partout où il portait la vue. Enfin il y a quatre jours qu'il eut une attaque beaucoup plus forte, beaucoup plus grave, et qui lui a fait battre la campague pendant 24 heures. Je l'ai vu hier, il est bien en apparence, quoiqu'on lui fasse garder le lit; mais les médecins s'accordent à croire que cela ne peut pas aller loin et que des rechutes si fréquentes menacent d'une catastrophe prochaine. Voyez, chère princesse, si cette maladie, dont les détails sout vrais à la lettre (car je les tiens de lui-même et de ses enfans) ne pourraient pas vous fournir l'occasion en les contant de demander la survivance pour l'oncle. Il me semble que par-là on ne manque à rien, car assurément on ne veut ni déplacer Хрущовъ ni lui nuire en quoi que ce soit; mais si Dieu dispose de lui, pourquoi ne pourrait-on pas songer d'avance à son successeur? Cette idée est de moi seul, je n'en dirai mot à l'oncle, et je la jette en avant pour que vous ayez à voir si vous en pourrez tirer parti. Il me semble que la place lui conviendrait à tous égards. Sur ce, adieu!

Je n'ai pas lû l'article des ours, mais nous avons eu cette nouvelle de Catherinbourg en Sibérie, et le Morning-Chronicle aura transporté la scène à Moscou.

Библиотека "Руниверс"

XXIV.

S-t Pétersbourg, le 5 mars 1817.

Jeudy dernier, une grande société s'est arrangée pour aller visiter l'hôtel des monnayes; depuis longtems madame Gouriew voulait y mener madame Laval, elle me l'avait proposé également, on remettait toujours d'un jour à l'autre, enfin nous nous décidâmes tous pour Jeudy, et depuis une heure jusqu'à quatre nous fûmes à parcourir ce bel établissement. C'était jour de poste, je voulais rentrer chez moi pour écrire, et je refusai d'aller dîner chez madame Gouriew, de sorte qu'après l'avoir descendue à sa porte je m'en retournai à la maison. Arrivée dans ma chamre m-lle de Modène me remet le billet suivant:

„Cette écriture vous étonnera, j'en suis persuadée, et surtout le contenu. Je vous prie de passer chez moi; s'il vous faut l'équipage, dites-moi quand vous le voulez. Comme bonne chrétienne, je suis sûre que vous ne me refuserez pas. Venez, je vous le demande en grâce, aujourd'hui: je suis toute la journée à la maison. Votre bien dévouée comtesse Ostermann".

Vous pouvez-vous représenter ma surprise et en général tout ce que j'ai dû éprouver à la lecture de ce billet. Mon imagination ne pouvait trop saisir le motif qui l'avait dicté; mais bien résolue de me rendre à l'invitation, je me mis à réfléchir sur la manière de faire cette visite. C'était l'heure du dîner; le moyen d'arriver lorsqu'on serait à table et surtout si on dînait avec du monde! Dans l'après-dîner on pouvait en trouver aussi; le soir cela me devenait impossible, car Wladimir Apraxine et André Galitzine venaient prendre du thé chez moi. J'avais beau penser, je ne voyais pas d'heure convenable, je résolus d'attendre jusqu'au lendemain matin. En effet, Vendredy après la messe, je m'en allai chez mad Ostermann; je parlai au suisse et lui dis de m'annoncer. En effet, une minute après on vint m'ouvrir la portière et je me trouvai en présence de la comtesse dans un cabinet dont elle ferma la porte tout de suite. Elle était fort pâle et très-émue. „Je vous remercie, dit-elle, d'être venue; vous allez rendre le calme à mon âme, il y a trois ans que je suis la plus malheureuse personne du monde; j'approche des sacréments d'une manière indigne, je ne veux plus souffrir ce tourment, je veux communier demain, et je vous prie d'écrire à vos soeurs pour qu'elles ayent à m'accorder un pardon sincère pour l'esclandre que j'ai faite. Écrivez tout de suite à Sophie *et à l'autre aussi*; demandez cela en mon nom absolument". Touchée au-de-là de tout, je lui pris la main et je lui répondis que sans avoir besoin d'é-

Библиотека "Руниверс"

crire à mes soeurs, je pouvais l'assurer qu'elles l'avaient pardonnée depuis longtems, et que Catherine hommément n'avait pas conservé le moindre fiel contre elle; que même dans le premier moment elle s'était montrée beaucoup meilleure que moi qui avais *été indignée* de son procédé. La comtesse reprit: „*Je ne crois pas avoir eu des torts vis-à-vis de ces dames*, elles ont abimé mon existence, elles ont détruit mon bonheur; mais n'importe, j'ai toujours mal fait d'avoir scandalisé par ma conduite à l'époque où nous nous sommes quittées; il fallait tout souffrir, tout endurer, mettre le tout au pied de la croix: voilà ce qu'une bonne chrétienne eût fait. Je n'en ai pas eu la force, il n'est pas donné à chacun de sentir de la sorte lors que le coeur est brisé". Je la regardai avec étonnement, et mon émotion passa tout-à-coup.—Mais, lui dis-je, si vous ne croyez pas avoir eu tort envers Catherine en cherchant à lui en faire dans l'esprit de bien des gens, quel pardon avez-vous donc à lui demander? „C'est d'avoir fait une esclandre".—Si vous donnez ce nom à la résolution que vous avez prise de les quitter, je ne vois pas que c'en soit une. Mes soeurs, en revenant en Russie, n'y sont pas arrivées comme des personnes que vous eussiez chassées. Elles sont parties de Vienne volontairement pour assurer votre tranquillité. Vous leur écrîvites à Dresde pour les prier de revenir sur leurs pas; c'est Sophie qui a tenu bon et ne l'a plus voulu; elles étaient depuis une année ici, que personne ne se doutait que vous fussiez mal ensemble. Catherine elle-même ne le supposait pas, puisqu'elle vous écrivit deux ou trois lettres dans l'intervalle. C'est votre arrivée à Pétersbourg qui a fait voir vos dispositions; ma soeur se préparait à aller chez vous lorsque vous jugeâtes à propos de lui écrire la lettre offensante qui l'arrêta. Votre conduite, je vous le répète, m'a blessée beaucoup plus qu'elle-même; mais en voyant que la santé de ma soeur n'avait point été altérée par cette insulte, et retrouvant dans le cercle de nos connaissances *la même manière d'être*, ni elle ni moi n'avons plus pensé à rien, et depuis nous sommes restées parfaitement en repos. Si donc *vous ne croyez pas avoir offensé Catherine*, je ne vois pas pourquoi vous lui demandez pardon à présent, si ce n'est qu'à cause de ce que vous appelez *une esclandre*. Comme elle n'a fait aucun tort à ma soeur, je trouve que c'est encore inutile. „Et moi, je le trouve nécessaire, et encore une fois je vous prie de leur écrire à l'une et à l'autre. Cependant, que cette démarche de ma part n'amène aucun changement dans nos relations. Si je vous avais retrouvée à la même place où je vous ai laissée il y a trois ans, je vous aurais priée de nous voir comme autre ois; à l'heure qu'il est cela n'entre pas dans mes vues: on pourrait attribuer ce changement de ma part à quelque considération humaine,

Библиотека "Руниверс"

comme vous êtes en faveur, dans les grandeurs"... Je l'interrompis pour lui dire que si elle était à même de me voir dans la société, elle connaitrait combien peu ces choses-là ont de prise sur moi; que d'ailleurs elle était parfaitement la maîtresse de faire comme elle l'entendait.—Là-dessus elle me dit que je devais me rappeler combien nous nous étions aimées, que ce souvenir *lui était toujours cher*, mais qu'il a fallu que le Ciel en disposât autrement.—„Eh mon Dieu, pourquoi mêler le Ciel à ce qui n'est que l'ouvrage de nos passions, lui répliquai-je: vous avez constamment entravé votre existence; il y a dix sept ans que je vous connais, et cela a toujours été la même chose. Tâchez d'être plus maîtresse de vous-même et vous pourrez encore être heureuse et tranquille". En finissant ces mots, je me levai, elle m'embrassa, et je regagnai ma voiture. Au moment de nous séparer, elle me renouvela ses remerciements pour ma condescendance à être venue la voir; alors je lui dis que j'étais bien-aise de l'avoir fait si la conversation que nous venions d'avoir *pouvait acquitter sa conscience.* J'appuyai avec intention sur le mot *pouvait*, parce que je sens que le pardon qu'elle sollicitait n'eut pas été celui qui aurait pu m'acquitter à sa place. Je voyais bien du viel homme dans cette soi-disante confession, et j'avais quelque peine de ce que la chose ne s'était pas arrangée comme je l'entendais. Au reste, je vous répète que si cette démarche peut la satisfaire, je suis enchantée de l'avoir faite. Mais voyez, je vous prie, comment on s'arrange une religion d'après les goûts; admirez comme on se trompe soi-même. La comtesse Ostermann croit avoir fait un acte parfaitement chrétien, et cependant rien ne l'est moins: car elle ne s'amende que pour la forme, au fond de l'âme elle a encore du ressentiment ou plutôt de l'orgueil, et c'est ce qui l'a empêchée de viderent ièrement son sac. Hélas, peut-être suis-je aussi comme cela; si je n'ai dans le coeur aucune haine, aucun orgueil, j'ai de ces petites recherches d'amour-propre qui me coûtent beaucoup à sacrifier, et lors qu'il m'arrive de dire: „Mon Dieu, prenez mon coeur, gardez-le s'il Vous plaît afin qu'aucune créature ne puisse le partager avec Vous",—je ments d'une manière indigne et j'en meurs de confusion. En sortant de chez la c-sse Ostermann, j'avais tellement besoin d'aller conter à Ribeaupierre ce qui venait de m'arriver que je me rendis de suite chez lui. Il approuva la visite et fut parfaitement de mon avis sur tout le reste. Qu'en pensez-vous de votre côté, Christin? Ai-je bien ou mal parlé? Je crois vous avoir rendu la conversation presque mot pour mot.

Ne me demandez pas mon avis sur les affaires de Courlande: je m'en occupe trop peu pour traiter ce sujet aussi gravement que vous le faites. Je vous ai fait part dernièrement *de ce qui m'a été dit* sur l'ar-

Библиотека "Руниверс"

ticle de l'affranchissement; tenez-vous cela pour assuré et attendez nous à Moscou pour nous juger de plus près d'après vos propres lumières surtout. J'ai idée que ce voyage et ce séjour un peu long qu'on fera dans l'ancienne capitale, nous sera d'une grande utilité. Je me flatte qu'on nous connaitra davantage et qu'on ne s'amusera plus à bavarder sur le dire de quelques mécontents ou bien de mal avisés.

Le prince Youssoupow a tous les jours des conférences au sujet de ce qu'il y aura à faire à Moscou. Je l'ai vu avant-hier, il m'a dit que nous logerions à merveille toutes au Kremlin. L'Impératrice-Mère aura son appartement en bas; l'Empereur et l'Impératrice Élisabeth au second; le grand-duc Nicolas au palais de l'archevêque, nous autres je ne sais où, *mais très-bien*. Je crois que ce sera dans l'ancien palais des czars qui communique au nouvean et dans l'appartement des царевны ou reines. Enfin, il y a place pour tous, et si vous saviez combien je me réjouis d'être logée au Kremlin, cela vous amuserait. Le prince Youssoupow a dit à Sa Majesté que pour le premier septembre les ouvrages seraient achevés; mais malgré cela, je ne pense pas qu'on parte d'ici avant la fin du mois. Ce n'est donc qu'en octobre que vous nous verrez et si rien ne vient à changer, on restera huit mois avec vous. Lors que je songe au plaisir que j'aurai de retrouver nos aimables causeries, je m'aperçois que je vous aime en vérité de tout mon coeur et de manière à vous faire dire comme un jour: *bien obligé, princesse*. Moscou sera très-brillant en général, nous y aurons plusieurs de Pétersbourg; d'abord la p-sse Théodore, la princesse Boris, la famille Woldemar; j'engage beaucoup Laval qui pourrait loger avec la princesse Bélosselsky, ensuite m-r et mad. de Litta. Vous irez, j'espère, partout, et je vous verrai continuellement, c'est une chose arrangée.

La princesse Boris a reçu hier à la fois la nouvelle de la mort de son beau-frère le prince Troubetzkoy et de sa belle-soeur la princesse de Géorgie. Si le roi du Volga veut prendre femme, à lui permis; mais je sais bien que ce n'est pas moi qui voudrais être cette femme là, autant vaudrait-il épouser Raoul barbe bleue. Lise était encore à Sima lorsque son père est mort, et elle aura trouvé tout Lyskova en deuil. Si j'étais d'elle, je prendrais en ce moment la grande et belle résolution de tout rompre avec Potemkine, de rendre châles, palatines et fourrures, et de me confier aux soins de m-r Schoulépow, qui lui ferait revenir son jeune homme de Paris. Tout ceci en admettant qu'on eût de l'amour pour Nicolas. Hein! Vous n'êtes pas de cet avis?

Библиотека "Руниверс"

XXV.

Moscou, le 6 mars 1817.

M-r A... fut dernièrement chez votre soeur Sophie; il voulut lui parler à part et, après l'avoir bien préparée, il la pria de *réfléchir sérieusement* sur ce qu'il allait lui proposer. Votre soeur, lui dit-il, joue à Pétersbourg un rôle très-marquant, on peut même dire qu'elle y joue le *premier rôle*: ce qu'il y a de mieux en cour la cajole et la recherche, *les grands seigneurs font antichambre chez elle;* mais elle est par malheur livrée à la secte des religionnaires qui conduisent l'Empereur et le conduisent dans un sens contraire aux intérêts de l'Empire et à l'intérêt personnel de Sa Majesté. Votre soeur n'écoute qu'eux, ne croit qu'à eux, et ne parle que d'après eux; personne ne peut lui dire la vérité *sur les dangers auquels elle expose l'état.* Si vous, chère princesse, vous consentez à venir avec moi à Pétersbourg sous le prétexte de la noce de ma fille, vous serez en mesure de dire à votre soeur ce que personne ne peut lui faire entendre; vous lui ferez du bien, vous en ferez à la noblesse et à l'état", etc. etc. etc.

Voilà le fond et les motifs de cette proposition que Sophie a rejettée en levant les épaules. Concevez-vous rien d'absurde comme A... qui veut conduire Sophie à Pétersbourg pour redresser le gouvernement et régir l'état! Je n'ai point pris la chose uniquement comme une *bêtise*, j'y ai vu de la méchanceté, d'autant plus que Titow est venu me dire les mêmes choses et vous appelle tout bonnement *la favorite*; il a, dit-il, des renseignements sûrs qui lui prouvent que vous faites tout. Je lui ai répondu qu'il n'y avait que des gens ineptes ou méchants qui pouvaient dire ou écrire de semblables faussetés. Tout ceci pourtant n'est point inventé à Moscou, A... et Titow sont les échos de vos faux amis; ils répètent, sans en sentir la valeur, ce qu'on leur dit ou écrit avec intention de le répandre. Voyez clair là-dessous je vous en conjure, chère princesse, et croyez que qui vous caresse et vous adore en votre présence, vous ferait peut-être quelque bonne noirceur si l'occasion en paraissait favorable. Ces faux bruits sont un commencement certain de leurs mauvaises intentions. Voilà ce que je n'ai pas voulu vous écrire par la poste, mais qui me paraît nécessaire que vous sachiez.

Adieu, faites quelque politesse à Kriwtzow. Il est aimable, bien venu partout et mandé par l'Empereur.

Библиотека "Руниверс"

XXVI.

Moscou, le 12 mars 1817.

En lisant la première ligne du bittet de madame Osterman j'ai deviné sur le champ son nom et n'ai point été surpris de sa démarche. Je ne veux pas la juger de peur de le faire à la rigueur, car enfin elle s'est enveloppée du manteau de la religion pour faire une chose toute contraire au véritable esprit du christianisme. Qu'est ce que c'est que cette contrition sur la forme d'une offense, quand on persiste à n'avoir nul repentir pour le fond! Voici comment je traduis ce qu'elle vous a dit: Je veux conserver ma haine pour Catherine, elle la mérite; mais je suis fâchée de l'avoir mise au grand jour, et c'est là ce dont je lui demande pardon. En vérité une semblable réparation est dérisoire aux yeux de Dieu et à ceux des hommes.. C'est de l'orgeuil tout pur. C'est vouloir paraître bonne en continuant à être méchante. Il ne valait pas la peine de vous faire venir pour vous rendre témoin et dépositaire d'une disposition aussi peu louable. Toutefois vous ne pouviez pas n'y point aller, et vous avez bien fait. Je crois que, la glace rompue, la petite comtesse ne s'en tiendra pas là; je crois qu'elle se repent déjà d'avoir repoussé votre émotion qui lui était favorable, et je soupçonne extrêmement que les raisons pour lesquelles elle prétend ne pouvoir pas renouer sans s'exposer à ce qu'on lui attribue des motifs humains, sont précisément celles qui ont dicté sa lettre que vous avez reçue et en dicteront d'autres encore. J'ai cru remarquer plusieurs fois qu'on était aux regrets pour elle de votre brouillerie; les propos de Titow sont même très-positifs à ce sujet; ceux des parents ont aussi quelque chose qui fonde ma remarque. Vous avez très-bien parlé. Si, comme je le crois, la chose n'en demeure pas là, continuez le même langage et soutenez noblesse en désavouant tous les torts qu'on voudrait encore attribuer à votre soeur, et en les reportant sur celle qui a offensé. Mais après cela, prêtez-vous s'il le faut, à un rapprochement dont vous saurez bien garder la mesure; rapprochement qui sera de décence et de convenance dès qu'on fera les premiers pas, mais qui ne passera jamais l'écorce polie des bienséances.

M-r Miatlew m'écrit une lettre charmante que je vous enverrais si j'y avais répondu, ce que je ne peux pas faire aujourd'hui. Il m'apprend que l'oukase qui abolit les fermes est signé: c'est un terrible rabat-joye pour le prince Boris à qui les milions ne viendront plus avec

Библиотека "Руниверс"

la même facilité. Il devra se borner aux simples revenus de ses 13 mille paysans. *Le pauvre homme!*

Il me semble assez probable que Lise Troubetzkoy suivra votre idée et que la mort jouera un grand rôle dans toute cette affaire. La mort de la c-esse Potemkine a formé ces noeuds, la mort du prince Troubetzkoy les rompra. Mais si cela arrive, je ne croirai point pour cela qu'on vienne à bout de Dolgorouky; il lui faudrait le caractère de madame sa mère pour avoir une volonté ferme et soutenue. C'est une âme de papier-mâché qui tremblera devant le *non* impérieux de sa redoutable dame et mère.—Oui, je connais le roman du comte Jean Potocky, du moins celui qui est intitulé *les deux pendus*; c'est fort singulier, plein d'imagination, mais cela n'a pas le sens commun et semble partir d'une tête en délire, mais d'un esprit fort aimable et fort original.

Imaginez que le comte Markow est à Paris ou tout moins en route pour s'y rendre avec toute sa suite, et y passer trois mois. De-là il reviendra en Russie. Ce n'est pas de lui que je sais cela, il y a longtems que je n'ai eu de ses lettres; mais le comte Orlow l'écrit à son père comme une chose faite. Qu'est ce que c'est donc que cette fureur de courir à 71 ans! Bon Dieu, que le Ciel m'a crée d'une autre étoffe que la sienne!

XXVII.

S-t Pétersbourg, le 9 mars 1817.

Ah oui, c'est bien là l'oncle! Je vois d'ici sa rentrée solemnelle au club, cet air de jubisation et les regards satisfaits qu'il promène de droite et de gauche; mais béni soit mille fois le Ciel que je n'entende pas ce flux de paroles qui s'échappe de sa bouche! L'oncle, comme vous le dites, est un brave et galant homme, mais sans contredit un bavard impitoyable; je le trouve parfois tellement fatiguant qu'il faut une patience toute particulière pour le supporter. Je vous assure que j'ai beaucoup travaillé pour vaincre la vivacité que j'avais autrefois, et malgré cela je ne vous promets pas que pendant le séjour de huit mois que je compte faire à Moscou, j'aye toujours la possibilité de soutenir son babil. Combien de fois n'ai-je pas du me répéter qu'il est le mari de cette si excellente tante que j'aime de tout mon coeur, pour m'empêcher de lui rompre en visière, quand ses accès de paroles le prennent! Nous avons eu il y a quelques années des scènes épouvantables,

Библиотека "Руниверс"

lorsque je le surprenais *altérant la vérité*: je me plaisais à l'arrêter tout court. En outre il était alors aigre comme verjus, la pluspart du tems oisif et frondeur, rien n'allait à sa guise, tout était mauvais, enfin c'était au désespoir. Heureusement, le *maréchalat* est venu corriger cette manie, il a commencé à s'occuper, et depuis ce tems-là je l'ai trouvé beaucoup plus coulant.

Ah, mon Dieu, que tout ce que vous dites au sujet des gens qu'on n'employe pas est vrai! C'est bien l'histoire de mon pauvre Ribeaupierre; il est impossible d'avoir eu plus de guignon au service, et cependant il a fait preuve de moyens, de zèle et d'activité. Imaginez que depuis l'âge de 15 ans il est demeuré au même point. Paul 1-er le fit en 1799 chambellan et conseiller d'état actuel, il y a 18 ans de cela; depuis il a travaillé auprès du prince Adam Czartorisky, ensuite auprès de Boudberg, puis on le fit passer en qualité de diplomate militaire à l'armée près du maréchal Kamensky; après cela on lui donna une commission en Suède qu'il a remplie à souhait. La paix de Tilsit ayant fait revenir notre mission, chacun obtint une récompense, lui seul n'eut rien. M-r de Gouriew qui l'a toujours aimé voulut l'avoir sous ses ordres dès qu'il fut à la tête des finances et lui donna la place qu'occupe à ce moment Lambert; il est demeuré quatre ans à ce bureau, et la seule recompense qu'il ait obtenu a été la croix de Wladimir au cou, tandis que Lambert en deux ans a reçu la clef de chambellan, le rang de conseiller d'état actuel et le grand cordon de S-te Anne. Il est pourtant bien certain que ce dernier n'a pas mieux fait que Ribeaupierre; mais voilà comment cela s'arrange pour les uns et pas pour les autres. Si quelque chose lui a réussi, c'est son mariage; car il est impossible d'être plus heureux qu'il l'est dans son intérieur. Sa femme est justement celle qui lui convenait, jamais on n'a pu rencontrer plus juste, sous le rapport de la raison, de l'humeur, de la conformité des goûts. Ces deux êtres sont si parfaitement faits l'un pour l'autre que je tiens moi que si l'un d'eux fût né aux Indes et l'autre ici, le sort, de quelque manière que ce soit, les aurait immanquablement réunis. Ce bonheur là, cher Christin, qui est à peu près le seul réel console de bien des choses qui manquent d'ailleurs. Et puis je vis dans l'espérance qu'un jour viendra où justice sera rendue à Ribeaupierre.

J'ignore ce qu'on a pu vous conter sur Gouriew au sujet de la petite Markow, mais je suis fort portée à croire qu'on vous aura fait des fagots. Que lui importe, je vous prie, de la voir mariée à tel ou tel; il n'en a pas voulu pour son fils, mais à cela près que lui importe qui elle épousera. Si vous voulez me conter ce qui vous a été dit, je

Библиотека "Руниверс"

jugerais jusqu'à quel point la chose peut-être vraisemblable, n'attendez donc pas le mois de 7-bre pour me faire cette confidence. Je vais vous en faire encore une sur Langéron qui a été de nouveau frappé à une porte avec tout aussi peu de succès que les précédentes fois; la princesse Alexis ne l'a pas plus accepté pour gendre que sa belle-soeur Boris. Ce qu'il y a de plaisant c'est que c'est cette dernière, qui a été chargée de la négociation, à l'insu de Langéron, il est vrai. Et voici comment. Tourmenté de l'envie de se marier à une belle terre plutôt qu'à une femme, il s'est adressé à Laval qui, ne sachant rien des démarches de la comtesse Diane de Polignac, est venu un beau matin prier la princesse Boris de demander Lise Galitzine à sa belle-soeur Alexis. La p-sse Boris a eu peine à ne pas lui rire au nez quand elle a entendu que c'était encore pour ce même Langéron. Cependant elle s'en fut offrir notre héros à la nièce en s'adressant d'abord à la mère comme de raison. Celle-ci trouva que cela n'avait pas le sens commun, elle opposa d'abord l'extrême distance des âges et puis la modique fortune de sa fille qui n'aurait guères que 500 paysans, et enfin elle refuse net. Quand Laval vint chercher la réponse, la princesse Boris lui conseilla d'aller à la découverte d'une certaine d-lle Osérow qui a 50 mille roubles de rente et qui demeure quelque part à la Liteïna, et je vous assure que le Mercure ne traita point du tout la chose en plaisanterie et demanda bien vite des renseignements sur cette nouvelle proye. Je ne sais pas s'il s'amuse à la chercher à ce moment, mais je sais bien que l'épouseur est sur le côté depuis quatre ou cinq jours d'une fièvre tierce qui le travaille d'une bonne façon. Le comte Strogonow a aussi la fièvre tierce ce qui est fort mauvais avec le mal qu'il a déjà. J'ai bien peur pour ce pauvre homme! Léwachow a été dans de mauvais draps aussi, il a craché du sang et a beaucoup souffert de la poitrine depuis l'été dernier. Je lui avais fort conseillé d'aller à tems dans des pays chauds, mais l'amour du service et puis les A. A. sur les epaulettes que nous désirions depuis longtems, nous a fait rester. Il s'est abimé avec un régiment qu'il a exercé du matin au soir; gens et chevaux tout cela est à un tel point de perfection que c'est devenu le désespoir de tous les généraux de cavalerie; à la dernière revue l'Empereur lui a donné enfin ces A. A. bien heureux et les éguillettes; mais le crachement de sang est venu aussitôt tempérer sa joye. L'Empereur lui a ordonné de quitter Czarskoé-Célo où se trouve son régiment pour venir se faire traiter en ville où on l'attend demain. Le connaissez vous ce Léwachow? C'est un très-brave garçon qui ne manque pas d'esprit du tout; mais comme la plus part de nos jeunes gens qui ont eu du bonheur au service, il fait l'impor-

Библиотека "Руниверс"

tant et se croit pour le moins un Turenne. Au reste, il est très-honnête et très-obligeant. Ma soeur me parle beaucoup de son frère qui est à Naples auprès de notre ministre Moncénigo.

Le 12 mars 1817.

Samedy nous avons eu un service funèbre pour feu l'empereur Paul. Hier Dimanche la messe accoutumée, après laquelle il m'est venu du monde que j'ai gardé jusqu'à l'heure où j'ai du sortir pour dîner; aujourd'hui seulement j'ai quelques heures libres.

J'ai reçu votre № 141 où vous me parlez des idées libérales de Kriwtzow; sa manière de penser à cet égard est celle d'à peu près tous les jeunes gens avec la seule différence du plus ou moins d'exagération. Je dispute souvent avec ceux que je connais, et si vous m'entendiez, vous ne me reprocheriez pas d'avoir la même façon de penser que ces messieurs. Toutefois je dois convenir que je suis toujours un peu plus constitutionelle que vous. Croyez-moi, laissez parler Kriwtzow et les siens: cela n'y fera rien du tout; nous sommes loin de ce que vous imaginez ou plutôt de ce que vous redoutez, et savez-vous pour quoi? Parce que Dieu protège visiblement celui qui nous gouverne, parce qu'il en est pénétré lui-même et qu'il vit absolument dans un parfait abandon à la volonté de la Providence. Après cela soyez tranquille, je vous en prie. Mais dites-moi donc une bonne fois pour toutes ce que vous avez sur le coeur, parlez-moi comme à une amie intime et comptez à jamais sur ma discrétion. Dites-moi aussi toutes les bêtises qu'on débite sur ma personne: cela me fera rire, et je ne m'amuserai sûrement pas à les réfuter par des pièces justificatives. On me verra à Moscou, on m'entendra, et alors je serai sûre de gagner mon procès.

Nous aurons demain une belle parade en mémoire de Fère-Champenoise et de l'entrée à Paris; elle aurait dû avoir lieu le 19, mais comme ce jour sera le Lundy Saint, cela est avancé. Je la verrai de ma chambre sans me donner la peine de sortir.

L'aveugle Gagarine est arrivé, il loge chez Théodore qui vient de partir pour sa terre de Tchérépowetz avec l'intention d'y faire travailler des cloux pour soixante mille roubles par an. C'est dans le voisinage de vos domaines à vous, puisque vous avez aussi une terre à cloux à Tchérépowetz.

Dans quelques jours vous reverrez le prince Youssoupow qui part après-demain; contez-moi tout ce qu'il se propose de faire au Kremlin et tâchez de savoir en quel endroit il compte nous loger. Supposé

Библиотека "Руниверс"

que nous fussions six demoiselles d'honneur, chacune aura-t-elle sa chambre, il m'importe de le savoir. Vous ai-je dit que mad lle Anrep que j'aime de tout mon coeur, va épouser le comte Lieven? Si vous ne le savez pas, je vous l'apprend, aussi bien que les couches de la jeune comtesse Schouwalow qui vient de faire un beau garçon qu'on appelle André.

XXVIII.

Moscou, le 19 mars 1817.

Je ne connais point m-r Lewachow personnellement, quoique je connaisse toute sa famille, ses soeurs et son frère de Naples qui certes ne vaut pas le vôtre que tous ses parents portent aux nues. Je souhaite qu'il se rétablisse.

Nous venons de perdre m-r Afrassimow, c'est une chose bien simple vu son âge; ce qui est plus fâcheux c'est la mort du général Knorring âgé de 42 ans, laissant une veuve et sept enfans dans la désolation, il est mort d'une vomique et n'a été malade que 8 jours. Le prince Ttcherbatow prend tout-à-fait le même chemin. Zachou Tolstoï a la fièvre, sa mère respire à peine. J'ai passé hier trois heures chez eux, le comte m'a beaucoup parlé de vous et du regret qu'il a de n'avoir pu vous dire adieu; il fait profession de vous aimer beaucoup. Je suis fort sensible au souvenir de m-r de Ribeaupierre; j'ai placé son Suisse chez l'Anglais du comte Roumanzow où il reçoit mille roubles pour faire du fromage; mais croiriez-vous que mon paysan de Bonikova le fait en vérité tout aussi bien que ces fameux montagnards. Oui, sans doute, que le prince Théodore est mon voisin; mon village est à 12 verstes de Tchérépowetz, mais quoiqu'on n'y fasse que des doux on est loin d'en faire pour 60 mille roubles, je vous assure. Si dans son aimable inconstance Théodore avait la fantaisie de changer de terre, on dit la mienne charmante, et je suis sûr qu'elle deviendrait un bijou entre ses mains; proposez-lui cette affaire; je ne lui demanderai rien en retour; troc pour troc, comme cela simplement de bonne amitié, et voyez ma confiance: je ne sais pas même combien il y a de paysans chez lui.

Je ne vous écrirai point la petite perfidie de m-r Gouriew au sujet de *notre Barbe*, cela tient à un secret dont je ne suis pas le maître; mais sûr de vous comme je le suis, je vous le conterais sans hésiter si j'avais le bonheur de vous voir; écrire est toute autre chose.

Библиотека "Руниверс"

En attendant, le mauvais office a été rendu en plein: il n'y a là-dessus ni doute ni incertitude. Mais-entre nous, croyez-vous ces gens-là bien francs?

J'ai vu votre soeur hier matin; le bruit courait que le cousin Mamonow avait été tué par son valet de chambre en Allemagne. J'ai voulu savoir si cela avait quelqu'apparence de fondement; heureusement, c'est un conte de Moscou dénué de toute vérité. Ce matin je vais faire la révérence à mad. votre tante dont c'est la fête.

Voilà le convoi du pauvre Knorring qui passe sous mes fenêtres; cela est fort beau, mais fort triste: tous ces tambours en crêpe et ces armes traînantes et cette musique funèbre serrent le coeur. Hélas, il y a dix jours, il était plein de vie et de santé; il *projettait* sans doute, comme nous *projettons* tous, sans nous douter le plus souvent de ce qui nous pend à l'oreille. Nous y serons pris aussi quelque jour; cela ne peut pas nous manquer.

Lisez-vous la gazette? Suivez-vous les affaires d'Angleterre? J'ai peur quelquefois que les coquins ne prévalent et ne ruinent cette belle constitution. Croyez que la plus part des jeunes gens qui la regardent comme un modèle à suivre, seraient demain au nombre de ceux qui cherchent à la renverser, si par miracle elle pouvait se transplanter chez nous. Croyez que quiconque veut changer et innover en matière de gouvernement, ne songe pas à l'état, mais bien au rôle qu'il pourrait jouer et à la fortune qu'il pourrait faire, s'il y avait boulversement. Nulle constitution n'est bonne pour les esprits brouillons, et ces esprits-là sont en foule partout; les gens sages et modérés s'en remettent au tems pour amener peu-à-peu les perfectionnements que l'expérience indique à la longue.

XXIX.

S-t Pétersbourg, le 15 mars 1817.

Kriwtzow m'a envoyé votre lettre, cher Christin. Ce que vous me mandez est si absurde, que loin de s'en fâcher il ne faut qu'en rire. Je ne croirais jamais que m-r Apraxine ait appris quelque chose de pareil d'ici, cela est impossible; personne au monde ne peut imaginer ici des fagots de ce genre, par la raison qu'on est beaucoup mieux instruit qu'à Moscou du rôle que joue chacun de nous. Le mien est si insignifiant qu'il faut avoir perdu la tête pour débiter de semblables bêtises, et je suis prête à parier la mienne que Titow est le seul auteur de tout cela. Si Apraxine voulait dire la vérité, il ne remonterait

Библиотека "Руниверс"

pas à une autre source. Soyez donc aussi tranquille sur mon compte que je le suis moi-même.

Est-il rien de plus ridicule que ces messieurs qui font antichambre chez moi? Certes, je les plaindrais bien s'ils avaient à monter mes 113 marches aussi inutilement; mais pas si bêtes, ils ne s'en donnent pas la peine, et les seuls escaladeurs de mon escalier sont mes chers Wladimir et André qui me viennent voir à peu près tous les matins au sortir de la parade. Ah non, j'allais oublier m-r de Bray et depuis quelque tems le vieux comte de Maistre, qui n'est assurément pas un des *religionnaires dangereux* dont vous me parlez. Cher ami, si Dieu nous prête vie d'ici au mois de septembre, vous verrez vous-même à quel point tout ce que je vous dis sur ma personne est exact et vrai.

Tatiana reprend visiblement, l'air de Naples commence à lui convenir à merveille: il n'est plus question de fièvre ni de toux, elle mange et dort bien, et elle est gaye comme autrefois. La princesse Michel était à Naples à l'époque où l'on écrivait; à présent elle doit être à Paris. Potemkine et Lavalée sont allés faire une course en Sicile; Catherine les a conduit jusqu'au vaisseau qui était en rade, pour voir Naples de la mer; elle dit que cette vue est magique. Elle est revenue à terre dans un bateau de l'amiral français Préville. Le comte Markow est parti à la fin de janvier; la petite a versé des torrents de larmes en s'en allant, elle a une extrême répugnance à revenir en Russie; le vieux va, je crois, à Paris, parce qu'il convient à mad. Hus de l'y faire aller. Mad. de Noiseville n'avait pas encore connaissance de la mort de m-r de Vaudreuil, mais la pauvre femme avait de tristes nouvelles de Pauline dont la position est des plus désagréables: aveugle à moitié, maladive, et très-gênée dans ses affaires pécuniaires, elle ne sait à quel saint se vouer avec son imbécile de mari et trois enfans sur les bras. Mad. de Noiseville se dépouille pour elle, elle voudrait la débarrasser de son garçon qui a 7 ans, et la princesse Boris, toujours bonne et généreuse, vient d'écrire à Pauline que si elle veut l'envoyer en Russie, elle se chargera de son éducation. Sophie m'a dit que sa mère voudrait bien aussi faire venir Pauline, mais Dieu sait si elle voudra quitter son mari; cela n'est guère probable.

J'ai soupé avant-hier chez la p-sse Woldemar avec la comtesse Ostermann qui a l'air de se tenir à quatre pour ne pas se laisser aller à moi; plus d'une fois j'ai cru observer qu'elle provoquait une réponse de ma part, à ce qu'elle avançait; mais fidèle à *notre convention*, j'ai toujours gardé le silence, et je me suis bornée à lui céder une place auprès de mad. Apraxine à qui elle désirerait de parler. Restez, restez, me dit-elle, je prendrai une chaise.—Pourquoi donc, je

Библиотека "Руниверс"

vais vous céder le divan et j'irai m'asseoir ailleurs, et de suite je me levai. Sa présence ne m'a jamais embarrassée et à présent elle ne me déplaît même pas. Autrefois je cherchais à éviter une rencontre chez la p-sse Woldemar, actuellement cela m'est parfaitement égal, et je l'y verrais chaque fois sans la plus légère répugnance. Je n'avais jamais vu le comte Cz......; ce soir là je le vis aussi chez sa cousine; si vous le connaissez, dites moi quel homme c'est; il vient passer deux mois à Pétersbourg, et probablement je le rencontrerai partout. On avait dit ici l'année dernière que si par hasard il s'établissait chez nous, on l'enrôlerait pour Pawlowsky; un homme aimable à notre cour ne ferait pas mal du tout, car le cher prince Labanow est bien fatiguant à la longue. C'est pourtant notre seul et unique coryphée pour cet été.

XXX.

S-t Pétersbourg, le 17 mars 1817.

Hélas, cher ami, vous n'avez deviné que trop juste l'état dans lequel je me trouvais, lorsque je vous parlais du mécontentement que j'avais de moi-même. Cependant soyez bien sûr que je suis très-décidée à combattre vigoureusement *les mouvements de cette chair désolante*. Il y a des jours où j'ai un courage héroïque, d'autres où je suis d'une faiblesse honteuse, et alors je suis tellement découragée et abattue que rien de consolant ne s'offre plus à ma pensée. Ma destinée est des plus bizarres; il semble que le seul travail qu'on exige de moi soit de rester continuellement comme un soldat, la lance en arrêt, pour résister aux *attaques de mon fatal ennemi*, et peut-on imaginer que mon âge ne m'ait pas déjà mis à l'abri de ces attaques; car au fait je ne suis une jeune personne que pour Miatlew. Mais ne parlons plus de ce sujet, et donnez-moi votre parole d'honneur de ne jamais m'interroger sur rien de pareil: je vous assure que je vous ai donné là une grande preuve de confiance; je sens qu'il me serait impossible d'en parler à ma propre soeur.

Vous avez raison quand vous nous accusez de prendre les évènements un peu à la légère, et la manière dont vous l'expliquez est parfaitement juste. Il est vrai qu'on s'occupe ici très-superficiellement de ce que vous autres Moscowites avez coutume de couler à fond. Mais peut-être encore cela vient-il du cercle dans lequel on se trouve. Je vis par exemple avec des gens qui ne parlent pas plus de la proclamation de Paulucci que du déluge de Deucalion; les uns par une espèce d'incurie,

Библиотека "Руниверс"

les autres par le système qu'ils ont adopté de ne jamais faire mention de ce qui a trait au gouvernement. Mes amis Gouriew, par exemple, vous les hacheriez menu comme chair à pâté avant d'en tirer quoique ce soit. Au reste, cette proclamation, telle que vous me la transcrivez, est certainement de nature à produire l'effet que vous semblez redouter; toutes les phrases sont bien dans le sens qu'il faut pour agiter les esprits; mais si les gouverneurs veulent suivre l'exemple de celui que vous m'avez cité, on peut encore leur donner le tour qu'il convient. Que voulez-vous? Je crois toujours que nous sommes gardés par la main de Dieu et beaucoup pour les mérites de celui qui nous gouverne. Cette âme si belle et si pure, j'ose le dire, est notre ange tutélaire.

Il est arrivé ici quelque chose de bien malheureux: c'est la mort d'une jeune femme charmante mad. Stourza, née Чичеринъ. Elle était grosse de son premier enfant et se portait à merveille il y a 3 jours. Hier elle sentit une légère douleur dans les reins, on fit chercher le médecin et la sage-femme qui trouvèrent que ce n'était rien et lui prescrivirent du repos; elle fut toute la soirée sur son canapé, et la douleur se calma, elle causa gaiment avec son mari et sa belle-mère et avec Stoffregen qui ne la quitta qu'à l'heure de se coucher. Le docteur rentra chez lui parfaitement tranquille; à six heures du matin un homme hors d'haleine vint le réveiller, c'était pour mad. Stourza qui se mourait; il y courut et trouva toute la famille sur pied dans le désespoir le plus horrible.—Qu'est-ce qu'il y a?—Elle est morte depuis une demi-heure. Une couche prématurée, des convulsions horribles ont tué à la fois la mère et l'enfant. On dit que c'est affreux ce qui se passe là; un mari tellement désespéré qu'on craint pour sa tête, et puis sa belle-mère qui l'avait élevée comme sa fille, l'aimait à l'adoration, une belle-soeur dont elle avait été la compagne et l'amie d'enfance. Enfin, c'est l'image du désespoir que tout ce monde, et Rosalie Rzewska qui vient de me le conter en est atterrée. Imaginez, je vous prie, qu'elle devait dîner avec elle aujourd'hui chez madame Golowine! On sait très-bien qu'on peut mourir à tout âge, à tout genre; on le sait, mais on n'y pense pas. Dès qu'un évènement de ce genre arrive, il vous abasourdit de telle façon qu'on fait alors un retour sur soi-même. Ah mon Dieu, comme je ne veux pas mourir subitement!

Библиотека "Руниверс"

XXXI.

Moscou, Vendredy Saint, 28 mars 1817.

La p-sse Boris doit en consiance prendre soin du petit Prescott, car il ne doit le jour qu'à l'extrême désir qu'avait, il y a 11 ans, cette même princesse de se défaire de Pauline qu'elle traitait avec une humeur impossible à supporter; c'était avant ce sot mariage de Lise Koukine. Pauline était belle, avait des talents, et tout cela offusquait la bonne princesse Boris au point de la rendre tout à-fait injuste et de forcer mad. de Noiseville de marier sa fille à tout prix. Voilà ce que j'ai su de la mère elle-même dans le tems. C'est bien de désespoir qu'elle consentit à ce mariage et que Pauline s'y résigna sentant qu'elle était une pierre d'achoppement dans la maison.

Quelles nouvelles a-t-on de Lise Troubetzkoy? Chacun se plaint ici de son promis qui occupe à lui seul le meilleur carossier de Moscou, lequel ne veut plus rien vendre. Pour qui cette berline si magnifique?—Pour m-r le c-te de Potemkine. Pour qui ce superbe landau?—Pour m-r le c-te de Potemkine. Et cette calèche élégante?—Pour m-r le c-te de Potemkine. Mais ce drochky-fauteuil, et cette dormeuse, et ce joli coupé?—Pour m-r le c-te Potemkine; toujours pour le comte Potemkine, en voilà pour 25 mille roubles: c'est ma meilleure pratique! Vous voyez comme Lise sera voiturée délicieusement si elle achève cette affaire et pousse les choses jusqu'à consommation. Voici l'époque de la réponse de Paris et le moment de la décision. Je suis curieux de savoir qui l'aura ou qui ne l'aura pas; mais je suis porté à croire que c'est le comte Potemkine qui l'aura.

Vous me demandez quel homme est le comte Cz...? C'est un homme d'esprit vif et léger, qui a tous les sens en perfection excepté le sens commun. Il plaisante, il conte bien, il sait mille jeux, il fait des vers sans mesure et qui pour la plus part n'ont ni rime ni raison; il a 57 ans, et vous lui en croirez 18. Quand il se livrera à sa verve, il est gay et tout propre à ranimer une cour qui s'ennuye; ce sera, je vous en réponds, une excellente acquisition pour Pawlowsky. Tel que je vous le dépeins, je le connaissais il y a 20 ans; je l'ai peu vu depuis, mais des gens qui ne l'ont jamais quitté m'assurent qu'il n'a pas changé d'un iota. A propos de Pawlowsky, voici le moment d'arranger notre correspondance pour ce séjour et de faire en sorte qu'elle ne soit pas confiée à l'indolente apathie de Jean Simon. Priez de grâce m-r Wolff de permettre que je mette nos lettres sous son enve-

Библиотека "Руниверс"

loppe, et dans ce cas envoyez-moi son adresse. J'ai quelque soupçon que l'arrivée de la cour n'est plus aussi certaine qu'on le croyait. Le prince Youssoupow depuis son retour n'a plus le ton aussi positif sur ce voyage, à ce qu'on assure (car je ne l'ai pas encore vu). D'autres indices encore me font croire la même chose.

Dimanche, jour de Pâques, 25 mars.

Христосъ воскресе, chère princesse. Je pars pour aller faire une tournée de visites. J'eus hier le comte Tolstoï chez moi pendant une heure; il m'assura que le plus jeune et le plus gourmand de ses enfans n'attendait pas ce jour-ci avec plus d'impatience que lui: tant sa femme l'a fait cruellement jeûner cette semaine et prier chez lui et aux églises; elle y a passé les deux dernières nuits. C'est un zêle qui ne fait que croître et embellir. Je m'en vais de ce pas le féliciter d'avoir abandonné les pois à l'eau et le gruau d'avoine. J'irai chez mad. votre tante aussi et je fermerai ma lettre demain. Avez-vous ouï parler d'une querelle entre mad. de Staël et m-r de Rostopchine dans laquelle, si le fait est vrai, ce dernier a eu tout l'avantage dans le fond et même dans la forme? Avez-vous entendu dire que Talleyrand fût rentré au ministère? Ce sont deux nouvelles qu'on débite ici d'après m-r Boulgakow. Si la dernière est vraye, je ne saurai plus que penser d'un gouvernement qui va toujours tâtonnant, déplaçant, replaçant, sans savoir jamais à quoi s'en tenir? Voyez-vous quelque fois mad. Melhian? Son mari prétend qu'un ambassadeur veut louer le chenil qu'il vient de faire bâtir ici, et qu'il en donnera mille roubles par mois; et sur cette belle perspective il cherche de l'argent pour le faire stuquer en dedans et en dehors. Cela fera un ambassadeur magnifiquement logé: la maison de Melhian était l'écurie de la maison de la comtesse Apraxine brûlée en 1812. Il a acheté cette écurie, l'a rétablie en habitation sans en changer la dimension des fenêtres, en sorte que chaque croisée n'a qu'un seul battant, et ce battant n'a que deux carreaux. Ne parlez pas de cela toute fois, car il ne faut nuire à personne, et si mad. Melhian peut attraper par une déscription hyperbolique de son hôtel des guinées, des Louis d'or, ou des florins d'empire, cela lui viendra fort à propos. Je soupçonne cependant que cette histoire est un leurre que le Melhian avance pour emprunter quelque somme.

Библиотека "Руниверс"

Lundy 26.

Je vis hier mad. Arséniew et votre soeur; l'oncle courait pour ses visites. Le voilà avec deux mille roubles d'appointement. C'est bien peu de chose, mais cela peut amener à mieux. Il me tarde de savoir ce que vous pensez de la place du lombard. Croyez-vous pouvoir le demander, cela me semble très-faisable, et cette place irait à m-r Arséniew comme le nez au milieu du visage. Votre soeur Sophie prétend que Wladimir et André ne vont si régulièrement chez vous, parce qu'ils espèrent que tôt ou tard vous direz un mot en leur faveur. Cela se pourrait très-bien, mais si c'est le but d'André; il s'en vantera d'avance comme il disait ici l'automne dernier quand ses soeurs reçurent le chiffre: l'Empereur viendra chez maman, nous donnerons des bals sans étiquette comme il les aime; peu de monde, de la jeunesse, aucune *dame à portrait*, et cela lui plaira tout-à-fait, ce sera charmant! Il l'espérait ainsi le bon André, mais le moyen de l'empêcher était de le dire, et voilà ce qu'il ne savait point, ce qu'il ne sait pas encore et ce qu'il ne saura probablement jamais. S'il attend quelque chose par votre intercession, il ne manquera pas de dire à ses amis: j'aurai telle place par la princesse Turkestanow qui est dans ma manche, et cela ne vaudra rien pour lui, ce qui m'est assez égal; mais cela pourrait vous nuire, et voilà sur quoi je n'entends pas raillerie. Adieu, chère et bonne princesse, je vous aime de tout mon coeur. Христосъ воскресе, et par là-dessus je vous embrasse sur l'une et l'autre joue. Il neige comme en décembre, et nous irons en traîneau demain si cela continue.

J'ai reçu votre № 14 du 14 mars tout à l'heure en montant en voiture et j'ai expédié l'incluse à mad. Arséniew sur-le-champ. Puis, tout en cheminant, j'ai lu votre charmante lettre qui m'a touché et attendri au point de me faire revenir sur mes pas sans avoir fait une seule visite. Le besoin de vous répondre est le plus pressant, et me voici décachetant ma lettre que j'avais laissée prête pour la poste et y ajoutant un petit supplément pour vous dire que cette confiance aimable et si flatteuse que vous m'accordez, me rendrait votre ami à la vie et à la mort, si ce sentiment ne vous était pas déjà voué du fond de mon coeur depuis que je vous connais. C'est une âme bien belle et bien noble que celle qui convient ainsi des faiblesses attachées à la nature humaine! Ah, ne craignez rien du Ciel; Il connaît le peu de force dont vous êtes susceptible et ne vous redemandera pas plus qu'il ne vous a été donné. Ne vous croyez pas faible en vous comparant aux

Библиотека "Руниверс"

insensibles qui passent pour forts, et qui se glorifient d'une vertu qu'ils ne connaissent que de nom. Il est facile de demeurer invincible tant qu'on n'a point d'ennemis à combattre! Or, l'ennemi le plus dangereux est sans doute celui que nous portons en nous-même, qui se reproduit sous mille formes, qui fait partie intégrante du don le plus précieux de la nature: la santé et la force du corps. Combattez tant que vous pourrez, c'est un devoir qui nous est imposé et qu'il faut remplir pour ne pas succomber lâchement et pour conserver l'énergie de notre âme, qui s'évanouirait si nous nous abandonnions sans réserve à nos passions; mais ne vous découragez point si la nature est plus forte dans les moments difficiles. Dites à Dieu: Vous m'avez fait une âme qui Vous adore et qui ne veut jamais adorer que Vous. Pardonnez aux faiblesses d'un corps matériel que vous avez créé avec des besoins dont Votre toute. science connaît la force et que Votre miséricorde ne saurait condamner!

Les hommes injustes ont placé toute la rigueur de leurs jugements contre ce genre de faiblesse, et sont convenus d'appeller *vertueuse* par excellence une femme qui ne succombera jamais, fut-elle d'ailleurs hautaine, haineuse, médisante, orgueilleuse, vaine et implacable. Croyez que la bonté de Dieu en juge tout autrement et qu'elle apprécie les choses à leur juste valeur. Ce n'est pas pour rien qu'elle nous recommande avant tout cette indulgence mutuelle qu'elle appelle du beau nom de *charité*. Ah, que je voudrais pouvoir causer avec vous sur tout cela, chère princesse; je ne vous prêcherais point une morale relâchée, j'en suis incapable; mais je crois que je vous reconcilierais avec vous-même dans ces moments de découragement dont vous me parlez. J'adore votre candeur, elle me rappelle celle de la bonne défunte Evers dont vous êtes la digne élève. Cette candeur est le fond de votre caractère, et elle est d'autant plus admirable, que vous avez des passions vives, que votre esprit n'est pas très-maniable dans la conversation ordinaire et que vous n'avez nulle faiblesse de caractère, nul entraînement à l'opinion d'autrui, que vous soutenez la vôtre et que par fois même on vous croirait de l'entêtement. Quand, à côté de cela, on découvre ce coeur de colombe qui s'épanche, il faudrait être un monstre pour ne pas vous chérir comme vous méritez d'être chérie.

Je n'ai plus qu'une minute; je répondrai Jeudy au reste de votre lettre. Imaginez que je viens d'être interrompu par le comte Potemkine qui a parcouru cette maison du haut en bas pour la marchander et qui ne semble point affrayé du prix de 400mille roubles qu'en demande le comte Markow. Ah bon Dieu qu'il est laid! Quelle bouche! Quelle tournure! Il a bien raison de couvrir tout cela par des hôtels, des équi-

Библиотека "Руниверс"

pages et par tout ce qui peut éblouir une jeune et belle femme qui difficilement pourra se faire à cette figure-là. Depuis, que je viens de le voir à mon aise, il me semble que le prince Dolgorouky pourrait bien être *celui qui l'aura.* Cependant, ce cher comte regarde bien sa noce comme assurée, je vous en réponds. Il m'a dit qu'il a de fort bonnes nouvelles de sa promise. Adieu, chère princesse; je vous baise les mains mille et mille fois. J'espère que vous pardonnerez à l'extrême longueur de ma lettre; en tout cas, si elle vous fâche, fâchez-vous pour deux fois, car Jeudy je reprendrai le fil de mon discours.

XXXII.

Moscou, Jeudy, 28 mars 1817.

Je continue la réponse à votre № 14, chère princesse, et d'abord je vous dirai que je n'ai point encore pu voir le prince Youssopow, chez qui je fus hier sans le trouver. Je ne sais donc rien sur votre logement; je sais seulement que le comte Tormassow a dissipé toute espèce d'indécision sur l'arrivée de la cour en déclarant qu'il avait l'ordre exprès de faire achever la maison d'exercice à la Makhawaia pour le 1-r 7-bre. On ajoute encore que le prince Youssoupow avait présenté à l'Empereur la maison du commandant qui touche au palais, comme devant faire partie des logements de la cour, et que l'Empereur a décidé qu'on ne devait dans aucun cas déplacer son commandant. Ce sont les amis de Wolkow qui m'on dit cela hier; mais Dieu sait si cela est vrai. Au reste, d'ici au mois de septembre on pourra changer 20 fois de plan pour les logements accessoires; je ferai mon affaire d'être au courant de cela pour vous en instruire avec certitude, dès que les choses seront décidement arrêtées; je vous promets que je verrai votre logement d'avance et vous en ferai une description claire et précise, ce qui probablement ne sera pas avant le mois de juillet. Vous-avez toute raison de vouloir être chez vous plutôt que chez votre tante et surtout chez la princesse Boris; le pis-aller serait de louer quelque chose, mais nous aurons tout le tems de voir cela et d'arranger tout pour le mieux. Disposez de moi pour ce qu'il y aura à faire à ce sujet. La maison de mad. Korsakow est louée pour douze mille roubles à la comtesse Bobrinsky, et la propriétaire se désole d'avoir conclu ce marché *à si bas prix.* La maison Nébolsine est au bout du monde, d'ailleurs fort petite et occupée par m-r Iakowlew. Il y a à la Twerskoy, à côté du prince Théodore, la maison du feu prince Wadbolsky qui est à vendre et à

Библиотека "Руниверс"

louer; mais je crois que la princesse Boris doit se dépêcher si elle veut louer: la maison est belle. Mon voisin, le prince Georges Dolgorouky veut aussi louer la sienne qui est immense; indiquez cela à la princesse Boris afin qu'elle donne ses ordres en conséquence et à tems. Quant à cette maison-ci, j'espère bien que le comte Markow l'occupera lui-même; mais en cas contraire je serais au désespoir qu'il la donnât à louer: ce serait toujours à recommencer pour la meubler fraîchement; elle est charmante, et un locataire l'abîmerait. Ah, par exemple, s'il passait l'hyver à Paris et ne louait pas, comme je pourrais vous y arranger un appartement délicieux et bien complet! Vous jugez si cette idée me sourit, mais je ne veux pas trop la nourir de peur qu'elle ne soit chymérique.

Je n'ai pas un mot à objecter à ce que vous me répondez au sujet de l'oncle; je ne savais ni ne pouvais deviner les obstacles qui vous empêchent d'agir; ils sont de nature à ne pas même penser à les vaincre; que Dieu vous préserve de tout ce qui pourrait ressembler à de l'intrigue ou prêter le moins du monde à des propos. Non, non, tenez vous bien tranquille et attendez qu'une autre occasion se présente de servir l'oncle.—J'espère qu'à l'heure qu'il est on est tout-à-fait rassuré sur la santé d'Alexandrine; heureusement, la saison devient favorable aux convalescents et le tems des bals et des veilles est fini; elle aura besoin de longs ménagements. Gardez-vous des salades de la princesse Woldemar, de son vinaigre et surtout de ses champignons. J'ai une peur mortelle des champignons salés; vous allez dire que je radotte et que la question a été traitée cent millions de fois.... J'en conviens, je sais que les cas sont rares; mais ils existent. J'ai vu mourir il y a 20 ans une nièce du banquier Rall pour avoir mangé d'une tourte aux champignons; elle seule succomba, mais les autres furent très-malades. Mad. de Bouxhoevden est morte de même. Il y a 7 ans que le pauvre amiral Greig ne vit qu'à demi et dans des douleurs périodiques qui mettent sa vie en danger, tous les mois une fois, pour avoir mangé un champignon en salade; il le trouva d'un goût fort amer, mais comme il était à un dîner avec des femmes, au lieu de rejetter ce champignon, il avala un verre de vin pour le faire passer; en sortant de table, il tomba sans connaissance, fut trois semaines à la mort et ne put jamais se débarrasser d'une petite parcelle de ce maudit champignon qui est attachée aux parois de son estomac et lui jouera quelque jour un mauvais tour; en attendant, il souffre de grandes douleurs et éprouve des accidents fréquents et très-graves. Les médecins qui ont disséqué l'autre jour un intendant du prince Troubetzkoï ont trouvé un morceau de champignon attaché à son estomac et qui seul a causé sa mort.

Библиотека "Руниверс"

On n'avait rien compris à la longue maladie de cet homme, qu'aucun remède ne soulageait, on l'a ouvert et l'on s'est convaincu qu'il est mort d'un champignon. Les médecins qui ont fait l'opération m'ont attesté la chose. Vous voyez que le danger passe le plaisir et que j'ai raison de vous supplier de renoncer à ce met empoisonneur.

La mort de madame Stourza est une chose affreuse. Je connais son père avec lequel je joue souvent au boston au club Anglais. Que de projets ne faisait-on pas pour cet enfant, peut-être le jour même de la mort de la mère! Je crains, comme vous, une mort subite par dessus tout. Il me semble que je ne serai pas très-fâché de mourir si je finis dans mon lit, sans de grandes souffrances et entouré de quelques amis qui me soutiennent et m'encouragent....! Au reste qui peut prévoir ce qu'on éprouvera à cette heure fatale. Je me suis vu grièvement menacé d'être fusillé au Temple en 1804 à l'époque de la mort du duc d'Enghien, et j'ai passé huit jours à croire que ce serait pour la nuit suivante; je vous avoue que tous mes efforts n'ont pu me reconcilier avec cette idée, que j'éprouvais des terreur tout en m'exhortant moi-même à faire bonne contenance, et que je ne sais comment j'aurais subi cette cruelle épreuve; mais je sais fort bien que quand il fut décidé que je ne passerais point à la commission militaire, j'éprouvai un soulagement et en même tems un attendrissement qui me fit fondre en larmes de reconnaissance envers Dieu, que j'avais prié avec ferveur dans mon cachot pendant cette semaine-là, comme vous pouvez bien croire. C'est une histoire que je vous ai commencée une fois et que je ne vous ai point achevée; remettons la à l'hyver prochain où vous n'aurez pas toujours une soeur malade sur les bras, et où ou pourra causer à loisir avec vous; quoique, Dieu sait le nombre des visites qui vous obséderont sans relâche du matin au soir!

La nouvelle du jour c'est le mariage de mad-lle Toutolmine, fille majeure, avec un m-r Kamynine, veuf et riche de 3500 paysans. La demoiselle est un peu mûre, le monsieur un peu sec, mais on croit qu'ils fairont très-bon ménage et que la jalousie ne le troublera de part ni d'autre. Je connais un peu m-lle Toutolmine, c'est une excellente personne, et comme elle n'a pas de fortune, il faut bien que ce soyent ses qualités morales qui lui ayent valu l'affection d'un homme riche dont on dit beaucoup de bien. Adieu, chère princesse, je vous baise les mains.

Библиотека "Руниверс"

XXXIII.

Moscou, Samedy, 31 mars 1817.

Il faut absolument que vous veniez à mon secours, chère princesse, pour fixer mes pensées sur l'arrivée de là cour. Il y a 8 jours que cet évènement était douteux; il y en a quatre que tous les doutes étaient levés par m-r de Tormassow; et voilà que hier, les personnes les plus à même d'être instruites, prétendaient de nouveau que l'Empereur seul se déplacerait et que les Impératrices ne viendraient point, à cause des fraix immenses qu'un semblable voyage occasionnerait!.... Au nom du Ciel, dites-moi ce qui en sera; je ne saurais dormir dans cette incertitude de vous voir ou ne vous point voir. Il me semble que si même tout le monde ne venait pas, vous pourriez prendre ce moment pour faire une visite de quelques mois à madame votre tante. Cependant réfléchissez et combinez si la chose serait convenable et le moment opportun? Mais j'aime à croire encore que vous arriverez avec tout *le bataclan.*

J'ai vu le prince Youssoupow qui m'a tout de suite parlé de vous et m'a assuré qu'il vous préparait une cellule chez les religieuses du Kremlin à titre *de dévote.* Quand je lui ai demandé sérieusement où il placerait toute la suite des personnes impériales, il m'a répondu qu'il allait faire bâtir deux grands corps de logis sur la place où sont les cuisines et qu'il y aurait place pour tout le monde. Ce ne sera donc pas le défaut d'espace qui fera échouer le voyage. Les banquiers anglais m'ont dit hier qu'ils étaient chargés par lord Cathcart de lui louer l'ancienne maison Lomonossow au Гороховое Поле, et quand je me suis récrié sur l'éloignement du quartier, ils m'ont répondu que l'ambassadeur avait consulté les archives de sa mission pour savoir où avait logé lord S-t Hélens lors du couronnement et qu'il avait trouvé que c'était dans cette maison-là, d'où il avait conclu que c'était assurément la meilleure qu'il put choisir. Le bon lord ne pense pas que lors du couronnement l'Empereur occupait le grand palais de la Sloboda qui a brûlé et qui n'est point rebâti, et que cette année S. M. sera logée au Kremlin, ce qui change prodigieusement les rapports de distance et de commodité. Pour moi j'en conclus que si les ambassadeurs louent déjà des hôtels, c'est qu'ils se croyent sûrs du déplacement de la cour.

Библиотека "Руниверс"

Dimanche, 1-er avril.

Voici un billet de mad. la comtesse Panine qui me mande que le comte Markow a reçu à Rome un courrier qui lui ordonne de se rendre sur-le-champ à Paris, pour y remplacer Pozzo-di-Borgo et que l'y voilà établi comme ambassadeur. Cela me paraît si extraordinaire que j'ai toutes les peines du monde à le croire. Cependant Orlow écrit de Naples à sa soeur qu'il tient cette nouvelle de Markow lui même. Comment ne la savons-nous pas de Pétersbourg d'abord! Tâchez de grâce d'apprendre si le fait est réel et si c'est une commission momentanée qu'on lui donne, ou si on l'y envoye à poste fixe. Vous m'obligerez fort.—Il est tombé tant de neige hier et avant-hier que les traîneaux ont reparu partout. Je suppose que la poste qui doit m'apporter votre № 15, n'arrivera ni aujourd'hui ni même demain à cause des mauvais chemins; mais ceci partira toujours. Je vais aller chez mad. Tolstoï dont c'est la fête et j'y retournerai ce soir pour un grand bal qu'elle donne.

Lundy, 2 avril.

C'était *un poisson d'avril* que cette nouvelle de Rome; je m'en étais si bien douté qu'en répondant à la comtesse Panine, je la priais de me dire si je devais mettre l'ambassade de Markow sur le compte de la date de son billet, ou si je devais y ajouter foi. Et à cela elle m'a écrit un second billet qui confirmait *absolument* la chose en me donnant pleine permission de la répéter, attendu *qu'on ne lui avait point demandé le secret.* Je vous avoue qu'à mon gré ce dernier billet ôte tout le sel de la plaisanterie et passe les bornes, puisque je n'aurais pas manqué de débiter cette absurdité comme je vous l'ai écrite, si la comtesse Panine, par réflexion n'en avait senti la conséquence et ne fut venue elle-même chez moi pour me détromper avant que j'allasse chez le c-te Tolstoï. Elle a très-bien fait de venir hier, car je sens que je ne lui eusse jamais pardonné si elle eût attendu à ce matin à me dire la vérité, et qu'elle m'eût exposé par là à me donner un ridicule de cette force. Le premier billet était dans la règle, mais le second ne valait plus rien.

L'intendant de la princesse Boris sort d'ici; il demande à louer l'hôtel Markow, qu'on ne loue point. Il est aux abois pour trouver quelque chose de convenable, on demande partout des prix extravagants; mais je lui conseille, malgré cela, de se hâter, car je pense que

Библиотека "Руниверс"

plus on approchera du moment, et plus les maisons renchériront. Il n'y a que le comte Potemkine qui sache passer par-dessus les obstacles que l'argent peut lever. Ses voitures font l'admiration de tout Moscou, et comme son carossier est à ma porte, j'irai les voir ainsi que font tous nos badauds. Je sais déjà qu'il y a une berline de drap bleu-barbeau à 75 roubles l'archine, avec des galons tels qu'on n'en a jamais vu, un siége en velours, et des franges devant lesquelles on tombe les quatre fers en l'air de pure admiration. Une autre voiture en drap *nacarat* à 70 roubles l'archine et d'un vernis si beau, avec un fini si parfait que les carossiers de Pétersbourg en creveront de jalousie: depuis les clous des roues jusqu'aux lanternes tout est admirablement bien conditionné. Une dormeuse qui renferme un lit pour deux personne, une toilette de femme, un bureau, un nécessaire d'homme, une vaisselle, une cuisine de voyage, et en un mot tout ce que la fée *Commode* a pu imaginer de plus ingénieux. C'est le prince André Gagarine qui dirige le promis, lequel, dit-on, vend une terre pour en faire des carosses et des châles.

Le bal d'hier a été fort beau, j'y suis resté jusques à deux heures; j'y ai soupé par extraordinaire; tout était bien entendu et magnifique même. J'y ai vu madame Neklioudow que j'ai trouvée fort belle; m-r Apraxine qui m'a paru fort triste, et pourtant on assure que son fils est aide-de-camp de l'Empereur. J'y ai vu Wassiltchikow faisant la cour aussi chaudement qu'il est en lui de la faire, à la comtesse Tolstoï, fille unique et héritière du comte Féodor Andréitch, dont la fortune arrangerait bien les affaires du grand Wassiltchikow, qui toutefois n'en sort pas de son *flegme* accoutumé. Enfin, j'y ai vu des gens qui comme moi sont fort embarrassés de savoir si les Impératrices viendront ou ne viendront pas. Je ne sais qui fait courir le bruit que ce voyage est douteux. Adieu, chère princesse; la poste n'étant pas encore arrivée, je n'ai point votre № 15. On assure que le prince Stcherbatow (celui connu par l'affaire du chevalier de Saxe) s'est marié hier, sans dire gare à personne.

Библиотека "Руниверс"

XXXIV.

S-t Pétersbourg, le 27 mars 1817.

Je ne sais de quel oeil vous envisagez ma position, mais je suis fort porté à croire que l'apperçu n'en est point juste. Votre bon esprit ne peut pas vous faire partager les idées d'A.; cependant vous avez l'air de ne pas les rejeter entièrement, et je suis presque sûre que vous avez imaginé plus qu'il n'y en a jamais eu; peut-être, votre prévention pour moi vous a-t-elle aussi exagéré les choses, et pourtant vous savez très-bien que depuis le moment où j'ai fait la connaissance *de certaines personnes*, je vous ai toujours répété que cela ne changerait rien à la place que j'occupe dans la société. Il m'est agréable d'être distinguée, mais je veux rester toujours comme je suis. Je vous dis encore que Dieu ne m'a pas donné d'ambition pour un grain de moutarde; par conséquent, il ne m'est jamais entré en tête, que les visites que je reçois de tems en tems, ayent pu amener quelque différence à ma situation. A la seconde qu'on m'a faite j'ai su qu'elles ne seraient pas plus rapprochées qu'elles ne le sont; on s'est expliqué clairement là-dessus, et j'ai répondu le plus franchement du monde: «Tout comme il vous «plaira, absolument comme vous l'entendrez; je n'ai aucune nécessité «de dire que vous me faites l'honneur de me voir; car voyez-vous, c'est «votre p rsonne que j'aime et point du tout ce que vous êtes. Je sais, «de plus, combien tous les moments de votre vie sont précieux; rendez-«moi donc la justice de croire que j'ai assez de tact pour ne pas ima-«giner que vous voulussiez venir perdre du tems chez moi».

Voilà mot pour mot ce que je lui répondis, et je vous assure que cela lui plut beaucoup. C'est précisément à cette modération que je devrai qu'on ne changera pas à mon égard. *Rien n'a retrogradé*, tout est au même point et que j'aille ou non à Pawlowsky, c'est absolument égal. Quant à ces amis que vous me reprochez et à la défiance que vous me recommandez, je n'y conçois rien encore; car d'abord je n'ai pas la manie des confidences, de sorte que je me livre à personne; d'ailleurs je n'ai même rien à confier; et puis si vous saviez comme ce qui se débite dans la société est peu signifiant, vous ne trembleriez pas ainsi pour moi. Tant qu'il y a eu trois fois la semaine des soirées chez l'Impératrice, j'ai mené le genre de vie qu'il vous convient de me faire adopter; mais quand cela a changé, je suis allée passer quelques soirées en ville, et toujours dans les maisons que j'ai coutume de fréquenter depuis que je suis établie à Pétersbourg. Je pense

Библиотека "Руниверс"

que si j'avais mis de l'affectation à me tenir ainsi chez moi, on aurait pu croire que je voulais en imposer sur le compte des visites, et rien au monde n'eût été plus bête que de chercher à persuader ce qui n'est pas et ce qui ne sera jamais. Je resterai toute ma vie la même p-sse Turkestanow que vous avez connue à Moskou, et pas davantage.

J'ai passé toute la semaine sainte chez moi ayant fait mes dévotions. J'avais un extrême désir de communier et depuis Jeudy je me sens infiniment plus calme et moins mécontente de moi-même. Puissent mes bonnes résolutions avoir plus de durée! Michel Galitzine a aussi fait ses paques à la cour, assistant toute la semaine à toutes les prières et offices avec une dévotion qui m'a émerveillée. Ne croyez pas qu'il y ait mis la moindre affectation; il y va de la meilleure föi du monde.

Si vous êtes curieux des grâces qui ont été accordées le Dimanche de Pâques, je puis vous satisfaire. Deux cordons de S-t Alexandre pour Capo d'Istria et pour Sobolewsky; S-te Anne à Sipiaguine, aide-de-camp général; la plaque en diamant à Nesselrode; deux chiffres pour Lise Golowine et mad-lle Stourza. Le jeune Apraxine a été fait aide-de-camp de l'Empereur. A la messe de minuit la grand'maman Woldemar était dans une telle joye qu'elle ne s'en possédait pas; la mère également. Mais le lendemain l'air de jubitation avait disparu chez cette dernière, car l'ordre du jour portait que le jeune homme avait été fait aide-de-camp en considération des services de ses deux oncles le prince Dmitri Galitzine et le comte Strogonow; cette déclaration extrêmement juste faisait voir clairement qu'on avait sollicité cette faveur. La vielle, qui n'a pas beaucoup de tendre pour son gendre, se moque de cela; elle ne voit que les A. A. sur les épaulettes et son petit-fils hors du service de front. Mais madame Apraxine, qui sent autrement, m'en paraît blessée au vif. Elle est à merveille avec son frère ainsi qu'avec Strogonow; toute fois, dans ce moment, je la crois presque fâchée de leur devoir cette distinction de son fils.

Библиотека "Руниверс"

XXXV.

Moscou, le 3 avril 1817.

J'ai encore passé hier la soirée cher mad. Tolstoï, où l'on a célébré par un bal, moins nombreux que celui de Dimanche, les 18 ans de m-lle Sophie; elle a dansé comme une nymphe, et elle était en sarafane plus jolie et plus fraîche que l'Amour. Titow m'a parlé du mariage du prince Stcherbatow; il assure que sa femme est une шляхтянка, jolie, aimable, sachant toutes les langues et ayant donné pas avance 4 ou 5 enfans à son mari lesquels sont légitimés pas cet hymen. Eh bien шляхтянка soit, aimable tant qu'on voudra; on prétend que ce mariage est tout simple et tout naturel; je le veux bien et, après tout s'il fait le bonheur du mari, il aura bien fait.

M-r Apraxine est très-affecté de *l'ordre du jour*, à ce que disent ses intimes; il ne sait même plus s'il ira à Pétersbourg pour la noce de sa fille. Il prétend que c'est la comtesse Strogonow à qui l'Empereur faisant des offres de service, demanda le chiffre pour ses nièces, et *sans que personne l'en eût priée*, les épaulettes pour son neveu; il ajoute que l'Empereur accorda le chiffre sans difficulté et répondit que l'affaire des épaulettes regardait le grand-duc Constantin à qui il en écrivait; que dernièrement S. M. a dit à la comtesse: „Eh bien, j'ai la réponse de mon frère, et la chose se fera le jour de Pâques"; que jusques-là ils étaient tous pleins de reconnaissance pour le Souverain et pour la tante; mais que l'ordre du jour en venant humilier m-r Apraxine avait changé cette joye en douleur. C'est ainsi qu'il l'a conté, et cela me semble vraisemblable. Voilà comme les plaisirs de la vie sont mêlés de peines!

Il y aura encore un très-grand bal Samedy chez le c-te Tolstoï, ce sera le 3-ème dans la semaine; jamais je ne les ai vu si brillants et festoyants. Ce dernier bal est pour les adieux d'Alexis, qui part Dimanche.

Библиотека "Руниверс"

XXXVI.

S-t Pétersbourg, le 2 avril 1817.

Hier, Dimanche, toute la journée au château, les trois quarts dans ma chambre et le reste chez l'Impératrice, qui nous donna un poisson d'Avril. Quand la société fut réunie (c'était celle de Gatchina), elle proposa un macao. Chacun alla prendre sa place; mais au moment qu'on mêtait les cartes, voilà-t-il pas qu'on entend jouer des valses dans le salon voisin du cabinet où nous étions; on se regarde avec étonnement. Qu'est-ce donc? Quoi? Et l'Impératrice comme les autres. Alors la porte du dit salon s'ouvre, on le voit tout illuminé, et chacun d'y passer tout de suite. C'est moi qui ai commencé le bal par une valse avec le grand-duc; j'en ai failli perdre la tête, tant je me suis déshabitué de la danse; cependant, comme nous n'étions en tout que 12 personnes, hommes et femmes, il a fallu s'exécuter comme les autres, et croiriez-vous que cela devient très-gai, car on finit par faire mille folies. L'Impératrice dansa une polonaise ronde dont on fit un pot-pourri très-drole; car le grand-duc, qui avait pour dame la comtesse de Lieven, voulut absolument faire des farces.

Ainsi se termina pour moi la semaine de Pâques, et si vous voulez vous donner la peine d'observer le journal que je viens de faire, vous verrez que je suis plus restée chez moi que je ne suis sortie. Soyez persuadé que si je n'écoutais que ma volonté, ce serait presque toujours comme cela: il n'est aucun besoin de me prêcher là-dessus. Alexandrine est encore assez malade, elle a de la fièvre et les nerfs très-irrités; elle s'effraye continuellement et de tout, ensuite il y a des physionomies qui lui déplaisent, celle de Kourakine par exemple, même Lise lui fait peur; il est vrai qu'elle entre quelquefois précipitamment comme une folle et de manière à faire tressaillir la malade. La princesse Boris, redoutant pour elle-même la solitude, n'ayant pas de joye plus grande que de se voir entourée de monde, croit qu'il en est de même pour sa fille, toute malade qu'elle est; il lui paraît que le meilleur remède à employer est celui de la distraire, en conséquence de quoi elle lui mène sans cesse des visites: tantôt c'est Michel Galitzine, tantôt Menchikow, et puis je ne sais qui. On parle, on rit autour d'une personne toute faible et dont les organes sont ébranlés, et on lui fait ainsi plus de mal que de bien. L'Empereur continue d'envoyer demander des nouvelles de la malade de deux jours l'un, et hier matin il y vint en personne. La princesse avait été prévenue de cette

Библиотека "Руниверс"

visite la veille par le général Ouvarow, si bien qu'elle eut le tems de s'y préparer. Il arriva donc entre une heure et deux et fut très-aimable; on lui servit un déjeuner d'huitres auquel il fit honneur de la meilleure grâce du monde; il caressa beaucoup les enfans Kourakine, et puis s'en alla après avoir dit des choses très-gracieuses à André, qui quelques jours avant n'avait pas été très-bien avec son général et qui craignait qu'on ne l'eût desservi. Enfin, cette visite a causé une joye générale dans la maison, et je suis sûre qu'elle fera bien des envieux en ville, entr'autres la princesse Dolgorouky.

Non, monsieur, Lise Troubetzkoï n'a aucune envie de refuser son riche prétendant; tout au contraire, elle l'attend à Liskowa et se dispose à le bien recevoir. La vieille grand'maman de Géorgie, qui depuis longtems a oublié les amours de roman, s'est bien gardée d'abonder dans le sens de sa petite-fille. Lorsque celle-ci lui parla de Dolgorouky, elle lui représenta qu'un mariage fait contre le gré d'une mère n'offrait rien d'heureux; qu'il serait même honteux de vouloir entrer dans une famille qui semblait la rejetter; qu'une princesse Troubetzkoï valait un prince Dolgorouky et qu'elle devait montrer de la dignité à son tour. D'un autre côté, on vanta le désintéressement de Potemkine, la noblesse de sa conduite et enfin tous les avantages qu'une grande fortune apportait à sa suite. La vieille et son fils s'entendaient; dès que l'un avait fini, l'autre prenait la parole.... Point de cousine pour plaider l'autre cause, point de Schoulépow pour la soutenir; de sorte que notre grande-fille a fini par écrire à son promis d'arriver au plus tôt. Voilà ce qu'on nous mande de Nijni où Potemkine doit s'être rendu à l'heure qu'il est, et peut-être même la noce a t-elle eu lieu cette semaine.

La description que vous fait Miatlew des promenades sur le quai est très-juste; il y a une certaine heure où vous êtes sûr de rencontrer telle ou telle figure pour telle et telle raison. Pour moi, si j'y vais quelque fois, c'est toujours ou plus tôt ou plus tard, pour ne pas tomber dans le commun des martyrs. C'est dommage que les balançoires n'ayent pas été placées sous les fenêtres de Miatlew: il aurait eu de quoi exercer sa plume, car il s'y est passé des scènes assez comiques. Mad. Miatlew a apporté l'autre jour à la cour l'enfant de Schouvalow que l'Empereur et l'Impératrice-mère ont baptisé. Ce qu'on écrit de la santé de la comtesse Orlow est pitoyable; elle ne marche plus du tout et elle souffre beaucoup, on croit que son mal gît dans la moëlle des os, et on craint qu'elle ne meure petit à petit comme le baron Strogonow. Quelle existence pour ce pauvre Orlow, qui passe sa vie à soig-

Библиотека "Руниверс"

ner une femme malade et à endurer sa mauvaise humeur qui au fait est très-pardonnable. On va essayer encore avec elle les bains de mer à Ischia, et puis, si cela ne va pas mieux, ils reviendront en automne.

XXXVII.

Moscou, le 12 avril 1817.

Petemkine a visité toutes les maisons à vendre de Moscou sans avoir encore rien conclu. Menchikow que je vous prie de ne pas nommer, et qui a été partout avec lui, m'a dit qu'il avait montré dans ces marchés entamés un caractère fort susceptible et un amour-propre qui se choque et se blesse de rien. Il a rompu le marché avec m-r Soïmonow et m-r Toutchkow, parce que ces messieurs, en recevant 50 mille roubles comptant, exigeaient que leur maison servît de gage pour le reste de la somme. Une proposition de ce genre fait sauter aux nues le c-te Potemkine qui rompt aussitôt, parce qu'il ne veut pas avoir à faire avec des gens qui ne se fient pas à sa parole et à ses lettres de change. On rit de cette prétention, et on ne lui vend pas. Sa parole peut-être de l'or en barre, mais pour ses lettres de change mille créanciers prouvent que ce sont des chiffons de nulle valeur. Menchikow ne lui donne pas quatre ans pour se ruiner de fond en comble; il aime tant les maisons et les meubles qu'il finira bientôt par mettre toutes ses terres en mobilier, et alors il en faudra venir aux encans pour se procurer de la soupe. En attendant, Lise ne perd pas la tête; elle vient d'écrire à son futur que l'acquisition d'une maison à Moscou est une belle et bonne chose pour l'hyver prochain, mais que cet hyver doit être précédé d'un été qu'elle prétend passer à Kamennoï-Ostrow, et qu'elle lui *ordonne* en conséquence de louer bien vite telle maison qu'elle lui désigne dans sa lettre. Le promis, tout épris qu'il est, a fait la grimace à la lecture de ce poulet, et il a senti que des ordres donnés avant le sacrement annoncent qu'il ne sera guères le maître après: mais enfin il a promis de mener sa belle à Pétersbourg et de lui louer tout ce qu'elle voudra.

Avez-vous lu la plus sotte des brochures, composée par le comte Grégoire Razoumowsky? M-r Miatlew vient de me l'envoyer: c'est de la démence que cette composition.

On m'a traduit hier au soir quelques *Lettres Chrétiennes*, composées par madame Kwostow. Les connaissez-vous? Les goûtez-vous? Croyez-vous qu'elle ait vu le diable? Aimez-vous ses regrets sur ce que son

Библиотека "Руниверс"

chien ne peut pas prendre part à la joye générale que doit causer la fète de Pâques et n'a pas la faculté de lui dire Христосъ Воскресе? N'aimez-vous pas mieux Massillon, Fénelon, Bourdaloue, Pascal, Arnaud et l'Année Chrétienne; ces auteurs me semblent avoir dit plus et mieux que mad. Kwostow, sans tomber dans les visions et les idées bizarres et extravagantes. Dites-moi si vous avez lu ces Lettres Chrétiennes?

Je veux aussi vous faire part d'une remarque qui m'afflige; je viens de lire sur le Journal des Débats le rescript de l'Empereur au comte Langéron au sujet des Douchobortzy. Le public n'y voit ici, qu'un général étranger humilié par une réprimande; moi j'y remarque toute autre chose. Langéron, en sa qualité de gouverneur-général de la Crimée, doit rendre compte au gouvernement de tout ce qui lui paraît d'une tendance dangereuse; en conséquence il dépeint ces sectaires comme des gens qui n'ont ni foi ni loi et qui pervertissent leurs voisins de tout leur pouvoir en les faisant abjurer le Christianisme, et il demande qu'on les éloigne. Ces Douchobortzy ont trouvé des appuis à la cour, et l'Empereur sur la foi de ses conseillers répond à Langéron, qu'il faut plaindre ces infortunés de ce qu'ils ne sont pas éclairés du flambeau de la vérité, que d'ailleurs ce sont de fidèles sujets qu'on doit protéger et soutenir et non persécuter ni *écarter*; que si quelqu'un d'entre eux avait réellement le tort de pervertir quelques Chrétiens, il faut reprimer ce désordre en s'en prenant au coupable *seul* et non point à une société, innocente du tort d'un individu, etc. etc. etc. Enfin, le gouvernement est tout sucre et tout miel envers ces payens. Or, ce qui m'afflige c'est que je me souviens que précisement une année avant ce rescript d'indulgence pour des payens vagabonds, on a signé un oukase foudroyant contre toute la société Jésuite, pour le tort d'un seul père....! C'est que les Jésuites faisaient des Catholiques, vrais Chrétiens selon la morale et l'esprit de l'Évangile et que les Douchobortzy font des rénégats.... C'est que, sous le manteau du Christianisme, on voudrait persécuter le Catholicisme et protéger tout ce qui tend à affaiblir les vrais principes réligieux. Il y a bien du tems que l'existence de ce complot existe en Allemagne; je ne peux deviner si en Russie le gouvernement est de moitée contre la Catholicité, mais très-certainement il est entraîné par l'erreur si l'intention n'y est pour rien. Je voudrais que l'Empereur eût un ami assez courageux pour lui présenter l'oukase contre les Jésuites et le réscript à Langéron *accolés* l'un à l'autre; je crois que la contradiction de principe qu'il y apercevrait lui prouverait qu'on a un but vers lequel on l'entraîne. Je ne voudrais pas que l'histoire mît jamais ces deux pièces en regard l'une de l'autre.

Библиотека "Руниверс"

XXXVIII.

S-t Pétersbourg, le 4 avril 1817.

Comment pouvez-vous imaginer qu'à l'âge où je suis j'aille tenir quelque propos qui puisse me compromettre; et d'ailleurs de quelle nature pourraient-ils être ces propos? Je vous répète que tous ceux qu'on entend dans la société sont si plats, qu'il n'en est pas un qu'on puisse relever, et les mieux tous des premiers. Ces salons que vous me reprochez tant, quels sont-ils, je vous prie? Celui de mad. Gouriew que je ne vois qu'une fois la semaine. Mad. de Litta? J'y dîne, et après le dîner je joue au boston avec le comte, et puis tout est dit. Le prince Théodore? Je m'amuse à y voir jouer son whist à 500 roubles la partie, ou bien j'y entends faire de la musique et seulement une fois la semaine. Où donc est mon salon habituel? Chez la princesse Boris où il ne se dit que des lieux communs? Depuis le 11 decembre je n'ai pas mis le pied chez la princesse Dolgorouky; j'ai dîné une fois chez sa fille et deux fois chez son fils Basile depuis notre retour de Gatchina. Tant qu'il y a eu des soirées chez l'Impératrice, je n'en ai pas manqué une seule; à présent qu'elles sont devenues plus rares, je ne peux pas les faire recommencer. Parce que je suis à la cour, ce n'est pas une raison pour moi de planter là des gens dont j'ai toujours été parfaitement contente, dont il y en a plusieurs qui m'ont donné des preuves d'une véritable affection et qui plus ou moins me sont nécessaires; par exemple, lorsque tant de pauvres personnes s'adressent à moi, croyez-vous que je n'aye pas besoin de m-r Gouriew ou de m-r de Litta? Si l'un vient à mon aide avec sa bourse, l'autre me sert plus efficacement encore. Cela m'a réussi bien des fois, et ce sont de riches mines que je suis dans le cas d'exploiter continuellement. Vais-je à un spectacle? Vais-je au bal? Jamais; je les refuse même chez mes intimes. Ce soir on danse chez Théodore pour l'anniversaire de son mariage; eh bien, je n'y vais pas, parce que le trop de monde me fatigue et m'ennuye. Le goût de ma chambre est toujours le même chez moi; encore une fois, relisez mes lettres et vous trouverez que je ne sors pas plus cette année-ci que les précédentes. Quant à ce désir que vous avez de me faire changer d'existence depuis mes relations avec *la personne en question*, permettez-moi de vous observer que cela eût été très-maladroit.

Vous savez mieux qu'un autre, si je fais cas des honneurs, et si certaines prérogatives, tant recherchées, ont quelque valeur à mes yeux,

Библиотека "Руниверс"

je vous ai fait ma profession de foi à cet égard; par conséquent vous ne devez pas être étonné du tout que je n'aye jamais songé à jouer un autre rôle que celui que j'ai eu jusqu'ici. Pourquoi donc avez-vous cru autre chose que ce qui est? Ce n'est pas ma faute. *Cette personne* connaît toutes mes relations et mon genre de vie aussi; lui plait-il, ne lui plait-il pas, je n'en sais rien. Dans les conversations que nous avons eues ensemble, il n'a jamais trouvé à y rédire, et pour vous mettre l'esprit en repos, je puis vous protester que j'en suis absolument au même point où j'en étais. Il n'y a pas eu de marche retrograde, parce que je n'ai jamais cherché à dépasser ce point. Si je n'ai pas rempli vos vues, j'en suis fâchée; donnez-moi de l'ambition, et je ferai peut-être autrement. Maintenant il me reste à vous répondre au sujet de mes Galitzine et vous dire ce que j'en fais. Avec Wladimir de la musique, avec Andrédu bavardage. J'ai l'honneur d'être la confidente de ses amours, et cela m'amuse. C'est un bon garçon tout-à-fait qui m'aime de tout son coeur, d'autant plus qu'il ne parle que de *lui-même* et que j'ai la complaisance de l'écouter tant qu'il veut. Je conviens que la raison n'a pas été se loger dans sa tête, mais il en a assez pour savoir parfaitement qu'on n'obtient par moi *ni place ni grade*, que je suis la p-sse Turkestanow telle qu'il me connaît depuis neuf ans et la protectrice de personne. D'ailleurs, André n'est pas en passe de vouloir quelque chose; le service d'un petit officier va son train; pour devenir colonel, il faut avoir été capitaine, et pour être capitaine, il faut avoir été lieutenant; il n'y a pas de protection qui puisse rien changer à cette marche; donc, le raisonnement de Sophie est en défaut. J'aime Wladimir cent fois plus qu'André, mais je ne le sers pas d'avantage, car il va également son chemin. Il est aide-de-camp du maréchal Barclay-de-Tolli, Dieu sait quand il sera autre chose. Il vient de retourner à son quartier-général.

Le 5 avril.

Le pauvre abbé Pinguillier est mort; on l'enterre aujourd'hui. Je voulais aller au service funèbre, mais je ne me porte pas très-bien, et il fait une humidité affreuse. Quelle perte font les pauvres en ce digne curé! Il s'ôtait le morceau de la bouche pour le leur donner; l'autre jour encore il a été au secours d'une pauvre famille de la manière la plus généreuse. Enfin, c'était bien un prêtre selon le coeur de Dieu. Maintenant que le voilà mort, il ne reste plus d'écclésiathique pour les Français; de tous les Dominicains qui sont ici, il n'y en a qu'un, je crois, qui parle leur langue: tout le reste est polonais. Il aura été droit

Библиотека "Руниверс"

au Ciel l'abbé Pingullier, il ne faut pas le plaindre lui, mais bien ceux à qui il manque si essentiellement.

M-r S. m'est demeuré hier fort longtems; il m'a conté qu'il apprenait la géographie, la statistique, l'économie politique, la physique, les mathématiques et tout ce qui finit *en ique*, pour être à même de subir l'examen nécessaire, afin d'entrer aux affaires étrangères. Il ne fait plus le difficile, il se contente du grade de conseiller de collège avec la clef de chambellan; il ne veut plus s'en aller dans les missions; il travaillera auprès de Capo d'Istria; il ne jure plus que par Capo d'Istria, s'en voit le bras droit pour l'avenir, et au fond cette protection en vaut une autre.

Le c-te Potemkine a l'intention de se fixer à Moscou; il est décidé à y acheter une maison magnifique. Aucun prix ne l'effraye; tout est chez lui sur la plus grande échelle, il parle de cent mille roubles comme nous parlons de quelques copéques. Lise l'attend à Liskova, et la vieille princesse de Géorgie a bien soin d'entretenir sa petite-fille dans les idées qui lui conviennent à elle qui ne sera pas la femme de ce sapajou. Elle écrit à la princesse Boris qu'elle prend toutes les précautions possibles pour empêcher qu'il ne parvienne à Lise quelque lettre perfide qui pût la détourner de ce mariage, de sorte que si les cousines avaient écrit quelque chose, elle ne le verra pas. Nicolas Dolgorouky jusqu'ici n'a rien répondu à André, mais il faut croire qu'il ne cesse de tourmenter sa mère; car celle-ci a dit à Bloome, qu'elle ne s'opposait plus au mariage, qu'elle donnerait même 25 mille roubles de rente de plus à son fils si la chose venait à s'arranger. Bloome a fait passer cette nouvelle à la princesse Boris qui vient d'en écrire à sa mère pour l'engager beaucoup à refuser Potemkine. Je prétends moi que c'est trop tard et qu'on fera de cette lettre tout comme de celles réputées perfides. Lise n'en aura aucune connaissance, et la vieille grand'mère, en dépit de toutes les entraves, la donnera à Potemkine pour avoir la douceur de venir demeurer avec sa petite-fille et de tenir sa maison. Il ne faut pas être sorcier pour voir que c'est l'unique but de cette princesse de Géorgie; toute vieille qu'elle est, elle n'en aime pas moins le monde et ses pompes.

Je ne sais rien de la querelle de mad. de Staël et de m-r de Rostopchine; les journaux disent que la première vient de faire une longue maladie.

Il nous est arrivé un danseur de Paris nommé *Antonin*; la direction l'a engagé pour 25 mille roubles par an et deux bénéfices; il a débuté avant-hier, et on l'a trouvé plus gracieux que Duport.

Библиотека "Руниверс"

Je vous remercie de ce que vous me dites de tendre et d'amical, mais gardez-vous bien d'être trop indulgent avec moi: cela ne me vaut rien du tout. Ne me parlez pas de faiblesse.... Hélas, je ne la sens que trop. Cependant je me suis redressée, comme je vous l'ai dit, et depuis je marche mieux.

XXXIX.

Moscou, le 14 avril 1817.

Je pleure le pauvre bon abbé Pinguillier; la colonie française perd en lui son unique pasteur, et je ne doute pas que les bons pères dominicains ne fassent regretter les Jésuites. Quelle différence de lumières! J'ai vu plusieurs couvents de Dominicains en Pologne; ils étaient tous d'une ignorance crasse. Pour la messe, cela ne tire pas à conséquence, mais pour la direction des consciences on ne saurait avoir des prêtres trop éclairés.—Il faut que le blondasse ait eu une éducation bien négligée, puisqu'à son âge on le remet à la géographie, à la physique et aux mathématiques; je ne vois pas bien clairement ce que ces deux dernières sciences ont de commun avec le droit des gens, la politique et les traités de paix; mais nous sommes dans un pays où l'on effleure tout sans rien approfondir. Ne lui aura-t-on pas fait faire un cours de théologie aussi à ce pauvre S.? Bon Dieu, comme il va écraser notre ignorance en revenant parmi nous!

Dieu veuille que la lettre de la princesse Boris arrive à tems et soit remise à Lise; je voudrais de tout mon coeur la voir princesse Dolgorouky, quand elle y devrait perdre du côté des chales et des équipages. Pauvre fille, quand cessera-t-elle d'être ballottée.

Le 3-me bal qui devait avoir lieu chez le c-te Tolstoï et qui devait être plus grand et plus beau que les deux autres, n'a pas encore été donné; je ne sais s'il est retardé ou contremandé tout-à-fait. Il s'est opéré un changement chez madame Tolstoï, qui surprend toutes ses connaissances: elle se pare beaucoup plus qu'à l'ordinaire, sort infiniment d'avantage et a un certain ton de hauteur qu'on ne lui connaissait pas à ce degré.

Elle s'est fort liée en dernier lieu avec madame Neklioudow. Que peuvent avoir de commun deux femmes d'un âge si différent? On prétend que la jeune beauté est un petit brin commère et conte, conte, conte, tant qu'on veut; si cela est vrai, je conçois qu'on écoute, qu'on écoute, qu'on écoute, tant que le sac soit vidé. Le prince Galitzine,

Библиотека "Руниверс"

premier mari de la comtesse Léon Razoumowsky, est mort Jeudy d'un épuisement général qu'il voulait relever à force de liqueurs spiritueuses et surtout de rhum; on assure qu'il en a bu deux bouteilles la veille de sa mort. Ce sera un grand repos d'esprit pour la comtesse Léon de n'avoir plus à le rencontrer et à redouter sa présence.

Il régne depuis trois jours un vent de tempête qui empêche de se promener, cependant je vais essayer de l'effronter pour gagner, si je peux, quelqu'appetit par l'exercice.

Je rentre et j'ai appris sur le boulevard la mort de la princesse de Géorgie, mère de la princesse Boris. Hélas, quand nous supposions qu'elle faisait des plans pour diriger le ménage de sa petite-fille, elle n'existait déjà plus. Voilà Lise aussi libre que l'air de choisir qui elle voudra. La lettre de la princesse Boris sera arrivée après la mort de la vieille et aura fait son effet, j'espère. Il est réellement curieux de voir quelle sera la destinée de cette jeune personne. Père et grand-mère l'appellent auprès d'eux pour lui faire conclure un mariage qu'ils veulent à toute force, et voilà que père et grand-mère meurent avant de pouvoir l'achever!

J'ai appris une autre nouvelle plus importante si elle est véritable, comme on me l'assure: il est question de bannir à tout jamais les Jésuites de Polotzk et des terres de l'Empire.

On parle aussi d'un commité pour la conversion des Juifs.

Lundy, 16 avril.

J'ai l'âme opressée, chère princesse, et je ne peux fermer ma lettre sans m'épancher encore avec vous. Je sors de chez le c-te Tolstoï où je suis allé dire adieu à Alexis, qui part demain. Depuis quelque tems on ne me laisse point sortir de cette maison sans exiger que je déclare *où je vais* et pourquoi je ne reste pas à dîner. Cette inquisition sous un voile amical et obligeant est cependant fatiguante et contraire à la politesse qui caractérise une éducation distinguée. Je me suis permis de leur dire tout à l'heure que ces questions rendaient mes visites rares, et que souvent (ce qui est vrai) j'arrivais jusqu'à la porte-cochère, et je rebroussais par réflexion pour éviter l'embarras des questions et des explications; que si on voulait bien me laisser entrer et sortir sans y faire attention, je viendrais beaucoup plus souvent et avec beaucoup plus de plaisir, et surtout que je serais beaucoup plus aimable, parce que l'embarras qui m'attend au moment du départ gêne la liberté de la conversation. Il me semble qu'on aurait dû me savoir

Библиотека "Руниверс"

gré d'une franchise exprimée du ton de l'amitié et de la confiance et se tenir pour dit que le mieux pour l'avenir serait de se conformer à mon goût. Point du tout: mari et femme ont pris feu et sont tombés sur l'objet de leur haine avec un acharnement que je ne leur soupçonnais point, et avec un tel manque d'égard pour moi, que mon coeur, d'abord blessé, a fini par se révolter *pour mon propre compte.* De quel droit ose-t-on blâmer ma conduite, fût-elle même aussi repréhensible qu'elle est innocente? A quel titre prétend-t-on règler mon jugement sur une personne que je vois chaque jour depuis huit ans et qu'on ne connaît que sur les rapports mensongers d'un malheureux prince Géorges, aussi abject dans sa conduite que bas dans ses sentiments. Tout ce qu'ils m'ont cité revient toujours à cet argent perdu par Georges et perdu chez le défunt Wassili Sergeitch Soltikow et non chez le mari de Virginie, comme ils le prétendent. Rien ne peut leur faire oublier un prétendu tort que la mort aurait dû couvrir de son ombre. Et n'ont-ils pas eu à partager dix ou douze mille paysans après le décés de ce prince Georges, faut-il conserver une haine éternelle pour une centaine de mille roubles qu'il a perdu au jeu, à l'âge de 34 ans, n'étant certainement plus mineur? Eh bien, cette perte leur sert de prétexte pour déchirer avec animosité et dénigrer avec le plus offensant dédain la personne qui sous ce même rapport d'argent a le plus souffert, et précisément la seule qui ait payé *loyalement* et rouble pour rouble toutes les pertes de son mari; tandis que le défunt Georges, par l'intercession du prince Serge, père de Théodore, n'a payé que quarante pour cent. Il y a eu tant d'orgeuil dans le ton de mad. Tolstoï, et son mari qui avait sa leçon faite l'a répétée si durement, que je m'en suis senti révolté pour moi-même et mortellement blessé pour une amie dont on ne réussirait pas à me détacher par une conduite aussi maladroite, quand bien même ses torts seraient aussi vrais qu'ils sont imaginaires. Je suis d'un caractère doux, et j'aimerais à conserver tous mes amis; mais quand ils me forceront à opter, mon choix est tout fait. Je me suis contenu et j'ai répondu avec sang-froid et sans un mot désobligeant; mais l'effort que je me faisais à été si violent que j'ai senti à l'instant une grande douleur à la tête et un poids affreux sur l'estomac. J'étais à pied, j'ai eu toutes les peines du monde à regagner mon logis, et heureusement qu'en arrivant chez moi j'ai été pris par un vomissement extraordinaire qui m'a soulagé physiquement au moins. Mais le coeur reste navré au dernier degré de la dureté de ces gens-là. Grand Dieu, ils se disent mes amis! Aucun ennemi n'aurait pu assurément me faire autant de mal. Quel est donc cet empire qu'ils voudraient s'arroger sur les esprits? J'ai hautement résisté à Markow, et s'il n'eût

Библиотека "Руниверс"

cédé à tems, je rompais avec lui des liens qui ont bien une autre date et une autre force que ceux qui m'attachent aux Tolstoï. Mais c'est que mad. Tolstoï ne prétend pas que rien lui résiste. Jamais je n'ai vu cet orgeuil sous un point de vue aussi révoltant. Je sais d'avance que le mari viendra au premier jour chez moi pour me cajoler et faire oublier tout ceci. Je ne sais ce que je lui dirai; mais il faut que toutes ces discussions finissent à jamais s'ils veulent me revoir dans leur maison.

XL.

S-t Pétersbourg, le 12 avril 1817.

Je ne sais pas trop dans quel endroit du château l'Impératrice-mère pourrait loger cet hyver si elle reste ici; car on doit faire de grandes réparations à son appartement, ce qui devait avoir lieu pendant le voyage de Moscou. Le prince Youssoupow m'a fait à moi-même la plaisanterie de la cellule que j'accepterais volontiers, car il vaut toujours mieux être chez soi que chez les autres. Mais quelle extravagance, cher Christin, de prétendre me loger à l'hôtel Markow; quand j'en mourrais d'envie, le pourrais-je en conscience? Que dirait ma tante, et que dirait la princesse Boris qui me mettrait sur sa tête si elle le pouvait? Ah bon Dieu, on me mangerait toute vive si j'allais m'installer ainsi dans votre logis.

N'allez pas vous fâcher quand je vous dirai qu'avant-hier j'ai été dîner en bonne fortune chez mad. Laval; elle m'avait invité une couple de fois en carème, et pour ne pas causer d'embarras avec mon maigre, j'ai toujours éludé ces invitations; le mari m'en avait fait de tendres reproches, et je résolus d'y aller un jour que je saurais madame toute seule, ce qui s'est arrangé Mardy. Madame Swistounow est venue me prendre, nous avons dîné sur une petite table de jeu, m-r Laval lui-même n'était pas à la maison, sa place était occupée par sa fille aînée. Je me suis fort bien trouvée de cette petite société, et tout en causant, tout en regardant les plus jolies gravures du monde, je suis restée là jusqu'à 9 heures; il est vrai que nous avions dîné juste à six. Mad. Laval a été, je vous assure, très-aimable; elle a retiré beaucoup de fruit de ses voyages, et sa conversation n'est pas dénuée d'intérêt. Elle m'a beaucoup remerciée d'être venue ainsi à l'improviste et m'a priée de venir Samedy soir assister à un spectacle que ses enfans donnent à Zéneide Wolkonsky; on jouera l'Aveugle de Spa.

Библиотека "Руниверс"

Alexandrine a de nouveau de la fièvre. Quant à Lise Kourakine, elle est à mon avis plus folle que jamais. Dernièrement elle entra dans le cabinet de sa mère où j'étais seule à causer avec madame de Thomon; en voyant entrer Lise, je tournai ma chaise vers le fauteuil où elle s'était assise sans dire un mot, et je tâchai de la faire prendre part à la conversation, mais à peine eut-elle dit quelques paroles que se levant elle voulut gagner la porte.—Restez donc avec nous, Lise; vous voyez qu'il n'y a personne qui puisse vous gêner; allons, causons.—Non, non, me dit-elle; je ne suis pas en sûreté ici, on viendrait m'assassiner.—Et pourquoi donc, je vous prie? lui dit madame Thomon.—C'est que j'ai commis un grand crime. Et voilà qu'elle nous apprend avoir tué madame de Tarente. Comment trouvez-vous cette idée? C'est de la folie bien conditionnée; aussi ne me flatté-je pas de la voir jamais mieux. La princesse Boris l'espère encore et veut consulter un médecin de fous nommé Ellison; s'il entreprend cette cure, il faudra voir ce qui en adviendra. En attendant, Kourakine est si bien accoutumé à l'état de sa femme qu'il ne lui entre pas en tête qu'elle puisse jamais être autrement. Ah, pauvre créature; quand on pense qu'elle n'a que 27 ans!

Nous avons encore des lettres de Naples très-fraîches: à peine ont elles été cinq semaines en route. Tatiana est très-bien, mais désespérée de l'absence de son mari retenu par le vent contraire depuis 24 jours à Messine où il s'ennuye comme un mort. Catherine joue de la guitare, se promène à la Villà Reale, va au spectacle; elle est enchantée d'être là, et je ne saurais assez rendre grâce à Dieu de la savoir si bien et pour sa santé, et pour son humeur.

XLI.

Moscou, le 19 avril 1817.

Le prince Youssoupow soutient toujours que la cour arrive, quoique personne n'y croye plus. Le théâtre de la Petrowka, qui devait se rébâtir cette année, est remis aux tems futurs: nouvel indice contraire à l'arrivée. Tout cela ne me touche plus depuis que je sais que vous viendrez dans tous les cas.

Cette pauvre princesse Kourakine qui a tué madame de Tarente! Cela est affreux, et je conçois que dans cette persuasion elle a peur qu'on ne l'assassine. Ce mal est un peu dans la famille, et Nicolas en tient, soyez en sûre.

Библиотека "Руниверс"

Nous avons aussi nos extravagants ici. Avant-hier un jeune Sokownine est tombé aux genoux de la princesse Wéra Wiasemsky à deux heures après-midy, au beau milieu du boulevard où était tout Moscou. Là, dans cette humble posture, il lui a demandé pardon de l'avoir offensée par des lettres d'amour, et lui a juré que s'il n'était pas le maître à l'avenir de vaincre ce sentiment, du moins il le renfermerait dans son coeur. Voilà un beau début de discrétion! Wéra a voulu prendre la chose en riant et le faire relever; mais la scène a duré, on a fait cercle, et celle qui en était l'objet a fini par être fort embarrassée et fort troublée. Le mari n'était pas là; mais le prince Théodore Gagarine, frère de Wéra, est arrivé et a dit à Sokownine qu'il lui donnerait cent coups de bâtons. On assure que celui-ci a répondu: eh, donnez, je ne demande qu'à mourir. Quelle touchante résignation! Ce genre-là est tout nouveau; j'espère pourtant qu'il ne prendra pas. Sokownine était tous les jours chez Wiasemsky l'année passée et y était très-bien reçu, comme auteur et littérateur; tout-à-coup il est devenu amoureux de la princesse; on l'a vu, et l'on s'en est moqué; mais un beau jour il a écrit la plus ardente déclaration, et Wéra, en la montrant à son mari, l'a prié de lui fermer la porte. Wiasemsky fut chez Sokownine, lui parla avec douceur et lui représenta qu'après une lettre de ce genre il ne pouvait plus le recevoir, mais qu'il ne voulait faire ni bruit ni éclat et qu'il continuerait à le voir dans le monde comme à l'ordinaire et même à aller chez lui Sokownine. Cette méthode était parfaite pour éviter tout propos, et aurait dû toucher un homme raisonnable. Mais ce fou de Sokownine, ayant tenté vainement de pénétrer chez sa belle, vient de finir par cette scène de roman fort désagréable pour la princesse Wéra. Vous jugez quelle pâture pour nos dames; on s'est fait plus de visites dans la journée d'hier pour se conter et reconter cette histoire, qu'on ne s'en fait en six mois de tems ordinaire. La vérité, le mensonge, tout est mêlé; les contes les plus absurdes ne coûtent rien en pareille occasion. Pour moi, je crois vous avoir dit le vrai et le simple de la chose. Personne n'a tort que cet extravagant qui s'en ira à la campagne, j'espère; je l'ai rencontré hier au soir à 10 heures sur le même boulevard, il déclamait, marchant à grand pas et chantait ensuite à haute voix. Je le crois fou à garder, si ce n'est à lier.

Библиотека "Руниверс"

XLII.

Moscou, le 23 avril 1817.

Je vous ai demandé que Mardy dernier m-r Sokownine s'était jetté aux pieds de la princesse Wiasemsky au beau milieu de la promenade; mais je ne savais pas que Jeudy, au moment même où je vous écrivais, la scène recommençait. On avait averti la princesse que ce bel amoureux ne quittait plus le boulevard et se proposait de répéter ses génuflexions à chaque fois qu'il la rencontrerait; en conséquence, le prince Wiasemsky fut prier m-r Tormassow d'y mettre ordre. Celui-ci recommanda l'affaire au maître de police, et Jeudy, tout étant prévenu, la princesse se rendit au beulevard escortée de sa mère, de ses soeurs, de son mari et de ses frères. M-r Sokownine y était en effet, mais bien surveillé; toute fois il ne manque point son coup et trouve moyen de venir se précipiter aux pieds de sa belle qui passe son chemin sans répondre un mot, tandis que m-r Brocker, maître de police, témoin du fait, met la main sur le délinquant et l'arrête comme perturbateur du repos public. On le conduisit chez lui, en le recommandant sérieusement à ses parents qui l'ont mené à la campagne, ce qu'ils auraient dû faire d'eux-même de la première fois. Ce qu'il y a de plaisant et que j'ai vu de mes yeux, c'est que le lendemain Vendredy il y avait plus de 500 voitures et calèches bordant les deux côtés du boulevard: tout ce qui avait des jambes marchait, tout ce qui était malade ou impotent regardait par les portières. Je demandai ce que cela voulait dire, et l'on me conta que la renommée avait porté le bruit des amours de Sokownine jusqu'aux fauxbourgs les plus éloignés, jusqu'à la Slaboda, à la Taganka, à la Ragojska, aux barrières de Kalouga et de Toula, en un mot à toutes les extrêmités de Moscou, et que l'on s'était persuadé que le coup de théâtre avait lieu chaque jour régulièrement à deux heures, en sorte que tout ce qui avait quatre bêtes à atteler et un char quelconque était venu des quatre coins de la ville pour jouir gratis de ce spectacle nouveau. Ce que l'on me disait là était vrai à la lettre: il y avait mille gens qui n'avaient pas vu le boulevard depuis le couronnement et qui se démenaient de droite et de gauche demandant à tous venants: *Sokownine est-il ici?*—et d'autres disant: *rendez-moi le service de me montrer la princesse Wiasemsky....* On n'entendait que ces mots depuis la Nikitska à la Twerskoy; or, vous sentez bien qu'il n'y avait ni Sokownine ni ombre de Wiasemsky ce jour-là; mais j'espère que vous reconnaitrez à ce trait la bonne ville qui vous a servi de berceau. Il faut voir ces sottises pour les croire.

Библиотека "Руниверс"

Vous ne me dites point si vous avez vu Kriwtzow. Votre soeur m'assure qu'il a été fait chambellan et qu'il est agrégé aux affaires étrangères de plein santé et sans passer par l'étamine de l'école. Sans doute qu'il avait fini ses études en leur saison, et il avait bien fait, car rien ne me paraît ridicule comme un écolier sur les bancs ayant barbe au menton. Parlez-moi *de ce cher Jacobin*; où l'enverra-t-on propager ses idées libérales? Il lui faut une république, dit-il; la Suisse ou les États-Unis; une cour l'incommode. De plus, il ne veut nul supérieur dans la mission où il sera, toute dépendance le gêne et l'opprime. C'est assez le goût des gens de cette sorte: sous prétexte de haïr l'autorité chez les autres, il veulent s'en saisir, attendu qu'enfin il faut bien qu'elle soit quelque part. Je lui souhaite une mission dans les cantons hélvetiques ou en Amérique. Les divisions qu'il y trouvera, les haines qu'il y verra, les intrigues, les cabales, les partis, l'intérêt public toujours sacrifié à l'intérêt de la faction dominante; les jalousies de ceux qui ne sont pas élus, leurs efforts pour entraver les magistrats dans l'exercisse de leurs fonctions et pour se soustraire à leur autorité.... tout cela lui apprendra mieux que des raisonnements à aimer l'autorité d'un seul et à apprécier le gouvernement monarchique. Les républiques ne sont belles que dans leur origine, parce qu'elles produisent quelques actions d'éclat; et encore cette beauté exige-t-elle, je crois, d'être vue à distance. Dieu sait si les contemporains de Guillaume Tell n'avaient pas beaucoup à se plaindre des hommes et des circonstances. Quant à la Hollande, le massacre du grand pensionnaire de Witt, la mort de Barnevelt prouvent que le peuple a ses fureurs-là comme ailleurs, et que les magistrats y sont sujets aux mêmes passions qui amènent les mêmes injustices. Pardon, chère princesse: où est-ce que me jette Kriwtzow! Mais enfin, autant vaut-il dire des vérités politiques que des aventures de boulevard, et ma plume va comme il lui plaît.

Библиотека "Руниверс"

РУССКІЙ АРХИВЪ

1881 ГОДА.

ТРИ БОЛЬШІЕ ТОМА.

Въ Москвѣ, на Ермолаевской Садовой въ домѣ 175-мъ, продаются оставшіеся въ небольшомъ количествѣ три тома «Русскаго Архива» 1881 года.

Цѣна по **три** рубли каждый, за всѣ **три** тома **восемь** рублей, съ пересылкою **девять** рублей.

Главныя статьи перваго тома. Разсказы современниковъ о Петрѣ Великомъ.—Русскій паломникъ Барскій, изслѣдованіе А. К. Гиляревскаго.—Записки Нѣмецкаго врача Дримпельмана о Россіи въ концѣ прошлаго вѣка.—Изъ записокъ Нѣмцевича.—Воспоминанія Н. И. Шёнига.—Воспоминанія графа М. В. Толстаго.—Біографія поэта Полежаева.—Бумаги А. С. Пушкина.

Къ этому тому приложена фотогравюра (Екатерина, ея семейство и ея приближенные) и снимокъ съ Пушкинской подлинной рукописи стихотворенія *Памятникъ*.

Главныя статьи втораго тома. Объ Англійскомъ воспитаніи, статья А. С. Хомякова.—О внутреннемъ управленіи Россіи, статья графа С. Р. Воронцова.—«Дай оглянусь», воспоминанія графа Д. Н. Толстаго-Знаменскаго.—Записки барона Ѳ. Ѳ. Торнау о Николаѣ Павловичѣ.—Разсказы современниковъ о казни Декабристовъ.—Статья митрополита Иннокентія о дѣтскомъ воспитаніи.—Взятіе Гергеля, разсказъ барона Ѳ. Ѳ. Торнау.—Бумаги А. С. Пушкина.

Къ этому тому приложена книжка «Сѣверныхъ Цвѣтовъ» 1825 г.

Главныя статьи третьяго тома. Любовныя письма XVIII вѣка къ графу Чернышеву и И. Н. Корсакову.—Біографія графа А. П. Шувалова, написалъ Д. Ѳ. Кобеко.—Воспоминанія А. С. Норова о 1812 г.—Воспоминанія А. П. Бутенева.—Великая Княгиня Елена Павловна, разсказъ барона Ѳ. Ѳ. Торнау.—Бумаги А. С. Пушкина со статьею издателя Русскаго Архива о «Мѣдномъ Всадникѣ».—Графъ Б. А. Перовскій.

Къ этому тому приложены: большая гравюра на мѣди Екатерины Великой и книжка «Сѣверныхъ Цвѣтовъ» 1826 года.

Библиотека "Руниверс"

*

Въ Октябрѣ 1879 года Русская наука понесла великую утрату въ лицѣ заслуженнаго профессора Московскаго Университета, автора «Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ», Сергѣя Михайловича Соловьева. Съ тѣхъ поръ, какъ изъ среды самаго Университета, такъ и со стороны многочисленныхъ почитателей покойнаго, разсыпанныхъ по всей Россіи, не прекращались заявленія о необходимости выразить уваженіе къ его многолѣтней и плодотворной дѣятельности наиболѣе соотвѣтствующимъ ея характеру способомъ. Заявленія о томъ поступали не только отъ ученыхъ учрежденій и обществъ, но и отъ людей, посвятившихъ себя болѣе широкой общественной дѣятельности. Память покойнаго, какъ ученаго, такъ много и съ такою славою трудившагося для науки и Россіи; его заслуги, какъ писателя, всѣми признанныя и высоко цѣнимыя; его благородный образъ мыслей и дѣйствій, и его просвѣщенный взглядъ на современные вопросы Русской жизни; его благотворное участіе въ воспитаніи многихъ поколѣній (съ 1845 по 1879 г.) Русскихъ студентовъ; высокій примѣръ самоотверженной преданности и безграничной любви къ наукѣ и отечественному просвѣщенію,—все это побуждало людей, питавшихъ уваженіе къ памяти покойнаго, ходатайствовать объ учрежденіи при Московскомъ Университетѣ стипендіи и преміи за лучшія историческія сочиненія, имѣющихъ раздаваться отъ его имени.

Нынѣ Государь Императоръ Высочайше соизволилъ на открытіе повсемѣстной въ Имперіи подписки для сбора добровольныхъ пожертвованій на составленіе капитала для учрежденія при Московскомъ Университетѣ стипендіи и преміи имени С. М. Соловьева.

Московскій Университетъ приглашаетъ всѣхъ почитателей покойнаго доставлять свои пожертвованія въ Правленіе Университета съ обозначеніемъ: назначаются ли предлагаемыя ими пожертвованія на стипендію и премію вмѣстѣ, или только на которую-нибудь изъ нихъ. Московскій Университетъ съ равною признательностію приметъ посильное приношеніе отъ учащихся, и пожертвованіе отъ людей, какъ воспитавшихся на сочиненіяхъ С. М. Соловьева, такъ и бывшихъ свидѣтелями первыхъ успѣховъ его на литературномъ и педагогическомъ поприщѣ.

*

Библиотека "Руниверс"

О ПОДПИСКѢ

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ

въ 1883 году.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ.

Въ будущемъ году РУССКІЙ АРХИВЪ будетъ издаваться, на прежнихъ основаніяхъ, шестью книжками въ годъ.

Желающіе получать РУССКІЙ АРХИВЪ въ 1883 г. обращаются **ВЪ МОСКВѢ:** близъ Тверской, по Ермолаевской Садовой, д. 175.

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ: близъ Императорской Публичной Библіотеки, по Большой Садовой, въ книжный магазинъ И. И. Глазунова.

Цѣна РУССКОМУ АРХИВУ 1883 года съ пересылкою и доставкою на домъ — **девять** рублей.

Выписывающіе РУССКІЙ АРХИВЪ въ чужіе края платятъ 12 руб. Отвѣтственность за исправную доставку принимается только при подпискѣ въ указанныхъ мѣстахъ.

Вступая въ третье десятилѣтіе своего существованія РУССКІЙ АРХИВЪ не имѣетъ надобности въ особыхъ заявленіяхъ и обѣщаніяхъ.

Вотъ содержаніе РУССКАГО АРХИВА 1882 года шести книгъ:

РУССКІЙ АРХИВЪ 1882 ГОДА *).

Юрьевъ день (о подвижности народонаселенія въ древней Россіи). Сочиненіе князя **В. А. Черкаскаго.**

Патріархъ Филаретъ Никитичъ Романовъ съ гравированнымъ большимъ его портретомъ.

*) Шесть выпусковъ Русскаго Архива составляютъ три книги, каждая съ особымъ счетомъ страницъ. Книги означены Римскою цифрою.

Библиотека "Руниверс"

Потѣшные полки Петра Великаго.

Царевна Марѳа Алексѣевна, опальная сестра Петра Великаго. Новонайденныя письма ея съ предисловіемъ и объясненіями **Архимандрита Леонида**.

Эпитафія Петру Третьему, сочиненіе **графа А. С. Мусина-Пушкина**.

Переписка **графа Н. И. Панина** съ **графомъ П. А. Румянцовымъ**.

Письма **великаго князя Павла Петровича и великой княгини Маріи Ѳеодоровны** къ графу Н. И. Панину.

Ѳедоръ Ермолаевичъ Секретаревъ. (О князѣ Потемкинѣ и Екатеринѣ Великой.

Потемкинскій храмъ Большаго Вознесенія въ Москвѣ.

Бумаги **протоіерея Петра Алексѣева**.

Къ Исторіи двѣнадцатаго года:

а) Депеши **графа Лористона** и **Блома** о ссылкѣ Сперанскаго.

б) Письмо **Н. М. Лонгинова** къ графу С. Р. Воронцову въ Лондонъ отъ 13 Сентября 1812 о внутреннихъ и военныхъ дѣлахъ.

в) Французы въ Москвѣ по разсказу **аббата Сюрюга**, съ предисловіемъ **В. Стратонова**.

Графъ **Растопчинъ** о **Вольтерѣ**.

Василій Васильевичъ Варгинъ. Статья **В. Н. Лясковскаго**, съ портретомъ Варгина.

Письма **великаго князя Константина Павловича** къ графу В. Ѳ. Васильеву.

Изъ воспоминаній **баронессы М. А. Боде** (графиня Ламотъ въ Крыму).

Процессъ королевина ожерелья.

Переписка Фердинанда **Кристина съ фрейльной княжной Туркестановой**. 1813 — 1816 годы. На Французскомъ языкѣ, въ приложеніи ко II и III-й книгамъ.

Записки **И. И. Горбачевскаго**. Изъ Тайнаго Общества Соединенныхъ Славянъ.

Императоръ Николай Павловичъ въ Вѣнѣ въ 1835 году.

И. Н. Скобелевъ о тѣлесныхъ наказаніяхъ бѣглымъ солдатамъ.

Разсказы изъ недавней старины. **И. С. Листовскаго**.

Переписка **М. П. Лазарева съ Н. Н. Раевскимъ** въ 1838 году.

Изъ памятныхъ замѣтокъ **Н. М. Смирнова**: 1842-й годъ. — Воспоминанія о Пушкинѣ и Лермонтовѣ.

Изъ Записокъ Александры Осиповны Смирновой, 1845 годъ.

Письма **М. П. Погодина** къ С. П. Шевыреву.

„Сѣверная Пчела". Историко-литературный очеркъ **П. П. Каратыгина**.

Встрѣча съ **Полежаевымъ**. Воспоминаніе **Старушки изъ степи**.

„Египетскія ночи" **А. С. Пушкина**, новые прозаическіе и стихотворные отрывки.

Стихи, приписанные А. С. Пушкину, про графиню Броліо и Кристина.

Письмо **А. С. Пушкина** къ И. А. Яковлеву.

Изъ разсказовъ **А. О. Россета** про Пушкина.

Стихотвореніе **Ѳ. И. Тютчева**: Андрею Николаевичу **Муравьеву**.

Стихотворенія былаго времени: „За деньги лгать и клясться радъ", „Братайтеся", „Подражаніе Фету" и „Гуманный внукъ".

Эпизодъ изъ крѣпостнаго права **Е. М. Деларю**.

Письма **графа Монталамбера** къ князю В. А. Черкаскому. 1859.

О царскомъ времени. Записка **М. П. Погодина** (1865).

Чего недостаетъ? **Т.**

Андрей Николаевичъ Муравьевъ о **Щаповѣ** (1862).

Записка **С. А. Хрулева** о походѣ въ Индію.

О Польскомъ катехизисѣ. (Изъ Записокъ В. А. Фонъ-Роткирха).

Добыча золота въ Россіи. **В. А. Кокорева**.

Записка **князя В. А. Черкаскаго** о Русскихъ финансахъ 1876.

Е. Ѳ. Тютчева. Некрологъ.

Дозволено цензурою. Москва, 10 Декабря 1882 г. Въ Универс. типогр. (М. Катковъ).

Библиотека "Руниверс"

1878 годъ.

КНИГА ПЕРВАЯ 1878. Воспоминанія принца **Евгенія Виртембергскаго** о послѣднихъ дняхъ Павловскаго царствованія и о событіи четырнадцатаго Декабря 1825 г.
Политическія записки и письма **графа Ѳ. В. Ростопчина.**
Записки **Марьи Сергѣевны Мухановой** о временахъ Екатерины Второй, Павла, Александра и Николая Павловичей.
Записки **Н. В. Баталина**, доктора **К. К. Зейдлица** и **В. А. Еропкина.**
Приключенія **Лифляндца** въ Петербургѣ.
Письма императрицъ **Елисаветы Петровны, Екатерины Второй,** имп. **Александра Перваго,** князя **Суворова** и проч.

КНИГА ВТОРАЯ 1878. Хивинскій и Акъ-Мечетскій походы **графа В. А. Перовскаго,** по его письмамъ.
Бумаги **С. П. Шевырева.**
Воспоминанія генералъ-адъютанта **С. П. Шипова.**
Приключенія **Лифляндца** въ Петербургѣ.
Воспоминанія о князѣ **В. А. Черкаскомъ.**
Письма **А. С. Хомякова** къ Гильфердингу.
Записка **В. А. Жуковскаго** объ Англійской политикѣ.
Похожденія монаха **Палладія Лаврова.**

КНИГА ТРЕТЬЯ 1878. Письма **Екатерины Великой** къ барону Гримму. 1774—1796.
Исторія пріобрѣтенія Амура и дипломатическія сношенія съ Китаемъ. Статья **П. В. Шумахера** (по новымъ документамъ).
Письма **А. С. Пушкина** къ С. А. Соболевскому.
Графъ Моцениго. Разсказъ **графа С. Р. Воронцова.**
Бумаги **графа П. И. Панина.**
Записки **Саввы Текели.**

1879 годъ.

КНИГА ПЕРВАЯ 1879. Петръ Первый, соч. **М. П. Погодина.**
Разсказъ **графа Н. И. Панина** объ Екатерининскомъ восшествіи.
Біографія гр. С. Р. Воронцова съ его портретомъ.
Письма **Хомякова** къ графинѣ Блудовой.

КНИГА ВТОРАЯ 1879. Наши сношенія съ Китаемъ.—Біографія Зорича съ его портретомъ.—Исторія Яицкаго войска.
Письма князя **Вяземскаго** къ Пушкину и **Булгакову.**

КНИГА ТРЕТЬЯ 1879. Памятныя Записки Ильинскаго, Андреева и Кольчугина.—Бумаги графа Румянцова-Задунайскаго, князя Потемкина и графа Перовскаго.—Уединенный Пошехонецъ.
Воспоминанія графини Блудовой. — Письма **Хомякова** къ Кошелеву и Самарину, съ портретомъ Хомякова.

1880 годъ.

КНИГА ПЕРВАЯ. Путевыя Записки Стрюйса. — Павелъ Полуботокъ. — Переписка Екатерины съ Іосифомъ. — Кавказскія воспоминанія Венюкова.—Воспоминанія Московскаго кадета.

КНИГА ВТОРАЯ. Петръ Алексѣевъ.—Записки Эйлера.—Записки и бумаги Пушкина.

КНИГА ТРЕТЬЯ. Дидеротъ и Екатерина.—Исторія крестьянства, ст. князя Черкаскаго.—Княгиня Дашкова и ея подлинныя Записки.—Новая глава „Капитанской Дочки“.

Каждая книга имѣетъ особый азбучный указатель.

Библиотека "Руниверс"

Продолжается подписка на РУССКІЙ АРХИВЪ 1883 года.

Выходитъ шестью книгами.

БЕЗСРОЧНО.

ЦѢНА ГОДОВОМУ ИЗДАНІЮ

РУССКАГО АРХИВА

девять рублей

СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ.

АДРЕСЪ: **Москва**, Ермолаевская Садовая, домъ 175-й. **Въ Петербургѣ:** книжный магазинъ И. И. Глазунова на Большой Садовой.

Цѣна каждой книжкѣ 1883 года въ отдѣльной продажѣ **два** рубля.

РУССКІЙ АРХИВЪ 1881 и 1882 годовъ, по шести книгъ съ приложеніями, продается по 9 рублей каждый, съ пересылкою.

Библиотека "Руниверс"